Характери ти
№33829
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00276349 8

Включено
в
каталог
1959

2-я Комм. Б-ка
им. Кубышева, Ковно
11876
отека
147.
К/66/2603
14348

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/literaturnyiakha00vved

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

ХАРАКТЕРИСТИКИ.

11876
891.74
В242

Арс. И. Введенскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго.
Сатиры Щедрина. Литературное Народничество.
Гл. Успенскій. Н. Златовратскій.

№ 33879
Ленинградская Центральная Библиотека
74463

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. П. Мельникова, Литейный пр., 57.
1910.

ЛЦБ 1934 г. Продлено
Проверено 1936 г.
ИЮЛ 1939
1948
LIBRARY
JUN 14 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3011
V8
1910

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе VII

Произведенія Тургенева

Отчаянный 1
Пѣснь торжествующей любви 13
Клара Миличъ 22
Стихотворенія въ прозѣ 29
И. С. Тургеневъ (по поводу его смерти) 36
Тургеневъ въ русской журналистикѣ 46

Гончаровъ.

Четыре очерка 56

Произведенія Достоевскаго.

Романъ проповѣдь „Братья Карамазовы“ 69
Ѳ. М. Достоевскій (по поводу его смерти) 82
Критики Достоевскаго 89

Сатиры Щедрина.

Господа Головлевы 120
За рубежемъ 127
Письма къ тетенькѣ 143
Современная идиллія 150
Пошехонскіе разсказы 171
Сказки 175
Пестрыя письма 182
Пошехонская старина 209
Брусинъ 250

Нѣчто о литературномъ народничествѣ. (Литературныя перспективы) 257

О народныхъ русскихъ идеалахъ 278

стр.

Глѣбъ Успенскій и И. Златовратскій. (Лит. характеристики) . . 290

Произведенія Гл. Успенскаго.

По поводу „Собранія сочиненій“ 350
Волей-неволей. 386
Скучающая публика 396
Черезъ пень колоду 403
Дохнуть некогда. Недосугъ. Кой про что 413
Осенью 423
Живыя цифры 430
Вольные казаки. Письма съ дороги 440
Грѣхи тяжкіе. 448

Произведенія Златовратскаго.

Разсказы и очерки. 456
Люди стараго поведенія 480
Мои видѣнія 496
Городъ рабочихъ 503

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ книгѣ этой помѣщены статьи, писанныя въ восьмидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія, подъ непосредственными впечатлѣніями только-что появлявшихся въ печати произведеній писателей, которымъ она посвящена. Изложеніе этихъ статей оставлено безъ измѣненій, устраненъ изъ нихъ только большею частію полемическій элементъ, для настоящаго времени уже утратившій интересъ.

Авторъ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ТУРГЕНЕВА.

„ОТЧАЯННЫЙ“.

Есть литературныя явленія, на которыя невольно обращаются всѣ взоры, которыя вызываютъ горькія размышленія и тягостныя воспоминанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какой то странной силой заставляютъ смотрѣть на настоящее, переживаемое время, не только глазами современника, участника его, живо и больно чувствующаго все печальное въ немъ, а глазами хотя и не посторонняго, глубоко и близко заинтересованнаго наблюдателя, но все же способнаго къ анализу совершающагося. Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ разсказъ Тургенева „*Отчаянный*, — изъ воспоминаній своихъ и чужихъ“. Какое удивительное впечатлѣніе производитъ онъ! Прочитавши эти двадцать страничекъ, вы уходите почти съ убѣжденіемъ, что прочли огромный томъ, мучительно пережили цѣлую длинную жизнь, прошли черезъ рядъ то воскресавшихъ, то потухавшихъ надеждъ на рѣшеніе какого-то мучительнаго вопроса. Въ разсказѣ есть что-то какъ будто недоговоренное. Недоговоренное не въ смыслѣ художественнаго впечатлѣнія, напротивъ, разсказъ производитъ впечатлѣніе въ высшей степени цѣлостное и живое, что̀ зависитъ отъ самой формы, принятой авторомъ, влагающимъ въ уста разсказчика, дяди героя, нѣсколько впечатлѣній и нѣсколько слуховъ о дѣяніяхъ героя. Разсказ-

чикъ группируетъ передаваемые факты такъ, что душевный обликъ Миши Полтева встаетъ передъ читателемъ во весь свой ростъ; читатель чувствуетъ эту мятущуюся душу „отчаяннаго". Но что̀ значитъ эта душа, откуда она пришла, и къ чему идетъ,—повидимому, остается жуткимъ вопросомъ. Тургеневъ, отъ лица разсказчика, говоритъ въ заключеніе своего разсказа: „Съ чего это все берется, предоставляю судить—именно философу"...

Характеристика одного изъ распространеннѣйшихъ русскихъ типовъ, типа „отчаяннаго" человѣка, вызвана прямо современными людьми и событіями. „Насъ было человѣкъ восемь въ комнатѣ,—и мы разговаривали о современныхъ дѣлахъ и людяхъ". Такъ начинаетъ авторъ свой разсказъ.—Не понимаю я этихъ господъ!—замѣтилъ А.:—они отчаянные какіе-то!.. Право, отчаянные... Ничего подобнаго еще никогда не бывало.—Нѣтъ, бывало,—вмѣшался П., уже старый, сѣдоволосый человѣкъ, родившійся около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія:—отчаянные люди водились и прежде, только не походили они на нынѣшнихъ отчаянныхъ. Про поэта Языкова кто-то сказалъ, что у него былъ восторгъ ни на что не обращенный, безпредметный восторгъ; такъ и у тѣхъ людей—отчаянность была безпредметная. Да вотъ, если позволите, я вамъ разскажу исторію моего двоюроднаго племянника, Миши Полтева. Она можетъ служить образчикомъ тогдашней отчаянности"... Такъ характеризуетъ авторъ различіе „отчаянныхъ" русскихъ людей прошлаго отъ „отчаянныхъ" настоящаго, повторяя въ концѣ разсказа, что Миша Полтевъ „не походилъ на нынѣшнихъ отчаянныхъ, хотя, полагать надо, иной философъ и нашелъ бы родственныя черты между нимъ и ими".

Не нужно, впрочемъ, быть „именно философомъ", чтобы невольно и неизбѣжно замѣтить родовое, генерическое сходство между „отчаянностью" прошлаго и настоящаго; не даромъ же вспомнился разсказчику этотъ Миша въ разговорѣ о современныхъ дѣлахъ и людяхъ, и не даромъ же самъ онъ указываетъ какъ на главнѣйшее различіе между ними—на „безпредметность отчаянности" въ людяхъ прошлаго, находя

въ то же время такія общія у нихъ съ людьми настоящаго черты, какъ „жажда самоистребленія, тоска, неудовлетворенность“. Такимъ образомъ, образъ Миши Полтева имѣетъ несомнѣнное значеніе для нашего времени, какъ будетъ имѣть его, быть можетъ, еще долгое время. Его тоска, его неудовлетворенность были не его только свойствомъ, а свойствомъ всего тогдашняго поколѣнія, на которое „печально глядѣлъ“ поэтъ и въ которомъ съ одной стороны жили „къ добру и злу постыдное равнодушіе“, а съ другой, въ другихъ его представителяхъ, горькое сознаніе, что „грядущее этого поколѣнія иль пусто, иль темно, что оно состарится въ бездѣйствіи, что жизнь *томитъ* его, какъ ровный путь безъ цѣли“... Миша Полтевъ является только маленькимъ представителемъ того общаго душевнаго строя прошлыхъ русскихъ поколѣній, который особенно характеристиченъ въ „Героѣ нашего времени“—да и въ самомъ Лермонтовѣ.

Вглядимся же ближе въ психическую загадку, представляемую героемъ разсказа Тургенева. Первое, что̀ представляется безпристрастному взгляду, это—воспитаніе нашего героя, не давшее ему ничего, что̀ могло бы привязать къ жизни, осмысливъ ее. Отецъ Миши, по характеристикѣ автора, былъ въ сущности мертвый, безличный человѣкъ. Вся жизнь его была только соблюденіемъ обрядовъ, съ давнихъ поръ установившихся. Онъ вставалъ и ложился, кушалъ и въ баню ходилъ, даже веселился и гнѣвался—не такъ, какъ бы ему вздумалось, не на свой манеръ, а по завѣту и преданію отцовъ. „При всѣхъ возможныхъ случаяхъ и встрѣчахъ — говоритъ авторъ — Андрей Николаевичъ несомнѣнно зналъ, какъ надо поступать, что̀ надо говорить и какія именно выраженія употреблять; зналъ, когда должно лечиться и чѣмъ именно, какимъ примѣтамъ должно вѣрить, и какія можно оставлять безъ вниманія; словомъ, зналъ все, что̀ слѣдуетъ дѣлать... Ибо все-молъ *стариками предусмотрѣно и указано—своего только не придумывай*... Мать героя, конечно, и въ помыслахъ не могла имѣть выступать изъ разъ навсегда опредѣленныхъ рамокъ жизни. Не ей, конечно, бѣдной сосѣдней барышнѣ, очень нервической и бо-

лѣзненной, бывшей въ институтѣ, игравшей на фортепьяно и говорившей по французски на институтскій ладъ,—не ей было внести смыслъ и сознаніе въ домъ стараго обрядника. Да и некогда было ей, занятой разнообразными хлопотами и недугами, придти даже къ сознанію нелѣпости ея жизни. И Миша росъ подъ такимъ режимомъ, по которому и въ святки, и подъ Новый годъ ему позволялось наряжаться вмѣстѣ съ другими „хлопчиками", и не только позволялось, но даже ставилось въ обязанность... За-то сохрани Богъ—въ другое время!..

На этой черствой и сухой жизненной почвѣ не выростаетъ правильно человѣческая душа. Мишѣ, естественно, вмѣнялось въ обязанность считать нравственностью и жизнью то, что̀ было нравственностью и жизнью въ глазахъ его отца. Если бы Миша былъ лишенъ той нервной впечатлительности, которая, помимо воли окружающихъ, создаетъ въ душѣ самостоятельныя и оригинальныя представленія, если бы онъ былъ лишенъ способнаго къ самостоятельности ума, изъ него вышелъ бы достойный преемникъ отца; онъ то же сталъ бы ходить въ баню по заранѣе установленнымъ правиламъ. Но, быть можетъ, къ его несчастію, онъ принадлежалъ къ натурамъ живымъ и нервнымъ. Внѣшнее подчиненіе неосмысленному житейскому уставу не могло мѣшать ему жить жизнью самостоятельною и постепенно пріобрѣтать отвращеніе къ насилію, которому ежеминутно подчинялась его воля. Умерли его родители. Съ чѣмъ же онъ остался? Къ жизни, которою онъ вынужденъ былъ жить, онъ чувствовалъ отвращеніе; свою создать онъ не могъ,—на это не хватило у него ни ума, ни воли, забитыхъ въ дѣтствѣ. Человѣкъ явился въ міръ безъ всякаго багажа, съ однимъ отвращеніемъ, быть можетъ, безсознательнымъ, къ прошлому. И все, что̀ было въ его натурѣ еще не убитымъ, пошло на одно: на инстинктивное, неосмысленное отрицаніе прошлаго, на безпредметную отчаянность, на совершеніе дѣяній какъ разъ противоположныхъ тѣмъ, которыя его окружали и предписывались ему въ родительскомъ домѣ. Страшно лишать

молодую человѣческую душу возможности самостоятельнаго, живого и разумнаго развитія!

„Отчаянность“ Миши Полтева близка къ дѣйствительному, настоящему отчаянію. Что̀ можетъ быть печальнѣе того, когда человѣкъ не знаетъ, куда дѣвать свои молодыя силы, когда смыслъ жизни ускользаетъ отъ него, когда все становится ему—все равно! Инстинктивно идя по пути жизни, прямо противоположному тому, который ему просто надоѣлъ своею неосмысленностію, онъ прежде всего становится не „настоящимъ помѣщикомъ“, какимъ былъ его отецъ. Онъ не скопидомъ, не хозяинъ, и продаетъ за безцѣнокъ свое родовое имѣніе. Прежней „скромности“ какъ не бывало. Облеченный въ шинель военнаго покроя, съ двухъ-аршиннымъ бобровымъ воротникомъ, съ фуражкой на бекрень à la diable m'emporte, въ коляскѣ, запряженной парой рысаковъ, съ чудовищнымъ кучеромъ на козлахъ, Миша является къ дядѣ. „Дешево спустилъ, канальство!“ говоритъ онъ о продажѣ имѣнія. „Такой подвернулся шельмецъ. Ну, да все-равно! По крайней мѣрѣ, поживу въ свое удовольствіе—и другихъ потѣшу!..“ Нужно ли говорить, что понятія Миши—неизбѣжный результатъ его прошлаго; другого идеала жизни взять ему было не откуда,—по крайней мѣрѣ, не случилось. За-то и живетъ же онъ въ свое удовольствіе,—чисто физическое, конечно! Вотъ, какъ самъ онъ рисуетъ свою „жизнь въ удовольствіе“, и вотъ какою видитъ ее дядя.

„— Ну, дяденька, я вижу, вы теперь въ меланхолическомъ настроеніи. Заверну въ другой разъ. А вы вотъ что: заѣзжайте-ка вечеркомъ въ Сокольники. Тамъ у меня палатка разбита. Цыгане поютъ... Фу ты! ну ты! держись только! А на палаткѣ вымпелъ, а на вымпелѣ ба-альшими буквами написано: „Хоръ Полтевскихъ цыганъ“. Змѣемъ вымпелъ-то вьется, буквы золотыя, всякому прочесть лестно. Угощеніе — кто только пожелаетъ!.. Отказу нѣтъ. Пыль по всей Москвѣ пошла... мое почтеніе!.. Что жъ? Заѣдете? Ужъ какая тамъ у меня есть одна... аспидъ! Черна, какъ сапогъ, злюща, какъ собака, а глаза... уголья! Никакъ не-

возможно узнать: что она—поцѣлуетъ или укуситъ?.. Заѣдете, дяденька?.. Ну, до свиданія!—

„И внезапно обнявъ и чмокнувъ меня въ плечо, Миша выскочилъ на дворъ, въ коляску, махнулъ надъ головой фуражкой, гикнулъ,—чудовищный кучеръ покосился на него черезъ бороду, рысаки рванулись, и все исчезло!

„На другой день я, грѣшный человѣкъ, поѣхалъ-таки въ Сокольники, и дѣйствительно увидалъ палатку съ вымпеломъ и надписью. Полы палатки были приподняты: шумъ, трескъ, визгъ неслись оттуда. Народъ толпился кругомъ. На землѣ, на разостланномъ коврѣ сидѣли цыгане, цыганки, пѣли, били въ бубны; а посреди ихъ, съ гитарой въ рукахъ, въ шелковой красной рубахѣ и бархатныхъ шароварахъ, юлою вертѣлся Миша.—„Господа! почтенные! милости просимъ! сейчасъ представленіе начнется! Даровое!“ — кричалъ онъ надтреснутымъ голосомъ.—„Эй! шампанскаго! хлопъ! въ лобъ! въ потолокъ! ахъ, ты шельма, Поль-де-Кокъ!“—Къ счастью, онъ не увидалъ меня, и я поспѣшилъ удалиться“...

Дядя удивляется, какъ могъ смирный и скромный мальчикъ превратиться вдругъ въ пьянаго шалопая. Но это такъ психологически неизбѣжно, что удивляться въ дѣйствительности нечему. И неизбѣжно опять, что эта линія новой, самостоятельной жизни принимаетъ какой то мрачный характеръ. „Пыль пошла отъ Миши въ Москвѣ“, въ его кутежѣ „проявлялось нѣчто неистовое, какое-то бѣшенство самоистребленія, какое-то *отчаянія*!“ Вся душа его, искавшая жизни, ушла на этотъ разгулъ, на это самозабвеніе. И что же было дѣлать человѣку, отринувшему старую жизнь и не знавшему разумной новой!

Черезъ два мѣсяца „потѣхи“, Миша является къ дядѣ въ новомъ видѣ: „въ ворота входитъ тихой поступью послушникъ...“—„Не маскарадъ это“,—поясняетъ онъ дядѣ. Миша полонъ раскаянія и отправляется въ Троицкую Сергіеву Лавру. Какъ, повидимому, ни страненъ этотъ рѣзкій переходъ отъ „бѣшенства самоистребленія“ къ послушничеству, но онъ опять психологически неизбѣженъ. Очевидно, дѣло должно было происходить такъ. Когда у Миши

деньги исчезли и пьяный угаръ прошелъ, передъ его совѣстью выяснилось все безобразіе, вся безсмысленность его жизни, къ которой, какъ мы говорили, онъ долженъ былъ придти фатально, въ силу отрицанія жизни, угнетавшей съ дѣтства его умъ и чувство. Его влекло найти новый идеалъ жизни, но гдѣ было ему взять его? И вотъ онъ, безсильный создать самъ новый складъ жизни,—совершенно серьёзно, замѣтьте,—возвращается къ тому, что̀ навѣялъ на него отчій домъ, не удаляясь даже отъ чисто-обрядовой стороны, въ которой онъ и ищетъ спасенія. Онъ собирается поступить серьёзно въ монастырь. Естественно, конечно, что при воспитанномъ въ немъ отвращеніи къ обрядовой сторонѣ такъ-называемаго благочестія, рядомъ съ отчужденіемъ отъ его духа, герой нашъ не могъ найти удовлетворенія въ стѣнахъ монастыря. Въ немъ все еще должно было жить стремленіе къ волѣ, къ простору, къ какому-то странному и безусловному торжеству прихоти. Ему ничего не стоило перемѣнить подрясникъ на военный мундиръ, и вотъ онъ юнкеромъ на Кавказѣ.

О его пребываніи тамъ составились цѣлыя легенды. Эта безпокойная и уже распущенная натура не удовлетворялась обычнымъ тихимъ складомъ жизни, обычною службою. Солдатъ онъ вышелъ плохой, даже нехрабрый,—„въ сраженіяхъ онъ имѣлъ видъ унылый и вялый, не то скучалъ, не то смущался“. Дисциплина тяготила его. И въ то же время онъ дерзокъ до сумасбродства. Авторъ объясняетъ эти странныя противоположности въ характерѣ тѣмъ, что убивать, драться, нашъ герой не могъ, потому что сердце у него было доброе,—а можетъ быть отъ того, что „хлопчатобумажное“, по его выраженію, воспитаніе его изнѣжило. „Самого себя онъ готовъ былъ истреблять всячески и во всякое время... Но другихъ—нѣтъ“. Его душитъ тоска.—Да отчего—тоска? спрашиваютъ его. Онъ отвѣчаетъ: „Какъ же, помилуйте! Придешь этакимъ образомъ въ себя, очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности и несправедливости, о Россіи... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска—хоть пулю въ лобъ! Закутишь поневолѣ“... И тяжелыя думы, и полная

немочь хоть сколько-нибудь оріентироваться среди существующихъ явленій, въ сущности отсутствіе какого-нибудь представленія объ идеалахъ жизни, кромѣ развѣ указанія на бѣдность, на несправедливость, бьющія прямо въ открытыя очи! Какая жизнь, какая, дѣйствительно, „тоска", та тоска, что̀ заставила поэта сказать:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!..

Какое удивительное мастерство, какое глубокое пониманіе души человѣка и этого отчаяннаго типа русской земли обнаруживаетъ Тургеневъ въ своемъ разсказѣ. Посмотрите, съ какой необычной рельефностью выступаетъ образъ Миши Полтева въ двухъ, трехъ штрихахъ, въ незначительномъ, почти въ нѣсколькихъ словахъ разсказанномъ поступкѣ. Разсказы о подвигахъ Миши на Кавказѣ удивительно-характерны. Въ обществѣ офицеровъ онъ сталъ какъ-то хвастаться вымѣненной шашкой, утверждать, что она—настоящій персидскій клинокъ. Завязывается споръ, и Миша готовъ на пари ѣхать къ знатоку оружія Абдулкѣ-кривому, т.-е. Абдулъ-хану, злѣйшему врагу русскихъ. И онъ поѣхалъ, и вернулся пьяный, съ новой, уже дѣйствительно персидской шашкой, подаренной ему врагомъ—прежняя оказалась не персидскимъ клинкомъ. Онъ ѣхалъ на вѣрную смерть—и спасся исключительно потому, что Абдулъ-ханъ удивился безмѣрной дерзости Миши. Дальше—онъ хладнокровно подстрѣливаетъ себѣ руку. Еще послѣ—опять безумное дѣло. По дорогѣ встрѣчается страшный оврагъ. — „Вотъ, говоритъ одинъ товарищъ, уже на что̀ Мишка отчаянный, а въ этотъ оврагъ не прыгнетъ".—И Полтевъ прыгнулъ, и только благодаря случайности остался живъ и не искалѣченъ, только плечо оказалось вывихнутымъ. Здоровье его, нужно сказать, было желѣзное.

Вышесказаннымъ характеризуется одна сторона типа „отчаяннаго". Какъ мы старались показать, этотъ повидимому сложный и мудреный типъ въ высшей степени психически ясенъ и послѣдователенъ. Что онъ выходитъ живымъ и стоя-

щимъ во весь ростъ передъ читателемъ въ изображеніи Тургенева, говорить было бы излишне, почти банально. Какимъ же онъ могъ бы выдти изъ рукъ Тургенева? Мы говоримъ о психической цѣлостности и послѣдовательности въ томъ смыслѣ, что онъ составляетъ истинный результатъ нашей жизни, что онъ понятенъ и былъ необходимъ при тѣхъ жизненныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергались многіе русскіе люди прошлаго.

Передъ читателемъ невольно возникаетъ вопросъ: что́ было бы, если бы Миша, выросши при тѣхъ же условіяхъ, отвернулся бы отъ окружающей жизни не инстинктивно, не въ силу только гнета ея на него, а сознательно, если бы онъ отрицалъ ее теоретически, и зналъ, во имя чего отрицаетъ. Трудный, конечно, это вопросъ. Былъ ли бы Миша такъ же хладнокровенъ къ личной жизни и способенъ на „самоистребленіе“? Почти неоспоримо, что онъ остался бы такимъ же совершенно, и только въ овраги кидался бы не изъ-за пари. Свойства окружающей жизни всегда отражаются на нервныхъ организмахъ съ страшною силой. Тотъ душевный разладъ, который обусловливается противорѣчіемъ самостоятельной умственной жизни, самостоятельной жизни еще молодыхъ, но сильныхъ впечатлѣній, съ жизнью окружающей, душевный разладъ, поселяемый гнетомъ послѣдней на первую, принужденіемъ перевернуть свою голову, истребить личныя впечатлѣнія, приходящія незваными и нежданными, но сильно прививающіяся къ душѣ, истребить ихъ въ пользу чужихъ душевныхъ процессовъ, чужихъ, никогда не испытанныхъ впечатлѣній и мыслей,—этотъ разладъ губительно дѣйствуетъ на молодую душу. Человѣкъ, прошедшій черезъ эту школу невыразимаго безумія, отдается беззавѣтно тому, что́ служитъ отрицаніемъ угнетавшей его жизни; онъ весь во власти отрицанія, до самозабвенія, до самоистребленія. И если на жизненномъ пути ему не встрѣтится ничего, что́ вызвало бы въ его душѣ лучшій идеалъ жизни, онъ становится жертвою „безпредметной отчаянности“. Жизнь для него исчезаетъ, теряетъ всякую цѣну.

Но и этотъ „безшабашный“ Миша Полтевъ характеризуется не одною своею отчаянностью. Можно à priori за-

ключить, что при рѣзкомъ отрицаніи всею своей жизнью того, чему учили его, онъ долженъ былъ не допускать и въ себѣ тѣхъ качествъ и свойствъ, которыя отталкивали его въ другихъ. При его воспріимчивости и нервности это—результатъ психически-обязательный. Мы, дѣйствительно, находимъ въ немъ множество чертъ, удивительно-гуманныхъ, стоящихъ какъ будто въ противорѣчіи со всѣмъ безобразнымъ складомъ его жизни. Онъ боялся дѣлать кому-либо зло, и былъ, можетъ быть, поэтому, весьма деликатенъ съ женщинами. По отношенію къ себѣ всякую деликатность онъ утратилъ, и однажды, въ дворянскомъ собраніи, выставилъ кружку съ надписью: „Всякій, кому покажется лестнымъ щелкнуть по носу столбового дворянина Полтева, можетъ удовлетворить свое желаніе, положивши рубль въ сію кружку". Любители, конечно, нашлись. И въ то же время онъ чуть не задушилъ одного изъ этихъ любителей, положившаго *одинъ* рубль и давшаго *два* щелчка, а часть собранныхъ денегъ тутъ же роздалъ другимъ голышамъ.

Случилось ему быть близъ своего родного гнѣзда, проданнаго за безцѣнокъ извѣстному аферисту. Тотъ не велѣлъ его пускать въ домъ. Миша отправился на погостъ поклониться праху своихъ родителей. Тамъ онъ, обиженный и оскорбленный, началъ рыть себѣ могилу при старомъ, прогнанномъ аферистомъ изъ дому, слугѣ Тимоѳеѣ, пришедшемъ повидаться съ барчукомъ". Аферистъ, зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, прибѣжалъ на погостъ.—Михаилъ Андреичъ,—началъ онъ:—позвольте узнать, что̀ это вы тутъ дѣлаете?

— А вотъ видите—могилу себѣ рою.—Это зачѣмъ же?—А затѣмъ, что жить больше не желаю. — Аферистъ даже руками развелъ.—Не желаете жить?—Миша грозно взглянулъ на афериста:—это васъ удивляетъ? Развѣ не вы всему причиной?... Не вы?.. Не ты?.. Не ты, Іуда, меня ограбилъ, воспользовавшись моимъ младенчествомъ? Не ты съ мужиковъ шкуру дерешь? Не ты вотъ этого дряхлеца хлѣба насущнаго лишилъ? Не ты?.. О, Господи! вездѣ одна несправедливость, да притѣсненіе, да злодѣйство... Пропадай, значитъ,

все—и я туда же! Не хочу жить, не хочу въ Россіи болѣе жить!—И лопата еще быстрѣе заходила въ Мишиныхъ рукахъ.

Аферисту едва удалось уговорить Мишу зайти въ домъ, давши обѣщаніе пригласить и Тимоѳея, напоить ихъ, и потомъ „крестьянамъ всякія льготы опредѣлить". Пьяный Миша уложенъ былъ въ телѣгу и очутился за двадцать-пять верстъ, подъ заборомъ.

Всего характернѣе попытка дяди пріютить нашего героя. Встрѣтивъ его въ толпѣ нищихъ, въ клочьяхъ, просящимъ милостыню, дядя взялъ его къ себѣ, одѣлъ, обчистилъ. Два дня Миша былъ доволенъ, но затѣмъ затосковалъ. И вся попытка усмирить этого отчаяннаго человѣка окончилась слѣдующей сценой.

Я еще не выходилъ изъ кабинета, вдругъ слышу за собой глухой и злобный голосъ:—Николай Николаичъ, а—Николай Николаичъ! Я оглянулся: у двери стоитъ Миша, съ страшнымъ, потемнѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ. Николай Николаичъ! — повторилъ онъ... (уже не „дяденька"). — Что тебѣ?—Отпустите меня... сейчасъ!—Что?—Отпустите меня, а то я бѣдъ надѣлаю, домъ подожгу, или кого зарѣжу.—Миша вдругъ затрясся.—Велите мнѣ мою одёжу возвратить. да телѣгу дайте до шоссе довезти, и денегъ какую ни на есть малость дайте!—Да развѣ ты чѣмъ недоволенъ?—началъ-было я. — Не могу я такъ жить! — закричалъ онъ . . . .—Не могу я жить въ вашемъ барскомъ, треклятомъ домѣ! Мнѣ гадко, мнѣ совѣстно такъ спокойно жить!.. Какъ это только вы выносите! — То-есть, — перебилъ я въ свою очередь:—ты хочешь сказать—безъ вина жить ты не можешь...—Ну, да! ну, да!—закричалъ онъ опять:—только отпустите вы меня къ моимъ братьямъ, къ моимъ друзьямъ, къ нищимъ! .. Прочь отъ вашей дворянской приличной, противной породы! — Я хотѣлъ-было напомнить ему объ его клятвенныхъ обѣщаніяхъ, но изступленное выраженіе Мишина лица, его сорвавшійся голосъ, судорожный трепетъ всѣхъ его членовъ,—все это было такъ ужасно, что я поспѣшилъ отдѣлаться отъ него: объявилъ ему, что ему сейчасъ выдадутъ его платье, заложатъ ему телѣгу, и вынувъ изъ ящика

двадцатипяти-рублевую бумажку, положилъ ее на столъ. Миша начиналъ уже съ угрозой наступать на меня, — но тутъ вдругъ уперся, лицо его мгновенно перекосилось, вспыхнуло, онъ ударилъ себя въ грудь, слезы брызнули изъ глазъ, и пробормотавъ: — дяденька! ангелъ! вѣдь я погибшій человѣкъ — спасибо! спасибо! — онъ схватилъ ассигнацію и выбѣжалъ вонъ".

Жизненный путь Миша закончилъ тѣмъ, что женился на дочери дьячка, бросилъ пить, „сталъ степенный, пособлялъ по хозяйству и въ огородѣ". Онъ убивался въ это время, что онъ бѣлоручка, никому добра не дѣлалъ, не помогалъ, не трудился; онъ говорилъ, что народъ, молъ, трудится—а мы что?.. Очевидно, тяжелый и безпутный опытъ привелъ Полтева къ болѣе опредѣленнымъ воззрѣніямъ на жизнь, но уже поздно, когда силы его исчезли. Не подтверждаетъ ли это обстоятельство, что Миша не былъ бы ни безпутнымъ кутилой, ни юнкеромъ, бросающимся въ оврагъ и стрѣляющимъ себѣ въ руку, если бы жизнь и образованіе заложили въ его душѣ хоть какіе-нибудь идеалы и дали ему возможность плодотворной дѣятельности.

Кого винить въ любопытной и тревожной судьбѣ русскаго „отчаяннаго" человѣка, Миши Полтева? Кто первый броситъ въ него камень? Не есть ли онъ прямое слѣдствіе жизни, отъ вліянія которой не уходилъ ни одинъ человѣкъ. Анализъ показываетъ, что герой нашъ, со всѣми противорѣчіями въ характерѣ его, былъ созданъ обстоятельствами, прямо направлявшими его на гибельный путь.

Можетъ быть, замѣтятъ, что я разбиралъ не разсказъ Тургенева, а Мишу Полтева. Но какъ мало основательны подобные упреки, догадаться не трудно. Неужели же изъ того, что̀ сказано выше, не видно, насколько художественно выполненъ разсказъ? Неужели еще нужно повторять азбуку, толковать о томъ, ка̀къ и почему произведеніе Тургенева художественно? Художественность — субъективное свойство автора гораздо болѣе, чѣмъ что-либо другое. Если въ художническомъ воображеніи автора сложился образъ цѣлостный, т.-е. если представленіе о типѣ, составляющемъ содержаніе произведенія, выработано вполнѣ, этотъ образъ психологи-

чески будетъ вѣренъ самому себѣ во всѣхъ деталяхъ,— ничего лишняго, придуманнаго и прибавленнаго въ немъ не будетъ, и ничего не будетъ пропущено, характеризующаго типъ. Если при этомъ авторъ будетъ писать не въ холодные моменты, когда его представленія блѣднѣютъ, а въ моменты сильной дѣятельности воображенія, т. е., какъ выражались прежде, въ моменты вдохновенія, это отразится ярко въ произведеніи. Въ этихъ двухъ условіяхъ—залогъ художественности произведенія, которое въпротивномъ случаѣ будетъ не полно, не ясно и не живо. Стоитъ ли повторять эту формулу безконечное число разъ? И не лучшее ли средство обнаружить и силу дарованія, и силу художественнаго выполненія именно психическимъ анализомъ изображаемаго поэтомъ лица, указаніемъ и доказательствомъ его жизненности, вѣрности природѣ и истинѣ?...

(1882).

„ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ“.

Чье искренне и горячо чувствующее русское сердце не отзовется тревожно и ожидательно на имя И. С. Тургенева? Развитіе русскаго общества пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ совершалось подъ вліяніемъ его грѣющаго, ласковаго, полнаго любви и участія къ людямъ, таланта, освѣщавшаго мягкимъ свѣтомъ трудный путь мысли, черезъ которыя прошелъ русскій человѣкъ. Не было общественнаго дѣла, въ которомъ Тургеневъ не оставилъ бы своего слѣда; не было возникавшей общественной мысли, на которую онъ такъ или иначе не отозвался бы. „Онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе,— говорилъ о немъ Добролюбовъ,—и въ своихъ произведеніяхъ непремѣнно обращалъ вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество“. Впослѣдствіи, послѣ Добролюбова, когда между Тургеневымъ и новымъ поколѣніемъ возникли какъ будто „недоразумѣнія“, для всякаго читателя было все-таки привычною мыслью, что

„если уже Тургеневъ тронулъ какой-нибудь вопросъ въ своей повѣсти, если онъ изобразилъ какую-нибудь новую сторону общественныхъ отношеній,—это служитъ ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно поднимается или скоро поднимется въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни начинаетъ выдаваться и скоро выкажется рѣзко и ярко передъ глазами всѣхъ". При этой чуткости его къ современности, съ каждымъ новымъ произведеніемъ И. С. Тургенева появлялся въ обществѣ знаменательный вопросъ: „что̀ сказалъ Тургеневъ?" Всѣ непремѣнно ожидали его слова. Иные уходили неудовлетворенными и обиженными: имъ казалось, что авторъ долженъ былъ сказать совершенно не то, что̀ сказалъ. Но привычное ожиданіе оставалось, и слѣдующее затѣмъ произведеніе возбуждало тотъ же вопросъ и тотъ же интересъ. Хотя „недоразумѣнія" настолько усилились, что одно время Тургеневъ какъ-будто оставилъ литературную дѣятельность, однакоже, и понынѣ ожиданія. почти требованія—оставались.

Неожиданно появившаяся „Пѣснь торжествующей любви" должна превзойти всякія представленія недовольныхъ Тургеневымъ. Произведеніе это не имѣетъ, повидимому, рѣшительно никакого отношенія къ нашему тревожному времени. Можно было бы по нему предположить, что И. С. Тургеневъ совершенно игнорируетъ современную русскую дѣйствительность, не находитъ въ душѣ отзыва на то, что̀ такъ тревожитъ и мучительно поражаетъ русскія сердца въ данную минуту. Ставя эпиграфомъ къ своему произведенію Шиллеровское: „Wage Du zu irren und zu träumen!" (дерзай заблуждаться и мечтать!)—Тургеневъ отдается грёзамъ, уносящимъ читателя въ далекій шестнадцатый вѣкъ, въ Италію. Можно было бы a priori сказать,—и такъ, дѣйствительно, и случилось—что новое произведеніе г. Тургенева найдетъ въ русскомъ обществѣ совершенно различные съ разныхъ сторонъ отзывы. Одни говорятъ: „это перлъ поэзіи; авторъ переноситъ насъ, съ чарующимъ искусствомъ, въ самое сердце шестнадцатаго вѣка. Читая разсказъ Тургенева, мы и представить себѣ не можемъ, что это писано имъ. Это дѣйствительная, настоящая

итальянская рукопись; въ ней все: языкъ, нравы, міросозерцаніе,— все не похоже на наше. Это изумительное воспроизведеніе чуждаго времени и чуждаго народа. И неужели же возможно требовать отъ автора, чтобы онъ не писалъ такихъ разсказовъ? Неужели же возможно ожидать, чтобы въ такомъ поэтическомъ произведеніи непремѣнно присутствовали какія-нибудь утилитарныя цѣли, даваемыя современной жизнью?" Другіе говорятъ опять: „Время ли теперь сочинять итальянскія сказки? Такой чуткій писатель, на котораго возлагалось всегда такъ много надеждъ, могъ бы отдать свой талантъ на служеніе болѣе близкимъ цѣлямъ, чѣмъ цѣли чистаго искусства. Да и при желаніи автора изобразить именно шестнадцатый вѣкъ, ему предстояли несравненно болѣе широкія задачи. Вѣкъ этотъ знаменитъ борьбой идей, охватившей все тогдашнее европейское человѣчество. Если прошлое признать поучительнымъ примѣромъ для настоящаго, живая картина идейной жизни тогдашняго времени могущественно подѣйствовала бы на читателя и, быть можетъ, освѣтила бы передъ нимъ путь къ будущему. А въ произведеніи Тургенева—только исторія любви, и нѣтъ совершенно того, что̀ тревожило тогдашнихъ людей". Вотъ приблизительно два противоположныхъ мнѣнія, вызванныхъ „Пѣснью торжествующей любви".

Послѣднее изъ нихъ, несмотря на отрицательное отношеніе къ „Пѣсни", дышетъ, однако, той вѣрой въ талантъ писателя, которая оскорблять не можетъ. Но правы ли эти требующіе? Исторія литературной дѣятельности Тургенева можетъ пояснить нѣчто.

Мы безъ особенныхъ требованій относимся, напримѣръ, къ Флоберу, и восхищаемся его древне-карѳагенскимъ романомъ „Саламбо", отличающимся именно такимъ же характеромъ, какъ и „итальянская рукопись" И. С. Тургенева. Мы признаемъ египетскіе романы Эберса. Мы безъ особенной строгости относимся къ романамъ Вальтеръ-Скотта и читаемъ ихъ, даже болѣе—образуемся на нихъ. Мы читаемъ гоголевскаго „Тараса Бульбу" и вполнѣ фантастическаго „Вія"— и восхищаемся ими. Почему же мы не признаемъ за Тургеневымъ права написать фантастическую повѣсть изъ итальян-

ской жизни шестнадцатаго вѣка? Между тѣмъ, дѣйствительно, онъ всѣмъ своимъ литературнымъ направленіемъ какъ бы оправдываетъ такое отношеніе къ нему; съ его именемъ какъ то не вяжется представленіе о повѣстяхъ изъ давнихъ временъ. Въ его произведеніяхъ читатели — повторяемъ — привыкли искать непремѣнно отвѣта на то, что̀ тревожитъ всѣ умы и всѣ сердца въ данную минуту. Но вѣдь не въ одномъ этомъ дѣло. Ища своихъ отвѣтовъ, читатели могли, въ концѣ концовъ, предъявить такія требованія, удовлетворять которыя никакой писатель совершенно не обязанъ. Нѣчто подобное и случилось съ И. С. Тургеневымъ, и привело его къ праву отказаться отъ удовлетворенія тѣхъ ожиданій, съ которыми относились къ нему читатели.

Когда первенствующей задачей нашей жизни было распространить въ обществѣ сознаніе необходимости уничтожить рабство, Тургеневъ, своими „Записками Охотника", убилъ возможность оправдывать его неспособностью народа къ свободѣ. Рядомъ слѣдовавшихъ, затѣмъ, превосходныхъ характеристикъ онъ показалъ элементы, изъ которыхъ слагалась русская жизнь. Въ Рудинѣ онъ освѣтилъ безплодное положеніе мыслящихъ людей въ сонливомъ и равнодушномъ обществѣ, не подчиненномъ вліянію могущественныхъ идей и цѣлей; въ „Наканунѣ" онъ указалъ практическій идеалъ, созданный иными условіями жизни, вызвавшими на борьбу и давшими страстныя стремленія,—поставилъ вопросъ о „настоящемъ днѣ" русской жизни. И до этихъ поръ читатели были имъ довольны. Но, затѣмъ, начинается періодъ „недоразумѣній". Заря „настоящаго дня" выразилась въ русской жизни рѣзкимъ отрицаніемъ всего, что̀ тормазило развитіе ея; въ поэтическихъ созерцаніяхъ Тургенева возникъ образъ Базарова, крайняго типа въ средѣ новаго поколѣнія, готоваго смѣнить „отцовъ". Съ Базаровымъ появляется на сценѣ идейной жизни общества „разночинецъ", „не баринъ", уже давно и долго подготовлявшійся жизнью и формировавшійся, но выступившій тутъ въ литературѣ въ первый разъ съ заявленіемъ своихъ правъ и отрицаніемъ всего склада жизни, созданнаго вѣковымъ рабствомъ народа, съ одной стороны, и

разлагающимъ рабовладѣльчествомъ — съ другой. Въ этомъ именно обстоятельствѣ и заключается причина страннаго отношенія, которое вызвали къ себѣ „Отцы и Дѣти“. Базаровъ былъ явленіемъ въ литературѣ совершенно новымъ и почти неожиданнымъ; до него „разночинцы“ являлись въ ней или въ качествѣ угнетенныхъ мелкихъ чиновниковъ, или облагодѣтельствованныхъ „господами“ лицъ, чувствующихъ надлежащую благодарность, или же не чувствующихъ таковой, и потому „неблагодарныхъ“. Въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ разночинецъ является съ гордо-поднятой головой и съ презрительной усмѣшкой на губахъ; онъ не придаетъ ровно никакого значенія украшенію ногтей и всей вообще кирсановской „порядочности“, comme-il-faut'ности; въ этомъ, собственно, и лежатъ основанія характернѣйшихъ чертъ новаго типа, олицетвореніе котораго составляетъ истиннѣйшую заслугу Тургенева. Базаровымъ кончается періодъ дворянской литературы, роль дворянскихъ типовъ. Молодой Кирсановъ, другъ Базарова, возвращается къ отцамъ, заканчивая попытки рабовладѣльцевъ стоять во главѣ мыслительной жизни русской земли. Времена измѣнились. Между тѣмъ, Базаровъ послужилъ первымъ поводомъ къ нападеніямъ на Тургенева, съ тѣхъ поръ не прекращавшимся.

Настали смутныя времена; разросталась борьба идей, рабство пало, сословныя тенденціи выражались въ цѣломъ рядѣ литературныхъ явленій, имѣвшихъ непреложнѣйшее стремленіе отстоять отжившую жизнь указаніемъ на крайности и увлеченія новаго теченія общественной мысли. Но было уже поздно. Литература „разночинцевъ“ росла и укрѣплялась, разлагая крѣпостническій складъ понятій. Новой литературѣ не могли не быть свойственны тѣ же пороки, которые украшали и литературу старую: „новые люди“ нисколько не меньше „старыхъ“ хвалили себя. Прежде воспѣвались красивые усы и стройныя ножки, условное приличіе и чопорность. Теперь появились головы съ растрепанными волосами, приличіе уступило мѣсто грубо-высказываемой правдѣ. Новые герои и знать не хотѣли манерности и прилизанности старыхъ. Со стороны старой литературы началось

74463
Ленинградская
Центральная библиотека
имени Лассаля 3
№ 33879

обличеніе растрепанныхъ волосъ, обвиненія въ безвѣріи, развратѣ, разрушеніи всякихъ устоевъ жизни. Литература стараго направленія была права только въ одномъ смыслѣ—пришествіе новыхъ героевъ обозначало конецъ господства старыхъ идей. Борьба эта продолжалась непрерывно болѣе двадцати лѣтъ. Литература же „разночинцевъ“ въ это время восхваляла часто неопредѣленныя стремленія, только и замѣчательныя отрицаніемъ отживавшей жизни. Несмотря на всѣ увлеченія, жизненность стремленій была, очевидно, все таки на сторонѣ литературы молодой.

Въ этой сумятицѣ Тургеневъ занялъ центральное положеніе. Какъ прежде дворянскій бытъ Ласунской и бродячій характеръ Рудина изображены имъ далеко не привлекательными чертами, такъ и теперь ни новые, ни старые люди не подкупили его. Въ аналитическомъ талантѣ Тургенева лежали задатки болѣе отрицательнаго отношенія къ жизни, чѣмъ положительнаго. Художникъ, онъ отражалъ жизнь въ разнообразныхъ ея направленіяхъ; какъ мыслящій человѣкъ, онъ не относился съ ложнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ чертамъ жизни, которыя были не симпатичны ему. Въ его произведеніяхъ отражалась жизнь такою, какою онъ ее представлялъ себѣ. Въ „Дымѣ“ есть отрицаніе отживающихъ элементовъ общества; но не меньшему отрицанію подвергались и подпадавшія наблюденію несимпатичныя стороны „новыхъ людей“, совершенно такъ же, какъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ представитель традицій, дядя Кирсановъ, не идеалъ, но и Базаровъ надѣленъ далеко не одними хорошими чертами. Отъ многихъ изъ нихъ нѣкоторымъ представителямъ новаго движенія показалось необходимымъ отказаться. Но едва ли Тургеневъ былъ совершенно неправъ. Въ „Нови“, среди новыхъ людей, читатель находитъ всякихъ—и хорошихъ и дурныхъ людей, какъ именно должно быть въ жизни. Насколько хороши старые люди въ романѣ — Калломѣйцевы, говорить не нужно. И несмотря на видимо сочувственное въ общемъ отношеніе къ молодымъ силамъ нашего общества, Тургеневъ даже и за „Новь“ подвергся нападеніямъ. Между тѣмъ, онъ никогда не

былъ солидаренъ съ рѣзкимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ новымъ направленіямъ мысли.

Создалось странное для писателя положеніе. Отъ него требовали — сочувствія. Какъ искренній художникъ, онъ могъ изображать жизнь такою, какою онъ ее зналъ и представлялъ себѣ. Сочувствіе его могло бы выразиться въ изображеніи хорошихъ сторонъ и скрытіи дурныхъ. Но это — не пріемъ искусства. Раскрывая дурныя стороны новаго поколѣнія, художникъ, между тѣмъ, предполагалось, могъ вредить дѣлу общественнаго развитія. Что оставалось дѣлать писателю? Если въ немъ хоть разъ зародилось бы сомнѣніе въ вѣрности его воззрѣній на жизнь, онъ долженъ былъ, очевидно, отказаться отъ ея изображенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ писателю представлялись цѣлыя сферы искусства, не стоящія въ ближайшемъ соприкосновеніи съ злобами дня. И вотъ онъ переходитъ къ этимъ сферамъ. Но этимъ онъ вызываетъ упреки въ томъ, что игнорируетъ вопросы минуты... Не странное ли дѣло! Писатель изображаетъ современную жизнь, какъ представляетъ ее себѣ; ему говорятъ, что онъ не понимаетъ ее. Избираетъ онъ другія сферы жизни — его упрекаютъ, что онъ не изображаетъ жизни современной. Согласитесь, что это не совсѣмъ раціональный способъ отношенія къ писателю!

Такимъ образомъ, по самому положенію И. С. Тургенева въ современной литературѣ и по всему смыслу исторіи его литературной дѣятельности, онъ долженъ былъ придти къ инымъ сюжетамъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Но разъ мы на этой точкѣ зрѣнія, новое произведеніе Тургенева представляется однимъ изъ тѣхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, на которыхъ устремляются взоры всего читающаго міра. Если устранить фантастическій элементъ, оно представится полнымъ тонкаго психологическаго анализа и превосходныхъ частностей. Но фантастическій элементъ въ разсказѣ такъ идетъ къ той эпохѣ и такъ тѣсно слитъ съ дѣйствительностью, что раздѣлять ихъ невозможно. Читатель съ глубокимъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ драмы, онъ весь подъ впечатлѣніемъ описываемыхъ событій. Иллюзія

такъ велика, что читатель какъ бы видитъ передъ собою всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; его глаза прикованы къ нимъ. Странное и гнетущее впечатлѣніе производитъ сцена, въ которой мертвый Муцій, „съ мертвеннымъ лицомъ, съ руками, висѣвшими, какъ у мертвеца, — но переступавшій... да! переступавшій ногами, и, посаженный на коня, держится прямо“... Читатель не можетъ освободиться отъ того впечатлѣнія, что какъ будто бы эта фантастическая исторія дѣйствительно когда-то произошла и теперь снова повторяется передъ нимъ. Трудно вѣрить, трудно допустить, что разсказъ написанъ въ наше время и нашимъ современникомъ. Вѣрится, что Тургеневъ не писалъ, а дѣйствительно „вычиталъ его въ одной старинной итальянской рукописи“.

Относительно того мнѣнія, что автору лучше было бы отразить не одни суевѣрія того времени, когда совершилась эта драма торжествующей любви, а тогдашнюю борьбу идей, тогдашнія чаянія и стремленія людей, — сказать что-нибудь мудрено. Не знаемъ, быть можетъ, было бы и лучше. Но этого не случилось, и мы имѣемъ передъ собою фактъ, который передѣлать невозможно. Однакоже не мыслимо, чтобы такъ художественно, съ такой глубокой психологической правдой написанный разсказъ прошелъ безслѣдно для читателя въ смыслѣ даже и утилитарномъ. Впечатлѣнія отъ подобныхъ великихъ поэтическихъ произведеній не проходятъ безслѣдно; образы, внесенные ими въ душу человѣка, не исчезаютъ. И потому представляется не безъинтереснымъ вопросъ, что оставитъ въ душѣ читателя этотъ полуфантастическій, полудѣйствительный разсказъ, невольно и неотразимо овладѣвающій ею.

При всей законности той литературы, которая беретъ на себя тяжелыя задачи изученія окружающей жизни прямо съ цѣлью развитія общественнаго самосознанія, она не имѣетъ исключительнаго значенія въ дѣлѣ искусства, въ дѣлѣ прогресса человѣческой мысли. Детальное изученіе жизни не дается безъ общихъ и обширныхъ заключеній. Безъ теоріи притяженія, охватывающей весь міръ, не было-бы возможно ни пониманіе явленій микроскопическаго міра, ни

великихъ астрономическихъ законовъ... Такъ и въ области художественнаго творчества. Изученіе жизни сооружается на основаніи всеобъемлющихъ художественныхъ образовъ, создаваемыхъ или цѣлымъ народомъ, или его геніальными представителями, и такіе образы даютъ руководящую нить, принципъ, безъ котораго изученіе частныхъ явленій недоступно. Шекспировскіе типы такъ много объясняютъ душѣ человѣка, что цѣлый міръ, до нихъ неизвѣстный, открывается передъ нею. Оттого-то такъ могущественно дѣйствуютъ на душу вѣчные образы еще древняго искусства. Образъ Прометея овладѣваетъ воображеніемъ и умомъ на всю жизнь человѣка. Кто не испыталъ на себѣ дѣйствіе народной поэзіи, полной фантастики, залагающей въ душѣ неотразимыя представленія? Люди, воспитавшіеся подъ вліяніемъ этихъ поэтическихъ образовъ, какъ-то человѣчнѣе, глубже. Кто не испыталъ ихъ плодотворнаго вліянія, тотъ потерялъ половину своей духовной жизни, и многія душевныя движенія непонятны и недоступны ему.

Примѣнимо ли къ новому произведенію Тургенева это понятіе общечеловѣческаго произведенія, объясняющаго душу человѣка? Намъ кажется, этотъ вопросъ несомнѣнно рѣшается утвердительно относительно всякаго дѣйствительно художественнаго произведенія. Вы можете прочитать множество книгъ, имѣющихъ цѣлью вселить въ васъ извѣстную мысль; но отъ нихъ ничего не останется въ вашей душѣ, а самая мысль не будетъ глубоко понята и почувствована вами. Но, прочитавши фантастическую сказку И. С. Тургенева, вы не отрѣшитесь отъ навѣянныхъ ею на васъ мыслей и чувствъ. Къ вашей душѣ приближается этотъ процессъ душевной бури, прошедшей въ молодой душѣ героини, и вы чувствуете, что онъ прошелъ не задаромъ. „Торжествующая любовь“ врывается въ начинавшую застаиваться прочно сложившуюся жизнь. Она нарушаетъ ея теченіе, освѣжаетъ душу суровымъ потрясеніемъ, а въ результатѣ получается опытность, душевная сила и „трепетъ новой, зарождающейся жизни“, до того времени бывшей невозможною. Пусть эта сказка не величественное, не могущественное произведеніе Гете, Байрона,

Шекспира, но оно несомнѣнно изъ числа тѣхъ, мимо которыхъ не проходитъ равнодушно и безъ волненія читатель. Фантастичность ничему не мѣшаетъ. Читатель самъ подставитъ, каждый по-своему, вмѣсто малайца, чаръ и восточныхъ храмовъ, ему близкія и понятныя обстоятельства, а мысль, впечатлѣніе — останутся, разбудивъ жгучимъ чувствомъ воображеніе читателя.

Допустимъ, что въ наше время не до сказокъ. Но въ исторіи всемірной литературы есть свидѣтельства могущественнаго вліянія на умы и сердца поэтическихъ образовъ въ такіе моменты. Въ 1348 году Флоренція гибла жертвой страшной моровой язвы. Отчаяніе было обычнѣйшимъ явленіемъ того времени. Въ ежеминутной близости смерти общество находило поводъ къ нему. Начался развратъ, какъ свидѣтельство неуваженія къ жизни, столь легко теряемой. Привычка къ мысли о смерти породила это неуваженіе; жизнь теряла цѣну. И въ это именно время происходили „dix journées galantes“ незабвеннаго Боккачіо...

Произведеніе Тургенева займетъ въ нашей литературѣ значительное мѣсто. Въ немъ нѣтъ современныхъ героевъ и героинь, ни насильно навязываемой читателю мысли, зато есть горячее воображеніе и человѣчное чувство.

(1881).

„КЛАРА МИЛИЧЪ“.

Повѣсть И. С. Тургенева „Клара Миличъ“ принадлежитъ къ поэтическимъ перламъ, свидѣтельствующимъ о полной еще силѣ поэтическаго таланта автора. Съ какою удивительною рельефностью встаютъ передъ вами образы и Клары Миличъ, и несчастнаго Аратова, и его тетки „Платоши“, и общаго знакомца ихъ, нѣмца Купфера! И чѣмъ болѣе читаете и вчитываетесь вы въ эту чудную полуфантастическую исторію, тѣмъ съ бо́льшею ясностью и опредѣленностью выступаютъ передъ вами ея дѣйствующія лица, тѣмъ больше смысла находите вы въ нихъ, тѣмъ жизненнѣе и сильнѣе впечатлѣніе.

Мельчайшія детали лицъ и положеній выясняются, раскрываются передъ вами, и какое-то чувство горькое, сжимающее сердце тоскою, овладѣваетъ вами. Быть можетъ, при поверхностномъ, поистинѣ „легкомъ“ чтеніи, безъ думъ и размышленій, безъ испытующаго взгляда въ глубину отношеній между главными дѣйствующими лицами, въ ихъ душу, безъ стремленія понять смыслъ повѣсти, разсказанной однимъ изъ наиболѣе чуткихъ къ жизни писателей — быть можетъ, этого чувства читатель и не испытаетъ. Тогда онъ, конечно, не пойметъ, что повѣсть г. Тургенева принадлежитъ къ результатамъ тѣхъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“, которыя во всякомъ живомъ человѣкѣ находятъ откликъ и привѣтъ.

Въ повѣсти Тургенева нѣтъ тенденцій, съ которыми такъ свыклась современная русская литература, и потому повѣсти грозитъ не повсюду ласковый пріемъ, если судить по прежнимъ примѣрамъ. Какъ извѣстно, „Пѣснь торжествующей любви“ вызвала суровые отзывы: было напечатано даже, что написать „Пѣснь торжествующей любви“ значило пропѣть самому себѣ „лебединую пѣснь“. Факты не подтвердили и не могли подтвердить столь страннаго мнѣнія. Удивительно, что прежде Тургеневу не ставились въ вину и не возводились въ „лебединыя пѣсни“ произведенія болѣе безцвѣтныя и безсодержательныя. Помните ли прелестный, но, ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ отношеніи, немогущій идти въ сравненіе ни съ „Пѣснью торжествующей любви“, ни съ „Кларой Миличъ“ — разсказъ „Три встрѣчи“, написанный очень давно и, вообще говоря, сравнительно неотличающійся содержательностью? И кто же, и когда ставилъ Тургеневу въ упрекъ это произведеніе? Такое ужъ тенденціозное время переживаемъ мы! Между тѣмъ, въ послѣдніе годы остались малозамѣченными даже такія произведенія Тургенева, какъ „Наши послали“ — разсказъ, проникнутый глубокимъ пониманіемъ души человѣческой и сочувствіемъ къ обездоленнымъ рабочимъ классамъ Парижа, вышедшимъ на гибельную борьбу со Второю Республикою въ іюльскіе дни.

„Клара Миличъ“ по своему внутреннему смыслу глу-

боко трагическая исторія. Еслибъ вы встрѣтились съ нею лицомъ къ лицу въ живой дѣйствительности, а не въ повѣсти Тургенева, вы, безъ сомнѣнія, были бы потрясены глубоко. Мнѣніе, что съ талантомъ Тургенева не стоило останавливаться на подобныхъ жизненныхъ явленіяхъ, совершенно несправедливое мнѣніе: съ одинаковымъ правомъ тогда можно было бы утверждать, что Шекспиру не стоило останавливатьтя на Гамлетѣ, Байрону на Чайльдъ-Гарольдѣ, Гёте на Фаустѣ, Гоголю на Акакіѣ Акакіевичѣ и Чичиковѣ, Островскому на Катеринѣ (въ „Грозѣ"), Гончарову на Обломовѣ и пр. и пр. Въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе къ современнымъ задачамъ общества можетъ имѣть, напримѣръ, вся исторія пріобрѣтенія Чичиковымъ мертвыхъ душъ? Есть, въ сущности, толька одна задача, въ разрѣшеніи которой роль литературы дѣятельна и могущественна: эта задача — самосознаніе общественное. И если поэтъ сильно, поэтично и художественно отражаетъ дѣйствительность въ той или другой сферѣ, этимъ самымъ уже онъ даетъ обществу возможность увидѣть себя, какъ въ зеркалѣ, и убѣдиться, быть можетъ, въ ложности своихъ воззрѣній.

Въ повѣсти Тургенева передъ нами весьма обыкновенная, хотя и трагическая исторія, и вся сила повѣсти въ художественномъ воспроизведеніи лицъ и событій. Если эту исторію разсказать такъ, просто, безъ истиннаго и яркаго освѣщенія, она скажетъ сердцу читателя, быть можетъ, совсѣмъ иное; но дѣло поэта въ томъ и состоитъ, чтобъ раскрыть внутреннее содержаніе и значеніе жизненнаго явленія. Въ Кларѣ Миличъ, т.-е., собственно, Катеринѣ Миловидовой, изображена страстная, живая, необыкновенно талантливая натура. Она не мирится съ повседневною пошлостью прозябанія, ищетъ иной жизни для ума и сердца. Въ той общественной средѣ, въ которой она выросла и развилась, ей некому было указать задачи, достойныя человѣческаго существованія. Но она, все таки, не мирится съ своимъ домашнимъ существованіемъ и убѣгаетъ съ какою-то актрисою изъ родительскаго дома, жизнь въ которомъ не возбуждаетъ въ ней симпатій и уваженія. Но въ той средѣ, гдѣ она очутилась, оставивъ

родной домъ, она встрѣтила все то же, что и дома. Естественно, что инстинкты и стремленія ея, при всей честности ея натуры, получаютъ преувеличенное развитіе въ сторону личной жизни. Это такая старая исторія — облагороженныя личныя стремленія, такая старая штука — любовь, возводимая въ идеалъ жизни, что не понимать ихъ въ отношеніи энергической и страстной „простушки“, въ родѣ Катерины Миловидовой, невозможно. Дѣвица со всею своею страстью и энергіей ищетъ удовлетворенія своей жизни въ любви. Она знаетъ, какъ нужно любить, что не всякаго любить слѣдуетъ; она говоритъ, что если встрѣтитъ человѣка, достойнаго любви ея, то завоюетъ, „возьметъ“ его и свое счастье. Такимъ человѣкомъ ей показался Яковъ Аратовъ, съ которымъ она и всего-то два раза встрѣтилась, сынъ „ученаго“ и самъ ученый, совсѣмъ кабинетный человѣкъ, незнающій ни жизни, ни женщинъ, еще недумавшій о семейной жизни. Человѣкъ онъ непосредственно честный, способный на все доброе, но могущій, по незнанію, сдѣлать и многое злое. И вотъ онъ-то получаетъ отъ Клары письмо, приглашающее его на „свиданіе“. Чудаку-нелюдиму, естественно, представляется поступокъ Клары черезчуръ смѣлымъ, непонятнымъ; онъ даже не хочетъ идти на свиданіе, но идетъ подъ давленіемъ еще недостаточно сознаннаго, но сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него Кларой. Встрѣча ихъ вышла, разумѣется, нелѣпою, такъ какъ другъ друга они совсѣмъ не понимали. Аратовъ, думая видѣть передъ собою легкомысленную и пустую особу, говоритъ ей, что онъ „удивляется“, но все-таки „готовъ выслушать“ и „быть полезнымъ“; самолюбіе его страдаетъ отъ мысли, что она подумаетъ: „мнѣ стоило знакъ подать — и онъ тотчасъ прибѣжалъ!“. А она? Передаемъ перо въ руки Тургенева, съ поразительной глубиной передавшаго эту сцену и нѣсколькими штрихами поясняющаго весь характеръ Клары;

„Но при послѣднихъ его словахъ Клара внезапно къ нему обернулась — и онъ увидалъ такое испуганное, такое глубокоопечаленное лицо, съ такими свѣтлыми, большими слезами на глазахъ, съ такимъ горестнымъ выраженіемъ во-

кругъ раскрытыхъ губъ — и такъ было это лицо прекрасно, что онъ невольно запнулся, и самъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ испуга — и сожалѣнія, и умиленія.

„— Ахъ зачѣмъ... зачѣмъ вы такъ... промолвила она съ неотразимо искренней и правдивой силой — и какъ трогательно зазвенѣлъ ея голосъ! — Неужели мое обращеніе къ вамъ могло оскорбить васъ... неужели вы ничего не поняли?.. Ахъ, да! Вы не поняли ничего, вы не поняли, что я вамъ говорила, вы Богъ знаетъ что вообразили обо мнѣ, вы даже не подумали, чего мнѣ это стоило — написать вамъ!.. Вы только о себѣ заботились, о своемъ достоинствѣ, о своемъ покоѣ!.. Да развѣ я... (она такъ сильно стиснула свои поднесенныя къ губамъ руки, что пальцы явственно хрустнули)... Точно я какія требованія къ вамъ предъявляла, точно нужны были сперва разъясненія... „Милостивая государыня“... „мнѣ даже удивительно“... „я могу быть полезнымъ“.. Ахъ, я безумная! Я обманулась въ васъ, въ вашемъ лицѣ!.. Когда я увидала васъ въ первый разъ... Вотъ... Вы стоите... И хоть бы слово! Такъ-таки ни слова?

„Она умолкла... Лицо ея внезапно вспыхнуло и такъ же внезапно приняло злое и дерзкое выраженіе.—Господи! какъ это глупо! — воскликнула она съ рѣзкимъ хохотомъ. — Какъ наше свиданіе глупо! Какъ я глупа... да и вы... Фуй!

„Она презрительно двинула рукою, словно отстраняя его прочь съ дороги и, минуя его, быстро сбѣжала съ бульвара и исчезла“.

Какою жизненностью вѣетъ отъ этой простой, но чудной сцены! Тутъ вся Клара Миличъ, съ ея идеальностью и энергіей натуры. А чудакъ-нелюдимъ и послѣ этой сцены, когда ему уже было невозможно забыть это прекрасное лицо съ горестнымъ выраженіемъ, эту прекрасную душу, такъ внезапно на мгновеніе раскрывшуюся передъ нимъ — онъ и послѣ чувствовалъ свое самолюбіе еще болѣе уязвленнымъ; его роль была дѣйствительно незавидна.

Прошли два, потомъ три мѣсяца, и Аратовъ узналъ изъ газетъ, что Клара отравилась и умерла на сценѣ, играя „съ ядомъ внутри“ какую-то пьесу; его чувство проснулось

съ болѣзненною и страшною силой. Неотразимое чувство ведетъ его постепенно черезъ рядъ испытаній и страданій, которыхъ онъ самъ ищетъ: онъ, нелюдимъ и домосѣдъ, ѣдетъ въ Казань, чтобъ узнать обстоятельства смерти Клары; онъ ѣздитъ къ Купферу, „чтобъ поговорить о Кларѣ“; нервное возбужденіе его растетъ, вырастаетъ до ужасныхъ размѣровъ; начинаются галюцинаціи, которыя, при болѣзни сердца героя, естественно становятся для него источникомъ смертельной болѣзни. Все это такъ просто и понятно, такъ нерѣдко бываетъ (фантастичность, неиграющую, прочемъ, никакой преобладающей роли, мы оставляемъ въ сторонѣ), что тутъ и удивляться нечему; удивительна только сила психическаго анализа, съ которою авторъ раскрываетъ душевную жизнь Аратова, да яркость воображенія автора, съ необыкновенною силой воспроизводящаго передъ читателемъ эту душевную жизнь. Смыслъ повѣсти, если ужъ его непремѣнно желательно опредѣлить болѣе или менѣе ясно, болѣе или менѣе въ точныхъ выраженіяхъ—въ отношеніи воли и мысли персонажей къ ихъ чувству. Клара полюбила сознательно и довѣрчиво Аратова, но когда поняла, что она ошиблась въ человѣкѣ и не хотѣла уже любить его, то оказалось, что вырвать чувство ей не удалось. Аратовъ, съ своей стороны, не можетъ освободиться отъ чувства, внезапно и сильно, хотя и поздно захватившаго его.

Роптать на автора за то, что герои его не слѣдуютъ современнымъ требованіямъ, не подчиняютъ своихъ чувствъ разуму, трудно и не приходится; приписывать ему ту мысль, что чувство преобладаетъ всегда надъ разумомъ, и что это—хорошо (такъ нерѣдко поступаетъ наша современная критика), возможно еще менѣе. Авторъ можетъ просто отвѣтить, что „такъ бываетъ въ жизни“, что онъ художественно воспроизводитъ, а не хвалитъ и не порицаетъ явленій жизни, и что каждый уже самъ долженъ видѣть, заслуживаютъ ли они сочувствія или порицанія. Критика наша, случалось, взваливала отвѣтственность за дѣйствующихъ лицъ на автора, и теперь возможенъ упрекъ ему, что его въ высшей степени симпатичная Клара поступаетъ непохвально: она должна

была бы, если она хороша дѣйствительно, посвятить свои силы живому общественному дѣлу, а не какой-то любви, которой она жертвуетъ всѣмъ, не исключая самой жизни. Но авторъ скажетъ опять, что Клара дѣйствительно прекрасна: умна, страстна, энергична; что эгоизмъ ея, выразившійся въ преданности одному личному чувству, не мѣшаетъ ей имѣть всѣ помянутыя прекрасныя качества; что онъ рисовалъ типы, а не идеалы, и не можетъ приписывать типамъ идеальныхъ чертъ, которыми они не обладаютъ; что, наконецъ, онъ вовсе не хочетъ и не хотѣлъ хвалить или порицать героиню, а изображалъ ее такою, какова она есть; и если она, все-таки, нравится читателю — не вина автора.

Очевидно, что не автора, а жизнь нужно винить въ томъ, что дѣйствующія лица повѣсти отличаются такими свойствами, которыя дѣлаютъ безполезными даже ихъ лучшія качества. Жизнь, дѣйствительно, легла тяжелымъ, гнетущимъ камнемъ на характеръ героевъ. Какъ, въ сущности, изуродованъ характеръ Аратова! Что̀ онъ изъ себя представляетъ? Развѣ это человѣкъ, могущій жить въ обществѣ—уже не говоримъ: *для* общества? Его полное безсиліе даже не въ незнаніи жизни и людей, а въ полномъ отсутствіи всякаго желанія знать ихъ! А Клара Миличъ? Развѣ, при ея необычайно требовательномъ и неосновательномъ отношеніи къ жизни и людямъ, не единственный исходъ для нея—отказаться совсѣмъ отъ жизни: уйти въ монастырь или покончить съ собою?

Зато повѣсть Тургенева, разсматриваемая съ точки зрѣнія художественной, съ точки зрѣнія именно обрисовки этихъ типовъ, невыразимо привлекательна. Какой чисто русскій типъ—Клара Миличъ! Это—женщина, чистая и прекрасная нравственно, но съ натурой капризной и требовательной, незнающей уступокъ жизни, и если уже разъ отдающаяся чему-нибудь, то отдающаяся вполнѣ и навсегда! И чтобъ обрисовать этотъ типъ вполнѣ опредѣленно, яркими чертами, автору понадобилось такъ немного мѣста и времени! Читатель только и видитъ ее одинъ разъ, въ вышеприведенной сценѣ, да узнаетъ нѣсколько чертъ изъ ея жизни отъ разныхъ лицъ. А этотъ Аратовъ, которому случилось узнать

дѣвушку и сознать, что близъ него прошло такое прекрасное существо,—и онъ не понялъ его, вѣрнѣе, слишкомъ поздно догадался! Какъ онъ вездѣ выдержанъ, вездѣ вѣренъ самому себѣ!

(1882).

„СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ“.

Случалось ли вамъ испытывать то гнетуще-томительное и вмѣстѣ горделивое чувство, которое вносится въ душу видомъ наступающей осени? Черныя поля, уходящія въ даль, поблекщіе цвѣты, желтая трава кругомъ, сквозные, прозрачные лѣса на горизонтѣ и одинокій крѣпкій дубъ среди поля, обнаженный, оборванный непогодами, сѣрыя свинцовыя облака, холодѣющіе лучи солнца, улетающіе къ благодатному югу журавли, высоко-высоко звенящіе своимъ однообразнымъ крикомъ—все говоритъ вамъ о приближеніи „всегубящей зимы“, и жутко становится на душѣ. Въ то же время, все еще полно воспоминаніями о широкой привольной жизни, царствовавшей въ этихъ мѣстахъ; вы знаете, что осень не застанетъ васъ неготовыми, что черныя поля еще недавно шумѣли „спѣлымъ колосомъ“, трава и лѣсъ ярко зеленѣли при зноѣ ласковаго солнышка и дубъ гордо возвышался густолиственнымъ и сильнымъ, что всѣмъ этимъ воспользовался человѣкъ и можетъ безъ страха и съ сознаніемъ своей силы и исполненнаго долга ждать суровую гостью—зиму.

Именно такое впечатлѣніе произвели на насъ „Стихотворенія въ прозѣ“ И. С. Тургенева. Осенью дышатъ они; невозможно не узнать, что они принадлежатъ не молодости, а тому „склону дней“, которому свойственны холодныя разочарованія и разбитыя надежды рядомъ съ спокойнымъ ожиданіемъ вѣчности. Въ то же время въ нихъ мѣстами прорывается еще слишкомъ дѣятельное и страстное чувство жизни, свидѣтельствующее, что душевная осень эта наступаетъ послѣ бурнаго, грозового, но и плодоноснаго лѣта, и вамъ не обидно, не больно видѣть эту „осень души“, если позволительно такъ

выразиться. Самъ авторъ очень хорошо сознавалъ и чувствовалъ это значеніе своихъ поэтическихъ отрывковъ, давъ имъ общее заглавіе „Senilia“, т.-е. стариковскія. Заглавіе „Стихотворенія въ прозѣ“, взятое изъ письма Тургенева, превосходно характеризуетъ преимущественно внѣшнія свойства ихъ.

Дѣйствительно, къ этимъ сжато, сильно и образно выраженнымъ чувствамъ и мыслямъ, вызваннымъ мимолетными впечатлѣніями текущей жизни личной и общественной, къ этимъ короткимъ отрывкамъ чрезвычайно подходятъ названія, говоря старинными терминами, то элегій, то басенъ, то эпиграмъ. Самый языкъ — извѣстный, гармоническій, образный тургеневскій языкъ — производитъ впечатлѣніе скорѣе стиховъ, чѣмъ прозы. Словомъ, по формѣ, по внѣшнему характеру своему, новыя произведенія Тургенева — дѣйствительно „Стихотворенія въ прозѣ“. Но названіе „Senilia“ очень вѣрно и сильно характеризуетъ ихъ внутренній смыслъ. Мы переводимъ „Senilia“ словомъ именно „стариковскія“ въ томъ опредѣленномъ значеніи, которое отличаетъ его отъ слова „старческія“, потому что „Стихотворенія“ Тургенева отнюдь не носятъ на себѣ печати того упадка силъ, который характеризуетъ „старчество“. Въ нихъ много энергіи ума и воображенія, которыя такъ отличали всегда творца Рудина и Базарова. Но въ нихъ нѣтъ уже и той молодой силы, которая не понимаетъ и не признаетъ отказа отъ борьбы, не знаетъ положеннаго оружія, которой въ перспективѣ будущаго видится расцвѣтъ жизни, а не эта, по выраженію Базарова, „старая штука, которая всякому вновѣ“, что̀ зовется смертью.

Такимъ образомъ, авторъ „Стихотвореній“ не тотъ Тургеневъ, который съ такою силой волновалъ насъ вопросомъ о „наступленіи настоящаго дня“; это — не авторъ „Наканунѣ“. Съ точки зрѣнія художественности, большинство „Стихотвореній“ говоритъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ маэстро нашего слова: мысль автора всегда облечена не въ сухія, относительныя размышленія, а въ чрезвычайно изящный и цѣлостный, захватывающій умъ и воображеніе читателя, образъ, выдающій существеннѣйшія свойства затрогиваемаго пред-

мета, рисущій самыя типическія черты его. Но многіе мотивы, вызывающіе эти образы—повторяемъ—не тѣ въ „Стихотвореніяхъ“, что когда-то характеризовали самаго чуткаго къ общественнымъ явленіямъ писателя. Изъ нихъ весьма многіе свидѣтельствуютъ, что житейскіе вопросы и треволненія, свойственныя прямымъ и непосредственнымъ участникамъ жизни и борьбы, теперь гораздо меньше тревожатъ автора, чѣмъ прежде, что вопросы жизни отодвигаются для него назадъ, уступая мѣсто мыслямъ инымъ—о смерти, о тщетности человѣческихъ стремленій, о предметахъ, отличающихся болѣе абсолютнымъ характеромъ.

Вотъ, напримѣръ, „Разговоръ“ двухъ горъ, Юнгфрау и Финстерааргорнъ. Помните ли такой же „великій споръ у Казбека съ Шатъ-горою“. Тамъ—опасеніе, что человѣкъ „настроитъ дымныхъ келій по уступамъ горъ“, опасеніе оправдавшееся. Здѣсь, у Тургенева, люди передъ Юнгфрау только „козявки“, и черезъ тысячи и тысячи лѣтъ „застываетъ все“, становится „хорошо, спокойно“... „Спятъ громадныя горы; спитъ зеленое свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей“... Какое молодое и сильное воззрѣніе у Лермонтова и какое грустное чувство навѣвается „Стихотвореніемъ“ Тургенева! Но—„жизнью пользуйся живущій“. живому свойственно думать о живомъ, и это тургеневское воспоминаніе о вѣчности, о суетѣ мірской не должно овладѣвать умами... Дальше передъ вами „Старуха“—смерть, отъ которой „не уйдешь“. Конечно, не уйдешь, но вѣдь это и ненужно... Потомъ страшная фантастическая картина „Конецъ свѣта“, алегорія, оканчивающаяся словами: „Темнота, темнота вѣчная!...“ Во всѣхъ этихъ картинахъ и образахъ звучитъ то недовѣріе къ жизни, къ человѣку и человѣчеству, тотъ скептицизмъ, который появляется въ музѣ Тургенева со временъ „Призраковъ“.

Но Тургеневъ никогда не отдавался вполнѣ этому „скептицизму“, составлявшему всегда только бо̀льшій или мѐньшій элементъ въ его твореніяхъ. Послѣ „Призраковъ“ уже появился, напримѣръ, прелестный, полный горячаго чувства и вѣры въ человѣка очеркъ: „Наши послали“. Помните ли этого старика съ „шапкою... черныхъ волосъ на головѣ“, которому, въ его величавой и безсознательной простотѣ, и „въ голову

не приходило, что онъ сдѣлалъ нѣчто необыкновенное, собою пожертвовалъ"? Кто разъ могъ написать нѣчто подобное, кому близко знакомо такое воззрѣніе на человѣка, тотъ уже не можетъ не быть живымъ и гуманнымъ писателемъ и человѣкомъ. Приведенныя выше скептическія „стихотворенія" Тургенева говорятъ только объ одной сторонѣ душевной жизни поэта. Рядомъ съ ними стоятъ „стихотворенія" иныя, полныя уваженія къ жизни и ея задачамъ, отзывающіяся на тревожные запросы современности. Въ нихъ много любви къ родному краю, скорби за его несчастія, рядомъ съ полною вѣрой въ его будущее. „Стихотворенія" оканчиваются слѣдующими словами о родномъ языкѣ нашемъ:

„Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!"

Эти „тягостныя раздумья о судьбахъ родины" облекаются въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ въ прозѣ въ полныя жизни картины! Вотъ передъ вами картина русской деревни, которою начинаются „Стихотворенія". Чисто тургеневская картина природы, чарующая воображеніе, и среди нея, какъ не всегда у поэтовъ, и какъ всегда у нашего поэта, въ самомъ центрѣ — человѣкъ. Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха сѣна, русокудрые парни въ чистыхъ, низко подпоясанныхъ рубахахъ, круглолицая молодка, старуха-хозяйка выступаютъ передъ читателями въ стройномъ соединеніи, рисующемъ желательное искомое „довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни, тишь и благодать!" И автору думается: „къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ св. Софіи въ Царьградѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?" Это писано въ 1878 году. Можно быть несогласнымъ съ авторомъ въ его заключеніи; но его идеальная картина довольства и тиши русской деревни, овладѣвающая воображеніемъ читателя, больно сжимаетъ сердце. Невольно думается, какъ далеки мы отъ этого несложнаго и практичнаго идеала,

какъ свободно и безцеремонно „городскіе люди“ жертвуютъ уже не говоримъ „довольствомъ“ народа, а послѣднимъ кускомъ его, добытымъ страшною и часто неумѣлою борьбою съ природой! Картинка Тургенева не свидѣтельствуетъ ли о той же самой любви его къ народу, которая составляла, во времена „Записокъ Охотника“, почти единственное содержаніе его поэзіи?

Прочтите, далѣе, этотъ небольшой, но чрезвычайно цѣлостный, по формѣ и по идеѣ, отрывокъ „Нищій“.

„Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

„Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шаршавыя лохмотья, нечистыя раны... О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

„Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

„Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка... Я ничего не взялъ съ собою.

„А нищій все ждалъ... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

„Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку... „Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ“.

„Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись—и онъ, въ свою очередь, стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что̀ же, братъ — прошамкалъ онъ — и на томъ спасибо.—Это также подаяніе, братъ.

„Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата“.

Яркая мысль, въ высшей степени художественно выраженная въ этомъ яркомъ образѣ, не забудется читателемъ. „Нищій“ чрезвычайно характеренъ въ смыслѣ опредѣленія всѣхъ вообще „Стихотвореній“ Тургенева. Много нужно было бы говорить, чтобъ только намекнуть на мысли, вызываемыя картинкою, и на чувства, возбуждаемыя ею, и все-таки дальше намека пойти было бы невозможно. А тутъ, въ этомъ

сжатомъ образѣ, выражается все: и возмутительное униженіе обществомъ дряхлаго старика, высланнаго на нищенство, и горькое чувство жалости и протеста, выразившееся въ пожатіи протянутой грязной, трепетной руки, и сознаніе своего униженія, выразившееся въ словахъ старика: „это тоже подаяніе...“, и въ отвѣтномъ рукопожатіи, и это примирительное чувство самого автора, сознавшаго, что и онъ получилъ подаяніе отъ нищаго „брата“. Въ этомъ маленькомъ отрывкѣ заключены глубокія, болѣе чѣмъ демократическія, просто гуманическія мысль и чувство, стоящія выше принципіальныхъ аристократизма или демократизма, признающія во всякомъ человѣкѣ только человѣка, независимо отъ его положенія. Этотъ основной мотивъ неоднократно повторяется въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“.

Въ „Стихотвореніяхъ“ естественно должны были сказаться и чувства, вызываемыя въ авторѣ судьбою людей, всю жизнь свою посвятившихъ общественному благу и оставшихся непонятыми, испытавшихъ несправедливость. Отрывокъ, озаглавленный словами Пушкина: „Услышишь судъ глупца...“, говоритъ объ очень жизненномъ и честномъ взглядѣ автора. „Судъ глупца и смѣхъ толпы... Кто не извѣдалъ и того, и другого?“ спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „Все это должно переносить; а кто въ силахъ — пусть презираетъ!“ Авторъ, очевидно, не считаетъ всякаго въ силахъ — презирать, быть можетъ, даже не всякаго—въ правѣ. Потому что нужно навѣрно знать, что извѣстный „судъ“ есть „судъ *глупца*“, и что „толпа“ неправа; у „толпы“ есть свои права, которыя признаны авторомъ въ его „стихотвореніи“ „Деревня“. Авторъ съ горечью говоритъ о случаяхъ еще бо́льшей несправедливости, которая, тѣмъ не менѣе, не даетъ обиженному права отрекаться отъ дѣятельности. Вотъ эти горькія слова, вызывающія на размышленіе:

„Но есть удары, которые больнѣе бьютъ по самому сердцу... Человѣкъ сдѣлалъ все, что̀ могъ; работалъ усиленно, любовно, честно... И честныя души гадливо отворачиваются отъ него, честныя лица загораются негодованіемъ при его имени. „Удались! Ступай вонъ!“ кричатъ ему честные, молодые голоса.—

„Ни ты намъ нуженъ, ни твой трудъ; ты оскверняешь наше жилище — ты насъ не знаешь и не понимаешь... Ты нашъ врагъ!“

„Что̀ тогда дѣлать этому чдловѣку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться — и даже не ждать болѣе справедливой оцѣнки.....

„Горька неправая укоризна въ устахъ людей, которыхъ любишь... Но перенести можно и это...

„Бей меня! но выслушай! — говорилъ аѳинскій вождь спартанскому.

„Бей меня — но будь здоровъ и сытъ!“ — должны говорить мы“.

Въ словахъ Тургенева кто не признаетъ истинно благородной и единственно честной мысли, опредѣляющей обязанности человѣка передъ обществомъ?

Хотѣлось бы остановиться на многихъ „Стихотвореніяхъ“, выражающихъ воззрѣнія автора. Въ отрывкѣ „Сфинксъ“ авторъ ищетъ русскаго Эдипа, который разгадалъ бы русскаго Сфинкса, т.-е. „Карпа, Сидора, Семена, ярославскаго, рязанскаго мужичка, соотчича моего, русской косточки“ — и не находитъ Эдипа... Потому что, „увы! недовольно надѣть мурмолку, чтобъ сдѣлаться мужицкимъ Эдипомъ“. Въ „Эгоистѣ“ — превосходная характеристика распространеннаго типа „честныхъ“ людей, которыхъ „честность — капиталъ, доставляющій ростовщическіе проценты, и право быть безжалостнымъ, право давить всѣхъ ею“. Въ очеркѣ „Щи“ сводятся барыня и крестьянка, только-что потерявшая единственнаго двадцатилѣтняго сына. Барыня удивляется, что горе не мѣшаетъ „бабѣ“ ѣсть, и заключаетъ о ея „грубыхъ чувствахъ“. А баба плачетъ и ѣстъ, потому что „щамъ не пропадать же; вѣдь они посоленыя“. Барыня не понимаетъ, потому что „ей-то соль доставалась дешево“. И въ этомъ, нѣсколько рѣзкомъ сопоставленіи заключается, въ сущности, очень вѣрная характеристика взаимнаго непониманія „барынь“ и „бабъ“. Въ „Двухъ богачахъ“ опять взоры автора обращены къ народу. Ротшильдъ даетъ тысячи на воспитаніе дѣтей и пр. Крестьянинъ беретъ въ свой разоренный домишко сироту-племянницу. На замѣ-

чаніе бабы, что нѐ на что будетъ соли добыть, похлёбку посолить, онъ отвѣчаетъ: „А мы ее... и не соленую...“ И авторъ справедливо говоритъ, что „далеко Ротшильду до этого мужика!“ Въ „Воробьѣ“ передъ вами живая и трогательная картина материнской любви. Старый черногрудый воробей, защищающій свое дѣтище отъ собаки-великана! Сила, сильнѣе его воли, сбросила воробья съ высокой безопасной вѣтки. Авторъ отозвалъ собаку и благоговѣйно удалился. „Да, не смѣйтесь“, говоритъ онъ. „Я благоговѣлъ передъ тою маленькою, героическою птицей, передъ ея порывомъ“. „Любовь“, думалъ поэтъ, „сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь...“

„Стихотворенія“ И. С. Тургенева—дѣйствительно стихотворенія, проникнутыя гуманною мыслью, которая постоянно и неумолчно звучитъ въ каждомъ отрывкѣ, если не считать нѣсколькихъ „осеннихъ“ отрывковъ. Конечно, эти мелкіе отрывки уже по самому характеру и складу своему не могутъ имѣть того огромнаго значенія, которое свойственно его произведеніямъ, посвященнымъ анализу общественной жизни. Но и короткіе отзвуки душевной жизни поэта, выражающіеся въ чрезвычано поэтическихъ, цѣлостныхъ, западающихъ въ душу образахъ, не пройдутъ безслѣдно въ душѣ читателя и вызовутъ чувства, несовсѣмъ обычныя въ наше безпощадное время.

(1882).

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

(По поводу его смерти).

Тургенева не стало. Утрата, понесенная въ его лицѣ русскимъ обществомъ и русскою литературою, тѣмъ невознаградимѣе, общественное горе тѣмъ безотраднѣе, что, провожая въ могилу своего великаго писателя и гражданина, общество не можетъ найти утѣшенія въ торжествѣ тѣхъ идей, которымъ служилъ онъ въ теченіе всей своей жизни. Но если нужно утѣшеніе, оно въ томъ, что „весь онъ не умретъ“,

что „душа великаго писателя въ завѣтной лирѣ тлѣнья убѣжитъ“... Съ нами остаются созданія его великаго таланта, которымъ еще долго суждено быть не „памятникомъ нерукотворнымъ“ только, не свидѣтельствомъ только о быломъ, а полнымъ значенія настоящимъ, могущественнымъ орудіемъ гуманнаго развитія общества, проповѣдью добра и правды и общественной справедливости, въ которой еще такъ нуждается наше отечество.

Литературное и общественное значеніе дѣятельности Тургенева, повидимому, оцѣнено и дома, на родинѣ, и въ Европѣ. Въ данный моментъ, однако, эта оцѣнка не можетъ быть широкою и всестороннею какъ у насъ, такъ и за границею. Тургеневъ былъ слишкомъ „общественнымъ“ писателемъ, чтобы въ современномъ ему обществѣ не вызвать многообразныхъ притязаній и стремленій привязать его имя къ идеямъ и интересамъ партійнымъ, а это далеко неудобное условіе для правильной оцѣнки писателя. Нерѣдко, дѣйствительно, въ произведеніи искусства, безпритязательномъ и имѣвшемъ единственною цѣлью отразить дѣйствительность со всею правдою, и современная публика, и журналистика искали намѣреній и воззрѣній авторскихъ. Еще до сихъ поръ памятенъ шумный споръ, поднятый по поводу Базарова между двумя извѣстными критиками въ началѣ 60-хъ годовъ, показавшій тогда же тенденціозныя стремленія—не автора „Отцовъ и дѣтей“, а критиковъ. Одинъ видѣлъ въ Базаровѣ фальшивую оцѣнку Тургеневымъ молодого поколѣнія, почти клевету на него; другой, напротивъ, находилъ Базарова совершенно естественнымъ явленіемъ и слишкомъ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы заподозрить Тургенева въ несправедливости. Въ сущности, вопросъ былъ не въ томъ, не въ молодомъ или старомъ поколѣніи и не въ оцѣнкѣ ихъ авторомъ, а исключительно въ томъ, нарождался ли базаровскій типъ на Руси и насколько онъ отраженъ въ романѣ. Почему Базаровъ былъ принятъ тогда критикою обязательно характеристикою *всего* молодого поколѣнія, когда въ романѣ кромѣ него были и Кирсановъ, и герръ Ситниковъ и пр. и пр., остается вопросомъ. Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени,

но претенціозное отношеніе къ Тургеневу оставалось неизмѣннымъ; до послѣднихъ дней все еще требовалось, чтобы онъ писалъ непремѣнно о современныхъ русскихъ поколѣніяхъ, характеризуя ихъ притомъ такъ, какъ это было угодно критикѣ и „современнымъ поколѣніямъ нашимъ". Душевная жизнь самостоятельная и независимая была воспрещена писателю: ему заранѣе рекомендовалось извѣстные типы нашего общества хвалить, изображая другіе—надлежащимъ образомъ казнить. Многія послѣдующія произведенія Тургенева, и особенно „Новь", остались неоцѣненными. Между тѣмъ въ рукахъ критики лежало благотворнѣйшее дѣло. Типы тургеневскіе, всегда такъ художественно-цѣлостные, такъ вѣрные самимъ себѣ, исключали всякую мысль о „намѣреніяхъ" автора изобразить ихъ такъ или иначе; художественность представленій свидѣтельствовала о честности и силѣ анализа жизненныхъ явленій и объ отсутствіи всякихъ подтасовокъ и личныхъ побужденьицъ „ошельмовать" недруга въ своихъ произведеніяхъ; словомъ, Тургеневъ всегда былъ художникъ, и лишь при этомъ условіи—судья. И потому-то, если общество не узнавало себя въ образахъ Тургенева, если отражающее зеркало искусства казалось искривляющимъ дѣйствительность, то критикѣ и предстояло доказать это, указать, гдѣ и что́ искажено, и затѣмъ основательно освѣтить вопросъ, почему же такъ, отчего столь сильный и честный художникъ-мыслитель, съ такой правдой отражавшій народный бытъ и народную душу, не съумѣлъ и не смогъ правильно изобразить болѣе знакомые ему типы цивилизованной среды.

Не думаю, чтобы можно было сомнѣваться въ истинной причинѣ разлада между писателемъ и его критиками и читателями. Съ одной стороны, человѣку свойственно представлять себя немножко красивѣе, чѣмъ показываетъ зеркало, особенно по отношенію къ красотѣ психической; съ другой стороны, люди, говорившіе: мы не такіе, какими насъ рисуетъ Тургеневъ, быть можетъ и дѣйствительно не были такіе, но напрасно принимали на свой счетъ показанія художника. И это именно очень ярко сказалось въ спорѣ о Базаровѣ: критикъ противникъ Базарова имѣлъ право говорить, что *по-*

добные ему люди молодого поколѣнія не похожи на Евгенія Васильевича, но не долженъ былъ ручаться, что такихъ совсѣмъ нѣтъ; потому и случилось, что такіе сейчасъ же нашлись, узнали себя въ Базаровѣ и даже очень понравились себѣ, съ удовольствіемъ разглядывая себя въ зеркалѣ. Да по правдѣ сказать, и были они уже не Богъ знаетъ какъ дурны, какъ это казалось критику—противнику Базарова. Не очевидно ли, что господа критики въ своемъ спорѣ занимались не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало, что статьи ихъ не были критикою произведенія Тургенева? Нарождающіеся типы общественной жизни всегда будутъ нравиться однимъ, возбуждать ненависть въ другихъ; но эти чувства ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить основою для критическаго разбора самаго произведенія. Естественно, что до сихъ поръ у насъ взглядъ на Тургенева, какъ на писателя, двоится: съ одной стороны, онъ великій писатель, авторъ „Записокъ охотника", столь могущественно содѣйствовавшій сознанію обществомъ необходимости народной свободы, а съ другой—чего-то такого не сдѣлавшій необходимаго для того же общества.

Европейскіе критики Тургенева поставлены въ совершенно иныя условія, но и ихъ сужденія не могутъ быть многосторонни при необычайно маломъ знакомствѣ съ умственной и общественной жизнью на Руси. Иностранецъ можетъ судить преимущественно о художественной сторонѣ произведеній русскаго писателя, общественная же сторона ихъ остается для него въ значительной степени закрытой. Если бы, напримѣръ, Тургеневу вздумалось изобразить русскихъ нигилистовъ со всею художественной прелестью и психологическою вѣрностью самимъ себѣ, но положимъ, въ видѣ какихъ-нибудь итальянскихъ бандитовъ или же, еще лучше, въ видѣ богатырей Ильевъ Муромцевъ, проживающихъ въ какихъ-нибудь, нынѣ не существующихъ, муромскихъ лѣсахъ,—что̀ могъ бы сказать критикъ французъ, съ нашею страною мало знакомый? Очевидно, при современномъ „натуралистическомъ" искусствѣ для критика недостаточно эстетическаго чувства и пониманія, чтобы рѣшиться полно и

всесторонне высказаться о произведеніи искуства, — ему необходимо знаніе страны и народа, чтобы умѣть оцѣнить общественное значеніе произведенія. И если въ Англіи и Франціи съумѣли прекрасно понять общественную роль Тургенева сороковыхъ годовъ и его „Записокъ охотника", то не иначе, какъ съ помощью русскихъ указаній, при помощи знакомства какъ съ жизнью русской, такъ и съ русскими мнѣніями объ отношеніи къ ней тургеневской музы. Такимъ образомъ, дѣйствительно, большинство иностранныхъ отзывовъ о Тургеневѣ носятъ или исключительно эстетическій характеръ, или же представляютъ повтореніе мнѣній русскихъ. И во всякомъ случаѣ оцѣнка Тургенева иностранцами необходимо требуетъ нѣкотораго исправленія съ точки зрѣнія исторіи нашей литературы и общественной жизни.

Любопытенъ, однако, и знаменателенъ тотъ неутѣшительный фактъ, что великій русскій писатель, создавшій плодотворнѣйшую и вліятельнѣйшую школу, наиболѣе содѣйствовавшую общественному росту и примѣненію гуманныхъ идей къ дѣйствительности, въ гораздо большей степени почитается, во-первыхъ, не на родинѣ и, во-вторыхъ, скорѣе противниками, чѣмъ сторонниками тѣхъ идей, которыя лежали въ основѣ всей его дѣятельности. Развѣ, дѣйствительно, не представители россійскаго радикализма умѣли писать фразы въ родѣ: „разные гг. Тургеневы!" И развѣ не давали они этимъ поводъ и почти право указывать обществу, до чего можно дойти по скользкой дорогѣ неуваженія. Надъ свѣжей могилой писателя неумѣстенъ, впрочемъ, былъ бы какой бы то ни было споръ, и если мы говоримъ объ этомъ, то съ той исключительною цѣлью, чтобы оріентироваться среди разныхъ мнѣній и основать на совокупности и критической оцѣнкѣ ихъ то общее мнѣніе, то публичное и всестороннее мнѣніе, котораго, въ сущности, только частности представляютъ всѣ другія, партійныя, заключающія въ себѣ бо̀льшія или меньшія, иногда микроскопическія части истины.

Мы говорили о литературныхъ мнѣніяхъ о Тургеневѣ. Но публика, та читающая масса, въ которой не одни невѣжды, а и люди, умѣющіе выслушать и превосходно понять

всѣ критическіе отзывы, успѣла уже давно поставить Тургенева въ число любимѣйшихъ и цѣннѣйшихъ своихъ писателей. Тургенева съумѣли оцѣнить уже въ то давнее время, когда нѣкоторые московскіе журналы ставили его въ разрядъ бездарнѣйшихъ писакъ, и одинъ только Бѣлинскій отличилъ его умъ и дарованіе даже въ слабыхъ первоначальныхъ опытахъ („Параша", „Разговоръ", „Андрей" и пр.). И до послѣднихъ дней никакія критическія старанія не сведутъ великаго писателя съ мѣста, которое онъ занялъ въ русской литературѣ. А мѣсто это и самобытно, и оригинально, и огромно. Тургеневъ открылъ новые, еще неизвѣданные пути словеснаго искусства и создалъ цѣлую школу. Чтобы понять это, припомнимъ исторію нашей литературы до Тургенева.

Геній Пушкина вывелъ литературу съ тощихъ полей ложнаго классицизма и выдуманныхъ неестественныхъ чувствъ и дѣйствій человѣческихъ на обширную арену, представляемую живою дѣйствительностью. Чтобы сдѣлать это великое дѣло, нужно было быть именно Пушкинымъ, поэтомъ чрезвычайно объективнымъ, тѣмъ безстрастнымъ лѣтописцемъ, который съ одинаковымъ вниманіемъ смотритъ на правыхъ и виновныхъ. Безъ этой объективности литература не ушла бы отъ сантиментальности, отъ дидактизма и иныхъ свойствъ, мѣшающихъ стать поэзіи отраженіемъ настоящей истиннѣйшей дѣйствительности. Послѣ Пушкина, послѣ объективнаго отраженія дѣйствительности, послѣ уже открытаго и установленнаго метода поэзіи,—всякая неестественность и искусственность, всякая неправда и неправдоподобіе, вычурность и иная фальшь стали въ литературѣ мало возможными: они рѣзали ухо, кололи умственные взоры, разрушая этимъ всякую возможность эстетическаго впечатлѣнія. Литература волей-неволей становилась правдивой, требующей искренняго, не преувеличеннаго чувства и реальности жизненныхъ явленій и характеровъ.

Но на объективной, безстрастной точкѣ зрѣнія литература остаться не могла. Разъ выучившись смотрѣть прямо въ глаза жизни, она скоро должна была учиться и цѣнить

жизнь съ точки зрѣнія идеаловъ. Появилась созданная великимъ Гоголемъ и названная „натуралистическою“ школа, существенный смыслъ которой въ томъ, что, удерживая реальность изображеній, литература останавливалась на явленіяхъ жизни не безразлично, не считала равными поэтическое описаніе цвѣтка и горестное описаніе бѣдствій человѣческихъ; изъ проходящихъ передъ умственнымъ взоромъ явленій, она останавливалась лишь на тѣхъ, которыя могли служить характеристикой жизни, обличать ея зло и возвышать ея правду. Передъ глазами общества прошли Чичиковы и Держиморды, герои Печорины и Тентетниковы, наконецъ Акакіи Акакіевичи, Башмачкины и Поприщины. При этомъ поэтическомъ анализѣ дѣйствительности получились въ высшей степени неожиданные выводы, потребовавшіе провѣрки, анализа общественнаго міровоззрѣнія. Превосходный человѣкъ и милый собесѣдникъ Чичиковъ оказался просто „плутоватымъ человѣчкомъ“, по другой редакціи — „подлецомъ“; несчастный Акакій Акакіевичъ, этотъ жалкій, заброшенный мелкій чиновникъ неожиданно оказывается одареннымъ страстною и живою душой, вся энергія которой уходитъ сначала на выведеніе буквъ съ любовью и подмигиваньями и не выдерживаетъ столкновенія съ неумолимой судьбой въ борьбѣ за „предвѣчную идею“ новой шинели; „образованный Тентетниковъ, не могущій мириться даже съ обыкновенной переписной бумагъ, а не то что съ „подмигиваніями“, вдругъ является въ видѣ отъявленнѣйшаго байбака, праздно проживающаго жизнь въ благомъ намѣреніи написать удивительное сочиненіе, долженствующее обнять Россію въ экономическомъ, политическомъ и прочихъ отношеніяхъ. Словомъ, все перевернулось въ глазахъ желавшаго мыслить, не отказывавшагося мыслить—живого человѣка. Натуралистическая школа была новымъ поэтическимъ откровеніемъ послѣ Пушкина. Мы привыкли къ этому, литература десятки лѣтъ шла уже этимъ путемъ, но какое впечатлѣніе должно было произвести это направленіе тогда, при первыхъ его шагахъ. То было чудное и животворное время, время усиленной дѣятельности мысли,

пытавшейся разобраться въ хаосѣ традиціонныхъ и вновь нахлынувшихъ мнѣній и чувствъ,

Школа Гоголя пробила дорогу къ осмысленному анализу совершавшейся жизни, возбуждая злобу и ненависть со стороны тьмы и восторженное поклоненіе со стороны всего, стремившагося къ свѣту. Но самъ Гоголь, подобно Пушкину, главнѣйшимъ образомъ показалъ методъ поэтическаго отношенія къ дѣйствительности, оставивши своимъ послѣдователямъ дальнѣйшій анализъ дѣйствительности. Лермонтовъ явился великимъ лирическимъ пѣвцомъ новаго направленія. Для него уже все окружающее подвергалось анализу и все не удовлетворяло жадному стремленію къ идеалу. Самъ поэтъ не выразилъ золъ жизни, не указалъ ихъ; про его пѣсни можно сказать его же словами: „о чемъ они — не знаю, но тоской исполнены"... Но онъ чувствовалъ это царящее кругомъ зло и звалъ къ его разоблаченію, и потому онъ стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ натуралистической школѣ. Его поэтическое прозрѣніе предугадывало уже грядущее презрѣніе къ пустому и недѣйственному внѣшнему „просвѣщенію" и обращеніе къ народу, онъ уже съ „отрадой, многимъ незнакомой", смотритъ на картину народной жизни, „на пляску съ топаньемъ и свистомъ, подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ".

А будущее литературы обѣщало плодотворнѣйшее самосознаніе общественное. Явилась знаменитая „плеяда писателей сороковыхъ годовъ". Съ нею и въ ея средѣ является и Тургеневъ. Герценъ, начавшій беллетристическимъ произведеніемъ, ставившимъ вопросъ: „кто виноватъ?" въ судьбѣ двухъ людей, задавленныхъ рутиною жизни, скоро перешелъ къ дѣятельности публицистической; даже романъ его и другіе беллетристическія вещи („Сорока воровка", „Записки доктора Крупова") носятъ характеръ публицистическій. Гончаровъ въ двухъ превосходныхъ романахъ освѣтилъ глубокіе тайники русской жизни; въ „Обломовѣ" онъ далъ подробно разработанный типъ того же Тентетникова, рѣшивъ, что корень русской лѣности—въ помѣщичьемъ крѣпостническомъ тунеядствѣ, противъ котораго всякое образованіе безсильно. Достоевскій пошелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, путемъ глубочайшаго анализа пси

хической жизни всѣхъ жертвъ общественной несправедливости: сумасшедшихъ, преступниковъ, бѣдняковъ, задавленныхъ нуждою; онъ показалъ, какъ много человѣческаго въ этихъ разбитыхъ жизнію сердцахъ и умахъ, вызвавши къ себѣ глубочайшее сочувствіе во всѣхъ, кто вынесъ на себѣ гнетъ житейскій, „кто жилъ и страдалъ"... А кто же не жилъ, кто не страдалъ въ нелѣпой дѣйствительности нашей?

Среди всѣхъ этихъ писателей Тургеневъ, по самому свойству своего таланта, занялъ положеніе нѣсколько среднее, объединяющее. Талантъ Тургенева какъ будто бы созданъ былъ именно для этой объединяющей роли, по своей широтѣ, хотя, быть можетъ, по глубинѣ талантъ этотъ и уступалъ другимъ. Замѣчательное по тому времени образованіе давало еще большую свободу и широту поэтическимъ созерцаніямъ нашего поэта. Тургеневъ не уступалъ Герцену въ широтѣ общественныхъ воззрѣній, но неизмѣримо превосходилъ его талантомъ психическаго анализа и потому его произведенія отличаются большимъ общественнымъ смысломъ, при замѣчательной художественности. Тургеневъ значительно уступалъ Достоевскому въ умѣньи глубоко заглянуть въ душу героевъ, но зато его менѣе глубокій взглядъ умѣлъ соединить наблюденную черту съ другими, отмѣтить ея соотвѣтствіе съ другими въ явленіяхъ общественной жизни, что въ талантѣ Достоевскаго не играетъ выдающейся роли. Всѣ эти свойства давали таланту Тургенева постоянную гибкость и дѣятельную жизненность. Въ то время, какъ весьма сродный съ тургеневскимъ талантъ Гончарова глубоко и устойчиво изучалъ явленіе въ его корняхъ, болѣе подвижный талантъ Тургенева изучалъ то же явленіе въ его разнообразныхъ формахъ. Гончаровъ, какъ мы выше сказали, изучалъ причину, крѣпостническую лѣнь въ ея полномъ разсвѣтѣ въ обломовщинѣ, Тургеневъ же далъ многоразличныя формы психической жизни, получившіяся вслѣдствіе противорѣчивыхъ вліяній: съ одной стороны—всеразлагающаго крѣпостного быта, а съ другой—гуманизирующаго вліянія просвѣщенія. И всѣ эти типы „лишнихъ людей" суть именно продукты этихъ противорѣчивыхъ вліяній. Жизнь не стояла, а

шла впередъ, крѣпостничество мало-по-малу уступало просвѣщенію, и типъ „крѣпостническаго“ „сына“ измѣнялся. У Гончарова онъ такъ и отлился въ типъ Обломова, а у Тургенева, по гибкости его таланта, онъ тоже измѣнялся, какъ и въ жизни; эти измѣняющіяся формы: Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лишній человѣкъ, Лаврецкій, наконецъ Рудинъ и т. д. Появился въ обществѣ умственно-вліятельный образованный плебей, покорившій на время слабаго крѣпостническаго смягченнаго человѣка, и въ типахъ Тургенева является Базаровъ. Понятно, что, при этихъ свойствахъ таланта, Тургеневу предстояла огромная роль въ литературѣ и въ жизни, и онъ исполнилъ все, чтó могъ. Нерѣдко въ литературѣ, при сравненіи талантовъ, Тургеневу отводили мѣсто ниже Гончарова и Достоевскаго. Но ясно, что Тургеневъ, уступая, быть можетъ, каждому изъ нихъ въ силѣ преобладающихъ у нихъ чертъ, зато соединяетъ въ себѣ воедино всѣ тѣ черты ихъ талантовъ, которыми между собою они не дѣлятся.

Соединяя въ себѣ многія данныя для анализа общественныхъ явленій, Тургеневъ предугадывалъ наступающія душевныя состоянія общества, его потребности и стремленія. Крѣпостное право онъ сознательно представлялъ своимъ врагомъ, и первое, что онъ сдѣлалъ для гибели его, онъ подорвалъ вѣру въ крѣпостническій взглядъ на мужика своими „Записками охотника“, показавъ, какъ много человѣческаго, забиваемаго и забитаго, равно какъ и уцѣлѣвшаго среди всѣхъ невзгодъ, заключается въ жизни, въ бытѣ и въ душѣ народной. Своимъ анализомъ интеллигентныхъ классовъ онъ до очевидности показалъ, что при крѣпостническомъ строѣ жизни само просвѣщеніе безсильно сдѣлать людей настоящими людьми. Кто же больше Тургенева содѣйствовалъ самосознанію общественному, сознанію тѣхъ путей, которыми должно было идти къ лучшему будущему наше отечество?

Дѣло Тургенева плодотворно и величаво. Въ Англіи прежде насъ поняли, какъ много сдѣлалъ онъ. Теперь, сходя въ могилу, великій писатель оставляетъ намъ дѣло, которому онъ служилъ, еще далеко не оконченнымъ. Въ шестидесятыхъ годахъ думали, что все уже кончено и что вліяніе Тургенева

и писателей той среды и направленія не возвратится. Настоящее даетъ намъ суровый урокъ, научая, что обществу необходимы гуманическіе идеалы, и что литература прошлаго нашего еще долго должна будетъ служить въ этомъ смыслѣ общественную службу, такъ какъ вліятельной другой литературы, литературы писателей не „шестидесятыхъ годовъ", писателей настоящаго—пока нѣтъ.

Пусть же надъ свѣжею могилою Тургенева общество пойметъ, какъ много онъ любилъ родину, какъ много сдѣлалъ для нея и какъ необходимы теперь его идеи и идеалы бѣдному русскому человѣчеству, переживающему суровый историческій моментъ.

(1883).

ТУРГЕНЕВЪ ВЪ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

Литературная дѣятельность Тургенева и ея общественное значеніе естественно составляютъ послѣ кончины его одну изъ темъ, владѣющихъ вниманіемъ русской журналистики, и литературная хроника не можетъ не отмѣтить этого факта и не остановиться надъ наиболѣе характерными статьями, посвященными памяти Тургенева. Когда только что закрылась могила великаго русскаго писателя, едва ли возможно вполнѣ безпристрастное къ нему отношеніе: для Тургенева еще не наступила исторія; вопросы, задѣтые имъ, еще слишкомъ близки къ современному поколѣнію. Зато тѣмъ вѣроятнѣе и понятнѣе, что старые споры, поднятые нѣкоторыми произведеніями Тургенева, должны были если не обостриться, то на время освѣжѣть, подновиться, выдвинуться. Дѣйствительно, въ общемъ журнальномъ говорѣ о Тургеневѣ то и дѣло слышатся рѣзкія нотки и тенденціи, подчиняющія искреннее, быть можетъ, стремленіе къ безпристрастію нѣкоторымъ мыслямъ, дѣлающимъ это безпристрастіе—въ значительной степени партійнымъ.

Литературныя недоразумѣнія, вызывавшіяся твореніями Тургенева, всегда вертѣлись болѣе или менѣе около одного пункта: его попрекали въ неумѣньи, а иногда и въ не-

желаніи понять и признать молодыя общественныя стремленія, которыя онъ, будто бы, представлялъ въ образахъ, въ типахъ, далеко несимпатичныхъ. Останавливаяя теперь вниманіе читателей на одной изъ статей о Тургеневѣ, именно о „Письмѣ въ редакцію“ „От. Зап.“ г. Посторонняго, мы прежде всего обязаны сказать, что авторъ именно и признаетъ фактомъ законность указанныхъ сейчасъ упрековъ Тургеневу и ищетъ причинъ несогласія, возникшаго между писателемъ, столь гуманнымъ и проницательнымъ, и представителями молодыхъ стремленій. Статья г. Посторонняго уже по самой постановкѣ вопроса весьма любопытна, и вотъ ея существенное содержаніе. Авторъ, говоря „объ ошибкахъ и слабостяхъ“ Тургенева, не допускаетъ и мысли о его „злонамѣренности“. Напротивъ, онъ предлагаетъ читателямъ, „стать на такую точку зрѣнія, которая объясняетъ всю литературную дѣятельность Тургенева самымъ характеромъ его творчества и всѣмъ его душевнымъ складомъ“, разумѣя притомъ, что этотъ характеръ творчества и этотъ душевный складъ были именно таковы, что Тургеневъ не могъ возвыситься до признанія живыхъ стремленій молодежи. И дѣло все въ томъ, что „характеръ творчества и душевный складъ“ Тургенева были таковы, что, во-первыхъ, совсѣмъ несправедлива репутація Тургенева, какъ ловца моментовъ русскаго общественнаго развитія, несправедлива вообще, и особенно несправедлива относительно русскихъ женщинъ. Въ 40-хъ годахъ, подъ вліяніемъ Жоржъ-Зандъ, у насъ были „эмансипированныя“ женщины, но объ этомъ мы ничего не узнаемъ отъ Тургенева, — очевидно, Тургеневъ не былъ „ловцомъ моментовъ“. Во-вторыхъ, Тургеневъ не былъ „истиннымъ реалистомъ“: жизнь пестра, низкое въ ней чередуется съ возвышеннымъ, грязное съ чистымъ, и реалистъ такъ именно и изображаетъ жизнь, а Тургеневъ этого не дѣлалъ. Такъ, мы всѣ хорошо знаемъ, что есть женщины, способныя своею пустотою, мелочностью, злобностью создать настоящій адъ для своихъ близкихъ, что есть женщины и въ разныхъ другихъ смыслахъ вполнѣ дрянныя, но ихъ нѣтъ въ галлереѣ женскихъ типовъ Тургенева. Въ третьихъ: „душевному складу

Тургенева была *художественно* (т.-е. какъ художнику) враждебна и чужда всякая рѣзкая опредѣленность въ образѣ мыслей, всякая безповоротная рѣшительность въ образѣ дѣйствій"; поэтому всѣ натуры рѣшительныя, „берущія на себя отвѣтственность", глубоко антипатичны ему. „Скудость, сухость, обдѣленность дарами природы представлялась Тургеневу необходимыми спутникаки или даже условіями непреклоннэй личной силы", тогда какъ натуры слабыя, колеблющіяся, всегда окружены у Тургенева какимъ-то ореоломъ. Всѣ эти мысли доказываются указаніями и ссылками на дѣйствующихъ лицъ изъ твореній Тургенева. Въ доказательство „скудности и обдѣленности дарами природы" „героевъ личной силы" приведенъ между прочимъ и Базаровъ, а въ доказательство „ореола", окружающаго слабыхъ волею людей, приводится Веретьевъ („Затишье") между другими. Авторъ говоритъ, между прочимъ, что все свое длинное посланіе онъ написалъ, не заглянувъ въ сочиненія Тургенева, что можетъ служить свидѣтельствомъ изобразительной силы Тургенева: въ воображеніи читателя съ такою силою запечатлѣваются выводимые Тургеневымъ типы, что каждый образованный русскій человѣкъ, на минуту сосредоточившись, можетъ вызвать всю вереницу его героевъ и героинь, и они пройдутъ, какъ живые.

Если г. Посторонній правъ, пресловутыя недоразумѣнія становятся понятными. Тургеневъ не былъ „ловцомъ моментовъ"—и естественно не уловилъ „моментъ" шестидесятыхъ годовъ; онъ не былъ истиннымъ реалистомъ, и потому опять могъ изображать слишкомъ идеально симпатичныя ему явленія; онъ относился антипатично къ людямъ силы—и потому отнесся антипатично къ движенію шестидесятыхъ годовъ, представленному именно „людьми непреклонной силы". Словомъ, все понятно, и „Отцы и дѣти" являются простою напраслиною на „молодежь", оправдываемою только тѣмъ, что Тургеневъ *не могъ* творить иначе по характеру творчества и душевному складу своему и не виноватъ въ этомъ, какъ не виноватъ больной дальтонизмомъ въ томъ, что онъ не въ состояніи отличить зеленаго отъ краснаго. Однакоже больной

дальтонизмомъ не долженъ служить на желѣзной дорогѣ, гдѣ смѣшеніе зеленаго и краснаго сигналовъ ведетъ къ гибели многихъ жизней, и Тургеневъ не долженъ былъ браться за непосильныя ему задачи... Не *могъ*, такъ пусть бы и не дѣлалъ...

Но... Кто можетъ согласиться съ г. Постороннимъ? Мы пишемъ, внимательно перечитавши всѣ сочиненія Тургенева, и въ нихъ нѣтъ ничего подтверждающаго мысли г. Посторонняго. Упрекъ, что Тургеневъ не изобразилъ эмансипированныхъ женщинъ сороковыхъ годовъ, и слѣдовательно не былъ „ловцомъ моментовъ", простая грубая натяжка. „Фаустъ" Гёте признается истиннымъ выразителемъ нѣмецкаго духа, и онъ не будетъ меньше отъ того, что въ немъ не отразились какія-нибудь стороны нѣмецкой жизни. Но вотъ еще вопросъ: кто же изъ русскихъ писателей былъ болѣе Тургенева „ловцомъ моментовъ?". И меньше ли Гоголь будетъ отразившимъ свое время и русскую жизнь оттого, что въ галлереѣ его портретовъ только одинъ генералъ Бетрищевъ, и нѣтъ другихъ, хорошихъ генераловъ, каковые въ жизни несомнѣнно были? Справедливо ли, что въ галлереѣ женскихъ типовъ Тургенева нѣтъ дурныхъ? А помѣщица въ „Постояломъ дворѣ"? А рядъ другихъ такихъ же помѣщицъ? А Ласунская въ „Рудинѣ", Лаврецкая въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" и пр. и пр.? Можно ли сказать, что всѣхъ „людей силы" Тургеневъ изображаетъ „обдѣленными дарами природы", „сухими", „скудными" и т. д.? Во всемъ романѣ „Отцы и дѣти", изъ-за котораго весь сыръ-боръ продолжаетъ горѣть, Базаровъ является наиболѣе даровитою натурою: онъ умнѣе всѣхъ, даже страстнѣе всѣхъ, онъ не знаетъ ни середины, ни половины, и все его отрицаніе искусства, и даже приводимое г. Постороннимъ отрицаніе науки вообще и признаніе лишь отдѣльныхъ наукъ, знаній, только теоретичны—и ни на одну іоту не уменьшаютъ ни ума, ни вообще превосходства Базарова надъ всѣми окружающими. Можно ли же говорить объ „обдѣленности дарами природы" Базарова? Можно ли говорить объ „ореолѣ" по отношенію къ Веретьеву! Развѣ не совершенно отталкивающее впечатлѣніе производитъ онъ въ изображеніи Тургенева... Какой ужъ тутъ „ореолъ"! Если же

и дѣйствительно настойчивые люди практики являются у Тургенева, въ нашей скудной дѣломъ жизни, лишенными хотя бы простой симпатичности, то такими они являются всюду. Вспомните, напр., Обломова и Штольца у Гончарова, писателя, котораго ужъ никакъ нельзя признать симпатизирующимъ „людямъ слабымъ". Должно быть, ужъ жизнь наша такова, что разслабляетъ людей съ очень симпатичными чертами и наоборотъ. Вотъ вопросы и сомнѣнія, представившіеся намъ.

Безпристрастное разъясненіе всего этого вопроса — въ будущемъ, когда будутъ извѣстны факты, показывающіе истинное положеніе Тургенева въ вопросѣ. Факты эти извѣстны уже впрочемъ и теперь. Въ письмахъ Тургенева есть переписка его съ г-жею ****, „дамою весьма образованной". Предполагая, что Тургеневъ, живя вдали отъ родины, не имѣлъ достаточно случаевъ и возможности ближе познакомиться съ нѣкоторыми „молодыми силами", возросшими въ Россіи, г-жа **** переслала Тургеневу портфель съ ихъ произведеніями. Тургеневъ познакомился съ содержаніемъ портфеля и вотъ что писалъ по поводу его.

„Цѣль ваша — при передачѣ означенныхъ документовъ — была, сколько я могу судить, познакомить меня съ образомъ мыслей — вообще съ личностями „новыхъ людей", которыхъ я не могъ изучать, живя за границей. Экземпляры, съ которыми я долженъ познакомиться, представлялись вамъ въ весьма выгодномъ, почти идеальномъ свѣтѣ — иначе вы бы не дали мнѣ того портфеля... Но представьте: все, что я въ немъ нашелъ, за исключеніемъ дневника... все можетъ служить матеріаломъ... только съ сатирической, юмористической точки зрѣнія! Эта точка зрѣнія особенно примѣняется къ „молодому юношѣ", къ русскому „Лео", г-ну ***. Это опьяненіе самообожанія, рядомъ съ изумительной бездарностью (я много читалъ плохихъ стиховъ на своемъ вѣку, но вирши г-на *** все превосходятъ!), этотъ догматическій тонъ при такомъ невѣжествѣ, все это просится въ каррикатуру. И замѣтьте — меня нисколько не смущаетъ рѣзкость мнѣній; меня изумляетъ эта пустота, воображающая, что она „на 20-мъ году жизни уже разрѣшила всѣ вопросы науки и жизни (*textuel*)"...

Далѣе Тургеневъ прибавляетъ: „Нѣтъ, любезнѣйшая ****, это еще не *новые* люди; я знаю такихъ между молодыми, которымъ гораздо болѣе приличествуетъ подобное наименованіе“...

Мы не знаемъ, что за „документы“ присланы были Тургеневу „очень образованною дамою“, и потому судить, справедливъ ли былъ Тургеневъ въ своихъ строгихъ отзывахъ, не имѣемъ возможности. Г-жа **** не признала его справедливымъ, и въ своемъ письмѣ говоритъ о томъ, что нельзя такъ строго судить о людяхъ, только начинающихъ свою жизнь, что самонадѣянность — понятное свойство молодости, и что, наконецъ, она могла бы указать на другихъ личностей, далеко не подходящихъ для каррикатуръ. Тургеневъ отвѣчалъ: „Какой я былъ бы художникъ (не говорю уже человѣкъ),—если бы я не понималъ, что самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза, даже нѣкоторый цинизмъ, составляютъ неизбѣжную принадлежность молодости! Не въ этомъ я упрекаю вашихъ знакомыхъ, — а въ скудости мысли, въ отсутствіи познаній, а главное: въ бѣдности, въ нищенской бѣдности дарованія. Не въ томъ бѣда, что *** подъ двѣнадцатью стишками („Люби не меня, но идею“) съ одной стороны выставляетъ число, когда онъ задумалъ, а съ другой — число, когда онъ свершилъ это великое дѣло,—а въ томъ, что стихи его вообще никуда не годятся, что они даже грамматически неправильны, и при всей кажущейся вольности — пошлы и холодны. Бѣда въ томъ, что *** не можетъ сдѣлать ни одной иностранной цитаты, не впавъ въ грубую ошибку. Не насмѣшку, какъ вы полагаете, вызываетъ подобная молодежь, а сожалѣніе. Я бы могъ назвать вамъ молодыхъ людей съ мнѣніями гораздо болѣе рѣзкими, съ формами гораздо болѣе угловатыми, передъ которыми я, старикъ, шапку снимаю, потому что чувствую въ нихъ дѣйствительное присутствіе силы и таланта, и ума. А тамъ этого ничего нѣтъ— ничего и ничего. И вы сами скоро въ томъ убѣдитесь“...

Вѣроятно г-жѣ **** показалось естественнымъ возразить Тургеневу, что странно требовать отъ людей талантливости, не отъ нихъ, естественно, зависящей. Мы говоримъ: „вѣроятно“, потому что этого письма г-жи **** въ перепискѣ не

приведено, и мы судимъ только по отвѣту Тургенева. А отвѣтъ этотъ слѣдующій: „Я бы первый не сталъ упрекать вашихъ знакомыхъ въ отсутствіи даровитости, писалъ Тургеневъ, если бы они на нее не претендовали: будь они усердные труженики — ничего бы не оставалось желать; но коли уже они становятся на дыбы и заявляютъ притязаніе на удивленіе, то нельзя не напомнить имъ, что они никакихъ правъ на это удивленіе не имѣютъ“.....

(1883).

„О времена, о нравы!“ „Въ нашъ злой, развратный вѣкъ, когда и добродѣтель должна просить прощенья у порока“... Человѣчество носитъ въ себѣ горькое осужденіе своихъ вѣковѣчныхъ пороковъ, и любое общество, когда оно стряхиваетъ съ себя губительный порокъ закоренѣлаго самодовольства дикарей—и критически отнесется къ себѣ, неизбѣжно приходитъ къ осужденію прошлаго, къ недовольству настоящимъ и къ идеальнымъ мечтамъ о будущемъ, нерѣдко, въ тяжкіе моменты общественныхъ недоразумѣній, замѣняющимся отчаяніемъ за это будущее. Съ тѣхъ поръ, какъ русская литература вышла изъ пеленокъ сентиментализма, ей знакомы эти чувства скорби, надеждъ и отчаянія,—и общество, выраженіемъ народившихся идеаловъ котораго служила литература, съ глубокимъ сочувствіемъ прислушивалось къ вдохновеннымъ рѣчамъ своихъ „властителей думъ“, вѣрнѣе: отразителей думъ, разоблачавшихъ противорѣчія жизни идеаламъ и призывавшихъ къ работѣ, къ устройству лучшаго будущаго. Но если живые люди не могутъ безъ страстнаго сочувствія видѣть осужденія жизни во имя идеаловъ, если типы общественнаго зла и рутины: Чичиковы, Фамусовы, Молчалины, и типы—жертвы общественнаго неустройства и несправедливости: Акакіи Акакіевичи Башмачкины, Макары Алексѣевичи Дѣвушкины, всѣ забитые и униженные жизнью—не могутъ не потрясать всякую живую душу горькимъ негодованіемъ, то съ какою радостью и благодарностью встрѣчаетъ общество писателя, умѣющаго подсказать ему, облечь въ живыя, яркія формы его же собственныя стремленія.

Къ числу именно такихъ писателей, геніально угадывавшихъ назрѣвавшія въ обществѣ чувства и идеальныя стремленія, и живыми, мощно выраженными типами, въ которыхъ сильно и странно воедино слагались и общественныя немощи, и общественная сила,— писателей, намѣчавшихъ пути къ осуществленію идеаловъ и, въ частности, ближайшихъ задачъ общественныхъ, принадлежитъ Тургеневъ. Но нѣтъ конечно ничего вѣрнѣе той мысли, которую высказываетъ г. Анненковъ въ своей статьѣ „Молодость Тургенева".

„Миръ праху твоему"! — такъ обыкновенно кончаются поминальныя рѣчи надъ усопшими, выражая тѣмъ пожеланія живущихъ предать забвенію все, что̀ могло бы сколько-нибудь затемнить нравственный обликъ покойнаго,—говоритъ г. Анненковъ.—Но такое трогательное восклицаніе пригодно только для лицъ, никогда не выходившихъ изъ толпы .. только личности низшихъ порядковъ жизни и представленій могутъ надѣяться на „миръ своему праху"; но люди, носящіе большое имя, должны ожидать, что съ ихъ кончиной и загорится критическая буря и возникнетъ споръ, который потребуетъ многихъ лѣтъ для своего разрѣшенія".

Невозможно, повторяемъ, не согласиться съ этою мыслью. Рядомъ съ горячимъ сочувствіемъ, долженствующимъ такому писателю, какъ Тургеневъ, мы естественно должны ожидать „критической бури" осужденій и недовольства дорогимъ и великимъ писателемъ, потому что всякій хотѣлъ бы имѣть его на своей сторонѣ, на сторонѣ своихъ мнѣній и стремленій до мельчайшихъ деталей, а писатель *всѣмъ* извѣстный и *всѣмъ* дорогой—не можетъ же сразу угодить всѣмъ и со всѣми оказаться единомышленникомъ. Такъ именно и было, такъ и должно быть—и теперь, и послѣ, и мы имѣемъ уже цѣлый рядъ посвященныхъ Тургеневу и его произведеніямъ статей, въ которыхъ звучитъ эта странная требовательность, которой не въ состояніи удовлетворить никакой писатель и никакій человѣкъ! Тѣмъ удивительнѣе читать у г. Анненкова, что „почти ничего подобнаго не случилось ни передъ похоронами Тургенева, ни послѣ нихъ", потому что въ дѣйствительности „случились„ всевозможныя претензіи на умершаго писателя, смыслъ ко-

торыхъ мы увидимъ сейчасъ. И если г. Анненковъ не замѣтилъ этого, такъ исключительно потому, что не слѣдилъ ни за печатью, старавшейся сдѣлать Тургенева чуть-чуть не совершенно солидарнымъ съ разными господами новѣйшаго времени и ихъ обиженными самолюбьицами, ни за печатью, старавшейся всѣми силами доказать, что не слѣдуетъ Тургеневу и его произведеніямъ довѣрять, потому-де, что онъ не такъ понималъ дѣло, какъ нужно было понимать...

Вотъ, напримѣръ, критическая статья: — „И. С. Тургеневъ (литературная характеристика)". Трудно не видѣть, что воззрѣнія автора не только односторонни, а даже безусловно и черезчуръ неосновательны. „Популярность" Тургенева онъ приписываетъ тому обстоятельству, что между нимъ и „толпой" не было, видите-ли, „бездны", что онъ былъ „близокъ къ публикѣ" и понятенъ ей, что, словомъ, онъ „не переходилъ за ту роковую черту", на которой расположена „наибольшая высота, какая только доступна пониманію русскаго образованнаго общества"... Но это же самое даетъ нашему критику поводъ — и, по его мнѣнію, право — отказать ему въ званіи великаго писателя. Критику было уже замѣчено, выпиской изъ Тэна, что, по мнѣнію этого глубокаго историка-мыслителя, другихъ „великихъ" писателей и нѣтъ, что всѣ они въ этомъ отношеніи обязательно похожи на Тургенева. Съ другой стороны, авторъ статьи не вѣрно представляетъ факты: по его мнѣнію, „великому человѣку чаще приходится убѣждаться, что нѣтъ пророка въ отечествѣ", а Тургеневъ будто бы „смотритъ иначе". А что же мы сдѣлаемъ съ рядомъ непризнаній Тургенева, какъ только онъ дошелъ до настоящаго развитія своего таланта? куда мы дѣнемъ этотъ рядъ статей, кричавшихъ: „глупецъ! хотѣлъ увѣрить насъ"... и доведшихъ Тургенева до мысли совсѣмъ оставить литературное поприще. Едва-ли кому въ большей степени пришлось испытать непризнаніе въ отечествѣ, чѣмъ Тургеневу, которому пришлось разъ выслушать даже наставленіе отъ какого-то студентика...

Не „великъ" Тургеневъ, по автору, еще и потому, что онъ обращалъ много вниманія на свое положеніе среди современниковъ, что его тревожили отзывы о немъ, что онъ забо-

тился о вліяніи, о признаніи его публикою, а не ставилъ себя на божницу и на пьедесталъ..... И этимъ даже онъ не угодилъ критику!...

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, „великій“ или *не* „великій“ писатель Тургеневъ, остановимся на вопросѣ, чего хочетъ авторъ отъ писателя. Онъ хочетъ, чтобы Тургеневъ, если только онъ „великій“ писатель, былъ выше современниковъ и „передѣлывалъ представленія и міросозерцаніе своей публики“. Но, во-первыхъ, онъ исполнялъ именно эту самую роль относительно массы читателей, внося въ ихъ душу все то гуманное и свѣтлое, что дается широкою образованностью. А во-вторыхъ, всякій критикъ требуетъ отъ Тургенева, чтобы онъ „переросъ“ „толпу“ въ ту самую сторону, въ которую переросъ ее самъ критикъ... по его только собственному, конечно, мнѣнію. Вся эта требуемая „высота“, стоящая за „роковою чертою“, только нелѣпый миражъ— она гораздо болѣе и чаще кажущаяся, чѣмъ „вліяніе“ Тургенева, представляющееся критику кажущимся. Нѣтъ сомнѣнія, что примкнувъ слишкомъ тѣсно не только къ общественной партіи, но и ко всѣмъ ея недостаткамъ и увлеченіямъ, Тургеневъ показалъ бы свою неспособность стать выше „толпы“ и выше „партіи“ въ гораздо большей степени, чѣмъ оставшись свободнымъ и независимымъ. И если Тургенева укоряли партіи, и понимала „толпа“, такъ вѣдь и за Христомъ ходилъ толпою народъ, а фарисеи распяли его... Въ подобныхъ вопросахъ, лучше бы ужъ оставить различныя измѣренія „высоты“, на которой стоялъ, сравнительно съ часто не весьма образованными и не весьма умными критиками, Тургеневъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и сильнѣйшихъ умовъ своего времени. Тургеневъ имѣлъ свое спеціальное и великое дѣло художника съ огромнымъ талантомъ, будилъ чувство и сознаніе, въ жестокій вѣкъ требовалъ своими „Записками охотника“ свободы, и не милость только, а и справедливость призывалъ къ рабамъ. По нашему крайнему разумѣнію, г. „критикъ“ выбралъ для себя, быть можетъ, и „оригинальную“ точку зрѣнія, но совершенно ложную и пустую.

(1884).

ГОНЧАРОВЪ.

„ЧЕТЫРЕ ОЧЕРКА“.

Была литературная эпоха, когда всѣ мысли и всѣ стремленія лучшихъ людей были направлены къ нравственному поднятію личности человѣка, приниженнаго исторіей; когда всѣ надежды, всѣ чаянія были сосредоточены на литературѣ, на ея вліяніи на человѣческую душу; когда у одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей времени обращеніе къ человѣческому достоинству людей, къ ихъ лучшимъ душевнымъ движеніямъ, выразилось въ молодомъ и страстномъ восклицаніи: „Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ призваніемъ!“ То былъ истинный человѣкъ литературы! въ ней, и именно въ литературѣ художественной, онъ видѣлъ живое дѣло, способное поднять общество, погрязшее въ исторически выработавшемся эгоизмѣ, въ смутахъ и тьмѣ безмыслія. Но время шло и дѣлало свое дѣло. Настала другая эпоха, приведшая съ собою серьезнѣйшія задачи общественнаго обновленія, когда то, что̀ могло быть рѣшено литературою — было рѣшено, и потребовалось провести въ жизнь, въ дѣйствительность тѣ идеи, которыя она лелѣяла и выясняла въ предъидущій періодъ. Тогда другой замѣчательнѣйшій представитель литературы, съ тою же страстной мыслью и волей, выразилъ свои стремленія и надежды словами: „Мое презрѣнье меня далеко оттолкнетъ отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье опять права свои возьметъ.“

Въ этихъ словахъ Добролюбова, требовавшаго „живого

дѣла вмѣсто словъ", уже нѣтъ той надежды на слово человѣческое, которое одушевляло Бѣлинскаго. Скоро была сказана и разрослась въ обширное мнѣніе фраза носящая на себѣ всѣ признаки чрезвычайнаго парадокса: „Хорошій сапожникъ полезнѣе всякаго поэта!" Она не была однако голымъ парадоксомъ: это былъ вопль, вырвавшійся изъ души тогдашняго человѣка, терявшаго вѣру въ силу искусства, въ силу человѣческаго слова: это былъ скептицизмъ, крайній и безусловный, свидѣтельствовавшій, что, дѣйствительно, искусство въ чемъ-то провинилось передъ современнымъ человѣкомъ, возлагавшимъ на него, быть можетъ, преувеличенныя надежды и ожиданія.

Что же теперь? Есть ли искусство великая общественная сила, или безполезная забава, развлеченіе празднолюбцевъ? Намъ говорятъ, что время наше давно уже отказалось отъ скептическаго отношенія къ искусству, что искусство растетъ и овладѣваетъ вниманіемъ общества. Но гдѣ же то сильное, овладѣвающее душой, живое слово человѣческое, которое называется художественною литературою? Не думаемъ, что было бы анахронизмомъ заговорить теперь въ защиту правъ и обязанностей художественной литературы. Всѣ фазы развитія, черезъ которыя прошли воззрѣнія на искусство, оставили въ нашей жизни и въ литературѣ слишкомъ глубокіе слѣды, еще не стертые временемъ. До сихъ поръ и въ обществѣ, и литературѣ вы встрѣтите и поклонника чистаго искусства для искусства, и послѣдователя утилитарной теоріи, и настоящаго отрицателя искусствъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ что-нибудь сказать за свое мнѣніе. Нѣтъ ни въ одной области современной мысли такого разногласія, такого разномыслія, какъ въ сферѣ мнѣній объ искусствѣ.

Вглядимся же въ нихъ.

„Отрицаніе" искусства имѣетъ свои основанія и свою исторію. Была глухая темная пора. Искусство говорило, что оно—свѣтъ міру, что представители его—соль земли. Между тѣмъ оно не прогоняло глухой тьмы, царившей кругомъ нетерпѣливаго человѣка. Эстетическая теорія художественной литературы съ своей стороны говорила о какомъ-то „эсте-

тическомъ наслажденіи", составляющемъ суть вліянія искусства на человѣка. Быть можетъ это „эстетическое наслажденіе" и было роднымъ для человѣческой души, но оно совсѣмъ не ладило съ современнымъ направленіемъ мысли. Направленіе это, живое и великодушное, шло какъ разъ въ противоположную сторону, въ сторону отказа отъ всякихъ „наслажденій". Въ молодомъ обществѣ вставало особое и характерное стремленіе уйти отъ всѣхъ благъ обычной жизни, основывающееся на страстномъ убѣжденіи, что нѣтъ и не должно быть счастія и наслажденія внѣ счастія общественнаго. А этого общественнаго счастія не было. До сихъ поръ намъ могутъ сказать: „Какъ можете вы наслаждаться „эстетикой", когда кругомъ васъ тревожное время, голодъ въ городахъ и деревняхъ, смуты, несчастія, царящая несправедливость? Оставьте вашу эстетику и пойдемте дѣлать живое дѣло общественнаго возрожденія." И вамъ нечего будетъ отвѣчать на справедливый упрекъ, если вы стоите понынѣ на точкѣ зрѣнія „эстетическаго наслажденія". Вы должны будете отвернуться отъ того искусства, которое бралось „глаголомъ жечь сердца людей", но въ то же время говорило имъ: „какое дѣло поэту мирному до васъ?"—то искусство, которое рекомендовало „въ развратѣ смѣло каменѣть" и развѣ лишь „призывало милость къ падшимъ".

Мы искренно убѣждены, что искусство это было несправедливо къ себѣ, что въ словахъ Пушкина—только окорбленный человѣкъ, что Пушкинъ дѣйствительно въ свой „жестокій вѣкъ возславилъ свободу" и училъ общество и литературу относиться къ жизни аналитически, безъ предвзятыхъ, тогда сентиментальныхъ и грубыхъ въ одно и то же время, — чувствъ и мыслей. Фатальное недоразумѣніе — отрицательный взглядъ на искусство, отразившійся застоемъ въ развитіи нашей общественной мысли. Искусство есть одно изъ тѣхъ живыхъ дѣлъ, отъ которыхъ зависитъ общественное возрожденіе. Живое слово—величайшая общественная сила, которою совершается подъемъ духа человѣческаго на ту высоту, гдѣ живо пониманіе несчастій и страданій людскихъ, но гдѣ исчезаютъ личныя дрязги, поглощающія и

низводящія человѣка, гдѣ исчезаютъ маленькій эгоизмъ и микроскопическіе интересы, а вмѣсто нихъ мощно овладѣваютъ человѣкомъ интересы общечеловѣческіе. Безъ искусства міръ людской погрузился бы въ мрачное существованіе, въ которомъ дѣйствовали бы грубѣйшія побужденія человѣческой натуры, а высшія идеи исчезли бы.

Искусство—это великое и могущественное средство пропаганды великодушныхъ идей между людьми. Какъ убѣдите вы людей, что всѣ другіе люди—братья имъ? Обыденная жизнь съ ея мелочной борьбой ставитъ людей скорѣе во враждебныя отношенія другъ къ другу; мелкіе интересы, сталкиваясь, разъединяютъ ихъ. Попробуйте просто сказать людямъ, что имъ нужно соединиться и дѣйствовать общими силами, — васъ очень часто не поймутъ. Но къ счастію человѣчества, между людьми всегда существуютъ пламенныя натуры, которымъ дано глубоко чувствовать несправедливость человѣческихъ отношеній, имя которымъ — поэтъ. Глубоко заглянувъ въ душу и друга, и врага вашего, онъ покажетъ вамъ, какимъ тяжкимъ гнетомъ ложится на нихъ жизнь, и вы не можете не почувствовать горькаго раскаянія въ томъ участіи въ этомъ гнетѣ, которое падаетъ на вашу долю; вы не можете не проникнуться мыслью о возмутительности нарушенія правъ человѣческихъ. Не думайте, чтобы тѣ же чувства овладѣли вами безъ вліянія на васъ поэта,—безъ него вашъ врагъ возбудилъ бы въ васъ совершенно иныя чувства—грубыя и эгоистическія.

Искусство, говорятъ намъ, есть только воспроизведеніе жизни, которая и есть дѣйствительный, настоящій учитель. Но это—опять недоразумѣніе. Искусство есть не только воспроизведеніе жизни, но и критическій анализъ ея. Оно не изображаетъ только жизнь, но и объясняетъ ее. Встрѣчаясь въ дѣйствительности съ рядомъ явленій, вы пройдете нерѣдко мимо нихъ, не приглядываясь, не анализируя. Но вотъ васъ останавливаетъ живой человѣкъ, обращаетъ ваше вниманіе на эти явленія и разъясняетъ смыслъ ихъ. Но къ чему же тутъ искусство? Не проще ли было бы обыкновенными словами, но не образами, не воспроизведеніемъ жизни, разъ-

яснить смыслъ явленій; не проще ли обратиться къ наукѣ и оставить искусство? Нѣтъ, не проще. Опытъ человѣческій дается болѣе всего личными страданіями. Для каждаго отдѣльнаго человѣка сфера опыта бѣдна и одностороння. Много ли придется передумать и перечувствовать человѣку лично? Каждый день все то же и то же, поглощающее и отупляющее. И нужно сначала выучиться не однимъ разсудкомъ, а всѣми своими нервами понимать явленія жизни. Тутъ и является искусство. Наука даетъ вамъ только общій выводъ, формулу, которой вы перечувствовать не можете. Искусство же не даетъ вамъ формулы, но заставляетъ пережить, перечувствовать на себѣ смыслъ явленій жизни. Оно ведетъ васъ въ незнакомый вамъ кабинетъ ученаго и заставляетъ передумать горькія думы, которыя волновали Фауста, не нашедшаго удовлетворенія въ жизни; на дышащія смертью поля Ватерлоо, гдѣ вы, вмѣстѣ съ Чайльдъ-Гарольдомъ, почувствуете горькую обиду за ничтожество, въ которомъ исчезаютъ милліоны жизней. Съ Каиномъ Байрона вы зададите себѣ всѣ тревожные и мрачные вопросы, на которые человѣчество такъ долго и страстно ищетъ отвѣта. Съ поэтомъ вы живете полной жизнью человѣчества, оно становится вамъ роднымъ и дорогимъ. Тысячи людей соединяетъ поэтъ въ общихъ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ и создаетъ въ нихъ стремленіе къ идеалу.

Представьте себѣ начинающаго жить человѣка въ тотъ моментъ, когда въ душѣ его просыпается тревога, возникаютъ вопросы, и мысль ищетъ удовлетворенія. Личный опытъ для него еще не существуетъ. Окружающее общество не понятно для него. Но Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лишній человѣкъ, Базаровъ, Чичиковъ и проч. сразу ставятъ его участникомъ мыслей и чувствъ, волновавшихъ и волнующихъ общество. Человѣчество прошло черезъ громадный опытъ чувствъ, мыслей, страстныхъ желаній, среди которыхъ изученіе окружающей природы, въ обширномъ смыслѣ наука, представляетъ только одну сторону. Этотъ тысячелѣтній опытъ не пропадаетъ для насъ, великіе геніи человѣчества отразили его въ своихъ

поэтическихъ произведеніяхъ. И жалокъ тотъ человѣкъ, который не воспользуется сокровищами прошлаго, не перечувствуетъ и не передумаетъ того, что чувствовало и думало до него человѣчество. Но отчего же, при вѣковомъ существованіи искусства, жизнь человѣческая постоянно полна тѣхъ несправедливостей и тревогъ, которыя существовали всегда и существуютъ нынѣ? Да быть можетъ именно потому, что вліяніе искусства и идей, имъ проводимыхъ, не было доступно массамъ людей. Но если человѣчество, хотя медленно и постепенно, но подвигается къ разрѣшенію вѣчныхъ задачъ своихъ, то этимъ оно въ высшей степени обязано искусству, въ которомъ лучшіе люди почерпали идеалы лучшей жизни и силу, чтобы отдаться всѣми своими помыслами служенію человѣчеству.

Конечно все, что говоримъ мы, не ново. Но откуда же возникло горячее отрицаніе искусства, характеризующее наше недавнее прошлое? въ чемъ „провинилось“ искусство передъ современнымъ человѣкомъ? Отрицавшіе его проглядѣли, что даже самое отрицаніе ихъ было результатомъ именно тѣхъ идей, которыя обязаны своимъ распространеніемъ въ сознаніи общества больше всего искусству. Цѣлымъ направленіемъ, которое Добролюбовъ охарактеризовалъ словами: живое и дѣйственное, направленіе истинно гуманическое“,— искусство ревностно возстановляло въ обществѣ затерянное въ суровой исторіи понятіе о существеннѣйшихъ правахъ человѣка, оно выдвинуло народные вопросы, указало, что въ жизни многое не идетъ въ интересахъ народныхъ, оно же показало обществу и народную жизнь... И всё таки явилось отрицаніе искусства, существовавшаго, по его же собственной теоріи, только для самого себя, искусства для искусства.

Дѣйствительно, было такое искусство, которое могло казаться существующимъ для себя. Съ давнихъ поръ, еще въ классическомъ мірѣ, возникъ изолированный классъ общества, потерявшій живыя связи съ дѣйствительными общественными интересами, проявляющимися въ прогрессѣ, въ медленномъ и постепенномъ улучшеніи человѣческихъ отношеній. „Иліада“ была настоящимъ произведеніемъ искусства, отразившимъ въ

себѣ всѣ чаянія и жизнь тогдашнихъ людей. „Энеида“ уже не была имъ, она уже не произведеніе искусства, а искусственное произведеніе, отразившее сильно и правдиво лишь часть той жизни, которая существовала во времена поэта. Каждый народъ прошелъ въ искусствѣ черезъ такой періодъ, когда выдѣлившійся изъ народа и создавшій для себя искусственную жизнь классъ создавалъ и искусство, носящее на себѣ опечатокъ этой искусственной жизни и искусственныхъ интересовъ.

Такъ было и у насъ. Помните ли, читатель, тѣ романы, гдѣ воспѣвались хорошія манеры и аристократичность героевъ, занятыхъ разговорами о любви и другихъ возвышенныхъ чувствахъ въ то самое время, когда милліоны людей терзались подъ страшнымъ гнетомъ рабства и вѣками выработанной несправедливости. Ни геній Пушкина, ни расцвѣтавшій талантъ Лермонтова не могли совершенно освободить ихъ отъ условныхъ, искусственныхъ понятій и взглядовъ на свое призваніе. Съ необычайной силой и глубиной отражая явленія жизни душевной, они невольно останавливались преимущественно на тѣхъ сторонахъ ея, которыя были результатомъ искусственной среды, въ которой они вращались. „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“, говоритъ Пушкинъ, а Лермонтовъ описываетъ страданія двухъ существъ, встрѣтившихся въ „свѣтѣ“, полюбившихъ другъ друга, изъ приличія не выказывавшихъ своихъ чувствъ—и въ другомъ мірѣ другъ друга не узнавшихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и тотъ, и другой воспроизводили поэтически дѣйствительность, но дѣйствительность условную, существованіе которой было конечно фактомъ, но фактомъ менѣе важнымъ и значительнымъ въ смыслѣ интересовъ человѣчества. Но на анализѣ ихъ-то именно и останавливались наши поэты до Гоголя.

Когда выдвинулся народный вопросъ и потребовалось знаніе народной жизни, изслѣдователи, признавшіе этотъ вопросъ не только первенствующимъ, а преимущество жизненнымъ, естественно не нашли у Пушкина и Лермонтова отвѣтовъ на свои стремленія. И люди, своимъ развитіемъ и спо-

собностью страстно отдаться искорененію общественнаго зла обязанные поэзіи, отвернулись отъ нея, какъ отъ безполезнаго дѣла. Теорія искусства для искусства естественно и законно пала, настало ученіе о пользѣ искусства, а крайнее увлеченіе привело исключительныя натуры къ отрицанію его.

Вся исторія развитія у насъ искусства показываетъ, что искусство должно служить задачамъ человѣчества. Такова исторія его и въ другихъ странахъ. Человѣчество не хочетъ искусства, которое не служитъ отвѣтомъ на вопросы, ставимые жизнью, и еще въ Греціи существовалъ взглядъ, что поэтъ долженъ служить исправленію нравовъ „родного города". Да и Пушкинъ, напримѣръ, видитъ заслугу въ томъ, что онъ „возславилъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ".

Утилитарная теорія совсѣмъ не стѣсняетъ „свободы творчества". Поэту предоставляется свободно избирать для своихъ произведеній то, что говоритъ ему вдохновеніе, до „звуковъ сладкихъ и молитвъ"; но читатель его имѣетъ право избирать изъ этихъ произведеній тѣ, которыя наиболѣе отвѣчаютъ его идеальнымъ стремленіямъ и чаяніямъ. Не даромъ, впрочемъ, всегда великими поэтами признавались тѣ, которые полно и ярко отражали свой вѣкъ и современнаго человѣка, которые были органами самосознанія общественнаго, а слѣдовательно, помогали рѣшенію вопросовъ времени. Развитое общество представляетъ своего поэта не иначе, какъ проникнутаго и волнуемаго тѣми же идеями времени, которыми оно само живетъ и волнуется; и поэтъ, отставшій отъ общественнаго развитія, пусть не осудитъ, если читатели отвернутся отъ него. Величайшіе геніи человѣчества, дѣйствительно, никогда и не отставали отъ общества, а шли впереди его, и если бывали не поняты современниками, то потомки вознаграждали ихъ за печальную несправедливость.

Нынѣ всѣ, признающіе искусство, согласятся въ томъ, что оно не напрасный даръ человѣку. И если все великое совершается черезъ людей, то между этими людьми, совершающими великое, виднѣйшее мѣсто принадлежитъ поэтамъ и людямъ знанія. Но требованія отъ искусства чрезвычайно разнообразны. Одни (и такихъ—огромное большинство) хо-

тятъ, чтобы искусство не шло дальше выводовъ, до которыхъ доходятъ и сами они, эти нехитрые умы. Видя, что столоначальникъ обижаетъ писца, или земство не чинитъ мостовъ, эти нехитрые люди желаютъ, чтобы искусство казнило столоначальника и изображало худые мосты, воображая и проповѣдуя, что оно-то, такое-то искусство и будетъ настоящимъ „реальнымъ". Другіе требуютъ, чтобы искусство стало наукой, чтобы оно производило „эксперименты", чтобы оно отказалось отъ эмпирическаго пути, которымъ прошла и наука, и воспроизводило не то только, что подпало наблюденію художника, а и производило опыты надъ человѣческой душой. Они не указываютъ однако, какимъ образомъ поэту можно производить такіе опыты, „эксперименты". Между этими двумя крайними требованіями располагается множество другихъ, среди которыхъ у насъ самое видно мѣсто принадлежитъ желанію, чтобы искусство „возбуждало добрыя чувства". Читатель понимаетъ изъ предъидущаго, что мы стоимъ нѣсколько въ сторонѣ, смотря на искусство, какъ на орудіе, посредствомъ котораго человѣкъ, поставленный лично въ очень тѣсныя жизненныя рамки, соприкасается съ общей жизнью человѣчества, посредствомъ котораго вѣковой опытъ чувствъ, мыслей и желаній, если хотите—мечтаній человѣчества, дѣлается доступнымъ для отдѣльнаго человѣка, совершенно такъ же, какъ наука дѣлаетъ доступнымъ для отдѣльнаго человѣка результаты вѣковой борьбы человѣчества съ природой, проникновенія въ тайны природы съ ея законами и съ ея исторіей.

Именно съ этой точки зрѣнія отношенія къ искусству и интересуютъ насъ „Четыре очерка" Гончарова, представляющіе собственно критическія статьи. Немыслимо, чтобы Гончаровъ, человѣкъ съ большимъ поэтическимъ дарованіемъ, стремившійся освѣтить цѣлую эпоху нашей жизни съ ея причинами и слѣдствіями, могъ не сказать намъ ничего поучительнаго. И личный опытъ художественнаго творчества, и рѣдкое знаніе жизни и души человѣческой ручаются намъ, что авторъ дастъ намъ вѣрный путь для пониманія искусства и его значенія въ жизни и мысли человѣка. Мы, конечно,

убѣждены, что авторъ и дастъ намъ именно доказательства истинности тѣхъ мнѣній, которыя раздѣляемъ мы.

Что же мы находимъ у Гончарова? Онъ, какъ человѣкъ сороковыхъ годовъ, выростившій свой талантъ на почвѣ теоріи чистаго искусства, теоріи безусловнѣйшей свободы искусства, естественно долженъ относиться болѣе или менѣе отрицательно къ понятіямъ о полезности его, которыя преобладали позже. Но уже первый очеркъ, „Литературный вечеръ", прямо приводитъ читателя къ мысли, что нѣтъ человѣка, не требующаго отъ искусства ничего, кромѣ наслажденія. Между разнообразными людьми на вечерѣ нѣтъ ни одного, кто не искалъ бы въ искусствѣ прямо полезности. Это свойство присутствовавшихъ на „литературномъ вечерѣ", равнодушныхъ и неравнодушныхъ къ искусству, проявляется такъ настойчиво и рѣзко, что если это—типическое явленіе жизни, то поэтъ долженъ страшиться игнорировать его; онъ долженъ пройти тотъ искусъ жизни, который всѣ прошли, долженъ страстно и дѣятельно участвовать въ современной ему жизни: онъ можетъ стоять выше, но никакъ не ниже требованій времени.

Во второмъ своемъ очеркѣ, „Милліонъ терзаній", Гончаровъ, съ подобающей ему ясностью и силой, выражаетъ именно эту же мысль. Безсмертіе комедіи Грибоѣдова онъ видитъ въ томъ, что „въ честныхъ горячихъ рѣчахъ позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться грибоѣдовскіе мотивы... отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда". Въ этомъ отвѣтѣ на запросы всѣхъ временъ и лежитъ, дѣйствительно, суть вліянія Грибоѣдова. „Его идеалъ свободной жизни", говоритъ Гончаровъ про Чацкаго, „опредѣлителенъ: это—свобода отъ всѣхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество", а потомъ — свобода „вперить въ науки умъ, жаждущій познаній"... На эту роль не годились ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, и потому они меньше говорили современному человѣку. Признавая, что обществу предстоятъ задачи шире описанія свѣтскости и „науки страсти нѣжной", Гончаровъ говоритъ: „Онѣгины и Печорины—вотъ представители цѣлаго класса, почти породы

ловкихъ кавалеровъ, jeunes premiers... Самъ Пушкинъ дорожилъ этимъ внѣшнимъ блескомъ, этою представительностью du bon ton, манерами высшаго свѣта, подъ которыми крылись и „озлобленіе“ и „тоскующая лѣнь“, и „интересная скука“. Пушкинъ „щадитъ Онѣгина“,... и вотъ это-то отношеніе его къ жизни, несмотря на геній, несравненный съ талантомъ Грибоѣдова, теперь и создало ему въ обществѣ несочувствіе. Человѣчество, живущее въ вѣчной борьбѣ, можетъ смѣло игнорировать модный костюмъ, бездѣлки туалета, франтовство и ту напущенную на себя небрежность и невниманіе ни къ чему, эту fatuité, позированье, описываемые съ такимъ стараніемъ Пушкинымъ. Но оно всегда откликнется на „милліонъ терзаній“, на крики истерзаннаго сердца, истерзаннаго злобой, пустотой и безсмысліемъ того свѣта, отъ котораго Чацкій бѣжалъ туда, „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“.

Въ „Замѣткахъ о личности Бѣлинскаго“ Гончаровъ указываетъ примѣръ вліятельности живой личности человѣка, живой въ смыслѣ горячаго отношенія къ вѣчнымъ истиннымъ задачамъ человѣчества. Бѣлинскій, по Гончарову, принадлежитъ къ тѣмъ „горячимъ и воспріимчивымъ натурамъ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ“, страстно отзывающимся на все, что ищетъ жизненной правды. Въ характеристичной исповѣди Гончарова: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, съ чрезвычайной глубиной оцѣнивается значеніе искусства для человѣка. На первой же страницѣ ея вы встрѣчаете слова: „Романы и вообще художественныя произведенія слова живутъ для своего вѣка и умираютъ вмѣстѣ съ нимъ; только произведенія великихъ мастеровъ переживаютъ свое время и обращаются въ историческіе памятники“. Глубоко поучительны эти слова. Кто можетъ, кто смѣетъ думать, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ геніямъ человѣчества, которые отмѣчаютъ собою эпохи, которые составляютъ этапные пункты, черезъ которые прошло человѣчество! Поэтъ долженъ глубоко изучать свой вѣкъ, котораго, быть можетъ, не переживутъ его произведенія; онъ долженъ откликаться на всѣ чаянія вѣка, на всѣ его стра-

данія и заботы, и только тогда онъ будетъ истиннымъ сыномъ человѣчества. Именно въ этомъ смыслѣ служенія своему вѣку, въ смыслѣ помощи общественному самосознанію, и понимаетъ Гончаровъ свои произведенія, которыя однако переживутъ наше время.

Но Гончаровъ защищается отъ навязываемыхъ ему темъ для произведеній. „Напрасно—говоритъ онъ:—предлагали мнѣ задачи для романа". „Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню". „Не могу",—говоритъ авторъ, „не умѣю! То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ,—то недоступно моему перу... Я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что̀ любилъ, что̀ близко видѣлъ и зналъ,—словомъ, писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней приростало". И авторъ правъ: онъ не долженъ былъ писать иначе, не рискуя стать извратителемъ, а не истолкователемъ жизни. Пусть пишетъ поэтъ только то, что онъ переживаетъ. Нужно только, чтобы онъ былъ на высотѣ современныхъ ему чувствъ, мыслей и идеаловъ, и онъ будетъ истиннымъ и лучшимъ представителемъ своего времени и своего народа.

Гончаровъ, однако, вынесъ на себѣ слишкомъ сильное вліяніе понятій объ искусствѣ прежняго времени. Онъ правъ, отрицая маленькій реализмъ съ его „земскими мостами", какъ права и другая сторона, отрицая „дѣвушку у колодца". Онъ правъ, что уловить природу хорошимъ намѣреніемъ невозможно, что „природа слишкомъ сильна и своеобразна, чтобы взять ее цѣликомъ", что „изъ непосредственнаго снимка съ нея выйдетъ жалкая, безсильная копія". Дѣйствительно, „иначе было бы слишкомъ просто быть художникомъ... Стоило бы сѣсть у окна да записывать, что дѣлается на улицѣ, и вышла бы комедія или повѣсть". Но едва ли онъ правъ, понимая даже современный реализмъ такимъ образомъ. Онъ говоритъ: „Напрасно будетъ пророчить себѣ этотъ новый родъ реализма долгій вѣкъ, если откажется отъ пособія фантазіи, юмора, типичности, вообще поэзіи, и будетъ пробавляться однимъ умомъ, безъ участія сердца".

Но вѣдь о такомъ реализмѣ никто и не говоритъ, кромѣ развѣ героевъ обличеній, направленныхъ на земскіе мосты. Нужно думать, что и фантазія, и юморъ, и типичность—не берутся просто, безъ околичностей, всякимъ желающимъ, какъ не берутся произвольно сюжеты для поэтическихъ произведеній. Необходимо, чтобы жизнь смотрѣла изъ художественнаго произведенія, нужно, чтобы юморъ, сердце и фантазія не извращали дѣйствительности. И кто не настолько самонадѣянъ, чтобы претендовать на огромное дарованіе, тотъ долженъ зорко и внимательно вглядываться въ жизнь, иначе онъ ошибется, отъ чего не застрахованы и большіе таланты. Въ этомъ и состоитъ истинный реализмъ.

Намъ нѣтъ надобности говорить подробнѣе о содержаніи „четырехъ очерковъ“ Гончарова. Мы хотѣли только намѣтить тѣ черты въ нихъ, которыя могутъ послужить къ разъясненію, чѣмъ должно быть искусство въ жизни человѣчества, въ чемъ его цѣли и значеніе.

(1881).

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДОСТОЕВСКАГО.

РОМАНЪ—ПРОПОВѢДЬ

„Братья Карамазовы“.

Среди современнаго намъ міра живому человѣку трудно не видѣть безбрежнаго моря слезъ и скорби, господствующихъ въ человѣчествѣ. А Достоевскій слишкомъ живой человѣкъ. Съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности онъ является однимъ изъ замѣчательныхъ представителей того живого и дѣйственнаго направленія, истинно гуманическаго, не сбитаго и не разслабленнаго разными юридическими и экономическими сентенціями, какъ называлъ его потомъ Добролюбовъ, которое въ своемъ конечномъ выводѣ было заступничествомъ за все страдающее и обездоленное, за все, что „несчастно, голодно и блѣдно, что ходитъ голову склоня“. Это направленіе было, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячимъ призывомъ къ человѣческому достоинству всего „склонившаго голову“, и въ произведеніяхъ Достоевскаго той эпохи всюду и всегда сказывается, говоря опять словами Добролюбова, страстная боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не вправѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. „Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ че-

ловѣку" — вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то à priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. Таковы, дѣйствительно, были всѣ произведенія Достоевскаго въ первый періодъ его литературной дѣятельности. Рисуя передъ читателемъ забитыхъ жизнью людей, онъ съ любовью останавливался надъ всякимъ проявленіемъ въ нихъ протеста противъ жизненнаго гнета, показывалъ, что никакой гнетъ не въ силахъ вырвать изъ человѣка сознанія своихъ человѣческихъ правъ. Его Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ („Бѣдные люди"), „прячущійся, скрывающійся, трепещущій, стыдящійся за свою жизнь, вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводящій", находитъ единственное утѣшеніе въ томъ, что онъ „маленькій и ничтожный человѣкъ"; но и ему извѣстны и „ропотъ", и „либеральныя" мысли. „Полно, такъ ли, голубчики?", спрашиваетъ онъ, видя торжествующее право сильнаго. Даже окончательно забитый и запуганный господинъ Прохарчинъ, и тотъ не хочетъ „вѣчно пресмыкаться" и считаетъ себя способнымъ „сгрубить".

Изображая людей, въ которыхъ неумолимо попрано лучшее человѣческое достояніе — нравственная независимость, Достоевскій, однако же, и тогда не давалъ въ своихъ произведеніяхъ объясненія причинъ этой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ. Видя кругомъ, что жизнь неумолима и неуступчива, что человѣку слишкомъ трудно сохранить свою личность независимой, свое человѣческое достоинство не попраннымъ, авторъ глубоко скорбѣлъ объ этомъ, но какъ будто не видѣлъ, отчего происходитъ и куда ведетъ это приниженіе жизнью человѣческой личности — иначе онъ не вышелъ бы на тотъ путь отрицанія правъ жизни, которое составляетъ печальную сторону его послѣднихъ произведеній. Дѣйствительно, во всѣхъ нихъ, и особенно въ послѣднемъ, въ „Братьяхъ Карамазовыхъ", г. Достоевскій, минуя жгучіе вопросы о причинахъ и слѣдствіяхъ изображаемыхъ имъ явленій, берется только указать намъ путь спасенія, дать намъ жизненный идеалъ. Но такое рѣшеніе міровыхъ вопросовъ, произвольное

и гадательное, не ведетъ къ цѣли, и идеалы Достоевскаго доказываютъ намъ только, что можно „ничего не позабывъ, ничему не научиться“.

Достоевскій не разучился видѣть и понимать зло, лежащее въ современныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Въ уста одного изъ братьевъ Карамазовыхъ, Ивана, онъ влагаетъ страстную и горькую исповѣдь человѣческихъ страданій, полную фактической правды и жизненности, исповѣдь о „слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра“. Съ горячимъ негодованіемъ Иванъ Карамазовъ разсказываетъ фактъ за фактомъ, свидѣтельствующіе, говоря словами Гоголя, „какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчія“; онъ говоритъ о бѣдныхъ страдающихъ „дѣткахъ“. Передъ читателемъ проходитъ страшная сцена: по приказанію стараго помѣщика затравливаютъ борзыми собаками, на глазахъ матери, двороваго восьмилѣтняго мальчика, нечаянно попавшаго камнемъ въ ногу любимой генеральской собачки... Но признавая дѣйствительность и всю возмутительность этихъ фактовъ, Достоевскій не даетъ, однако, права на протестъ и негодованіе, и устами своего героя, Алеши Карамазова, произноситъ строгій приговоръ, требуетъ примиренія, называетъ „бунтомъ“ этотъ законный протестъ противъ возмутительной несправедливости жизни. Что же рекомендуетъ намъ Достоевскій?

Передъ нами три брата и отецъ Карамазовы, родственные по темпераменту и характеру, и совершенно различные по своему направленію, по своимъ требованіямъ отъ жизни. Отецъ—развращенный, сладострастный человѣкъ, который не остановится ни передъ какой мерзостью для достиженія своихъ грязныхъ цѣлей. Старшій братъ, отставной офицеръ, Дмитрій Карамазовъ—кутила, человѣкъ не безъ благородныхъ человѣческихъ порывовъ, но распущенный, не могущій противостоять своимъ чувственнымъ влеченіямъ. Старый развратникъ и молодой его сынъ сталкиваются на страсти къ одной особѣ легкаго поведенія. Второй братъ, Иванъ Карамазовъ —окончившій университетскій курсъ, много знающій, много передумавшій—и дошедшій до страшно-мрачнаго взгляда на

жизнь. Достоевскій изображаетъ его невѣрующимъ ни въ Бога, ни въ людей. „Всю будущую исторію міра и человѣчества“ Иванъ Карамазовъ основываетъ на нравственномъ рабствѣ народовъ. Говоря о слезахъ, „которыми пропитана земля отъ коры до центра“, онъ представляетъ человѣчество стадомъ, отыскивающимъ „великихъ инквизиторовъ“ и вопіющимъ къ нимъ: „накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огонь съ небеси, его не дали“,—стадомъ, неумѣющимъ безъ нихъ накормить себя. Онъ говоритъ о „всеобщей и вѣковѣчной тоскѣ человѣческой, какъ единоличнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ — передъ кѣмъ преклониться“: „нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ бы преклониться“; „чудо, тайна и авторитетъ“ — вотъ, по его мнѣнію, основаніе власти, которая ведетъ человѣчество къ счастію, и люди, по его словамъ, „обрадовались, что ихъ вновь ведутъ, какъ стадо, что съ сердецъ ихъ снятъ наконецъ столь страшный даръ (т.-е. свобода совѣсти), принесшій имъ столько муки“. Свобода является въ его устахъ страшнымъ бичемъ человѣчества. „Свобода, свободный умъ и наука—говоритъ Карамазовъ отъ лица своего „великаго инквизитора“—заведутъ людей въ такія дебри и поставятъ предъ такими чудесами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, другіе —непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи—оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ инквизиторовъ“... Эту мистическую фантазію Достоевскій считаетъ дѣйствительно возможнымъ выводомъ знанія, пріобрѣтаемаго въ университетахъ. Мы не знаемъ, впрочемъ, что хотѣлъ сказать авторъ Иваномъ Карамазовымъ —хотѣлъ ли изобразить намъ маньяка, плохо распорядившагося знаніями, или хотѣлъ показать, къ чему должна приводить наука, но мы несомнѣнно знаемъ, что устами своего Алеши Достоевскій признаетъ невозможнымъ жить „съ такимъ адомъ въ груди и въ головѣ“, что человѣку съ такими убѣжденіями остается или примкнуть къ „великимъ инквизиторамъ“, или... убить себя.

На этомъ-то фонѣ безпредѣльной нравственной распущенности съ одной стороны, и безпредѣльнаго отчаянія въ человѣкѣ — съ другой, Достоевскій ищетъ свой идеалъ. Онъ съ любовью рисуетъ образъ смиреннаго послушника монастырскихъ старцевъ, Алешу Карамазова. Это настоящій герой романа Достоевскаго, притомъ — „герой нашего времени", какъ понимаетъ его авторъ. Авторъ признаетъ его дѣятелемъ, но дѣятелемъ неопредѣленнымъ, не выяснившимся. Съ его нравственными и умственными качествами знакомитъ насъ самъ авторъ. Вышедши изъ гимназіи не кончивъ курса, юноша „ударился на монастырскую дорогу", и именно „потому, что въ то время она одна поразила его и представила ему, такъ сказать, идеалъ исхода рвавшейся изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его". Авторъ считаетъ его „просто раннимъ человѣколюбцемъ". И въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ несомнѣнно правъ. Кроткій послушникъ, дѣйствительно, необыкновенно человѣченъ и возбуждаетъ къ себѣ общую любовь. Самъ онъ любитъ всѣхъ: и братьевъ, и невѣсту брата, и страшно оскорбившую ее дѣвицу двусмысленнаго поведенія, позорной и безсмысленной интригой, смѣшанной съ какой-то наивной легкомысленностью, внесшую смуту между отцомъ и сыномъ Карамазовыми. Словомъ, онъ долженъ представлять собою тотъ извѣстный идеалъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, который такъ давно извѣстенъ...

Конечно, если сравнивать Алешу Карамазова съ его отцомъ и братьями, если его монастырскія воззрѣнія поставить рядомъ съ нравственной распущенностью и безнадежной философіей, отрицающей всякую человѣчность въ человѣчествѣ, то онъ можетъ казаться дѣйствительнымъ героемъ и идеаломъ. Если жизнь „въ мірѣ" начинается и кончается развратомъ, если наука ведетъ къ озлобленію и отрицанію, то слѣдуетъ, конечно, бросить учиться — и поступить въ монастырь. Но мы хорошо знаемъ, что это не рѣшаетъ никакихъ вопросовъ... И если Достоевскій хотѣлъ убѣдить своихъ читателей въ жизненности своего идеала — конечно условнаго, такъ какъ нельзя же всѣмъ въ монастырь поступить — то ему совсѣмъ не нужна была эта игра въ противоположности.

Романъ Достоевскаго тенденціозенъ, и тенденціозенъ именно въ томъ смыслѣ, что имъ авторъ хочетъ поучать читателей, чего онъ совершенно и не скрываетъ. Все жизненное направленіе живыхъ людей въ Россіи, по странному и непонятному недоразумѣнію, антипатично ему. Уже въ „Преступленіи и Наказаніи“ и въ „Бѣсахъ“ выразилось крайне отрицательное отношеніе его къ нашей дѣйствительности; теперь онъ рекомендуетъ намъ кротость и смиреніе, какъ панацею отъ всѣхъ общественныхъ золъ. Но тѣ элементы нашего общества, которые, по выраженію г. Щедрина, „мертвыми длaнями стучатъ въ мертвыя перси“, не примутъ ни кротости, ни смиренія; значитъ, не могутъ принять ихъ и другіе элементы нашего общества. И намъ приходится сожалѣть о томъ, что сильный и глубокій талантъ писателя, посвятившаго почти половину своей литературной дѣятельности на защиту правъ человѣка, теперь, въ очень тяжелое время нашей жизни, не служитъ уже тѣмъ цѣлямъ.

А огромный талантъ Достоевскаго ярко выразился въ этомъ его романѣ. Правда, въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ произведеніяхъ нашего автора, есть утомительная растянутость, которую Бѣлинскій считалъ въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго „признакомъ богатства молодого таланта, еще не созрѣвшаго“, и въ немъ герои и героини говорятъ нерѣдко одинаковымъ, немного страннымъ языкомъ, языкомъ автора. Выше мы показали, что самая идея романа, самое сопоставленіе четырехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ исключаютъ полную цѣлостность художественнаго впечатлѣнія—въ цѣломъ романа нѣтъ обыкновенной правды. Но если вы примете каждое дѣйствующее лицо (не исключая и Алеши) за болѣзненный продуктъ болѣзненнаго процесса нашей жизни, то мѣстами авторъ поразитъ васъ силою психическаго, вѣрнѣе—психіатрическаго, анализа. И съ этой точки зрѣнія романъ Достоевскаго представляетъ огромный интересъ и значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, на почвѣ крѣпостническихъ отношеній возникаетъ грубый и развратный характеръ отца, Ѳедора Павловича Карамазова, человѣка не только развратнаго, но, по словамъ самого автора, и „дрянного и безтолковаго, но изъ такихъ, однако, безтол-

ковыхъ, которые отлично умѣютъ обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки". Два несчастнѣйшихъ брака даютъ ему троихъ дѣтей. При всемъ разнообразіи ихъ наклонностей и вліяній въ этомъ первомъ поколѣніи получаются, въ сущности, сходные характеры, страстные до самозабывчивости, которымъ „все позволено", но только избравшіе каждый свое направленіе. И всѣ они выходятъ изломанными и неудовлетворенными. Старшій сынъ ничѣмъ не можетъ успокоить разнузданныхъ страстей—и развратничаетъ въ какомъ-то странномъ отчаяніи и почти озлобленіи. Второму не пошла въ прокъ наука: онъ беретъ изъ нея все, что можетъ повергнуть человѣка въ полное отчаяніе, и игнорируетъ все, что можетъ дать здоровую практическую дѣятельность; вѣковое презрѣніе къ массѣ людской сказывается въ немъ съ какой-то стихійной силой. Младшій, понявшій всю горечь и вѣковую несправедливость человѣческихъ отношеній, съ тою же страстною рѣшимостью умѣетъ только отказаться отъ настоящаго дѣла—и прячется въ монастырь; но и онъ не находитъ въ немъ удовлетворенія и выйдетъ оттуда на какую-то дѣятельность, которой авторъ еще не показалъ намъ, но въ которой едва ли ему придется много сдѣлать и найти удовлетвореніе. Въ душѣ каждаго изъ нихъ „царствуетъ какой-то холодъ тайный,—когда огонь горитъ въ крови". Выйдя на практическую „мірскую" дѣятельность, Алеша, по самому смыслу всего его направленія, одинаково будетъ долженъ любить и овцу, и волка, ее съѣдающаго; и уже одно это соображеніе показываетъ, какъ мало жизненнаго значенія можетъ оказаться въ его стремленіяхъ и какъ близко подходитъ онъ къ своимъ родичамъ, разошедшимся съ нимъ только по внѣшности, въ силу случайныхъ обстоятельствъ: тѣхъ, что одинъ—офицеръ, получившій и подходящее воспитаніе и житейскую выправку, другой — почти ученый, а онъ—недоучившійся гимназистъ, рано подвергшійся сильнымъ вліяніямъ извѣстнаго рода.

Каждое новое произведеніе Достоевскаго вызываетъ въ журналистикѣ нашей и рѣзкія нападки, и горячую защиту. Въ пылу спора, въ которомъ читающая публика находитъ обыкновенно и преимущественно взаимныя обвиненія, остается совершенно невыясненнымъ ни общественное, ни литературное значеніе его романовъ. И если отчасти и выясняются взгляды самого автора на жизнь личную и общественную, то причины, лежащія въ ихъ основаніи, обыкновенно совершенно игнорируются. Между тѣмъ остается тотъ знаменательный фактъ, что публика жадно читаетъ романы Достоевскаго, свидѣтельствуя, что въ нихъ есть нѣчто сильное и влекущее, говорящее сердцу современнаго человѣка внятнымъ языкомъ. Говорятъ, таково вліяніе большого таланта. Но между писателями русскими не одинъ Достоевскій, несмотря на необыкновенную оригинальность и самобытность, несмотря на огромную будущность, предсказанную ему Бѣлинскимъ по поводу „Бѣдныхъ людей", занимаетъ выдающееся мѣсто. Гр. Левъ Толстой изъ живущихъ, Пушкинъ и Лермонтовъ изъ умершихъ вѣдь очевидно не ниже Достоевскаго, и если читатель скажетъ вамъ, что романъ Достоевскаго интересуетъ и волнуетъ его гораздо больше чѣмъ, напримѣръ, неподражаемыя произведенія гр. Толстого, то это еще не будетъ доказательствомъ, что талантъ Достоевскаго выше талантовъ другихъ писателей нашихъ.

„Братья Карамазовы" не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Единственная причина этого факта, которую мы видимъ, состоитъ въ томъ, что ненормальное развитіе и выраженіе таланта Достоевскаго вполнѣ совпадаетъ съ ненормальнымъ развитіемъ всего нашего общества. Достоевскій въ этомъ отношеніи настоящій сынъ своей родины и своего времени. Условія жизни, которыя уродуютъ, развращаютъ наше общество, вліяли сильно на чуткій талантъ и на мысль Достоевскаго. Все, что говоритъ онъ, есть результатъ личнаго опыта и страданія, тѣхъ самыхъ, черезъ которые прошло общество. И потому-то послѣднее чутко прислушивается къ понятнымъ, почти роднымъ ему словамъ. Если мы прибавимъ къ этому, что множество мыслей и

образовъ въ романахъ Достоевскаго вызваны больными нервами автора, то будетъ сказано все, что можетъ характеризовать литературную физіономію одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, въ судьбѣ которыхъ есть что-то ужасное и роковое, надъ чѣмъ содрогнется душа будущаго историка.

Попробуемъ намѣтить тѣ основанія, которыя привели насъ къ высказаннымъ заключеніямъ. Передъ нами общество, которое увѣряютъ, что оно пользуется всѣми благами такъ называемой цивилизаціи. Но „цивилизація" оказывается безсильной что-нибудь сдѣлать противъ обычныхъ въ нашей жизни нарушеній правъ человѣка. Глубокій анализъ можетъ привести къ заключенію, что суть дѣла не въ безсиліи настоящей цивилизаціи, а именно въ отсутствіи ея. Но когда же молодое, еще не стоявшее на своихъ ногахъ общество бывало способно къ глубокому анализу? Гораздо проще да и безопаснѣе винить камень, упавшій на васъ, или горькую судьбину вашу, чѣмъ отыскивать настоящаго виновника. Естественное дѣло, что общество наше въ массѣ склонно винить въ своихъ неудачахъ „цивилизацію". Были обвиненія и на судъ присяжныхъ, и на земство, и даже на освобожденіе милліоновъ людей отъ крѣпостной зависимости. Нехитрый обыватель, видя, что ни самоуправленіе съ выборнымъ началомъ, ни другія блага „цивилизаціи" не въ состояніи отстоять его отъ самоуправства перваго встрѣчнаго, приходитъ къ заключенію, что и самъ онъ отчасти виноватъ, да и „встрѣчный" тоже, и что если бы они были нравственно-совершенны, то все шло бы превосходно. Отсюда мечтанія о всеобщемъ счастіи, когда всѣ будутъ прекрасными людьми. Эту же мысль и эти мечтанія, составляющія одно изъ направленій общественной мысли нашей, Достоевскій и возводитъ въ „перлы созданія". Къ заключеніямъ такого рода скорѣе всего склонны такъ называемые люди чувства, а къ такимъ именно и принадлежитъ Достоевскій, доказывающій это всей своей дѣятельностью, отъ перваго своего произведенія и до послѣдней строчки послѣдняго произведенія. По-

нятно, что успѣхъ его въ массѣ общества уже потому естественъ и неизбѣженъ.

Конечно, замѣчательный писатель, глубокій знатокъ человѣческаго сердца, необыкновенно чуткій къ жизненнымъ явленіямъ, не даетъ читателю своихъ мыслей и выводовъ въ томъ сыромъ видѣ, въ какомъ они представлены выше; онъ именно „возводитъ ихъ въ перлы созданія". Одинъ изъ этихъ перловъ, игравшій главную роль въ началѣ романа, полумонахъ Алеша Карамазовъ, въ дальнѣйшемъ его теченіи весь передъ нами, и мы можемъ судить, насколько теорія нравственнаго личнаго развитія удовлетворительна въ смыслѣ общественномъ. Мы согласны, что Алеша очень хорошій человѣкъ. Но что же онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ? Въ печати была давно уже высказана мысль, что ничего особеннаго ждать отъ этого героя невозможно. И Достоевскій вполнѣ доказалъ окончаніемъ романа справедливость этого заранѣе поставленнаго заключенія; всѣ старанія старца Зосимы, всѣ его наставленія Алешѣ—не надѣлили героя нашего дѣятельнымъ стремленіемъ къ добру. Рядомъ съ нимъ совершалась кровавая драма, а онъ, со всѣми своими хорошими чувствами и хорошими словами, остается безсильнымъ и безличнымъ свидѣтелемъ ея. Сокрушаясь, да еще развѣ повинуясь волѣ автора, онъ толкуетъ о необходимости принять страданіе за чужую вину. Какой толкъ изъ этого „принятія страданія" — понять трудно. Алеша сожалѣетъ и убійцу, и убитаго, и гибнущаго брата, и всѣхъ людей на свѣтѣ. Но напрасно думать, что это сожалѣніе — привилегія „смиренныхъ послушниковъ". Алеша Карамазовъ не выше въ этомъ смыслѣ очень многихъ, но каждому онъ уступаетъ въ дѣятельномъ стремленіи къ устраненію жизненныхъ золъ, смиреніемъ только поощряемыхъ.

Достоевскій хочетъ доказать своимъ романомъ иное. Рядомъ съ Алешей мы видимъ брата его, офицера Дмитрія, обвиняемаго въ отцеубійствѣ, который отличается тѣми же добрыми качествами: онъ никогда не лжетъ, прямодушенъ, великодушенъ, благороденъ. Одного не хватаетъ ему — смиренія и обузданія своей натуры, чтобы быть счастливымъ,

подобно своему брату. Результаты выходятъ печальные: онъ гибнетъ жертвой несправедливаго обвиненія въ отцеубійствѣ. Мы, читатели, можемъ думать, что не въ этомъ дѣло, что Дмитрій Карамазовъ гибнетъ именно оттого, что былъ онъ человѣкъ безъ общественныхъ чувствъ, что онъ былъ довольно необузданный эгоистъ, подготовленный къ тому своимъ воспитаніемъ и жизнью. Будучи дѣйствительно недурнымъ человѣкомъ лично, онъ ни воспитаніемъ, ни жизнью окружающей не былъ выведенъ на путь дѣятельной жизни въ интересахъ общечеловѣческихъ, а не личныхъ маленькихъ чувствъ и побужденьицъ. Взрощенной на гнилой почвѣ крѣпостнаго права, лишенный правильнаго воспитанія, малообразованный, Дмитрій Карамазовъ, при всей мягкости и добропорядочности своей натуры, способенъ на звѣрскія дѣла, примѣры которыхъ мы находимъ въ романѣ. Повидимому, получи онъ настоящее образованіе или живи среди условій и формъ жизни, не мирволящихъ произволу, воспитывающихъ уваженіе къ личности человѣка и выводящихъ на полезную дѣятельность, Дмитрій Карамазовъ былъ бы настоящимъ человѣкомъ. Такъ, повидимому, можно было бы думать. Но Достоевскій думаетъ иначе: во второмъ изъ братьевъ Карамазовыхъ, Иванѣ, онъ даетъ намъ примѣръ, къ чему можетъ повести образованіе.

Дѣйствительно, Иванъ Карамазовъ — примѣръ поучительный. Онъ получилъ незаурядное образованіе въ университетѣ, знаетъ очень много, много передумалъ. Но что же вышло изъ всего этого образованія? Общественная жизнь не представляетъ для него загадки, непродуманнаго, непонятаго явленія, какъ для Дмитрія Карамазова. Онъ ясно видитъ зло, существующее на землѣ, и жгучими словами описываетъ его. Но какъ мы видѣли выше, онъ презираетъ людей, и будущая исторія міра и человѣчества представляется ему основанною на рабствѣ народовъ...“ При своей безнадежной философіи, Иванъ Карамазовъ лично остается чрезвычайно эгоистичнымъ, — эгоистичнымъ до такой степени, что ясно и отчетливо предвидя имѣющее совершиться убійство отца, онъ не только не принимаетъ дѣятельныхъ мѣръ противъ

несчастія, а разсчетливо сторонится, уѣзжая въ Москву на то самое время, когда по всѣмъ вѣроятіямъ оно должно было совершиться. Есть что-то ужасное и гнетущее въ этомъ противорѣчіи между страданіемъ отъ „слезъ, которыми пропитана земля отъ коры до центра“, отчаяніемъ въ человѣчествѣ, а съ другой стороны — нравственной распущенностью. Наука дала Ивану Карамазову только безнадежный скептицизмъ, не бросивъ въ душу его ни одного луча свѣта. Онъ остается болѣе всѣхъ похожимъ на развратнаго отца. Очевидно, наука завела Ивана Карамазова именно въ тѣ самыя дебри, о которыхъ онъ самъ же говоритъ съ такой страстью и мученіями.

Выводъ очевиденъ. Ясно, что ни наука, ни вообще образованіе, ни личная порядочность даже не могутъ служить на пользу человѣку; единственное спасеніе человѣчества въ тѣхъ качествахъ, которыя олицетворилъ Достоевскій въ своемъ любимцѣ, Алешѣ Карамазовѣ. Если бы наука вела только въ дебри или къ страшному отчаянію, непризнанію въ человѣкѣ человѣчности, авторъ былъ бы правъ...

Художественный талантъ Достоевскаго, обширный и глубокій, спасаетъ его отъ полнаго извращенія жизненной правды. Характеры, имъ рисуемые, продуманы такъ глубоко, что читатель не можетъ не слѣдить за постепеннымъ раскрытіемъ ихъ. Г. Достоевскій знаетъ человѣческую душу, анализируетъ явленія жизни ея съ чрезвычайнымъ мастерствомъ. Неправда его произведеній если и есть, заключается только въ томъ, что явленія болѣзненныя, психіатрическія онъ возводитъ въ общіе законы для человѣческой души. Иванъ Карамазовъ, напримѣръ, вполнѣ возможный больной характеръ. Но странно было бы заключать, что всякій человѣкъ долженъ выносить изъ стѣнъ университета тотъ страшный и горькій скептицизмъ, рядомъ съ развращенностью глубокаго чувства, который лежитъ въ основѣ личности Ивана Карамазова. Къ такимъ же болѣзненнымъ явленіямъ, вызываемымъ общественной жизнью нашей, принадлежатъ и другіе братья Карамазовы. Развѣ не такое же странное явленіе представляетъ совсѣмъ молодой мальчикъ, извѣрившійся въ

жизни и идущій спастись отъ нея за монастырскія стѣны? О Дмитріи Карамазовѣ и говорить нечего, — до того ясна испорченность его, обусловленная окружающей жизнью.

Съ тактомъ художника, волей или неволей, самъ авторъ даетъ намъ ключъ къ пониманію характеровъ его героевъ. Ключъ этотъ—въ рукахъ отца ихъ. Его необузданная натура — прямой результатъ разлагающаго дѣйствія общественнаго рабства, вскормившаго на залитой кровью почвѣ нашей родины произволъ. Его вліяніе на дѣтей было губительно, и хотя они частью воспитывались не дома, но вѣдь и внѣ родного дома они встрѣчали Ѳедоровъ Карамазовыхъ....

Замѣчателенъ и знаменателенъ тотъ фактъ, опять волею или неволей констатируемый авторомъ, что прогрессъ, который внесло въ наше общество просвѣщеніе, отражается и на дѣтяхъ Карамазовыхъ. Сравните отца и дѣтей Карамазовыхъ, — и вы не можете не быть поражены мыслью, что послѣдніе ушли очень далеко отъ перваго. Въ дѣтяхъ вы находите такія черты, которыхъ совершенно нѣтъ у отца; они несравненно человѣчнѣе. Онъ — грубѣйшій и холодный эгоистъ, представляющій чрезвычайный примѣръ разврата. Они — уже не тѣ. Одинъ, Иванъ, уже мучается „за слезы, которыми пропитана земля“; въ другомъ, Дмитріи, помимо его распущенности, есть чрезвычайно симпатичныя черты, внесенныя въ него быть можетъ гуманными идеями вѣка. Младшій, Алеша, это уже „человѣколюбецъ“. Всѣ пороки ихъ — очевидный результатъ разлагающаго вліянія жизни.

Мы знаемъ, что г. Достоевскій — глубоко чувствующій человѣкъ. Онъ „призываетъ милость къ падшимъ“, — но самъ же онъ разрушаетъ свое дѣло, отказывая человѣку въ правѣ жизненной борьбы и рекомендуя ему „смиреніе“, какъ единственное средство противъ жизненнихъ золъ.

(1881).

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

(По поводу его смерти).

Русская литература потеряла въ лицѣ Ѳедора Михайловича Достоевскаго одного изъ тѣхъ писателей, къ которымъ по преимуществу примѣнимы слова: „Человѣкъ онъ былъ". Всѣ увлеченія, вызывавшія борьбу противъ идей, которыя онъ исповѣдывалъ, были результатомъ именно этой стороны его нравственной личности. Теперь для него не существуетъ больше „злобъ" нашего времени; насталъ моментъ, когда должно забыть ихъ по отношенію къ нему. Не съ мыслью о борьбѣ, а съ глубокой тоской измученнаго чувства мы останавливаемся на личности Достоевскаго, какъ писателя и какъ человѣка.

И какъ писатель, и какъ человѣкъ, Достоевскій своею собственною личностью былъ истиннымъ, настоящимъ выраженіемъ историческаго времени, еще не пережитаго нами. Насколько мы знаемъ о его личной судьбѣ, мы можемъ судить, что жизнь съ молодыхъ лѣтъ дѣйствовала на впечатлительную, художественную натуру тогда будущаго, теперь потеряннаго для Россіи замѣчательнѣйшаго писателя—отрицательно. Въ 1837 году, 15-лѣтнимъ юношей (онъ родился въ 1822 году, въ Москвѣ), Достоевскій, поступая въ Главное инженерное училище, чувствовалъ, по его собственнымъ словамъ, что вступаетъ не на свою дорогу, другими словами—понималъ, что ему ломаютъ жизнь. И едва вышедши изъ училища, онъ сразу же показалъ, что его общественныя симпатіи не на сторонѣ царившей тогда военной выправки, инженерной или какой-либо другой. Въ 1846 году появились его „Бѣдные люди", сразу поставившіе его въ среду лучшихъ писателей. Начало было сдѣлано, и начало блистательное. Бѣлинскій, разбирая „Бѣдныхъ людей", писалъ такъ: „Талантъ г. Достоевскаго принадлежитъ къ тѣмъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много въ продолженіе его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопо-

ставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы". Достоевскому предстояла многознаменательная общественная дѣятельность. Для насъ теперь представляется горькимъ вопросомъ, какимъ путемъ пошелъ бы Достоевскій въ своей долголѣтней дѣятельности, но въ его судьбу замѣшалась посторонняя сила, изломавшая, исковеркавшая всю жизнь его, а быть можетъ и его нравственную природу. Какъ извѣстно, онъ былъ замѣшанъ въ исторію Петрашевскаго и сосланъ въ каторжныя работы. Литературная дѣятельность его прервалась на цѣлыя двѣнадцать лѣтъ.

Невозможно освободиться отъ мысли, что безъ этого обстоятельства русское общество имѣло бы въ Достоевскомъ и большаго цѣнителя обыкновенной жизни, и болѣе снисходительнаго судью ея. Но судьба рѣшила иначе. „Бѣдные люди" были выраженіемъ наболѣвшаго чувства, это было произведеніе истинно гуманистическое и живое. Написанные затѣмъ нѣсколько разсказовъ („Двойникъ", „Господинъ Прохарчинъ", „Хозяйка", „Неточка Незванова" и пр.) характеризовать Достоевскаго вполнѣ не могутъ, потому что онъ былъ тогда боленъ, по его собственному свидѣтельству. Они, какъ и нѣсколько другихъ позднѣйшихъ произведеній, не представляютъ намека на возможность перелома въ Достоевскомъ, а скорѣе служатъ доказательствомъ, что гуманистическое направленіе, принятое имъ, должно было бы остаться господствующей чертой всей его дѣятельности. Но и тогда сказалась особенная черта въ творчествѣ Достоевскаго. Наблюдая жизнь, онъ останавливался преимущественно на характерахъ изломанныхъ жизнью, частью исключительныхъ, на которыхъ царящій гнетъ грубой общественной среды отражался въ наиболѣе сильной формѣ. на людяхъ забитыхъ и измятыхъ, иногда даже доведенныхъ до сумасшествія; въ его произведеніяхъ преобладалъ не психологическій, а скорѣе психіатрическій элементъ. Ближайшее знакомство съ жизнью быть можетъ поправило бы дѣло, но вышло иначе. Каторга—не жизнь. Въ каторгѣ Достоевскій нашелъ среду именно психіатрическаго характера, которую онъ и показалъ въ „Запискахъ изъ мертваго дома". Все сво-

дится къ тому, что на самого Достоевскаго, на его впечатлительные нервы, на его до болѣзненности чуткую душу, жизнь дѣйствовала въ той же формѣ, какъ и на изображаемыхъ имъ персонажей. И собственныя личныя свойства, и исключительныя обстоятельства его жизни выводили писателя на исключительный путь изображенія совсѣмъ уже болѣзненныхъ явленій въ обществѣ, съ полнымъ игнорированіемъ свѣтлыхъ сторонъ жизни. Но какъ судить объ обществѣ по болѣзненнымъ только явленіямъ? Какіе выводы получаются изъ этого?

Мы находимъ отвѣтъ на это во всей дальнѣйшей литературной дѣятельности Достоевскаго. Въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ" на-лицо уже всѣ элементы болѣзненнаго отношенія къ жизни, близкаго къ тому, которое характеризуетъ людей, отчаявшихся въ ней. Характеры изумительные, надломленные, безутѣшные; условія жизни до невозможности изувѣченныя. Добролюбову именно это обстоятельство дало поводъ впасть въ большую ошибку, привело къ непризнанію въ Достоевскомъ огромнаго художественнаго дарованія, какимъ Достоевскій въ дѣйствительности обладалъ. Онъ нашелъ и героевъ Достоевскаго, и жизнь, изображаемую имъ, противорѣчащими дѣйствительности, и заключилъ, что Достоевскому не хватаетъ силы таланта, для того чтобы художественными образами осмыслить жизнь. На самомъ дѣлѣ, какъ мы выясняемъ, дѣло было иначе, что̀ скоро и обнаружилось въ слѣдующихъ произведеніяхъ Достоевскаго.

Возвратившись (въ 1860 г.) изъ каторги въ Петербургъ, Достоевскій былъ весь подъ впечатлѣніемъ пережитаго. Онъ привезъ съ собою уже огромный запасъ наблюденій. Но эти наблюденія должны были носить именно тотъ характеръ, о которомъ мы говоримъ. Съ ними и подъ вліяніемъ ихъ, обусловившихъ позднѣйшія воззрѣнія его, онъ впервые, въ сущности, приступилъ къ настоящему изученію нашей дѣйствительности, той обыкновенной, средней жизни, которою живемъ всѣ мы, но которой тогда онъ близко не зналъ. Изощренный, глубоко проницательный взглядъ художника сразу открылъ типическія черты именно гнетущихъ,

уродующихъ вліяній, которыя онъ и олицетворилъ въ персонажахъ „Преступленія и наказанія“ съ необычайной силой таланта.

„Преступленіе и наказаніе“ — произведеніе огромнаго дарованія. Если бы Бѣлинскій жилъ среди насъ, онъ повторилъ бы свой отзывъ о Достоевскомъ, и даже быть можетъ Добролюбовъ отказался бы отъ своего мнѣнія о немъ. Вглядимся пристальнѣе въ это произведеніе. Что значитъ оно, и почему оно обнаружило такое громадное вліяніе на читающую публику? Въ обществѣ нашемъ только небольшая кучка людей живетъ мыслью, умственными интересами. Что же встрѣчаетъ въ немъ мыслящій человѣкъ?—Обыкновенно безучастіе къ идеямъ. Онъ нерѣдко одинокъ, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ; участія, помощи онъ не встрѣчаетъ; практическое примѣненіе идей невозможно. Что же ему остается дѣлать? Есть два исхода. Первый—холодное отчаяніе, скептицизмъ, мизантропія; оттуда — или самоубійство, или медленное, но вѣрное опошленіе; въ серединѣ же между ними тоскливая жизнь изо дня въ день, мучительная и безпросвѣтная. Другой исходъ — это страстная мечта, кажущаяся дѣйствительностью, мучительная умственная галлюцинація, во имя которой могутъ совершаться преступленія рядомъ съ наивнѣйшими дѣйствіями. Люди, живущіе инстинктами, не пользуются лучшей судьбой. Они или спятъ, или же, при малѣйшемъ пробужденіи мысли и при безсиліи отказаться въ то же время отъ необузданной распущенности инстинктовъ, тоже приходятъ къ ненависти жизни. Несомнѣнно, что такіе типы существуютъ въ нашемъ обществѣ. Ихъ именно и олицетворилъ Достоевскій въ двухъ главнѣйшихъ, наиболѣе рѣзко очерченныхъ характерахъ своего романа — въ Раскольниковѣ и Свидригайловѣ. Изобразивши эти два типа, Достоевскій показалъ необыкновенную мощь таланта. Раскольниковъ, представитель перваго типа, результатъ неестественнаго положенія мыслящаго человѣка въ нашемъ обществѣ, задуманъ необыкновенно глубоко. Онъ взятъ въ самый моментъ перехода или къ мрачному и полному отчаянію, или къ страстной мечтѣ, по выше принятому выраженію нашему; по своему темпераменту онъ способенъ и

на то, и на другое. Случайная идея о средствахъ къ достиженію возможности дѣятельной и плодотворной жизни въ обществѣ превращается для него уже въ страстную мечту; но онъ не соразмѣряетъ своихъ силъ для борьбы съ возникающими противорѣчіями мысли и природы человѣка—и самъ разбиваетъ эту мечту. О Свидригайловѣ и говорить нечего. Пресыщенный, не находящій себѣ ни мѣста, ни дѣятельности, мучительно чувствующій пустоту своей жизни и потому глубоко несчастный, онъ шутя и безъ сожалѣнія разстается съ этимъ свѣтомъ.

Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" въ существенномъ тѣ же мотивы. Отецъ Карамазовъ и Дмитрій—ближайшіе родственники Свидригайлова, Иванъ и Алеша Карамазовы, это—Раскольниковъ, разложившійся на двѣ формы, которыя были нужны г. Достоевскому для выраженія его мысли. Это типы нашей общественной среды—не новые въ нашей литературѣ; это все тѣ же „лишніе" люди, доведенные до своихъ крайнихъ проявленій. Нужно сказать, что нигдѣ они не выражены съ такой силой и съ такой опредѣлительностью, какъ у Достоевскаго. Выведенные прежнею литературою лишніе люди были недѣятельны, представляя только отрицательныя стороны вліянія на нихъ окружавшей жизни, убивавшей въ нихъ всякое стремленіе къ дѣятельности, къ борьбѣ. У Достоевскаго мы встрѣчаемъ ихъ дѣйствующими, и понимаемъ ощутительнѣе, какъ именно вліяла на нихъ жизнь. Психическая исторія ихъ, необыкновенно глубоко прослѣженная, поражаетъ ужасомъ читателя. Они страстно ищутъ хотя какого-нибудь примиренія съ жизнью, но находятъ его въ томъ, на что указываетъ имъ г. Достоевскій, а не дѣйствительная жизнь.

Лица, выводимыя Достоевскимъ, поясняютъ намъ, что такое былъ, чѣмъ жилъ, что̀ думалъ и чувствовалъ ихъ авторъ. Глубокая и страстная натура, онъ видѣлъ вокругъ себя невыносимый гнетъ жизни,—видѣлъ, какъ жалко гибнутъ и извращаются иногда лучшія натуры въ нашемъ обществѣ. Пораженный этими явленіями, Достоевскій, при своемъ необычайно чуткомъ сердцѣ, не могъ остаться просто сочувствую-

щимъ зрителемъ и только художникомъ изобразителемъ. Въ его произведеніяхъ, страстныхъ и горестныхъ, видна вся душа поэта, глубоко страдающая горемъ родины. Въ нихъ гораздо больше мрака, чѣмъ анализа жизни, свойственнаго произведеніямъ эпическимъ. Великій поэтъ, онъ, какъ мы выше уже сказали, отразилъ глубочайшія черты жизни, но, какъ человѣкъ, отразилъ ихъ своими личными чувствами и воззрѣніями.

Изображая горе, гнетущее человѣчество, тѣ „слезы, которыми пропитана земля отъ коры до центра", изображая устами Ивана Карамазова дѣтей, на которыхъ фатальнымъ гнетомъ ложились грѣхи предыдущихъ поколѣній, Достоевскій не могъ и не долженъ былъ не давать себѣ отчета въ средствахъ, могущихъ рѣшить скорбные вопросы человѣчества. Рядомъ съ поэтомъ, мощнымъ, необыкновеннымъ, передъ нами становится мыслитель. Но мысль его, подчиненная всеобъемлющему страстному чувству какой-то жалости, граничащей съ презрѣніемъ къ человѣку, шла особеннымъ путемъ. Подъ давленіемъ того же личнаго страданія Достоевскій не видѣлъ, что, при всѣхъ ужасающихъ несправедливостяхъ, жизнь человѣческая имѣетъ и свѣтлыя стороны, что она способна къ развитію, что она можетъ пойти по пути къ счастью человѣчества, еще конечно далекому, отъ котораго до насъ достигаетъ только одинокій лучъ. Для Достоевскаго не существовало даже этого слабаго луча надежды. Онъ отчаялся въ жизни и, какъ представитель суровыхъ историческихъ временъ, искалъ счастья въ удаленіи отъ жизни, въ отказѣ отъ всякихъ правъ на ея запросы. Его идеалъ былъ не „отъ міра сего". Но потому-то онъ былъ и не для міра сего. Не подлежитъ конечно сомнѣнію, что въ этомъ направленіи его мысли сказался тотъ самый гнетъ жизненный, та тяжелая крестная ноша, которая такъ мучитъ героевъ его произведеній. Въ глухой каторгѣ, вдали отъ всего, что зоветъ къ жизни, Достоевскому естественно было подчиниться тому мистическому отношенію къ этой послѣдней, которое въ его устахъ, въ его страстной проповѣди страданія, такъ могущественно дѣйствовало на читателей—и вызывало борьбу противъ себя. И въ этомъ отношеніи Достоевскій былъ истиннымъ сыномъ своего несчастнаго времени и своей ро-

дины. Мистическое ученіе его только потому и находило откликъ въ обществѣ, что общество прошло тѣмъ же путемъ страданія и отчаянія, какимъ прошелъ онъ самъ. Настанетъ время, когда вихрь исторіи унесетъ отъ насъ душную атмосферу, въ которой мы задыхаемся; но Достоевскій съ его лучшими произведеніями останется среди нашихъ потомковъ, какъ свидѣтельство о тяжеломъ времени, какъ тягостное преданіе о скорбномъ пути, которымъ проходитъ наше общество къ неизвѣстному будущему. Ни одинъ изъ писателей нашего времени не можетъ больше сказать нашимъ потомкамъ о тяжкихъ временахъ, страданіяхъ, болѣзненныхъ мечтахъ и отчаяніи, перенести которыя досталось намъ въ удѣлъ. Читатель будущаго съ ужасомъ и состраданіемъ остановится на страстной исповѣди Ивана Карамазова, на его мысляхъ о грядущей судьбѣ человѣчества, падающаго ницъ передъ „великимъ инквизиторомъ“ и безсильно отдающимъ въ его руки пришедшаго Христа.

Мы не были поклонниками мистическихъ ученій Достоевскаго. Но потеря его для русской литературы и русскаго общества горько и болѣзненно сжимаетъ сердце. Теперь моментъ того чувства, подъ вліяніемъ котораго невольно входитъ въ васъ сознаніе тяжкаго „рокового“, которое, по словамъ другого поэта, „лежитъ въ судьбѣ“ русскаго писателя, и которое отразилось на Достоевскомъ тѣмъ съ большею силою, что личная жизнь его стояла въ тѣснѣйшей связи съ его литературной дѣятельностью. „Человѣкъ онъ былъ“ и лично, и какъ писатель. Его произведенія суть его горячія и горькія думы о судьбахъ человѣчества.

Страстная ненависть къ идеямъ нашего времени, которая такъ часто проявлялась въ произведеніяхъ Достоевскаго, не вызываетъ въ насъ обиднаго чувства. Достоевскій, по своей глубокой натурѣ, и не могъ иначе чувствовать. Чему онъ вѣрилъ, онъ вѣрилъ со страстью, онъ весь отдавался своимъ мыслямъ. Чего онъ не признавалъ, то онъ часто ненавидѣлъ. Онъ былъ послѣдователенъ и, разъ вышедши на извѣстный путь, могъ воротиться съ него только послѣ тяжелой упорной борьбы, нравственной ломки. Естественно, что онъ съ

ненавистью долженъ былъ относиться къ воззрѣніямъ, не согласнымъ съ его воззрѣніями. Все это мы говоримъ только на основаніи произведеній Достоевскаго, отразившихъ на себѣ всю его внутреннюю жизнь.

Смерть Достоевскаго примиряетъ съ нимъ его литературныхъ противниковъ. Теперь онъ для насъ человѣкъ, вѣрившій въ будущее русскаго народа, хотя быть можетъ колебавшійся въ путяхъ, ведущихъ его къ этому будущему. Мы преклоняемся предъ прахомъ одного изъ лучшихъ сыновъ нашей родины, имя котораго займетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ длинномъ мартирологѣ мучениковъ русской мысли.

(1881).

КРИТИКИ ДОСТОЕВСКАГО.

I.

Съ именемъ Ѳ. М. Достоевскаго соединяется представленіе о творцѣ оригинальнѣйшихъ поэтическихъ образовъ, поражающихъ трагизмомъ, подобныхъ которымъ нѣтъ ни у кого другаго изъ писателей во всей русской литературѣ. Но съ этими поэтическими образами, съ трагическими типами Дѣвушкина, Прохарчина, Раскольникова, Свидригайлова, Карамазовыхъ, наконецъ, обитателей „мертваго дома“, понынѣ не соединяется опредѣленныхъ представленій. Въ русской критической литературѣ существуютъ—вѣрныя и невѣрныя—объясненія характеровъ Онѣгина и Рудина, Татьяны и Лизы, и пр., и пр , душевная жизнь ихъ по крайней мѣрѣ кажется понятной вамъ. Но, вступая въ міръ—не образовъ даже, а скорѣе видѣній, которыми населяетъ ваше воображеніе колоссальная художественная фантазія Достоевскаго, вы невольно сознаете, что къ нимъ непримѣнимы обычныя сужденія, примѣнявшіяся нашей критикой въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. На героевъ литературныхъ произведеній смотрѣли обыкновенно съ такъ называемой общественной точки зрѣнія, ихъ жизнь, ихъ характеры, ихъ страданія объясняли вліяніемъ среды и разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но въ

произведеніяхъ Достоевскаго причины, источники страданій героевъ скрыты въ глубинахъ человѣческой души. На герояхъ этихъ лежитъ печать загадочности. Естественно, что не только въ началѣ дѣятельности Достоевскаго, но и въ самомъ концѣ ея, литературной критикѣ, увлекаемой временными теченіями и увлеченіями, нелегко было оцѣнить ея дѣйствительное значеніе.

Въ то время, когда Достоевскій выступилъ на литературное поприще, онъ, по свойству существовавшихъ тогда теоретическихъ требованій и ожиданій отъ литературы, естественно былъ отнесенъ къ числу писателей „натуральныхъ" и „гуманическихъ", гоголевской школы. Ему приписано было, какъ это и дѣлается всегда, политическое, общественное направленіе, хотя, по правдѣ сказать, едва ли еще въ молодомъ писателѣ могло быть хоть сколько нибудь опредѣлившееся міровоззрѣніе. И въ произведеніяхъ его, естественно, искали тѣхъ самыхъ идей, которыя были желательны критикѣ, уже тогда принимавшей на себя задачи политически-общественнаго развитія читателей.

Такая точка зрѣнія неизбѣжно должна была повести по меньшей мѣрѣ къ неполнымъ заключеніямъ. И всѣ воззрѣнія на Достоевскаго,—которыя, кстати сказать, господствуютъ и понынѣ,—приняли характеръ весьма условный въ огромномъ большинствѣ случаевъ, къ тому же или полемическій, или же диѳирамба, смотря по литературному и политическому направленію критика.

Бѣлинскій глубже всѣхъ послѣдующихъ критиковъ Достоевскаго съумѣлъ взглянуть на свойства таланта его въ своемъ извѣстномъ пророчествѣ. Впослѣдствіи „пророчество" это было подвергнуто критикѣ, и Добролюбовъ оправдывалъ его исключительно тѣмъ, что оно „было писано еще въ то время, когда въ ходу были повѣсти гг. Соллогуба, Луганскаго, Гребенки и т. п.; г. Гончаровъ еще не появлялся тогда съ „Обыкновенной исторіей"; гг. Тургеневъ и Григоровичъ едва напечатали нѣсколько незначительныхъ разсказовъ; объ Островскомъ, Писемскомъ, Толстомъ и другихъ, впослѣдствіи прославившихся, писателяхъ не было еще ни

слуху, ни духу"... И однако же теперь, четверть вѣка спустя послѣ Добролюбова, кто не согласится признать пророчество Бѣлинскаго сбывшимся? И какою стариной и опять исполненіемъ пророчеста Бѣлинскаго вѣетъ отъ противопоставленія Достоевскому, наприм., Григоровича, писателя, конечно, замѣчательнаго, но ни въ какомъ случаѣ не идущаго въ сравненіе съ нимъ.

Но, угадавъ и опредѣливъ „въ высокой степени творческій" талантъ Достоевскаго по „Бѣднымъ людямъ", которые уже самымъ содержаніемъ своимъ становились въ рядъ произведеній, господствовавшихъ тогда въ литературѣ, Бѣлинскій остановился передъ слѣдующимъ же его произведеніемъ, „Двойникомъ", уже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Въ Бѣдныхъ людяхъ мысль автора, по мнѣнію Бѣлинскаго глубока и гуманна. Онъ „въ лицѣ Макара Алексѣевича показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святаго лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ"; ту же гуманную мысль вы увидите въ Покровскомъ: „Подставной мужъ обольщенной и обманутой женщины, потомъ угнетенный мужъ разлихой бой-бабы, шутъ и пьяница—и онъ человѣкъ!" Но къ „Двойнику", который представлялъ собою даже не повѣсть, а „психологическое развитіе", по тогдашнему весьма мѣткому выраженію, этотъ критерій очевидно, былъ непримѣнимъ. И Бѣлинскій, чутко слыша и въ немъ присутствіе большаго таланта, говоритъ, что „съ перваго взгляда видно, что въ „Двойникѣ" еще больше творческаго таланта и глубины мысли"; но онъ нашелъ въ ней существенный недостатокъ, — именно: фантастическій колоритъ. „Фантастическое въ наше время — замѣчаетъ онъ — можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ". Этотъ „фантастическій элементъ" былъ, между тѣмъ, именно то, что обѣщало въ Достоевскомъ творца „Преступленія и наказанія и „Братьевъ Карамазовыхъ". Теперь, когда эти произведенія передъ нами, уже невозможно смотрѣть даже на фантастичность „Хозяйки" съ точки зрѣнія Бѣлинскаго,—той самой „Хозяйки", о которой геніальный критикъ

съ такою рѣзкостью говоритъ, что онъ не понимаетъ, что такое она—„злоупотребленіе или бѣдность таланта, который хочетъ подняться не по силамъ и потому боится идти обыкновеннымъ путемъ, и ищетъ себѣ какой-то небывалой дороги". Геніальная проницательность Бѣлинскаго, однако, какъ видите, и тутъ не обманула его, и въ послѣднихъ словахъ онъ раскрываетъ истинную суть дѣла — стремленіе Достоевскаго, хотя, быть можетъ, и неудачное сначала, развить совершенно оригинальныя свойства своего дарованія.

Другой небезъизвѣстный критикъ тогдашняго времени увидѣлъ въ Достоевскомъ изобрѣтателя „какого-то фантастически-сентиментальнаго рода повѣствованій. „Хозяйка", по его мнѣнію, „порождена душевнымъ затворничествомъ, четырьмя стѣнами темной комнаты, въ которой запиралась отъ свѣта и людей болѣзненная до крайности фантазія". По критику, подобные разсказы даже Достоевскаго, „неподражаемаго мастера въ изображеніи... нелѣпостей", „освобождаютъ отъ труда наблюденія и дѣлаютъ совершенно излишнимъ то художественное чутье, которое указываетъ матеріалы годные и негодные для созданія". „Зачѣмъ ему это?" спрашиваетъ критикъ. „Всякая мысль, первое попавшееся слово, самая произвольная выдумка—все годно для сумасшедшаго: не чиниться же съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ!"

Таковы мнѣнія тѣхъ временъ, когда Достоевскій еще только пробовалъ свои силы въ глубокихъ психологическихъ и психіатрическихъ анализахъ, которые впослѣдствіи привлекли къ нему столько сердецъ и доставили ему громкую славу. Но замѣчательно, что, въ ту эпоху еще несошедшей со сцены эстетической критики, „мастерство" Достоевскаго признавалось, но только это мастерство ставилось въ какомъ-то странномъ несоотвѣтствіи съ художественностью, которая въ глазахъ критиковъ была несомнѣнною только тамъ, гдѣ они находили „гуманическое направленіе", проповѣдь правъ человѣка, и притомъ въ той формѣ и на тѣхъ основаніяхъ, которыя тогда были обычны.

Настали другія времена, критика стала „реальною", получивъ въ лицѣ Добролюбова талантливаго выразителя, и об-

разы, созданные Достоевскимъ, получили болѣе яркое освѣщеніе и смыслъ. Только смыслъ этотъ былъ понятъ своеобразно. На основаніи имѣвшихся тогда въ наличности повѣстей Достоевскаго и романа „Униженные и оскорбленные", въ которыхъ—необходимо замѣтить—не выразились еще ни направленіе, ни вся сила художественнаго творчества автора, Добролюбовъ построилъ два существенныхъ вывода. Во-первыхъ, разобравъ въ подробности самую постройку повѣстей и романа, указавъ несообразности и несоотвѣтствія съ дѣйствительностью,—какою послѣдняя представлялась ему, конечно,—онъ пришелъ къ заключенію о невозможности примѣнить къ нимъ требованія художественной критики, призналъ ихъ недостаточно художественными (т.-е. истинными). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ нашелъ возможнымъ построить на образахъ „нехудожественныхъ", т.-е., говоря проще, не вѣрныхъ дѣйствительности, практическіе выводы для оцѣнки этой же самой дѣйствительности. Въ произведеніяхъ Достоевскаго онъ отмѣтилъ „одну общую черту: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или наконецъ даже не въ правѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ". Идеалъ, сложившійся въ душѣ ихъ автора, по мнѣнію Добролюбова выражается такъ: „каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку"...

Полный самъ боли за существующую дѣйствительность, полный стремленія къ ея измѣненію въ лучшія формы, критикъ тѣ же стремленія, и именно въ одномъ съ нимъ направленіи, видѣлъ, хотѣлъ видѣть и въ Достоевскомъ. Но Добролюбовъ былъ, если хотѣлъ, хорошій художественный цѣнитель. Зная, что „у сильныхъ талантовъ самый актъ творчества такъ проникается всею глубиною жизненной правды, что иногда изъ простой постановки фактовъ и отношеній, сдѣланной художникомъ, рѣшеніе поставленныхъ въ произведеніи вопросовъ вытекаетъ само собою"; видя затѣмъ, что постановка фактовъ и отношеній въ произведеніяхъ Достоевскаго не склоняетъ мысль къ тѣмъ выводамъ и рѣшеніямъ, въ истинности которыхъ онъ былъ страстно убѣ-

жденъ, Добролюбовъ, влекомый предвзятой мыслію, не замѣчалъ, что это можетъ зависѣть не отъ недостатка силы таланта, а именно отъ разницы его воззрѣній отъ воззрѣній Достоевскаго. И онъ не обинуясь ставитъ положеніе, что „у Достоевскаго недостало силы дарованія“ для того, чтобы самою постановкою фактовъ и отношеній выдать истинныя, по его взглядамъ, рѣшенія вопросовъ, что разсказамъ Достоевскаго нужны дополненія и коментаріи.

Сообразно своимъ взглядамъ дополняя и комментируя Достоевскаго, Добролюбовъ нашелъ въ его поэтическихъ образахъ цѣлую коллекцію „забитыхъ людей“, забитыхъ, конечно, существующею дѣйствительностью, и протестующихъ противъ нея. Группируя и поясняя персонажи Достоевскаго одни другими, онъ подвелъ подъ категорію „забитыхъ людей“ и Макара Алексѣевича Дѣвушкина, и сумасшедшаго Голядкина, и Прохарчина, и Васю Шушкова, во всѣхъ нихъ находя „искру божію“ протеста противъ жизненнаго гнета и оставляя совершенно безъ вниманія тѣ лица повѣстей Достоевскаго, которыя не укладывались въ тѣсныя рамки проводимой имъ мысли. Добролюбовъ въ произведеніяхъ Достоевскаго, какъ и во всей русской литературѣ, искалъ общественнаго содержанія, которое служило ему только матеріаломъ для изслѣдованія русскаго общества и средствомъ дѣйствовать на его сознаніе. Въ силу этого критическаго пріема Достоевскій очутился въ рядахъ той литературы, которая представляла собою такъ называемую западническую партію, жаждавшую общественныхъ реформъ.

Односторонность реальной критики въ примѣненіи ея къ произведеніямъ Достоевскаго скоро доказалъ самъ Достоевскій. Въ томъ же журналѣ „Время“, гдѣ печатались „Униженные и Оскорбленные“, и въ его продолженіи, „Эпохѣ“, онъ уже обнаружилъ весьма значительную несолидарность съ воззрѣніями, которыя приписывались ему и его произведеніямъ; а затѣмъ въ романѣ „Преступленіе и Наказаніе“, вновь подтвердивъ эту несолидарность, обнаружилъ такую мощь таланта, передъ которою поблѣднѣли всѣ кажущіяся неудачи выполненія прежнихъ характеровъ, напримѣръ—Голядкина,

въ которомъ, по мнѣнію Добролюбова, потому „недостаточно искусно развита Достоевскимъ идея этого сумасшествія“, что „тема эта для хорошаго выполненія требуетъ таланта очень сильнаго“... Но еслибы и не случились эти обстоятельства, все же не подлежало бы сомнѣнію, что значеніе образовъ Достоевскаго не то, которое имъ далъ Добролюбовъ; по крайней мѣрѣ, это значеніе могло составлять только одну и, быть можетъ, далеко не важную сторону ихъ, что прекрасные гуманическіе принципы, выведенные знаменитымъ критикомъ, принадлежатъ ему, а не Достоевскому съ его произведеніями.

Реальная критика имѣетъ своимъ предметомъ — вывести заключенія о дѣйствительности, открыть ея безнравственныя, злыя стороны, указать принципы и законы, нарушаемые ею. Но для этой цѣли ей нужны настоящіе факты дѣйствительности или, еще лучше, художественныя произведенія объективнѣйшія, ни на йоту не измѣняющія сущности жизни. Самъ Добролюбовъ прекрасно выразилъ эту же самую мысль, указавъ на неудобство взять для своихъ общественныхъ изслѣдованій романъ Писемскаго „Тысяча Душъ“, какъ не воспроизводящій будто бы жизненныхъ отношеній во всей ихъ истинности. Между тѣмъ, уже не говоря о сумасшедшихъ Голядкиныхъ и иныхъ, даже въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“ самъ же Добролюбовъ останавливается на той мысли, что „Достоевскій имѣетъ привилегію на изображеніе аномалій“; что любовь Наташи, главной героини романа—исключительна; что и сама она не натуральна: „силлогизмы ея поразительно вѣрны, какъ будто она имъ въ семинаріи обучалась, психологическая проницательность ея удивительна, постройка рѣчи сдѣлала бы честь любому оратору, даже изъ древнихъ...“; что въ авторѣ обнаруживается недостатокъ въ запасѣ наблюденій, и многое, очень многое другое. Не очевидно ли, что нельзя было и дѣлать никакихъ выводовъ о дѣйствительности по произведеніямъ Достоевскаго...

Между тѣмъ мнѣніе Добролюбова о Достоевскомъ было не одиночнымъ. Одинъ критикъ, одновременно съ Добролюбовымъ разбиравшій „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, не

безъ основанія указываетъ на странную неестественность положенія Ивана Петровича. Влюбленный самъ въ Наташу, герой этотъ отводитъ ее на свиданіе съ несимпатичнымъ фатомъ, даже помогаетъ ей бѣжать къ нему; онъ сажаетъ молодую дѣвушку вмѣстѣ съ Алешей въ карету и отпускаетъ ее, а самъ отправляется домой, „мечтая о своемъ униженіи и оскорбленіи“... Другой критикъ утверждаетъ, что „Униженные и Оскорбленные“ написаны на предвзятую тему, а что персонажи этого романа—„небывалые люди“. Наконецъ, самъ Достоевскій говоритъ: „сознаюсь, что въ моемъ романѣ выставлено много куколъ, а не людей, что въ немъ ходячія книжки, а не лица“. И если мы прибавимъ, что въ этихъ ходячихъ книжкахъ написано было не совсѣмъ то, что предполагалъ Добролюбовъ—этимъ будетъ сказано все.

II.

Критическія воззрѣнія Бѣлинскаго и Добролюбова легли, за ничтожными исключеніями, въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ представленій о Достоевскомъ и его произведеніяхъ. Когда появился уже рядъ романовъ его, служившій прямымъ опроверженіемъ той точки зрѣнія, на которой созидались они, критика все-таки не отказалась отъ установившагося взгляда; болѣе основательной точки зрѣнія на старыя произведенія Достоевскаго она не нашла, новыхъ же не понимала, усматривая въ нихъ то стародавнюю „боль о человѣкѣ“, то, напротивъ, чисто „реакціонныя“ стремленія.

Уже „Преступленіе и Наказаніе“ произвело этотъ расколъ, эту двойственность пониманія задачъ, преслѣдуемыхъ Достоевскимъ. Писаревъ, какъ настоящій продолжатель Добролюбова, увидѣлъ въ новомъ романѣ протестъ противъ гнета жизни, а въ личности Раскольникова съ его „проклятой мечтою“—выраженіе „борьбы за жизнь“, „борьбы за существованіе“. Сложный, глубокій и загадочный процессъ возникновенія въ Раскольниковѣ „проклятой мечты“ представлялся съ этой точки зрѣнія очень простымъ. „Злобнаго презрѣнія“ накопилось въ немъ много потому, что „его молодое самолюбіе

такъ глубоко изранено разнообразнѣйшими оскорбленіями, что уже нѣтъ той формы дружескаго участія, которая... не показалась бы ему выраженіемъ обиднаго и высокомѣрнаго состраданія". Закладывая часы и подвергаясь беззастѣнчивой эксплуатаціи, „онъ видитъ и чувствуетъ на самомъ себѣ, какъ люди пользуются страданіями своихъ ближнихъ, какъ искусно и старательно, какъ аккуратно и безопасно они высасываютъ послѣдніе соки изъ бѣдняка, изнемогающаго въ непосильной борьбѣ за жалкое и глупое существованіе,—и вотъ ненависть и презрѣніе приливаютъ широкими и ядовитыми волнами въ молодую и воспріимчивую душу". Разсказъ Мармеладова „дѣйствуетъ на него такъ, какъ дѣйствуютъ обыкновенно на юнаго медицинскаго студента тѣ куски разлагающагося человѣческаго мяса, съ которыми онъ встрѣчается и принужденъ знакомиться самымъ обстоятельнымъ образомъ при первомъ своемъ вступленіи въ анатомическій театръ". И т. д. Рядъ такихъ внѣшнихъ вліяній на душу Раскольникова, внѣшнихъ раздраженій отъ жизни, по мысли Писарева, и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ и побужденій къ преступленію. Словомъ, Раскольниковъ, это—одинъ изъ „униженныхъ и оскорбленныхъ" жизнью, жертва всякихъ оскорбителей самолюбія, старухи процентщицы, жертва зрѣлища всякой неправды человѣческой. Читатель знаетъ, что ничего этого въ романѣ нѣтъ; что въ Раскольниковѣ чувствуется большое знаніе жизни рядомъ съ еще большимъ, въ моментъ преступленія, равнодушіемъ и презрѣніемъ къ ней; что, закладывая часы, онъ дѣлалъ пробу, мало заботясь объ эксплуатированіи его; что, словомъ, весь душевный процессъ, пережитый имъ, происходитъ, по мысли самого Достоевскаго, подъ вліяніемъ совсѣмъ не тѣхъ причинъ и побужденій, какія указываетъ Писаревъ. Писаревъ привязываетъ къ роману свои собственныя мысли, внѣшнія этому глубокому произведенію, не состоящія съ нимъ ни въ какой органической связи.

Таковы почти всѣ отзывы о „Преступленіи и Наказаніи" и анализы этого романа. Ихъ по меньшей мѣрѣ односторонность, ихъ невѣрное направленіе—очевидны и доказываются уже самыми воззрѣніями Достоевскаго, выяснившимися вполнѣ

впослѣдствіи. Былъ, правда, одинъ критикъ, тогда же, въ моментъ самаго появленія романа, съумѣвшій нѣсколько глубже взглянуть на его содержаніе и смыслъ. Мы говоримъ о Н. Страховѣ. Онъ довольно вѣрно намѣтилъ „дальніе“ замыслы автора—изобразить живую и сильную натуру, окруженную средою, въ „которой все помутилось и священныхъ преданій не существуетъ“, и показать, какими путями могла она пойти въ такой средѣ. Здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, хороши или дурны были эти „дальніе замыслы“ автора, и дѣло критика — только выяснить смыслъ произведенія. Мысль названнаго критика осталась, однако въ его статьѣ такъ мало разъясненною; притомъ она построена съ нѣкоторымъ полемическимъ оттѣнкомъ, направленнымъ противъ господствовавшихъ и увлекавшихъ тогда чаяній и вѣрованій, и довольно одинокій голосъ этотъ остался безъ вліянія, едва замѣченнымъ, ничего не внеся въ общее мнѣніе.

Дальнѣйшая дѣятельность Достоевскаго, между тѣмъ, вооружала противъ себя все болѣе и болѣе однѣ партіи литературы, привлекая къ себѣ другія. Достоевскій изъ лагеря прогрессистовъ, протестантовъ противъ существующей дѣйствительности, постепенно передвинутъ былъ прямо въ лагерь реакціонеровъ и обскурантовъ. Воззрѣніи на него окончательно раздвоились: различныя направленія понимали его совершенно различно. Для однихъ онъ становился врагомъ общественнаго роста, для другихъ—учителемъ и пророкомъ. Что же удивительнаго, если и воззрѣнія на его собственно поэтическія произведенія затемнились и съузились; критика обратилась по отношенію къ нему въ полемику, которой не прекратила даже самая смерть его, все примиряющая. Съ этой точки зрѣнія критическія статьи позднѣйшаго времени о Достоевскомъ представляютъ высокій интересъ.

Одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ, „ставя ребромъ“ вопросъ о значеніи литературной дѣятельности Достоевскаго, сводитъ его, однако, на то, что это — „предметъ довольно сложный и самъ по себѣ, по содержанію произведеній его, и по тому успѣху, какой имѣли въ послѣднее время его сочиненія не только беллетристическія, но и публицистическія“.

Признавая, что „талантъ Достоевскаго былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ сильныхъ въ нашей новѣйшей литературѣ“, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что талантъ этотъ былъ „отчасти безсознательный, какъ у Гоголя, отчасти крайне неровный“ (?). А черезъ нѣсколько строкъ узнаемъ, что въ Достоевскомъ уже въ самомъ началѣ, уже въ „Двойникѣ“, писатель „не повиновался простымъ внушеніямъ дарованія и неподдѣльнаго чувства, но уже придумывалъ и искусственно подстроивалъ“,—мнѣніе совершенно разрушающее только-что высказанное положеніе о безсознательности таланта Достоевскаго. Ниже находимъ еще болѣе рѣзкое разрушеніе того же положенія, читая, что въ новомъ періодѣ своей дѣятельности Достоевскій не ограничился романомъ и повѣстью, его тянуло къ публицистикѣ, и его публицистическія темы вступали болѣе или менѣе открыто въ его беллетристическія произведенія, другими словами—онъ въ беллетристикѣ стремился проводить тѣ же идеи, которыя проводилъ и въ публицистикѣ. Какая же это „безсознательность“ творчества! Но переходя, такимъ образомъ, къ „тенденціямъ“ романовъ Достоевскаго, критикъ уклончиво говоритъ, что тенденціи бываютъ разныя, что писатель „можетъ или остаться на той художественной высотѣ..., или явиться просто человѣкомъ партіи или исключительнаго кружка“. Затѣмъ выясняется, что до критики Добролюбова — Достоевскій участвовалъ „въ ходѣ литературы, въ развитіи ея идей и направленій“ (т.-е. проводя идеи, которыя въ немъ нашелъ Добролюбовъ) и, слѣдовательно, оставался „на той художественной высотѣ“..., а послѣ, когда „въ его теоретическихъ понятіяхъ совершился переворотъ“, онъ сталъ человѣкомъ партіи. Это странное мнѣніе, что стоитъ только пережить „переворотъ въ понятіяхъ“, т.-е. отрѣшиться отъ навѣянныхъ, хотя бы и идеями Бѣлинскаго, воззрѣній и выйти на дорогу самостоятельной мысли—и станешь „человѣкомъ партіи“,—удивительно характерно! Выходило такъ, что та партія, которая считаетъ себя продолжательницею вѣрованій и стремленій Бѣлинскаго,—единственная участвующая въ ходѣ литературы, въ развитіи ея идей и направленій, единственная церковь правовѣрныхъ,

внѣ которой—нѣтъ спасенія. Но, какъ выше намѣчено, солидарность воззрѣній Достоевскаго съ воззрѣніями узко-либеральными, въ самое даже первое время его дѣятельности, въ эпоху созданія „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ и „Записокъ изъ мертваго дома“ — было простое крупное недоразумѣніе.

Другіе критики, однако, пошли дальше. Одинъ изъ этихъ другихъ въ исторіи развитія таланта и дѣятельности Достоевскаго открылъ вещи почти удивительныя. По его мнѣнію, въ Достоевскомъ „мыслитель и публицистъ всегда рѣзко высовывались изъ-за художника“, и что въ этомъ „мыслителѣ и публицистѣ“ постепенно „боль объ униженныхъ стала осложняться чувствомъ совершенно противоположнымъ, какимъ-то жестокимъ чувствомъ радости, что человѣкъ униженъ (!). И случилось это, по мнѣнію критика, такъ. Сначала Достоевскій видѣлъ униженныхъ и оскорбленныхъ и сострадалъ имъ; потомъ онъ сталъ искать виновныхъ въ оскорбленіяхъ, и это исканіе привело его къ заключеніямъ поражающимъ и удивительнымъ для читателя, — онъ увидѣлъ, что унижающихъ и оскорбляющихъ совершенно нѣтъ, и потому почувствовалъ жестокую „ненависть къ тѣмъ, кто самъ не хочетъ страдать и другихъ хочетъ избавить отъ страданій“. Преслѣдуя этихъ ненавистныхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, старающихся избавиться и другихъ избавить отъ униженій и оскорбленій, Достоевскій выказалъ, видите ли, и спеціальную основную черту своего таланта—„жестокость“, почему и названіе ему приличное — „жестокій талантъ“. Такова освобожденная отъ литературныхъ побрякушекъ суть этой шумной статьи, съ злобной неправдой изобрѣтшей какой-то невозможный душевный процессъ въ писателѣ, бывшемъ въ теченіе всей своей дѣятельности одинаково сильнымъ и въ любви, и въ ненависти.

Критика эта нашла свой отвѣтъ. Но антикритикъ не обратилъ вниманія на то существенное обстоятельство, что Достоевскій, по самому свойству своего таланта, углубляясь въ созерцаніе описываемаго душевнаго процесса, любилъ, иногда съ длиннотами, останавливаться и анализировать долго и подробно; что поэтому описанія нѣжныхъ чувствъ у него такъ же растянуты и расчленены до глубокихъ подробностей и

частностей, какъ и мученій; что, слѣдовательно, не „жестокость“ таланта влекла Достоевскаго къ подробнымъ описаніямъ жестокихъ страданій, что, словомъ Достоевскаго съ такимъ же правомъ можно назвать „нѣжнымъ“, „жалостливымъ“, „сострадательнымъ“, „любовнымъ“—и всякимъ инымъ талантомъ, и пріискать, для доказательства, подходящія мѣста въ сочиненіяхъ его. Выводъ критика былъ, поэтому, не менѣе одностороненъ: „Развѣ можно назвать жестокимъ, — восклицаетъ онъ:—если человѣкъ (описаніемъ мученій) заставляетъ насъ пережить то страданіе, которое называется *состраданіемъ*. Да кто же не знаетъ, что состраданіе есть величайшее блаженство. Что̀ же гонитъ эти толпы людей въ театръ смотрѣть великаго трагика? Что̀, какъ не желаніе пережить нѣсколько мгновеній потрясающихъ слезъ и рыданій за другого? Что заставляетъ покупать и перечитывать сочиненія самого Достоевскаго? Развѣ кто-нибудь добровольно пойдетъ на пытку или позволитъ себя высѣчь?“ Отсюда антикритикъ, не отрицая „жестокости“ таланта Достоевскаго, видитъ въ этой „жестокости“ -- „источникъ общественнаго блага, т.-е. новый могучій стимулъ для дѣятельности на благо другихъ, а стало быть, и для общественнаго развитія; такова жестокость Достоевскаго!“ — „Въ ней-то и значеніе его для русскаго развитія!“ восклицаетъ антикритикъ, забывая при этомъ, что совсѣмъ не „состраданіе“ гнало толпы людей смотрѣть на казни, на четвертованія и иныя мученія, и что едва ли въ подобныхъ случаяхъ представляется „новый, могучій стимулъ дѣйствовать на благо другихъ, а стало быть, и для общественнаго развитія“. Дѣло гораздо проще. Достоевскій совсѣмъ не обнаруживаетъ никакой „жестокости“ таланта, и его описанія страданій совсѣмъ и не думали представлять собою неосмысленныхъ вещей, свидѣтельствующихъ будто бы, что Достоевскому нравились эти жестокія описанія, заставляющія мучиться и читателей.

Совершенно иначе, конечно, цѣнили Достоевскаго тѣ литературныя партіи, которыя по своимъ общественнымъ стремленіямъ стоятъ на противоположномъ концѣ отъ предъидущихъ. Въ нихъ, однако, мы опять не найдемъ одинаковыхъ мнѣній.

Но что прежде всего поражаетъ читателя, это — признаніе въ Достоевскомъ того самаго идеала, который отмѣченъ въ немъ Добролюбовскою критикою, притомъ преимущественно въ его именно послѣднихъ произведеніяхъ, отринутыхъ „либералами“. „Онъ въ своихъ анализахъ ищетъ правды, — писалось въ одномъ органѣ печати: — и идетъ все глубже и глубже, идетъ до конца, ничѣмъ не смущаясь, пока подъ этою гадостью, подъ этою мерзостью не почуется, не послышится сама эта больная, трепещущая, забывшая себя, заглохшая душа человѣческая“. Мы останавливаемъ вниманіе на этомъ мѣстѣ, какъ бы выписанномъ изъ статьи Добролюбова.

Но этимъ общимъ положеніемъ и кончается все сходство двухъ партійныхъ воззрѣній; какъ скоро вы уходите отъ фразъ „исканіе правды, Бога“ и т. п., для васъ обнаруживается яркая разница пониманія этой правды и Бога, разница примѣненія къ практической жизни высокихъ идеаловъ, облеченныхъ въ одинаковыя слова. „Исканіе правды“ и „души человѣческой“ Добролюбовъ находилъ у Достоевскаго въ указаніи унижающихъ и оскорбляющихъ условій дѣйствительности; это же самое исканіе правды тотъ органъ печати, о которомъ мы говоримъ, видитъ въ томъ, что Достоевскій свои идеалы ищетъ не въ пустотѣ, не въ отвлеченностяхъ, не въ чужбинѣ а въ живой душѣ своего народа.

Другой органъ печати еще яснѣе выражаетъ характеръ этого „исканія правды“ у Достоевскаго, какъ его понимаетъ эта партія. „Для Достоевскаго, — говоритъ онъ: — все дѣло было не во внѣшней формѣ, а въ духѣ, что онъ въ душѣ своей былъ искреннимъ врагомъ всякой политической формальной свободы, которая бы могла лишь усилить власть и значеніе нашей европействующей интеллигенціи и исказить органическій саморостъ русскаго народа, своеобразность и свободу его духовнаго развитія“. Поясняя значеніе этого идеала Достоевскаго, органъ печати говоритъ, что „идея внѣшней, соціальной равноправности блѣднѣла и исчезала для него въ высшей идеѣ — въ христіанской идеѣ братства“. И опять на сцену выходятъ все тѣ же „униженные“ и „оскорбленные“. „Эти униженные, эти оскорбленные, эти презираемые міромъ —

это наши братья о Христѣ", говорится въ статьѣ далѣе, и мы опять читаемъ какъ бы статью Добролюбова или Бѣлинскаго.

Былъ, наконецъ, высказанъ такой взглядъ, что „глубокое чувство общественной неправды" высказалось въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Достоевскаго („Бѣдные люди" и „Униженные и Оскорбленные"), и что соціальный смыслъ ихъ сводится къ той старой и вѣчно новой истинѣ, что при существующемъ порядкѣ вещей лучшіе (нравственно) люди суть вмѣстѣ съ тѣмъ худшіе для общества, что имъ суждено быть „бѣдными" людьми, „униженными и оскорбленными"; но общественный идеалъ Достоевскаго этотъ критикъ видѣлъ уже не въ народѣ, а въ церкви, разумѣя подъ этимъ словомъ идеалъ прямо противоположный европейскому соціализму.

Въ концѣ концовъ, всѣ эти опредѣленія были недостаточными для еще одного критика, который остается недоволенъ Достоевскимъ. Онъ говоритъ: „Достоевскій, подобно великому множеству *европейскихъ* и русскихъ *всечеловѣковъ*, вѣритъ въ мирную и кроткую будущность Европы, радуется тому, что намъ, русскимъ, быть можетъ — и скоро, придется утонуть и расплыться безслѣдно въ безличномъ океанѣ космополитизма. Именно *„безслѣдно"* (всѣ курсивы принадлежатъ здѣсь автору). „Пока Достоевскій, —говоритъ критикъ въ другомъ мѣстѣ: — въ своихъ романахъ говоритъ образами, то, несмотря на нѣкоторую личную субъективность всѣхъ этихъ образовъ, видно, что онъ художникъ вполнѣ и болѣе многихъ изъ насъ —русскій человѣкъ. Но выдѣленная, извлеченная изъ этихъ русскихъ образовъ, изъ этихъ русскихъ обстоятельствъ, чистая мысль оказывается, какъ почти у всѣхъ лучшихъ писателей нашихъ, вполнѣ европейскою по идеямъ и даже по происхожденію своему"... Этотъ выводъ повергаетъ нашего критика въ уныніе...

Наша коллекція мнѣній о Достоевскомъ была бы не полна, еслибы мы не отмѣтили чрезвычайно любопытное (совершенно бездоказательное, впрочемъ) мнѣніе спеціалиста психопатолога, опрокинувшаго — если бы онъ былъ правъ — всѣ разсужденія о любви, о церкви, объ униженныхъ и бѣдныхъ

весьма просто. По его мнѣнію, большинство крупныхъ, значащихъ что-нибудь, персонажей Достоевскаго—сумасшедшіе. Вы думаете видѣть въ Раскольниковѣ человѣка, къ несчастію исповѣдующаго ложную идею, вступившую въ немъ въ борьбу съ законами природы человѣческой? — О, нѣтъ, онъ просто сумасшедшій... Въ Алешѣ Карамазовѣ вы усматриваете почти идеальный для автора образъ?—но онъ просто сумасшедшій. Въ Митѣ Карамазовѣ не указывается ли необычайно интенсивный подъемъ нравственнаго духа человѣческаго, при порочности въ обычныя минуты жизни? — Нѣтъ, онъ тоже сумасшедшій, во всякомъ случаѣ — душевнобольной. Мы, впрочемъ, приводимъ эту „критику" на Достоевскаго, чтобы показать, до какихъ удивительныхъ вещей доходили воззрѣнія на Достоевскаго. Въ домъ умалишенныхъ нежданно-негаданно угодила даже мать Раскольникова! Авторъ этой критики, впрочемъ, совершенно безсиленъ въ доказательствахъ, и просто произвольно утверждаетъ, что де вотъ это у Достоевскаго согласно съ наукой о сумасшедшихъ, коей я есть представитель, а вотъ это не согласно. Какъ былъ бы удивленъ и пораженъ Достоевскій, еслибы онъ былъ живъ, узнавъ, что, наприм., его Алеша Карамазовъ, котораго онъ такъ любилъ, — просто сумасшедшій человѣкъ, не болѣе!...

III.

Мы пересказали все, что̀ заслуживало вниманія, или обращало на себя вниманіе въ критическихъ воззрѣніяхъ на Достоевскаго. Не остается никакого сомнѣнія, что всѣ вышеприведенныя критическія соображенія насчетъ великаго писателя были вызываемы только имѣвшими значеніе для своей минуты односторонними убѣжденіями, которыя и составляли главное содержаніе статей, оставляя самыя произведенія Достоевскаго въ сторонѣ. Еще менѣе сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительно безпристрастнаго и вѣскаго разбора и опредѣленія значенія Достоевскаго еще не было у насъ, и, можетъ быть, еще много пройдетъ времени, пока они станутъ возможными.

Изъ всѣхъ уже сложившихся и существующихъ воззрѣній и мнѣній о дѣятельности Достоевскаго развѣ только одно продолжаетъ быть цѣннымъ, хотя и одностороннимъ, опровергнутымъ фактами въ этой своей односторонности. Это то, что авторъ „Преступленія и наказанія“ не какой-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, „жестокій талантъ“, а представитель истиннаго и великаго гуманизма. Но пониманіе, что̀ именно въ немъ гуманно, затемнено критикой. Это всего яснѣе сказывается на пониманіи типа Раскольникова, изображеннаго въ „Преступленіи и наказаніи“.

Такъ какъ, по времени своей дѣятельности и по „школѣ“ литературной, Достоевскій попалъ въ число писателей „натуральныхъ“ и „гуманическихъ“, то на него перенесены были и всѣ относящіяся сюда воззрѣнія. Будучи по этому воззрѣнію поэтомъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, „забитыхъ людей“, онъ, по мнѣнію критиковъ, открывалъ „душу живу“ подъ всякимъ наноснымъ соромъ, — и это приписано ему, какъ его единственная поэтическая миссія. Но легко видѣть, что многообразные виды человѣческаго безумія, олицетворенные его мощной фантазіей, говорятъ совсѣмъ не о силѣ духа человѣческаго, свидѣтельствуютъ, напротивъ, скорѣе о безсиліи его передъ чѣмъ-то, лежащемъ внѣ воли и сознанія, и съ чѣмъ борьба не подъ силу человѣку. Стоитъ только вглядѣться въ наиболѣе, повидимому, ясный и понятный, въ наиболѣе извѣстный и памятный образъ, именно Раскольникова, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Было бы страннымъ и страшнымъ преувеличеніемъ думать, что Раскольниковъ принадлежалъ къ „бѣднымъ“ и „оскорбленнымъ“, поднятіе которыхъ до человѣческаго сознанія и достоинства считается спеціальною поэтическою миссіею Достоевскаго. Напротивъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ общемъ онъ долженъ быть причисленъ къ незначительному меньшенству счастливыхъ міра сего, передъ которыми открыты всѣ двери въ жизнь. Мы, правда, застаемъ его въ романѣ Достоевскаго „задавленнымъ бѣдностью“, въ рубищѣ и страшномъ одиночествѣ; но эти обстоятельства созданы не неизбѣжными условіями жизни его, а лишь его временнымъ

душевнымъ состояніемъ, составляющимъ предметъ анализа для великаго психолога-художника; стоило ему только дойти до пріятеля Разумихина, какъ у него являются работа и средства для той—не блистательной, конечно, не безъ лишеній и печалей – жизни, какую всѣ мы, по крайней мѣрѣ огромное большинство изъ насъ, испытываемъ во времена студенчества. Но будущее было несомнѣнно открыто передъ нимъ. Онъ обладаетъ солиднымъ развитіемъ и образованіемъ — роскошью для многихъ даже въ мечтѣ; онъ съумѣлъ написать замѣчательную статью, обратившую на себя вниманіе. Его мысль не знаетъ стѣсненій, она широка и выходитъ далеко за предѣлы обычной морали и рутинныхъ воззрѣній. Онъ притомъ добръ и благороденъ. Чѣмъ же бѣденъ, кѣмъ униженъ и оскорбленъ этотъ юноша, беззавѣтно отдающійся „безобразной мечтѣ“ своей, по его же собственному выраженію? Дѣйствительно ли авторъ хотѣлъ на его примѣрѣ показать, какъ гнетуще отзываются такъ называемые „существующіе порядки“ на иныхъ душахъ? Но, уже помимо произвольности такого заключенія, извѣстно, что Достоевскій именно этого-то и не хотѣлъ сказать ни въ какомъ случаѣ.

А между тѣмъ Раскольниковъ приводится обстоятельствами, еще пока требующими указанія и разъясненія, но ни въ какомъ случаѣ не „униженіями“ и „оскорбленіями“, — къ страшному преступленію. И приводится онъ къ нему неизбѣжно, фатально, имъ неотразимо владѣетъ нѣчто, чему онъ не въ силахъ сопротивляться. Въ началѣ „онъ и самъ еще не вѣрилъ этимъ мечтамъ своимъ и только раздражалъ себя ихъ безобразною, но соблазнительною дерзостью“. И долго потомъ, когда преступленіе его уже было психологически неизбѣжно, онъ все говорилъ: „О, Боже! Какъ это все отвратительно! И неужели, неужели я... нѣтъ, это вздоръ, это нелѣпость! И неужели такой ужасъ могъ придти мнѣ въ голову?“ Позже, ловя себя на намѣреніи пойти къ Разумихину послѣ того, т. е. послѣ убійства, онъ опять восклицаетъ: „Послѣ того, — да развѣ то будетъ?“ И въ другомъ мѣстѣ, послѣ безобразнаго сна своего, онъ снова и снова говоритъ: „Боже, да неужели-жъ, неужели-жъ я въ самомъ

дѣлѣ возьму топоръ, стану бить по головѣ, размозжу ей черепъ"... Въ душѣ его — отвращеніе къ преступленію, которое онъ совершитъ. А между тѣмъ, черезъ нѣсколько лишь часовъ, этотъ человѣкъ „вошелъ къ себѣ, какъ приговоренный къ смерти; ни о чемъ онъ не разсуждалъ и совершенно не могъ разсуждать; но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно". Воли, дѣйствительно, нѣтъ у него; онъ похожъ на человѣка, которому въ гипнотическомъ снѣ внушено его преступленіе, и онъ совершаетъ его, какъ автоматъ, повинующійся непреоборимому давленію чужой воли.

Неужели же этотъ колоссальный и поражающій образъ, со всѣми своими перипетіями душевной борьбы, только и сводится къ тому, по правдѣ сказать, шаблонному и мелочному для нашего времени, заключенію, что Достоевскій открылъ „душу живу" въ Раскольниковѣ! И если мы припомнимъ, что многія лица уже въ первыхъ повѣстяхъ Достоевскаго, напр., въ „Двойникѣ" и „Хозяйкѣ", сродни персонажамъ позднѣйшихъ романовъ и особенно „Преступленія и Наказанія", то ясно станетъ, что почти еще незатронутый вопросъ о значеніи персонажей Достоевскаго предполагаетъ свое рѣшеніе совсѣмъ не тамъ, гдѣ его искали съ точки зрѣнія литературныхъ школъ и партій и съ точки зрѣнія гуманическихъ идей, понимаемыхъ различно.

Очевидно, что въ прошломъ, если исключить небольшіе отзывы Бѣлинскаго, были большею частью только попытки поставить Достоевскаго подъ знамена „своихъ" убѣжденій со всѣми его произведеніями. При этомъ, какъ мы видѣли, получился рядъ невѣроятно противорѣчивыхъ мнѣній, большею частью прямо бездоказательныхъ или же слишкомъ общихъ, чтобы значить что-нибудь опредѣленное. Еслибы, напр., мы и согласились, что въ основѣ творческой дѣятельности Достоевскаго лежитъ представленіе о правдѣ и Богѣ, живущихъ въ каждой душѣ человѣческой, то изъ этого еще не будетъ вытекать пониманіе тѣхъ мыслей, мучительныхъ и тяжкихъ, которыя олицетворены въ персонажахъ Достоевскаго. Всѣ

они, эти персонажи, стоятъ передъ нами, со своею „правдою“ въ душѣ, все также необъясненными. А между тѣмъ каждый изъ нихъ имѣетъ свое значеніе, каждый выдаетъ чувство и мысль автора, которыя требуютъ разъясненія.

Что говорятъ вамъ терзанія Раскольникова? кто онъ, что онъ? Зачѣмъ авторъ воскрешаетъ передъ нами трудный душевный процессъ, пережитый преступнымъ юношей? Неужели только затѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ поиграть на нервахъ читателя, какъ ухитрились думать иные критики? Неужели мученія надъ своими персонажами самого Достоевскаго было не болѣе, какъ психологическое баловство, само себѣ поставленное цѣлью и ровно ничего не значущее, или же, что еще хуже, дѣйствительно жестокая забава жестокаго таланта? Но Свидригайловъ, но Соня? Какое отличіе ихъ отъ Раскольникова? Почему Свидригайловъ убиваетъ себя? Если мы остановимся на одномъ общемъ соображеніи, что во всѣхъ нихъ Достоевскій показалъ милосердаго и карающаго Бога — мы еще почти ничего не скажемъ. Какъ мы видѣли, Добролюбовъ подробнымъ анализомъ хотѣлъ освѣтить вызванный къ жизни мрачный міръ человѣческихъ страстей одною общею идеею, болѣе частною и приложимою къ жизни. Но, во-первыхъ, онъ опять остался именно только въ сферѣ слишкомъ общей идеи, подводя подъ нее персонажи Достоевскаго, а не различая ихъ, не изучая ихъ; и во-вторыхъ, во всѣхъ этихъ персонажахъ онъ увидалъ лишь разновидности, такъ сказать, политическихъ протестантовъ, приписывая это же свойство и Достоевскому, — и не могъ не впасть въ преувеличеніе, подчиняясь страстно любимой идеѣ своей. Понятно, что дѣйствительность не оправдала его: онъ не угадалъ ни размѣра таланта Достоевскаго, ни его настоящаго направленія, которое получало свое выраженіе уже въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ и особенно въ „Запискахъ изъ мертваго дома“. О другихъ, позднѣйшихъ критикахъ — уже и говорить нечего. Всѣ эти слова, которыми характеризовали Достоевскаго, въ родѣ: жестокій талантъ, открытый противникъ европействующей интеллигенціи, искатель правды и пр., и пр., если и имѣютъ смыслъ, то чрезвычайно условный

и часто неуловимый, и во всякомъ случаѣ безсильны указать смыслъ самыхъ произведеній, смыслъ тѣхъ мученій душевныхъ, которыми болѣлъ авторъ и заставляетъ болѣть и своихъ читателей.

Но эта исторія критики о Достоевскомъ, на нашъ взглядъ, съ необычайной ясностью показываетъ тѣ причины, которыя такъ принизили современную намъ критику. Конечно, жалобы на это были постоянны и въ тѣ времена, когда на литературной сценѣ дѣйствовали замѣчательные критики. Напр., тотъ же Достоевскій „съ грустью“ высказываетъ въ 1861 году свое глубокое убѣжденіе, что „наша русская критика въ настоящее время пошлѣетъ и мельчаетъ“, что „въ нашей критикѣ давно уже замѣтна какая-то всеобщая апатія“, — и это въ то время, когда Добролюбовъ оканчивалъ свою блестящую дѣятельность, и когда Аполлонъ Григорьевъ еще развивалъ свои весьма серьезныя критическія воззрѣнія. При всемъ томъ, невозможно не согласиться, что именно на корифеяхъ нашей литературы, на Тургеневѣ, на Львѣ Толстомъ, наконецъ, въ нашемъ примѣрѣ, на Достоевскомъ, критика нашихъ дней засвидѣтельствовала свое безсиліе. И тотъ, и другой, и третій изъ названныхъ писателей были предметомъ нападокъ, полемики, или же, съ другой стороны, бездоказательныхъ восхваленій за то, что авторы эти будто бы мыслили пріятнымъ для критиковъ образомъ. Очевидно, критика становилась на ложныя основанія, если не умѣла цѣнить такихъ колоссовъ художественнаго слова, какъ Л. Толстой Да, впрочемъ, это и неправда, что она не умѣла цѣнить,—попрекъ, столь часто раздающійся. Неужели же критики, писавшіе о немъ, хуже послѣдняго человѣка изъ публики понимала всю чарующую прелесть и огромную силу его таланта? Но въ томъ-то и дѣло, что, высказавъ въ двухъ словахъ свое мнѣніе о талантѣ, критики обыкновенно принимались за другое, за доказательство невѣрности мнѣній поэта, фальшивости его міровоззрѣнія, сопоставляя это послѣднее со своимъ міроноззрѣніемъ, въ которомъ будто бы и была самая настоящая истина; или же, въ лучшемъ случаѣ, — за доказательство того, что міровоззрѣніе поэта, его картины жизни, какъ разъ

именно и служатъ доказательствомъ блистательной истинности воззрѣній критика. Но полемика, но изложеніе теоретическихъ воззрѣній поэта, — не критика его художественныхъ произведеній; притомъ приписываніе поэту того или другого міровоззрѣнія на основаніи созданныхъ имъ образовъ — дѣло обыкновенно въ высшей степени рискованное, требующее осмотрительнаго анализа. Не новы примѣры діаметрально противоположныхъ у двухъ критиковъ воззрѣній на одинъ и тотъ же базаровскій типъ, и сообразно съ этимъ — приписываніе его автору съ двухъ сторонъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній. Художественные образы, какъ и крупныя жизненныя явленія дѣйствительности, рѣдко подчиняются категорическимъ опредѣленіямъ, безусловнымъ приговорамъ.

IV.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены были говорить о критикахъ Достоевскаго, не претендуя исполнять задачу противоположную; истолкованіе произведеній великаго психолога-художника—дѣло слишкомъ сложное и трудное. Но, разъ показавъ ненормальное отношеніе критики къ Достоевскому, по самому ходу нашихъ мыслей, мы должны объяснить, откуда же происходили всѣ увлеченія критиковъ, какія могутъ быть предъявлены критикѣ, берущейся судить о великихъ произведеніяхъ словеснаго искусства. Изъ этого будетъ ясно, въ чемъ именно, по нашему мнѣнію, погрѣшала критика, такъ неправильно цѣнившая великаго писателя.

Для насъ вопросъ о смыслѣ и значеніи искусства представляется въ такомъ видѣ. Психическая жизнь человѣчества не остается неподвижною и неизмѣнною, но подчиняется общимъ закономъ эволюціи, послѣдовательнаго развитія. Въ непрерывныхъ измѣненіяхъ, совершающихся подъ вліяніемъ многообразныхъ условій и обстоятельствъ, природы и воспитанія, душевные организмы принимаютъ формы различныхъ типовъ, отличающихся между собою, напр., объемомъ развитія различныхъ душевныхъ свойствъ; въ одномъ типѣ пре-

обладаетъ фантазія и отсутствуетъ то, что называется сильнымъ чувствомъ, въ другомъ велика логическая способность мысли и слаба фантазія и т. п. Отсюда—необыкновенное различіе душевной жизни въ различныхъ условіяхъ. Каждый народъ отличается отъ другаго по своему типическому строю, и жизнь древняго индуса, его мысль, его чувства, его міровоззрѣніе отличаются отъ тѣхъ же свойствъ европейца до такой степени, что послѣдній можетъ совершенно не понимать не только чувствъ, а даже и мыслей перваго. Но даже въ одной и той же странѣ, на самомъ короткомъ разстояніи времени, поколѣнія, смѣняя другъ друга, но сохраняя постояннымъ свой племенной и народный типъ, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются настолько, что каждое принимаетъ уже свои типическія особенности. И это различіе поколѣній иногда такъ велико, что они теряютъ способность вполнѣ понимать другъ друга, сочувствовать другъ другу. Читая, напр., сказаніе о туманно-мистическихъ мысляхъ масона, обратившаго въ масонство Петра Безухова (въ „Войнѣ и мирѣ“), человѣкъ нашего поколѣнія не будетъ понимать, какъ можно было находить живой и реальный смыслъ въ этихъ отвлеченностяхъ. Какая яркая разница между душевнымъ строемъ Онѣгина и Базарова! какое поражающее несходство между кулакомъ Дутловымъ („Поликушка“ Л. Толстаго) и Обломовымъ!

Въ этомъ и лежатъ основанія для искусства. Вся задача самосознанія человѣка главнѣйшимъ образомъ и состоитъ въ томъ, чтобы понять основныя черты своего и окружающихъ типовъ. Искусство, и преимущественно искусство словесное, представляетъ собою именно форму такого самосознанія. Когда художникъ воплощаетъ въ образъ типическія особенности своего времени, онъ совершаетъ огромное дѣло, помогающее обществу опредѣлять предлежащіе ему пути, сознать тѣ свои свойства душевныя, которыя мѣшаютъ хорошему будущему, и тѣ, которыя обѣщаютъ его. Не всегда художникъ выражаетъ только свою душу, свой душевный строй; нервная чуткость, впечатлительность даютъ ему преимущество—способность угадывать душевные (типическіе) процессы иныхъ

людей, весьма отличныхъ отъ родственныхъ ему,—и онъ можетъ воспроизвести типическія особенности людей совершенно инаго времени и мѣста. Нужно прибавить, что каждый человѣкъ отличается отъ другаго, но каждый индивидуумъ не заслуживаетъ изученія, не можетъ стать предметомъ его, и потому созданія художника только тогда имѣютъ цѣну, когда они не представляютъ простаго снимка съ дѣйствительности, а воспроизводятъ именно типическія жизненныя явленія, прошедшія черезъ объединяющій и анализирующій умъ и горячее воображеніе художника.

Великія художественныя произведенія извѣстной страны во всей своей совокупности представляютъ стремленія народа осмыслить и понять свой народный типъ въ его различныхъ, временныхъ, по поколѣніямъ, сословіямъ и мѣстностямъ получающихъ свои особенности, проявленіяхъ. Произведенія великаго художника даннаго времени—есть, какъ это само собою понятно, отраженіе этого времени, характеристика его, т.-е. характеристика людей, создающихъ это время, типовъ общественныхъ. Важность изученія этихъ типовъ очевидна, несомнѣнна; ея не нужно доказывать, какъ не нужно доказывать необходимость и важность изслѣдованія экономическаго быта общества. Одно представляетъ стремленіе понять духовный бытъ общества, столь могущественно вліяющій на матеріальный бытъ его; другое — стремленіе объяснить матеріальный бытъ, также могущественно вліяющій на духовную жизнь общества. Изученіе литературныхъ типовъ своей страны представляетъ поэтому громадную важность. Но странное существо человѣкъ! Признавая всю важность изученія зоологическихъ формъ жизни, поколѣніе шестидесятыхъ годовъ, напр., отрицало искусство, т.-е. отказывалось знать душевныя формы своей жизни. Невольно хочется, пародируя извѣстную неудачную остроту Павла Кирсанова, напрасно, впрочемъ, вызвавшую взглядъ сожалѣнія у племянника,—невольно хочется сказать, что странно „въ лягушекъ вѣрить, а въ душу человѣческую не вѣрить“. Психологія, между тѣмъ никакъ не можетъ замѣнить художе-

ственнаго творчества, которое, напротивъ, способно дать ей свое содержаніе.

Съ этой точки зрѣнія, дѣло литературной критики представится нѣсколько инымъ, чѣмъ это понималось тою критикою, которая, на основаніи произведеній Достоевскаго, хотѣла проводить свои политическія и общественныя воззрѣнія. Литературная критика, если она хочетъ быть послѣдовательною и приходить не къ произвольнымъ выводамъ, не можетъ претендовать на то, чтобы тотъ или другой авторъ, намѣреваясь изобразить типъ, выношенный имъ, справлялся въ кодексѣ либеральныхъ, консервативныхъ, радикальныхъ, или какихъ либо другихъ воззрѣній, что̀ долженъ, обозначать какую мысль, „идею“ представляетъ его образъ. Что̀ будетъ онъ обозначать—это ужъ не дѣло автора, который нравственно обязанъ передать только искренно и честно то самое, что̀ сложилось у него въ душѣ. Критикъ же, съ своей стороны, долженъ безъ предвзятыхъ мыслей приступать къ изслѣдованію художественнаго произведенія, анализировать его безпристрастно и просто, и только записать выведенныя изъ такого наблюденія заключенія. Важно не то, согласенъ или несогласенъ критикъ съ авторомъ художественнаго произведенія, а именно только изслѣдованіе, что̀ такое его типы. При подобномъ тщательномъ анализѣ каждая фальшь и ошибка автора, если онѣ существуютъ, выяснятся сами собою.

Но олицетворяемые литературно типы можно раздѣлить на роды. Изъ нихъ одни выражаютъ стремленіе отразить самую сущность души человѣческой, безъ отношенія къ обыденной дѣйствительности, по крайней мѣрѣ — съ отношеніемъ чрезвычайно отдаленнымъ; это будутъ типы чисто-литературные. Другіе представятъ типы, созданные авторами, такъ сказать, произвольно, независимо, но на почвѣ дѣйствительности, — это типы общественно-литературные; наконецъ, третьи типы будутъ болѣе или менѣе объективнымъ отраженіемъ существующихъ въ дѣйствительности людей (у Тургенева, у Писемскаго), — это типы общественные. Типы олицетворенные персонажами произведеній Достоевскаго, принадлежатъ, очевидно къ типамъ второго ряда.

V.

Достоевскій, какъ литературная личность, представляетъ собою явленіе необыкновенное, зовущее къ своему изученію. По поводу его самого можно сказать то же, что одинъ изъ его персонажей сказалъ о Раскольниковѣ и его преступленіи. Его произведенія, дѣйствительно, — „дѣло фантастическое, мрачное, нашего времени случай-съ, когда помутилось сердце человѣческое, когда цитируется фраза, что кровь освѣжаетъ, когда вся жизнь проповѣдуется въ комфортѣ; тутъ книжныя мечты-съ, тутъ теоретически раздраженное сердце". Внимательно разсматривая все написанное Достоевскимъ, дѣйствительно, невозможно не придти къ заключенію, что въ немъ, въ этихъ трагическихъ типахъ, — изображаются именно „книжныя мечты" и „теоретически раздраженныя сердца".

Произведенія Достоевскаго — это исторія его всей душевной жизни. Помню, въ одной маленькой газетной статьѣ о Достоевскомъ было сказано, что его „произведенія суть его горькія и страстныя мысли о судьбахъ человѣческихъ". Натура необычайно глубокая и впечатлительная, истинный художникъ, до болѣзненности страстно относившійся къ жизни, онъ старался разгадать смыслъ болѣзненныхъ явленій въ обществѣ, и его мощное воображеніе создавало ему образы, отражавшіе его страстныя и горькія мысли. Каждое лицо, выведенное имъ, непремѣнно запечатлѣно мыслью автора, нерѣдко неопредѣленной, которой не формулируешь словами, нерѣдко составляющей вопросъ не поддающійся рѣшенію, — и видно, что мысль эта терзала автора, мучила его, сопровождалась глубокимъ чувствомъ. Невольно припоминается упрекъ, посланный не разъ Достоевскому по поводу его писемъ, что будто бы онъ только и жилъ, что мелочными заботами о деньгахъ. Упрекъ этотъ выдаетъ неимовѣрную близорукость сочинившихъ его. Достоевскій, какъ это ясно по его произведеніямъ, былъ натура необыкновенно сосредоточенная и скрытная, онъ не выдавалъ терзавшихъ его душевныхъ процессовъ, да, быть можетъ, и не могъ бы иначе

передать, какъ въ сильныхъ, могучихъ художественныхъ образахъ, каковы Раскольниковъ, Свидригайловъ, Карамазовы.

Но изучать Достоевскаго можно не иначе, какъ отрѣшившись отъ всякой мысли примѣнить къ нему „реальную" критику. Нѣкогда Добролюбовъ провозгласилъ, что „эстетическая критика стала принадлежностью чувствительныхъ барышень". Нѣчто подобное случилось теперь и съ самою „реальною" критикою, какъ она тогда понималась; она стала принадлежностью молодыхъ чувствительныхъ мальчиковъ, „въ 18 лѣтъ порѣшившихъ всѣ вопросы литературы и жизни", какъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ. Немыслимо дѣлать заключенія о жизни изъ такихъ произведеній, которыя представляютъ не дѣйствительность, а только представленія автора ихъ о дѣйствительности, или, если хотите, дѣйствительность по представленіямъ автора. Единственно вѣрныя заключенія можно только вывести именно о томъ, какъ въ авторѣ, въ его духѣ, въ его фантазіи—отразилась дѣйствительность. И произведенія Достоевскаго представляютъ въ высокой степени свидѣтельство о душевной жизни главнымъ образомъ автора, а не дѣйствительности.

Еще Бѣлинскій, по первой уже повѣсти заключая, писалъ, что „въ высокой степени творческій" талантъ Достоевскаго „не поражаетъ тѣмъ знаніемъ" жизни и сердца человѣческаго, которое дается опытомъ и наблюденіемъ; нѣтъ, онъ знаетъ ихъ, и притомъ глубоко знаетъ, но à priori, слѣдовательно—чисто поэтически, творчески. Его знаніе есть талантъ, вдохновеніе". И потомъ всѣ, кто писалъ о Достоевскомъ, отмѣтили, „невѣроподобіе" его лицъ и положеній въ романахъ, и исключеніе въ этомъ смыслѣ составляетъ лишь развѣ „Преступленіе и Наказаніе", признанное при своемъ появленіи глубоко вѣрнымъ дѣйствительности. Но на этомъ-то примѣрѣ всего болѣе и доказывается справедливость тѣхъ, кто въ самомъ характерѣ творчества Достоевскаго увидитъ нѣкоторое игнорированіе дѣйствительности. Всмотритесь, въ самомъ дѣлѣ, ближе и внимательнѣе и въ персонажей, и въ ходъ этого романа. Нѣтъ сомнѣнія, что и Раскольниковъ, и Свидригайловъ, и всѣ—поражаютъ удиви-

тельной цѣльностью, психологической правдой, логичностью своихъ свойствъ, одно другимъ оправдываемыхъ и объясняемыхъ; но это—свойство всякаго художественно созданнаго образа, хотя бы онъ ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣлъ и не могъ имѣть. Дѣйствительно, Раскольниковъ и Свидригайловъ, оставаясь вѣрны самимъ себѣ, къ дѣйствительности имѣютъ отношеніе косвенное; это не лица дѣйствительности, а лишь дѣти художественной фантазіи ихъ автора. Въ ходѣ романа отражаются тѣ же свойства таланта Достоевскаго; масса случайностей, придающихъ всему роману характеръ какъ бы придуманности, встрѣчается на каждомъ шагу. Возвращается Раскольниковъ домой—и случайно, самъ удивляясь почему, попадаетъ на Сѣнную, а тамъ опять случайно, словно какъ по волѣ предопредѣленія, слышитъ разговоръ, давшій ему знать, что въ опредѣленный часъ его жертва будетъ дома одна, и рѣшающій тѣмъ его участь. Но здѣсь въ сущности нѣтъ неестественности, читатель не замѣчаетъ ея, потому что въ смыслѣ художественномъ, въ смыслѣ соотвѣтствія другъ другу лицъ и событій, все на своемъ мѣстѣ. Но было бы странно по роману „Преступленіе и Наказаніе“ строить выводы о характерѣ дѣйствительности, какъ это сдѣлалъ Писаревъ.

Художественное творчество рѣдко сходитъ на почву узкой дѣйствительности, той обычной, обыденной дѣйствительности, которая выражаетъ уже обмельчавшіе, разложенные на детали, приложенные къ мелкой практикѣ—законы жизни, и изъ-за которой часто не видно болѣе общихъ законовъ; оно стремится выше, къ этимъ послѣднимъ. Наблюдая жизнь, изучая ея проявленія, художникъ создасть вамъ гигантскій образъ Прометея, прикуетъ его къ скалѣ и заставитъ коршуна клевать его сердце. Или онъ создастъ вамъ великодушнаго героя, который такъ увлеченъ желаніемъ подвиговъ — даже тамъ, гдѣ они непримѣнимы,—что онъ даже въ мельницѣ увидитъ грознаго рыцаря, зовущаго на битву, и будетъ грубо сверженъ махающими безъ смысла крыльями. Или создастъ, наконецъ, мелкаго-мелкаго чиновника, Макара Алексѣевича Дѣвушкина, который по самому своему положенію и быту

ничего особеннаго ни въ смыслѣ ума, ни въ смыслѣ чувства представить, какъ типъ, не можетъ, и который, между тѣмъ, поразитъ васъ необычайно человѣчною душою. Логически и психологически возможны и Прометей, и благородный Донъ-Кихотъ, и Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ; будутъ ли они обычными явленіями въ обществѣ — вопросъ, допускающій иной разъ прямо отрацательное рѣшеніе. И никакая реальная критика къ нимъ непримѣнима, въ смыслѣ выводовъ въ родѣ того, что существуетъ-де на свѣтѣ гнетъ боговъ на похищающихъ огонь съ неба людей, и эти люди, хотя и прикованные къ скалѣ, но протестуютъ.

Чисто литературные типы—почти аллегоріи; литературно-общественные типы, какъ у Гюго и Достоевскаго, представляютъ чистыя созданія поэта, отвлеченія, но въ основѣ которыхъ лежитъ дѣйствительность. Къ нимъ именно и принадлежатъ, какъ сказано уже, всѣ персонажи Достоевскаго, начиная даже съ Макара Алексѣевича Дѣвушкина. Способъ созданія ихъ, конечно, невольнаго, состоитъ въ слѣдующемъ. Представьте, что авторъ, поэтъ, пораженъ господствомъ въ обществѣ мысли, – напр., чисто іезуитской теоретической мысли, что все дозволено, лишь бы цѣль была хороша, и лишь бы идущій къ ней былъ силенъ и власть имѣлъ въ себѣ самомъ. Практически, при господствѣ другихъ мнѣній, оспаривающихъ эту самую мысль, послѣдняя не принесетъ особенно богатыхъ плодовъ, и огромное большинство даже изъ тѣхъ людей, которые признаютъ ее истинною, уклонятся отъ проведенія ея въ дѣйствіе даже въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ. Такъ уклонился отъ нея тотъ студентъ, который при Раскольниковѣ говоритъ тѣ самыя мысли, которыя и его занимаютъ, но на практикѣ сейчасъ же отказывается осуществить ихъ, говоря: „Разумѣется, нѣтъ!... не во мнѣ тутъ и дѣло“. Но писатель не настолько связанъ дѣйствительностью. Онъ можетъ взять героя, который самымъ послѣдовательнѣйшимъ образомъ пройдетъ весь строй послѣдствій своей мысли, можетъ поставить этого героя притомъ же въ самомъ центрѣ существующей дѣйствительности. Тутъ получатся изумительныя коллизіи, поражающія положенія.

Дѣйствительности настоящей тутъ не будетъ, но будетъ идеальная дѣйствительность; выводовъ прямыхъ о дѣйствительности сдѣлать въ такихъ случаяхъ невозможно, но глубоко поучительны будутъ характеристики дѣйствительности въ смыслѣ указанія ложныхъ путей, избираемыхъ обществомъ, въ смыслѣ анализа принциповъ, господствующихъ въ немъ. Таковъ именно и есть, напр., романъ „Преступленіе и Наказаніе", какъ, впрочемъ, и всѣ произведенія Достоевскаго.

Итакъ, чтобы понимать въ истинномъ смыслѣ ту идеальную дѣйствительность, которую изображаетъ Достоевскій, нужно знать, что есть нѣкоторое различіе между ею и дѣйствительностью реальною, что между ними есть множество точекъ соприкосновенія,—но онѣ не одно и то же. И чтобы опредѣлить значеніе поэтическихъ произведеній Достоевскаго для общества нашего, необходимо понять, въ чемъ состоитъ мысль автора, и что̀ такое факты, породившіе ее. При томъ способѣ отношеній къ дѣйствительности, который характеризуетъ его творчество, сами собою намѣчаются два существеннѣйшихъ пункта. Если авторъ создаетъ образъ подъ вліяніемъ поразившаго его общественнаго факта, то фактъ этотъ получаетъ огромное значеніе, какъ настоящая, непосредственная характеристика жизни; образъ же—будетъ отвѣтомъ на этотъ фактъ, сужденіемъ надъ нимъ и надъ дѣйствительностью. Въ этомъ пунктѣ для читателя и критики лежитъ возможность опредѣлить, настолько авторъ правъ въ своихъ приговорахъ о жизни. Съ другой стороны, самъ авторъ со своими сужденіями, со своими страстными чувствами, обращенными къ жизни, характеризуетъ самъ собою свое время и, слѣдовательно, имѣетъ важное историческое значеніе для характеристики душевной жизни общества, котораго онъ былъ представителемъ въ каждый моментъ его жизни. Вѣрно ли, невѣрно ли онъ относился къ дѣйствительности — это факты, вызывающіе не на ненужныя никому похвалы или порицанія, а на изученіе, потому что они показываютъ, на какія мысли и чувства толкала писателя окружающая жизнь его времени, о чемъ мечтали, къ чему стремились, гдѣ побѣждали и падали его современники вмѣстѣ съ нимъ. Раскры-

тіе всѣхъ этихъ свойствъ и данныхъ и составляетъ предметъ, цѣль того анализа, который должна была сдѣлать критика.

А для этого нужно было просто анализировать, ничего не желая, кромѣ истины. Прежніе критическіе опыты должны послужить предостереженіемъ въ этомъ смыслѣ. Предположите, что вы пока не имѣете ни малѣйшей нужды примѣнить ваши личныя убѣжденія; предположите, что вамъ еще совершенно неизвѣстны мнѣнія автора и тѣ выгоды, которыя онъ самъ дѣлаетъ изъ своихъ произведеній. Спокойно и безпристрастно разложите его поэтическіе образы, разгадайте по нимъ тѣ мысли и чувства, которыя волновали писателя, тѣ мотивы, которые послужили источникомъ произведеній его. И когда вы въ хронологической послѣдовательности прослѣдите рядъ образовъ, возникшихъ въ фантазіи художника,—передъ вами раскроется вся сложная картина душевной жизни одного изъ великихъ представителей времени, а слѣдовательно, и всего общества, такъ какъ великій писатель — сынъ своего времени и общества и связанъ съ ними многообразными нитями. Выяснится и дѣйствительность, жизнь, т. е. тѣ свойства ея, которыя волновали художника. Развернется въ стройной послѣдовательности и въ движеніи, въ послѣдовательномъ развитіи и измѣненіи, также міровоззрѣніе автора. Только тогда вы можете заявить и ваше согласіе или несогласіе съ міровоззрѣніемъ автора, если имѣете что̀ сказать...

Ничего этого прежніе критики Достоевскаго не сдѣлали, а только „проводили“, подъ предлогомъ критики, свои воззрѣнія. Безплодность ихъ усилій перейдетъ и въ будущее, если удержится въ критикѣ тотъ же характеръ отношеній къ художественнымъ произведеніямъ.

(1889).

САТИРЫ ЩЕДРИНА.

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ.

Среди знаменитыхъ писателей нашихъ, М. Е. Салтыковъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые, съ полнымъ правомъ могутъ гордиться своимъ вліяніемъ на общественную мысль. Идя „дорогою свободной“, куда влекъ его „свободный умъ“, онъ не искалъ „восторженныхъ похвалъ“, но онѣ сами пришли къ нему и не будутъ для него только „минутнымъ, преходящимъ шумомъ“.

Не разъ говорилось, что будущій историкъ нашего времени не минуетъ произведеній Салтыкова, что въ нихъ онъ найдетъ вѣрныя и глубокія характеристики нашего общественнаго быта. Они воскресятъ передъ нимъ рядъ современниковъ нашихъ и засвидѣтельствуютъ о всѣхъ печаляхъ и тягостяхъ, угнетающихъ насъ. Мрачной чередой пройдутъ передъ его глазами Ташкентцы и Деруновы и весь этотъ людъ „царюющаго зла“ и народнаго горя, и наша злоба дня встанетъ передъ нимъ во всей своей силѣ. Въ прошломъ нашемъ онъ найдетъ, конечно, причины общественной безурядицы, современной намъ, но будетъ искать отраженія ихъ и въ сатирѣ Щедрина. Онъ, несомнѣнно, будетъ нуждаться въ помощи художника; историческое пониманіе, какъ бы оно сильно ни было, никогда не въ состояніи дойти до той степени силы и рельефности, какъ пониманіе художественное.

Историкъ почти только апріорнымъ путемъ можетъ уловить вліяніе прошлаго на настоящее; художникъ можетъ прослѣдить и яркими красками изобразить, проанализировать послѣдовательное измѣненіе жизни, показавши психологическія основы ея. Найдетъ ли историкъ въ произведеніяхъ Салтыкова объясненіе причинъ, по которымъ такъ, а не иначе сложилась наша жизнь, образовались въ обществѣ тѣ, а не другіе характеры? Находимъ ли его и мы, современники автора, для которыхъ, несомнѣнно, оно еще нужнѣе?

За Салтыковымъ утвердилось названіе „знаменитаго сатирика нашего". Сатира, при всей ея художественности и при могущественномъ вліяніи на читателя, всегда почти бываетъ—да едва-ли и можетъ не быть—одностороннимъ изображеніемъ жизни. Рисуя передъ читателемъ уродливый образъ, прямое противорѣчіе идеалу, она прямо имѣетъ въ виду наиболѣе оттѣнить именно уродливыя черты его. Человѣкъ всегда остается человѣкомъ, и никакія вліянія не могутъ вполнѣ стереть въ немъ глубоко-человѣческихъ чувствъ и помышленій, а только заносятъ ихъ житейскою грязью и всякимъ соромъ себялюбивыхъ побужденій. Человѣкъ можетъ быть испорченъ, но останется все-таки человѣкомъ, и въ глубинѣ душевной, подъ наноснымъ соромъ, въ немъ всегда будетъ жить способность къ лучшимъ движеніямъ человѣческимъ. И если бы не существовало этого основного свойства человѣческаго, если бы, по крайней мѣрѣ, человѣкъ утратилъ вѣру въ него, жизнь потеряла бы всякую цѣну. Сатира сама обязана своимъ существованіемъ именно этой вѣрѣ въ человѣка, потому что иначе не было бы никакого смысла въ ней: зачѣмъ было бы обращаться къ людямъ, указывать имъ на тѣ уродливости, которыя привила къ нимъ суровая жизненная борьба, если считать ихъ неспособными отозваться на благородный голосъ обличенія? При всемъ томъ, дѣло сатиры—показать только эти уродливости, возбудить отвращеніе къ нимъ, негодованіе. При этомъ способѣ изображенія жизни, многія черты ея ускользаютъ отъ вниманія сатирика—и читателя его. Есть другой способъ отрицательнаго отношенія къ жизни—способъ юмористическій. Юмористъ тоже смѣется

надъ уродливостями жизни, но смѣется „сквозь слезы“, съ чувствомъ не отвращенія къ нимъ, не съ насмѣшкой, а съ глубокимъ сожалѣніемъ попранной человѣческой личности. По самому свойству своего отношенія къ жизни и явленіямъ ея, онъ рисуетъ читателю не однѣ только эти уродливости, а и глубоко-человѣческія свойства, лежащія въ основаніи ихъ, показывающія, что при другихъ условіяхъ, подъ болѣе благодѣтельными вліяніями, они выразились бы не въ этихъ существующихъ уродливыхъ формахъ. Юморъ—это высшій родъ сатиры; онъ не дѣлаетъ изображеніе жизни одностороннимъ, онъ захватываетъ все: и внѣшнія формы, и внутреннее содержаніе, и всѣ основы и первыхъ и второго. Очевидно, что пониманіе жизни и причинъ извращенія ея дается въ несравненно большей степени юмористическимъ, чѣмъ сатирическимъ изображеніемъ жизни.

Если несомнѣнно, что многія произведенія г. Салтыкова носятъ характеръ преимущественно сатиры, то, съ другой стороны, также несомнѣнно, что другія его произведенія возвышаются до художественно-юмористическаго объективнаго отраженія жизни. Къ такимъ именно произведеніямъ принадлежатъ „Господа Головлевы“. Салтыковъ въ этомъ произведеніи гораздо болѣе бытописатель нашей жизни, чѣмъ просто сатирикъ. Въ „Господахъ Головлевыхъ“ онъ показалъ необыкновенную мощь художественнаго таланта и яркими штрихами очертилъ крупнѣйшія типическія свойства всей нашей жизни.

„Бываютъ семьи,—говоритъ авторъ,—надъ которыми тяготѣетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе. Особливо это замѣчается въ средѣ той мелкой дворянской сошки, которая безъ дѣла, безъ связи съ общей жизнью и безъ правящаго значенія, сначала ютилась подъ защитой крѣпостного права, разсѣянная по лицу земли русской, а нынѣ, уже безъ всякой защиты, доживаетъ свой вѣкъ въ разрушающихся усадьбахъ. Въ жизни этихъ жалкихъ семей и удача, и неудача—все какъ-то слѣпо, не гадано, не думано“... Кто изъ насъ не знаетъ этихъ семей, составляющихъ, въ сущности, почти всю полуобразованную массу нашей, такъ называемой, „ин-

теллигенціи". Анализируя жизнь этихъ семей въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, авторъ показываетъ, въ чемъ состоитъ „предопредѣленіе". Это — фатальное вырожденіе ихъ. „Представителямъ ихъ домашніе пенаты съ самой колыбели ничего, повидимому, не дарятъ, кромѣ безвыходнаго злополучія. Вдругъ..... нападаетъ на семью не то невзгода, не то порокъ, и начинаетъ со всѣхъ сторонъ ѣсть... точить поколѣніе за поколѣніемъ. Появляются коллекціи слабосильныхъ людишекъ, пьяницъ, мелкихъ развратниковъ, безсмысленныхъ празднолюбцевъ и вообще неудачниковъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ мельче выработываются людишки, пока, наконецъ, на сцену не выходятъ худосочные зауморыши... которые, при первомъ же натискѣ жизни, не выдерживаютъ и гибнутъ". Авторъ указываетъ три характеристическія черты, проходящія черезъ исторію семьи: „праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и запой". Первыя двѣ приводили съ собой пустословіе, пустомысліе; запой являлся какъ бы обязательнымъ заключеніемъ „общей жизненной неурядицы". Очевидно, что всѣ эти черты, всѣ эти свойства сливаются въ одномъ: „праздность"; остальное составляетъ только ея результаты. Праздность, праздность и праздность — вотъ существенное содержаніе этой жизни.

Всѣ эти общія характеристики даетъ намъ авторъ. Посмотримъ теперь, что говорятъ персонажи, выведенные имъ, и ихъ жизнь. Во всѣхъ семи разсказахъ, изъ которыхъ слагается все произведеніе, выдѣляются, встаютъ во весь ростъ передъ читателемъ преимущественно двѣ фигуры: барыни Арины Петровны и любимаго сына ея Порфирія Владиміровича — „Іудушки". Въ семейной драмѣ вырожденія, разложенія, имъ принадлежитъ первенствующая, дѣятельная роль. Около нихъ группируется цѣлая серія второстепенныхъ лицъ, судьба которыхъ чрезвычайно трагична. Это не злые, напротивъ — очень добрые, очень хорошіе люди, съ прекрасными задатками; у нихъ есть умъ и очень человѣчное сердце. Но куда же все это дѣвается! Вотъ передъ нами старшій братъ Іудушки, Степанъ Головлевъ, нелюбимый сынъ Арины Петровны. Какое воспитаніе послала ему судьба? У матери его, говоритъ

авторъ, „была слишкомъ независимая, холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы“... Постылый „Степка-озорникъ“, умный мальчикъ, съ дѣтскихъ лѣтъ „играетъ роль не то паріи, не то шута“, и становится „Степкой-балбесомъ“. Постоянное приниженіе, въ соединеніи съ праздностью, естественно даетъ впечатлительному мальчику характеръ рабскій, дѣлаетъ изъ него личность несамостоятельную, легко уступающую всякому вліянію, и, притомъ, совершенно бездѣятельную. Это одна изъ тѣхъ талантливыхъ натуръ, образчики которыхъ авторъ далъ еще въ своихъ „Губернскихъ Очеркахъ“. Онъ кончилъ курсъ гимназіи, поступилъ и въ университетъ, но, встрѣчая и въ школѣ и въ жизни все ту же свою семью, все больше и больше падаетъ. Нелюбовь матери, дававшей ему мало средствъ, развиваетъ въ немъ наклонности и способности не къ самостоятельной жизни и дѣятельности, а къ роли приживальщика. Какъ все это знакомо каждому, видѣвшему близко нашу общественную жизнь! Что говорить о результатахъ такой жизненной подготовки? Они слишкомъ понятны. Первый жизненный толчекъ, — и Степанъ Головлевъ долженъ былъ погибнуть. Такъ все это, разумѣется, и случилось, и авторъ даетъ превосходное описаніе, какъ, шагъ за шагомъ, погибалъ физически, умственно и нравственно этотъ человѣкъ, какъ постепенно изнашивались его голова и сердце. Припомните, читатель, одного изъ славныхъ героевъ нашей беллетристики, г. Обломова. Степанъ Головлевъ именно и есть Обломовъ, только менѣе выгодно поставленный въ жизни. Если бы у почтеннаго Ильи Ильича была не такая чадолюбивая маменька, да былъ бы еще братецъ Іудушка, ему пришлось бы свести счеты съ жизнью гораздо раньше квартирки на Петербургской сторонѣ съ сверкающими локотками хозяюшки-чиновницы.

Намъ не нужно говорить ни объ отцѣ Іудушки, ни о другомъ братѣ его, Павлѣ, ни о племянницахъ; это—все тѣ же „Степки-балбесы“ съ очень небольшими видоизмѣненіями въ характерѣ, а главное, въ жизненной обстановкѣ. Павелъ Головлевъ кончаетъ совершенно такъ же, какъ и Степанъ;

онъ только протянулъ дольше, благодаря тому, что былъ не настолько не любимъ „маменькой“. Но вся его жизнь проходитъ подъ тѣми же вліяніями. Естественно, всѣ они, а позднѣе и племянницы Іудушки, бѣгутъ изъ родного, но „мертваго“ дома; жизнь принимаетъ всѣхъ ихъ въ свои холодныя объятія и доламываетъ. Мы намѣренно говоримъ это о жизни. Посмотрите, кого встрѣчаютъ всѣ наши герои внѣ своего „мертваго“ дома? Все это или такіе же Степки-балбесы, или Іудушки съ „милымъ другомъ маменькой“. Ни одинъ изъ нашихъ героевъ не встрѣчаетъ ни поддержки, ни участія, ни нравственнаго вліянія; все кругомъ темно и безразсвѣтно, и нѣтъ имъ выхода, кромѣ какъ воротиться домой, туда же, гдѣ поколѣніе за поколѣніемъ ждало своего „умертвія“, или же выдти въ станъ „ликующихъ, обагряющихъ руки въ крови“ и пр.; но и туда путь закрытъ имъ соперниками, представителями болѣе „удачныхъ“ семей, которые, по выраженію автора, „начинаютъ искательствомъ и кончаютъ предательствомъ“, и примѣры которыхъ мы видимъ въ другихъ произведеніяхъ нашего автора. Не будь этого дома, куда можно имъ воротиться, судьба вывела бы ихъ, можетъ быть, на тотъ путь, что зовется „Владиміркой“, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Іудушка и „милый другъ маменька“—дѣятельные члены семьи. Оба они—„хозяева-пріобрѣтатели“. Они умѣли хлопотать, дѣятельно устроивали свои дѣла, и къ чему же пришли? Только къ сознанію ненужности своей дѣятельности, къ пустотѣ. Іудушка показалъ собственнымъ примѣромъ маменькѣ, чѣмъ она была по отношенію къ другимъ, и она умерла въ полномъ сознаніи ненавистности дѣла всей своей жизни. Іудушкѣ тоже, въ концѣ концовъ, пришлось убѣдиться въ томъ же и понять, но уже поздно, что жизнью должно быть нѣчто совершенно другое, не то, чѣмъ онъ считалъ ее; онъ понялъ все свое безсердечіе, припомнилъ жертвы его, но поздно, слишкомъ поздно. Авторъ съ большой художественной проницательностью намѣчаетъ главнѣйшіе моменты психической жизни героевъ, постепенные переходы ихъ къ сознанію губительности ихъ жизни. Какимъ же обра-

зомъ создалась эта неудачная жизнь ихъ? На Іудушкѣ, любимцѣ матери, мы видимъ примѣръ ея вліянія, вліянія ея пріобрѣтательской дѣятельности и той вѣковой морали, примѣръ вліянія которой мы видимъ на Чичиковѣ. Помните ли, читатель, эти наставленія, которыя выслушивалъ герой „Мертвыхъ Душъ“ и которыя запали въ его душу: послушествуй старшимъ, и пр.? Іудушка вышелъ въ жизнь именно съ такимъ запасомъ практическихъ сентенцій, которыя и сложились въ немъ въ то, что̀ авторъ называетъ пустословіемъ и пустомысліемъ. Судьба Іудушки должна была, очевидно, сложиться именно такъ, какъ показываетъ намъ авторъ. Оставшись одинокимъ и видя кругомъ себя только ненависть, онъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, придти къ тяжелому сознанію, покаравшему его...

Персонажи произведенія г. Салтыкова очевидно старые знакомые наши, но только явившіеся въ новомъ освѣщеніи и въ новой обстановкѣ. Изъ одной и той же семьи авторъ выводитъ и Обломовыхъ и Чичиковыхъ, только менѣе удачныхъ,—настоящихъ нужно искать среди представителей болѣе „удачныхъ“ семей. Въ этомъ сказалось, по нашему мнѣнію, глубокое пониманіе нашей жизни. Эти два первенствующіе типа, дѣйствительно, представляютъ только результаты однихъ и тѣхъ же жизненныхъ вліяній на различныя натуры, или же даже и на одинаковыя натуры, но находящіяся въ различныхъ положеніяхъ. Что же это за вліянія? спроситъ читатель. Но посмотрите кругомъ, и вамъ все станетъ понятнымъ. Вы видите общество мятущееся, стремящееся найти выходъ изъ вѣковой безпомощности. Все въ немъ разъединено, потому что каждому приходится беречь себя, а въ каждомъ другомъ, онъ не знаетъ, видѣть ли друга, или врага Вы не слышите въ немъ живого слова. Среди этого хаоса представьте добрую натуру, не знающую выхода, да и привыкшую къ безпечному существованію на счетъ другихъ. Куда идти такому человѣку?.. Но какое обширное поприще для Чичиковыхъ!.. Настанетъ время, выяснятся задачи каждаго человѣка; усилится образованіе: слабые лѣниво, но примутся за дѣло, — иначе будетъ нельзя жить; сильные ста-

нутъ ихъ руководителями. Общество будетъ становиться дѣятельнѣе и дѣятельнѣе, и наши потомки уже не будутъ знать печальной судьбы предковъ, испорченныхъ вѣковой жизнью на счетъ народнаго труда.

(1880).

ЗА РУБЕЖЕМЪ.

Будущій историкъ остановится на нашемъ времени съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Литература труднаго момента, пережить который досталось въ удѣлъ намъ, заинтересуетъ его не художественностью только произведеній, не талантливостью ихъ авторовъ, не глубиною мысли, не величественными идеалами, а чертою всеобщаго раздраженія, иногда унынія, недовѣрія къ своимъ и общественнымъ силамъ. Эта черта до такой степени обща нашей современной литературѣ, что, къ какому бы лагерю ни принадлежалъ и какимъ бы талантомъ ни обладалъ писатель, онъ несетъ на себѣ этотъ общій отпечатокъ, прямой результатъ вліянія на него современныхъ историческихъ обстоятельствъ.

„За рубежемъ“—произведеніе одного изъ тѣхъ писателей, которые, силою своего таланта, въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, вносятъ въ общество сознаніе окружающихъ золъ, зовутъ его къ свободѣ мысли и совѣсти, учатъ ненавидѣть и презирать зло. Превосходный цѣнитель и анализаторъ нашей дѣйствительности, Щедринъ, произведенія котораго нужно будетъ впослѣдствіи читать съ исторіей въ рукахъ, — до такой степени невѣроятно тяжелы и непонятны для нашихъ потомковъ будутъ времена, которыя мы переживаемъ,—Щедринъ отражаетъ въ своей „сатирѣ“ „За рубежемъ“ всю горечь и „уныніе“, отравляющіе жизнь современнаго русскаго человѣка. „Русскій гулящій человѣкъ,—говоритъ онъ,—всего больше долженъ опасаться одиночества. Одиночество даетъ человѣку поблажку мыслить—вотъ, въ чемъ бѣда. Мыслить, то-есть припоминать, ставить вопросы, а буде не пропала совѣсть, то чувствовать и уколы стыда, такъ-что

въ результатѣ непремѣнно получится какое-то гложущее уныніе. Это уныніе приведетъ къ нулю всю работу мысли; оно парализуетъ возможныя рѣшенія, заслонитъ всевозможныя перспективы и будетъ безполезно раздражать"...

Читая эти грустныя строки, каждый невольно спроситъ: неужели же нужно бояться мысли? Неужели такъ печальны результаты ея? Мысль, повидимому, должна бы не парализовать, а вызывать рѣшенія, не заслонять, а открывать перспективы. Но такъ спроситъ только будущій читатель. Мы же съ вами, читатель, хорошо понимаемъ и на себѣ испытываемъ, что такъ совершаются многія жизни у насъ, „въ средѣ, гдѣ нѣтъ ни подлиннаго дѣла, ни подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ". Дѣйствительно, въ такой средѣ мысль играетъ печальную роль, служитъ источникомъ невыразимыхъ нравственныхъ страданій. Возможно ли для человѣка, ясно понимающаго совершающуюся кругомъ вакханалію невѣжества, недобросовѣстности и лжесвидѣтельства, оставаться спокойнымъ и безстрастнымъ свидѣтелемъ ея; возможно ли для него не искать выхода, слѣдовательно — мыслить и дѣйствовать? Но, съ другой стороны, возможно ли у насъ честно мыслить и дѣйствовать, не рискуя ежеминутно быть поглощеннымъ невѣжествомъ, недобросовѣстностью, лжесвидѣтельствомъ? И вотъ, если вы предаетесь заботѣ о вашей, по выраженію Щедрина, „шкурѣ", если вы не хотите быть поглощеннымъ, вамъ остается одно, чтобы первенствующая роль въ вашей жизни досталась „пустякамъ и праздному мельканію".

„Въ средѣ, гдѣ нѣтъ ни подлиннаго дѣла, ни подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, — говоритъ авторъ, — пустяки играютъ громадную роль. Это единственный рессурсъ, къ которому прибѣгаетъ человѣкъ, чтобы не задохнуться окончательно, и въ то же время это — легчайшая форма жизни (для могущихъ не мыслить), такъ какъ всѣ проявленія ея заключаются въ непрерывномъ маятномъ движеніи отъ одного предмета къ другому, безъ плана, безъ очереди, по мѣрѣ того, какъ они сами собой выплываютъ изъ бездны случайностей. Предаваясь этому движенію, человѣкъ совер-

шаетъ простую обрядность, не только не требующую помощи мыслящей силы, но даже идущую прямо въ разрѣзъ ей. Въ этой сутолокѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста для мысли. Подавленная цѣлой массой случайныхъ подробностей, мысль прячется, глохнетъ, а ежели отъ времени до времени и настаютъ для нея минуты пробужденія, то она не помогаетъ, не выводитъ на дорогу, а только мучительно раздражаетъ. Она ставитъ вопросы, взбудораживаетъ совѣсть, но въ то же время постыдно ослабѣваетъ предъ всякой серьезной работой разъясненія. Вопросы остаются обнаженными, въ томъ зачаточномъ видѣ, въ какомъ они возникли; совѣсть безконечно ноетъ—только и всего. Даже компромиссовъ не является, на которыхъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, можно было бы примириться. Одно желаніе: уйти, забыться, на все махнуть рукой"... Ужасныя чувства и мысли!

Понятно, что тамъ, гдѣ жизнь слагается подъ бременемъ массы пустяковъ, „никакіе твердые общественные устои не могутъ быть мыслимы". Понятно также, что такая жизнь обращаетъ сны, подобные видѣнному и описанному авторомъ, въ дѣйствительность, и дѣйствительность въ тяжелый и удушливый сонъ. Дѣйствительность-сонъ этотъ—„Торжествующая свинья". Авторъ видѣлъ „Свинью" разъѣвшуюся, съ блестящей щетиною, и „Правду", особу, которой по штату полагается быть вѣчно юною, но уже изрядно побитую, прикрытую, по распоряженію начальства, лохмотьями, сквозь которыя просвѣчиваетъ классическій полный мундиръ, т.-е. нагота; онъ слышалъ слѣдующій разговоръ между ними:

Свинья (кобенится). Правда ли, сказываютъ, на небѣ-де солнышко свѣтитъ?

Правда. Правда, Свинья.

Свинья. Такъ ли, полно? Никакихъ я солнцевъ, живучи въ хлѣву, словно не видывала?

Правда. Это оттого, Свинья, что когда природа создавала тебя, то, создаваючи, приговаривала: не видать тебѣ, Свинья, солнца краснаго!

Свинья. Ой-ли? (Авторитетно) А по-моему, такъ всѣ эти солнцы—одно лжеученіе... ась?

Правда безмолвствуетъ и сконфуженно поправляетъ лохмотья. Въ публикѣ раздаются голоса: правда твоя, Свинья! лжеученія! лжеученія! и т. д.

Въ этой сценѣ вся траги-комедія, вѣрнѣе — настоящая трагедія жизни. Въ ней все типично, и эта „торжествующая Свинья“, и эта Правда, прикрытая лохмотьями, и эта публика, требующая, чтобы отвели Правду въ участокъ, и „гогочущая“, когда Правда пожимается отъ боли. „Торжествующая Свинья“ — не миѳъ и не фантазія. Имя ей — легіонъ. Но, помимо этого всего легіона, не приходилось ли вамъ, читатель, встрѣчать въ разговорѣ и въ печати назойливые вопросы: правда ли?— правда ли?... правда ли? Если встрѣчали, то вы знаете „торжествующихъ свиней“, подвергающихъ сомнѣнію фактъ, что на небѣ солнышко свѣтитъ, и признающихъ свою особенную правду „не въ примѣръ превосходнѣе“ общечеловѣческой правды. И мы, всю жизнь въ легкомысленной самоувѣренности повторявшіе: „Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ;“ — должны съ горестью сказать: „съѣстъ свинья!“

„Кто, не всуе носящій имя человѣка, не испыталъ священныхъ экзальтацій мысли? Кто мысленно не обнималъ человѣчества, не жилъ одной съ нимъ жизнью? Кто не метался, не изнемогалъ, чувствуя, какъ существо его загорается подъ наплывомъ сладчайшихъ душевныхъ упоеній? Кто хоть разъ, въ долгій или короткій періодъ своего существованія, не обрекалъ себя на служеніе добру и истинѣ? И кто не пробуждался среди этихъ упоеній, подъ окрикъ: цыцъ... вредный мечтатель!“ Въ этихъ словахъ автора — характеристика тѣхъ живыхъ и мыслящихъ элементовъ общества, которымъ приходится теперь, въ виду отсутствія подлиннаго дѣла и подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, предаться пустякамъ и праздному мельканію, и надъ которыми царитъ дѣйствительность — сонъ автора. Но „занятіе пустяками“ — только, такъ сказать, предлогъ для того, чтобы говорить. Мыслимо ли, чтобы живой человѣкъ, разъ искренно и серьезно испытавшій „священныя экзальтаціи мысли“, могъ дѣйствительно погрузиться въ пустяки? Сколько нравственныхъ страданій приходится пережить современному человѣку даже и

въ томъ случаѣ, когда онъ преисполненъ заботою о своей „шкурѣ“. Читая сатиру Щедрина, невольно и неотразимо чувствуешь невыносимую боль за человѣка, которою она проникнута, невольно подчиняешься сильному и страстному голосу, зовущему понять и осмыслить нравственную приниженность нашего общества и бороться противъ нея. Въ послѣдніе годы сатира Щедрина сильна именно этою своей стороною. Когда еще обстоятельства нашей жизни не были обострены до теперешней напряженности, она была спокойнѣе и ровнѣе. Теперь же вы чувствуете въ ней крики отчаянія и, порою, отсутствіе вѣры въ будущее. Щедринъ надѣленъ чуткою нервною натурою; въ своей литературной дѣятельности онъ шелъ шагъ за шагомъ рядомъ съ общественной жизнью, чувствовалъ малѣйшія измѣненія направленій и немедленно отражалъ ихъ въ своихъ сатирахъ. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и состоитъ значеніе ея для современниковъ. Въ разсматриваемомъ нами произведеніи своемъ Щедринъ отразилъ именно современный моментъ нашей жизни въ ея преобладающихъ мотивахъ. И читая эту горькую исповѣдь, будущій историкъ—повторяемъ—остановится съ сожалѣніемъ надъ печальной судьбой мыслящихъ людей современнаго намъ поколѣнія.

2.

Сатира Щедрина характеризуетъ положеніе въ нашемъ обществѣ всякаго просто мыслящаго человѣка безотносительно, который, въ случаѣ невозможности мыслить, могъ бы, если бы хотѣлъ, предаться и пустякамъ. Бываютъ, однако, жизненныя положенія, въ которыхъ такая постановка дѣлъ невозможна, въ которыхъ занятіе пустяками немыслимо. Жизнь уже сама по себѣ, хотя бы въ формѣ заботъ и тревогъ о насущномъ хлѣбѣ и при отсутствіи, въ началѣ, такъ-называемыхъ „высшихъ интересовъ“, — далеко не пустяки. Представимъ себѣ просто честнаго человѣка въ его обыденной борьбѣ за насущный хлѣбъ. На него тяжелымъ гнетомъ ложатся историческія обстоятельства, а въ томъ числѣ и „торжество свиньи“. Въ этой ежедневной борьбѣ за существованіе онъ будетъ волей-неволей сталкиваться поминутно съ фактами, наводящими на размышленіе. Онъ не можетъ „мириться на

компромиссахъ", потому что компромиссы съ требованіями прямо животнаго организма человѣка немыслимы. Онъ не можетъ „уйти, забыть, на все махнуть рукой"... по той простой причинѣ, что неестественно голодному уйти отъ хлѣба, невозможно ему „все забыть и рукой махнуть". Вотъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ и заключается ручательство за то, что негодующая мысль человѣческая не исчезнетъ и не можетъ исчезнуть, въ немъ ручательство за будущее, ручательство за тò, что человѣкъ не поглотится „пустяками", а самой силою обстоятельствъ ежеминутно выдвигается на путь мысли, анализирующей и протестующей. Пусть будутъ „торжествующія свиньи", но они не уменьшаютъ, а увеличиваютъ борьбу за существованіе и даютъ больше поводовъ къ размышленіямъ о явленіяхъ общественной жизни. Только наслѣдіемъ отцовъ обезпеченные люди могутъ выбирать между дѣломъ и пустяками, могутъ „уйти и махнуть рукой"...

Невесела, неприглядна русская жизнь; но если есть представитель ея, которому удается съ необычайной силой анализа возвести въ сознаніе и олицетворить все злое и гнетущее въ ней, если онъ находитъ въ обществѣ имѣющихъ уши, чтобы слышать, очи, чтобы видѣть, и разумѣніе, чтобы понимать, то онъ же служитъ ручательствомъ за лучшее будущее, за тò, что жива душа общества и настанетъ моментъ торжества истины. Въ мрачныхъ думахъ сатиры Щедрина, полныхъ скорби и муки, звучитъ призывъ не къ отчаянію, не къ безвѣрію въ будущее, а къ уразумѣнію жизни, къ борьбѣ за все доброе и прекрасное, чтò дѣлаетъ жизнь человѣческую дѣйствительно человѣчною, чтó зоветъ отрѣшиться отъ мелкихъ себялюбивыхъ помысловъ и дѣлъ и отдать душу за торжество справедливости. И современный русскій человѣкъ, находя въ произведеніи Щедрина все то, чтò, быть можетъ, мучило и томило его самого и просило выраженія; находя свои мысли высказанными, свои чувства, быть можетъ, смутныя и неопредѣленныя во всей своей мучительности, ясно формулированными; зная, что онъ не одинокъ, что тѣ же мысли и чувства тревожатъ, волнуютъ, жизнь отравляютъ многимъ его современникамъ,—съ облегченнымъ

сердцемъ и просвѣтленнымъ умомъ встанетъ, конечно, на стражу лучшихъ человѣческихъ идей и упованій, стряхнетъ съ себя невольную приниженность передъ торжествующимъ зломъ, охватывающимъ его тяжкими путами. Страстное восклицаніе: „гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ призваніемъ!“ — вырвавшееся изъ души геніальнаго представителя возникавшей въ нашемъ обществѣ критической мысли, можетъ быть, не вызоветъ на уста его улыбки сомнѣнія; и во всякомъ случаѣ въ сатирѣ Щедрина ему послышится страстный призывъ: „Мужайся, человѣкъ!“

Такъ, и только такъ, мы можемъ и должны понимать значеніе сатиры Щедрина, только этотъ призывъ и можно видѣть въ ней; потому что возможно ли, мыслимо ли, чтобы одинъ изъ лучшихъ сыновъ нашей родины, одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей нашей литературы и общественной мысли, изображая русское горе, охватывающее наше отечество отъ центра и до дальнѣйшихъ предѣловъ его, хотѣлъ этимъ сказать: „смирись, безсильный и слабый человѣкъ, пойми нашу общую бѣду и откажись отъ всякой борьбы съ ней!“ Не такъ мыслитъ и говоритъ человѣкъ, имѣющій гражданское мужество бросить въ глаза обществу и торжествующему въ немъ злу горькій и страстный упрекъ за пренебреженіе къ истинѣ и человѣческому праву, за попраніе лучшихъ стремленій мысли человѣческой, за огрубѣніе въ эгоизмѣ и самомнительномъ снѣ и безмысліи.

Вся литературно-общественная дѣятельность Щедрина проникнута животворной и гуманной мыслью, страстнымъ призывомъ къ мужественному исканію свѣта и правды въ общественной жизни. Въ самомъ началѣ ея, въ то время, когда общее направленіе нашей жизни было въ сторону торжества свѣта и свободы, когда стояла на очереди великая реформа, молодой талантъ Щедрина обращался къ анализу частныхъ уродливыхъ явленій нашей общественной жизни: появились его „Губернскіе Очерки“. Съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ направленій нашей жизни, измѣнялись и мотивы сатиры Щедрина. Зло въ нашемъ обществѣ возрастало, возросталъ и талантъ его. Съ удивительной чуткостью отно-

сясь къ жизни, отзываясь на появляющіяся въ ней теченія, сатирикъ послѣдовательно и знаменательно отражалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Передъ глазами общества одни за другими прошли всѣ элементы нашей общественной жизни, получавшіе временно преобладающее вліяніе въ ней: „ташкентцы“, „помпадуры“, Разуваевы и проч., съ ихъ міровоззрѣніями и инстинктами, съ ихъ значеніемъ въ общемъ теченіи нашихъ дѣлъ. Сатирикъ не только отражалъ дѣйствительность, существующее, но и умѣлъ, на основаніи возникающаго въ обществѣ теченія мысли, предугадать, предсказать тѣ послѣдствія, которыя будутъ результатомъ ея. Сколько осмѣянныхъ имъ мыслей и „проектовъ“ впослѣдствіи осуществились, сколько общественныхъ невзгодъ, имъ указанныхъ, уже послѣ получали полное развитіе! Въ сатирѣ Щедрина горькая иронія не смѣха, а страданія. Въ ней, особенно въ послѣднее время, когда зло нашей общественной жизни обострилось, гораздо больше скорби, чѣмъ смѣха. Бичуя порочныя и безсмысленныя направленія жизни, сатирикъ показываетъ не на „незримыя міру слезы сквозь видимый смѣхъ“, а настоящія, вполнѣ „зримыя“ слезы.

Удивительна живучесть таланта Щедрина! Теперь, послѣ почти тридцатилѣтней непрестанной напряженной работы мысли и творчества, каждое новое произведеніе сатирика служитъ ея доказательствомъ. Поэтъ и философъ — синонимы, и въ сатирѣ Щедрина обаятельно присутствіе глубокой исторической философской мысли. Постараемся всмотрѣться въ міръ удрученной нравственной мысли современнаго русскаго человѣка, изображаемый сатирикомъ, ограничиваясь немногими страницами „заключенія“ сатиры „За рубежемъ“. Но оно такъ богато и полно содержаніемъ, что представляетъ не легкую задачу для рѣшающагося подвести итоги, вывести общее заключеніе изъ данныхъ, представляемыхъ имъ.

3.

Въ исторической жизни человѣческихъ обществъ, ясно прослѣживаются элементы, существенное содержаніе и значеніе которыхъ составляетъ непоколебимая, непобѣдимая вѣра въ будущее, и къ которымъ непримѣнимъ вопросъ: „утѣшаетъ ли исторія?“ Это личности исключительныя. „Ихъ

точно такъ же подавляютъ идеалы будущаго, какъ другихъ пригнетаетъ прахъ прошедшаго. Это личности до того вѣрующія, что для нихъ осуществленіе идеаловъ не составляетъ даже вопроса времени. Они уже осуществились, эти идеалы, они носятся передъ глазами, ихъ можно осязать руками, и никакіе уколы неумолимой дѣйствительности не въ силахъ поколебать въ нихъ эту блаженную увѣренность... Часто представлялъ я себѣ человѣка, говоритъ авторъ,—забытаго, затеряннаго и все-таки обращающаго глаза къ востоку. Онъ ясно видитъ, какъ горитъ и пламенѣетъ этотъ востокъ, и совсѣмъ не замѣчаетъ, что на самомъ дѣлѣ и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ—все кругомъ охвачено непроглядной тьмою". Сатирикъ говоритъ не въ интересахъ этихъ исключительныхъ натуръ, а о простой злобѣ дня, о заурядномъ дѣятелѣ современности, устроителѣ ея будничныхъ отношеній, о человѣкѣ относительной правды, относительнаго добра, относительнаго счастья. Заурядный дѣятель современности, не пригнетенный прахомъ прошедшаго, „живетъ потому, что схваченъ тисками жизни; но разъ онъ живетъ, лукавыя мудрствованія не смущаютъ его. Онъ вникаетъ въ обстановку современности и дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы примѣниться къ ней; онъ ищетъ не абсолютной правды, а возможной, и примиряется съ нею; наконецъ, онъ охотно признаетъ „удобство" за синонимъ счастья и подчиняется этому опредѣленію. Вообще, это человѣкъ несложныхъ требованій, невыспреннихъ идеаловъ, который, въ случаѣ нужды, пойдетъ на компромиссъ: только не добивай до конца! Понятно, что для этого человѣка утѣшенія, преподаваемыя исторіей, составляютъ не вопросъ экзальтированной вѣры, а конкретнѣйшую задачу самаго обыкновеннаго будничнаго обихода".

Такъ опредѣляетъ сатирикъ этого зауряднаго, обыденнаго человѣка, „всегда инстинктивно отличающаго теорію отъ практики". Встанетъ ли въ душѣ читателя обвиненіе средняго человѣка въ томъ, что не видитъ онъ, какъ горитъ и пламенѣетъ востокъ, что онъ ясно и отчетливо видитъ, напротивъ, и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ — охваченными непроглядною тьмою? Виноватъ ли средній человѣкъ,

что, будучи человѣкомъ отъ міра и для міра, онъ ощущаетъ на себѣ весь гнетъ житейскій, что историческій процессъ наростанія правды нерѣдко кажется ему „равносильнымъ процессу сдиранія кожи съ живого организма“? Сатирикъ также не винитъ его. „Туго приходитъ въ міръ правда, говоритъ онъ, и притомъ цѣною неслыханныхъ жертвъ. Самоотверженность не въ нравахъ средняго человѣка, да вѣдь она и необязательна. Средній человѣкъ не прочь даже, въ видахъ самооправданія, сослаться на ненормальность самоотверженности вообще, и, въ принципѣ, будетъ, пожалуй, правъ. И хотя ему можно возразить на это: такъ-то такъ, да вѣдь въ ненормальной обстановкѣ только ненормальныя явленія и могутъ быть нормальными, но, вѣдь, это будетъ порочный кругъ, вращаться въ которомъ можно до безконечности, не придя ни къ какому результату“...

Къ среднему человѣку невозможно да и не нужно обращаться съ требованіями исключительными. Не самоотверженности надобно отъ него, не геройскихъ подвиговъ, потому что въ противномъ случаѣ не нужно было бы даже и это самоотверженіе. Не дано человѣку пренебрегать жизнью, какъ бы тягостна она ни была. Довольно простой справедливости отъ человѣка, уваженія къ правамъ другихъ и отстаиванія правъ собственныхъ. Для жизни средняго человѣка необходимо только взаимное соблюденіе этихъ условій. За существованіе послѣднихъ идетъ вѣковая борьба, и тамъ, гдѣ средній человѣкъ лишенъ даже этой возможности борьбы, гдѣ, въ силу сложившихся историческихъ обстоятельствъ, средній человѣкъ лишенъ необходимѣйшихъ правъ отстаивать свою личность отъ всюду сопровождающихъ человѣческія общества несправедливостей, — тамъ жизнь глубоко возмутительна, тамъ она убиваетъ и личность, и общество. Программа жизни средняго человѣка проста и скромна, и гдѣ исторія не даетъ возможности—не говоримъ на осуществленіе, а хотя бы даже на попытки осуществленія, тамъ „исторія сдираетъ кожу“ съ человѣка, по выраженію сатирика. Средній человѣкъ прикованъ къ настоящему и ждетъ только охраннаго листа на среднее, не очень свѣтлое,

но и не черезчуръ мрачное существованіе, не претендуя на блескъ и полноту историческихъ утѣшеній. И какая злая иронія жизни въ томъ, что даже этой скромной задачѣ полагаются препоны! Между тѣмъ, средній человѣкъ именно и есть дѣйствительный объектъ исторіи, говоритъ нашъ авторъ: „Для него пишетъ исторія свои сказанія о старой неправдѣ; для него происходитъ процессъ наростанія правды новой. Ради него созидаются религіи, философскія системы, утопіи; ради него самоотвергаются тѣ исключительныя натуры, которыя носятъ въ себѣ зиждительное начало исторіи“... Изъ среднихъ людей состоитъ человѣчество, и все будущее его лежитъ въ нихъ и для нихъ.

Оцѣнка жизни, опредѣленіе ея значенія и вліянія на будущее общество, возможно только, именно, по отношенію къ этому среднему человѣку. Если въ обществѣ гибнутъ Гусы, Савонаролы, Гракхи, то еще невозможно заключить о губительности жизни для будущности общества. Въ печальной судьбѣ человѣчества, въ его постепенномъ и медленномъ движеніи впередъ, великодушные люди, нетерпѣливо и страстно зовущіе его впередъ, къ неизвѣстному, съ точки зрѣнія осторожнаго средняго человѣка, будущему, естественно и неизбѣжно встрѣчаютъ среду, невоспріимчивую къ ихъ великодушнымъ идеямъ. Но тамъ, гдѣ практическія и недалекія стремленія обыкновеннаго человѣка встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія, тамъ жизнь страшна и невозможна, и поселяетъ въ душѣ человѣка скорбныя опасенія за историческое будущее общества. Такою, именно, представляется и русская жизнь въ произведеніяхъ Щедрина. Чтобы общество жило цѣлесообразной, нравственной и умственной жизнью, необходимо, чтобы въ немъ развивались тѣ лучшія свойства человѣческой природы, которыя человѣческій образъ дѣлаютъ образомъ и подобіемъ Божества. Что̀ же развиваетъ въ личности человѣка русская жизнь? По свидѣтельству сатирика, подтверждающему общее чувство и общую всѣмъ намъ мысль и сознаніе, жизнь нашего общества, прежде всего и сильнѣе всего, развиваетъ въ человѣкѣ то, что̀ сатирикъ называетъ „шкурнымъ инстинктомъ“. „Ахъ, какая это ужасная

вещь—жизнь!“ восклицаетъ сатирикъ подъ вліяніемъ тягостнаго представленія о шкурномъ инстинктѣ, заполонившемъ все въ нашемъ обществѣ и дающемъ въ результатѣ безсмысленное прозябаніе массъ, „тоскливое, безцѣльное заграничное шатаніе, въ сопровожденіи потухшей любознательности и отсутствія интереса ко всему, исключая трактировъ; сѣрое житьишко дома, полное безпредметныхъ и неосмысленныхъ тревогъ“. Страшное и развращающее явленіе жизни — это чрезмѣрное развитіе шкурнаго инстинкта. Какое душевное состояніе является въ результатѣ его, характеризуется слѣдующими словами автора:

„Боязнь за „шкуру“, за завтрашній день—вотъ основной тезисъ, изъ котораго отправляется современный русскій человѣкъ, и это смутное ожиданіе вѣчно-грозящей опасности уничтожаетъ въ немъ не только позывъ къ дѣятельности, но и къ самой жизни. На первый взглядъ, тутъ кроется какъ бы противорѣчіе. Ежели человѣкъ тревожно цѣпляется за свой завтрашній день—стало быть, онъ жаждетъ жить. Ничуть не бывало. Не жажда жизни заставляетъ трепетать, а просто—инстинктивная сердечная смута, которая, помимо сознанія, каждоминутно сосетъ и терзаетъ. Сама по себѣ, жизнь и ненавистна, и постыла, но такъ какъ она привязалась, то приходится ее выносить. Да о ней какъ-то и не думается, а думается только объ этой несносной смутѣ, которая до такой степени всѣмъ завладѣла, все заслонила, что уничтожила даже силу взглянуть смѣло въ глаза смерти. Не завтрашняго дня жаль, а жутко при мысли, что, можетъ быть, онъ будетъ, а можетъ быть, и не будетъ.....

„Были великіе поэты, великіе мыслители, и ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о „шкурѣ“, ни одинъ не указывалъ на принципъ самосохраненія, какъ на окончательную цѣль человѣческихъ стремленій. Да, все это несомнѣнно было. Такъ неужто же и эти поэты, и эти мыслители, Шекспиры, Байроны, Сервантесы, Данты, были люди опасные, подлежащіе упраздненію?.....“

4.

Говоря о единеніи съ народомъ, которымъ нынѣ прикрываются всѣ, и мытари, и фарисеи, авторъ характеризуетъ и

опредѣляетъ это требуемое „единеніе“ нѣсколькими чертами: „Съ народомъ, повиннымъ вѣчной работѣ и изнемогающимъ подъ игомъ тьмы и проказы! Поди-ка, подступись къ этому народу! Ты думаешь о наслажденіи мысли, чувствъ и вкуса, о свободѣ, объ искусствѣ, о литературѣ, а онъ опять свое твердитъ: жрать. Не разнообразно, но зато какъ опредѣленно! Вотъ, онъ говоритъ, что книги истребить надо — войди-ка съ нимъ въ единеніе во имя истребленія книгъ! А, можетъ быть, ему и фабрика съ заводомъ не въ утѣшеніе, а въ тягость — что-жъ, и эта почва для единенія недурна! Какъ бы то ни было, но ужъ онъ не уступитъ! Кто въ проказѣ — тотъ съ нимъ, у кого нѣтъ проказы — тотъ противъ него! Коротко и ясно“.

Дѣйствительно, въ серьезнѣйшемъ изъ современныхъ вопросовъ, въ вопросѣ о единеніи съ народомъ, представляются мучительно тревожными печальныя по результатамъ искаженія истиннаго смысла дѣйствительности и будущаго. Серьезно ли хотятъ бывшіе господа распорядители народныхъ судебъ подчиниться воззрѣніямъ народнымъ насчетъ уничтоженія книгъ, серьезно ли отказываются отъ наслажденій мысли, чувства и вкуса, отъ свободы, искусства, литературы; хотятъ ли они не разнообразнаго, но зато опредѣленнаго „жрать“? Кто хотя на минуту усомнится въ поддѣлкѣ и фальши желанія ѣсть хлѣбъ съ лебедой и сжечь книгу? Въ нашей же литературѣ было слабо выраженное направленіе, искреннее и горькое, понимавшее единеніе съ народомъ въ этой формѣ. Направленіе, о которомъ мы говоримъ, не было вооружено никакой силою, не хотѣло и не могло навязывать единеніе никому, и шло въ интересахъ народныхъ, по разумѣнію его сторонниковъ. „Испускатели трубныхъ звуковъ“ не таковы. Всею наличною властью и вліяніемъ они пригнетали людей этого же самаго направленія; не о хлѣбѣ съ лебедой, очевидно, рѣчь, а „о томъ, чтобы сдѣлать изъ народа орудіе извѣстныхъ личныхъ разсчетовъ“, воспользоваться его невѣдѣніемъ. И истинное единеніе съ народомъ, въ смыслѣ освобожденія его отъ повинности вѣчной работѣ и отъ ига тьмы и проказы, отступаетъ, подъ

вліяніемъ трубныхъ звуковъ, все дальше и дальше въ историческое будущее. „У всероссійскихъ клоповниковъ печати,— говоритъ сатирикъ,—на первомъ планѣ личные счеты и личныя отмщенія. Посѣвая смуту, они едва ли даже предусматриваютъ, сколько жертвъ она увлечетъ за собой: у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго óргана, чтобы понять это. Они знаютъ только одно, что лично они непремѣнно вывернутся“....

Таковы существенные элементы необходимой въ каждомъ живомъ государственномъ организмѣ общественной борьбы на нашей родинѣ. Преобладающимъ, выяснившимся и заявившимъ весь свой произволъ и давленіе элементомъ современной русской жизни является именно испускатель трубныхъ звуковъ, занявшій первенствующее мѣсто въ средѣ ташкентцевъ, помпадуровъ, Разуваевыхъ, Прелестновыхъ и всѣхъ, кто, по справедливости, можетъ быть названъ „сердцевѣдцемъ“, въ разнообразномъ и обширномъ значеніи этого слова. Этотъ новый выяснившійся типъ нашего общественнаго дѣятеля отлитъ художникомъ-сатирикомъ въ форму его спутника на желѣзной дорогѣ, на пути къ родинѣ, къ мучающему тягостными предчувствіями Вержболову. Это человѣкъ среднихъ лѣтъ, скорѣе молодой, нежели старый, подвижной и худощавый, не безобразный, но съ сильнымъ выраженіемъ приказной каверзности на лицѣ, такъ что сатирикъ тотчасъ же мысленно надѣваетъ ему на голову фуражку съ кокардой и форменное пальто. Такое выраженіе лица нерѣдко встрѣчается у земцевъ (онъ и дѣйствительно оказался таковымъ), которые когда-то служили въ столоначальникахъ и ошиблись въ надеждахъ на дальнѣйшую бюрократическую карьеру. Люди эти слывутъ въ земствѣ дѣльцами, сочиняютъ формочки съ безчисленнымъ множествомъ графъ, называютъ себя консерваторами, хвастаются связью съ землею и утверждаютъ, что „русскій мужикъ не выдастъ“. Земцы подобнаго сорта прилипчивы и самодовольны. Дóма, въ своихъ захолустьяхъ, они съ утра до вечера суетятся и хлопочутъ: покупаютъ новые умывальники для больницъ, чинятъ паромы, откладываютъ до будущей сессіи вопросы о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, о прекращеніи эпизоотій, объ оздоровленіи крестьян-

скихъ жилищъ и проч., и такъ какъ все это имъ удается, то они чувствуютъ себя совершенно довольными. Но послѣднее трудное время, повидимому, тронуло даже эту душевную ясность... Мастерская характеристика вновь народившихся спасателей отечества, вопіющихъ изъ Царевококшайска и иныхъ мѣстъ голодовокъ о своей необычайной и единственно-заслуживающей вниманія „связи съ землею", и требующихъ правъ на руководительство жизнью! И вотъ, между нимъ и сатирикомъ происходитъ слѣдующій разговоръ. Земецъ совѣтуетъ ему не писать „въ смѣшномъ родѣ" и сказать „трезвенное слово". На возраженіе, что всѣ слова сатирика были трезвенныя, онъ отвѣчаетъ:—Однако вы... не патріотъ.

И вотъ его трезвенныя слова:

„— Въ томъ суть-съ, что наша интеллигенція не имѣетъ ничего общаго съ народомъ, что она жила и живетъ изолированно отъ народа, питаясь иностранными образцами и проводя въ жизнь чуждыя народу идеи и представленія. Однимъ словомъ, вливая отраву и разложеніе въ нашъ свѣжій и непочатый организмъ. Спрашивается: на какомъ же основаніи и по какому праву эта, лишенная почвы, интеллигенція приняла на себя не принадлежащую ей роль руководительницы?.. Теперь спрашивается: что̀ необходимо предпринять, чтобы устранить это растлѣвающее вліяніе? Чтобы вновь вдвинуть жизнь въ ту здоровую колею, съ которой ее насильственно свела ложь, насквозь пропитавшая нашу интеллигенцію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ простой,—продолжалъ онъ:—необходимо вырвать съ корнемъ злое начало... Коль скоро мы знаемъ, что нашъ врагъ—интеллигенція, стало быть, съ нея и начать нужно. Согласны?

— Прекрасно. Но, помнится, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, нѣкто Маратъ такого же рода цѣлебныя средства предлагалъ..., возражаетъ ему сатирикъ.

— То-то вотъ и есть, что вы все иностранныхъ образцовъ ищете!—нимало не смущаясь, прервалъ онъ сатирика:—Маратъ! что̀ такое Маратъ? И какое значеніе можетъ имѣть Маратъ... для насъ?

Тогда я,—разсказываетъ Щедринъ,—опять понялъ, что,

въ извѣстныхъ случаяхъ, прежде всего необходимо соглашаться, и, разумѣется, поспѣшилъ исправить свою ошибку.

— Еще бы! сказалъ я съ увлеченіемъ:—Маратъ! что такое Маратъ?! тамъ, у себя, онъ былъ Маратъ, а у насъ, вѣроятно, былъ бы коллежскимъ ассесоромъ!

— То-то вотъ и есть. Надо говорить дѣло, а вы... Маратъ!! Насъ, батюшка, Маратами-то не удивишь! Итакъ, первое дѣло—по боку интеллигенцію; второе дѣло—по боку печать!

Но при словѣ „печать" мнѣ опять сдѣлалось тяжко, и я уже совсѣмъ безсознательно проговорилъ:

— Но Гуттенбергъ...

— Что такое Гуттенбергъ?

— То-есть, не Гуттенбергъ... а собственно говоря... Позвольте! не лучше ли было бы печать простить, а вотъ, напримѣръ, суды, земство... ихъ бы вотъ...

— Суды—всенепремѣнно-съ. Но земство—земля-съ. Земли касаться не слѣдуетъ-съ.

— Ну да, земство—это такъ, оправдывался я:—здоровое земство и за нимъ здоровый народъ... И, затѣмъ, ежели принять въ соображеніе присвоенные оклады..."

Ужасно очутиться лицомъ къ лицу съ этой глухой стѣной, говоритъ сатирикъ-„не-патріотъ"... Къ кому обращаться съ словомъ-то?.....

„Поймите же, пьяницы,—заключаетъ онъ, — сколько нечеловѣчески горькаго заключается въ вопросахъ (которые даетъ себѣ современный мыслящій человѣкъ), и какъ долженъ быть измученъ человѣкъ, предлагающій ихъ себѣ? Вѣдь, слово-то даръ Божій — неужто же такъ-таки и затоптать его? Вѣдь, оно задушить можетъ, если его не выговорить! Но разъ подобные вопросы возникли, никакого другого отвѣта на нихъ нельзя ожидать, кромѣ безповоротнаго осужденія. И небо, и земля, и движеніе, и жизнь — все исчезаетъ; впереди усматривается только скелетъ смерти, въ пустой черепъ которой наровчатскій проѣзжій (земецъ), для страха, вставилъ горящую стеариновую свѣчку"...

(1881).

ПИСЬМА КЪ ТЕТЕНЬКѢ.

Значеніе сатирическихъ произведеній Щедрина заключается въ томъ, что въ нихъ отражаются чувства и мысли русскаго общества, переживающаго, по выраженію сатирика, временное упраздненіе развитія, временный секвестръ на мысль и погруженіе общества въ безпросвѣтную агонію. Должно надѣяться, что эти „средства охраненія“ дѣйствительно временны, что въ концѣ-концовъ будетъ понято, что безсрочный маразмъ можетъ принести только смерть. „Но, вѣдь, и временно сознавать себя заключеннымъ въ съѣзжій домъ ужасно оскорбительно“, говоритъ Щедринъ. И вотъ это-то оскорбленное чувство и составляетъ преобладающій, почти исключительный мотивъ его сатиръ въ послѣдніе годы.

Авторъ все новыми и новыми штрихами очерчиваетъ то же нескончаемое горе русскаго общества—сознаніе, что „совсѣмъ благородныя мысли изъ употребленія вышли“, а люди, совсѣмъ непричастные высокимъ мыслямъ и чувствамъ, не имѣя ничего за душой, кромѣ праха, маскируютъ этотъ прахъ громкими фразами: казнокрадъ закатываетъ глаза, говоря о святости собственности; кровосмѣситель старается пламенѣть, утверждая, что семейство—святыня; шпіонъ рыдаетъ, заявляя о своемъ сочувствіи къ „заблуждающимся“. Печальное и тягостное состояніе! Съ одной стороны — приниженіе благородныхъ чувствъ, въ основѣ которыхъ лежитъ „человѣчность, самоотверженность и глубокая снисходительность къ людямъ“; съ другой — „идеалы, которые говорятъ: ходи въ струнѣ и никакихъ требованій, кромѣ физическихъ, не предъявляй“. И среди этихъ „обольщеній“, ошельмованные Струсберги и не по разуму усердные Булюбаши являются застрѣльщиками-обвинителями общества въ его прошломъ и въ его настоящемъ, въ томъ, что оно—„интелигенція“ и что оно—„бюрократія“; въ томъ, что оно, будто бы, повинно въ европейскомъ просвѣщеніи, а потому порочно; въ томъ, что оно презираетъ, будто бы, „народъ“, что оно чуждо народу, от-

рицая необходимость немедленно искоренить „нѣмца“, что оно бережетъ русскую кровь, не видя въ безполезномъ разбрасываніи ея по бѣлому свѣту необходимой „исторической задачи“ русскаго племени. Еслибъ человѣкъ изъ мильйонныхъ массъ прозрѣлъ и увидѣлъ, что̀ совершается во имя его, еслибъ онъ понялъ нашъ языкъ и наши общественные и литературные нравы, съ какою горечью онъ отвратилъ бы свои глаза отъ „господскаго“ народничества, съ какимъ отчаяніемъ въ душѣ онъ думалъ бы о будущемъ родного ему, настоящаго, невыдуманнаго народа!

Авторъ „Писемъ къ тётенькѣ“ затрогиваетъ вопросъ объ „оторванности возвышенной мысли отъ почвы“. Фактъ этотъ, несомнѣно, существуетъ. Но отчего же существуетъ онъ? Неужели таковъ неизмѣнный удѣлъ возвышенной мысли и возвышенныхъ чувствъ? Конечно, нѣтъ! Дѣйствительная причина неособенной рѣшительности вліянія высокихъ мыслей и чувствъ на дѣйствительность, на жизнь практическую, обыденную, заключается въ томъ,

„что дѣйствительность черезчуръ ужъ ревниво оберегается отъ наплыва какихъ бы то ни было просвѣтленій и освѣженій, въ томъ, что просвѣтленія признаются вредными и вносящими въ жизнь извѣстныя осложненія, которыя полагаютъ препятствія къ слишкомъ безцеремонному обращенію съ ней (а это-то послѣднее и составляетъ цѣль всѣхъ вожделѣній); говоря другими словами: въ томъ, что между мыслью и дѣйствительностью воздвигается искусственная перегородка, которая дѣлаетъ послѣднюю непроницаемою для первой“.

Между тѣмъ, уличное празднословіе „такъ охотно идетъ съ дреколіемъ на встрѣчу мысли, возвышающейся надъ уровнемъ толпы“! Какое горькое чувство должно возникать въ современникахъ этого „похода съ дреколіемъ“! Какая нравственная и умственная немощь должна овладѣвать обществомъ въ эпохи подобной приниженности идейной жизни!

„Примѣры этой трупной немощи изобилуютъ, примѣры наглядные, для всѣхъ вразумительные,—говоритъ авторъ.— Приведу здѣсь одинъ, наиболѣе намъ близкій: такъ-называемую потребность „содѣйствія“. Слово это у всѣхъ на языкѣ

и повторяется на всѣ лады, такъ что, казалось бы, только явись это желанное „содѣйствіе“, мы въ ту же минуту сѣли бы и поѣхали. Но именно „содѣйствіе“ то и не является, а не является оно... какъ вы, однакожъ, думаете, почему оно не является...?“

Сатира Щедрина это—вопль измученной души, который только по недоразумѣнію, по недопониманію можетъ казаться „невинымъ балагурствомъ“. Конечно, сатирикъ никогда не утверждалъ, что „при современныхъ условіяхъ, *всѣмъ* нельзя жить, а въ томъ числѣ и Иванамъ-Непомнящимъ“. Онъ только говорилъ, что „вообще жизнь, обнаженная отъ благородныхъ мыслей и побужденій, постыла и невозможна, такъ какъ эта обнаженность уничтожаетъ самый существенный ея признакъ: способность развиваться и совершенствоваться“. И вотъ это-то сознаютъ и чувствуютъ русскіе люди, искренно преданные мысли о будущемъ нашей родины, всѣ, желающіе ей блага и процвѣтанія. Нельзя не остановиться на одной мысли, захватывающей одно изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашей жизни и общественной, и литературной. Мысль эта на первый взглядъ представляется простымъ преувеличеніемъ. Не одно благородное мышленіе въ умаленіи, говоритъ сатирикъ: самая способность толково и правильно выражаться — и та мало-по-малу исчезаетъ, такъ что въ скоромъ времени намъ видимо угрожаетъ „всеобщее косноязычіе“. Это косноязычіе уже есть, оно налицо, оно уже становится дѣйствительностью, и мысль сатирика—не преувеличеніе, а выраженіе дѣйствительно существующаго зла, грозящаго еще большею смутою въ умахъ.

Сатирикъ обращается съ нѣкоторыми разъясненіями къ „тётенькѣ“, т.-е. къ всероссійской публикѣ:

„Напиши ты ей—говоритъ сатирику Глумовъ—что очень ужъ она податлива стала. Либеральничаетъ, а между тѣмъ, съ Пафнутьевымъ шепчется, „Помои“ почитываетъ. Можетъ быть, благодаря этой повадливости, и развелось у насъ такое множество гаду, что шагу ступить нельзя, чтобъ онъ не облѣпилъ тебя со всѣхъ сторонъ“.

И сатирикъ „пишетъ“ объ этой „повадливости“ публики. Онъ не винитъ ея въ повадливости преднамѣренной: „вы—

милая; это рѣшено и подписано", говоритъ онъ. Но сатирикъ не можетъ не винить ее въ „повадливости легкомысленной", въ которой нѣтъ, конечно, вѣроломства и предательства, но результаты которой оттого не лучше. „Ради васъ, говоритъ „тётенькѣ" сатирикъ:—поступаются люди убѣжденіями, ради васъ вѣроломствуютъ; а вы, голубушка, только вздрагиваете и спрашиваете себя: на чемъ же, однако, они покончатъ? къ какому придутъ относительно меня соглашенію?" И не по желанію даже „тетенька" не становится вѣроломною: ея не допустятъ до этого, такъ какъ ея привилегія „совсѣмъ другого сорта" и заключается въ претерпѣніи. Роль, на которую публика осуждена, совсѣмъ простая:

„Ей предоставлено жить безъ заботъ о себѣ. Истуканы такъ живутъ. Ихъ украшаютъ сусальнымъ золотомъ, ихъ размалевываютъ и даже проводятъ по нимъ рѣзцомъ штрихи, съ цѣлью сообщить чертамъ согласное съ обстоятельствами выраженіе, а они молчатъ, да молчатъ".

Въ ней нѣтъ даже простого желанія стать „однимъ изъ четырехъ колесъ катающейся колесницы". Позорная картина!

Что̀ касается „лекгомысленной повадливости", то виновность „тетеньки" несомнѣнна, да и понятна: условій, благопріятствовавшихъ ея развитію, сколько угодно. Въ чемъ, напримѣръ, состояло наше воспитаніе? Сатирикъ припоминаетъ его въ нѣсколькихъ чертахъ и даетъ слѣдующіе отвѣты: хотя, въ смыслѣ буквальной правды, и нельзя сказать, что образованіе наше получилось на мѣдныя деньги, однако, это справедливо въ смыслѣ правды внутренней: денегъ на образованіе „швырялось съ три пропасти, но знаній пріобрѣталось на грошъ", потому что и „люди, швырявшіе деньги, не имѣли понятія ни о томъ, что̀ такое знаніе, ни о томъ, для чего оно нужно". Вся цѣль „наукъ" полагалась въ „исполненіи начальственныхъ предначертаній"; наука была частью привилегіи, проводившей рѣзкую черту, надъ которой значилось „мы съ вами", люди досужіе, правящіе, и подъ которой стояло одно слово: „мужикъ".

Сатирикъ напоминаетъ, какое это „позорное" слово

было во времена, еще даже не прошедшія: достаточно одного сравненія съ „мужикомъ“, чтобы пристыдить „правящаго младенца“. „Что локти на столъ положилъ — точно мужикъ!“ и проч. И что всего замѣчательнѣе, говоритъ сатирикъ: усерднѣе всѣхъ въ этомъ смыслѣ гвоздила Еремѣевна. „Ахъ, эти холопы! на какой бы служебной ступени они ни были поставлены, есть что-то горькое и слѣпое въ ихъ судьбѣ! Вѣчно пресмыкаться и вѣчно же видѣть въ этомъ пресмыканіи нѣчто неизбѣжное, почти заслуженное!“

Воспитанный такимъ образомъ и на такихъ основаніяхъ „правящій младенецъ“ достигалъ всего: разнообразнѣйшихъ правъ привилегій, лакомствъ и наградъ. И для всего этого требовались не знанія, а „патентъ“ и возможность сказать: „слава Богу, не мужикъ—и будетъ съ насъ“. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ скудное знаніе давало порывъ къ дальнѣйшему самообразованію. „Понятно—говоритъ сатирикъ—какое несмѣтное воинство шалопаевъ должно было оказаться въ результатѣ этой изумительной воспитательной муштровки, счастливо сочетавшей невѣжественность съ системой поощреній и премій за оную“. Вотъ эти-то безсильные „шалопаи“, часто не злые и не порочные люди, нерѣдко и даютъ изъ себя расхитителей, клеветниковъ, сыщиковъ и тѣхъ неслыханныхъ „публицистовъ“, „чудовищную помѣсь Мессалины и Марата, съумѣвшихъ соединить въ своемъ ремеслѣ распутство первой и человѣконенавистничество послѣдняго — картина бѣсовской вакханаліи“...

Что же удивительнаго, что въ такомъ обществѣ, какъ бы оно ни стремилось отрѣшиться отъ результатовъ „воспитанія“, существуетъ внутренній разладъ. Хищничество, предательство и вѣроломство еще способны возбудить негодованіе; что же касается такъ-называемой „шалости“, то, вѣдь, это—пустяки: „Помилуйте, стоитъ ли изъ-за пустяковъ бурю въ стаканѣ воды поднимать. Шалость, въ понятіяхъ большинства, есть нѣчто граціозное, симпатичное. Шалость! да вѣдь это—почти терпимость! Вотъ, угрюмость, несообщительность, изолированность—это другое дѣло“.

Не сама ли жизнь говоритъ устами сатирика? Шалость,

дѣйствительно, всюду процвѣтаетъ: нынѣ что̀ сто̀итъ печатно наклеветать на человѣка, приписать ему мнѣнія, которыхъ онъ не раздѣляетъ, лишить его мнѣній, составляющихъ его завѣтное убѣжденіе, приписать знанія, которыхъ онъ не имѣетъ, и уличить въ незнаніи буквы „а“? И милая „тетенька“ находитъ это очень остроумнымъ и занятнымъ. Ахъ, ка̀къ ловко! ка̀къ ловко! повторяетъ она. Сатирикъ отмѣчаетъ эти черты современнаго отношенія публики къ печати. Онъ уличаетъ „тётеньку“, что она „потихоньку назначаетъ тайныя свиданія Пафнутьеву и Мартыну Задекѣ и что при этомъ нерѣдко присутствуетъ и Иванъ Непомнящій“, хотя тётенька и увѣряетъ, что совсѣмъ порвала связь съ ними. Это, конечно—тётенькина „шалость“. „Ахъ, милая!—говоритъ ей сатирикъ: — видно, паскудство еще долго не перестанетъ быть соблазнительнымъ“. „Да и ка̀къ не соблазнительно! „Тётенькѣ все думается: вотъ сейчасъ сядетъ Ноздревъ на полъ и начнетъ проходящихъ женщинъ за подолы ловить! или: выйдетъ впередъ Расплюевъ, съ распухлой и распутной физіономіей, и начнетъ разсказывать, какая вчера „игра была“. Ну, не умора ли!“ И тётенька любопытствуетъ, а Ноздревъ съ Расплюевымъ, по словамъ сатирика, пользуются этимъ и говорятъ: „тётенька-то хоть и отрекается отъ насъ, а все-таки свои пятаки намъ отдаетъ!“

Сатирикъ даетъ тётенькѣ совѣтъ:

„Сдѣлайте, тётенька, усиліе! Не ходите въ рощу на свиданіе съ Пафнутьевымъ, не перешоптывайтесь съ Мартыномъ Задекою и не заглядывайтесь на публицистовъ, которые только по упущенію отвлеклись отъ своего прямого назначенія: выкрикивать въ Охотномъ Ряду патоку съ имбиремъ!“

Авторъ совѣтуетъ позабыть о „пропагандѣ сыска, клеветы и человѣконенавистничества“, убѣжденный; что въ дѣлахъ современности отъ самой „тётеньки“ зависитъ многое, почти все, и даже не отъ дѣятельнаго участія ея въ жизненномъ круговоротѣ, а просто отъ характера ея отношеній къ жизненнымъ явленіямъ. Сатирикъ напоминаетъ тётенькѣ, что она—сила, что она должна сознать свою силу, но не для того, чтобы безразлично посылать поцѣлуи правдѣ и неправдѣ, а

для того, чтобы дать нравственную поддержку добросовѣстному и честному убѣжденію.

„Право, безъ этой поддержки невозможно сдѣлать что-нибудь прочное. Идея прогреса проявляется въ обществѣ въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ—крайняя и жестокая, другая—чуждая насильственности и глубоко преданная интересамъ общественнаго роста и общественной самодѣятельности. Тактика негодниковъ, прикрывающихъ себя именемъ консерваторовъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобъ смѣшать обѣ формы и заодно завинить ихъ. Но это безсовѣстная передержка —и ничего больше. Я знаю, впрочемъ, что вы и сами это понимаете; но именно потому-то и представляется страннымъ, что вы какъ-то черезчуръ ужъ робко выражаете ваше сочувствіе прогресу. Будьте же поживѣе, милая! потормошите себя нѣсколько больше противъ обыкновеннаго! Подумайте: вѣдь тутъ идетъ дѣло по преимуществу объ васъ самихъ“.

Хотѣлось бы вѣрить, что въ обществѣ нашемъ есть элементы нѣсколько лучше тѣхъ, которые изображаются въ письмѣ Н. Щедрина, „Тётенька“ —понятіе сложное и широкое. Есть публика и публика. И если одна не можетъ отрѣшиться отъ „шалостей“, то есть и другая, которой не привлекаетъ „пропаганда сыска, клеветы и человѣконенавистничества“. Тѣмъ печальнѣе думать, что „тётенька“, любящая шалости, не получитъ и не прочитаетъ „Письма“, а если и получитъ, то, въ силу именно воспитанія, счастливо соединившаго невѣжественность съ системою поощреній, не пойметъ его. А другая „тётенька“, вслѣдствіе именно этого самаго обстоятельства, быть можетъ, вынуждена будетъ „такъ жить, чтобъ цѣлая зима показалась, яко нощь едина“. И тяжкое недоразумѣніе, результатъ умственной беззащитности, отличающей наше общество, будетъ попрежнему царить до поры, до времени, пока пропаганда сыска и клеветы не потеряетъ своего положенія.

(1882).

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

1.

Щедринъ, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей современной русской литературы, необуреваемой инстинктами общественнаго застоя, постоянно является мишенью для всевозможной брани: его мысли извращаются, коверкаются для обвиненія; его языкъ, который имъ же самимъ названъ „рабьимъ“ и „эзоповскимъ“, даетъ поводъ къ издѣвательствамъ и къ притворному непониманію; его старая, оригинальная, еще въ „Губернскихъ Очеркахъ“ вполнѣ сказавшаяся, манера писать,—изображать уродливыя явленія жизни въ преувеличенно-юмористическихъ, причудливыхъ формахъ, доходящихъ до карикатуры, неоднократно давала поводъ говорить о „веселомъ балагурствѣ“ въ такихъ его произведеніяхъ, гдѣ сказывалось глубокое горестное чувство. Все это, конечно, мелко, ничтожно и не заслуживало бы ни малѣйшаго вниманія, но нужно разъ навсегда догадаться, что подобное явленіе невозможно только презирать....

Не трудно понять непригодность обвиненій, воздвигаемыхъ противъ Щедрина. Посмотрите, напримѣръ, съ какою опредѣленностью и силою сказываются его идеалы и общественныя стремленія въ „Современной идилліи“. Щедрина, случалось, упрекали за однообразіе его произведеній; и этотъ упрекъ какъ нельзя болѣе кстати для настоящаго объясненія съ врагами и друзьями. Дѣйствительно, невозможно не признать у Щедрина нѣкотораго однообразія въ воззрѣніяхъ: онъ не будетъ говорить завтра того, что̀ не сказалъ бы сегодня; проходящія въ его сатирахъ явленія жизни завтра не явятся въ прельстительныхъ формахъ, если сегодня они вызываютъ отвращеніе; весь строй мыслей и убѣжденій Щедрина всегда одинаковъ—всегда тоже стремленіе къ истинѣ, то же желаніе покрыть позоромъ позорныя явленія нашей жизни и защитить отъ злобы все то̀, что̀ преслѣдуется незаслуженно. Таковъ Щедринъ всегда: онъ, дѣйствительно, однообразенъ, въ сравненіи съ современными „разносторон-

ними“ людьми, сегодня незнающими, чему они поклонятся завтра.

По этой самой „неразносторонности“ Щедрина необходимо допустить. что „Современная идиллія“, какъ и всякое другое произведеніе его, можетъ служить характеристикою воззрѣній и чаяній русскаго общества. Что̀ же говоритъ намъ это произведеніе нашего сатирика? Будемъ, необинуясь, насколько это возможно, говорить безъ недомолвокъ, переводя „аллегорическій“ языкъ, очень понятный, впрочемъ и самъ по себѣ,—на обыкновенный, чтобъ устранить всякую возможность перетолковывать наши мысли.

Въ самомъ заглавіи сатиры. въ словахъ „современная идиллія“ есть горькая иронія, которая должна не нравиться тѣмъ, къ кому она относится. Въ наше время „идиллія“— немного смѣшное слово; но оно, по существу своему, далеко не такъ смѣшно и забавно. Идиллическій элементъ присущъ жизни, и гдѣ нѣтъ его, тамъ жизнь — бремя для однихъ, суровое поле борьбы для другихъ. Есть ли этотъ мечтательно наивный элементъ въ нашей русской жизни? Есть ли въ ней возможность хоть на моментъ отрѣшиться отъ гнетущихъ дрязгъ общественной безурядицы, удалиться хоть въ семью, что̀ ли, на лоно природы, въ тихій дружескій кругъ и тамъ пожить спокойною жизнью личнаго удовлетвореннаго чувства— словомъ, отдохнуть хоть немного душою, чтобъ съ свѣжимъ запасомъ силъ выйти на работу общественнаго совершенствованія? Нѣтъ этого элемента въ нашей современности. Зато у насъ есть своя, особаго рода идиллія, современная, которая и составляетъ содержаніе сатиры Щедрина. Эта идилія—не картина незлобиво-наивнаго душевнаго успокоенія и удовлетворенія, а глубокаго нравственнаго разврата, получившаго привилегію на спокойное существованіе. Тутъ и физическій развратъ, и продажа мысли, слова и дѣла, и гнусная эксплуатація, доходящая до открытаго разбоя и грабежа—словомъ, безчеловѣчіе. прикрывающееся маскою такъ-называемой благонамѣренности.

Идиллія разврата и безмыслія—вотъ одно изъ печальныхъ явленій нашего времени. Авторъ характеризуетъ его въ раз-

ныхъ мѣстахъ мѣткими выраженіями. Онъ говоритъ: „одни мечутся изъ угла въ уголъ, а другіе даже дѣлаются участниками преступленій въ надеждѣ, что *общее уголовное обвиненіе защититъ ихъ отъ притязаній обвиненія уголовно-политическаго*“. Трудно отрицать фактъ, выражаемый этими словами.

Въ обществѣ, гдѣ возможенъ такой фактъ, естественно чувствовать, что надъ вами „что-то виситъ: или трагедія, или шутовство“. Авторъ съ горечью говоритъ объ этомъ, допуская, что „въ сущности, впрочемъ, это—одно и то же, потому что бываютъ такія *жестокія шутовства*, которыя далеко оставляютъ за собою коллизіи самыя трагическія“. И не „жестокое ли шутовство“ въ томъ, что, по выраженію автора, „всякій, не исключая и несомнѣнныхъ гороховыхъ шутовъ, нынѣ пристроиваетъ себя къ внутренней политикѣ и, смотря по количеству ожидаемыхъ пироговъ, объявляетъ себя или благонамѣреннымъ, или *нене*благонамѣреннымъ“? Разница въ этихъ терминахъ пустая, а между тѣмъ и изъ-за нея люди подсиживаютъ и калѣчатъ другъ друга, „утруждая начальство“. Дѣло дошло до того, что „угроза каторгой“ есть самое обыкновенное мѣрило, съ помощью котораго одна „партія оцѣниваетъ мнѣнія и дѣйствія другой“.

Не есть ли это жесточайшее „шутовство“? А между тѣмъ, вѣдь, авторъ здѣсь безъ всякихъ алегорій говоритъ, очевидно, объ отношеніяхъ „благонамѣренной“ печати нашей къ печати, доказывающей, что она *нене*благонамѣренна.

Какія же желанія и стремленія выражаются въ вышеприведенныхъ мысляхъ Щедрина? Да пока только, чтобъ не было этого нравственнаго и физическаго гнета на людей *нене*благонамѣренныхъ, дерзающихъ не быть благонамѣренными по предписанному „благонамѣренной“ печатью образцу. Преступно ли такое желаніе? О, конечно, оно преступно съ извѣстной точки зрѣнія. А! говорятъ: такъ вы хотите свободы дышать и говорить, чтобы дѣлать ваше преступное дѣло общественнаго развращенія и искорененія „основъ“? Но есть въ этомъ маленькое недоразумѣніе. По мнѣнію *нене*благонамѣренныхъ, сами господа „благонамѣренные“ и дѣлаютъ именно дѣло обще-

ственнаго развращенія; не посылая „угрозъ каторгой“, первые смѣютъ думать и утверждать, что враги родины нашей, передъ которыми никакія „основы“ устоять не могутъ, и суть сами вторые. Дѣло, конечно, трудное—найти истину; но оно становится окончательно безнадежнымъ, когда въ качествѣ аргумента является „угроза каторгой“, вмѣсто честнаго спора. И въ обществѣ поселяется смута, нравственный кошмаръ, поражающій всѣ явленія жизни. Не жестокое ли „шутовство“—все это, не шутовство ли—эта манія доносовъ, развращающая общество перспективою наградъ, отместокъ, удовлетворенія вражды и проч., потому что изъ сотни доносовъ навѣрно девяносто пять совершаются во имя личныхъ побужденій? И вотъ, все это осмѣяно и заклеймено въ сатирѣ Щедрина.

Многое можно сказать во имя права и справедливости, противъ господства и произвола „шутовства“, за нравственную независимость личности, противъ нравственной приниженности личности, противъ правъ невѣжества и пошлости, противъ всякаго общественнаго безчеловѣчія, одуряющаго русскую землю! Не фразы все это, и живою кровью можно было бы написать требованія общественныхъ идеаловъ. Теперь пока это — аллегорія Щедрина, но аллегорія совершенно ясная, которой невозможно не понять, но которую невозможно и преслѣдовать, какъ невозможно это было въ отношеніи басенъ Крылова, потому что, кто согласился бы признать себя „гусемъ“, возбудивъ преслѣдованіе противъ басни „Гуси“?

Но мы далеко отошли отъ „современной идилліи“, отъ формъ, въ которыхъ она проявляется. Понятно и естественно, что, подъ вліяніемъ нравственнаго маразма, людямъ мысли и лучшихъ чувствъ человѣческихъ не до идилліи. И вотъ, если жизнь, пользованіе ея благами, благорастворeніе воздуховъ, изобиліе плодовъ земныхъ и пр., а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное спокойствіе—все это достается на долю нравственныхъ уродовъ по преимуществу, то Щедринъ имѣетъ право рисовать ихъ презрительно-забавнымъ тономъ. Но чего же и заслуживаютъ всѣ эти господа, какъ не презрѣнія и осмѣя-

нія вообще, а въ наше время и ненависти, потому что они — сила въ современности! Посмотрите же, какая пошлая тля участвуетъ въ торжествѣ этой пошлой идиліи.

Вотъ передъ вами домъ-особнячокъ, напоминающій Замоскворѣчье; уже домъ этотъ носитъ въ разсказѣ Щедрина отпечатокъ нравственной низости его обитателей. „Проѣзжему сдается, что тутъ пожирается несмѣтное количество пироговъ съ начинкой и другого серьезнаго харча". Въ домѣ-особнячкѣ обитала Фаинушка, „штучка" купца Парамонова, привезенная имъ изъ гнѣзда „мѣняльной секты", села Зяблицына, откуда онъ и самъ былъ родомъ. Сначала онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Фаинушки мѣняльную богиню, но, разсмотрѣвъ ее ближе, купилъ ей домъ. Фаинушка была умна, отнеслась къ дѣлу серьезно, и скоро на одной изъ кладовыхъ на калашниковской пристани красовалась надпись: „Оптовая торговля первой гильдіи купчихи Фаины Егоровой Стегнушкиной". Словомъ, авторъ разсказываетъ совсѣмъ обыкновенный случай вполнѣ благонамѣреннаго негодяйства, защищеннаго отъ всякаго подозрѣнія и наблюденія. Авторъ иногда уморительно смѣшно характеризуетъ эту пошлую жизнь. Въ нижнемъ этажѣ дома проживалъ „странствующій полководецъ" Полканъ Самсонычъ Редедя, „возвратившійся изъ земли зулусовъ, гдѣ онъ командовалъ войсками короля Сетивайо противъ англичанъ, а нынѣ метрдотель Фаинушки". Не будемъ спорить, что полководецъ Редедя, съ точки зрѣнія исторической критики, является лицомъ недостовѣрнымъ. Но онъ кстати въ этой россійской идиліи!

Смыслъ сатиры Щедрина совершенно ясенъ. Сопоставьте пошлую идилію пошлыхъ людей съ тѣми нравственными и иными мукамн, въ которыхъ проживаетъ современное мыслящее поколѣніе. Какая печальная картина угнетенія живыхъ элементовъ общества среди мертвящей гадости! Тамъ пируютъ и дебоширствуютъ подонки человѣчества; здѣсь прячутся слабые, умилительно подлаживаясь подъ благонамѣренность, или прямо уже страдаютъ сильные, неспособные подлаживаться и потому недостигшіе даже ранга *ненс*благонамѣренныхъ.

Не весело среди „общества“, живущаго такою смутною жизнью. Въ деревню нужно, на лоно природы, къ народной жизни, чтобъ отдохнуть отъ этого угара смутъ, доносовъ, нелѣпой борьбы. Но и здѣсь, въ деревнѣ, раскидывается изумительно нелѣпая картина того же пониманія и поощренія всякаго воровства и пройдошества, непониманія и травли мыслительной работы и, наконецъ, подозрѣнія противъ именно того, кто держится возможно дальше отъ сумятицы эгоистической борьбы людской, на комъ, по выраженію Щедрина, не тяготѣетъ „общее уголовное обвиненіе“.

2.

Современная русская дѣйствительность представляетъ примѣры и доказательства, что разстояніе между трагическимъ и комическимъ несравненно меньше шага, который полагается между великимъ и смѣшнымъ. Что́ можетъ быть, напримѣръ, комичнѣе такихъ житейскихъ явленій, какъ прославленное Щедринымъ „торжество свиньи“, какъ знаменитый походъ противъ интеллигенціи, во имя самобытности народной и пр. и пр.? Что́, въ то же время, можетъ быть трагичнѣе всѣхъ этихъ явленій, смертоносно поражающихъ живые, но неокрѣпшіе умы и сердца. Что́ можетъ быть комичнѣе дворника, рѣшающаго вопросъ объ „опасности“ вашихъ общественнополитическихъ воззрѣній для ста сорока милліоннаго государства? И что́ можетъ быть трагичнѣе положенія общества, когда совершаются въ немъ столь комичныя вещи? Что комичнѣе и, въ то же время, трагичнѣе торжества противообщественныхъ инстинктовъ, хищничества, соединеннаго съ поразительною жестокостью, разврата, соединеннаго съ охраненіемъ „основъ“, и доноса, соединеннаго съ гоненіемъ на безкорыстное слово?

Но самое болѣзненное и жгучее соединеніе трагическаго элемента съ комическимъ испытываетъ въ своей дѣятельности писатель. Не чернилами приходится писать ему, при видѣ пораженія практическою пошлостью самыхъ святѣйшихъ убѣжденій его, дорогихъ его идеаловъ и упованій: на концѣ

пера его скопляется живая человѣческая кровь, разбавленная желчью, и онъ пишетъ этою желчью и кровью, а на бумагѣ являются изображенія пошленькихъ героевъ современности, трагизмъ которой скрывается за внѣшнимъ комизмомъ всѣхъ этихъ „торжествующихъ свиней", Дыбъ, Удавовъ и т. п. Это ли не соединеніе элементовъ трагическаго и комическаго въ нераздѣльное цѣлое?

Въ сатирахъ Щедрина постоянно замѣчается это соединеніе комическаго съ трагическимъ. Читая ихъ, невозможно не смѣяться, а прочитавъ ихъ, невозможно не уносить съ собою горькаго чувства. Вмѣстѣ съ авторомъ, вы, съ нѣсколько злымъ и отвратительнымъ чувствомъ, слѣдите, въ какихъ пошлыхъ очертаніяхъ выдѣляется передъ вами иной торжествующій герой современности; презрѣніе къ нему автора радостно и тревожно волнуетъ и васъ; святая для васъ попранная жизнью правда является въ сатирѣ мстительною и карающею. Рядомъ съ этими чувствами возникаетъ жгучее и тягостное сознаніе, что въ жизни нашей дѣла̀ идутъ такимъ порядкомъ, что въ ней торжествуетъ то, что́ въ сатирѣ является въ своей настоящей наготѣ достойнымъ презрѣнія и осмѣянія. Можно ли ограничиться однимъ смѣхомъ надъ этою картиною? Въ самой сатирѣ Щедрина, послѣ комическихъ сценъ, вызывающихъ у васъ презрительный смѣхъ, идутъ многія страницы горькихъ жалобъ на удивительную нелѣпицу и несообразность многихъ явленій нашей жизни. Презрительный смѣхъ — не „балагурство" и не развлеченіе; онъ громко раздается отвѣтно во всякой живой душѣ также презрѣніемъ и ненавистью, и къ каждой сатирѣ Щедрина можно бы поставить эпиграфомъ: „имѣяй очи видѣти да видитъ, имѣяй уши слышати да слышитъ".

Всякому человѣку свойственно жить и мыслить, т.-е. пользоваться дарами природы и Провидѣнія, посланными на его долю. Неужели же глаза даны человѣку только затѣмъ, чтобъ плакать, руки, чтобъ натирать на нихъ мозоли, сердце, чтобъ бояться и скорбѣть, и мозгъ, чтобъ понимать приказанія? Не право ли человѣка очами видѣть, ушами слышать, головою мыслить? Естественен и простъ тотъ идеалъ

человѣческой свободы, который въ каждомъ человѣкѣ видитъ именно только человѣка и хочетъ, чтобъ каждому человѣку не было чуждо все человѣческое. Можно ли приказать человѣку не видѣть солнечнаго свѣта, мыслить не такъ, какъ онъ мыслитъ? Истиной никто не обладаетъ; но право каждаго—посильное стремленіе къ ней. Сатира Щедрина всегда и является защитой правъ нравственной личности человѣка, осмѣивая все, что́ нарушаетъ эти права̀, и показывая результаты нарушеній—тѣ безплодныя формы жизни, которыя возникаютъ и растутъ во тьмѣ безмыслія.

„Современная идиллія“ переноситъ насъ въ сферу русской современной идилліи—въ одинъ изъ тѣхъ „непримѣтныхъ“ русскихъ городовъ, которые „стоятъ въ нашей родинѣ, какъ точки, какъ значки“. Гоголю, рядомъ съ этими „непримѣтными“ городами, рисовалась „бѣдная“ природа, которая „не развеселитъ и не очаруетъ взора“. Но, Боже, какая бѣднота и умственная немощь рисуется въ городѣ, изображаемомъ сатирою! Какимъ немощнымъ и жалкимъ существомъ является въ этой бѣднотѣ и немощи тотъ „интелигентный“ человѣкъ, котораго авторъ олицетворяетъ въ разсказчикѣ и Глумовѣ, этихъ двухъ людяхъ „умѣреннолиберальнаго направленія“, о которыхъ, однако, идетъ слухъ, будто бы они, сидя въ своихъ квартирахъ, „распускаютъ революцію“.

Эти „умѣреннолиберальнае люди“ русской земли глубоко комичны сами по себѣ; еще комичнѣе ихъ положеніе въ качествѣ подозрѣваемыхъ въ „распусканіи революціи“. Авторъ осмѣиваетъ не только подозрѣніе и подозрѣвающихъ, но и подозрѣваемыхъ—всѣ они, въ совокупности, во всей своей цѣлости, представляютъ изумительную картину общества. Въ общемъ, картина эта получается такою: на неподвижномъ фонѣ сонпаго общества являются борющимися два элемента—блюстители „благонадежности“, рѣющіе надъ правымъ и виновнымъ, и подозрѣваемые въ „распусканіи революціи“ умѣреннолиберальные люди. Само собою разумѣется, эти умѣреннолиберальные люди повинны въ революціи только развѣ тѣмъ, что, какъ зайцы отъ гончихъ, стараются скрыться куда-нибудь. Умѣреннолиберальные люди, попросту говоря,—

трусливые люди, совершенно пасующіе передъ „гороховымъ пальто“,—только о томъ и заботятся, чтобъ какъ-нибудь не оказаться неблагонамѣренными, и, разумѣется, они въ высшей степени смѣшны. Читатель не можетъ не смѣяться повременамъ, видя ихъ „непризнаваемыя“ стремленія къ счастливой благонамѣренности.

Проводивъ полководца Редедю для сдачи въ плѣнъ Арабипаши, наши умѣреннолиберальные люди, вмѣстѣ съ „хищниками“, отправляются въ „экспедицію, на предметъ открытія заравшанскаго университета“. Ожидая, что „Волга произведетъ въ нихъ подъемъ чувствъ“, компанія направляется изъ Твери внизъ по Волгѣ на пароходѣ. И вотъ ихъ путевой журналъ за первый день путешествія:

„Отъѣздъ изъ Петербурга: Августа „ “ дня, въ $3^1/_2$ часа пополудни, съ почтовымъ поѣздомъ

„Дѣйствія. По вступленіи въ вагонъ, занимались усаживаніемъ, послѣ чего вынули коробокъ съ провизіей и почерпали въ ономъ, покуда не стемнѣло. Въ надлежащихъ мѣстахъ, выходили на станіци для обѣда, чая и ужина. Ночью—спали“.

Какіе невинные младенцы эти господа! Комизмъ взаимныхъ отношеній подозрѣваемыхъ и подозрѣвающихъ, между тѣмъ, растетъ съ ходомъ сатиры. Что можетъ быть комичнѣе опасенія, чтобъ наши умѣренные либералы въ Корчевѣ не „распустили революцію“? Какую почву представляетъ для этого Корчева? Авторъ рисуетъ намъ этотъ „непримѣтный, какъ точка, какъ значокъ“, городъ именно со стороны положительной тщеты подобныхъ опасеній. Господа „умѣреннолиберальные люди“, во-первыхъ, оказываются, какъ и подобаетъ, знающими о Корчевѣ лишь то, что она „есть Корчева“. Сама же Корчева совершенно сонный городъ, имѣющій слѣдующія достопримѣчательности: соборъ, затѣмъ, старика ста семи лѣтъ, имѣющаго этотъ возрастъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ, наконецъ, изобрѣтателя perpetuum mobile. Сатирикъ очень удачно отмѣтилъ „достопримѣчательности“, которыми отличаются подобные города. Нужно сознаться также, что города эти полны трепета къ начальству и наклонны къ

ловленію „сицилистовъ“, по заказу купцовъ Вздошниковыхъ, и что, затѣмъ, въ Корчевѣ „только слёзы льютъ да зубами щелкаютъ“. Все это именно такъ. И вдругъ, на этой почвѣ— „распусканіе революціи“, да еще господами умѣреннолиберальными людьми, боящимися „въ сей день“ имѣть „помышленія“!... А между тѣмъ, въ этой Корчевѣ наши умѣренные либералы не миновали подозрѣнія отъ „агентовъ“, которыхъ авторъ остроумно нарядилъ въ гороховыя пальто. Дѣйствительно, нужно быть именно „гороховыми шутами“, чтобъ соорудить наблюденіе „въ Корчевѣ“ за „умѣреннолиберальными“ людьми! И какъ дики эти рѣчи, обращенныя къ героямъ нашимъ въ мѣстномъ „Управленіи“. „Ну, зачѣмъ? ну, что́ такое Корчева? А между тѣмъ, себя подвергаете, а насъ подводите... Ахъ, господа, господа!“

Не очевидно ли, что осмѣиваемые авторомъ элементы нашего общества заняты совершеннѣйшими и глупыми пустяками. Пусты эти рисуемые авторомъ „умѣреннолиберальнаго“ направленія люди, занятые исключительно заботой—спрятать свой ничѣмъ незамаранный хвостъ отъ подозрѣній въ „распусканіи революціи“ и ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не оправдывающіе „святого званія человѣка“. Пусты подозрѣвающіе, потому что дѣло ихъ фантастично и глупо, ихъ подозрѣнія—абсурдъ, ихъ дѣйствія—абсурдъ. Изобрѣтатели уѣздныхъ porpetuum mobile осуждены еще долго сидѣть передъ своими вертящимися почему-то колесами, а Корчевы обречены на то, чтобъ „только „слёзы лить да зубами щолкать“.

3.

Нелѣпыя явленія нашей жизни въ сатирѣ Щедрина порожаютъ невеселыми думами читателя, который способенъ отличить простой смѣхъ отъ горькаго смѣха сатиры. И эти невеселыя думы состоятъ въ томъ, что общество живетъ пустяками, доносами, боязнями мысли и дѣла, при отсутствіи живого слова, живой мысли и живого дѣла, въ химерахъ самообмана и въ преслѣдованіи другъ друга.

Между этими своеобразными явленіями русской жизни не

послѣднее мѣсто принадлежитъ возникающему отъ времени до времени въ журналистикѣ „вопросу“: унываемъ ли мы или преисполнены веселія? Вопросъ этотъ рѣшается, какъ извѣстно, различно различными „партіями“: если одни, въ доказательство своего мнѣнія, указываютъ на факты поразительнаго отчаянія въ жизни, выражающагося въ возрастающемъ числѣ самоубійствъ, сумасшествій и т. п., то другіе съ торжествомъ могутъ указать примѣры необычайной охоты пожить, примѣры грандіозныхъ хищеній и разгула страстей, свидѣтельствующіе, что на русской землѣ много еще людей, не собирающихся умирать. Конечно, это „жизненное“ направленіе, въ яркихъ очертаніяхъ проявляющееся у однихъ въ торговлѣ своими убѣжденіями и словомъ человѣческимъ, у другихъ— въ полной нестѣсненности передъ закономъ и какими-то фантастическими правами, не всѣмъ нравится и многихъ приводитъ фатально къ окончательному разсчету съ жизнью: конечно, въ виду всѣхъ такихъ обстоятельствъ, такъ законна печаль, побудившая нѣкогда поэта „печально глядѣть“ на современное ему поколѣніе и не ждать отъ него „ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“.

Но уныніе—не достоинство, и нужны усилія всѣхъ честныхъ людей, чтобъ оно замѣнилось живыми стремленіями.

Вопросъ: „унываемъ ли мы теперь?“ поставленъ не случайно и не напрасно: онъ невольно вызывается сатирою Щедрина, дающей поводъ къ утвердительному рѣшенію вопроса. Если, посмѣявшись вмѣстѣ съ авторомъ надъ уродливыми явленіями нашей дѣйствительности, вы вдумаетесь въ общій смыслъ нарисованной имъ картины, въ душу вашу неотразимо должна вселиться мысль, что сатирикъ не видитъ въ родной странѣ ничего, способнаго возбудить хоть какія-нибудь надежды, что самъ онъ или въ полномъ „уныніи“, или же не находитъ въ своей душѣ ничего, кромѣ презрѣнія и презрительнаго смѣха ко всему, что̀ живетъ и просто „существуетъ“ на родной землѣ.

Читатель помнитъ, конечно, какъ счастливо начавшаяся въ Петербургѣ „идиллія“ Фаинушки и „мѣнялы“ подверглась испытаніямъ, когда дѣйствіе перешло въ Корчеву, гдѣ на

путешественниковъ нашихъ нагнали страхъ „гороховыя пальто“, какъ герои наши бѣгутъ отъ корчевскихъ ужасовъ, и попадаютъ, противъ ожиданія, въ усадьбу „Золотое дно“, извѣстную, впрочемъ, болѣе подъ именемъ „Проплеванной“, на томъ основаніи, что прежній владѣлецъ проигралъ ее въ плевки дѣду разсказчика; помнитъ всеобщую радость по случаю этого нечаяннаго прибытія „домой“, комическую картину встрѣчи барина съ возгласами: „Ахъ, да никакъ это баринъ“ и съ ловленіемъ „ручки“, и затѣмъ появленіе двухъ урядниковъ, скоро объявившихъ усадьбу въ осадномъ положеніи и лишь на время отвлеченныхъ изловленіемъ сначала одного, а потомъ и другого „пригульнаго поросёнка и курицы, снесшей яйцо“, наконецъ возникающій въ селѣ вопросъ: настоящій ли пріѣхалъ баринъ, не подложный ли, надѣвшій только „личину“ настоящаго?... Несмотря на карикатурный колоритъ, обстановка современнаго русскаго человѣка, пріѣхавшаго даже въ свою деревню, является здѣсь обрисованною довольно вѣрными чертами. Положеніе нашихъ героевъ въ деревнѣ оказалось нисколько не лучше, не менѣе тревожно, чѣмъ въ богоспасаемомъ градѣ Корчевѣ.

Какъ хороша занимающая ихъ „Сказка о ретивомъ начальникѣ, какъ онъ своимъ усердіемъ высшее начальство огорчилъ“!... „Въ нѣкоторомъ царствѣ“ должно было существовать „промежду начальниковъ“ такое правило: „стараться какъ можно больше вреда дѣлать, а ужъ изъ сего само собою, впослѣдствіи, польза произойдетъ“. И вдругъ... Какое разочарованіе ретиваго устроителя края посредствомъ вреда, когда, являясь къ высшему начальству, онъ видитъ вездѣ „изобиліе плодовъ земныхъ“ и удивляется: какой такой настоящій вредъ учиненъ, отъ котораго все такъ ходко пошло, и потомъ узнаетъ, что новое начальство всѣ вреды упразднило!

Припомните выступающій въ сатирѣ Щедрина на сцену „народъ“ и, наконецъ, „Тверскую губернію“, съ „обаяніемъ исконнаго либерализма“, искони вопіющую: „наказывайте! жмите изъ насъ масло!—но по закону!

Какая поразительная картина общественнаго не только

безсилія, но просто общественной непригодности. Начальники, руководствующіеся правиломъ: дѣлать какъ можно больше вреда съ ожиданіемъ отъ сего пользы; „либеральныя губерніи", кричащія: „наказывайте насъ"; народъ, вынуждающій своимъ „здравымъ народнымъ смысломъ" къ совершенію жестокостей надъ ни въ чемъ неповинными людьми! Нигдѣ, ни въ чемъ добра и правды! И все это выражено съ тою силой таланта, которая надолго укрѣпляетъ въ душѣ читателя вынесенныя изъ чтенія впечатлѣнія и представленія. Но если это такъ, если всѣ жизненныя явленія, затрогиваемыя авторомъ, заслуживаютъ такого жесткаго и безпощаднаго осмѣянія, если наше общество и народъ нашъ существенно характеризуются указываемыми г. Щедринымъ свойствами и достойны только сатиры—куда же обратить взоры, чтобъ увидѣть живыя лица и правдивыя сердца? гдѣ найти тотъ идеалъ жизни, который оказался бы доступнымъ и понятнымъ современному русскому обществу и могъ бы быть практически осуществленъ? Если весь народъ и все общество таковы, на кого же надѣяться? И если они не признаютъ самыхъ даже скромныхъ идеаловъ общественныхъ, то можно ли возложить на нихъ требованіе идеаловъ болѣе высокихъ и справедливыхъ? И вотъ, мы останавливаемся съ недоумѣніемъ передъ поразительнымъ отсутствіемъ вѣры въ общество и народъ, передъ этимъ безвѣріемъ, которое можетъ исходить только изъ „унынія" и вести только къ нему. Если общественный идеалъ автора такъ великъ, а люди такъ ничтожно малы передъ этимъ идеаломъ, то кромѣ отчаянія въ осуществленіи его, холоднаго и безплоднаго, ничего произойти не можетъ.

Намъ приходится читать высокомѣрныя насмѣшки надъ жалобами по поводу утраты обществомъ идеаловъ. Но въ этихъ насмѣшкахъ такъ же мало справедливости, какъ много истины въ осмѣянныхъ жалобахъ. Да, несомнѣнно, въ обществѣ, подъ гнетущими условіями жизни, утрачиваются идеальныя стремленія. Тѣ, что имѣли великіе, трудно достижимые идеалы, видя безсиліе даже только двигаться въ ихъ направленіи, естественно проникаются отчаяніемъ и становятся

безсильными, теряютъ вѣру въ идеалъ. Другіе, болѣе отданные матерьяльной жизни, болѣе слабые умственно и нравственно, видя, какъ попираются идеалы практическою жизнью, тѣмъ удобнѣе предаются отрицанію ихъ, и въ обществѣ начинается позорная игра хищеній и безчестія. Идеальныя стремленія все отступаютъ, на общество ложится непроглядный холодный мракъ. Въ обществѣ поселяются смута и борьба, въ которыхъ гораздо больше дѣйствуютъ инстинкты, чѣмъ стремленія сознательныя и идеальныя. Практическое безсиліе идеаловъ ведетъ въ обществѣ, въ массѣ, къ отрицанію, потому что общество не можетъ жить тѣмъ, что̀ безсильно практически. И потому-то жалобы на отсутствіе идеальныхъ стремленій въ сонномъ обществѣ имѣютъ свои серьезныя основанія.

Сатира Щедрина способна возбудить недовѣріе къ обществу, къ присутствію въ немъ живыхъ элементовъ. При этомъ недовѣріи всякій идеалъ или становится источникомъ страданій и отчаянія за человѣчество, или же превращается въ праздное слово, праздно вращающееся въ праздныхъ устахъ. Но слѣдуетъ ли принимать сатиры г. Щедрина, какъ характеристику временной неурядицы, происходящей отъ ложнаго направленія общественныхъ и народныхъ силъ? Дай Богъ, чтобъ ни одинъ изъ читателей г. Щедрина, въ которыхъ сатиры его возбуждаютъ не одинъ только безсердечный и грубый смѣхъ, а тревожное и грустное чувство, полное опасенія за будущее любимой отчизны—дай Богъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не вынесъ изъ нихъ неуваженія къ жизни, даже къ этому самому „тверскому либерализму“, провозглашающему, по словамъ самого же сатирика, своимъ общественнымъ идеаломъ господство закона, безъ котораго такъ гадателенъ, если не совершенно невозможенъ общественный прогресъ.

(1882).

4.

Сатиры Щедрина были постояннымъ предметомъ столькихъ пререканій, доказавшихъ силу и значеніе ихъ въ на-

шей жизни, съ одной стороны, и многоразличныя отношенія къ нимъ читателей—съ другой. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ болѣе различныя, болѣе отличающіяся другъ отъ друга, мнѣнія, чѣмъ тѣ, которыя были высказаны о талантѣ Щедрина вообще и о значеніи его сатиръ въ частности. На нашъ взглядъ, едва ли многое высказано было безпристрастно и безпретенціозно, не подъ вліяніемъ или чисто политическихъ и общественныхъ страстей или же разслабляющихъ „сентенцій" политическихъ, экономическихъ и юридическихъ.

Рядомъ съ сатирой Щедрина: „Современная идиллія", передъ нами критическая статья о Щедринѣ г. М. Протопопова—„Характеристика современныхъ дѣятелей. М. Е. Салтыковъ". Какъ та, такъ и другая, характеристичны: первая—характеризуетъ Щедрина, вторая—критическія статьи о немъ. Здѣсь мы имѣемъ случай провѣрить только одно: именно—изумительно живучее въ нашей литературѣ господство сентенцій и тенденцій, мѣшающее не только правильному пониманію писателя (что было бы еще не Богъ знаетъ какое горе), но и правильному разумѣнію тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ дается успѣхъ и побѣда въ умственной борьбѣ (что́ уже дѣйствительное и большое горе).

Окончаніе „Современной идилліи" ясно указываетъ большинство свойствъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, знаменитаго сатирика. Первое, что́ поражаетъ читателя, это—постоянное и очевидное, едва-едва прикрытое насмѣшкой, горячее негодованіе автора противъ дикихъ свойствъ жизни, осмѣиваемой имъ. Горячее и полное горечи чувство даетъ себя знать ежеминутно. Приходится и слышать и читать нерѣдко о слишкомъ будто бы поверхностной насмѣшкѣ сатиръ Щедрина, не вызывающей въ читателѣ сильнаго впечатлѣнія и чувства. Быть можетъ, это и такъ. Но намъ кажется, при малѣйшемъ вниманіи, при самомъ незначительномъ вниканіи въ смыслъ картинъ, рисуемыхъ авторомъ, трудно смѣяться: смѣхъ замираетъ на устахъ, и ужъ не знаю, чѣмъ нужно быть, чтобы не чувствовать горькаго чувства въ изображеніи этихъ вѣчныхъ русскихъ героевъ, которые „мертвыми длапями стучатъ въ

мертвыя перси". Этому всеобъемлющему чувству скорби, гораздо болѣе ясному чѣмъ сквозь видимый смѣхъ незримыя міру слезы,—г. Щедринъ, быть можетъ, болѣе всего и обязанъ своимъ вліяніемъ.

Второе свойство сатиръ Щедрина — постоянно присущая имъ художественность образовъ, ихъ цѣлостность, рельефность. Обыкновенно эти образы не блистаютъ тонкостью отдѣлки; напротивъ, большею частью они грубо вырублены изъ цѣлаго камня. Но въ грубой фигурѣ немедленно сказывается великій мастеръ, не имѣвшій цѣли оттачивать мелкія черты и искуснымъ рѣзцомъ нѣсколькими ударами придавшій жизнь и оригинальный смыслъ высѣченному образу. Это свойство художника дѣлаетъ его привлекательнымъ даже для казнимыхъ его сатирою, для оригиналовъ его сатирическихъ образовъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ типичны, хотя только намѣчены въ своихъ основныхъ чертахъ, лица, выведенныя въ „Современной идилліи", напримѣръ, князь Рукосуй-Пошехонскій, его дочь, еврей Ошмянскій и проч. Этотъ князь, „патріархъ помѣщикъ", обиженный „волею", радостью, съ которой ее встрѣтили крестьяне, облагодѣтельствованные имъ, по его собственному мнѣнію, обиженный, разсердившійся и забросившій тѣхъ же крестьянъ на еврея и „стракулистовъ" — какое живое и характерное лицо! А дочь его, эта жертва деспотизма отца и дочерней любви и долга, все вмѣстѣ,— какая, въ сущности, печальная, не лишенная драматизма, фигура съ ея комической, на минуту овладѣвшей ею и немедленно брошенной мечтою по поводу черныхъ кудрей какого-то землемѣра. А этотъ еврей, понявшій необходимость „по нонѣшнимъ временамъ" освободиться отъ еврейскаго облика и узнавшій „науку" желѣзно-дорожнаго строительства отъ инженера, бившаго его все палкой по головѣ, и не мечтающій о возстановленіи іерусалимскаго царства! Съ какою силой и всего-то въ десяти строкахъ очерчена фигура отца этого еврея, лудильщика по ремеслу: „Онъ не измѣнялъ завѣту предковъ,—говоритъ авторъ: не снималъ съ головы ермолки, ни длиннополаго ламбсердака съ плечъ, не обрѣзывалъ пейсовъ, и по цѣлымъ вечерамъ, обливаясь слезами, пѣлъ

псалмы, возвѣщавшіе и славу Іерусалима и его паденіе. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ восторженныхъ евреевъ, которые, среди зловонія и нечистотъ уѣзднаго городка, умѣютъ устроить для себя мучительно-возвышенный миражъ, который въ одно и то же время и изнуряетъ и даетъ силу жить". Не заключена ли въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая томительная жизнь, цѣлая психологическая исторія, не обрисованъ ли этими словами цѣлый типъ, цѣликомъ и живьемъ поставленный передъ читателемъ? Этихъ примѣровъ, думается, достаточно для полнаго выясненія и доказательства нашей мысли.

Едва ли можно много говорить о „фантастическомъ элементѣ" сатиры г. Щедрина. Этотъ фантастическій элементъ въ ней никогда не достигаетъ ни послѣдовательности, ни хоть какой-нибудь цѣлостности: весь онъ, въ сущности, тонетъ въ дѣйствительности, которая такъ отовсюду и смотритъ, унося изъ глазъ читателя всю фантастичность. Другими словами вся фантастичность въ сатирѣ ограничивается мало сказать— внѣшностью, а лишь небольшимъ уголкомъ внѣшности. Это не болѣе, какъ арабески къ большой и сильной картинѣ, отвлекающей отъ нихъ все вниманіе. Такимъ образомъ, ясно, что помимо содержанія своей сатиры, помимо той изумительной чуткости къ жизненнымъ теченіямъ (что̀, кстати сказать, опять свойство художнической натуры), которая такъ отличаетъ его, г. Щедринъ обязанъ и своимъ значеніемъ и своимъ вліяніемъ главнѣйшимъ образомъ тому, что онъ художникъ; оттуда и могучее чувство и эта чисто художническая выпуклость фигуръ, дѣлающая впечатлѣніе отъ нихъ сильнымъ и стойкимъ, прочнымъ.

5.

Г. Протопоповъ, въ своей статьѣ, ставитъ дѣло иначе. Признавая за Щедринымъ художественный талантъ, г. Протопоповъ не придаетъ ему въ сущности большого значенія, потому что онъ вообще не находитъ ничего путнаго въ художественности. Приведу одно, очень характерное мѣсто:

„Возьмемъ для примѣра *Записки Охотника* г. Тургенева,—говоритъ г. Протопоповъ:—общественное значеніе этого произведенія заключалось исключительно въ протестѣ противъ крѣпостного права. Но этотъ протестъ не составлялъ *всего* содержанія „Записокъ". Общимъ голосомъ, съ которымъ на этотъ разъ нельзя не согласиться, „Бѣжинъ лугъ", „Пѣвцы" признавались и признаются лучшими очерками изъ всѣхъ „Записокъ". Дѣйствительно, въ художественномъ отношеніи эти очерки — настоящія жемчужины. Но какъ помнитъ (?) читатель, именно эти-то два очерка и лишены (?) той идеи, благодаря которой „Записки" съиграли извѣстную роль въ исторіи нашего развитія"...

И г. Протопоповъ находитъ, что „совпаденіе высокой художественности съ полнымъ отсутствіемъ тенденціи не случайно", что „тенденція, видите-ли, мѣшаетъ поэтическому полету", почему Тургеневъ и „почувствовалъ себя дома только тогда, когда спустился къ ребятамъ въ оврагъ и забылъ среди нихъ суровыя невзгоды и несовершенства жизни". Боже! и г. Протопоповъ еще хочетъ, чтобы „читатель помнилъ" что-нибудь подобное. Я, да, какъ думаю, и всѣ — помнимъ нѣчто совершенно иное, именно, что „Бѣжинъ лугъ" и „Пѣвцы" самые художественные, но въ то же время, и самые „тенденціозные", т.-е. собственно идейные разсказы изъ „Записокъ", и что они тѣмъ болѣе и выдѣляютъ идей, чѣмъ они художественнѣе.

Дѣло въ томъ, что весь протестъ „Записокъ" противъ крѣпостного права въ томъ именно и состоялъ, что въ странѣ, гдѣ, по выраженію Бѣлинскаго, люди сами себя называютъ Ваньками, Палашками; гдѣ „господа" этихъ людей и за людей не считали, — въ этой странѣ является писатель, показавшій обществу, что эти Ваньки и Палашки совершенно такіе же люди, какъ и „господа", а быть можетъ и того лучше. Эта „идея" естественно выражалась всего рѣзче тамъ, гдѣ описывались не любовныя шашни („Ермолай и Мельничиха") и не скопидомническіе инстинкты („Хорь"), а именно наиболѣе человѣческія черты и свойства народа. А „Пѣвцы" и „Бѣжинъ лугъ" въ этомъ смыслѣ и стоятъ на первомъ

планѣ. Въ первыхъ обрисована такая чуткость душевная въ народѣ къ искусству, такое эстетическое чувство (которое иными „господами“ и понынѣ считается барскою привилегіей); а во-второмъ съ такой силой отражена свѣжая душевная чистота еще не измятыхъ жизнью и мытарствами деревенскихъ ребятъ, что по прочтеніи ихъ развѣ ужъ самый наивный „баринъ“ не устыдился бы своего „барскаго“ мнѣнія о народѣ. А разъ это „барское“ мнѣніе оказывалось абсурдомъ, крѣпостное право принимало смыслъ уже совершенно нехорошаго насилія надъ личностью человѣка. И чѣмъ художественнѣе отразилъ Тургеневъ своихъ пѣвцовъ и ребятъ, тѣмъ мысль эта ощутительнѣе. Представьте-же себѣ, какой промахъ дѣлаетъ г. Протопоповъ, и куда вообще ведетъ это пресловутое, и нынѣ уже совсѣмъ излишнее и пустое, такъ называемое отрицаніе искусства и презрѣніе къ „художественности“.

Естественно ожидать, что вся характеристика писателя, основанная на столь шаткомъ принципѣ, какъ поклоненіе „тенденціи“, окажется вздорною. Такою она дѣйствительно и оказалась. Ну, ужъ если г. Протопоповъ не придаетъ значенія художественности въ Щедринѣ, то значитъ онъ обожаетъ его за идеи и тенденціи. Оказывается опять не то: „у Салтыкова было бы напрасно искать какихъ-нибудь новыхъ идей“, говоритъ г. Протопоповъ. Такъ что же такое есть въ Салтыковѣ? Оказывается, что онъ „смѣло беретъ быка за рога“, т.-е. усиленно подчеркиваетъ, не въ примѣръ Тургеневу; а ниже признается за авторомъ остроуміе. Все это напомнило мнѣ московскую характеристику Щедрина, что-де у него нѣтъ ни художественности, ни идей, а исключительно талантъ хлесткихъ словъ, талантъ не высокаго сорта. И какъ ни старается г. Протопоповъ остаться на почвѣ признанія за Щедринымъ огромнаго таланта и общественнаго значенія, „характеристика“ его оказывается весьма недалеко отъ московской. И этотъ результатъ, злостный въ московской характеристикѣ, здѣсь, у г. Протопопова, является опять отъ того же самаго „отрицанія искусства“, т. е. отъ полнаго непониманія его смысла и значенія. Какъ это такъ можно сказать,

что у Щедрина „было бы напрасно искать новыхъ идей“! Послѣ этого какія же новыя идеи были у Гоголя? Да наконецъ хоть у самого Шекспира? Между тѣмъ у Щедрина, какъ у Гоголя и Шекспира, есть все, что нужно для идей, и идей „новыхъ“. Дѣло художника состоитъ въ томъ, чтобы или изобразить, отразить въ своемъ произведеніи идеалъ, т.-е. дать форму, воплощеніе идеѣ, или же указать въ жизни противорѣчія идеалу. Другими словами, пожалуй нѣсколько шире,—объяснить жизнь, опредѣлить ея смыслъ, изобразивши ее типическими чертами. Такова задача художника. Тургеневъ въ этомъ смыслѣ—необычайно идейный писатель: онъ распространилъ идею „человѣка“ на цѣлый заброшенный классъ людей; онъ указалъ на него, сказавши: „вотъ люди“! Но то же самое дѣлаетъ и Щедринъ. Развѣ не объяснилъ онъ, напримѣръ, ташкентцевъ приготовительнаго класса, какъ бы сказавши намъ: смотрите, какъ искалѣчены въ нихъ человѣческія черты. Берегитесь ихъ и отведите имъ въ обществѣ надлежащее мѣсто. Такъ дѣлаетъ всякій художникъ, всякій писатель. Въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ открытія чего-то небывалаго, въ смыслѣ изобрѣтенія какихъ-то новыхъ общихъ идей, дѣятельность писателя едва-ли можетъ быть понимаема. Ужъ, право, трудно было бы и представить, сколько различныхъ „идей“ должно бы быть изобрѣтено всякимъ писателемъ...

Но г. Протопоповъ, впрочемъ, собственно не объ „идеяхъ“ говоритъ, а о „тенденціяхъ“, и у г. Щедрина не находитъ новыхъ тенденцій; въ этомъ и состоитъ вся суть той путаницы, которая выходитъ у г. Протопопова. Но Щедринъ и совсѣмъ не тенденціозный писатель, въ смыслѣ пріискиванія фактовъ для оправданія извѣстной мысли (какъ извѣстно, такимъ образомъ можно все доказать и все опровергнуть); онъ просто поражается противорѣчіями жизни идеалу, лежащему въ душѣ его, и тенденція, если она есть, является не по волѣ и желанію автора, а по смыслу и значенію самой жизни, которая и говоритъ сама за себя; художникъ же съ горькимъ смѣхомъ воспроизводитъ ее читателю. Въ статьѣ г. Протопопова мы указываемъ если не необходимые, то почти по-

стоянные результаты той уже отжившей, въ сущности, литературной теоріи, которая почему-то силится отрицать „художественность“. Между тѣмъ, независимо отъ присутствія или отсутствія тенденціи, художественность есть необходимое свойство литературнаго произведенія, она—синонимъ искренности и истинности образовъ, и иногда, какъ у Льва Толстого, даетъ не только возможность провѣрять теоретическія мнѣнія автора, но и прямо доказательство (въ образахъ) ихъ односторонности и невѣрности.

6.

Мы выше сказали, что господство сентенцій и тенденцій мѣшаетъ правильному уразумѣнію средствъ, могущественныхъ въ умственной борьбѣ. Именно такое средство и есть художественность. Какъ бы ни были прекрасны тенденціи и намѣренія автора, если они не сопровождаются „искусствомъ“, „художественностью“, произведеніе литературы будетъ мертво, безжизненно и не вліятельно: художественность, если хотите—поэтичность, есть ручательство за успѣхъ идеи и тенденціи, если онѣ не выдуманы авторомъ, а согласны съ истиною жизни. Художественность не есть непремѣнное отрицаніе тенденціозности, но она, дѣйствительно, противится господству тенденцій ложныхъ, не подтверждаемыхъ фактами жизни; но этому можно только радоваться, этого нужно желать, и художественность тутъ еще разъ даетъ доказательство своего значенія. И если г. Протопоповъ говоритъ, что г. Салтыковъ „не рабъ, а господинъ своего художественнаго таланта, которымъ онъ и пользуется какъ простымъ орудіемъ для поученія и наставленія нашего, что онъ не красоты ищетъ, чтобы „богомольно благоговѣть“ передъ ея святыней, а разсказываетъ безобразія, которыя и клеймитъ достойнымъ образомъ“,—если г. Протопоповъ и говоритъ все это, то обнаруживаетъ лишь очень древнее пониманіе искусства, которое по справедливости и заслуживаетъ отрицанія. Но кто же нынѣ знаетъ искусство только какъ благоговѣйное раскисаніе передъ „красотою“? Нынѣ искусство понимается, какъ пыт-

ливое орудіе человѣческаго духа, помогающее самосознанію человѣчества, и если можно говорить о служеніи красотѣ въ искусствѣ, то болѣе всего въ смыслѣ разоблаченія и анализа явленій жизни, противорѣчащихъ идеаламъ ея и принципамъ нравственной красоты. Салтыковъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ не меньше всякаго иного поэта „благоговѣетъ передъ святыней красоты", потому что всякое безобразіе, всякая не-красота вызываетъ въ немъ горькое чувство и бичующее слово.

Неотрицаніе художественности у насъ нерѣдко принимается за какую-то излишнюю претензію на писателя. Но если „художественность" необязательна для писателя, ничто не противится признанію ея цѣнности. Въ этнографическомъ очеркѣ художественность, поэтичность не необходимое свойство: тамъ авторъ можетъ просто и безъ претензій передавать свои наблюденія и выводы изъ встрѣтившихся фактовъ. Но разъ авторъ хочетъ дать то, что̀ называется „художественнымъ" произведеніемъ, на его совѣсти и обязанности лежитъ забота и работа въ направленіи художественности. Онъ долженъ передавать только то, что̀ сложилось въ душѣ его въ ясные цѣльные образы, что̀ достаточно выношено, и беречься „сочинять", выдумывать и закрывать отсутствіе искренняго чувства и горячаго воображенія за красными словами и нехорошо осмысленными эффектными картинами.

Нужно, впрочемъ, сказать, что художникъ по натурѣ будетъ имъ въ своихъ произведеніяхъ, несмотря на всѣ отрицанія художественности.

(1883).

ПОШЕХОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Столько разъ уже говорилось о чрезвычайной чуткости г. Щедрина къ вопросамъ времени. Но мало говорилось о другомъ свойствѣ этого писателя, именно о томъ, что мелочность вопросовъ, являющихся въ его сатирахъ, не уменьшаетъ силы его произведеній. Въ нихъ есть нѣчто широко идей-

ное, рядомъ съ вопросами дня. Видали-ли вы пейзажи великихъ мастеровъ, особенно прошлаго, и замѣтили-ли вы въ нихъ чудное свойство: передъ вами картина природы, ограниченная въ пространствѣ, но, странно, вы невольно и неотразимо чувствуете, что это ограниченное пространство есть только часть безконечнаго и вѣчнаго, что оно только частное отраженіе великаго міра. Вотъ это же самое вы постоянно чувствуете въ великихъ произведеніяхъ словеснаго искусства, сознаете связь частной картины человѣческой жизни съ чѣмъ-то общимъ, съ великими идеями, лежащими въ основѣ движенія жизни къ вѣчному совершенству. То же вы чувствуете читая Щедрина; повидимому, осмѣиваемые имъ типы людей и нелѣпые жизненные факты такъ мелочны, такъ ничтожны, часто вопросы общественной жизни, захватываемые его сатирой, повидимому, такъ преходящи съ точки зрѣнія общихъ идеаловъ, такъ временны; но сквозь эту внѣшность всюду свѣтятъ и чувствуются широкіе и мощные общіе идеалы, лежащіе въ основѣ чувствъ и горестныхъ мыслей сатирика.

Въ печати уже достаточно прокричали о будто-бы скабрезности начала „Пошехонскихъ разсказовъ". Допуская даже нѣкоторую долю справедливости въ адресованныхъ сатирику по этому поводу упрекахъ, мы остановимся на другой сторонѣ дѣла, умышленно затоптанной одними и близоруко непонятой другими. Дѣло въ томъ, что въ „Пошехонскихъ разсказахъ" не одни „крутыя слова", а присутствуетъ и острый смыслъ. Та „скабрезность", на которую набросились, есть гораздо больше простое отраженіе скабрезности той жизни, которую авторъ сатирически изображаетъ, и „крутыя слова" сатиры свидѣтельствуютъ только о силѣ не сдержаннаго негодованія автора (мы признаемъ, что сдержанное негодованіе было бы и сильнѣе и цѣлесообразнѣе, да оно и не подало бы повода къ злостнымъ истолкованіямъ).

„Второй вечеръ" „Пошехонскихъ разсказовъ" отличается характеромъ совершенно скромнымъ и къ злостнымъ толкованіямъ повода подать не можетъ. Смыслъ ихъ современенъ, отвѣчая на стремленіе иныхъ элементовъ нашего общества и печати къ прошлому, съ цѣлью избыть изъ жизни новыя тре-

бованія и идеи, съ этимъ прошлымъ не ладящія. Сатира отвѣчаетъ также на тотъ вѣчный упрекъ не одному автору нашему, что онъ изображаетъ все изнанку, да изнанку, каковое изображеніе и „для начальства непріятно, да и по существу неправильно“, игнорируя то обстоятельство, что рядомъ съ „изнанкой“, „рядомъ съ Фейерами, Прыщами, Угрюмъ-Бурчеевыми, Деруновыми и Разуваевыми, существуютъ Правдины. Добросердовы и Здравомысловы“. Сатирикъ сознается откровенно, что ему и въ голову не приходила мысль о существованіи Правдиныхъ и пр., и „не потому не приходила, чтобъ онъ игнорировалъ или презиралъ этихъ людей, но потому, что ему всегда казалось, что они и сами на себя смотрятъ сомнительно, какъ будто не знаютъ, дѣйствительно-ли они люди, а не призраки“... И не мудрено, что такъ „казалось“ сатирику. „Какимъ образомъ,—говоритъ онъ,—могутъ они (Правдины) смотрѣть на всевозможныя безчинства необузданныхъ дикарей (Скотининыхъ) и ограничиваются только тѣмъ, что пробормочатъ *въ сторону* номенклатуру происходящихъ передъ ихъ глазами гнусностей!“ Авторъ признавалъ это неестественнымъ, и видя, что эти гг. Правдины „бродятъ безъ пользы по свѣту, получая присвоенные *никого не трогающимъ* людямъ чины и ордена“, считалъ ихъ сомнительными. Теперь сатирикъ желаетъ „исправиться и все написанное исправить“, присоединивъ къ коллекціи собранныхъ имъ прежде типовъ и типы добродѣтельныхъ Правдиныхъ для полноты общественной картины. И онъ даетъ эти „положительные“ типы нашей общественной жизни: городничихъ безсребренниковъ, взятокъ не берущихъ и всего въ изобиліи имѣющихъ, предводителей дворянства прежняго времени. становыхъ приставовъ и другихъ чиновъ „уѣздной чиновной іерархіи“. Каковы эти „положительные типы“, читатели узнаютъ, конечно, изъ самой сатиры, которую они прочтутъ, разумѣется; мы же приведемъ здѣсь одинъ образчикъ городничаго-безсребренника.

„Одинъ городничій говаривалъ:

— Я одной рукой беру, а другой отдаю, — развѣ это взятка?

— Какъ же это выходитъ у васъ, Христофоръ Ивановичъ? — спрашивали, однажды, сослуживцы, которые обѣими руками брали и ни одною не отдавали.

— Очень просто,—отвѣтилъ онъ.—Сейчасъ деньги получу и сейчасъ-же на нихъ какое-нибудь произведеніе куплю. Стало быть, что изъ народнаго обращенія выну, то и опять въ народное же обращеніе пущу.

И когда всѣ подивились его мудрости, то прибавилъ:

— То же самое, что казна дѣлаетъ: съ мужиковъ деньги беретъ, да мужикамъ же ихъ назадъ отдаетъ.

„Съ тѣхъ поръ въ городѣ Добромысловѣ никто не говорилъ: брать взятки, а говорили: пускать деньги въ народное обращеніе“.

Таковъ одинъ изъ „положительныхъ“ типовъ — городничаго-безсребренника. Порадуемтесь, читатели, вмѣстѣ съ Щедринымъ, что есть въ нашемъ отечествѣ Правдины, что Щедринъ „исправился и исправилъ свои произведенія“. Въ этой сатирѣ, быть можетъ, уступающей другимъ по значительности содержанія, тѣмъ не менѣе съ обычной рельефностью и силою высказана мысль и отмѣчено нѣсколько печальныхъ чертъ нашей жизни. Но что̀ всего значительнѣе—это своевременность высказываемой мысли, которая, будучи высказана въ рельефныхъ образахъ, Богъ дастъ, вразумитъ нѣсколькихъ человѣкъ, не видящихъ за красивыми фразами нашихъ „охранителей“ существеннаго безобразія многихъ стремленій. Неужели по прочтеніи сатиры Щедрина кто-нибудь захотѣлъ бы воротиться къ этимъ древнимъ порядкамъ, при которыхъ возможны были эти „безсребренники“ и „пусканіе денегъ въ народное обращеніе“, отъ которыхъ наше общество если не вполнѣ, то до нѣкоторой степени освободилось съ введеніемъ новыхъ формъ жизни, во многомъ несовершенныхъ, но не сравнимыхъ съ прежней судебной и административной казенщиной. Впрочемъ, сатира Щедрина относится не къ прошлому только: изъ этого прошлаго еще чрезвычайно многое крѣпко стоитъ противъ чаяній новой жизни.

„Вечеръ пятый“ „Пошехонскихъ разсказовъ“,—„Пошехонское дѣло“, бьетъ по очень больному мѣсту русской современ-

ности, когда „всѣ жалуются и вопіютъ, что „фраза“ заѣла насъ, когда всѣ настаиваютъ на ея истребленіи, и всѣ, на ея мѣсто, предлагаютъ такую же фразу!“ Сатирикъ слышитъ возгласы: „Прочь мечтанія! прочь волшебные сны! прочь фразы! пора, наконецъ, за дѣло взяться!“ Въ чемъ же дѣло заключается, за которое пора взяться,—объ этомъ никто не говоритъ. И вотъ авторъ, основываясь на томъ, что „представленіе о „дѣлѣ“ нисколько не новость въ исторіи нашей цивилизаціи“, ищетъ отвѣта, что̀ же такое разумѣлось прежде и разумѣется теперь подъ именемъ „дѣла“. Передъ читателемъ встаетъ изумительная картина пошехонской страны того времени, когда она „изъ конца въ конецъ кипѣла слезами и потомъ“, и когда „дружинники не только понимали, въ чемъ состоитъ „дѣло“, но и умѣли раздѣлить его на двѣ части: сами взяли въ руки жезлъ, а аборигенамъ предоставили проливать потъ и слезы“... Представленъ и образчикъ современнаго человѣка дѣла. Впрочемъ, читателямъ удобнѣе прочитать самую сатиру Щедрина, чрезвычайно удачную, какія не всегда выходятъ изъ-подъ пера даже и Щедрина.

(1883).

СКАЗКИ.

1.

„Сказки Щедрина проникнуты тѣмъ живымъ гуманическимъ элементомъ, который отличалъ направленіе сороковыхъ годовъ и лучшія произведенія тогдашняго времени. Ихъ передъ нами три: „Самоотверженный заяцъ“, „Бѣдный волкъ“ и „Премудрый пискарь“, и каждая изъ нихъ рисуетъ одинъ изъ типовъ животной природы и общественнаго человѣка,—типовъ, вызванныхъ всеобщею войною несогласованныхъ инстинктовъ и интересовъ. Въ „Премудромъ пискарѣ“ передъ нами типъ того обширнаго класса людей, который отличается малоспособностью къ защитѣ своихъ даже личныхъ правъ на существованіе и силенъ только всяческимъ уклоненіемъ отъ борьбы и самозащиты. Авторъ рисуетъ намъ поражающе жалкую

картину существованія субъекта этого сорта. Сказка написана съ обычнымъ Щедринскимъ юморомъ, который такъ часто переходитъ съ желчное настроеніе, вызывая и въ читателѣ острыя чувства презрѣнія и негодованія на этотъ, самъ по себѣ неповинный, но жалкій и безразсудный классъ общественный, вредный своей инертностью. Проникая въ сущность общественнаго значенія этого класса, необходимо приходишь къ заключенію о противогосударственности его. Верховная власть законами опредѣляетъ права и обязанности всякихъ классовъ и личностей совершенно не затѣмъ, чтобы эти законы оставались мертвою буквой. Непользованіе своими правами совершенно такое же общественное зло, и зло преступное, какъ и неисполненіе своихъ обязанностей. Права и обязанности распредѣляются въ обществѣ въ извѣстной систематичности, и если одинъ классъ людей не защищаетъ своихъ правъ, другой воспользуется ими, а въ результатѣ выйдетъ общественная неурядица, въ которой одни будутъ играть роль приниженныхъ жертвъ будто бы общественной несправедливости (хотя эти приниженные будутъ страдать отъ собственнаго отказа отъ своихъ правъ и сами представляютъ собою то самое общество, которое къ нимъ „несправедливо"), а другіе прямо уже пріучатся не уважать чужихъ правъ и введутъ въ общество произволъ и всѣ виды общественной эксплоатаціи.

Въ своей сказкѣ Щедринъ, впрочемъ, не касается этой общественной стороны типа премудрыхъ пискарей, полагающихъ житейскую мудрость въ устраненіи отъ всякихъ поводовъ къ защитѣ своихъ правъ. Онъ рисуетъ частную, личную жизнь такого мудреца. И Боже! какъ грустно и нелѣпо его существованіе!

Премудрый пискарь не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ и своею мудростью обязанъ до извѣстной степени наслѣдственности. „Отецъ и мать были у него умные", говоритъ сатира. Умирая, отецъ далъ сыну такой совѣтъ: „коли хочешь жизнью жупровать, такъ гляди въ оба!" И вотъ, молодой пискарь, у котораго „ума палата была" начинаетъ глядѣть въ оба и убѣждается, что „куда ни обернется—

вездѣ ему матъ". Въ качествѣ „просвѣщеннаго, умѣренно-либеральнаго" пискаря нашъ герой понималъ, что жизнь прожить—не мутовку облизать, и потому рѣшаетъ: „такъ прожить, чтобъ никто не замѣтилъ,—а не то какъ разъ пропадешь"... Выдолбилъ онъ себѣ нору, такую, чтобъ только одному помѣститься и устроился по слѣдующимъ соображеніямъ: „ночью, когда люди, звѣри, птицы и рыбы спятъ,—онъ будетъ моціоны дѣлать, а днемъ станетъ въ норѣ сидѣть и дрожать. Но такъ какъ пить-ѣсть все-таки нужно, а жалованья онъ не получаетъ и прислуги не держитъ, то будетъ онъ выбѣгать изъ норы около полдёнъ, когда вся рыба уже сыта, и Богъ дастъ, можетъ быть, козявку, другую и промыслитъ. А ежели не промыслитъ, такъ и голодный въ норѣ заляжетъ и будетъ опять дрожать. Ибо лучше не ѣсть, не пить, нежели съ сытымъ желудкомъ жизни лишиться". На основаніи такихъ-то соображеній и соблюдая отцовскій завѣтъ, начинаетъ пискарь столь великолѣпнымъ образомъ „жизнью жуировать", т.-е. ночью моціонъ дѣлаетъ, въ лунномъ свѣтѣ купается, а днемъ забирается въ нору и дрожитъ. „Лежитъ онъ день-деньской въ норѣ, ночей не досыпаетъ, куска не доѣдаетъ и все-то думаетъ: „Кажется, что я живъ? Ахъ, что-то завтра будетъ?" Бываютъ и веселыя нарушенія этого однообразнаго существованія, бываютъ и страхи. Такъ, „во снѣ ему снится, что у него выигрышный билетъ, и онъ на него двѣсти тысячъ выигралъ. Не помня себя отъ восторга, перевернется на другой бокъ—глядь, анъ у него во снѣ цѣлыхъ полрыла изъ норы высунулось"...

Какое убійственно глупое и мучительное существованіе! Это личное прозябаніе является безусловно „противопискаринымъ"; оно можетъ вести уже не къ одной только общественной неурядицѣ, а и къ вырожденію ума и совѣсти. Конечно, пискарь не Богъ знаетъ какъ виноватъ лично. Всѣ мы болѣе или менѣе пискари, но не нами устроены существующія условія жизни, создающія пискариную мудрость; не нами свѣтъ начался, не нами и кончится. И Щедринъ обращается къ вамъ, господа всероссійскіе пискари, не съ обвиненіемъ васъ, а съ увѣщаніемъ бросить тупые писка-

риные идеалы существованія. Потому что, вѣдь, право, выгоднѣе и честнѣе тридцать разъ умереть, чѣмъ жить такъ, чтобы „ночью моціонъ дѣлать, а днемъ въ нору забираться и дрожать“... Общество и государство съ своей стороны прямо заинтересованы въ томъ, чтобы пискариные идеалы замѣнились новыми, болѣе жизненными и общественными, потому что въ противномъ случаѣ, въ случаѣ торжества пискаринаго идеала, никакая власть не можетъ быть увѣрена въ томъ, что ея предначертанія будутъ поняты и цѣли ея не встрѣтятъ пасивнаго противодѣйствія въ инертности общества. То литературное направленіе, котораго представителемъ является Щедринъ въ своей сказкѣ, есть *общественное* направленіе и составляетъ общественную заслугу, приводя въ сознаніе общества *вредность* пискариной жизни.

2.

Въ сказкѣ „Бѣдный волкъ“ мы на противоположномъ концѣ общественныхъ явленій. Передъ нами субъектъ, вся жизнь котораго зиждется на разрушеніи жизней другихъ. Сатирикъ съ тактомъ истиннаго художника не усиливаетъ красокъ, чернящихъ „волка“; напротивъ, „волкъ“ не является у художника счастливымъ, въ противоположность избитому, шаблонному и въ сущности тупому воззрѣнію, что если человѣкъ живетъ на счетъ чужихъ жизней, то, значитъ, всенепремѣнно счастливъ. И любопытно, что въ образахъ пискаря и волка есть одна и та же характернѣйшая черта: пока они не сознаютъ своего существованія, они какъ будто и довольны, но сознаніе немедленно повергаетъ ихъ въ отчаянный протестъ противъ всего ненормальнаго, лежащаго въ ихъ жизни. Пискарю представляются передъ смертью вся безполезность и пошлость его жизни. Онъ соображаетъ, что „неправильно полагаютъ тѣ, кои думаютъ, что лишь тѣ пискари могутъ считаться достойными гражданами, кои, обезумѣвъ отъ страха, сидятъ въ норахъ и дрожатъ“... Ибо кому они пользу принесли? И ему пришла вдругъ охота „вылѣзти изъ норы, да гоголемъ по всей рѣкѣ проплыть“. Но при-

вычка—натура, пискарь немедленно испугался своей мысли „и началъ дрожа помирать“... Но то же самое почти происходитъ и съ волкомъ?... Онъ тоже въ концѣ концовъ, сознавая вредъ, наносимый имъ, и слыша со всѣхъ сторонъ проклятія, приходитъ къ пониманію, что его жизненный идеалъ не годится, и смерть приходитъ къ нему, какъ „избавительница“. Его душевное, нравственное, состояніе авторъ выражаетъ такъ: „Много лѣтъ волкъ въ этихъ мысляхъ промучился, и только одно слово въ ушахъ его и гремѣло: проклятый! проклятый! проклятый! Да и самъ себѣ онъ все чаще и чаще повторялъ: „Именно проклятый! проклятый и есть! Душегубъ, живорѣзъ“! И все-таки, мучимый голодомъ, онъ шелъ на добычу, душилъ, рвалъ и терзалъ... И началъ онъ звать смерть: смерть! смерть! хоть бы ты освободила отъ меня звѣрей, мужиковъ и птицъ!.. Но натура, конечно, брала свое, всѣ сѣтованія волка оставались тѣмъ тяжелѣе, что практическихъ результатовъ отъ нихъ не получалось. И вотъ, когда однажды медвѣдь поймалъ волка и упрекалъ его въ жестокости къ ближнимъ, тотъ отвѣчалъ: „Ваше степенство! позвольте вамъ доложить: долженъ ли я пить-ѣсть, волчиху свою накормить, волчатъ воспитать! Какую вы на этотъ счетъ резолюцію изволите положить?... А вѣдь я, кромѣ мясного—ни-ни!“... И медвѣдь заключаетъ эту любопытную бесѣду словами: „Пренесчастнѣйшій ты есть на свѣтѣ звѣрь—вотъ что я скажу. Не могу я тебя судить“...

Странное и поражающее сходство въ судьбѣ „мудраго“ пискаря и „бѣднаго“ волка! И тѣмъ не менѣе, сходство это представляетъ естественнѣйшій и неизбѣжнѣйшій результатъ жизненныхъ условій. Волчьи идеалы существованія значительно болѣе ложны, чѣмъ идеалы пискариные, и въ этомъ лежитъ зародышъ грядущихъ мученій душевныхъ, гораздо болѣе сильныхъ, чѣмъ мученія пискаря. Какъ скоро волкъ и пискарь искали разума и сознанія, ни тотъ, ни другой не могли придти ни къ чему иному, какъ къ острому сознанію неразумности своихъ идеаловъ и своей жизни, къ сознанію горькаго противорѣчія, лежащаго между разумомъ и ихъ дѣлами. И такъ какъ дѣла волка, истребителя жизни

и источника вреда, въ несравненно большемъ противорѣчіи съ разумомъ, чѣмъ дѣла пискаря, уродующаго, главнымъ образомъ, личную жизнь свою и только безполезнаго, а не прямо вреднаго,—то и сознаніе этого противорѣчія и истекающія отсюда нравственныя муки несравненно тяжелѣе у волка, чѣмъ у пискаря. Такъ оно именно и выходитъ у Щедрина. Авторъ здѣсь опять является не обвинителемъ, а только истолкователемъ ложности какъ волчьихъ, такъ и пискариныхъ идеаловъ. Въ сказкахъ сквозитъ грустное, пессимистическое воззрѣніе на жизнь и людей. Герои представляются настолько подчиненными своей природѣ, что даже острое и мучительное сознаніе нелѣпости ихъ жизни не освобождаетъ ихъ отъ необходимости продолжать жить такъ, какъ прежде. Но въ томъ-то и дѣло, что люди—не волки и не пискари, и ихъ идеалы независимы; бытъ людской, слагающійся на основаніи общихъ идеаловъ, измѣняется вмѣстѣ съ ними. И литература, вносящая въ сознаніе общественное ложность старыхъ идеаловъ и возможность лучшихъ, именно къ тому и направляетъ свои усилія, чтобы прекратить въ мірѣ людскомъ господство волчьихъ, пискариныхъ и иныхъ животныхъ идеаловъ.

3.

Третья сказка Щедрина, „Самоотверженный заяцъ", имѣетъ болѣе условное значеніе. Заяцъ уже не волкъ и не пискарь, но онъ представляетъ, все-таки, можно сказать, частный случай пискаря. Пискарь—это частью независимое существо, дѣйствительно добившееся нѣкоторой независимости, очень грустной и пустой, правда; на нее и пошла вся его постылая жизнь. Заяцъ—типъ того сорта существъ, которыя хотятъ жить и живутъ, покорно склоняя голову передъ фактомъ своей жизни. Не мудрствуя, не анализируя жизнь, они умѣютъ только подчиняться обстоятельствамъ и силѣ. Суть сказки въ томъ, что заяцъ, попавшійся въ лапы сытаго волка и отпущенный имъ, не считаетъ себя въ правѣ нарушить приказаніе—явиться къ извѣстному сроку на съѣденіе. Мы не будемъ останавливаться надъ этою сказкою, смыслъ которой намъ

представляется менѣе опредѣленнымъ и болѣе условнымъ. Впрочемъ, смыслъ ея такъ простъ въ чисто житейскомъ отношеніи, что говорить о немъ много не приходится.

Во всѣхъ этихъ „сказкахъ“ Щедрина, составляющихъ собственно одно нераздѣльное цѣлое, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ „дѣтей“ уже „изряднаго“ возраста, для которыхъ онѣ предназначаются,—во всѣхъ нихъ большая и сильная мысль проведена такъ опредѣленно, въ такихъ цѣлесообразныхъ и выразительныхъ формахъ, что въ сознаніи читателя всѣ тѣ жизненныя отношенія, которыя воплощаютъ „сказки“, возникаютъ со всѣми своими характерными деталями. Конечно, самыя воззрѣнія на эти отношенія останутся различными, каждый читатель пойметъ ихъ нѣсколько по-своему, сообразно своему общему настроенію и міросозерцанію, но каждый же непремѣнно выиграетъ въ ближайшемъ пониманіи ихъ и обратитъ вниманіе на такія частности, которыхъ прежде, быть можетъ, не замѣчалъ. Но мы говоримъ о людяхъ, самостоятельно продумавшихъ то, о чемъ говоритъ Щедринъ, а вѣдь есть много людей, для которыхъ мысли, точка зрѣнія и освѣщеніе для фактовъ, взятое въ сказкахъ, будутъ совершенно новы. Художественный талантъ автора, проявляющійся въ рельефности отдѣльныхъ картинъ, необыкновенно усиливаетъ впечатлѣніе. Вы такъ и видите, напримѣръ, остановившагося противъ пискариной норы рака, созерцаете, какъ онъ „стоитъ неподвижно, словно околдованный, вытаращивъ на пискаря костяные глаза—и только усы по теченію воды пошевеливаются“; понимаете, какого страху набрался „несчастный пискарь“ и пр. И эта живость впечатлѣнія могущественно содѣйствуетъ закрѣпленію въ вашемъ умѣ сознанія всей горемычной доли пискаря и неудобства пискариныхъ идеаловъ.

(1884).

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА.

1.

Если призваніе и назначеніе литературы состоитъ въ томъ, чтобы отражать—констатировать и разъяснять психическую жизнь даннаго общества, извѣстной части общества, извѣстнаго кружка людей, то „Пестрыя письма“ Щедрина представляютъ собою литературное произведеніе, наиболѣе отвѣчающее своему назначенію. Необходимо остановиться на той точкѣ зрѣнія, съ которой они представляютъ собою отраженіе думъ и чувствъ автора и всѣхъ тѣхъ, чьимъ онъ является представителемъ въ русскомъ обществѣ. Въ наши дни, дни несомнѣннаго приниженія въ массѣ общества интересовъ мысли и нравственнаго сознанія, всякому человѣку, искренно и честно преданному идеѣ (мы не говоримъ объ истинности, силѣ, жизненности идеи, оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ) живется нелегко. Именно это чувство и проглядываетъ въ письмахъ Щедрина сквозь грустную насмѣшку. Если освободить письма отъ горькой ироніи, сплошь проникающей ихъ, то останется весьма реальный и тяжелый смыслъ, характеристическій и для жизни русской вообще, и для душевной жизни многихъ мыслящихъ людей нашего общества, не остающихся равнодушными къ общественному благу.

Представьте себѣ человѣка, всю жизнь свою отдавшаго на дѣло общественнато счастья, вѣрнѣе—на то, чтобы уменьшить, насколько возможно, насколько въ силахъ человѣка, бѣдствія въ жизни человѣческой. Представьте далѣе общественное сочувствіе къ этому человѣку, дающее ему гордую увѣренность въ справедливости и полезности его дѣятельности. Представьте наконецъ горькое несчастіе видѣть, что это общественное сочувствіе съ неменьшей страстностью устремляется въ самое короткое время, положимъ, хоть на оперетку и всякую литературную пошлость. Нѣтъ хуже и тяжелѣе несчастья. Таково именно положеніе русскихъ людей, не могущихъ приладиться къ „современности“. Пусть идеи, которыми они руководствуются, которыми они одушевлены,—не могутъ пре-

тендовать на истинность и господство; пусть какія угодно сомнѣнія обуреваютъ самихъ приверженцевъ ихъ. Но видѣть замѣну этихъ, хотя бы „сомнительныхъ“, общественныхъ идей опереткой,—это, какъ хотите, положеніе, возмущающее душу.

Въ минуты тяжелаго недовѣрія къ обществу, къ его сознательной силѣ на благо, естественно бросить въ лицо его горькій и страстный упрекъ. И Щедринъ не останавливается передъ нимъ. „Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился,—говоритъ онъ,—что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ни откуда поддержки для себя ждать нечего. Сколько разъ, въ теченіе моей долгой трудовой жизни, я взывалъ: гдѣ ты русскій читатель? откликнись!—и, право, даже сію минуту не знаю, гдѣ онъ, этотъ русскій читатель. По-временамъ, правда, мнѣ казалось, что гдѣ-то просвѣчиваютъ какіе-то признаки, свидѣтельствующіе о самосознаніи и движеніи впередъ, но чѣмъ глубже я уходилъ въ ту страну терній, которая называется русской литературой, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ безплодности моихъ чаяній. Нѣтъ тебя, любезный читатель! еще не народился ты на Руси! Нѣтъ тебя, нѣтъ и нѣтъ“. Читающее общество русское Щедринъ представляетъ думающимъ и полагающимъ, что „онъ, читатель, самъ по себѣ, а литература—сама по себѣ, что литераторъ пописываетъ, а онъ, читатель, почитываетъ,—только и всего“. „Когда затѣмъ для писателя наступитъ трудная минута,—продолжаетъ сатирикъ:—то читатель въ подворотню шмыгнетъ, а писатель увидитъ себя въ пустынѣ“... Не касаясь вопроса, правъ ли сатирикъ вообще по отношенію къ читателямъ, къ обществу, необходимо признать законность, естественность чувствъ его, высказанныхъ въ этомъ обращеніи къ читателямъ, и грустныхъ мыслей, оправдываемыхъ обстоятельствами.

Весь горько-ироническій разсказъ автора о его обращеніи къ вполнѣ „благонамѣренному ничегонедѣланью“ и процвѣтанію въ сферѣ служительскихъ словъ, его характеристика „психологическаго момента“, выручившаго его въ трудную минуту неожиданно поразившаго его „нравственнаго косно-

язычія",—все это представляетъ пародію на тотъ кодексъ современной нравственности вмѣстѣ съ его мотивами, который дѣйствительно получилъ широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ. Развѣ „привычка", „опытъ и мудрость вѣковъ" и наконецъ „среднее разсужденіе"—не избитыя, въ самомъ дѣлѣ, положенія, на которыхъ основываютъ жизнь практики жизни? И все, что̀ выходитъ изъ узкихъ рамокъ близорукой практики житейской, неизбѣжно и неизмѣнно вызоветъ нынѣ одинъ отвѣтъ: „не до мечтаній теперь,—жизнь ждетъ настоящаго дѣла, практическаго дѣла". Но такъ какъ человѣку не дано погрязнуть въ сферѣ практической суеты, такъ какъ для всякаго человѣка существуетъ законъ: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ", то естественень и результатъ „среднихъ разсужденій". Не имѣя истинно-нравственныхъ духовныхъ интересовъ, люди, для удовлетворенія эстетическихъ и иныхъ высшихъ, но ложно направленныхъ и загрязненныхъ духовныхъ потребностей, идутъ въ театры, и еще хуже—въ „Аркадіи" и „Ливадіи" и отъ Дюссо къ Донону. И это „благонамѣренное ничегонедѣланье" не есть опять ни сатирическій пріемъ, ни преувеличеніе, а настоящая правда.

Сатиры Щедрина на общественное безсиліе, его горькіе упреки за равнодушіе общества къ высшимъ интересамъ жизни, за растлѣвающую безпринципность и эгоистичность, невольно напрашиваются на сближеніе. Дѣло въ томъ, что русскій читатель, какъ и всякій другой, переживаетъ странное время, когда всякія вѣры и надежды колеблются на своихъ основахъ.

2.

На Щедрина обыкновенно смотрятъ какъ на человѣка извѣстной литературной партіи, ему приписывается цѣлый циклъ воззрѣній, характеризующихъ ее, въ немъ находятъ протестъ противъ посягательствъ на права именно этой партіи и были бы очень удивлены, нашедши его противникомъ или, по меньшей мѣрѣ, равнодушнымъ къ нѣкоторымъ возлюбленнымъ и, конечно, ставшимъ шаблонными воззрѣніямъ

той самой доктрины, къ которой онъ пріурочивается. При нѣкоторой условной справедливости, такой взглядъ на Щедрина намъ представляется очень узкимъ. Конечно, Щедринъ принадлежитъ къ извѣстной партіи по своимъ воззрѣніямъ, но еще болѣе онъ, какъ всякій большой самостоятельный умъ и талантъ, отличается независимостью воззрѣній. Читатель находитъ въ сатирѣ Щедрина то, что̀ хочетъ найти, но истинный смыслъ его сатиры и воззрѣнія самого сатирика далеко не всегда сходятся съ тѣмъ, что̀ находятъ критика и читатель. Длинный рядъ годовъ литературной дѣятельности Щедрина весь отмѣченъ этой умственной независимостью, и какъ часто, соблюдая только возможную мѣру литературнаго такта, воспрещающаго побивать друзей, бичъ сатиры нашего писателя обращался не на противниковъ въ узкомъ смыслѣ. Щедрину свойственно смотрѣть на міръ Божій грустными очами, чувствовать ту „великую скорбь въ мірѣ“, которую, по словамъ одного изъ персонажей Достоевскаго, *должны* чувствовать всѣ замѣчательные люди. И какъ часто, среди поражающе-смѣшныхъ картинъ человѣческаго безобразія, въ сатирѣ вдругъ появлялся великій призракъ міровой скорби передъ мертвеннымъ міромъ бьющихъ мертвыми руками въ мертвыя перси. Но сколько смѣшного и грустнаго долженъ представлять сатирическому взгляду и міръ людей, самыхъ близкихъ въ сатирику по воззрѣніямъ, сколько лучшихъ идей являются исковерканными, опошленными и выброшенными на позорище людьми, считающими себя истинными сторониками и поборниками ихъ! И Щедринъ никогда не останавливался передъ фальшивымъ „благочестіемъ къ идеѣ“, воспрещающимъ нападать даже на искаженія ея. Одинаково съ государственными младенцами всѣхъ сортовъ и видовъ, съ помпадурами и ташкентцами, на сатирической сценѣ являлись у Щедрина и иные игрушечныхъ дѣлъ людишки, занимающіеся даже и очень „либеральными“ дѣлами. И тѣ, которые не стыдились утверждать, будто бы Щедринъ, въ угоду какой-то партіи, поступался свою искренностью и своимъ великимъ талантомъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствовали только о своей великой смѣлости.

Итакъ, читая сатиру Щедрина, не нужно и не сто̀итъ,

какъ обыкновенно дѣлаютъ, искать непремѣнно изображенія чуть-чуть не данныхъ лицъ и данныхъ событій. Сатирическія картины Щедрина складываются, творятся, думаемъ мы, по общимъ законамъ литературно-художественнаго творчества. Внимательно вглядываясь въ жизнь, уловляя ея законы и мотивы, Щедринъ, какъ и всякій художникъ, не по личному произволу, а по неизвѣданнымъ законамъ психической дѣятельности, соединяетъ впечатлѣнія свои въ извѣстныя типическія картины. Но въ такомъ случаѣ въ эти картины войдутъ элементами всѣ партіи и всѣ глупости и бѣдствія человѣческія. Личныя воззрѣнія автора, его міровоззрѣніе является здѣсь только однимъ изъ создающихъ элементовъ и отразится на свѣтѣ, которымъ будутъ освѣщены изображенныя явленія жизни. Естественно, мнѣнія автора скажутся и въ смыслѣ партійномъ, въ томъ, что не представутъ въ его образахъ симпатичныя ему явленія въ смѣшномъ свѣтѣ и наоборотъ; но чѣмъ выше талантъ, чѣмъ онъ искреннѣе и независимѣе, тѣмъ вѣрнѣе и чище; яснѣе и разумнѣе будутъ художественные образы писателя и тѣмъ меньше въ нихъ будетъ условности и партійности.

3.

„Пестрыя письма“ Щедрина принадлежатъ именно къ подобнымъ обобщеніямъ жизненныхъ явленій въ типы. Жизнь можно характеризовать и представлять себѣ извѣстными фантастическими образами, и характеристика жизни у Свифта нисколько не потеряла, а напротивъ, много выиграла въ фантастическихъ лилипутахъ, и у Сервантеса—въ не менѣе фантастическомъ Донъ-Кихотѣ. Въ произведеніяхъ Щедрина фантастическій элементъ такъ же перемѣшивается съ истинно реальными изображеніями жизни. Не ища ни дѣйствительныхъ лицъ, ни дѣйствительныхъ событій, внимательный читатель откроетъ въ немъ, въ общемъ и деталяхъ, драгоцѣнныя мысли и откровенія сущности самыхъ приглядѣвшихся и оттого еще болѣе непонятныхъ явленій нашей жизни. Вотъ передъ нами „статскій совѣтникъ Передрягинъ, похищенный медвѣдями (впослѣдствіи оказавшимися особеннаго рода „братушками“) для

водворенія среди нихъ конституціи, оказываетъ такому либеральному стремленію надлежащее сопротивленіе, однакоже отъ начальства за то поощренія не получаетъ, а напротивъ увольняется въ отставку, почему и обращается къ занятіямъ приватнымъ напечатавши объявленіе, въ которомъ предлагаетъ „изготовлять конституціи для всѣхъ странъ и во всѣхъ смыслахъ, проектировать реформы,—и согласенъ въ отъѣздъ". Этотъ фантастическій изготовитель конституцій кажется Щедрину столь правдоподобнымъ, что, по его мнѣнію, „объявленіе, чего добраго, возымѣетъ дѣйствіе, и Передрягинъ получитъ заказъ"... И если, дѣйствительно, вглядѣться въ эту фантастическую фигуру, она поразитъ такою реальностью, такими типическими и ясными свойствами, давно извѣстными на нашей родинѣ, что уже всякое сомнѣніе въ дѣйствительности существованія стат. сов. Передрягина станетъ невѣроятнымъ.

Конечно, объявленій объ изготовленіи конституцій и проектированіи реформъ въ газетахъ печатаемо еще не было; но серьезно говоря, кто же у насъ въ Россіи не считаетъ себя способнымъ изготовить наилучшую конституцію? Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ съ своей обычною мѣткостью и обладаніемъ слова охарактеризовалъ нѣкоего молодого русскаго „генія" тѣмъ, что въ 20 лѣтъ онъ порѣшилъ всѣ вопросы науки и жизни, при замѣчательной впрочемъ бездарности... Имя такихъ людей—легіонъ, и они не что иное, какъ доблестныя яблоки съ той яблони, съ которой недавно упали. Есть у насъ ужъ такъ устроенные чуть ли не съ самаго рожденія люди, которые считаютъ себя призванными управлять народами и дѣлать исторію, и большая часть изъ нихъ—Передрягины.

Не будемъ останавливаться на массѣ удачныхъ характеристикъ, и только укажемъ хотя бы на то, какъ создавалась у „братушекъ" конституція, мечтанія о которой разрушены проведеніемъ къ нимъ столбовой дороги, окладными листами и урядникомъ Справедливымъ. И всѣ эти картинки въ сатирѣ дышатъ такой правдой, такъ напомнятъ вамъ и освѣтятъ всю нашу русскую жизнь съ крупныхъ историческихъ событій до мелочей обыденнаго быта, что вамъ не зачѣмъ

будетъ видѣть въ сатирѣ Щедрина только обличеніе частныхъ, единичныхъ фактовъ, а не мощный анализъ русской національной психики, начиная съ бездушнаго реформированія посредствомъ спеціальныхъ изготовителей конституцій и кончая безтолковой суетней топтыгинской „цивилизаціи“.

4.

Искусство, какъ воспроизведеніе характернѣйшихъ, типичнѣйшихъ чертъ жизни, гораздо ближе къ наукѣ, преимущественно къ философіи, чѣмъ кажется, и подобно наукѣ не можетъ отдаваться на служеніе только временнымъ задачамъ жизни. Оно имѣетъ дѣло съ общими законами жизни, отыскиваетъ ихъ и уже этимъ служитъ могущественнымъ орудіемъ для движенія жизни; но никогда оно не должно сходить къ служенію чисто партійнымъ цѣлямъ, — если говорить о настоящемъ искусствѣ, творящемъ и свободномъ. Но тамъ, гдѣ жизнь слишкомъ сильно дѣйствуетъ на нервы, гдѣ она не оставляетъ мѣста свободному созерцанію, — тамъ она не оставляетъ свободнымъ и поэта. Возбуждаемый и тревожимый дѣйствительностью, совершающеюся передъ глазами, онъ невольно отступаетъ отъ далекихъ перспективъ и отъ широты воззрѣній и воспроизводитъ ближайшую жизнь. Но если онъ великій талантъ, общіе законы жизни не ускользнутъ отъ него, въ его произведеніяхъ выступятъ въ яркомъ свѣтѣ современныя ему дѣла, разсматриваемыя и съ точки зрѣнія общихъ законовъ жизни, и съ точки зрѣнія чисто временныхъ жизненныхъ вопросовъ, въ нѣкоторомъ странномъ, иногда противорѣчивомъ соединеніи этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Въ русскихъ писателяхъ это свойство обычно. Таковъ Гоголь, изображавшій искаженія законовъ вѣчной красоты въ Чичиковыхъ и Маниловыхъ, а въ концѣ концовъ удалившійся въ область идеальныхъ Костанжогло и мистицизма; таковъ Тургеневъ, страстно отдавшійся въ своихъ произведеніяхъ первѣйшей задачѣ времени — освобожденію народа, и въ то же время проникнутый томительной грустью, обусловленной печальными воззрѣніями вообще на міръ, — писавшій почти въ то же

время и идеалистическое „Наканунѣ“, и совершенно пессимистическіе „Призраки“, подрывавшіе, на основаніи общихъ фатальныхъ законовъ человѣческой жизни, вѣру въ тотъ самый „завтрашній день“, который обѣщало „Наканунѣ“. Да и кто изъ выдающихся русскихъ писателей не вынесъ на себѣ этой крестной муки сомнѣній и разлада, подъ вліяніемъ самонаблюденія и анализа жизни!

Любопытенъ и знаменателенъ фактъ, что такіе представители художественнаго слова, какъ геніальный гр. Л. Толстой, Щедринъ, Гл. Успенскій,—оставляютъ художественную форму и обращаются въ чистыхъ публицистовъ, оставаясь впрочемъ, неожиданнѣйшимъ образомъ въ высшей степени поэтами и художниками, желающими отвѣтить на мучительные вопросы момента, но освѣщающими только душевную жизнь свою и своего поколѣнія, всю нравственную неудовлетворенность, всю тоску, всѣ мучительныя исканія Бога, идеаловъ жизни и нравственности, характеризующія наши извѣрившіяся поколѣнія. Вся современная литература, несмотря на весь свой „натурализмъ“, низводящій жизнь съ идеалистическихъ высотъ въ тину и грязь дѣйствительности, есть больной крикъ исканія жизни, лирическій порывъ. И въ какомъ-нибудь самомъ „натуралистическомъ“ романѣ, претендующемъ описать жизнь безстрастно, вы не можете не отмѣтить болѣзненнаго отчаянія вѣка. Нашъ Достоевскій,—истинный сынъ своего вѣка, мучительно пережившій съ своими героями глубочайшія паденія съ тоскою о „потерянномъ раѣ“, представляетъ разительнѣйшій примѣръ въ нашемъ смыслѣ. Но какъ ни различны по темпераментамъ, убѣжденіямъ, отношеніямъ писатели, всѣ они одинаково носятъ на себѣ эту печать вѣка, печать сомнѣній и отчаянія за идеалы, за ихъ примѣнимость, за ихъ, наконецъ, нравственное достоинство. И всѣ ищутъ, и для всѣхъ это исканіе составляетъ нѣчто поистинѣ роковое. Когда человѣчество нравственно успокоится на принципахъ жизни, которые оно найдетъ, наше время и наши литературныя направленія предстанутъ совершенно не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они представляются теперь намъ, на слишкомъ близкомъ разстояніи.

Щедринъ, подобно другимъ писателямъ, постоянно выходитъ изъ художественныхъ формъ, и вмѣсто образовъ даетъ размышленія. Но эти размышленія суть только лирическіе порывы, въ нихъ авторъ остается все тѣмъ же сатирикомъ-поэтомъ. Сила лирическаго негодованія придаетъ размышленіямъ сатирика жгучесть, захватывающую читателя. Такимъ лирическимъ порывомъ въ „Пестрыхъ письмахъ" касается онъ самыхъ больныхъ струнъ современности. Онъ говоритъ о той всеобщей жалобѣ, что „жить становится скучно и тяжело", и не въ смыслѣ „сокращенія суммы развлеченій", не въ смыслѣ даже „суммы утратъ и несбывшихся надеждъ", а въ смыслѣ сознанія безплодности мечтаній, и того, что „жизненный процессъ хотя и не прекратился, но въ то же время утерялъ творческую силу". Авторъ говоритъ объ исчезновеніи руководящей идеи, что неоткуда и взяться ей: „прошедшее несостоятельно, будущее загромождено". Сатирикъ говоритъ о попыткахъ разобраться въ удручающихъ жизнь противорѣчіяхъ, о томъ, что они еще больше запутываютъ пониманіе предстоящихъ задачъ, что всѣ они главнымъ образомъ свидѣтельствуютъ только объ ощущеніи боли, присущемъ рѣшительно всѣмъ, „начиная отъ самыхъ ядовитыхъ и нагло торжествующихъ и кончая самыми наивными и пригнетенными".

Едва ли нужно что-нибудь прибавить къ рисуемой сатирикомъ картинѣ современнаго намъ умственнаго скитанія. Все, что̀ въ ней есть горькаго и больного, давно, разумѣется, чувствуется и сознается; но дѣло писателя почти всегда— только формулировать уже предчувствуемые обществомъ мысли, приводить къ ясному сознанію и выраженію то, что̀ живетъ въ душѣ смутно, въ формѣ тяжкихъ ощущеній. Характеризуя и изображая умственный бытъ нашъ и вытекающіе отсюда— отъ недодѣлокъ и недомолвокъ—„кризисы" разнаго рода, сатирикъ съ горестью восклицаетъ, что „дѣло совсѣмъ не въ укорахъ и завиненіяхъ", а въ томъ, *чтобы жизнь не калѣчила живыхъ*... И для иллюстраціи нашей жизни сатирикъ знакомитъ читателей съ двумя проектами объ „упорядоченіи" поколѣній, составленныхъ Ѳедотомъ Архимедовымъ.

Въ своей сатирѣ Щедринъ является именно такимъ писателемъ, о которыхъ мы говорили выше: и общіе законы жизни присутствуютъ въ его изображеніяхъ, и вопросы чисто временные. Но сатирику предстояла, быть можетъ, самая благодарная и благотворная задача—во имя общихъ законовъ жизни защищать человѣка, обличать это удивительное стремленіе не признавать законовъ жизни, калѣчить людей, по изобрѣтеннымъ „тѣми Ѳедотами“ проектамъ, составляемымъ въ кабинетахъ и канцеляріяхъ, безъ соображенія съ обстоятельствами жизни, даже насилуя законы природы. Но законы природы и жизни всегда посмѣются надъ дерзкими попытками идти наперекоръ имъ и послужатъ только тѣмъ, кто идетъ въ соотвѣтствіи и согласіи съ ними; они умѣютъ мстить за себя, создавая противоположные ожидаемымъ результаты...

Насмѣшки сатиры имѣютъ общій смыслъ: проекты „упорядоченія“, полные непониманія законовъ жизни, создаются не теперь только и не въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ „Ѳедоты“. Нисколько не лучше и не умнѣе этихъ Ѳедотовъ люди совершенно иныхъ лагерей, но подобно имъ думающіе, что жизнь можно вытянуть по ниточкѣ, недогадывающіеся, что жизнь—дѣло большое и сложное, требующее внимательнаго изученія и затѣмъ допускающее только расчистку пути для свободнаго проявленія ея законовъ, но не терпящее ломки, которая естественно ведетъ за собою смерть или увѣчье.

5.

Въ дальнѣйшимъ своемъ теченіи „Пестрыя письма“ уводятъ насъ отъ современныхъ волненій въ ту блаженную эпоху, когда „катастрофа“ не совершилась и когда, слѣдовательно, все было хорошо, даже великолѣпно; но уводитъ въ это великолѣпное прошлое насъ письмо Щедрина не на долго и только затѣмъ, чтобы снова перенести въ самую суть современныхъ дѣлъ и отношеній. Отношеніе стараго, „докатастрофнаго“, времени къ современности выражено съ поразительной правдою,

и читатель невольно всматривается въ перспективу дѣлъ и отношеній, открываемую авторомъ.

Какъ всегда, чисто общественный элементъ, элементъ вопросовъ и запросовъ, волнующихъ сегодняшняго человѣка, занимаетъ въ сатирѣ большое мѣсто; но въ противоположность огромному большинству авторовъ произведеній общественнаго характера, сатирикъ не предрѣшаетъ вопросовъ, возникающихъ изъ сложныхъ житейскихъ отношеній, не навязываетъ подборомъ фактовъ своихъ уже готовыхъ мыслей, а заставляетъ говоритъ факты то, что́ они могутъ сказать. Въ сатирѣ вы не находите напр., восхваленія настоящаго на счетъ прошлаго, или казни прошлаго въ пользу настоящаго; все въ ней на своемъ мѣстѣ и въ своемъ времени, какъ въ дѣйствительности. Смыслъ фактовъ, смыслъ этой дѣйствительности, историческая послѣдовательность явленій прошлаго и настоящаго—выясняется передъ читателемъ работой его же собственнаго ума, обсуживающаго описанныя явленія.

Вотъ жизнь двухъ представителей правящаго русскаго человѣчества до „катастрофы", „господъ" Оконцевыхъ. Основаніемъ ея,—китами, на которыхъ стояла она, была—что́ бы вы думали? Любовь! И вы готовы, чего добраго, придти въ умиленіе при этомъ столь прославленномъ словѣ... Но Боже, до какой пошлости проявленій можетъ доходить это „святое" чувство! Почтеннѣйшіе „старосвѣтскіе помѣщики" Гоголя, прототипъ, первообразъ Оконцевыхъ, и тѣ возвышеннѣе ихъ „И мужъ, и жена жили душа въ душу,—разсказываетъ Щедринъ.—Она взяла на себя всѣ хлопоты по домашнему обиходу и по управленію имѣніемъ; на немъ—лежала только сладкая обязанность любить ее..." И вотъ эта-то любовь, не выходящая за предѣлы двухъ человѣкъ и дома, утвержденная на „имѣніи", составляла всю суть существованія описываемыхъ помѣщиковъ. И больше ничего въ ихъ жизни не было. „Встанутъ, бывало, въ восемь утра, Ариша по хозяйству исчезнетъ, а Савося временно останется одинъ въ цѣлой „анфиладѣ" комнатъ. Посидитъ онъ и походитъ, какъ вздумается... Но пройдетъ часъ, другой, и онъ уже начинаетъ просовывать голову

въ корридоръ, выглядывая, не пройдетъ ли мимо Ариша. И разумѣется поймаетъ.—Ариша! ты?—„Ахъ ты, мо-о-ой!“—Поцѣлуются и опять...“ А вечеромъ, еще восьми нѣтъ, а Савося уже—„пѣтушокъ, который къ курочкѣ подъ крылышко баиньки собрался“... И годы проходятъ, а „любовь“ все продолжаетъ торжествовать...

А хозяйство, которымъ такъ занята Ариша? а управленіе имѣніемъ? Не одна же любовь къ мужу и къ спальной занимали Аришу! по современнымъ теоріямъ минувшаго счастья при крѣпостныхъ порядкахъ, нужно предположить, что она была матерью своихъ подданныхъ, „руководительницей изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ“. Къ величайшему сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать что нибудь подобное, не находя въ описаніи Щедрина описанія именно этой плодотворной дѣятельности Арины Оконцевой, кромѣ того развѣ, что и крестьяне, и дворовые говорили про нихъ: у насъ не господа, а ангелы.

Но вотъ наступила „катастрофа“, и доказала новосвѣтскимъ помѣщикамъ уже тысячу разъ опошленное правило, гласящее: „ничто не вѣчно подъ луною“. Ариша и Савося отрясли деревенскій прахъ отъ ногъ своихъ, не умѣя примириться даже съ мыслью о томъ, что—сегодня наше, а завтра—Божье, и уѣхали въ Москву. Прахъ они дѣйствительно отрясли, но — захватили съ собою нѣчто болѣе цѣнное, именно: сто двадцать тысячъ рублей. Вотъ съ этого именно и начинаются новыя времена. Савося скоро умеръ и сейчасъ же нашелся человѣкъ, которому деньги понадобились. Аришу обстроили такъ чисто, что двухъ третей ея денежекъ — увы!—не стало. Это было простое мошенничество. Потомъ г. Рыковъ прелестью процентовъ соблазнилъ обѣднѣвшую госпожу Оконцеву—и послѣдняя треть улетучилась... Такъ сказались „новыя времена“ г-жѣ Оконцевой. И странное дѣло! характеристикой новаго времени при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается тоже любовь, или, по крайней мѣрѣ, расположеніе... но только къ деньгамъ. И это чувство, бывшее въ докатастрофныя времена въ пользу Оконцевой и противъ кого-то другого, теперь уже было прямо противъ нея и въ

пользу... мошенниковъ. Вотъ вамъ новыя и старыя времена въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, въ ихъ „прогрессѣ“...

Здѣсь мы именно и приходимъ къ общественному элементу сатиры. Откуда это торжественное шествіе негодяевъ и въ какой мѣрѣ оно споспѣшествуется новосвѣтскими помѣщиками? Оказывается, что „катастрофа“ не прошла даромъ, и поселила во всѣхъ благонамѣренныхъ обывателяхъ-рутинерахъ духъ и даръ „пророчества“. Ариша представляетъ любопытнѣйшій типъ послѣднихъ лѣтъ именно этою своею стороною. По рутинѣ не умѣя и думать о чемъ-нибудь лучшемъ тѣхъ порядковъ общественныхъ, которые, впрочемъ, такъ недурны были для нея, она поражалась всякой новизной, видѣла въ ней зло, протестовала, требовала устраненія и усмиренія, угрожая, что „еще не то будетъ“... И такъ какъ Аришами сплошь переполнена русская земля, то, естественно, „пророчества“ дѣйствовали, все, что не боялось будущаго и вѣрило въ него, устранялось, а на сцену понемножку выползали тѣ, которые ни во что не вѣрили, кромѣ эгоизма, которые все продали бы съ спокойною совѣстью и душою, которымъ потому ничего не стоило поддакивать пророчествамъ о зломъ будущемъ, а кстати ужъ и созидать его! Не польстилъ Щедринъ современности. Но кто же не согласится съ тѣмъ, что онъ говоритъ сущую правду, и кто же не видѣлъ „пророковъ“, не слышалъ „пророчествъ“, не чуялъ этого всеобщаго духа пророчествъ обуявшаго карканьемъ всю нашу родину и столь блистательно выведшаго, устранившаго изъ общества все „злое“ и оставившаго торжествовать добродѣтель въ лицѣ „оживителей“ всякихъ промышленностей...

Неново и ясно, что глупость и невѣжество, одолѣвающія міръ человѣческій, торжествуютъ во всемъ этомъ великолѣпномъ теченіи дѣлъ нашихъ, въ отчаяніе повергающихъ самый безтрепетный мыслящій умъ. Вѣдь, серьезно говоря, не глупо ли и самое расхищеніе милліоновъ, съ перспективами далеко неутѣшительнаго свойства?...

6.

Въ нашемъ обществѣ еще не выработано уваженіе къ слову, пониманіе значенія его; несмотря на факты, свидѣтельствующіе объ этомъ, мы еще недостаточно понимаемъ, что удачная характеристика извѣстныхъ идей и явленій жизни есть сила двигающая людей къ истинѣ и что, напротивъ, ложное опредѣленіе, недостаточно ясное изложеніе вещей литературою становится источникомъ удаленія отъ истины, источникомъ заблужденій, вліяющихъ на вѣка. И потому-то у насъ существуетъ постоянное пренебреженіе къ „слогу", къ языку; у насъ сдѣлалось обычнымъ мнѣніемъ, что дѣло не въ томъ, *какъ* сказано, а въ томъ, *что* сказано, и нѣтъ хоть сколько-нибудь распространеннаго пониманія, что мнѣніе это глубоко ошибочно. Конечно, для того, кто говоритъ и кто пишетъ, повидимому все равно, какъ бы онъ ни написалъ, лишь бы высказать то, что̀ наболѣло въ душѣ. Но не все равно читателю, потому что онъ вѣдь совершенно ложно можетъ понять мысль автора, можетъ понять превратно,—и стремленіе автора къ истинѣ можетъ стать источникомъ заблужденій въ умахъ тысячъ людей. Исторія человѣчества, въ связи съ исторіей языковъ, представляетъ разительные примѣры того, какъ часто смѣшеніе одинаково произносимыхъ словъ и понятій, въ нихъ лежащихъ, вело къ созданію народами легендарныхъ представленій о мірѣ и его жизни, заблужденій, ложившихся въ основу умственной жизни столѣтій. Нужно оставить это пренебреженіе къ формѣ, въ которой выражается мысль, къ языку, къ его силѣ и красотамъ, которыми увлекались не напрасно наши литературные предки.

Щедринъ обладаетъ именно этой великой тайной слова, умѣетъ съ силою и опредѣлительностью формулировать мысли и чувства той части русскаго общества, которая способна подняться до той высоты созерцанія жизни, на которой онъ самъ стоитъ.

Въ одномъ изъ „Пестрыхъ писемъ" мы попадаемъ въ сферу литературныхъ, вѣрнѣе сказать, журнальныхъ обстоя-

тельствъ. По свойству большого таланта, Щедринъ отражаетъ наиболѣе типическія стороны ихъ, развитыя временемъ. Конечно, и раньше сатиры Щедрина было извѣстно, что́ дѣлается въ сферѣ современной печати, что́ за типы журналистовъ и писателей создала она, но всѣ болѣе или менѣе извѣстныя разрозненныя явленія соединены сатирикомъ въ сложную картину, открывающую перспективы и прошлаго, и будущаго нашей литературной жизни. Грустное положеніе современной русской литературы и печати поселяетъ въ душѣ читателя отвращеніе къ той пошлости, которая заѣдаетъ и уродуетъ таланты и убиваетъ способность лучшихъ чувствъ человѣческихъ, способныхъ удержать человѣка отъ страшнаго нравственнаго паденія. Въ современной печати большею частію не „проводятся" идеи въ общество, какъ выражались прежде, а производится мелочная и оптовая торговля идеями, вращающимися въ обществѣ отъ прежнихъ временъ, и при этой торговлѣ естественно ожидать, что торгуютъ тѣмъ, на что̀ есть спросъ въ данную минуту, а завтра перемѣнятъ товаръ, съ перемѣною требованій покупателей. А покупатели? Но покупатели ищутъ не того, что̀ истинно, а того, что́ можетъ утѣшить, принарядить, создать праздничное настроеніе, вмѣсто надоѣвшихъ будней. Толпа капризна и требовательна и изъ двухъ предлагаемыхъ всегда выберетъ не то, что̀ нужно и истинно, а то, что̀ блеститъ и утѣшаетъ, что́ поддерживаетъ иллюзіи, а не разрушаетъ ихъ. И что же удивительнаго? Какое право имѣемъ мы требовать, чтобы эта масса людская, занятая заботами насущнаго хлѣба, могла въ многосложныхъ дѣлахъ міра всегда видѣть истину, могла отличать обманъ, и потому выбирала бы не то, что̀ льститъ ея инстинктамъ счастія, въ пользу истины. Не масса людская виновата; въ ней естественно всегда мало людей, могущихъ обсуждать дѣла, предлагаемыя на ея усмотрѣніе. Виноваты тѣ, кто спекулируютъ на страсти и увлеченія массъ, кто сознательно и намѣренно извращаетъ съ этою цѣлью истину.

И вотъ, руками этихъ то виноватыхъ созидаются безобразные факты, предлагаемые общественному вниманію сатирой Щедрина. Хищенія, хищенія, хищенія!—вотъ лозунгъ дня.

Естественно, въ обществѣ должно наконецъ появиться страстное, неотвратимое желаніе, чтобы прекратилось это господство хищенія, а вмѣсто него настало царство справедливости. Положимъ, ожидать такого поворота дѣлъ сразу—невозможно. Но почему же ловкому журналисту не подслужиться публикѣ, не польстить ея ожиданіямъ. И г. Подхалимовъ распубликовываетъ: „господство хищенія кончилось". Г. Подхалимовъ—„извѣстный отмѣтчикъ, корреспондентъ и публицистъ", и какъ же не вѣрить ему? А тутъ и другое доказательство. Смотритъ авторъ и глазамъ не вѣритъ: „Печатать дозволяется, цензоръ Бируковъ". „О, коли такъ, стало быть и сомнѣнья быть не можетъ"!.. Дѣло, конечно, не въ томъ, что распубликовывается тотъ или другой фактъ, завѣдомо невѣрный, а въ возникновеніи и возвеличеніи на русской литературной почвѣ страшнаго типа литературныхъ Подхалимовыхъ, тянущихъ литературу въ грязь и тину позорной торговли.

Наблюденіе надъ явленіями современной литературы, ежедневно совершающимися передъ глазами, приводитъ сатирика къ одному изъ печальнѣйшихъ заключеній. Говоря о томъ, что въ послѣднее время чаще и чаще приходится слышать жалобы на оскудѣніе русской литературы и ссылки на отвлеченіе отъ нея даровитыхъ людей адвокатурою и другими болѣе выгодными профессіями, сатирикъ нашъ видитъ въ этомъ только недоразумѣніе. „Прочитайте,—говоритъ онъ,—любое изъ подхалимовскихъ упражненій, которыя онъ съ такою легкостью изъ себя ежедневно выливаетъ, точно у него въ запасѣ неистощимая бутылка,—и вы въ каждой строкѣ найдете больше таланта, больше жизненной образности, нежели во всѣхъ „послѣднихъ пѣсняхъ" потухающихъ стариковъ. Не объ отсутствіи даровитости идетъ рѣчь, а о томъ, что Подхалимовъ съумѣлъ дать своему таланту омерзительную, гнусную, безчестную окраску"... Другими словами: сатирикъ видитъ не „оскудѣніе" русской литературы въ наше великолѣпное время, а „оподлѣніе" ея. Дозволительно принять вполнѣ или не принять мысль автора, но этотъ выводъ одного изъ значительнѣйшихъ писателей русскихъ, имѣвшаго случай видѣть близко литературныя теченія въ продолженіе

десятковъ лѣтъ, совершенно свободно можно предложить вниманію тѣхъ русскихъ „писателей“, которые обращаютъ умственную дѣятельность въ позорное ремесло, таскаемое до литературныхъ задворковъ, и проповѣдующихъ терпимость „гнусной и безчестной окраски“ подъ прикрытіемъ принципа, „свободы мнѣній“.

Но дозволительно не вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ относительно современнаго оскудѣнія русской литературы. Даже именно та самая постановка, которую даетъ вопросу сатира, уже опредѣляетъ, что непремѣнно должно быть въ извѣстномъ смыслѣ оскудѣніе и что оно должно состоять прежде всего въ неумѣніи писать, въ уменьшеніи числа людей, умѣющихъ и способныхъ сказать свое слово вѣско и опредѣленно. Если вся даровитость пошла на подхалимовскія продѣлки, то естественно ожидать въ литературѣ страшнаго ослабленія убѣжденности, содержательности, имѣнья что сказать, а затѣмъ естественно ожидать постояннаго возрастанія небрежности въ передачѣ мысли (потому что авторы и не дорожатъ ими), постепеннаго упадка языка. Всѣ эти явленія и замѣчаются въ сферѣ русской литературы, отчего бы они ни происходили.

Міръ русской жизни такъ океанически великъ и допускаетъ разсмотрѣніе его со столькихъ различныхъ точекъ зрѣнія, представляющихъ неуловимые оттѣнки, что поэтъ, беллетристъ, сатирикъ, который не нашелъ бы разнообразныхъ воодушевляющихъ его мотивовъ, засвидѣтельствовалъ бы этимъ или бѣдность таланта, или лѣность наблюденія. Сатиры Щедрина слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывнымъ рядомъ. Но каждая изъ нихъ если и не представляетъ содержанія совершенно новаго, то во всякомъ случаѣ освѣщаетъ затрогиваемыя явленія съ новыхъ сторонъ, всего чаще имѣющихъ отношеніе къ данному моменту съ его животрепещущими интересами. И потому вдумчивый читатель не утомляется постоянно вызываемыми въ немъ Щедринымъ образами все того же порядка явленій жизни, а находитъ все новыя и новыя разъясненія въ нихъ.

7.

Въ самое послѣднее время русская умственная жизнь какъ-то понизилась, интересы общественные отступили: для отдѣльнаго лица, не удовлетворяющагося личною жизнью и личнымъ теоретическимъ созерцаніемъ міра, стремящагося къ общественному дѣлу, образовалась какая-то тяжкая пустота, заполняемая страстнымъ исканіемъ идеальныхъ основаній жизни. И это, естественно, не могло не отразиться на сатирѣ Щедрина. Глухое современное существованіе, состоящее въ упорной стойкости и постоянствѣ пустоты, въ господствѣ мелкихъ, но раздутыхъ интересовъ, слишкомъ однообразно, чтобы вызывать въ душѣ писателя опредѣленныя, стройно направленныя къ совершенно ясной жизненной цѣли, стремленія. Поневолѣ взоры разбѣгаются по мелкимъ и ничтожнымъ подробностямъ жизни, сильнымъ только своею подавляющею, непреодолимою массою, но безсильнымъ противъ перваго дуновенія сѣвернаго вѣтра, который разнесетъ ихъ и уничтожитъ, несмотря на массу, на количество. И въ распоряженіе людей, во времена, подобныя настоящему, снова вступаютъ стремленія теоретическія, идеальныя, логическія построенія, желаніе какъ-нибудь помѣститься подальше отъ дѣйствительности съ ея грязью и паразитами, возбуждающими тѣмъ бо̀льшее отвращеніе, чѣмъ тучнѣе они. Но для людей, ведшихъ продолжительную борьбу за будущее еще въ недавнее время, существуютъ яркіе отголоски прожитаго, для нихъ все еще полно близкими воспоминаніями, и имъ невозможно отрѣшиться отъ интересовъ своего прошлаго. Понятно, что въ литературѣ нашего времени на сценѣ все еще старые мотивы, хотя жизнь вытѣсняетъ ихъ медленно, но послѣдовательно и вѣрно. Литература—все еще тѣсно связана съ непосредственнымъ прошлымъ, которое далеко не похоже на настоящее. Даже болѣе, литература обращаетъ свои взоры къ давнему прошлому, какъ бы тамъ ища отвѣтовъ на вопросы настоящаго дня. Въ этомъ обращеніи къ прошлому есть утѣшительныя черты серьезной мысли и безпристрастнаго сужденія.

Не слѣдуетъ забывать, что прошлое совсѣмъ не такъ далеко отъ настоящаго, какъ это можетъ казаться; по крайней мѣрѣ есть для того и другого общія причины, анализируя которыя въ ихъ прошлыхъ проявленіяхъ, не особенно удаляешься отъ настоящаго. Сатиры Щедрина, всегда захватывающія коренныя явленія, центры жизни, должны обязательно относиться именно къ такимъ произведеніямъ, которыя, говоря о прошломъ, будутъ характеризовать настоящее. И слѣдовательно, въ отношеніяхъ ко всему, что мы разъясняли выше, сатиры Щедрина являются тѣмъ, чѣмъ всякое художественное произведеніе сильнаго таланта всегда будетъ для читателей и прошлаго, и настоящаго, и будущаго—молотомъ, всегда бьющимъ въ цѣль коренныхъ явленій жизни, будетъ ли она поставлена близко или далеко, въ вопросѣ ли минуты, или въ роковомъ и вѣковѣчномъ вопросѣ: „что́ есть человѣкъ?“

Одно изъ „Пестрыхъ Писемъ“ ставитъ читателя среди старинныхъ персонажей щедринской сатиры—помпадуровъ, не въ авантажѣ обрѣтающихся и занимающихся воспоминаніями о прошломъ величіи своемъ. Такимъ образомъ, сатира косвенно отвѣчаетъ на вздохи и чаянія, обращенныя нынѣ къ прошлому и существовавшимъ въ немъ устоямъ жизни. Но главное въ ней, ея суть, ея неоспоримая мораль и философія—въ самыхъ персонажахъ помпадуровъ не въ авантажѣ. Мы, читатели изъ родной и автору и этимъ персонажамъ среды, не можемъ—не одумавшись, по крайней мѣрѣ—правильно оцѣнить съ первыхъ же моментовъ всю характеристичность сатирическихъ образовъ Щедрина. Когда намъ представляютъ въ картинахъ дикій бытъ, дикую жизнь и дикія формы мыслей какого-нибудь папуасскаго племени, мы изумляемся и негодуемъ, но если съ совершенно художественной полнотой изобразить папуасовъ имъ самимъ, этимъ зрителямъ все покажется и законнымъ, и естественнымъ. То же самое правило существуетъ вполнѣ и безъапелляціонно для не однихъ только великолѣпныхъ представителей русско-помпадурской „цивилизаціи“, а и для всего человѣчества. И если какого-нибудь персіянина заставить проѣхаться по Европѣ, какъ это сдѣлалъ въ своихъ знаменитыхъ письмахъ Монтенсьё, гла-

замъ его представится пестрая картина удивительныхъ безобразій и безсмыслія, для самихъ участниковъ ихъ почти нечувствительныхъ. Судить произведенія Щедрина можно главнѣйшимъ образомъ именно съ этой точки зрѣнія. Сатирикъ вѣренъ сатирическимъ чертамъ нашего общества и времени необычайно; но все необычайное безобразіе этихъ чертъ можетъ ускользнуть отъ привычнаго къ нимъ взгляда русскаго человѣка.

Пусть чуждый нашей жизни иностранецъ узнаетъ изъ сатиры Щедрина, что главное въ воспоминаніяхъ бывшихъ „помпадуровъ", центръ ихъ мечты о достигнутыхъ ими результатахъ, выражается въ слѣдующемъ, напримѣръ, разговорѣ, заставляющемъ млѣть присутствующихъ.

„Лукерья Ивановна разсказывала, какъ она однажды въ Москву изъ „своей" губерніи ѣздила. Сначала по своей губерніи ѣхали — ну, натурально... „Тише, сумасшедшіе, тише! куда вы, сломя голову, летите!"... Не безпокойтесь, ваше превосходительство, мы въ отвѣтѣ! — Ну, коли такъ, Богъ съ вами, поѣзжайте"... и т. д.—„Да, были лошади! были!—отозвался генералъ Краснощековъ,—и лошади были, и колокольчики были, и ѣзда была, и ямщики были! Все было!"... Онъ на мгновеніе поникъ головой и многозначительной густой октавой проговорилъ: „И страхъ былъ!"..."

Авторъ, выслушавшій рядъ подобныхъ воспоминаній и сѣтованій на настоящее, узнаетъ „главныя основанія, на которыхъ зиждилась дореформенная губернаторская власть. А именно: страхъ, быстрая ѣзда на почтовыхъ, поддержаніе въ обществѣ единодушія, при содѣйствіи пикниковъ, и пожары. И все шло прекрасно"...

Скажите, какой персіянинъ и какой папуасъ не былъ бы пораженъ этимъ изумительнымъ направленіемъ власти, которую представляетъ намъ сатирикъ. И если справедливо предположить, что этимъ не исчерпывается все содержаніе принциповъ власти въ прошломъ, то и оно способно поселить во всякой живой душѣ грустнѣйшія мысли на счетъ тщеты жизни человѣческой.

8.

Щедринъ присоединяетъ къ созданнымъ имъ сатирическимъ изображеніямъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые именемъ общественнаго блага прикрываютъ своекорыстныя побужденія, еще одно новое лицо, характеризующее и наше прошлое, и наше настоящее. Всматриваясь въ этотъ характеръ, вскрываемый сатирическимъ скальпелемъ автора, вы находите его первенствующую, характернѣйшую и поражающую черту въ томъ, что это — общественный дѣятель только временъ смутныхъ, тѣхъ, когда появляется въ обществѣ приливъ мутной воды, въ которой легко ловить рыбу. Таковъ именно Захаръ Иванычъ Стрѣловъ. Этотъ „общественный дѣятель" которому, чтобы „дѣйствовать", необходимы умственная неустойчивость и недоразумѣнія въ обществѣ, является въ сатирѣ то исчезающимъ съ общественной арены, то вновь приходящимъ на нее, смотря по измѣняющимся обстоятельствамъ. И судьба его, его карьера, представляетъ въ этомъ смыслѣ любопытнѣйшій эпизодъ, отражающій теченіе русской жизни.

„Если бы не одно дѣльце, да дядя Захаръ Иванычъ вòвремя удержался, то былъ бы онъ воротилою, наравнѣ съ прочими". Но онъ не „остерегся" и воротилою не вышелъ. Въ качествѣ инженера онъ рылъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ канавы въ Шлюшинѣ. „Хищникомъ, въ современномъ значеніи этого слова, онъ не былъ, — въ то время люди были для этого слишкомъ безхитростны, — но взятки бралъ болѣе чѣмъ охотно и въ казнѣ черпалъ неукоснительно". Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже штабсъ-капитанъ и „почувствовалъ у себя въ карманѣ такія деньги, что хоть подполковнику не стыдно". Въ то время началъ ходить слухъ, что Петербургъ намѣреваются соединить съ Москвой желѣзнымъ путемъ, и Захаръ Иванычъ принялъ мѣры, чтобы „очутиться въ самомъ сердцѣ желѣзнодорожныхъ вожделѣній". Таково начало его карьеры. Въ сатирѣ Щедрина по обыкновенію мѣткими, хотя и краткими чертами заклеймлена личность этого мелкаго плута на его пути стяжанія, который не былъ, разумѣется, скуденъ поводами для униженій въ самомъ пря-

момъ смыслѣ этого слова. И это описаніе заставляетъ читателя въ одно и то же время смѣяться и скорбѣть надъ извращеніемъ и униженіемъ души человѣческой, яркій примѣръ которыхъ представляетъ любостяжательный и мелкій герой нашъ.

Но тутъ-то, въ самомъ сердцѣ желѣзнодорожныхъ вожделѣній, и ждала маіора Стрѣлова напастъ. Дорога велась по ровному мѣсту, а онъ рапортовалъ, что срылъ гору; на его несчастіе, мѣсто это было хорошо знакомо, потому рапортъ его произвелъ изумленіе. Дѣло могло кончиться дурно, но „начальство вспомнило прежнія заслуги маіора (онъ нѣсколько такихъ горъ срылъ)—и онъ отдѣлался отставкой".—„И чортъ меня попуталъ,—жаловался маіоръ, раскладывая пасьянсъ;—въ другомъ мѣстѣ двѣ горы могъ бы срыть, а тутъ изъ за одной горушки пропадаю!" Но дѣлать было нечего, и онъ совсѣмъ бы погибъ въ неизвѣстности, если бы на помощь къ нему не подоспѣли „вѣянія". „Что такое вѣяніе"? спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ такъ: „это—одно изъ выраженій той паскудной терминологіи, которая получила у насъ право гражданственности тридцать лѣтъ тому назадъ. Означаетъ оно: вотъ что нужно дѣлать, чтобы какъ можно больше напакостить. Вся эта терминологія есть плодъ личной алчности и совершеннаго отсутствія представленій объ интересѣ общественномъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни объ отечествѣ, ни о согражданахъ, ни объ общемъ благѣ. Одна обнаженная алчность—только и всего. Такихъ вѣяній въ нашемъ обществѣ было много, но я намѣчу лишь главнѣйшія. Во-первыхъ, вѣяніе радостныхъ ожиданій; во-вторыхъ, вѣяніе горестныхъ утратъ; въ третьихъ, вѣяніе хищничества; въ четвертыхъ, вѣяніе сапоговъ въ смятку, и наконецъ"...

Благодаря этимъ-то вѣяніямъ, дядѣ Захару Иванычу суждено было вынырнуть со „дна рѣки забвенія", въ которую онъ былъ погруженъ обстоятельствами. Въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ воздержанія, онъ посѣтилъ Петербургъ въ эпоху радостныхъ ожиданій, когда, „наконецъ, Подхалимовъ открылъ эпоху упраздненія хищничества и торжества покаянія". Но эта эпоха оказалась однакоже неудобною для Захара Иваныча. Его спросили, послѣ большихъ успѣховъ съ его стороны: это вы срыли гору на ровномъ мѣстѣ?—И дядѣ

оставалось только стукнуть каблуками и отретироваться. Прошло нѣсколько лѣтъ, и „герой“ снова появляется въ Петербургѣ. „Ахъ, какое это было время! Мрачное, наполненное привидѣніями и какимъ-то удушливымъ безмолвіемъ. Улицы были почти пусты. Немногіе встрѣчавшіеся люди смотрѣли испуганно!“... Дядѣ Захару Иванычу нашлось дѣло, именно: „поступать, какъ слѣдуетъ всякому сыну отечества поступать“. Но и тутъ не повезло ему, и онъ снова удалился въ свой Муромъ. „Въ самый разгаръ желѣзнодорожной схватки“ онъ опоздалъ. Ему сказали: „Проектъ твой превосходный... но наше казначейство такъ скудно средствами...“ Въ настоящее время дядя Захаръ „служитъ предводителемъ, извѣстенъ, какъ человѣкъ, который держитъ свое знамя твердо и грозно, и слухи о его благонамѣренномъ нахальствѣ доходили даже до Петербурга“, и теперь „приглашенъ“ по случаю своего проекта обновленія, озаглавленнаго: „Время не терпитъ!!“ Теперь уже никто бы не поставилъ нашему герою въ упрекъ его прошлое. Нашелся, правда, завистникъ, который шепнулъ кому слѣдуетъ, но ему отвѣчали съ неудовольствіемъ: „Всѣ въ свое время горы рыли! то было время, а теперь—другое; господинъ Стрѣловъ понялъ это лучше, нежели кто нибудь, и конечно“... Собственно ничего особеннаго съ проектомъ Захара Иваныча не произошло, онъ просто „пріобщенъ къ числу прочихъ“, но автору его „жизнь снова улыбнулась, какъ въ эпоху ранней молодости“.

Таковъ основной фонъ сатиры. На немъ съ бо́льшею подробностью отмѣченъ характеръ тѣхъ „вѣяній“, которыя привлекли дядю Захара. Эпоху вѣянія радостныхъ надеждъ сатирикъ опредѣляетъ такъ: „Тогда говорили: земля наша обильна: и на поверхности, и въ нѣдрахъ—всего у насъ довольно, и для себя, и для Европы. Европа гніетъ и переживаетъ себя, а мы возрождаемся. До сихъ поръ мы жили какъ слѣпые, по милости крѣпостнаго права, а теперь вольный трудъ всѣ наши богатства откроетъ“... Хорошее это было время, свѣтлое, хотя, какъ потомъ оказалось, не особенно умное“,—заключаетъ авторъ. Но кто же могъ думать, что изъ всѣхъ этихъ чаяній ничего не выйдетъ путнаго,

кромѣ переворачиванія давно истлѣвшаго хлама?“ Слѣдующія затѣмъ „вѣянія“ представляются уже именно этимъ „переворачиваніемъ давно истлѣвшаго хлама“, торжествомъ, подъ разными благовидными предлогами, все тѣхъ же свойствъ нашей общественности, которыя и прежде благоденствовали, только въ другихъ формахъ, въ другомъ видѣ. Люди, оставаясь тѣми же, съумѣли приноровить къ себѣ новыя формы жизни и сами къ нимъ приноровиться такимъ образомъ, что сущность отношеній измѣнилась мало, и „вѣяніе ожиданій, смѣнившееся вѣяніемъ горестныхъ утратъ, перешло, наконецъ, въ вѣяніе сапоговъ въ смятку“...

Конечно, сатира, какъ всякая сатира, облекая въ формы художественныхъ образовъ крайнія явленія жизни и нисколько не претендуя исчерпать жизнь во всей ея цѣлости, дѣлаетъ только то опредѣленное дѣло, что призываетъ мыслить, критически отнестись къ окружающей жизни. Всегда будя мысль въ извѣстномъ направленіи, сатира не даетъ оставлять явленія жизни необсужденными; она приглашаетъ не слишкомъ довѣрчиво относиться къ успокоительнымъ фразамъ о нашемъ движеніи впередъ, о нашихъ завоеваніяхъ въ области мысли и общественности, не даетъ заснуть надъ этими фразами, ставя передъ умственными очами общества идеалы и указывая на противорѣчія имъ. Сила и значеніе сатиръ Щедрина неоспоримо зиждется на томъ, между прочимъ, что идеалы эти—простые общечеловѣческіе идеалы осмысленности и честности человѣческихъ отношеній; ихъ онъ требуетъ отъ человѣка прежде всего, не выдвигая ничего, что̀ не было бы строго обязательно, и осмѣивая то, что̀ поистинѣ достойно осмѣянія и позора. И потому онъ для всѣхъ убѣдителенъ, когда, раскрывая общественное зло, онъ протестуетъ противъ него во имя общаго блага.

9.

Въ дальнѣйшемъ развитіи сатиры сатирикъ создаетъ новый типъ корыстнаго предателя, для котораго маска измѣняемыхъ подъ вліяніемъ времени убѣжденій служитъ лишь удобнымъ средствомъ къ достиженію личныхъ цѣлей, ничего общаго

не имѣющихъ ни съ общественнымъ благомъ, ни съ убѣжденіями. Это предатели иной среды, новая разновидность ихъ. Сатирикъ стремится объединить этотъ типъ, возвести его къ одному общему принципу и въ этомъ найти полное объясненіе его нравственной и общественной роли. „Въ пестрыхъ письмахъ было бы не натурально не упомянуть о пестрыхъ людяхъ, заполонившихъ въ настоящее время вселенную“, говоритъ онъ, и въ этомъ имени „пестрыхъ“ людей хочетъ дать общую — не обвинительную, а только объясняющую — характеристику.

„Пестрое время, пестрые люди. Оттого и жить трудно стало; не на кого положиться, не во что вѣрить; вездѣ шатаніе, пустодушіе, пестрота. Чего не ждешь, то именно и случится; отъ кого не чаешь — тотъ именно и стукнетъ тебя по темени. Дурное, спутанное время. Проворовались людишки, остатки совѣсти потеряли“... Такъ опредѣляетъ сатирикъ результаты того, что вселенная заполнена нынѣ пестрыми людьми. Но невольно является вопросъ: неужели же въ русской землѣ такъ много оскудѣнія честной мысли и честныхъ дѣлъ, что сплошною полосою проходитъ въ ней сознательная и намѣренная ложь? Сатирикъ, съ своею обычною гуманною мыслью, очевидно, не могъ и допустить такого остраго, безнадежно пессимистическаго вывода, и даетъ опредѣленное объясненіе тѣмъ сѣтованіямъ на общество, на публику, которыя были въ послѣднее время такъ часты въ устахъ его. Не столько плохъ человѣкъ, сколько слабъ передъ давленіемъ обстоятельствъ, въ которыхъ слагается жизнь общества въ данный моментъ—таково окончательное заключеніе, которое сквозитъ изъ горькихъ, полныхъ упрека, строкъ сатиры. Гораздо болѣе жалокъ, чѣмъ преступенъ человѣкъ, взятый вообще, — такова гуманная сторона мысли писателя, всегда стоявшаго на стражѣ гуманности.

Конечно, само собою разумѣется, въ обществѣ существуютъ люди, къ которымъ не примѣняется въ полной мѣрѣ это гуманное воззрѣніе, которые сознательно идутъ къ безнравственнымъ цѣлямъ и которые именно и создаютъ ту душную атмосферу, гдѣ такъ легко возникаютъ „шатаніе“ и нрав-

ственная неустойчивость; но большинство сатирикъ относитъ къ тѣмъ, которые, слабые умомъ и волею, являются жертвами, получающими въ этой душной атмосферѣ нравственное искалѣченіе. Сообразно съ этимъ, сатирикъ дѣлитъ своихъ „пестрыхъ“ людей на три категоріи. Общій признакъ ихъ тотъ, „что „совѣсть свою они до дыръ износили, а взамѣнъ совѣсти выросло у нихъ во рту по два языка, и оба лгутъ по очереди, а иногда—это еще постыднѣе—оба заразъ“; но затѣмъ между ними существуютъ и огромныя различія. Первая категорія состоитъ изъ тѣхъ „которые сами себѣ выработали пестрое сердце и пестрый умъ и преднамѣренно освободили себя отъ всѣхъ стѣсненій совѣсти. Это коноводы и зачинщики. Они пишутъ передовыя статьи, шныряютъ по улицамъ, забираются въ публичныя мѣста... И въ либеральномъ смыслѣ каркаютъ, и въ ежево-рукавичномъ“... Это — „первообразъ“ пестрыхъ людей. Но за ними, за этими коноводами и зачинщиками, „остальныя двѣ категоріи составляютъ только „естественный и неизбѣжный придатокъ“. Есть люди, которые, по выраженію сатирика,—„пестрятъ“ ради шкурнаго спасенія; ихъ авторъ считаетъ просто несчастными. „Собственно говоря, ихъ даже нельзя причислить къ категоріи пестрыхъ людей,—замѣчаетъ онъ,—это не пестрота, а истязаніе, вымученный отвѣтъ на допросъ съ пристрастіемъ. Ужасно несчастные эти люди“. Наконецъ, третій сортъ пестрыхъ людей—тѣ, „которымъ фея жизни, при рожденіи, пестрое ремесло, въ видѣ дара, въ колыбель положила. Таковы, напр., всѣ Молчалины“. Это — люди, несознающіе ни своей „пестроты“, ни ея нравственнаго ничтожества и вреда для общества, и „большинство ихъ такъ и умираетъ, недогадавшись“ объ этомъ. „Жалко этихъ людей, со стороны глядя,—говоритъ сатирикъ,—но сами они неудобства такого существованія не сознаютъ. Они обязательно принимаютъ пестроту къ исполненію и, исполнивъ, что по программѣ слѣдуетъ, обязательно же сдаютъ свою работу другимъ безсознательно пестрымъ людямъ, а сами исчезаютъ въ могилѣ“.

Чтобъ понять все общественное значеніе пестрыхъ, преимущественно *сознательно* пестрыхъ, людей, лучше всего

остановиться на конкретномъ примѣрѣ. Такой примѣръ даетъ самъ сатирикъ и мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ, какъ краснорѣчиво говорящій самъ за себя.

„Я помню, — говоритъ авторъ, — время, когда впервые народилась идея хожденія въ народъ. Въ основѣ этой идеи лежала отнюдь не пропаганда „науки преступленій", какъ ябедничали тогда взбудораженные и еще полные жизненности крѣпостники (да не живы ли они и теперь?), а внесеніе луча свѣта въ омертвѣлыя массы, подъемъ народнаго духа... Разскажите эпизоды этой печальной исторіи и подробности возбужденной ею паники любому культурному нѣмцу, — и вы увидите на его лицѣ только недоумѣніе. Онъ вспомнитъ свою добрую молодость, вспомнитъ, какъ онъ, цѣлымъ обществомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исходилъ пѣшкомъ всѣ уголки Германіи, посѣтилъ ея горы и долины, изучая родную страну и входя въ непосредственное общеніе съ ея народомъ. И непремѣнно скажетъ, что все это послужило къ пользѣ народной, къ поднятію общаго уровня народнаго самосознанія и къ освѣженію самой культурной среды".

Выше сказано, что сатирикъ изображаетъ въ своемъ письмѣ между прочимъ новую разновидность типа „пестрыхъ" людей. И, конечно, его вниманіе должно было остановиться не на тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ двоязычіе есть истязаніе, и не на тѣхъ, кто безсознательно совершаетъ свое пестрое дѣло, а на „первообразѣ", по его выраженію, который преимущественно и можетъ служить объектомъ сатирическаго отношенія. Скорняковъ, — такъ авторъ называетъ своего героя, — вполнѣ характеризуется тѣмъ, что онъ „и поборникомъ ежевой рукавицы былъ, и либераломъ, и западникомъ, и народникомъ, даже „сицилистомъ", какъ теперь говорятъ". Всѣ направленія, всѣ убѣжденія, всѣ „вѣянія" — имѣли для него значеніе лишь постольку, поскольку они служили его личнымъ цѣлямъ. Разсказывая судьбу этого представителя предательства, авторъ, какъ всегда, даетъ мѣткія характеристики нашего общества. Но существенный смыслъ этого лица и окружающаго его общества въ вопросѣ не о томъ, какъ могутъ существовать подобные люди, — гдѣ же

ихъ нѣтъ!—а о томъ лишь, какъ возможно, чтобы Скорняковы играли въ обществѣ ту роль, которая достается имъ. Въ этомъ, собственно, главная тягостная сторона картины, изображаемой авторомъ. Страшно не то, что зло существуетъ, а что оно становится двигателемъ жизни, превращающимъ въ зло и тѣ безразличные элементы двухъ послѣднихъ категорій пестрыхъ людей, которые, при торжествѣ добра и правды, были бы на сторонѣ ихъ, хотя и безъ всякой способности иниціативы, служили бы ихъ цѣлямъ, ихъ еще бо̀льшему торжеству въ обществѣ.

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА.

1.

Сатирическіе очерки Щедрина—„Пошехонская старина, Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго", представляютъ собою новое доказательство необыкновенной разносторонности таланта знаменитаго русскаго сатирика. Помнится, въ концѣ шестидесятыхъ или въ началѣ семидесятыхъ годовъ, по поводу сатиръ Щедрина появилась статья, озаглавленная словами: „Свѣжая струя въ русской литературѣ". Съ тѣхъ поръ прошли долгіе годы и въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ почти каждое новое произведеніе знаменитаго сатирика вносило новую, все новую струю. Несказанно было почти удивленіе многихъ, когда появилась въ печати знаменитая исторія „Господъ Головлевыхъ", съ точно изъ бронзы вылитою статуею Іудушки,—исторія, столь несходная по манерѣ изложенія съ предшествовавшими произведеніями ея автора. И тогда говорилось, что Щедринъ—истинный художникъ, не укладывающійся въ рамки опредѣленія „сатирика", что Іудушка Головлевъ—изумительный художественно-созданный типъ, который одинъ способенъ былъ бы дать автору мѣсто и вѣчное значеніе въ русской литературѣ, если бы Щедринъ больше ничего въ своей жизни

не написалъ. Появленіе „Сказокъ“ вновь дало поводъ къ толкамъ о томъ, что знаменитый сатирикъ обнаруживаетъ все новыя и новыя стороны таланта, которому остается присущею вся свѣжесть и сила молодости. И враги, и недруги автора, наравнѣ съ друзьями и поклонниками его, единогласно признали за „Сказками“ столь большое значеніе, что сравнивали ихъ съ вѣчно знаменитыми произведеніями Свифта. Проходятъ новые годы, а новыя произведенія Щедрина вновь вызываютъ представленіе о еще нетронутыхъ силахъ авторскаго вдохновенія, способныхъ дать оригинальнѣйшія произведенія, которыхъ ни формы, ни содержанія предугадать невозможно.

„Пошехонская старина“ принадлежитъ именно къ такимъ произведеніямъ автора, которыя, при всей своей связи съ предшествовавшими, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются оригинальнѣйшими сторонами и особенностями. Между сатирами, написанными Щедринымъ, есть и такія, которыя бичуютъ исключительно смѣхомъ, и такія, которыя налагаютъ клеймо позора; есть и чисто лирическіе негодующіе порывы, и слезы даже не сквозь смѣхъ, и смѣхъ совсѣмъ не сквозь слезы; есть сатиры, запечатлѣнныя такою субъективностью, что автора невозможно бы, кажется, и представить себѣ съ бо̀льшей или меньшей объективностью описывающаго явленія окружающей жизни. А между тѣмъ „Пошехонская старина“ съ перваго же взгляда поражаетъ такимъ почти объективнымъ описаніемъ ушедшаго въ вѣчность помѣщичьяго быта, что это описаніе возможно сопоставлять съ картиной помѣщичьей жизни въ „Снѣ Обломова“ Гончарова,—писателя, какъ извѣстно, зачисляемаго въ разрядъ по преимуществу объективныхъ.

Въ первыхъ главахъ „Пошехонской старины“ Щедринъ рисуетъ важнѣйшія стороны семейной жизни нашего, еще далеко не давнопрошедшаго времени. Полны и рѣзки эти характеристики, авторъ дѣлаетъ ихъ не съ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ онѣ сдѣланы, напримѣръ, въ „снѣ Обломова“, а съ сдержаннымъ негодованіемъ. Изображая быть, создававшійся на почвѣ крѣпостнаго права, авторъ говоритъ: „Съ недоумѣніемъ

спрашиваешь себя: какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни откуда не защищеннаго существованія? и къ удивленію, отвѣчаешь: однакожъ, жили! И что всего удивительнѣе, объ руку съ этимъ сплошнымъ мучительствомъ шло и такъ-называемое пошехонское „раздолье", къ которому и понынѣ не безъ тихой грусти обращаютъ свои взоры старички". Но, характеризуя такъ прошлое, авторъ не преминулъ замѣтить, что хотя крѣпостное право и снесли на погостъ, но что на могилѣ для нашихъ временъ „выросло нѣчто—не особенно важное". „Ибо,—говоритъ авторъ,—хотя старая злоба дня и исчезла, но нѣкоторые признаки убѣждаютъ, что, издыхая, она отравила своимъ ядомъ новую злобу дня, и что, несмотря на измѣнившіяся формы общественныхъ отношеній, сущность ихъ остается нетронутою".

Но, Боже мой!—какія печальныя картины жизни встаютъ передъ читателемъ въ изображеніи этого прошлаго, отравившаго своимъ ядомъ и настоящее. Даже чисто физическое воспитаніе, кормленіе, вошедшее въ славу задолго до олицетворенія настоящей русской дворянской маменьки въ госпожѣ Простаковой,—даже физическое воспитаніе, какъ оно изображается авторомъ, должно было дѣйствовать убивающимъ образомъ на развитіе и физическое, и нравственное. Описаніе выходитъ до такой степени поражающе, что самъ же авторъ предвидитъ возможность, естественность возраженія. „Но вы описываете не дѣйствительность, а какой-то вымышленный адъ!—могутъ сказать мнѣ (говоритъ авторъ). Что описываемое мною похоже на адъ—объ этомъ я не спорю;но въ то же время утверждаю, что этотъ адъ не вымышленъ мною. Это „пошехонская старина"—и ничего больше. И, воспроизводя ее, я могу, положа руку на сердце, подписаться: съ подлиннымъ вѣрно".

Картины воспитанія „нравственнаго" производятъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе. Семейная разладица, раздѣленіе дѣтей на любимыхъ и постылыхъ, раннія мечты дѣтей о томъ, кому что останется отъ маменьки,—все

это въ зловѣщихъ очертаніяхъ проходитъ передъ читателемъ. И невольно встаетъ передъ нимъ вопросъ: да какъ же въ самомъ дѣлѣ возможно жить, не имѣя въ воспоминаніяхъ даже о дѣтствѣ, объ этой наибольше безгрѣшной и чистой порѣ существованія, ничего, кромѣ ужасовъ безчеловѣчія? Неужели-же, наконецъ, мать-природа, чувство которой прирождено человѣку, не смягчала, не скрашивала этихъ гнетущихъ впечатлѣній. Но сатирикъ предусмотрѣлъ и этотъ вопросъ; и вотъ что онъ пишетъ о вліяніи на душу ребенка природы въ „Пошехонской старинѣ". „Бываютъ счастливыя дѣти,—говоритъ онъ,—которыя съ пеленокъ ощущаютъ на себѣ прикосновеніе тѣхъ безконечно-разнообразныхъ сокровищъ, которыя мать-природа на всякомъ мѣстѣ расточаетъ передъ каждымъ, имѣющимъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать... Что касается до насъ, то мы знакомились съ природою случайно и урывками—только во время переѣздовъ на долгихъ въ Москву или изъ одного имѣнія въ другое. Остальное время все кругомъ насъ было темно и безмолвно"... И это дѣйствительное ужасное, ненормальное и бѣдное впечатлѣніями существованіе авторъ признаетъ типическимъ общимъ для „пошехонской старины".

Въ примѣчаніи къ самому началу очерковъ онъ говоритъ: „Прошу читателя не принимать Пошехонья буквально. Я разумѣю подъ этимъ названіемъ вообще мѣстность, аборигены которой, по мѣткому выраженію русскихъ присловій, въ трехъ соснахъ заблудиться способны. Прошу также не смѣшивать мою личность съ личностью Затрапезнаго, отъ имени котораго ведется разсказъ,—автобіографическаго элемента въ моемъ настоящемъ трудѣ очень мало: онъ представляетъ собой просто-напросто сводъ жизненныхъ наблюденій, гдѣ чужое перемѣшано съ своимъ, а въ то же время дано мѣсто и вымыслу". Это примѣчаніе даетъ опредѣленныя границы для времени и мѣста пошехонской старины; и тѣмъ не менѣе, такъ какъ Пошехонье сатирикаесть отраженіе дѣлъ и порядковъ прошлаго, общихъ для всѣхъ мѣстъ нашей родины, такъ какъ повсюду въ ней въ большей или меньшей степени примѣнялись пошехонскіе уставы и обычаи, то и ха-

рактеристики автора, характеристики сатирическія, т. е. имѣющія въ виду отрицательныя стороны жизни, примѣнимы также повсюду, но въ большей или меньшой степени. И тамъ, гдѣ кичились своимъ европейскимъ просвѣщеніемъ, гдѣ-нибудь въ домѣ Ласунской (въ „Рудинѣ“ Тургенева), торжествовало все то же Пошехонье, лишь подъ другой окраской.

2.

Глава „Пошехонской старины“ — „День въ помѣщичьей усадьбѣ“, представляетъ детальное изображеніе того, какъ жили и чѣмъ жили, какими умственными и нравственными интересами руководились типическіе представители уѣздной глуши помѣщичьей,—изображеніе настолько объективное, что его смѣло можно ставить рядомъ какъ со „Сномъ Обломова“, такъ и съ „Дѣтствомъ и отрочествомъ“ гр. Л. Толстого. Правда, въ „Пошехонской старинѣ“ группируются все больше темныя краски, темныя черты быта, не оставляющія просвѣтовъ и вызывающія изъ души автора болѣзненный крикъ: „Кто повѣритъ, что было время, когда вся эта смѣсь алчности, лжи, произвола и безсмысленной жестокости, съ одной стороны, и придавленности, доведенной до поруганія человѣческаго образа, съ другой, называлась... жизнью?!“ Но вѣдь и въ „Снѣ Обломова“ мы находимъ почти только однѣ отрицательныя стороны быта, потому что положительныхъ-то сторонъ, которыя подходили бы подъ идеалы автора „Обломова“, почти и не было въ этомъ бытѣ. Точно также и въ „Пошеховской старинѣ“. Нельзя не помнить того обстоятельства, что какъ ни много въ нашей жизни еще преданій этой старины, все же въ своихъ основахъ старина—дѣло прошлое, и автору естественно было отнестись къ ней безъ той горечи, безъ той степени горечи, хотѣли мы сказать, которую вызывало бы настоящее; и потому авторъ объективнѣе относится къ ней, сохраняя только тихую горечь воспоминаній.

Какая поучительная картина получается изъ этого подробнаго анализа столь недавняго прошлаго нашей жизни! Авторъ искусно вскрываетъ передъ вами сокровенные,—впро-

чемъ, и не очень даже сокровенные—мотивы, движущіе той жизнью. Вы видите, какъ тяжелая и душная атмосфера одуряющаго эгоизма, съ одной стороны, и безотвѣтной приниженности—съ другой, развращаетъ все, что входитъ въ нее, или даже соприкасается съ ней. Передъ подростающимъ поколѣніемъ проходятъ угрюмой чередой тягостнѣйшія явленія, но оно давно привыкло къ нимъ и смотритъ на все окружающее и на задачи своей жизни совсѣмъ съ неожиданной стороны. Вотъ передъ нимъ день, начинающійся пощечинами, раздаваемыми мамашей въ дѣвичьей, продолжающійся пощечинами за съѣденныя двѣ-три горсти малины и оканчивающійся тяжелою сценою поимки бѣглаго солдата.

Сцена, на которую дѣтки смотрятъ изъ оконъ дѣвичьей, ужасна. „Солдатъ изможденъ и озлобленъ (окруженный толпою приведшихъ его въ господскому крыльцу крестьянъ и связанный). На немъ пестрядинные, до клочьевъ истрепанные портки и почти истлѣвшая рубаха, изъ-за которой виднѣется черное, какъ голенище, тѣло. Блѣдное лицо блеститъ крупными каплями пота; впалые глаза безпокойно бѣгаютъ; связанныя сзади въ локтяхъ руки безсильно сжимаются въ кулаки. Онъ идетъ, понуждаемый толчками, и кричитъ: Я казенный человѣкъ—не смѣете вы меня бить!.. Я самъ, коли захочу, до начальства дойду... Не смѣете вы! И безъ васъ есть кому меня бить!!!“ Но этотъ преступный, а еще болѣе несчастный человѣкъ, вызываетъ не состраданіе къ себѣ, а издѣвательство со стороны барыни. Объ озлобленныхъ крестьянахъ, потерявшихъ на поимку его дорогой лѣтній рабочій день, ужъ и говорить нечего, хотя они все-таки человѣчнѣе относятся къ нему. Храбрящійся сначала солдатъ въ концѣ-концовъ, падая духомъ, падаетъ и тѣломъ къ ногамъ помѣщицы: „Матушка ты моя, заступница!—не кричитъ, а какъ-то безобразно мычитъ онъ, рухнувшись на колѣни,—смилуйся ты надъ солдатомъ! Вѣдь я... вѣдь мнѣ... ахъ, Господи! да чтожъ это будетъ! Матушка, да ты посмотри! Ты на спину-то мою посмотри (онъ уже прогнанъ былъ сквозь строй)! вотъ онѣ, скулы-то мои... Ахъ, ты, Господи милосливый!“—Но помѣщица резонно и холодно читаетъ ему насмѣшливыя на-

ставленія и приказываетъ забить въ колодки, и дѣтскіе голоса раздаются изъ оконъ дѣвичьей: „Колодки, колодки забиваютъ!“—въ то время какъ маменька ихъ говоритъ: „Ишь печальникъ нашелся! ужъ не на всѣ ли четыре стороны тебя отпустить!...“

Идутъ дѣтки по деревнѣ,—и съ каждой избой у нихъ связывается жестокое воспоминаніе. Одинъ разоренъ по милости каприза барыни; другая, неволею отданная изъ горничныхъ замужъ за бѣдняка, на ироническій вопросъ дѣтокъ: хорошо ли ей жить,—отвѣчаетъ: „Ничего, буду-таки за вашу маменьку Бога молить. По смерть ласки ея не забуду“... И такъ далѣе. Но дѣтокъ во всемъ этомъ интересуетъ одна существенная сторона, то, что маменька подобными способами съумѣла создать солидное для нихъ наслѣдство. Поступки мамаши по отношенію къ крестьянамъ встрѣчаютъ ихъ безусловное одобреніе. Они называютъ ее „молодцомъ“, говорятъ, что у нея „губа не дура“, и что если бы не она, сидѣли бы они теперь при отцовскихъ трехстахъ шестидесяти душахъ. И со стороны гувернантки своей они встрѣчаютъ полное одобреніе: „Вотъ теперь вы правильно разсуждаете,—говоритъ она,—и я маменькѣ про ваши добрыя чувства разскажу. Ваша маменька—мученица!...“

Какимъ же образомъ въ этой нравственно-удушающей атмосферѣ могъ сохраниться герой сатиры, отъ лица котораго ведется разсказъ. Вотъ что авторъ разсказываетъ объ этомъ устами своего героя: „Весь домашній нашъ укладъ такъ плотно сложился, что невозможно было, при такой силѣ давленія, выработать что-нибудь свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ, идти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильнаго и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковѣчной неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ-нибудь постылымъ Кирюшкой, котораго не нынче — завтра ожидала „красная шапка“. Такимъ животворнымъ лучемъ было для меня Евангеліе“... Но развѣ Евангеліе не было въ рукахъ всѣхъ въ

этомъ быту, который описываетъ авторъ? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. „Большинство,—говоритъ авторъ,—разумѣло подъ этимъ словомъ („Евангеліе") извѣстный церковно-служебный моментъ. Говорилось: мы пришли къ обѣднѣ, когда еще Евангеліе не отошло; или: это случилось, когда звонили ко второму Евангелію. и т. д. Внутреннее содержаніе книги оставалось закрытымъ и для наиболѣе культурныхъ людей. И не потому, чтобы это содержаніе представляло собой обличеніе, а просто вслѣдствіе общей низменности жизненнаго строя, который весь сосредоточивался около запросовъ утробы". Но герою нашему пришлось случайно познакомиться ближе съ Евангеліемъ,—и въ немъ совершился переломъ. „Главное, что̀ я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія,—говоритъ онъ,—заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ не такъ легко порабощалъ меня"... И далѣе: „Доселѣ, я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ. То „свое", которое заговорило во мнѣ, напомнило мнѣ, что и *другіе* обладаютъ такимъ же, равносильнымъ „своимъ". И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ человѣческихъ существъ. Такъ явилась возможность для нашего героя выхода изъ одуряющей атмосферы рабства...

3.

Русское общество переживаетъ такое время, когда необходимъ анализъ явленій не одного только настоящаго, а быть можетъ еще болѣе и прошлаго, въ которомъ люди извѣстныхъ убѣжденій преднамѣренно хотятъ видѣть время по-

рядка и устойчивости, и картина его, нарисованная великимъ талантомъ, является въ этомъ смыслѣ полной современнаго интереса, составляя въ то же время цѣнное пріобрѣтеніе для русской литературы.

Даже среди произведеній самого Щедрина немного найдется такихъ, которыя могли бы сравняться съ „Пошехонскою стариной“ по реальности изображенія жизни и по глубинѣ психологическаго анализа. „Тетенька Анфиса Порфирьевна“—одно изъ тѣхъ порожденій крѣпостническаго склада жизни, на которыхъ съ негодованіемъ останавливается гуманный человѣкъ. Если безконтрольное и безграничное господство надъ волею и поступками людей развращало подчиненныхъ ему, то не въ меньшей, если не большей, степени оно нравственно калѣчило и господствовавшихъ, развращая ихъ волю, дѣлая ихъ желанія и капризъ, ихъ произволъ—единственнымъ закономъ, которому они подчинялись, и такимъ образомъ подрывая въ нихъ всякіе нравственные устои. А жизнь, возникавшая на этой почвѣ, жестокая и безсмысленная, ложившаяся тяжкимъ гнетомъ на всякаго человѣка, подчинявшая и его самого произволу хотя въ извѣстный періодъ существованія, усиливала зло, какъ бы давая своего рода право на произволъ, когда возможность его переходила въ его руки. „Я же терпѣлъ и подчинялся, потерпите и подчиняйтесь и вы“,—могъ сказать даже не худшій человѣкъ, прошедшій школу безправнаго существованія, какъ это говаривали въ недалекую старину часто добряки старые офицеры, выслужившіеся изъ рядовыхъ. Зло здѣсь лежало не въ личной испорченности человѣка, а гораздо болѣе въ самомъ складѣ всей жизни.

Тетенька Анфиса Порфирьевна была поставлена въ положеніе болѣе или менѣе исключительное даже и при порядкахъ тогдашняго времени: біографія ея полна ужаса. Вышедши замужъ за офицера, она уѣхала за нимъ „въ полкъ“ на чистое страданіе. Уже самое сватовство носило характеръ подготовленій къ борьбѣ, которая должна была начаться въ возникавшей семьѣ. Отецъ невѣсты счелъ приличнымъ предупредить жениха: „Ты смотри въ оба! ты, сказываютъ, лихъ,

да и она у насъ нещечко!“ — „Не безпокойтесь, будетъ шелковая!“ отвѣчалъ женихъ. А мать дѣвушки, съ своей стороны, въ томъ же духѣ предупреждала Фисочку: „Смотри, Фиска! ты лиха, а твой Николушка еще того лише. Какъ бы онъ подъ пьяную руку тебя не зарубилъ!“ Но и Фисочка спокойно отвѣтила: „Ничего, матушка, я на себя надѣюсь! упетается! по стрункѣ ходить будетъ!“

И вотъ, послѣ переговоровъ о томъ, „кто кого лише и кто кого прежде поѣдомъ съѣстъ“, состоялся этотъ удивительный союзъ на счастье цѣлой жизни. Естественно, что результаты не могли не сказаться въ самомъ скорѣйшемъ времени. Въ четыре года скитанія съ мужемъ за полкомъ тетенька Анфиса Порфирьевна вполнѣ испытала, „до чего можетъ доходить настоящая человѣческая свирѣпость. Мужъ ея оказался не истязателемъ, а палачемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ утра пьяный и разъяренный, онъ способенъ былъ убить, засѣчь, зарыть живого въ могилу. Въ качествѣ особы женскаго пола, она ждала совсѣмъ не того, она думала, что дѣло ограничится щипками, тычками и бранью, на которые она и сама съумѣла бы отвѣтить. Но вышло нѣчто посерьезнѣе: въ перспективѣ ежеминутно мелькало увѣчье, а чего добраго и смерть... Не разъ Анфиса Порфирьевна, окровавленная, выбѣгала по ночамъ (когда, по преимуществу, производились экзекуціи надъ нею) на улицу, крича караулъ, но ротный штабъ, во главѣ котораго стоялъ Савельцевъ (мужъ), квартировалъ въ глухой деревнѣ, и на крики ея никто не обращалъ вниманія“.

Какъ не озвѣрѣть человѣку въ такой жизни! Но настала пора и Анфисы Порфирьевны. Отецъ „героя“ умеръ, и онъ, вышедши въ отставку, поселяется въ деревнѣ. Тутъ бы, кажется, и быть простору его инстинктамъ. Но тутъ-то и стерегла его судьба, которой давно ждала жена. Онъ началъ и здѣсь свои подвиги. Подозрѣвая, не безъ основанія, что деньги, прикопленныя отцомъ, съумѣла припрятать фаворитка его, „барская барыня“ Улита, онъ засѣкъ ее нагайками на смерть. Завязалось дѣло. Не помогли и деньги, скопленныя самимъ Савельцевымъ въ полку извѣстнымъ образомъ,

и, несмотря на закупленное тогдашнее подъячество, изъ Петербурга пришла резолюція: „отставного капитана Савельцева, какъ недостойнаго дворянскаго званія, лишить чиновъ и дворянства и отдать безъ срока въ солдаты въ дальніе батальоны“. Что̀ было дѣлать? „Умная“ жена придумала выходъ. Подъ именемъ барина похоронили умершаго „совсѣмъ кстати“ дворового Потапа Матвѣева, дѣло такимъ образомъ потухло само собою, а баринъ пошелъ гулять по свѣту подъ именемъ столяра Потапки—„и больше ничего“. Вотъ тутъ-то Анфиса Порфирьевна и показала себя. На другой же день послѣ похоронъ мнимаго барина она облекла настоящаго барина въ синій затрапезъ, оставшійся послѣ покойнаго, отвела уголъ въ казармѣ и велѣла нарядить на барщину, наряду съ прочими дворовыми. Когда же ей доложили, что баринъ стоитъ на крыльцѣ и проситъ доложить о себѣ, она рѣзко отвѣтила: „Не надо. Пусть потрудится, Богъ труды любитъ. Скажите ему, поганцу, что отъ его нагаекъ у меня и до сихъ поръ спину ломитъ. И не смѣть звать его бариномъ. Какой онъ баринъ! Онъ—столяръ Потапка и больше ничего“. Но разгуляться особенно Анфисѣ Порфирьевнѣ не пришлось. „Однажды вздумала она погонять мужа на кордѣ“; выведенный изъ терпѣнія, Савельцевъ ушелъ въ городъ и объявился тамъ. Разумѣется, его даже не выслушали и водворили обратно въ мѣстожительство; но вслѣдъ затѣмъ предводитель вызвалъ Анфису Порфирьевну и предупредилъ ее, чтобы она оставила мужа въ покоѣ, такъ какъ, въ случаѣ повторенія истязаній, онъ вынужденъ будетъ ходатайствовать о взятіи имѣнія ея въ опеку. Судьба мужа нѣсколько измѣнилась. „Потапа“ переселили въ Овсецово, отвели особую коморку во флигелѣ и стали держать во дворѣ вмѣсто шута. Все это совершалось на виду у всѣхъ, всѣ знали подробности дѣла, и Анфиса Порфирьевна даже такъ и прозвище получила „жены покойничка“, — но это было въ порядкѣ вещей.

Чего можно было ожидать отъ такой особы — понятно. И вотъ племянничекъ, Никаноръ Затрапезный, случайно попавшій къ тетенькѣ, съ перваго же шага натыкается на слѣ-

дующую сцену. „Дѣйствительность, представившаяся моимъ глазамъ, — разсказываетъ онъ, — была по-истинѣ ужасна. Я съ дѣтства привыкъ къ грубымъ формамъ помѣщичьяго произвола, который выражался въ нашемъ домѣ въ формѣ сквернословія, пощечинъ, зуботычинъ и т. д., привыкъ до того, что онѣ почти не трогали меня. Но до истязанія у насъ не доходило... По мѣрѣ того, какъ я приближался къ службамъ, до слуха моего доносились сдерживаемые стоны... Я увидѣлъ картину такого возмутительнаго свойства, что на минуту остановился какъ вкопанный, не вѣря глазамъ своимъ. У конюшни, на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и рвалась во всѣ стороны. Былъ второй часъ дня; солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое слезами и слюною лицо. По мѣстамъ образовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица. Дѣвочка терзалась, а тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ нея, преспокойно гуторили два старика, какъ будто ничего необыкновеннаго въ ихъ глазахъ не происходило... Одинъ изъ этихъ стариковъ оказался „покойничкомъ“, мужемъ Анфисы Порфирьевны. Сердце мальчика не выдержало, и онъ хотѣлъ отвязать несчастную дѣвочку. Но сама же дѣвочка первая и воспротивилась этому: „Не тронь, — говорила она: — тетенька забранитъ... хуже будетъ! Вотъ лицо фартукомъ оботри... Баринъ!.. миленькій!“

Таковы прекрасныя отношенія между людьми, возможныя въ этомъ прекрасномъ прошломъ, въ этой „пошехонской старинѣ“. Тамъ и торжество „семейнаго начала“, и принциповъ дисциплины и повиновенія, словомъ „порядка“, незыблемыхъ устоевъ общественности. Скажутъ: да вѣдь Анфиса Порфирьевна съ своимъ мужемъ вмѣстѣ составляютъ очевидныя исключенія, не опровергающія правила, а исключенія возможны всегда и вездѣ, потому что злой человѣкъ всегда найдетъ возможность обойти или игнорировать законъ. Это, конечно, имѣетъ свою долю правды. До такой степени ужасны явленія, описываемыя авторомъ, что можно бы ихъ считать

маловѣроятными, если бы исторія того времени не сохранила фактовъ и дѣлъ, еще болѣе поразительныхъ. Но дѣло совсѣмъ и не въ томъ. Самъ авторъ указываетъ исключительность подобныхъ явленій уже тѣмъ, что Анфиса Порфирьевна стала далеко въ околоткѣ притчею, что къ ней относились недружелюбно, до извѣстной степени избѣгали ее, не знакомились съ ней и не водили хлѣба-соли. Но это же окружающее общество терпѣло ее и находило только, что она, такъ сказать, переходила границы; а самыя дѣйствія считало все-же въ порядкѣ вещей. признавало самый порядокъ естественнымъ. Значитъ, въ большей или меньшей степени всѣ держались той же системы человѣческихъ отношеній, изъ которыхъ логически вытекала *постоянная возможность* злоупотребленій, лишь бы на нихъ была добрая воля. Анфиса Порфирьевна. какъ и мужъ ея, находятъ полную защиту со стороны и предводителя дворянства, и суда, и всего общества, когда имъ грозитъ сверху возмездіе, вызываемое болѣе гуманнымъ пониманіемъ общественныхъ отношеній. Такимъ образомъ самый порядокъ дѣлъ стараго русскаго общественнаго строя, въ своихъ основахъ и подробностяхъ, находитъ въ сатирѣ Щедрина яркое освѣщеніе.

4.

Продолженіе сатиры Щедрина переноситъ насъ изъ деревни, гдѣ до сихъ поръ происходило дѣйствіе, въ Москву. Но дѣло отъ этого по отношенію къ героямъ произведенія измѣняется мало и передъ нами совершается все та же безпощадная, полная внутренняго драматизма, борьба изъ-за презрѣннаго золотого тельца, но только въ новой обстановкѣ, съ новыми деталями. Какъ помнитъ читатель, мать нашего героя, Никанора Затрапезнаго, происходила изъ купеческаго рода; отецъ ея и братья, коренные москвичи, и составляютъ центръ, около котораго сосредоточивается интересъ разсказа.

Отецъ, „дѣдушка Павелъ Борисычъ“, какъ онъ называется въ очеркахъ, представляетъ собою любопытный типъ, выработанный старою русскою, да еще купеческою, жизнью. Ему уже за семьдесятъ лѣтъ, но онъ скрываетъ свои года,

потому что боится умереть, и при немъ состоитъ еще нѣкая Настасья „кралей". Этотъ старикъ, послѣ своихъ торговыхъ злоключеній и удачъ, разъ отказавшись отъ нихъ, является до такой степени лишеннымъ всякихъ интересовъ, что жизнь его превращается въ невѣроятно нелѣпую канитель безсмысленныхъ занятій. Въ ней нѣтъ того, что́ принято называть обломовщиной,—старикъ не лѣнивъ и даже обнаруживаетъ недюжинную для своихъ лѣтъ жизнеспособность,—но въ душѣ его нѣтъ никакихъ элементовъ къ разумному человѣческому существованію. Вотъ его день, какъ его описываетъ авторъ. Онъ сидитъ у окна своего небольшого деревяннаго домика, въ одномъ изъ переулковъ, окружающихъ Арбатъ. Съ одной стороны у него столикъ, на которомъ лежитъ вчерашній нумеръ газеты; съ другой, на подоконникѣ, лежитъ круглая табакерка съ березинскимъ табакомъ и кожаная хлопушка, которою онъ бьетъ мухъ. У ногъ его сидитъ его другъ и собесѣдникъ, жирный котъ Васька, и умывается. Одѣтъ старикъ въ ватный халатъ, который можно назвать скорѣе капотомъ. Еще рано, но онъ уже напился чаю и глядитъ въ окно, слѣдя за извозчиками, за продавцами съ лотковъ разной дряни, иногда покупаетъ что-нибудь; а чаще всего раздается крикъ: Настáсь! а Настáсь! „Что̀ еще?"—слышится издалека отвѣтъ. „Не идетъ!—говоритъ дѣдушка:—мухи, слышь, одолѣли". „Ну, и пущай васъ ѣдятъ", отвѣтитъ Настасья. Дни идутъ за днями все въ одномъ же порядкѣ, больше десяти лѣтъ сидитъ сиднемъ дѣдушка въ своемъ домикѣ, никуда не выѣзжаетъ и не выходитъ. Только два раза въ годъ ему закладываютъ дрожки, и онъ отправляется въ опекунскій совѣтъ за полученіемъ процентовъ.

Но въ этой повидимому мирной жизни далеко отъ идиллической простоты „старосвѣтскихъ помѣщиковъ". Тамъ—какъ никакъ, а все-таки трогательная любовь Аѳанасія Ивановича къ женѣ и обратно. Здѣсь—какое-то безчеловѣчіе лежитъ въ основѣ всего существованія. Интересъ наживы—вотъ все, что̀ тѣснитъ старика со всѣхъ сторонъ, и если онъ самъ не участвуетъ въ бѣшеной погонѣ за деньгами, то только по старческой слабости. У дѣдушки два сына и двѣ

дочери, и между ними хитрая, обманная борьба изъ-за захвата его имущества. Старшій сынъ, впрочемъ, представляетъ до нѣкоторой степени того „урода“, безъ котораго нѣтъ семьи, по пословицѣ. Выдѣленный и обдѣленный, онъ скромно жилъ въ маленькомъ домикѣ съ мѣщанской дѣвицей Аннушкой, которую страстно любилъ и отъ которой имѣлъ сына. Родныхъ онъ чуждался, къ отцу ѣздилъ только по большимъ праздникамъ. Но, повидимому никому не мѣшая, онъ всѣмъ мѣшалъ. Аннушка его служила предметомъ ненависти, такъ какъ предполагалось, что ей достанется небольшое состояніе Александра Павлыча. „Помяните мое слово, — повторяли всѣ,—что онъ и домъ, и деньги, все своей передастъ! Да, плакали папенькины денежки!“ Дѣйствительно, умирая, Александръ Павлычъ по духовному завѣщанію передалъ все, что̀ имѣлъ, сыну и его матери. Но хищники не дремали, и съ духовнымъ завѣщаніемъ его случилась „ловкая штука“. Схоронивши сожителя, Аннушка пришла къ „брату“, къ Григорію Павлычу—посовѣтоваться. „Братецъ“ благосклонно ее выслушалъ и въ заключеніе полюбопытствовалъ взглянуть на завѣщаніе. Затѣмъ взялъ завѣщаніе въ руки, разсмотрѣлъ, убѣдился въ его правильности и... положилъ его въ свой карманъ. Аннушка такъ и ахнула.—Было завѣщаніе, а теперь гдѣ оно?—сентенціонно присовокупилъ „братецъ“. Дѣло Аннушки, разумѣется, пропало. Справедливость требуетъ, однакоже, сказать, что Григорій Павлычъ далъ ей на бѣдность сто рублей, а сына опредѣлилъ въ ученье къ сапожному мастеру...

Вотъ какіе герои фигурируютъ передъ читателями. Но этотъ наглый грабежъ, совершенный „братцемъ“, не такъ рѣзко поражаетъ, какъ рядъ ухищреній со всѣхъ сторонъ, направленныхъ на то, чтобы не быть обдѣленными „папенькой“. Такая низость душевная, прикрывающаяся дочерней почтительностью, скрывается во всѣхъ дѣйствіяхъ, наприм., матери Никанора Затрапезнаго, что невозможно безъ негодованія читать очерковъ. Съ тѣмъ талантомъ, который характеризуетъ Щедрина, онъ созидаетъ передъ читателемъ рядъ сценъ поистинѣ поразительныхъ по глубинѣ пониманія чело-

вѣка. Въ общемъ получается страшная картина жизни, приниженной безуміемъ и нравственнымъ развратомъ. Люди ли передъ вами, или дикіе звѣри, по ошибкѣ носящіе на себѣ образъ человѣческій? Тщетно вы ищете настоящихъ человѣческихъ свойствъ въ этомъ сонмѣ людей, связанныхъ къ тому же родствомъ; вся нравственная природа ихъ угнетена до послѣдней степени колоссальнымъ развитіемъ хищническихъ инстинктовъ.

5.

Дальше сатира вводитъ насъ глубже въ жизнь Москвы тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, мало чѣмъ отличающейся отъ Москвы грибоѣдовской. До сихъ поръ знаменитый сатирикъ знакомилъ насъ съ отдѣльными обитателями старинной русской столицы, съ дѣдомъ и братьями Никанора Затрапезнаго, происходившими къ тому же изъ купеческаго рода; другіе элементы общества играли роль случайную. Теперь передъ нами тотъ средній классъ такъ-называемаго „образованнаго“ общества Москвы (а пожалуй и всей Россіи, такъ какъ значительная часть его состояла изъ съѣзжавшихся отовсюду помѣщиковъ), который придавалъ столицѣ особенную, характерную нравственную физіономію.

Само-собою напрашивается сравненіе героевъ Щедрина съ ихъ ближайшими родственниками, выведенными русскою литературою прежняго времени. Русское общество, которое описываетъ сатирикъ, все то же общество, которое въ многообразныхъ видахъ уже являлось передъ русскимъ читателемъ въ произведеніяхъ первоклассныхъ русскихъ писателей, и новое въ сатирѣ Щедрина, какъ это иначе и быть не можетъ, заключается въ его личномъ оригинальномъ воззрѣніи на него, въ той новой точкѣ зрѣнія, которая принадлежитъ примущественно ему.

Въ этомъ смыслѣ особенно интереснымъ лицомъ является одинъ изъ „предметовъ“ дѣвицы Затрапезной, настоящій „герой“, въ котораго она сразу влюбилась. Клещевиновъ—такъ звали его—человѣкъ того же разряда, какъ и разные „интересные“ кавалеры, въ родѣ Бахтіарова (въ „Тюфякѣ“ Писе-

мскаго) и иныхъ подражателей Печорина. Были, конечно, между ними и просто шалопаи, не находившіе другого интереса въ жизни, какъ только „побѣждать“ особъ прекраснаго пола, а во всемъ прочемъ самые ординарные люди и въ худомъ, и въ хорошемъ смыслѣ. Но вѣдь должны были быть и другіе, отличавшіеся не однимъ только отсутствіемъ нравственнаго смысла, а и прямо уже тяготѣвшіе къ подлости. Въ тупоэгоистическомъ, нравственно невысокомъ обществѣ такимъ людямъ несомнѣнно должно было житься довольно привольно, и ихъ должно было быть и въ Москвѣ, и въ провинціальныхъ, губернскихъ „свѣтахъ“ не мало. Сатирическій умъ Щедрина, естественно, долженъ былъ прежде всего остановиться на этомъ послѣднемъ сортѣ „героевъ“, который, быть можетъ, гораздо болѣе всякаго другого характеренъ для нравственнаго состоянія общества тѣхъ временъ.

Клещевиновъ, дѣйствительно, выходитъ очень яркою фигурою на безличномъ фонѣ „небайронизированныхъ“ помѣщиковъ и помѣщицъ „Пошехонской старины“. Это была темная личность, говоритъ о немъ авторъ, о которой ходили самые разнорѣчивые слухи. Одни говорили, что Клещевиновъ появился въ Москвѣ неизвѣстно откуда, точно съ неба свалился; другіе свидѣтельствовали, что знали его въ Тамбовской губерніи, что онъ спустилъ три большихъ состоянія, и теперь живетъ карточной игрой. Но всѣ сходились въ одномъ, что онъ игрокъ и мотъ. Игралъ онъ нечисто, а многіе даже прямо называли его шуллеромъ. Но это не мѣшало ему имѣть доступъ въ лучшіе московскіе дома, потому-что онъ былъ щеголь, прекрасно одѣвался, держалъ отличный экипажъ, сыпалъ деньгами, а на пальцахъ его рукъ, тонкихъ и безукоризненно бѣлыхъ, всегда блестѣло нѣсколько перстней съ цѣнными бриллiантами,—настоящими бриллiантами, какъ удостовѣрялись скептики, только черезчуръ часто мѣнявшимися. Щегольство и щедрость настолько подкупали въ его пользу, что злые языки поневолѣ умолкали, тѣмъ болѣе, что онъ могъ постоять за себя и безъ церемоніи объявлялъ, что въ 20 шагахъ попадаетъ изъ пистолета въ туза.

Въ этомъ описаніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ чертъ,

еще трудно, повидимому, узнать стараго знакомца, героя печоринскаго пошиба. Но въ слѣдующихъ же строкахъ автора вы находите уже прямое подтвержденіе вашихъ неясныхъ подозрѣній. Оказывается, что, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, онъ обладалъ замѣчательно красивою наружностью, глаза у него были совсѣмъ „волшебные"; словомъ, это была та „фатальная" наружность, которой такъ увлекались разныя прекрасныя особы русскихъ романовъ. И манера его держать себя была та самая, которою увлекались. „Быть можетъ,— говоритъ авторъ,—онъ разыгрывалъ изъ себя одну изъ „загадочныхъ натуръ", которыхъ въ то время, подъ вліяніемъ неостывшаго еще байронизма, расплодилось очень много. А эпитетъ этотъ, въ переложеніи на русскіе (т. е., конечно, на помѣщичьи, гдѣ было „образованіе") нравы обнималъ и оправдывалъ цѣлый циклъ всякаго рода зазорностей: и шуллерство, и фальшивыя заемныя письма, и нетрудныя побѣды надъ женскими сердцами". Про Клещевинова разсказывали, что онъ уже „не одну дѣвку соблазнилъ, а онѣ, несмотря на предупрежденія, продолжали таять подъ лучами его волшебныхъ глазъ".

Какъ видитъ читатель, въ этой характеристикѣ Щедрина— самый настоящій „герой" указаннаго выше рода, но только болѣе чѣмъ когда-либо разоблаченный отъ фальшивыхъ прикрасъ, нѣкогда придававшихъ ему столь большую привлекательность. Помѣщики и помѣщицы, которымъ до байронизма, разумѣется, дѣла никакого не было, съ своей практической точки зрѣнія хорошо понимали Клещевинова. „Триста душъ (приданое сестры Никанора Затрапезнаго)... эка невидаль!— разсуждаетъ мать дѣвицы Затрапезной.—Да ему языкомъ слизнуть, только ихъ и видѣли! Сначала триста душъ спуститъ, потомъ еще столько же вызудитъ, потомъ и еще, и еще... Пуститъ и жену, и всю семью по міру, а самъ будетъ съ ярмарки на ярмарку переѣзжать... Да еще не отъ живой-ли жены онъ жениться-то затѣялъ! Слышала она, будто у него въ Харьковѣ жена есть, а онъ ей деньгами ротъ замазываетъ, чтобы молчала..."

Все это не мѣшало играть тому же Клещевинову „герой-

скую“ роль среди безцвѣтнаго общества. Описывая это послѣднее, сатирикъ даетъ вамъ ключъ къ пониманію этого страннаго обстоятельства. Люди, проходящіе передъ вами, такъ малосодержательны, что даже господинъ Клещевиновъ представляется съ своимъ „байронизмомъ“ не лишенною силы и оригинальности фигурою. Этотъ „свѣтъ“ Москвы занятъ главнымъ образомъ сплетнями и злословіемъ да яко-бы образовательными развлеченіями; но и въ этомъ смыслѣ нашъ герой всегда былъ умнѣе и ловчѣе. Какъ извѣстно, всѣ герои печоринскаго пошиба сплетничали болѣе разборчиво, злословили ядовитѣе, были первые танцоры, ловкости были всегда невѣроятной, въ театрахъ разыгрывали изъ себя первѣйшихъ знатоковъ дѣла, что̀ не могло не удаваться при невѣжествѣ общества. Естественно, что молодыя, еще не слишкомъ искушенныя практическимъ опытомъ души, нравственно неразвитыя и неумѣвшія предъявить нравственныхъ требованій, ограничивавшіяся только внѣшностью, могли увлекаться подобными героями.

6.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своей сатиры Щедринъ вводитъ читателя въ кругъ явленій, которыхъ понынѣ русская литература едва касалась. Въ рядѣ типическихъ представителей крѣпостныхъ, знаменитый сатирикъ изображаетъ различныя формы мирнаго протеста противъ существовавшаго порядка вещей, противъ рабства, принижавшаго человѣческую личность. Мы сказали, что русская литература едва касалась этого предмета. Дѣйствительно, мы знаемъ въ ней изображенія протестовъ бурныхъ, доведенныхъ до страстнаго напряженія; мы имѣемъ, напр., „Горькую судьбину“ и т. п.; въ исторической перспективѣ протестъ противъ притѣсненій крѣпостничества намъ представляется въ формѣ насилій надъ помѣщиками, въ формѣ грубаго неповиновенія, въ формѣ самоубійствъ и убійствъ близкихъ людей, съ цѣлью спасти ихъ отъ позора подчиненія барскимъ прихотямъ. Но какъ относилась вся простая, смирная масса рабовъ къ своему положенію, въ какихъ формахъ она проявляла свое право на

человѣческое существованіе,—этого русская литература касалась мало. Такимъ образомъ въ „Пошехонской Старинѣ“ передъ нами нѣчто совершенно новое, оригинальное уже не въ силу только высокой оригинальности таланта автора, а и по содержанію.

Съ большою прозорливостью сатирикъ анализируетъ душу крѣпостного русскаго раба. Прежде всего онъ разъясняетъ, что собственно крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ дышалось гораздо легче, нежели дворовымъ, такъ какъ они жили за глазами и имѣли начальство изъ своего же брата, „а свой братъ, будь онъ хоть и съ поровомъ, все-таки знаетъ крестьянскую нужду и снизойдетъ къ ней“. Вообще мужика берегли притомъ, видя въ немъ тягло, которое производило полезную и для всѣхъ наглядную работу; изнурять эту рабочую силу не было разсчета. Совершенно иное положеніе было дворовыхъ, на которыхъ сами же „господа“ смотрѣли какъ на дармоѣдовъ, считая трудъ ихъ, состоявшій изъ мелкихъ домашнихъ послугъ, не требовавшихъ ни умственной, ни даже мускульной силы, за ничто. Поэтому именно въ крѣпостной дворовой средѣ преимущественно и должны были возникать съ одной стороны рѣзкія формы крѣпостническаго господскаго произвола, а съ другой—наиболѣе характерныя формы протеста противъ него, какъ мирнаго, такъ и воинствующаго. Притомъ, по замѣчанію автора, въ средѣ дворовыхъ мужской прислугѣ жилось все-таки сноснѣе: ея было меньше и она занятая разными дѣлами, не скучивалась, въ такой массѣ въ лакейской, какъ скучивалась въ „дѣвичьей“ женская прислуга. Вдобавокъ среди мужской прислуги встрѣчались личности, которыя могли за себя постоять; всѣхъ подъ красную шапку не отдашь—есть люди нужные, безъ которыхъ въ домѣ обойтись нельзя; они-то именно и „грубятъ“. Самый тяжкій гнетъ крѣпостной неволи падалъ, такимъ образомъ, на женщинъ; ихъ и рисуетъ прежде всего авторъ.

Первое лицо, на которомъ сатирикъ останавливаетъ вниманіе читателей, это—горничная Аннушка, „простодушнѣйшее существо, съ виду нѣсколько строптивное, но внутренно преисполненное доброты и жалѣнія“. Аннушка была „раба *по*

убѣжденію", какъ выражается авторъ; у нея сложился свой рабскій кодексъ, котораго она не скрывала. „Кодексъ этотъ былъ немногосложенъ и имѣлъ въ основаніи своемъ афоризмъ, что рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избраннымъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ. „Христосъ-то для черняди съ небеси сходилъ,—говорила Аннушка,—чтобы черный народъ спасти, и для того благословилъ его рабствомъ. Сказалъ: рабы, господамъ повинуйтесь, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ".

Это ученіе было своего рода протестомъ, подрывавшимъ косвеннымъ образомъ нравственное основаніе у крѣпостничества. Понятно поэтому, что, какъ говоритъ авторъ, доктрина эта въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и повнѣшности даже оправдывала крѣпостное право; но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто „злокачественное". Аннушка притомъ же любила поучать, и во время всякой ѣды въ дѣвичьей немолчно гудѣлъ ея голосъ, какъ будто она вознаграждала себя за то мертвое молчаніе, на которое была осуждена въ остальное время. „Повинуйтесь! повинуйтесь! повинуйтесь!—причастницами свѣта небеснаго будете!",—твердила она безпрестанно, и приводила примѣры, между прочимъ, въ которыхъ мученики противопоставляются тиранамъ въ полной своей славѣ, къ посрамленію послѣднихъ. Естественно, что барыня говоритъ ей: „Ты что́, бунтовщица, мутишь!"—Я не мучу́, а добру учу,—возражала Аннушка:—я говорю: ежели господинъ слово бранное скажетъ—не ропщи; ежели рану причинитъ—прими съ благодарностью!—„Такъ по-твоему, значитъ, господа только и дѣлаютъ, что ругаются да причиняютъ раны рабамъ?—спрашиваетъ барыня"... и т. д.

Но въ средѣ самой женской дворни находятся элементы, которые не довольствуются этой формой протеста и отрицаютъ его. Такимъ лицомъ, не мирящимся съ ученіемъ Аннушки, является въ „Пошехонской Старинѣ" ключница Акулина, „смотрѣвшая на рабство, какъ на фаталистическое ярмо, которое при самомъ рожденіи придавило шею, да такъ и при-

росло къ ней". Она является вѣчною оппонентокю Аннушки, проповѣди которой ей представлялись праздною болтовней, которая могла только безполезно раздражать. Акулина эта также признавала принципъ полнаго повиновенія, но въ виду практическихъ соображеній, въ силу невозможности до поры не повиноваться; однако въ каждомъ словѣ ея — признаніе факта, но не права.

Печальный, тяжелый, конечно не рѣдкій въ тѣ времена случай разсказываетъ авторъ въ главѣ: „Мавруша-Новоторка"; такъ называли жену живописца Павла, добровольно закрѣпостившую себя замужествомъ, новоторжскую мѣщанку Мавру. Она не могла примириться съ мыслью, новой для нея, о своемъ рабствѣ. Вначалѣ она отказалась исполнить приказаніе барыни — явиться въ усадьбу; ее привели по этапу. Хилая и больная, она отказалась работать, и барыня уступила, назначивъ ее только хлѣбы печь разъ въ недѣлю. Постоянное тяготѣніе надъ нею барской воли, въ концѣ-концовъ, приводитъ ее въ странное болѣзненное состояніе, въ которомъ она съ непреоборимымъ упорствомъ отказалась даже отъ нетруднаго дѣла печь хлѣбы, повторяя: „не хочу, я вольная". Напрасно любимый нѣкогда мужъ пытался силою убѣжденія примирить жену съ новымъ положеніемъ. Въ концѣ-концовъ она возненавидѣла и его. Жизнь ея превратилась въ сплошную безсмыслицу; въ ней не было ни настоящаго, ни будущаго для нея — и она повѣсилась.

Въ высокой степени любопытный типъ вывелъ авторъ въ лицѣ „Ваньки-Каина", попросту Ивана Макарова, цирюльника, обучавшагося въ Москвѣ. Это былъ человѣкъ нрава пронырливаго и беззавѣтный балагуръ. Пройдя въ Москвѣ чрезъ всевозможныя мытарства, Иванъ дѣлается тѣмъ, что́ называется сорви-голова, которому море по колѣна. Отпущенный по оброку, онъ и не думалъ исполнять своихъ обязанностей, и барыня вытребовала его въ деревню. Вотъ какъ происходитъ первое свиданіе барыни съ этимъ безпутнымъ рабомъ. „А, золото! добро пожаловать! Ты что́ же, молодчикъ, оброка не платишь?" привѣтствуетъ его барыня. Но Иванъ, вмѣсто

отвѣта, развязно подходитъ къ ней.—„Позвольте, сударыня, ручку поцѣловать“.—„Прочь, негодяй! Смотрите, шута разыгрывать вздумалъ! Сказывай, почему ты оброка не платишь?“—„Помилуйте, сударыня, я бы съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, да признаться сказать, самому деньги были нужны“.—„А вотъ я тебя сгною въ деревнѣ. Я тебѣ покажу, какъ шута передъ барыней разыгрывать! Посмотрю, какъ „тебѣ самому деньги были нужны!“—„Это какъ вамъ будетъ угодно. Я и здѣсь въ превосходномъ видѣ проживу.—„Ахъ, ты, хамово отродье! Скажите на милость!“—„Мерси-бонжуръ... Что за оплеуха, коли не достала уха! Очень вами за ласку благодаренъ!“—„Вонъ!“—кричитъ изумленная барыня, дѣлая угрожающій жестъ и въ то же время благоразумно ретируясь.—„Же-ву-фелиситъ. Не доходя прошедши. Не извольте безпокоиться, получать не желаю...“ и т. д. Само собою разумѣется, что Ванька-Каинъ при первой же возможности сданъ „подъ красную шапку“.

Картины барскаго быта и крѣпостной неволи, написанныя Щедринымъ въ „Пошехонской Старинѣ“, займутъ между произведеніями самого сатирика и вообще въ русской литературѣ самостоятельное и большое мѣсто, какъ нѣчто совершенно новое, въ высокой степени оригинальное и значительное какъ по своему содержанію, такъ и по совершенству художественнаго исполненія. Мы намѣтили только главнѣйшія черты бытовыхъ картинъ, созданныхъ авторомъ, съ цѣлью оттѣнить ихъ особое значеніе.

7.

Рядомъ съ представителями мирнаго протеста, существовавшаго среди дворовыхъ и свидѣтельствовавшаго, что рабское приниженіе личности не всегда успѣвало задушить духовныя потребности человѣка той среды и стремленія къ свободѣ, сатирикъ выводитъ рядъ лицъ, въ которыхъ крѣпостной обезличивающій гнетъ проявилъ свою силу въ болѣе или менѣе полной силѣ, вполнѣ сдѣлавъ свое губительное дѣло.

Первое изъ такихъ лицъ, буфетчикъ Кононъ, „не отли-

чался никакими особенными качествами, которыя выдѣляли бы его изъ общей массы дворовыхъ, но въ немъ эта послѣдняя нашла полное олицетвореніе своего сокровеннаго міросозерцанія"; такъ характеризуетъ его авторъ. Въ чемъ же состояло это „сокровенное міросозерцаніе" общей массы дворовыхъ? „Кононъ,—говоритъ авторъ,—зналъ твердо, что онъ природный малиновецкій дворовый. Кромѣ того, онъ помнилъ, что первоначально его обучали портному мастерству, но такъ какъ портной изъ него вышелъ плохой, то сдѣлали лакеемъ и приставили къ буфету. А завтра, или вообще когда вздумается, его приставятъ стадо пасти—онъ и пастухомъ будетъ. Въ этомъ заключалось все его міросозерцаніе, то сокровенное міросозерцаніе, которое не формулируется, а само собой залегаетъ въ тайникахъ человѣческой души, не освѣщаемое лучомъ сознанія. Факты представлялись его уму безповоротными, и причина появленія ихъ въ той и другой формѣ, съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ, никогда не пробуждала его любознательности"...

Вотъ какими ужасными чертами изображаетъ знаменитый сатирикъ умъ и душу человѣка, лишеннаго своей воли и потому живущаго безъ стремленій, сознательныхъ надеждъ и ожиданій, потерявшаго,—вѣрнѣе сказать, и не имѣвшаго, не могшаго имѣть—какой-либо интересъ къ совершающейся кругомъ жизни; потому что вся она, цѣликомъ, навѣки должна была оставаться внѣ его вольнаго и сознательнаго участія. Разъ въ душѣ его нѣтъ протеста, нелѣпые факты быта, который онъ видѣлъ, не подчиняясь никакой логикѣ, кромѣ логики чужой воли и силы, должны были представляться его уму какъ что-то отъ вѣка предопредѣленное и неизбѣжное, не возбуждающее вопроса. Простыми, но полными тайнаго горькаго смысла словами авторъ влагаетъ въ душу читателя скорбныя и тяжкія чувства... „Холодно сегодня?"—спрашиваетъ барыня несчастнаго Конона.—Не замѣтилъ-съ.—„Ишь шкура-то у тебя"...—Извѣстно, зима, а не лѣто...—„Давно бы пора сдѣлать"...—замѣчаетъ ему барыня.—Не одно, сударыня, дѣло! - Вотъ разговоры, среди которыхъ проходитъ его жизнь. Послѣднее „возраженіе, — говоритъ авторъ, — какъ

будто свидѣтельствовало, что резонирующая способность не совсѣмъ еще въ немъ угасла; но и оно, пожалуй, не было результатомъ самодѣятельной внутренней работы, а слышалъ онъ, что другіе такъ говорятъ, и машинально повторялъ съ чужихъ словъ". По истинѣ жизнь его „представляла собой какъ бы непрерывное безсвязное сновидѣніе"... Въ Кононѣ мы видимъ существо, окончательно придавленное и искалѣченное безправностью, рабскимъ положеніемъ. Это — человѣкъ, у котораго окончательно отнята вся нравственная сторона жизни.

Въ судьбѣ „безсчастной Матренки" передъ нами судьба того, кто, въ противность барской волѣ, позволялъ себѣ отдаваться хотя бы влеченіямъ инстинкта любви. „То ли дѣло господа!—говорится въ разсказѣ.—Живутъ, какъ вздумается, ни на что имъ запрета нѣтъ. И таиться имъ не въ чемъ, потому что они въ свою пользу законъ отмежевали. А рабамъ... Увы! нѣтъ для раба инаго закона, кромѣ беззаконія". И страшная кара постигла „Матренку". Склонность ли сердечная, или просто молодая кровь заговорила, но Матренкѣ пришлось сознаться, что она находится „въ четвертомъ мѣсяцѣ".—„Ну, теперь жди жениха и собирайся въ дальній путь", — рѣшила барыня. Матренку одѣли въ затрапезное платье, вывороченное наизнанку, и сняли съ нея передникъ, чтобы положеніе ея было для всѣмъ очевидно.

А изъ глухой далекой деревни пріѣхалъ скоро „женихъ". Это былъ осьмнадцатилѣтній парень, на котораго барская прихоть налагала нежданно-негаданно ничѣмъ не заслуженное наказаніе—жениться на, по его понятіямъ, „нечестной" дѣвушкѣ, совершенно ему до того незнакомой. Сцены свиданій этихъ „нареченныхъ", вѣрнѣе сказать „обреченныхъ", написанныя сатирикомъ съ простотой и реальностью, невольно заставляютъ сжиматься сердце!—Ни за что въ свѣтѣ я за тебя, за гаденка, не пойду!—кричала Матренка въ первое свиданіе (барыня была въ отлучкѣ), подступая къ жениху съ кулаками:—такъ и въ церкви попу объявлю: несогласна! А ежели силкомъ выдадутъ, такъ я, и до мѣста доѣхать не успѣемъ, тебя изведу!—Жениха слегка передернуло; онъ

исподлобья взглядывалъ на Матренкинъ животъ и молчалъ.— Слышишь—продолжая волноваться невѣста:—такъ ты и знай! Лучше добромъ уѣзжай отсюда, а ужъ я, что̀ сказала, то сдѣлаю! не пойду за тебя! не пойду!—„Да и мнѣ неохота",— пробормоталъ мальчишка мрачно.—Зачѣмъ же ты ѣхалъ, постылый?—„Староста велѣлъ... оттого!..."—Ступай съ моихъ глазъ! ступай!—Мальчишка повернулся и вышелъ. Матрена заплакала. Всего можно было ожидать, но не такого надругательства. Ей не приходило въ голову, что это надругательство гораздо мучительнѣе настигаетъ ничѣмъ неповиннаго мальчишку, нежели ее...

Должно было однако наступить и раздумье. На другой день Матренка притихла. Она попыталась какъ-нибудь сговориться съ женихомъ.—Прости ты меня,—говорила она ему,—любить тебя буду, беречи буду. Вѣтру на тебя вѣнуть не дамъ"... Но онъ на всѣ ея слова говорилъ одно: „Не въ чемъ мнѣ тебя прощать. Горькій я!" А на ласки ея, отталкивая ее локтемъ, онъ только сказалъ грубо: „Не висни! не трогай!" Въ страхѣ, что ее будутъ тиранить и мужъ и „старики", его родители, она говоритъ ему:—Порѣши ты меня! убей! лучше теперь убей, нежели тамъ меня каждый день изводить будутъ!—Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Ей показалось, что онъ вдругъ на нѣсколько лѣтъ постарѣлъ: до такой степени молодое лицо его исказилось ненавистью и злобой.—„Такъ неужто жъ тебя жалѣть... поскуду!"—прошипѣлъ онъ, и съ этими словами всталъ и вышелъ изъ горницы.. Естественнымъ, неизбѣжнымъ представлялся для Матренки одинъ исходъ,—и она приняла его. Въ темную ночь, когда на дворѣ бушевала вьюга, а въ дѣвичьей все улеглось по мѣстамъ, Матренка въ одной рубашкѣ, босикомъ, вышла на крѣльцо и сѣла. Снѣгъ хлесталъ ей въ лицо, стужа пронизывала все тѣло. Но она не шевелилась и безстрашно глядѣла въ глаза развязкѣ, которую сама придумала... Утромъ на крыльцѣ нашли окоченѣвшій Матренкинъ трупъ...

Интереснѣйшимъ лицомъ въ дворнѣ, изображаемой Щедринымъ, является Сатиръ-скиталецъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ

рѣзко выдѣлялся изъ общей массы дворовыхъ. Въ дѣтствѣ урывками онъ научился разбирать церковную печать и пристрастился къ чтенію божественныхъ книгъ. Ни къ какому другому занятію онъ ни склонности, ни способности не имѣлъ,—и вышелъ изъ него скиталецъ-богомолецъ. Въ дворнѣ его считали блаженнымъ. Въ двадцать лѣтъ онъ уже убѣжалъ, и черезъ три года воротился съ тремя стами рублей, собранными на церковь.

Страшное впечатлѣніе оставляетъ въ читателѣ и „Крестный сынокъ" барыни, сданный въ концѣ-концовъ въ солдаты, и барыня-крестная, прячущая полученную за него квитанцію и вспоминающая Сережку въ дѣтскомъ возрастѣ, когда онъ, пятилѣтній мальчишка, явился къ ней съ пшеничной лепешкой и со словами: это, крестненька, вамъ! Тяжелое впечатлѣніе производитъ и картина смерти вѣрнаго старосты Ѳедота, умирающаго подъ вліяніями все того же гнетущаго рабства. Почуявъ приближеніе барыни, даже „окутанный облакомъ агоніи", онъ коснѣющимъ языкомъ пробормоталъ: „молотьба..." Это было послѣднее его слово...

Заканчивая „портретную галлерею домочадцевъ", авторъ считалъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку. Въ литературѣ русской есть нѣсколько изображеній крѣпостныхъ людей, преданныхъ своимъ господамъ не по безсмыслію и не по рабскому чувству; среди нихъ первое мѣсто занимаютъ няни. И по мнѣнію автора, „читателю можетъ показаться страннымъ, что онъ, авторъ, не упоминаетъ въ своихъ очеркахъ о нянькахъ. По этому поводу онъ отвѣчаетъ, устами Затрапезнаго, конечно, что „нянька, какъ профессіональное званіе, почти не существовала въ домѣ" Затрапезныхъ. Ничего, кромѣ ужасовъ крѣпостничества, такимъ образомъ, не было въ этой семьѣ, поражающей своими свойствами.

8.

Мелочи помѣщичьяго быта крѣпостническихъ временъ кажутся мелочами только издали и врознь, но своей подавляющей массой даютъ тонъ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что въ

нихъ именно настоящая сила, потому-что все исключительное, рѣдкое, страстныя проявленія протеста и стремленій въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказываются безсильными побороть страшное давленіе привычныхъ мелочей. Необыкновенно неприглядным является тутъ бытъ обыкновенной мелкой „помѣщичьей среды“ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи,—на всемъ лежала печать бездѣятельности, отсутствія энергіи и предпріимчивости. „Помѣщичьи усадьбы,—говоритъ авторъ,—были крайне невзрачны. Задумавши строиться, ставили продолговатый срубъ, въ родѣ казармъ, раздѣляли его перегородками на каморки, проконопачивали стѣны мхомъ, покрывали тесовой крышей, и въ этомъ неприхотливомъ помѣщеніи ютились какъ могли. Подъ вліяніемъ атмосферическихъ измѣненій, срубъ разсыхался и темнѣлъ, крыша пропускала течь. Въ окна дуло; сырость проникала безпрепятственно всюду; полы ходили ходуномъ, потолки покрывались пятнами, и домъ, за отсутствіемъ ремонта, вросталъ въ землю и ветшалъ“. Конечно, помѣщики побогаче строили дома обширнѣе и прочнѣе, но „общій типъ построекъ былъ одинаковъ“. „Объ удобствахъ жизни, а тѣмъ менѣе о живописной мѣстности,—замѣчаетъ авторъ,—не было и рѣчи. Усадьба ставилась преимущественно къ низинѣ, чтобы отъ вѣтра обиды не было“. Вообще авторъ констатируетъ крайнюю неприхотливость требованій, господствовавшую въ помѣщичьей средѣ,—„было бы жирно и всего вдоволь“; „тѣмъ не менѣе, въ какой мѣрѣ это относительное безнуждное житіе отражалось на крѣпостной спинѣ,—это вопросъ особый, который я оставляю открытымъ“,—говоритъ сатирикъ.

Образовательный уровень помѣщичьей среды былъ еще менѣе высокъ, нежели матеріальный. Во всей округѣ, гдѣ жили Затрапезные, только одинъ помѣщикъ могъ похвалиться университетскимъ образованіемъ, да двое получили нѣкоторое домашнее воспитаніе,—„остальную массу составляли недоросли изъ дворянъ и отставные прапоры“. „Нечего грѣха таить, нечестолюбивый, смирный народъ былъ,—ни въ высь, ни въ ширь, ни по сторонамъ не заглядывался,

рылся около себя". Печатное дѣло успѣхомъ не пользовалось, и политическія представленія ограничивались анекдотами объ иностранцахъ, да мнѣніемъ о Россіи, „что это государство пространное и могущественное"... „Но идея объ отечествѣ, какъ о чемъ-то кровномъ, живущемъ одною жизнью и дышущемъ однимъ дыханіемъ съ каждымъ изъ сыновъ своихъ, едва ли была достаточно ясна", — говоритъ авторъ. Къ похвалѣ помѣщиковъ описываемаго времени, онъ считаетъ, однако, нужнымъ сказать, что заботы объ образованіи дѣтей, особенно сыновей, были всеобщи. „Недоѣдали куска, въ лишнемъ платьѣ домочадцамъ отказывали, хлопотали, кланялись, обивали у сильныхъ міра пороги... Разумѣется, всѣ взоры были обращены на казенныя заведенія". И какъ ни мало сознательны были эти стремленія къ образованію, все-же они являлись свѣтлою стороною жизни уже потому, что открывали надежды на будущее.

Авторъ считаетъ нужнымъ при этомъ заявить, что „все сказанное имъ написано вполнѣ искренно, безъ всякой предвзятой мысли во что бы то ни стало унизить или подорвать". „На склонѣ лѣтъ, — говоритъ онъ, — охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ и является непреодолимое желаніе высказать правду... Да и нѣтъ никакой цѣли подрывать то, что̀ уже само, въ силу общаго историческаго закона, подорвано". И авторъ справедливо ожидаетъ, что въ „ряду матеріаловъ, которыми воспользуются будущіе историки русской общественности, его хроника не будетъ лишнею". Художественно начертанная сатирикомъ картина русской помѣщичьей жизни будетъ, конечно, драгоцѣнна для будущаго историка.

„Предводитель Струнниковъ" — таково заглавіе одной изъ главъ въ хроникѣ Щедрина. Этотъ „предводитель" — олицетвореніе того равнодушія къ „общественному дѣлу", которое служитъ лучшей характеристической чертой помѣщичьей среды, описываемый авторомъ. Струнниковъ, много трехлѣтій сряду избираемый въ уѣздные предводители и не знавшій конкуррентовъ, былъ личностью совершенно ничтожной. Ни ума, ни образованія, ни даже внѣшняго благоприличія онъ не имѣлъ, и единственное свойство, которымъ онъ угождалъ

мѣстному дворянству, было то, что „жилъ онъ на распашку, не по состоянію, — имѣлъ отличныхъ поваровъ, выписывалъ изъ Москвы настоящее виноградное вино и всякую бакалею, держалъ открытый столъ для господъ-дворянъ, а псовая охота его даже составляла гордость цѣлой губерніи“. Не-смотря на несомнѣнное простодушіе, предводитель былъ „великій дока заключать займы“, и скоро всѣмъ въ окрестности онъ былъ долженъ, не исключая мужиковъ.

Авторъ нарисовалъ прелестную картинку пріемовъ, которую употреблялъ онъ въ случаяхъ займа, и здѣсь Струнниковъ весь на ладони передъ читателемъ. Заслышитъ онъ, что у какого нибудь мужика-крѣпыша кубышка завелась, заѣдетъ и начнетъ петлю закидывать. — „Ѣхалъ мимо — скажетъ, — думаю, дай заѣду на кума посмотрѣть. Здорово, куманекъ! Чайку-то дашь, что ли?“ — Заводитъ шутя рѣчь о кубышкѣ, полушутя посулитъ „хорошій процентъ“ („такъ, безъ пользы у тебя деньги лежатъ!“), — и будетъ сидѣть и шутить до тѣхъ поръ, пока кумъ хоть двѣ полсотни не выложитъ на столъ. Общественными дѣлами Струнниковъ не затруднялъ себя, а только занималъ деньги, ѣлъ, пилъ, спалъ и скучалъ, если не было гостей. Авторъ приводитъ для примѣра день Струнникова съ его обычными развлеченіями и занятіями, и невообразимая пустота жизни помѣщичьей встаетъ тутъ передъ читателемъ во всей своей наготѣ.

Жилъ беззаботно этотъ человѣкъ вплоть до освобожденія крестьянъ. Но великій освободительный актъ былъ для него тяжкимъ ударомъ. Выкупныхъ суммъ не хватило на покрытіе его долговъ; онъ скрывается въ Москву съ брильянтами жены на довольно крупную сумму, но, испуганный заявленіемъ кредиторовъ о сокрытіи имущества, бѣжитъ за границу вмѣстѣ съ женой (дѣтей у нихъ не было). Тамъ, спустя годы, авторъ встрѣчаетъ его уже въ Швейцаріи, на берегу Женевскаго озера, — трактирнымъ гарсономъ. Эта насмѣшка судьбы надъ злополучнымъ предводителемъ является до того естественнымъ, логическимъ концомъ его безпутной жизни, что читателя ни мало не поражаетъ маловѣроятное превращеніе русскаго исконнаго барина — въ лакея. Не менѣе

естественнымъ и логически послѣдовательнымъ результатомъ всеобщаго равнодушія къ общественному дѣлу является и это безсмѣнное предводительство лица, такъ мало заслуживавшаго общественнаго довѣрія.

9.

Рядомъ съ „предводителемъ", сатирикъ изображаетъ два противоположныхъ типа временъ крѣпостного права, послѣднихъ его лѣтъ: „образцоваго хозяина", настоящаго практика и дѣятеля, и „Валентина Бурмакина", идеалиста, мечтателя, принадлежавшаго къ тому кружку интеллигентной московской молодежи сороковыхъ годовъ, который оставилъ такой яркій слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, передъ нами представители двухъ важнѣйшихъ элементовъ, создающихъ жизнь,—представитель дѣйствительности, настоящаго, и представитель идеальныхъ стремленій, будущаго. Узнать, изслѣдовать эти два типа въ любую эпоху—значитъ постигнуть главнѣйшія черты жизни, понять ея, такъ-сказать, статику и динамику, узнать основы, на которыхъ она стояла и утверждалась, и насколько эти основы были способны противостоять вліяніямъ времени. Поэтому весьма любопытно присмотрѣться къ выведеннымъ Щедринымъ типамъ, которыхъ не игнорировала и, конечно, весьма часто выводила наша прежняя литература, но которые въ сатирѣ являются въ новомъ видѣ, въ окраскѣ, которую не преминулъ дать имъ сатирическій талантъ знаменитаго автора, выдѣливъ и подчеркнувъ такія важныя черты, которыя въ другихъ изображеніяхъ не занимали большого мѣста.

Итакъ, передъ нами „образцовый хозяинъ". Натура энергическая, дѣятельная, этотъ образцовый хозяинъ представляетъ собою одно изъ опроверженій того взгляда, будто бы русская жизнь прошлаго была подъ преобладающимъ вліяніемъ „обломовщины". Арсеній Потапычъ Пустотѣловъ ничего общаго съ обломовщиною не имѣетъ и не можетъ имѣть. Въ три часа лѣтняго утра онъ уже на ногахъ и идетъ въ поле, присматривать за работами. Конечно, какъ это и оттѣняетъ

авторъ, не самъ работаетъ дѣятельный помѣщикъ, тѣмъ не менѣе уже одинъ этотъ надзоръ составляетъ значительный трудъ. Тяжелое и отвращающее впечатлѣніе оставляетъ въ читателѣ то, что баринъ присутствуетъ на работахъ съ нагайкой въ рукахъ и тутъ же чинитъ расправу съ тѣми, кто, на его взглядъ, виновенъ въ плохой работѣ; но это обстоятельство, собственно говоря, все-таки остается второстепеннымъ,—можно представить себѣ столь же дѣятельнаго помѣщика и образцоваго хозяина безъ этого или еще съ бо́льшими, чѣмъ простая плеть, атрибутами власти и дикими проявленіями самовластія. Нужно еще прибавить, что и нагайка, и вообще „крайне суровые“ порядки, заведенные Арсеніемъ Потапычемъ, объясняются его сравнительной бѣдностью при огромной, въ двѣнадцать человѣкъ, семьѣ, заставляющей его думать о каждомъ моментѣ работы и о каждомъ гвоздѣ въ хозяйствѣ. Такъ или иначе, онъ, однако, „всецѣло овладѣлъ рабомъ въ свою пользу и даетъ ему управляться у себя лишь урывками“. Несмотря на то, ему приходится „вздрагивать при напоминаніи, что три года назадъ, въ самый разгаръ надеждъ, откуда ни возьмись градъ и весь хлѣбъ въ одночасье въ грязь превратилъ“. Словомъ, въ сущности это бѣднякъ, его труды и заботы понятны; даже суровые порядки, заведенные имъ, если не оправдываются, то имѣютъ объясненіе.

Но за этимъ объясненіемъ, въ жизни образцоваго хозяина вы едва ли найдете какой-либо смыслъ. Къ чему всѣ его труды и заботы? Конечно, къ тому, чтобы пристроить дѣтей въ жизни, дать имъ возможное „образованіе“, необходимое для „службы“, выхлопотать мѣста и такъ далѣе. И все это, конечно, дѣлается образцовымъ хозяиномъ. Но въ какихъ формахъ и въ какихъ условіяхъ! Между цѣлью и средствами, для того выбираемыми, нѣтъ никакой разумной связи, и вся жизнь образцоваго хозяина и его семьи имѣетъ характеръ совершенно безсмысленный. То, что́ съ такимъ трудомъ сотенъ людей и заботами добывается лѣтомъ, безумно и безсмысленно растрачивается зимой на пустыя удовольствія, на празднества, именины, на разъѣзды по гостямъ. Не то, чтобы ужъ нужно было образцовому хозяину и его дочкамъ сидѣть

дома и не принимать гостей; но дѣло въ томъ, что, кромѣ внѣшне-обрядоваго угощенія другихъ плодами тяжкой работы и угощенія себя у другихъ, въ жизни семьи нѣтъ рѣшительно никакихъ интересовъ. Ихъ удовольствія всѣ направлены исключительно къ тому, чтобы, толкаясь между людьми, находить жениховъ и невѣстъ, которымъ, однако, въ будущемъ проектируется тотъ же безсмысленный образъ жизни, безъ цѣлей и стремленій, исключительно направленный на удовлетвореніе первыхъ побужденій.

Этотъ безсмысленный бытъ, между тѣмъ, до такой степени овладѣвалъ живущими въ немъ, такъ съ нимъ сживались люди, что при вѣстяхъ о великой перемѣнѣ въ общественныхъ отношеніяхъ, о проектахъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, „образцовый хозяинъ" просто не представлялъ себѣ возможности жить какою-либо иною жизнью, чѣмъ та, которою онъ жилъ. Любопытны эти страницы, въ которыхъ описывается знаменитымъ сатирикомъ упрямое, упорное невѣріе Арсенія Потапыча въ грядущую перемѣну. „Белиберда", — вотъ слово, отъ котораго онъ не хотѣлъ отрѣшиться. — „И я знаю, что белиберда, — говорили ему, — да къ белибердѣ-то къ этой готовиться надобно. Упадетъ она какъ снѣгъ на голову, — очнуться придется, туда-сюда, анъ поздно". — „Отстань!.. — былъ его отвѣтъ. — Сказалъ, что никогда этому не бывать — и не будетъ! Не къ чему готовиться!" Когда новые порядки стали совершившимся фактомъ, съ ними трудно было помириться человѣку такого сорта, какъ „образцовый хозяинъ". И когда, три-четыре года спустя послѣ освобожденія крестьянъ, авторъ въ церкви увидѣлъ Арсенія Потапыча, — это былъ уже разбитый параличемъ старикъ, который, „неподвижно уставивъ впередъ мутные глаза, казалось, вглядывался въ какой-то призракъ, ежеминутно угнетавшій его мысль". — „Умирать"... — лепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

Не менѣе любопытнымъ лицомъ является въ разсказѣ Щедрина и идеалистъ Валентинъ Бурмакинъ, „единственный представитель университетскаго образованія, которымъ обладало пошехонское захолустье". „Это была чистая, высоко-

нравственная, почти непорочная личность, — говоритъ авторъ. — Бурмакинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ беззавѣтныхъ идеалистовъ, благодаря которымъ во тьмѣ сороковыхъ годовъ сіялъ лучъ свѣта и заставлялъ волноваться отзывчивыя сердца". Бурмакинъ былъ ученикъ Грановскаго и страстный почитатель Бѣлинскаго. „Не будучи „ученымъ" въ буквальномъ смыслѣ этого слова, эти люди будили общественное чувство и въ высшей степени обладали даромъ жечь глаголомъ сердца",—и Валентинъ Бурмакинъ былъ однимъ изъ тѣхъ страстныхъ и убѣжденныхъ людей, на которыхъ горячее слово Грановскаго и Бѣлинскаго обнаружило свое полное вліяніе. „Но,—замѣчаетъ самъ авторъ,—какъ ни безупречна была въ нравственномъ смыслѣ убѣжденная восторженность кружка, она въ то же время страдала существеннымъ недостаткомъ. У нея не было реальной почвы. Истина, добро, красота—вотъ идеалы, къ которымъ тяготѣли лучшіе люди того времени, но, къ сожалѣнію, осуществленія ихъ они искали не въ жизни, а исключительно въ области искусства, одного безпримѣснаго искусства".

Характеристика людей сороковыхъ годовъ, обыкновенныхъ, не выдающихся особенною талантливостью, сдѣланная авторомъ, не представляетъ, конечно, чего либо новаго,—въ этомъ смыслѣ о прекраснодушныхъ идеалистахъ того времени говорилось не разъ. Но черты, которыми сатирикъ обрисовываетъ ихъ отношенія къ живой дѣйствительности, заключаютъ въ себѣ и нѣчто новое, и оригинальное, такое, чего, пожалуй, невозможно отыскать во всей предыдущей литературѣ. Фигура Валентина Бурмакина является въ произведеніи Щедрина въ одно и то же время глубоко трагическою и глубоко комическою. Пока еще дѣло идетъ объ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, зависѣвшимъ отъ него, комическія черты въ нихъ возбуждаютъ въ читателѣ, если хотите, даже умиленіе, ласковое сожалѣніе, какъ къ любимому ребенку. Вотъ, напр., сцена. Баринъ призываетъ старосту Власа и ведетъ съ нимъ такого рода разговоръ: „Слушай, Власъ! Вѣдь ты честный человѣкъ? да?"—Староста изумился при этомъ вопросѣ и во всѣ глаза смотрѣлъ на молодого барина.—„Я тебя не подо-

зрѣваю, а только спрашиваю: вѣдь ты честный человѣкъ? да?“ — приставалъ Бурмакинъ. — Съ чего вы, кажется... — пробормоталъ Власъ. — „Вотъ и прекрасно. И ты честный человѣкъ, и я честный человѣкъ, и всѣ мы здѣсь честные люди! Я и тебѣ, и всѣмъ... довѣряю!“ — Валентинъ Осипычъ протянулъ руку, конечно для пожатія, но староста кинулся со всѣхъ ногъ и поцѣловалъ ее. — „Ахъ, что́ ты! Я совсѣмъ не для того... Пожалуйста, ты эти глупости оставь!“ — Такова сцена, разсказы о которой обошли всю округу. Что́ же можетъ она возбудить, кромѣ нѣсколько насмѣшливаго умиленія, особенно когда вы узнаете, что староста оказался дѣйствительно честнымъ человѣкомъ, не пользовавшимся „простотою“ барина въ свою пользу, и что, такимъ образомъ, прекраснодушіе идеалиста не легло тяжкимъ бременемъ на крестьянъ.

Но этотъ же самый прекраснодушный идеализмъ возбуждаетъ въ читателѣ совершенно иныя чувства въ другихъ случаяхъ. Въ деревнѣ Бурмакинъ встрѣчаетъ красивую дѣвушку, возбудившую въ немъ обыкновенное чувство. Это была натура пустая, умъ неповоротливый и бездѣятельный, погруженный въ тяжелую спячку. Но идеалистъ, съ помощью особой теоріи „святой простоты“, возвелъ на пьедесталъ все въ этомъ тупомъ и пустомъ существѣ, — и ея глупость, и животную натуру, оказавшись неспособнымъ отнестись къ задачѣ, поставленной передъ нимъ жизнью, хоть сколько-нибудь критически. „Вы святая! — повторяетъ онъ восторженно: — вы сами не сознаете, сколько въ васъ женственнаго, непорочнаго! Вы святая!.. вы та святая простота, передъ которой въ благоговѣніи преклоняются лучшіе умы!...“ Онъ разсказываетъ этой святой, что онъ готовъ „отдать ей всего себя, что ради ея онъ готовъ погубить свою жизнь, свою душу“. А она въ отвѣтъ говоритъ: „А вы будете часто со мной въ гости ѣздить? Будете меня въ платьица наряжать?“ Бурмакина даже удивили эти вопросы, въ которыхъ слышалось „что-то ужъ черезъ чуръ обнаруженное“, и однако же онъ остался глухъ и слѣпъ къ признакамъ несчастія, шедшаго на него, закрытый отъ всего цѣлою непроницаемою бронею мечтаній, отъ которыхъ онъ, конечно, только потому

не могъ освободиться, что не хотѣлъ, потому что они, эти мечтанія, доставляли ему наслажденіе. Но вотъ онъ уже женихъ. На каждомъ шагу ему даются доказательства, что передъ нимъ тупое и дрянное существо. „Нѣтъ, ты не глупенькая,—говоритъ онъ ей,—ты святая! Ты истина, ты добро, ты красота, и все это облеченное въ покровъ простоты! О, святая! То, что́ таится во мнѣ только въ формѣ броженія, ты воплотила въ жизнь, возвела въ перлъ созданія!“ И такія рѣчи говорятся дѣвушкѣ, о которой первый же непредубѣжденный человѣкъ сказалъ: „Ну, братъ, убилъ бобра... Задастъ тебѣ копоти эта святая!“ И это, конечно, вскорѣ вполнѣ оправдалось. „Святая простота“, полная инстинктовъ разврата, распорядилась съ мужемъ, а главное съ его имѣніемъ, по-своему. Жизнь Бурмакина была въ сущности совершенно разбита, и онъ исчезъ изъ пошехонскаго захолустья, прикрытый отъ отчаянія только опять своеобразнымъ „идеализмомъ“, граничащимъ съ простымъ легкомысліемъ и игрою красными словами.

Въ изображеніи Щедрина прекраснодушіе и идеализмъ сороковыхъ годовъ теряютъ много симпатичныхъ сторонъ, которыя имъ обыкновенно приписывались. Въ Бурмакинѣ мы видимъ человѣка тѣшащагося, наслаждающагося мечтами и не хотящаго знать дѣйствительной жизни. Онъ упрямо не хочетъ видѣть совершающагося передъ его глазами, а когда зло является торжествующимъ надъ нимъ, онъ уступаетъ ему почву безъ всякой даже попытки не дать ему воли. Въ лицѣ Бурмакина ясно видны причины безсилія людей, подобныхъ ему, фальшивое направленіе ихъ умственной дѣятельности становится ощутительно очевиднымъ. Невольно возникаетъ въ умѣ странное сближеніе между ними и всѣмъ обществомъ. На почвѣ крѣпостнической обезпеченности только могъ возникнуть этотъ безжизненный, безкровный идеализмъ, ничего не приносившій жизни, какъ на той же почвѣ возникали формы разгула чисто физическаго свойства.

10.

„Пошехонская старина“ оканчивается въ высокой степени знаменательными главами, придающими послѣдніе мастерскіе штрихи громадной картинѣ прошлаго русскаго помѣщичьяго быта. „Славущенскія дамы и проч.“ — называется одна изъ этихъ главъ, и эти дамы, вмѣстѣ съ „прочимъ“, придаютъ картинѣ законченность, которой она безъ этого не имѣла бы. „Пошехонская старина“, эта послѣдняя „сатира“ Щедрина, въ сущности не представляетъ собою того, что̀ разумѣется подъ словомъ „сатира“. Авторъ не глазами сатирика смотритъ на явленія быта, изображаемаго имъ, и это тѣмъ болѣе понятно и законно, что бытъ этотъ, если и оставилъ еще въ наслѣдство нашему времени нѣчто, то во всякомъ случаѣ принадлежитъ невозвратному прошлому. Не глазами сатирика смотритъ онъ, и во всемъ его произведеніи разлитъ тотъ юморъ, что̀ поистинѣ представляетъ собою „незримыя слезы“, то чувство глубокаго сожалѣнія къ попранію въ человѣкѣ образа и подобія Божія, которое исключаетъ одностороннее обличеніе и дѣлаетъ изображеніе жизни многостороннѣе и объективнѣе.

Въ огромной картинѣ, нарисованной авторомъ, передъ нами униженные и унижающіе, оскорбленные и оскорбляющіе, лишенные права на человѣческое существованіе и вооруженные не только правомъ, но и произволомъ; но любопытно то обстоятельство, что счастливыхъ, истинно человѣчески живущихъ и чувствующихъ, нѣтъ между тѣми и другими, — и это глубоко вѣрно. Крѣпостническій произволъ одинаково гнетомъ ложился, долженъ былъ ложиться какъ на угнетаемыхъ, такъ и на угнетающихъ, потому-что разъ сила являлась рѣшающимъ моментомъ въ жизни, вытѣсняя право, то на каждаго сильнаго находились еще болѣе сильные, и возникала круговая порука насилія и произвола. Знаменитый „сатирикъ“ ставитъ передъ нами цѣлый безбрежный океанъ безсмысленнаго несчастія, обыкновенно не сознаваемаго, но несомнѣннаго. Какая жалкая роль достается на долю, напр., теткамъ Затрапезнаго, когда онѣ, послѣ гнета па мать его,

въ свою очередь попадаютъ подъ ея гнетъ; какъ удивительно мучительны для всѣхъ участниковъ эти интриги и борьба изъ-за ожидаемаго наслѣдства, которое, однако, проходитъ мимо всѣхъ рукъ, протягивающихся къ нему. Картину жизни, нарисованную авторомъ, можно назвать картиною добровольнаго самомученія людей, жертвъ предразсудковъ и дикихъ понятій, рядомъ съ мученіемъ другъ друга. И потому, повторяемъ, напрасно было бы искать въ послѣдней сатирѣ Щедрина какое-нибудь обличеніе; въ ней — скорбное чувство, вызванное въ авторѣ воспоминаніями о печальномъ складѣ жизни, приносившемъ столько несчастія людямъ, такъ развращающе дѣйствовавшемъ на нихъ. И на фонѣ „пошехонскаго раздолья“ съ большой рельефностью выдѣляются фигуры, изображенныя въ послѣднихъ главахъ, придавая основной идеѣ произведенія ясность, очевидность.

Въ лицѣ „Славущенскихъ дамъ“ передъ нами помѣщичья бѣднота, на долю которой доставалось, быть можетъ, не меньше гнета судьбы, чѣмъ на долю дѣйствительно безправныхъ крѣпостныхъ. Печальна, но высоко поучительна судьба Степаниды Михайловны Слѣпушкиной и ея дочери. Одна изъ самыхъ бѣдныхъ дворянокъ захолустья, она владѣла пятнадцатью ревизскими душами, все дворовыхъ, и сотнею десятинъ земли. Рано осиротѣвши, восемнадцати лѣтъ она уже сдѣлалась самостоятельной хозяйкой, и хозяйкой очень хорошей. Дѣло у нея шло прекрасно, и сами ея дворовые любили ее. Хотя положеніе ихъ было, конечно, нелегкое, но барышня обращалась съ ними такъ просто и ласково, даже въ пищѣ старалась не отличаться отъ нихъ, живя съ ними въ одной усадебной оградѣ, общею жизнью. Лѣтъ уже тридцати она вышла по любви за канцелярскаго чиновника Слѣпушкина, который былъ моложе ея на шесть лѣтъ, и полтора года спустя послѣ свадьбы умеръ отъ чахотки, оставилъ жену съ имѣвшей родиться дѣвочкой, которую назвали Клавденькой. Пораженная потерей единственнаго человѣка, который далъ ей недолговременное счастье, Слѣпушкина искала забвенія въ винѣ,—и пріобрѣла болѣзнь, извѣстную подъ именемъ запоя. И вотъ жизнь ея начинаетъ проходить между при-

падками этой страшной болѣзни, съ которой она не находитъ силъ бороться, и временемъ печали и отчаянія, вызываемыхъ сознаніемъ своей гибели. А что̀ за страшное положеніе дочери, унаслѣдовавшей отъ отца чахотку и терзаемой припадками матери, которая безпрерывно пристаетъ къ ней съ тяжкимъ вопросомъ: „Клавдюшка, подлячка у тебя мать? Говори—подлячка?“—Это бѣдное существо умираетъ во время болѣзни матери, одинокое, всѣми оставленное. Пораженная этимъ, скоро умерла и мать, покончившая съ собой во время запоя самоубійствомъ Нельзя забыть, что она, готовясь къ смерти, совершила на имя своихъ дворовыхъ дарственную запись, которою еще при жизни отдавала имъ усадьбу и землю въ полную собственность. „Нашего полку прибыло. Вотъ и еще дворяне проявились у насъ на селѣ!“—иронически поздравляли другъ-друга по этому случаю сосѣдніе помѣщики.

Вотъ вамъ жизнь бѣдной дворянской семьи. На ней, какъ это ясно, крѣпостническій строй жизни, съ его понятіями, съ его безучастіемъ къ ближнему, отразился со всей силой, и мы видимъ, какъ мало счастья способенъ онъ былъ дать. Даже то лучшее, что̀ было въ жизни Слѣпушкиной—ея ласковое отношеніе къ дворовымъ и отказъ имъ земли, является, очевидно, отрицательнымъ результатомъ всеобщаго помѣщичьяго, крѣпостническаго равнодушія къ судьбѣ рядомъ живущихъ сосѣдей.

Совершенную противоположность съ нѣсколько идеалисткой Слѣпушкиной представляетъ другая бѣдная дворянка—Золотухина. Это особа практическая, видавшая виды — она изъ „духовнаго“ званія—и умѣющая устроить свои дѣла. Къ чести ея нужно сказать, что, переѣзжая изъ одной богатой усадьбы въ другую, эта общая приживалка однако не унижалась, умѣла не унижаться и быть полезной тамъ, куда пріѣзжала „въ гости“. У этой дворовымъ уже иное житье, чѣмъ у Слѣпушкиной; но за то она съумѣла устроить своихъ дѣтокъ какъ нельзя лучше: одинъ сынокъ, съ дѣтскихъ лѣтъ постигшій искусство жить, выходитъ въ профессора, а другой преуспѣлъ въ гражданской службѣ. И опять эти сы-

новья по смерти матери отпустили дворовыхъ на волю, отдавъ имъ усадьбу со всей землей. И грустное, и странное впечатлѣніе производитъ исторія Золотухиной съ ея сыновьями. Вы видите, что эта семья по натурѣ необыкновенно эгоистична и практична, совершенно въ противность Слѣпушкиной. Но практичность матери вывела дѣтей на такія дороги умственнаго развитія и гуманныхъ взглядовъ, что общій результатъ здѣсь получился тотъ же, что и у Слѣпушкиной,—„великодушный", по выраженію автора, отказъ отъ своихъ крѣпостническихъ правъ на ближнихъ.

Интересна параллель проводимая авторомъ между двумя помѣщиками добраго прошлаго, такъ еще недавно бывшаго далеко не добрымъ настоящимъ. Перхуновъ въ кругу „своихъ" слылъ вольнодумцемъ и острякомъ („бритва-язычокъ", говорили про него), хотя, по словамъ автора, лишь въ слабой степени оправдывалъ эту репутацію. „Вольнодумство его ограничивалось довольно низменнымъ и неопрятнымъ кощунствомъ, — говоритъ авторъ, — да назойливымъ критиканствомъ, для котораго онъ находилъ легкую пищу въ малограмотности и мелкихъ беззаконіяхъ и плутняхъ мѣстной администраціи. Домъ его служилъ центромъ, изъ котораго выходили разнообразнѣйшія розсказни о дѣйствіяхъ приказной братіи". Несмотря на безобидность его критическихъ упражненій, начальство смотрѣло на него косо и держало на счету безпокойныхъ людей. Нерѣдко ему дѣлали, черезъ предводителя, реприманды и указывали перстомъ въ ту сторону, куда Макаръ телятъ не гонялъ, и послѣ такихъ указаній нашъ критиканъ временно притихалъ, чтобы снова приняться за прежнее чрезъ нѣсколько времени. Очевидно, это человѣкъ пустой. Но репутація вольнодумца и остряка сослужила ему существенную службу. Во времена крестьянской реформы, въ качествѣ „занозы", онъ былъ избранъ въ губернскій крестьянскій комитетъ, а оттуда пробрался даже въ редакціонныя коммиссіи.

Передъ нами здѣсь опять — удивительное несоотвѣтствіе результатовъ съ причинами, породившими ихъ. Поистинѣ, этотъ помѣщичій бытъ, какимъ онъ является въ произведе-

ніи Щедрина, былъ бытомъ сюрпризовъ, если смотрѣть съ серьезно-разумной точки зрѣнія. Дичь и безъидейность помѣщичьей среды были настолько разительны, что люди университетскаго образованія и серьезнаго развитія служили чуть не посмѣшищемъ, а Перхуновы играли роль серьезныхъ общественныхъ дѣятелей.

Впрочемъ, узнавши того, кто составлялъ противоположность Перхунову, вы удивляться перестаете. Конечно, Перхуновъ пустой, несерьезный человѣкъ. Но что́ же представлялъ изъ себя серьезный Метальниковъ? Вотъ какъ авторъ характеризуетъ его: „Насколько Перхуновъ былъ недостовѣренъ и проказливъ, настолько же первый отличался достовѣрностью и серьезностью не только помысловъ, но и тѣлодвиженій. Все въ его міросозерцаніи было ясно, внушительно и безспорно... Онъ жилъ по жизненному пути, инстинктивно угадывая, гдѣ слѣдуетъ остановиться, чтобы упереться лбомъ въ стѣну. И тамъ, гдѣ Перхуновъ тормошился и восклицалъ: „на что̀ похоже!“ — онъ учительно и вполнѣ убѣжденно утверждалъ: „съ насъ будетъ и этого“. Естественно, что Метальниковъ слылъ „мужемъ совѣта“, но еще естественнѣе было не ожидать отъ него ничего для будущаго, для развитія общественной среды, въ которой онъ вращался. И понятно, что общество, не могшее понять значенія въ жизни истиннаго образованія, все же въ рѣшительный моментъ, когда для великаго дѣла общественной реформы понадобился человѣкъ, остановилось на Перхуновѣ въ качествѣ „занозы“, оставивъ Метальникова „мужемъ совѣта“ — дома...

Авторъ останавливаетъ еще вниманіе читателя на семьѣ Урванцовыхъ, которыхъ отецъ, изъ числа „проказниковъ“, даже въ завѣщаніи устроилъ злостную штуку съ бѣдственными послѣдствіями, и на Петрѣ Антонычѣ, единогласно прозванномъ Псомъ Антонычемъ, нѣсколько разъ бывшемъ подъ судомъ за свое поведеніе съ крестьянами, наконецъ убитомъ ими. Но мимо, читатель, мимо этихъ ужасныхъ картинъ прошлаго, годныхъ только на то, чтобы навсегда вылѣчить отъ общей человѣческой слабости — вспоминать прошлое съ нѣкоторой идеализаціей. Мимо и „пошехонскаго раздолья“,

состоявшаго исключительно въ ѣдѣ и питьѣ, да въ спаньѣ. „Пошехонская старина“ займетъ большое мѣсто въ русской литературѣ, какъ глубоко поэтическое и вполнѣ объективное изображеніе русской крѣпостнической жизни, преимущественно въ ея грустныхъ сторонахъ,—преимущественно, но не исключительно, потому-что безпристрастно дано мѣсто и другимъ сторонамъ.

(1888).

БРУСИНЪ.

1.

Въ лѣта молодости, въ первый годъ службы въ канцеляріи вятскаго губернатора, М. Е. Салтыковымъ написанъ разсказъ „Брусинъ“. Какъ ни давно написалъ онъ, какъ ни молодъ былъ авторъ, написавшій его, но „Брусинъ“ представляютъ собою во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣйшее произведеніе. Высказываютъ мнѣніе, что „разсказъ имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе, какъ новый матеріалъ для литературной біографіи“ автора. Но согласиться съ этой мыслью можно только условно, потому что само по себѣ это давнишнее произведеніе Салтыкова имѣетъ большую цѣну.

На разсказѣ „Брусинъ“ ясно отражаются характеристичныя черты большого дарованія, по которымъ можно было бы судить о великой литературной будущности, предстоявшей автору его. Если говорить только о формѣ его, то онъ задуманъ и выполненъ съ такою цѣлостностью и полнотой, что въ немъ нѣтъ ничего лишняго, нарушающаго впечатлѣніе, и нѣтъ ничего недосказаннаго, оставляющаго читателя неудовлетвореннымъ. Если говорить о содержаніи, то, несмотря на кажущуюся незначительность его, въ немъ отражается большой умъ, занятый важными вопросами русской жизни той глухой поры. И вѣкъ, и человѣкъ того времени рисуются въ воображеніи автора, а потомъ и читателей съ большою ясностью и силой. Герой разсказа—одинъ изъ тѣхъ, какъ увидимъ, которыхъ русская литература изображала въ

образахъ Рудина, Обломова, Тентетникова и пр. Но нужно знать, что въ то время, когда писался разсказъ Салтыкова, не было еще ни „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, ни „Дневника лишняго человѣка“, ни Рудина, ни Обломова, ни гоголевскаго Тентетникова,—все это, столь многообразно изображавшее и разъяснявшее русскую бездѣятельность, было еще впереди. И передъ авторомъ были только образы Онѣгина и Печорина. Чуткою душою большого таланта будущій сатирикъ угадывалъ значеніе этого широко-распространеннаго типа русскаго человѣка и отразилъ его въ формѣ, конечно, уступающей послѣдующимъ, но вѣдь зато предшествовавшей имъ.

Разсказъ начинается съ того, что кружокъ пріятелей-собесѣдниковъ сидитъ противъ горящаго камина и занимается „разговоромъ вялымъ и тяжеловѣснымъ“, въ „цѣпенящемъ настроеніи“, подъ бременемъ котораго „чувство жизни гасло“. Рѣчь шла о скукѣ, и всѣ молодые люди, бывшіе тутъ, всѣ рѣшительно согласились, что „бездѣятельность“—источникъ этой скуки. Естественно поднимается характерный для того времени вопросъ. „отчего дѣятельность-то наша такъ бѣдна и ничтожна, или, лучше, отчего мы цѣлый вѣкъ какъ-будто толчемся и движемся, а результаты выходятъ все самые крохотные, самые обидные“.

Былъ тутъ въ компаніи немолодой и опытный человѣкъ, который своеобразно, въ глазахъ молодыхъ людей, смотрѣлъ на дѣло, осуждая не обстоятельства жизни, а людей русскихъ того времени, характеру этихъ послѣднихъ приписывая бездѣятельность. „Странные бываютъ случаи,—говорилъ онъ;—чортъ его знаетъ, иной, съ виду, кажется, и порядочный человѣкъ, и говоритъ какъ будто дѣло, и на вещи смотритъ по-человѣчески, а вотъ какъ дойдетъ до практики, тутъ разомъ дрянь-то вся и выльется наружу, тутъ и окажется вся гнусность, да еще и не простая гнусность, а съ затѣями и прибаутками“... „Да вѣдь до чего доходитъ!—прибавляетъ онъ,—не только другимъ, и себѣ, самому себѣ, съ какимъ-то дикимъ остервененіемъ начинаетъ человѣкъ гадить, да понемножку на маломъ огнѣ себя жарить, какъ будто всѣмъ

и каждому на стѣнѣ зарубить хочетъ: смотрите, дескать добрые господа, какъ я себя исказилъ и изуродовалъ, на что, молъ, я теперь похожъ??“ И онъ выдвигаетъ идеалъ смирной дѣятельности, причемъ „каждое дѣйствіе свое надо обдумать, сообразить съ обстоятельствами, выяснить себѣ послѣдствія“ и пр. Въ молодыхъ людяхъ онъ встрѣчаетъ отпоръ. „Не легкую вы опеку навязали человѣку,—говорятъ ему,—вѣдь, подумаешь, маленькая какая задача: поди-ка, сообрази сперва съ обстоятельствами, да потомъ обсуди, какія будутъ послѣдствія... Да покуда все это соображаешь, да обсуживаешь, такъ и время, пожалуй, уйдетъ... Этакъ намъ съ вами всю жизнь придется сидѣть сложа руки, да снаряжаться на великіе подвиги“... Но тотъ предостерегаетъ молодыхъ людей отъ „романтизма“. „Вы,—говоритъ онъ,—вдругъ все хотите выворотить на изнанку, а того и не возьмете въ толкъ, что въ мірѣ все дѣлается постепенно“. И въ доказательство своей мысли онъ разсказываетъ, по требованію собравшихся, одну исторію.

Исторія эта такъ не сложна, что и разсказывать нечего. Но въ картинѣ автора, въ частностяхъ исполненія чрезвычайно много характернаго и поучительнаго. Прежде всего авторъ набрасываетъ любопытнѣйшую картину сонной жизни, лишенной реальныхъ жизненныхъ интересовъ, которою жили во второй четверти девятнадцатаго вѣка русскіе люди. „Въ мое время, господа,—разсказываетъ Николай Ивановичъ (такъ звали немолодого человѣка),—молодые люди жили въ Петербургѣ какъ-то особенно странно... Жизнь мы вели совершенно затворническую; бо́льшую часть дня сидѣли дома, а по вечерамъ собирались другъ у друга... Само собою разумѣется, на этихъ сборищахъ не было ни тѣни буйства, т.-е., если хотите, оно и было, но только въ области мысли, гдѣ мы не признавали никакой опеки“. Узнавши другъ друга, „мы страшно скучали, потому что знали другъ друга наизусть... Читали мы все больше однѣ и тѣ же книги; образомъ мысли, характерами такъ близко подходили другъ къ другу, что извѣстная мысль производила почти одно и то же впечатлѣніе на всѣхъ насъ“... „Кто его знаетъ,—замѣчаетъ

разсказчикъ,—мы ли сами насильно оторвались отъ общества, или общество оторвало насъ отъ себя, только практической дѣятельности ни у одного изъ насъ не было никакой. Эта-то насильственная скудость живой дѣйствительности и, напротивъ того, чрезмѣрное, болѣзненное обиліе дѣйствительности чисто книжной и было тѣмъ зломъ, которое неутомимо грызло цѣпь, долго всѣхъ насъ связывавшую...“

2.

На этой-то почвѣ бездѣятельности, такъ рельефно для того времени изображенной авторомъ, и возникъ любопытный субъектъ, описываемый разсказчикомъ. Это былъ нѣкто Брусинъ, „романтикъ въ душѣ, романтикъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ“. Авторъ описываетъ его удивительно характеристичными чертами. „Пріятель мой,—разсказываетъ Николай Ивановичъ,—весь былъ составленъ изъ противорѣчій; послушать, бывало, его, такъ всякій подумаетъ: „вотъ, наконецъ, хоть одинъ человѣкъ, одаренный высокимъ практическимъ смысломъ“. Онъ до такой степени легко усваивалъ себѣ всякую прекрасную идею, что она внезапно становилась его собственностью, являлась его уму со всѣми мельчайшими подробностями, со всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ, со всѣмъ практическимъ примѣненіемъ...“ А дальше разсказывается: „Рѣдко случалось мнѣ встрѣтить человѣка, до такой степени негоднаго къ жизни, какъ Брусинъ. Онъ былъ капризенъ и требователенъ до ребячества, повелителенъ до деспотизма, непостояненъ и измѣнчивъ до самаго узкаго эгоизма. А всему причиной было ложное воспитаніе, которое получилъ онъ, подобно всѣмъ намъ, и которое развило въ насъ только потребности и стремленія, а не указало на средства удовлетворить имъ“. И дѣйствія героя вполнѣ подтверждаютъ эту простую, но ясную характеристику. Потребности у него были гигантскія, какъ у всѣхъ людей, у которыхъ воображеніе развито насчетъ разсудка, а рядомъ съ этимъ онъ отличался изумительной безпечностью и ничего не дѣлалъ. Однажды Николаю Ивановичу удалось склонить его посту-

пить на службу. Сначала онъ принялся было съ рвеніемъ, сильно занимался и даже надоѣдалъ своими разговорами о службѣ. Но прошло два три мѣсяца,—и герой подобно Тентентикову и Обломову, пришелъ къ убѣжденію, что „это не его призваніе", что онъ тутъ ничего не можетъ сдѣлать. „Великій онъ былъ романтикъ, господа,—говоритъ Николай Ивановичъ.—На все смотрѣлъ сквозь увеличительное стекло, вездѣ хотѣлъ совершить что то гигантское, удивить міръ какимъ-то необычайнымъ подвигомъ, а того не могъ понять, что то дѣло только и прочно, которое трудно и помаленьку дѣлается... На всякое свое дѣйствіе онъ смотрѣлъ какъ на совершеніе какой-то священной обязанности..." Любопытны и удивительны эти характеристики, проницательныя и тонкія, которыя Салтыковъ сдѣлалъ въ такое время, когда далеко еще было до объясненія этой „рефлектирующей" русской натуры.

Нигдѣ человѣкъ такъ не разоблачается, какъ въ дѣлѣ любви. Припомнимъ Обломова. И авторъ выясняетъ окончательно характеръ Брусина именно такимъ случаемъ. Влюбился Брусинъ въ молодую дѣвушку, поведенія довольно легкомысленнаго. Кстати сказать, въ описаніи этой дѣвушки, какъ и Брусина, авторъ выказываетъ большую силу чисто поэтическаго воображенія и психологическаго анализа: лица обрисованы очень живо и ясно, вы понимаете ихъ до тончайшихъ оттѣнковъ душевнаго склада. Отношенія Брусина къ этой молодой дѣвушкѣ складывались довольно банально, съ обычной распущенностью, съ весьма небольшою долею нравственнаго элемента по существу. Но этотъ „романтикъ", по выраженію автора, сейчасъ же приплелъ къ простой и неважной исторіи свой своеобразный „романтизмъ". Онъ не отнесся просто къ своему положенію, которое очевидно требовало, чтобы онъ мирился съ легкостью своей подруги, или покончилъ съ ней свои нехорошія отношенія. Но онъ припутываетъ вещи, въ данномъ случаѣ мѣста не имѣющія, съ оттѣнкомъ, однако, высокаго идеализма. „Знаешь,—говоритъ онъ Николаю Иванычу,—какая мысль у меня?"—Что̀ такое? Вѣрно какая-нибудь страшная несообразность?—отвѣ-

чаютъ ему.—„Я хочу сдѣлать изъ нея женщину“.—Да она, кажется, и такъ женщина, природа создала ее такою: чего жъ тебѣ еще хочется?—Но Брусинъ обижается на шутку и объявляетъ, что онъ „хочетъ ее образовать, пробудить въ ней сознаніе ея назначенія“.

Любопытно, что онъ и самъ хорошенько не понимаетъ этого „назначенія“; это у него—фраза, искренняя, но безсодержательная. Разумѣется, изъ затѣи господина „романтика“ не вышло ничего, кромѣ вздора, и вы чувствуете, что онъ не о дѣвушкѣ заботился, а себя тѣшилъ фантазіями. Онъ убѣдился, что дѣвушка ему измѣняетъ, не налагая, однако, на него рѣшительно ничего, никакихъ обязанностей, ничего ему не обѣщая, вольная, какъ птица, и какъ птица легкомысленная. А онъ терзаетъ ее оскорбленіями и деспотическими требованіями, наконецъ, въ видахъ только оскорбленія, предлагаетъ ей 10 рублей, впрочемъ, чужихъ, за ея „снисходительность“. И она вынуждена ему съ гордостью, съ глазенками, горящими какъ угли, сказать: „За мою снисходительность? такъ знайте же, что моя снисходительность дороже десяти рублей продается, а за то, что̀ я для васъ дѣлала и отъ васъ вытерпѣла, у васъ слишкомъ мало денегъ, чтобы заплатить мнѣ...“ Онъ разошелся съ нею. Но рабъ своихъ прихотей, не надолго онъ оставался способенъ, что̀ называется, выдержать характеръ, такъ что Николай Иванычъ не выдержалъ и разъѣхался съ нимъ (они жили вмѣстѣ), и съ тѣхъ поръ потерялъ его изъ вида.

„Такъ вотъ, господа,—заключилъ онъ свой разсказъ,—какъ нѣкоторые люди безпрестанно кричатъ о жаждѣ дѣятельности, жалуются на какія-то препоны,—а на повѣрку выходитъ, что вся эта жажда дѣятельности ограничивается какою-нибудь любовишкой,—да еще какъ обидно, нелѣпо ограничивается!“ И причину этой „неспособности“, „нравственнаго безсилія“, онъ опять указываетъ въ томъ, что мы „не можемъ покончить съ нашимъ прошедшимъ“, что, видя всю гнусность такъ-называемаго спекулятивно-энциклопедическаго образованія нашего, не имѣемъ силы пересоздать себя. А потомъ жалуемся на судьбу, на другихъ и Богъ

знаетъ еще на что!" И когда молодые люди потребовали отъ разсказчика „нравоученія", онъ говорилъ: „А нравоученіе вотъ какое: во-первыхъ, предметовъ для дѣятельности много, такъ много, что стоитъ только нагнуться, чтобы наполнить жизнь свою: если мы ничего не дѣлаемъ, то никто другой, кромѣ насъ, въ этомъ не виноватъ; во-вторыхъ, весьма часто мы жалуемся на отсутствіе счастія, а на повѣрку выходитъ, что не насъ несчастье ищетъ, а мы сами его устраиваемъ".

Слушатели не согласились съ выводами разсказчика, и авторъ самъ не на сторонѣ его. „Вы всю вину сваливаете на личность человѣка,—говорятъ ему,—а я утверждаю, что человѣкъ тутъ вовсе не виноватъ что виновнаго тутъ надобно искать гдѣ-нибудь подальше,—гдѣ? достовѣрно сказать вамъ не могу, но думаю—въ воздухѣ... Вотъ хоть бы и въ разсказѣ вашемъ; гдѣ причина этой упорной неспособности Брусина къ какой бы то ни было положительной дѣятельности? гдѣ, какъ не въ уродливомъ воспитаніи, которое ровно ничему не учитъ? Вы и сами соглашаетесь съ этимъ, но прибавляете, что должны имѣть силу пересоздать себя. Да вѣдь для этого надобно не только родиться героемъ, но чтобы и обстоятельства расположились такъ, чтобы сдѣлать изъ васъ героя..."

Слушатели несогласны и съ тѣмъ, что необходимо себя ограничить въ исканіи дѣятельности, вооружась поклоненіемъ „идеалу долга": они той „вѣры", что „нужно дѣйствовать какъ можно больше", но поставить себѣ девизомъ: „живи—какъ живется, дѣлай—какъ можется"....

Какъ видитъ читатель, молодая повѣсть Салтыкова соприкасается съ самыми больными сторонами русской жизни не одного только того времени, и очень хорошо характеризуетъ типъ бездѣятельнаго русскаго человѣка, столько разъ позже послужившаго темою для поэтическихъ созерцаній.

(1890).

НѢЧТО О ЛИТЕРАТУРНОМЪ НАРОДНИЧЕСТВѢ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Критики, авторы! Если вы преданы только настоящему, если вы вносите въ литературу, въ какой бы то ни было уклончивой формѣ, тотъ духъ современности и положительности, ту жесткость эгоизма, которые свойственны разнымъ ремесламъ, если вы не терпите того, чтобы время отъ времени обращались къ вашимъ предшественникамъ, оставляя васъ,—вы не заслуживаете будущности.

Сентъ-Бёвъ.

1.

Преобладающей струей въ современной русской литературѣ, и струей наиболѣе жизненною, волею и неволею приходится признать народничество. Въ теченіе довольно значительнаго времени въ русскихъ журналахъ и въ русскихъ книгахъ, за исключеніемъ развѣ помазанныхъ аристократическимъ помазаніемъ, во всякихъ формахъ литературнаго творчества, въ разсказахъ и повѣстяхъ, въ идилліяхъ и элегіяхъ, и чуть-чуть не въ одахъ, въ древнемъ стилѣ, и особенно въ очеркахъ, очеркахъ и очеркахъ,—фигурировалъ народъ. Невозможно, однако, не признать, что въ теченіе этого времени народничество не успѣло или не съумѣло создать ничего въ литературномъ смыслѣ особенно значительнаго, выдающагося, такого, что̀ могло бы равняться съ шедёврами блестящей плеяды не народническихъ въ полномъ смыслѣ пи-

сателей „сороковыхъ годовъ“: что̀ имѣло бы смыслъ и значеніе не слишкомъ условное и временное, и чѣмъ наши потомки могли бы поинтересоваться, какъ яркимъ и положительнымъ отраженіемъ всего нашего времени, съ его наиболѣе характеристическими чертами. Невозможно не согласиться также, что не успѣвши создать ничего „мірового“, неумирающаго, русское литературное народничество успѣло порядкомъ набить оскомину читателю. Изрѣдка появлявшійся вѣжливый упрекъ по адресу россійской беллетристики, что въ ней— „все мужикъ да мужикъ, такъ что отъ мужика дѣваться некуда“, имѣлъ свое фактическое основаніе, не лишенное справедливости, правоты.

И дѣло не въ томъ, что мужикъ этотъ былъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, очень не интересный человѣкъ, не живое созданіе творчески объединяющей фантазіи, не типическіе образы, созданные на основѣ дѣйствительности, а по большей части съ плаксивыми мыслями сочиненные авторами туманы. Вѣдь не вызывали же и не вызываютъ понынѣ „Записки Охотника“ упрековъ насчетъ изобилія въ нихъ мужика, хотя въ нихъ онъ фигурируетъ непрестанно, отъ практика Хоря и идеалиста Калиныча до молодыхъ ребятъ въ „Бѣжиномъ лугѣ“, и отъ представителей народныхъ эстетическихъ стремленій въ „Пѣвцахъ“ до дѣтски-покорной Провидѣнію „невѣсты Христовой“ въ „Живыхъ мощахъ“,—фигурируетъ всегда живой и интересный, какъ носитель особаго душевнаго міра, чарующаго своими глубоко человѣчными оригинальными сторонами. Словомъ сказать, народничество, какъ истинное дѣло рукъ человѣческихъ, отличается капитальными недостатками, несовершенствами, и съ этой точки зрѣнія намекаетъ на какія-то серьезныя причины, не дающія ему развиться до формъ болѣе совершенныхъ. При всемъ томъ самое постоянство его, его стойкость передъ невзгодами, передъ всяческимъ непризнаніемъ и равнодушіемъ публики, прочное мѣсто, завоеванное имъ въ литературѣ, — все свидѣтельствуетъ, что оно не напрасно, что есть же, значитъ, въ русскомъ обществѣ такіе умственные и нравственные запросы и интересы, для которыхъ оно служитъ откликомъ и удовлетвореніемъ.

Но, — „очень нужно какое-то народничество въ искусствѣ!“ — скажетъ вамъ россійскій консерваторъ; русскій либералъ отнесется къ народничеству, какъ къ явленію симпатичному, честному, но въ сущности крайнему, ошибочному и совершенно ненужному; даже самъ народникъ, особенно если онъ не беллетристъ, отнесется съ сомнѣніемъ къ народнической беллетристикѣ, допуститъ ее развѣ въ томъ собственно смыслѣ, что ужъ если суждено существовать на бѣломъ свѣтѣ беллетристической литературѣ, то пусть она будетъ въ такомъ случаѣ лучше народническою, чѣмъ какою-либо другою. И тотъ, и другой, и третій не разсматриваютъ литературнаго народничества какъ факта неизбѣжнаго, логически вытекающаго изъ всего предыдущаго русской литературы. Консерваторъ наклоненъ смотрѣть на него, какъ на что-то наносное, Богъ знаетъ откуда и на что̀ пришедшее, какъ на нѣчто въ родѣ литературной „крамолы“, только по несерьезности своей не заслуживающее заботъ объ искорененіи. А либералъ признаетъ его результатомъ не серьезнаго увлеченія, да еще... невѣжества, недостаточнаго знакомства съ благами европейской цивилизаціи и европейскими идеями, — признаетъ такъ по крайней мѣрѣ въ значительномъ большинствѣ случаевъ.

Но всѣхъ убѣжденнѣе въ своей необыкновенной новизнѣ и независимости отъ историческаго прошлаго нашей литературы — само народничество, доходившее до полнаго отрицанія искусства и литературы и во всякомъ случаѣ только снисходительно допускающее память о „барской“, „господской“ литературѣ, но серьезнаго значенія ей не придающее. Какое преувеличеніе, какое навязываніе крайностей всѣмъ литературнымъ „партіямъ!“ скажетъ читатель. Я совершенно согласенъ, что въ печати нашей, вообще говоря, не было категорически заявленныхъ мнѣній, въ родѣ вышеприведенныхъ; но что сущность отношеній именно та, что только голая грубость ея мѣшаетъ ея полной откровенности и ведетъ къ нѣкоторому замаскированію, это знаетъ всякій человѣкъ, имѣвшій случай близко слѣдить за современными русскими литературными теченіями и прорывавшимися между ними полемическими эпизодами.

Существуетъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, что въ *исторіи* нашей литературы кроются источники современнаго народничества, и это, разумѣется, довольно не безъизвѣстно всѣмъ противникамъ его. Съ другой стороны, его неуспѣхи и неудачи, его качественная бѣдность, дававшая поводъ къ его непризнанію, объяснимы также только особымъ характеромъ его историческаго послѣдовательнаго развитія и сопровождавшихъ его обстоятельствъ. Только съ этой исторической точки зрѣнія можно вполнѣ постигнуть, почему народничество такъ настойчиво и не сокрушимо, а, съ другой стороны, почему оно не съумѣло своею внутреннею силою, фактомъ геніальнаго созданія, напримѣръ, заставить въ себя увѣровать не сторонниковъ, что̀ очень не трудно, а противниковъ,—вынудить у нихъ признаніе себя, какъ это сдѣлали прошлыя литературныя направленія, также вѣдь подвергавшіяся нападеніямъ. Вспомните исторію „Горя отъ ума", произведеній Пушкина, „Мертвыхъ душъ" и „Ревизора" Гоголя, которые, однако, составляютъ теперь истинное основаніе русской литературной славы. Выводы, которые слѣдуютъ изъ историческихъ литературныхъ фактовъ, могли бы быть высоко поучительны и цѣнны для самаго народничества, давъ ему понять, что все хорошее въ немъ имѣетъ могучихъ предшественниковъ, давшихъ ему содержаніе, а что неуспѣхи его, быть можетъ, именно отъ того и происходятъ, что оно мнитъ быть единственнымъ обладателемъ и источникомъ истины, и потому вноситъ въ „свою литературу" духъ исключительности, „духъ узкой современности и положительности", который можетъ его сдѣлать „незаслуживающимъ будущности"... А будущность эта должна быть цѣлью всякаго литературнаго направленія, въ ней только и есть смыслъ, если мы хотимъ не себя тѣшить, а участвовать въ великомъ дѣлѣ человѣческаго умственнаго и нравственнаго совершенствованія: потому что—какой прокъ сѣять сѣмена, если не надѣяться, что они отродятся на благодатной нивѣ будущаго? какой смыслъ мыслить, выстрадать убѣжденія, съ тѣмъ чтобы потомки наши прошли мимо нихъ равнодушно, не нашедши въ нихъ, ни мысли плодовитой, „ни геніемъ начатаго труда"...

2.

Въ той мысли, что въ исторіи русскаго развитія далеко не одно благотворное вліяніе имѣло преклоненіе передъ европейскимъ просвѣщеніемъ, что оно вызвало ненужное и вредное игнорированіе своихъ родныхъ жизненныхъ началъ и повело къ измѣренію всѣхъ совершающихся на родинѣ явленій и жизненныхъ процессовъ на иностранный аршинъ, т.-е. въ самой идеѣ этой, не говоря о ея практическихъ примѣненіяхъ и помимо всѣхъ ея преувеличеній, есть значительная доля истины. Литературныя представленія не составляютъ исключенія въ этомъ смыслѣ, и на нихъ со всевозможною силою, но преимущественно по отношенію къ формамъ, отразились крайности европейскаго направленія. Мы долго не могли создать никакихъ самобытныхъ, оригинальныхъ формъ литературной мысли и довольствовались уже готовыми одами, элегіями, эклогами, потомъ романами и новеллами всякаго рода, и даже всякую литературную исторію нашу дѣлали на манеръ западно-европейской: тамъ былъ ложный классицизмъ, и у насъ онъ былъ; тамъ возсталъ романтизмъ, измѣнившій формы и содержаніе литературной мысли, и у насъ появлялся романтизмъ.

Впрочемъ дальнѣйшее развитіе нашей литературы пошло уже болѣе самостоятельными путями, хотя европейскія точки зрѣнія были постоянно преобладающими и, въ сущности,— что̀ совершенно понятно, — подчиняли всю русскую мысль старѣйшей и болѣе выработанной европейской. Гнетъ преобладанія европейской мысли былъ таковъ, что и самое пониманіе нами нашей же литературной исторіи складывалось по образцамъ европейскимъ: въ ней мы искали не просто явленій, подлежащихъ изученію, а фактовъ, подобныхъ фактамъ европейской литературной исторіи: ложнаго классицизма, романтизма, натурализма, хотя вѣдь, собственно говоря, никакой необходимости, ни логической, ни жизненной, въ нихъ не было, и русская литературная мысль могла бы и, пожалуй, должна бы была пойти совершенно иными, самостоятельными путями, вырабатываться въ иныхъ формахъ и съ своимъ

содержаніемъ. На огромную страну, полную жизни и оригинальности,—хотя, нужно сознаться, несомнѣнно также весьма дикаго по мѣстамъ невѣжества,—смотрѣли не просто даже какъ на нѣкую вещь, которую надлежало „исправить и дополнить" по европейскому идеалу, а какъ на совершенно пустую форму, которую нужно было наполнить „европейскимъ просвѣщеніемъ"; романтизмъ, натурализмъ, идеализмъ и реализмъ, какъ *формы* европейской умственной жизни, естественно казались необходимымъ *содержаніемъ* и умственной жизни русской, хотя — повторяемъ — далеко не всѣ „измы" необходимы и свойственны всѣмъ и каждому, какъ несвойственно нашему народу и нашему времени жизнерадостное міровоззрѣніе древняго грека эпохи персидскихъ войнъ и какъ несвойственъ мусульманскій фатализмъ трезвому англичанину девятнадцатаго вѣка.

Но посмотрите въ „исторію" нашей литературы, и вы вездѣ непремѣнно будете находить почти исключительно факты уловленія нами европейской вселенной, все такіе факты, какъ будто бы мы были самая настоящая Европа. И любопытно бы видѣть, что сталъ бы дѣлать несчастный русскій литературный человѣкъ, получившій на свое благоусмотрѣніе литературу какого-либо народа, въ которой не было ни ложнаго классицизма, ни романтизма; какой непорядокъ нашелъ бы онъ въ этой литературѣ, и какимъ нарушителемъ предписанныхъ Европою законовъ развитія казался бы ему этотъ народъ!

Серьезно говоря, въ нашихъ представленіяхъ о нашей литературѣ, въ нашихъ требованіяхъ отъ нея, до сихъ поръ слишкомъ много, такъ сказать, чужой точки зрѣнія. Не потому ли, между прочимъ и самое народничество, какъ явленіе сравнительно болѣе самобытное, не имѣющее въ Европѣ ни прецедентовъ, ни образцовъ, не угодило ни большой читающей публикѣ, возросшей на европейскихъ издѣліяхъ, не болѣе художественныхъ, какъ наприм. романы Полей Февалей, ни литературно-образованному меньшинству, до нѣмецкихъ теоретиковъ русской самобытности?

Съ измѣненіемъ точки зрѣнія многіе факты нашей лите-

ратурной исторіи предстанутъ въ иномъ свѣтѣ и будутъ группироваться иначе, распадаться на иные періоды и эпохи; то, что казалось важнымъ съ одной точки зрѣнія, можетъ совершенно не быть таковымъ съ другой, непонятное и ненужное—можетъ вырости до колоссальнаго; дѣятельность отдѣльныхъ историческихъ личностей предстанетъ опять въ иномъ свѣтѣ, выдвинутся ихъ новыя заслуги и, быть можетъ, поблѣднѣютъ уже признанныя. Если вы признаете назначеніемъ литературы въ извѣстную эпоху — перенести къ себѣ, въ себя, уже готовые плоды европейской литературной мысли, тотъ, кто первый овладѣлъ литературной формой и содержаніемъ европейскимъ, предстанетъ передъ вами великимъ творцомъ литературы; если же вы будете видѣть дѣло литературы въ ту эпоху въ томъ, чтобы выражать собою умственныя и нравственныя стремленія современной ей жизни, въ вашихъ глазахъ будетъ тотъ великъ, кто съумѣлъ избѣжать, не поддаться слишкомъ сильному чуждому вліянію и отозваться на живой призывъ своего отечества и своего народа.

И вотъ, если смотрѣть на литературное народничество нашего времени исторически, а исторію нашей литературы понимать не въ смыслѣ исторіи пересажденія на русскую почву одъ, идиллій, элегій и эпиграммъ, а равно классицизма, европейскаго романтизма и натурализма, то народничество это не покажется намъ ни слишкомъ новымъ явленіемъ, ни слишкомъ неожиданнымъ. Что такое литературное народничество? Стремленіе путемъ беллетристическаго и художественнаго воспроизведенія народной жизни, путемъ указанія многострадальной судьбы народа, вызвать въ обществѣ и поддерживать интересъ къ нему; изучить народъ до постиженія глубоко проникающихъ его жизнь, но трудно формулируемыхъ идеаловъ его; дать понять обществу, что собственные его идеалы не только не выше народныхъ, но уступаютъ ему; наконецъ, призвать вниманіе общества на соціальную обиженность народа и на средства поднятія его правъ до полнаго равенства съ правами всѣхъ и пр., и пр. Но если это такъ, то оно создано не самими послѣдними временами и послѣдними идейными вліяніями, а литература наша съ давнихъ

поръ и положительными своими свойствами, и отрицательными, вела къ тому, чтобы въ ней возникло и народническое теченіе.

3.

Полвѣка тому назадъ, русскій геніальный критикъ, обозрѣвая возникшую до него русскую литературу, „отъ Ломоносова, перваго ея генія, до Кукольника, послѣдняго ея генія“, провозгласилъ свою знаменитую формулу: „у насъ нѣтъ литературы!“ „У насъ нѣтъ литературы“, говорилъ онъ: „а слѣдовательно нѣтъ и исторіи литературы: ибо ни одно явленіе въ ней не было слѣдствіемъ другого явленія, ни одно событіе не вытекало изъ другого событія. Исторія нашей словесности есть ни больше, ни меньше, какъ исторія неудачныхъ попытокъ посредствомъ слѣпого подражанія иностраннымъ литературамъ создать свою литературу. Но литературу не создаютъ; она создается, такъ, какъ создаются, безъ воли и вѣдома народа, языкъ и обычаи“. Словомъ, Бѣлинскій видѣлъ въ нашей литературѣ тогдашняго времени отсутствіе того, что впослѣдствіи Аполлонъ Григорьевъ называлъ „органическими“ литературными явленіями, вытекавшими органически изъ послѣдовательнаго развитія самосознающей мысли русской. Все, что геніальный критикъ могъ видѣть настоящаго, поэтическаго и истинно значительнаго въ русской литературѣ, были только четыре представителя ея: Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ, которыхъ онъ притомъ называетъ „случайными“ явленіями. Но Бѣлинскій не заботится о литературѣ—она будетъ, явится въ свое время; „намъ нужна не литература, а просвѣщеніе!“ восклицаетъ онъ.

Бѣлинскій имѣлъ предшественника въ Надеждинѣ, который раньше и съ большой опредѣленностью указывалъ на отсутствіе въ нашей литературѣ тогдашняго времени самостоятельности. Онъ говорилъ, что „словесность наша была барщиною европейской, она обработывалась руками русскими не по-русски, истощала свѣжіе неистощимые соки юнаго русскаго духа для воспитанія произрастеній чуждыхъ, не нашихъ“... „Благодатный весенній возрастъ словесности,—про-

должаетъ онъ:—запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободною естественностью и оригинальною самобразностью, у насъ, напротивъ, обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности". Въ этой подражательности онъ, съ совершенной послѣдовательностью своему взгляду, не видитъ даже просто смысла. „У насъ не было классицизма,—говоритъ онъ:—потому что не было строгаго классическаго образованія въ томъ смыслѣ, какъ это понимала Западная Европа; тѣмъ болѣе не было романтизма, ибо это также было чуждо Россіи. Но, по привычкѣ называть все свое именемъ европейскимъ, слово это зашло къ намъ".

Мы остановились на этихъ мнѣніяхъ изъ той эпохи, когда уже возникла въ русской литературѣ самостоятельность, не напрасно. Конечно, справедливо, что нашъ доморощенный романтизмъ, не говоря уже о классицизмѣ, долженъ былъ играть странную роль. На западѣ, у себя дома, онъ былъ однимъ изъ революціонныхъ теченій. Это было возстаніе противъ устарѣлыхъ формъ и устарѣлаго содержанія литературныхъ произведеній, отказъ отъ стѣсняющихъ „единствъ" и другихъ предписаній устарѣлой теоріи и расширеніе содержанія жизненными сюжетами, прежде не допускавшимися въ литературу. Въ частности, романтизмъ былъ обращеніемъ литературы къ среднимъ вѣкамъ съ ихъ оригинальною жизнью и поэзіею. У насъ не было ни среднихъ европейскихъ вѣковъ, ни классицизма,—увлеченія древними формами искусства до поклоненія имъ, до боязни преступить законы, данные ими даже въ мелочахъ; а потому не могло быть ни обращенія къ среднимъ вѣкамъ, ни стремленія освободиться отъ стѣсненій классицизма. Въ этомъ отношеніи мы были совершенно свободны и могли смѣло выбирать для усвоенія и подражанія все, что угодно, романтизмъ и не романтизмъ, классицизмъ и не классицизмъ.

Но не поражаетъ ли всякаго безпристрастнаго наблюдателя странное обстоятельство. Если вся до-пушкинская „словесность" была только слѣпымъ подражаніемъ, тщетными усиліями посредствомъ него создать литературу, если ея наиболѣе характеристической чертой нужно признать искус-

ственную принужденность, то непонятно, какимъ образомъ изъ столь мертвенныхъ и безплодныхъ явленій могли вдругъ ярко заблистать явленія живыя и самобытныя, откуда могъ взяться Пушкинъ и послѣдующая литература? Или, быть можетъ, пушкинскій литературный періодъ не былъ продолженіемъ вообще русской литературы и развился изъ другихъ источниковъ и основаній? Подобное соображеніе невольно ставитъ вопросъ: не слишкомъ ли строго наше сужденіе о литературѣ до-пушкинскаго періода?

Дѣло, дѣйствительно, въ томъ, что рядомъ съ чрезмѣрнымъ даже внѣшнимъ подчиненіемъ формамъ чужой мысли, періодамъ подражательности не чуждъ внутренній, такъ сказать, подпочвенный ростъ мысли самостоятельной,—по крайней мѣрѣ у народа историческаго, имѣющаго самостоятельную и дѣятельную будущность. Въ исторіи нашей литературы восемнадцатаго вѣка этотъ ростъ самостоятельной мысли, если обращать меньше вниманія на заимствованныя формы и общія идеи, постоянно очевиденъ. Чуткій русскій умъ Посошкова не умеръ вмѣстѣ съ нимъ и пробивается сквозь классическія вирши; въ одахъ Ломоносова на васъ смотритъ пытливый наблюдатель природы и жизни, не утратившій склада чисто деревенскаго мужицкаго ума, а не просто подражатель нѣмецкому стихотворству; отъ фантазіи Державина вѣетъ холодомъ сѣверной зимы и безграничнымъ просторомъ снѣжной равнины. Русскій духъ, русскій умъ не погрязалъ въ подражаніи, а жилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельной жизнью, по крайней мѣрѣ въ ея лучшихъ представителяхъ, и если онъ былъ увлеченъ наукой запада, открывавшей неожиданныя перспективы знанія, и западной литературой, заключавшей въ себѣ цѣлые міры мысли, то только затѣмъ, чтобы примѣнить ихъ у себя дома, воспользоваться ихъ благодѣтельными сторонами. Бѣлинскій былъ глубоко правъ, когда русскому національному характеру приписывалъ не легкость и охоту усвоенія чужого, а напротивъ, упорное сохраненіе „самости“ внутренней при внѣшнемъ принятіи чужихъ только формъ.

Весь восемнадцатый вѣкъ русской литературы полонъ

фактовъ также и прямого стремленія удержать самостоятельность. Рельефный примѣръ тому—драматическіе писатели екатерининской эпохи. Остроумныя комедіи Княжинина („Хвастунъ“, „Чудаки“, „Несчастіе отъ кареты“ и пр.), торжество мѣщанской трагедіи, комическая опера Аблесимова: „Мельникъ“ и рядъ другихъ фактовъ свидѣтельствуетъ о желаніи не быть подражателями, и проникнуть до простонароднаго быта; появляется мнѣніе (Лукина) о необходимости не подражать иностраннымъ пьесамъ, а передѣлывать ихъ такъ, что „склонять на наши нравы“. Фонъ-Визинъ, Капнистъ („Ябеда“) выражаютъ собою яркое стремленіе сблизить литературу съ дѣйствительностью и прокладываютъ пути литературѣ народной; Львовъ въ „Собраніи русскихъ пѣсенъ“ (1790), высказываетъ замѣчательнѣйшую для тогдашняго времени мысль, что безъискусственная народная поэзія должна стать предметомъ серьезнаго изученія, которое дастъ цѣнные результаты. Всѣ эти факты далеко не стоятъ такъ на виду, какъ подражанія и заимствованія отъ Европы; но они достаточно говорятъ о томъ, что все литературное движеніе русскаго восемнадцатаго вѣка далеко не было только „рабскимъ подражаніемъ“.

Въ тотъ вѣкъ возникли и всѣ главнѣйшія теченія современной намъ литературы. Фонъ-Визинъ поставилъ вопросъ: „какъ истребить два сопротивные и вредные предразсудка: первый—будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй—будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?“ Въ немъ уже ироническая характеристика двухъ тогдашнихъ направленій съ ихъ крайностями, явившихся впослѣдствіи западничествомъ и славянофильствомъ. Въ Радищевѣ, авторѣ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, намѣчается народничество, близкое къ современному его смыслу.

И могло ли быть иначе? „Произведенія ума,—говоритъ Тэнъ въ одномъ изъ своихъ блестящихъ критическихъ анализовъ:—не одному уму обязаны своимъ происхожденіемъ (n'ont pas l'esprit seul pour père). Въ ихъ созданіи участвуетъ весь человѣкъ. Его характеръ, воспитаніе и жизнь, его прошлое и настоящее, страсти и способности, достоинства и пороки—

всѣ свойства его души и дѣлъ его оставляютъ свой слѣдъ въ томъ, что онъ думаетъ и пишетъ". Но эта глубокая мысль настолько же примѣнима къ умственной дѣятельности цѣлаго общества и народа, какъ и отдѣльнаго человѣка. Мыслимо ли же, чтобы народъ, давшій Ломоносова и Кольцова, и общество, создавшее блестящую литературную плеяду сороковыхъ годовъ, въ теченіе цѣлаго вѣка, отъ великаго преобразователя Россіи и до величайшаго ея поэта, въ этомъ огромномъ промежуткѣ между двумя историческими національными подвигами, только и были способны, что создать эпоху безпредметнаго, тупого, рабскаго подражанія!

4.

Въ до-пушкинскій періодъ нашей литературы холодный умъ, умъ логическихъ построеній, былъ ея главнымъ двигателемъ. Но есть области мысли и знанія, гдѣ умъ безсиленъ не только убѣдить, но даже образовать въ душѣ простое представленіе, гдѣ властна фантазія Никакой умъ никогда не дастъ ни малѣйшаго представленія о природѣ чуждыхъ странъ; картина, безъ словъ, безъ объясненій, можетъ дать яркое пониманіе ея. Таковы именно явленія психическаго міра отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, и только чувство и фантазія могутъ познакомить съ ними; нужно самому переиспытать, перечувствовать въ себѣ жизнь другой души, чтобы понимать ее.

Поэзія, художественное творчество вообще, представляетъ съ этой точки зрѣнія могущественное средство ознакомленія съ окружающимъ міромъ, и задачи его не расходятся, а совпадаютъ съ задачами наукъ. Карамзинъ могъ сколько угодно судить умомъ и говорить о народной гордости и любви къ отечеству, но когда ему приходилось показать это отечество въ явленіяхъ живыхъ, въ его историческихъ представителяхъ, онъ становился безсиленъ, и во времена вольности новгородской въ его повѣсти появляются ораторы, достойные засѣдать въ парламентахъ, но никакъ не убѣждать новгородскую вольницу на ея собственныхъ площадяхъ въ томъ, что „народы дикіе любятъ независимость", а что она, новгородская

вольница, какъ народъ не дикій, должна любить порядокъ, т.-е. московское самодержавное владычество надъ собою. Самосознаніе совершается преимущественно этою же силою творческой фантазіи, а не одного ума. Нужно постигнуть душевную жизнь окружающихъ, путемъ воспроизведенія ея въ себѣ, сравнить ее съ своею собственною жизнью, чтобы достигнуть прочнаго самосознанія. Общественное самосознаніе имѣетъ своимъ органомъ преимущественно художественную литературу.

Пушкинъ и былъ именно геніальнымъ поэтомъ Россіи, бросившимъ яркіе лучи на всю жизнь ея, физическую и психическую; онъ былъ поистинѣ тѣмъ, что называется „откровеніемъ". Русская природа въ его твореніяхъ впервые заблистала всей своей естественной красотой, русскій человѣкъ явился въ нихъ впервые истинно русскимъ обыкновеннымъ (типическимъ) человѣкомъ. Въ нашей литературѣ были весьма солидныя доказательства непониманія этого. Но, можетъ быть, дѣйствительно все дѣло поэзіи, художественнаго творчества, не важно? Развѣ до Пушкина Россія не знала себя? Развѣ Пушкинъ далъ какихъ-нибудь новыхъ русскихъ людей, а не тѣхъ, которыхъ до него всѣ ясно видѣли и знали? Не есть ли все дѣло его въ томъ, что онъ умѣлъ рисовать его похожѣе, чѣмъ другіе, до него? Такъ именно и смотрятъ на художественное творчество отрицатели искусствъ. Но поэтическое воспроизведеніе дѣйствительности не есть актъ искуснаго снятія съ нея копіи, а именно актъ самосознанія. Общество, создавшее литературу, свое художественное отраженіе въ ней, похоже на человѣка, никогда не думавшаго о своей наружности, не задававшагося мыслью, красивъ ли онъ, нѣтъ ли, и вдругъ, въ моментъ просвѣтлѣнія, съ поражающей ясностью увидавшаго въ зеркалѣ свое лицо.

Въ Пушкинѣ русская жизнь отразилась съ удивительной полнотой и отчетливостью, но только, такъ сказать, въ общихъ чертахъ. Онъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ и первымъ „народническимъ" художникомъ-писателемъ, но также, конечно, изображая въ общихъ чертахъ народную жизнь и народную психику. Такіе образы, какъ няня въ Онѣгинѣ и,

напримѣръ, гусаръ, въ пьесѣ того же имени, — истинные представители народной среды. Значеніе Пушкина, конечно, не въ томъ, что онъ знакомитъ читателя со всей русской жизнью,—необъятный предметъ, какъ русская жизнь, не можетъ быть исчерпанъ цѣлыми поколѣніями художниковъ; поэтъ великъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ невозможною дальнѣйшую ложь,—конечно, не сознательную — въ литературѣ, что читатель его учится сразу отличать въ художественной словесной картинѣ фальшь и неестественность, какъ изощренный, выученный глазъ сразу видитъ въ картинѣ на полотнѣ нарушеніе законовъ перспективы и естественности. Читатель можетъ отсюда вывести совершенно вѣрное заключеніе, что съ этой точки зрѣнія Пушкинъ имѣетъ огромное воспитательное значеніе, что онъ научаетъ видѣть истину, и не въ изображеніяхъ только жизни, а и въ самой жизни, что онъ изощряетъ умственные взоры, научаетъ жизни, и въ то же время воспитываетъ въ своемъ читателѣ необыкновенное чувство правды. Съ Пушкина литература теряла право на неестественность, вычурность, неистинность изображеній, или — что̀ тоже — на нехудожественность, и если эти свойства не оставили ее совершенно, то только въ силу недостаточной любви авторовъ къ истинѣ, или по недостатку таланта.

Возникновеніе интереса къ народу создалось уже въ литературѣ восемнадцатаго вѣка неизбѣжно, подъ вліяніемъ европейскихъ гуманныхъ идей, которымъ тогдашнее положеніе народа было крайнимъ противорѣчіемъ. Общественное самосознаніе пушкинскаго періода, какъ болѣе развитое, естественно должно было ввести въ тогдашнюю литературу еще большій протестъ противъ рабскаго безправія народа. Самъ Пушкинъ, изображавшій всѣ жизненныя явленія безъ похвалы и осужденія ихъ, но съ такою полнотою, что читатель самъ не могъ не видѣть ихъ сущности и внутренняго содержанія, а слѣдовательно и всѣхъ качествъ ихъ, вводилъ народъ и народную жизнь въ общую картину общественной русской жизни. Но при его преемникахъ становилось обязательнымъ, по всему теченію литературы, особенное обра-

щеніе къ народу, выдѣленіе „народнической“, уже почти въ нашемъ смыслѣ, литературы.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, съ какою послѣдовательностью литература двигается въ сторону народа. Общественная жизнь русская, жизнь собственно высшихъ классовъ, представляла столько призывающаго къ сатирѣ, къ осужденію, что тотчасъ же возникаетъ огромное литературное теченіе, имѣвшее своею несознательною цѣлью — положить прочное отрицаніе быта, державшагося на рабствѣ, и первымъ великимъ талантомъ на этомъ пути является Гоголь, великій Гоголь, такъ очаровывавшій Бѣлинскаго. Не говоря уже о „Ревизорѣ“, какими яркими и поучительными образами полны „Мертвыя души“! Этотъ Маниловъ, мысль котораго излѣнилась и измельчала до того, что дѣйствуетъ не по логическимъ требованіямъ, а по произволу, колеблется лѣнивыми впечатлѣніями, въ лѣнивыхъ мечтахъ отъ дружбы можетъ непосредственно переходить къ пожалованію въ генералы; этотъ Собакевичъ, весь погрузившійся въ мысль о матеріальномъ пріобрѣтеніи и погрязшій въ бараньихъ бокахъ съ кашей; этотъ скупецъ Плюшкинъ; окончательно потерявшій всякую мысль не кухоннаго свойства Петръ Петровичъ Пѣтухъ; лихой Ноздревъ съ хищными зубами, которыхъ не ублаготворитъ работа тысячъ людей; даже гуманный, образованный Тентетниковъ, проводящій лѣнивую жизнь въ *намѣреніи* написать сочиненіе, долженствующее обнять Россію во всѣхъ отношеніяхъ; наконецъ всѣ эти губернскіе чиновники, прокуроръ и почтмейстеръ, даже до капитана Копѣйкина и той удивительной рыбы, чуда-природы, отъ которой Собакевичъ ухитрился оставить остальнымъ гостямъ только хвостъ... Какая изумительная коллекція портретовъ, носящихъ на себѣ печать лѣни, апатіи, воспитанной безтрудовою жизнью!

И какой естественный переходъ отъ этого класса людей, держащаго въ своихъ рукахъ судьбы тысячъ, обреченныхъ на рабскій трудъ,—къ этимъ обездоленнымъ. Что всего естественнѣе былъ именно такой путь мысли, доказывается обстоятельствами. Городское русское мѣщанство, классъ людей, еще, быть можетъ, болѣе обиженный и обдѣленный судьбою,

чѣмъ крестьянство, не нашелъ себѣ пріюта въ литературѣ, а нашелъ его преимущественно крѣпостной мужикъ. Какъ бы то ни было, но уже одного Гоголя было достаточно, чтобы отвратить идеальное сочувствіе, составляющее постоянное содержаніе всякой литературы, отъ господствовавшаго класса людей въ противоположную сторону.

Дѣйствительно, въ литературѣ обращеніе къ народу становится однимъ изъ главнѣйшихъ теченій съ этихъ поръ. Самъ Гоголь, своими народными картинами въ „Вечерахъ", такъ поразившихъ самого Пушкина, уже выступилъ на этотъ путь. Искренность, естественность обращенія литературы къ народу — ясна на Лермонтовѣ. Чуткій умъ, чуткая душа, смотрящая на окружающую жизнь взоромъ, изощреннымъ Пушкинскимъ анализомъ, воочію видя персонажи Грибоѣдовскаго „Горя отъ ума" и Гоголевскихъ „поэмы и комедіи", подвергалась тяжкому томленію, страстной тоскѣ по отсутствующему идеалу. Молодой Лермонтовъ снѣдаемъ былъ этою страстною тоскою по идеалу, еще не разлагая жизнь на стороны удовлетворяющія и не удовлетворяющія добру и правдѣ, еще не успѣвши облечь свои идеалы въ опредѣленныя представленія и цѣли. По его общественному положенію и условіямъ жизни онъ принадлежалъ къ тому именно классу людей, который не вызывалъ сочувствія въ литературѣ, и его исканія идеала естественны и понятны безъ всякаго байронизма, только помогшаго съ большею силою развиться ему. Но гдѣ же Лермонтовъ находитъ хоть какое-нибудь утѣшеніе среди своихъ безплодныхъ исканій? Помните ли его трогательное признаніе, что „любитъ онъ родину странною любовью"? Въ ней онъ находитъ природу, достойную любви, и человѣка, и человѣкъ этотъ — мужикъ. „Съ отрадой, многимъ незнакомой", онъ смотритъ на народный бытъ, „на пляску съ топотомъ и свистомъ, подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ"... Конечно, Лермонтовъ всегда нѣсколько „аристократъ" по своимъ мыслямъ и по самому воспитанію, по тѣмъ доказательнѣе примѣръ его; отъ него уже виднѣется въ дальнѣйшей перспективѣ еще лишній шагъ идеи къ полному народничеству, къ мысли о народной жизни, какъ единствен-

номъ центрѣ тяжести, на которомъ должны почить всѣ упованія будущаго.

И вскорѣ вся литература высказала чувство и мысль Лермонтова съ полной опредѣленностью. Знаменитая плеяда писателей сороковыхъ годовъ вся дѣйствовала въ двухъ направленіяхъ. Рисуя типы интеллигентной среды, она показывала отсутствіе въ ея жизни истинно идеальныхъ, человѣчныхъ стремленій, относилась къ ней отрицательно; въ то же время народъ и народная жизнь служили для нихъ предметомъ горячаго сочувствія. Тургеневъ, Писемскій, Григоровичъ, Левъ Толстой и проч. (Гончаровъ составляетъ до нѣкоторой степени исключеніе) — всѣ шли именно этимъ путемъ.

Изображеніе народной жизни въ отдѣльныхъ очеркахъ становится новымъ родомъ беллетристики. Но какое сравненіе между героями „господскихъ" повѣстей и народныхъ очерковъ у всѣхъ этихъ писателей? Персонажи „Записокъ охотника" почти всѣ необычайно симпатичны, особенно тѣ, въ которыхъ съ большею яркостью отражается народная душа („Живыя мощи", „Смерть")! Исключеніе составляетъ дѣйствительно самый пошлый сортъ людей изъ мужицкаго міра,—всѣ, потерявшіе связь съ своей родной средой и поддѣлывающіеся подъ барство (напр., „Свиданіе"). Но персонажи не „народныхъ" произведеній въ большинствѣ случаевъ обнаруживаютъ среду жестокую, малоидейную, хотя и съ претензіями на „образованность", и въ ней, въ этой средѣ — мученики, но мученики не ея одной, а и собственнаго безсилія, слабости. Возьмите Григоровича. Съ одной стороны — „Переселенцы" и „Антонъ Горемыка", съ другой — „Накатовъ, или недолгое богатство". У Писемскаго вы найдете съ одной стороны томительную жизнь „Фофановъ" и всякихъ интеллигентныхъ бездѣльниковъ, а съ другой — народную драму, влекущую васъ къ глубокому сочувствію къ народу. Изъ этого правила нѣтъ исключеній, если вы берете писателей поистинѣ даровитыхъ и имѣвшихъ вліяніе на общество. Другимъ направленіямъ оставались таланты въ родѣ Вонлярлярскаго...

Литература та умалчивала, конечно, объ одномъ, весьма

важномъ, обстоятельствѣ. Вызывая сочувствіе къ народу, она должна была, по выраженію одного изъ критиковъ пятидесятыхъ годовъ, быть не только его изобразителемъ, а и адвокатомъ, и это налагало на всю народную тогдашнюю литературу особый отпечатокъ. Нужно прибавить, что литература была права въ этомъ своемъ пріемѣ, потому что что́ же вы стали бы „обличать“ у народа совершенно безправнаго, котораго жизнь и поступки совершались въ огромномъ большинствѣ случаевъ не по собственной, а чужой волѣ? Негдѣ было взять такихъ впечатлѣній, которыя вели бы къ безпристрастному описанію народныхъ пороковъ; напротивъ, всѣ жизненныя впечатлѣнія убѣждали, что и въ лицѣ раба сохранялся „образъ и подобіе Божіе“.

Такимъ образомъ литература искренно, даже невольно, оставаясь правдивой и вѣрной дѣйствительности, тѣмъ не менѣе заслужила упреки, что возвышаетъ одно сословіе на счетъ другихъ. Все дѣло, однако, было лишь въ томъ, что жизнь различныхъ сословій бралась литературою съ различныхъ сторонъ, подъ разными углами зрѣнія.

Было впрочемъ и нѣкоторое другое свойство литературы изъ народнаго быта. Впослѣдствіи Добролюбовъ осмѣялъ всю эту беллетристику, возникшую въ качествѣ развитія дѣла, начатаго Григоровичемъ и Тургеневымъ. Онъ указывалъ между прочимъ, что въ народныхъ повѣстяхъ не допускались указанія на „юридическія права или, правильнѣе сказать, обязанности крестьянъ“... Все народническое литературное движеніе Добролюбовъ истолковалъ даже такъ, что ничего нельзя было въ тѣхъ годахъ касаться, почему авторы и обратились къ мужикамъ—„тѣхъ, дескать, какъ хочешь описывай!“ —и стали „отхватывать изъ русскаго народнаго быта драматическіе представленія и разсказы, въ самомъ безпримѣрномъ родѣ“. Но, конечно, это было увлеченіе: народническое направленіе было такъ же законно, какъ и то „живое и дѣйственное направленіе, направленіе истинно гуманическое“, которое Добролюбовъ отмѣтилъ въ произведеніяхъ не „народныхъ“.

Недостатки, указываемые въ народничествѣ тогдашняго вре-

мени, дѣйствительно, существовали: оно дѣйствительно было адвокатомъ народа, и установило моду изображенія народнаго быта безъ достаточнаго изученія его. Словомъ сказать, и тогда народничество было именно съ тѣми самыми несовершенствами, какія мы наблюдаемъ нынѣ. Развѣ въ наше время не существуетъ какъ разъ тождественное стремленіе изображать народъ, во-первыхъ такъ, чтобы онъ былъ очень хорошъ, и чтобы, съ другой стороны, ясно были видны вредное вліяніе на него сношеній съ интеллигенціей, и вредъ матеріальный, причиняемый ему кулаками и другими эксплоататорами. Новое въ современномъ народничествѣ развѣ то, что оно нерѣдко выводитъ нынѣ изъ народной среды выдуманныхъ героевъ, страдающихъ отъ своего міра, отъ своей же среды, точь-въ-точь, какъ въ посредственной литературѣ былыхъ временъ герои интеллигенціи противополагались толпѣ.

Это совершенно неудобный пріемъ, мало говорящій за идеи народничества. Потому что если народная среда только и умѣетъ дѣлать, что подвергать мученичеству своихъ лучшихъ людей, оказывающихся обыкновенно на повѣрку еще и не особенно хорошими, то, значитъ, она все та же среда человѣческая, — и не зачѣмъ быть народничеству. Къ этой средѣ примѣнятся тогда всѣ банальныя жалобы на толпу, и т. п., а главное, пріемъ этотъ, — ложный пріемъ, теоретически оправдываемый общими представленіями о такой ужъ судьбѣ героевъ — страдать отъ среды, практически же ведущій къ банальной постановкѣ характеровъ и къ еще болѣе банальной обстановкѣ ихъ людьми и обстоятельствами. Возьмите настоящее любое талантное произведеніе художественнаго слова, и въ немъ вы найдете страданія и героевъ, и *не* героевъ, торжество тѣхъ и другихъ, т.-е. найдете живую жизнь съ ея обычными перипетіями.

Такимъ образомъ, — приходится повторить намъ: — современное народничество наше, отдѣленное отъ „Записокъ Охотника“ тремя слишкомъ десятилѣтіями, не ушло впередъ въ смыслѣ выработки формъ и содержанія. Если не считать Гл. Успенскаго, оригинальное и сильное дарованіе котораго не идетъ шаблонными путями и ограничивается нынѣ почти этногра-

фическими очерками и передачей наблюденій, фактовъ весьма разнообразнаго характера и смысла, и потому иной разъ не причисляется къ писателямъ вполнѣ народническимъ, да г. Н. Златовратскаго, идеалиста народничества, то за всѣ тридцать лѣтъ мы не получимъ почти ничего дѣйствительно замѣчательнаго.

Впрочемъ мы намѣренно умалчивали о Рѣшетниковѣ и Левитовѣ, на которыхъ долженъ быть установленъ совершенно особенный взглядъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда, по выраженію одного изъ народниковъ же, въ литературу „пришелъ разночинецъ", составилось мнѣніе довольно вѣрное, что народную душу можетъ высказать только самъ народъ, своими собственными устами. Правда, это мнѣніе перепутывалось съ недовѣріемъ къ „барству" вообще и къ барской литературѣ въ частности. Между тѣмъ народъ нашъ, какъ извѣстно, не оставался безучастнымъ вполнѣ къ литературной жизни, и мы имѣемъ нѣсколько настоящихъ представителей его въ литературѣ. Къ нимъ принадлежатъ Кольцовъ и Никитинъ, къ нимъ же могутъ быть отнесены и Рѣшетниковъ съ Левитовымъ. Но что же говорятъ эти „дѣти народа", воспринявшіе всѣ впечатлѣнія отъ народной жизни? Кольцовъ, геніальный поэтъ, крыльямъ котораго мѣшалъ развернуться во всю ширь недостатокъ образованія, какъ Пушкинъ поётъ поэзію своего несложнаго быта, дающаго однако душѣ содержаніе, и какъ Лермонтовъ томится исканіемъ идеаловъ и отвѣтовъ на вопросы о загадкахъ міровой жизни. Никитинъ весь проникнутъ Некрасовымъ, его однообразнымъ, хотя и сильнымъ мотивомъ. Рѣшетниковъ... Но Рѣшетниковъ въ своихъ „Подлиповцахъ" даетъ такую страшную картину униженія человѣческой природы въ мужикѣ, что она стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ идеализмомъ народничества.

Левитовъ, напротивъ, представляетъ противоположный примѣръ. Въ его твореніяхъ, въ весьма высокой степени поэтическихъ, этимъ своимъ свойствомъ подобныхъ поэтическимъ пѣснямъ Кольцова, представляются въ идеальной окраскѣ такія стороны народной жизни, которыя не удовлетворяютъ ни идеаламъ интеллигенціи, заимствованнымъ отъ Европы, ни идеаламъ

самихъ народниковъ. Левитовъ—поэтъ горя большихъ дорогъ и селъ, разгула, удалой пѣсни, силы богатырской, шири безконечной, вольной воли, тоски лютой—и всего, чѣмъ наполняются русскія пѣсни, и что́ совершенно стоитъ внѣ народничества, созданнаго литературою искусственною, въ противоположность безыскусственной, настоящей народной. Съ этой точки зрѣнія существующія формы и содержаніе современнаго литературнаго народничества не находятъ поддержки.

Не остается ли надѣяться, что когда въ народѣ шире разовьется просвѣщеніе, въ немъ найдутся силы, которыя отразятъ до сокровеннѣйшихъ глубинъ народную душу и ея жизненные идеалы? Невозможно не отмѣтить того факта, что въ народнической литературѣ нашей совершенно не отражаются поэтическія стороны быта народа, которыя вы найдете въ его пѣсняхъ и у Кольцова, напримѣръ. А въ этихъ пѣсняхъ народъ представляется гораздо больше страдающимъ отъ злой тоски и воли батюшки, чѣмъ отъ кулака, стремящимся болѣе въ чужедальную сторону, чѣмъ на борьбу съ врагами деревни. Невольно представляются любопытными вопросы, въ какомъ отношеніи дѣйствительно стоятъ народные идеалы къ идеаламъ европейскимъ, чего хотятъ поэты изъ самаго народа, и какъ на нихъ отражается вліяніе образованія и пр. Отвѣта на нихъ мы пока въ народничествѣ не находимъ.

(1884).

О НАРОДНЫХЪ РУССКИХЪ ИДЕАЛАХЪ.

I.

Въ русской литературѣ не разъ поднимались толки о жизненныхъ идеалахъ нашего народа. Вопросъ этотъ имѣлъ, повидимому, слишкомъ большое практическое значеніе, чтобы не завладѣть общимъ вниманіемъ. Тѣмъ не менѣе этого не случилось, и споры, которые онъ возбуждалъ, остались на степени эмбріологическаго развитія.

Есть, однако, основаніе считать не выдерживающею критики ту мысль, что всякій народъ, способный къ цивилизаціи, живетъ подъ вліяніемъ приблизительно одинаковыхъ идеаловъ и стремленій. Въ европейскихъ обществахъ и народахъ, гдѣ колоссальное неравенство общественныхъ классовъ было закономъ въ теченіе вѣковъ, создались идеалы такой жизни, которая бы представляла каждой отдѣльной личности наименьшую зависимость отъ общества и природы. Чѣмъ меньше труда, тѣмъ лучше тамъ человѣку, и въ понятіяхъ, преимущественно буржуазной среды, идеалъ жизни—накопить себѣ, по возможности при меньшемъ трудѣ, достаточную ренту, которая обезпечивала бы существованіе уже совсѣмъ безъ труда, въ городѣ, полномъ банальнаго комфорта и такъ называемыхъ высшихъ наслажденій—почетомъ, литературою, искусствами. Рантьеръ—вотъ счастливый человѣкъ средняго состоянія; комфортъ—вотъ всемогущее слово, характеризующее стремленія огромнаго большинства. Всѣ условія жизни сложи-

лись на Западѣ такъ, чтобы этотъ банальный идеалъ сталъ всеобщимъ закономъ жизни: кто жилъ безъ труда, тотъ выучился смотрѣть на трудъ, какъ на неизбѣжное зло, устранить которое составляетъ счастливый удѣлъ немногихъ; кто жилъ трудомъ, обставленнымъ всѣми орудіями чрезмѣрной эксплотаціи, испыталъ отъ него только одни страданія,—и странно было бы, если бы онъ смотрѣлъ на него идеальнымъ воззрѣніемъ. Но невозможно же предположить, чтобы этотъ свойственный среднимъ европейскимъ людямъ идеалъ, въ самомъ себѣ носящій залогъ страстной борьбы за существованіе безъ труда и уже потому пагубный, былъ удѣломъ всѣхъ народовъ и обществъ, составляющихъ человѣчество.

Вопросъ объ идеалахъ нашего народа, такимъ образомъ, полонъ смысла и значенія. Къ несчастію, въ средѣ нашего образованнаго общества, принявшаго отъ Европы, вмѣстѣ съ благами цивилизаціи, и всѣ ея отрицательныя стороны, не было элементовъ, которые могли бы отнестись къ нему съ должнымъ вниманіемъ и осмотрительностью. Всѣ литературныя партіи, отражавшія идеальныя направленія общества, по существу своему представляли собою дѣятелей на поприщѣ примѣненія къ русской жизни и къ русскому народу тѣхъ же европейскихъ общественныхъ идей, на которыхъ уже лежала печать тамошнихъ условій быта и понятій. Русскій западникъ выдвигаетъ на первый планъ политическіе и соціальные идеалы, созданные Европою; тѣ, выяснившіяся вполнѣ злыя стороны европейскихъ формъ жизни, которыя портятъ ихъ идеалъ, онъ считаетъ переходными формами, долженствующими исчезнуть передъ прогрессомъ просвѣщенія, передъ распространеніемъ знаній въ массахъ народныхъ; народъ, въ представленіяхъ западника, не первенствуетъ въ общественной жизни, а лишь составляетъ предметъ заботъ просвѣщенныхъ людей, имѣющихъ свои, т. е. европейскіе, выработанные и провѣренные идеалы, согласно съ которыми они и должны улучшать весь національный бытъ. Словомъ, западникъ не хлопочетъ объ идеалахъ народа, а о примѣненіи къ нему своихъ. Славянофилы, *по крайней мѣрѣ славянофилы послѣдней формаціи*—отрицая западные идеалы и

формы жизни во имя самобытности русской, отыскивая свои собственные, русскіе, отличные отъ европейскихъ, идеалы, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно западникамъ, не отводятъ народу выдающейся роли ни въ смыслѣ экономическомъ, ни въ смыслѣ идейномъ: они оставляютъ для народа зависимость экономическую, зависимость нравственную и политическую, признавая и требуя руководительства народнаго „мѣстными землевладѣльцами", идеалы которыхъ, Богъ знаетъ, сходны ли еще хоть сколько нибудь съ идеалами народными. Славянофилы, послѣдняго времени, такимъ образомъ, представляютъ собою нѣчто далеко не столь несходное въ отношеніяхъ къ народу съ западниками, какъ это представляется съ перваго взгляда; народъ одинаково и для западниковъ, и для сторонниковъ самобытности является объектомъ, къ которому должны быть примѣнены руководящіе идеалы и принципы, выработанные высшими классами подъ историческими вліяніями. Русскій консерваторъ есть, въ нашемъ смыслѣ, преимущественно государственникъ, и народъ для него представляется *прежде всего средствомъ къ общей національной политической жизни* и дѣятельности, и лишь звеномъ въ общей цѣпи сословій.

Есть, правда, одно литературное направленіе, въ идеалахъ котораго все существуетъ для народа и все черезъ него совершается. Оно не признаетъ западническихъ идеаловъ, видя въ исторіи Европы доказательство, что они оказались безсильными дать счастіе и благосостояніе народу, не спасли европейскихъ обществъ отъ буржуазной эгоистической роскоши, развращающей ихъ, и отъ страшнаго, на другомъ концѣ общественной лѣстницы, пролетаріата, ввергшаго почти въ дикость огромныя массы населенія; оно не согласится признать истины и за идеалами, лежавшими въ основаніи дореформенныхъ порядковъ, приведшихъ къ исканію освѣжающихъ и обновляющихъ элементовъ на чужбинѣ, въ чуждой цивилизаціи. Направленію этому естественно и неизбѣжно было придти къ идеаламъ самаго народа. Народъ для него центръ тяжести національной жизни,—*народъ въ тѣсномъ смыслѣ, работающій, созидающій, выносящій на своихъ плечахъ всѣ тяготы историческихъ обстоятельствъ.* Но въ вопросѣ объ

идеалахъ, заправляющихъ народною жизнью, и это направленіе не дало никакихъ существенныхъ результатовъ. Оно не было застраховано отъ увлеченій и ошибокъ, а между тѣмъ приступало къ изслѣдованію народнаго умственнаго и матеріальнаго быта съ уже готовыми идеями, болѣе или менѣе общими для всего нашего образованнаго общества, т. е. съ идеями, въ сущности составлявшими только видоизмѣненіе тѣхъ, которыя были навѣяны европейскою мыслью и европейскимъ бытомъ, далеко не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ сходнымъ съ бытомъ русскимъ. Не даромъ же это народное направленіе нашей литературы получило начало, какъ вѣтвь направленія западническаго.

Въ результатѣ это народное направленіе получило странный характеръ. Наблюдателю русской народной жизни прежде всего бросались въ ней въ глаза противорѣчія идеаламъ, которые уже готовыми лежали въ душѣ народа. Передъ умственнымъ взоромъ вставали картины русскаго тяжелаго физическаго труда; и вотъ онъ, этотъ наблюдатель, подъ вліяніемъ европейскихъ теорій общественнаго быта, стремящихся смягчить тяжкій удѣлъ тамошняго рабочаго класса, готовъ былъ не только сожалѣть о народѣ и примѣнить къ нему европейскія идеи равномѣрнаго распредѣленія труда, — что понятно и справедливо, — но и примѣнить къ нему буржуазный идеалъ, стремленіе построить жизнь на правилѣ: какъ можно меньше работы, и какъ можно больше наслажденій и комфорта. Наблюдатель несетъ съ собою въ народъ идеалъ индивидуальнаго развитія, а встрѣчаетъ часто косную приверженность къ „міру“, безъ котораго мужикъ чувствуетъ себя безсильнымъ; и вотъ, онъ готовъ увидѣть въ этомъ мужикѣ задавленную личность, гнетомъ работы и зависимости низведенную на весьма низкую ступень нравственнаго и умственнаго развитія, но имѣющую, тѣмъ не менѣе, своимъ идеаломъ индивидуальную свободу, отсутствіе которой причиняетъ ему страданія. Всѣмъ памятенъ неисчислимый рядъ „очерковъ“, представляющихъ народъ именно въ этомъ свѣтѣ. Отсутствіе въ народѣ стремленій выйти изъ этого, столь противорѣчащаго идеаламъ, положенія могло повергать въ отчая-

ніе, доводить до потери вѣры въ будущность великаго народа, охватившаго собою треть міра, и притомъ являющагося въ такихъ идеально-прекрасныхъ образахъ въ великихъ произведеніяхъ нашей литературы, у Тургенева, Льва Толстого и другихъ. Недоразумѣніе было очевидное. Нужно было поставить вопросъ: не потому ли народъ нашъ не стремится къ развитію индивидуальному, къ комфорту и наслажденіямъ, переноситъ тяжкіе труды и презираетъ неработающаго человѣка, что такъ научаютъ его идеалы, лежащіе въ его жизни и передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе? Но вопросъ этотъ поставленъ не былъ. Такимъ образомъ и народное направленіе не раскрыло массовыхъ идеаловъ народа, а ограничилось лишь тѣмъ, что предположило въ немъ тѣ самые, которые были свойственны образованному обществу, развившему ихъ въ себѣ путемъ европейскаго просвѣщенія.

И смутные вопросы о народныхъ идеалахъ оставались смутными вопросами. Нѣсколько соображеній, слѣдующихъ ниже, имѣютъ цѣлью освѣтить хотя съ одной стороны это долговременное недоразумѣніе, господствовавшее въ русской литературѣ.

II.

Народные идеалы! Какое могущественное вліяніе могли бы они оказать на весь ходъ русской общественной жизни, если бы открыто и ясно стали передъ изслѣдователемъ народнаго вопроса въ его обширнѣйшемъ смыслѣ. Но о народныхъ идеалахъ, о народной правдѣ, — чаще говорятъ, чѣмъ въ состояніи указать ихъ и формулировать, выразить на доступномъ для всѣхъ языкѣ. Чего ждетъ и требуетъ народъ отъ жизни, въ чемъ полагаетъ задачи своего существованія, особенность своего деревенскаго міра? Народъ молчитъ, быть можетъ неясно сознавая такое отношеніе свое къ чуждой для него жизни интеллигенціи. Но какое странное положеніе создалось для него по отношенію къ этой послѣдней! Камни развалинъ Вавилона, повидимому, краснорѣчивѣе для насъ живого народа, живущаго, мыслящаго и чувствующаго рядомъ съ нами, и больше способны сказать намъ о судьбахъ чело-

вѣческихъ! Въ народъ русскій идутъ добровольныя экспедиціи изъ русскихъ же людей, какъ въ какую-нибудь невѣдомую страну, населенную невѣдомымъ племенемъ, живущимъ совершенно оригинальною жизнью. Но изъ невѣдомой страны путешественникъ привозитъ обратно свидѣтельства о своеобразной духовной дѣятельности племени, описываетъ вамъ его религіозныя представленія, его нравственныя понятія,— и психологія далекаго народа становится доступною для вашего пониманія. А русскій народъ обыкновенно даетъ своему наблюдателю нѣсколько явленій загадочнаго смысла и характера, которые и составляютъ весь результатъ усилій экспедиціи. Нисколько не шутя, такимъ представляется русскій народъ во всѣхъ этихъ попыткахъ осмыслить психологію народную, во всѣхъ этихъ „очеркахъ", которыми такъ богата наша литература... Не зависитъ ли это отъ того, что русская народная психологія есть вмѣстѣ съ тѣмъ психологія всякаго русскаго человѣка, которому потому и въ голову не приходитъ—путемъ акта простого самосознанія подыскать объясненія изучаемыхъ и наблюдаемыхъ явленій, и который поэтому ищетъ объясненій болѣе сложныхъ, на подобіе исканія извѣстныхъ рукавицъ, бывшихъ за поясомъ?

Народъ нашъ, однако, не до такой степени безотвѣтенъ, какъ это представляется на первый взглядъ, и не всѣ „экспедиціи" въ народъ остались безрезультатны. Результатовъ, быть можетъ, было бы тѣмъ больше, чѣмъ съ меньшей предвзятостью приступали бы къ изысканію „народной души", чѣмъ ближе походилъ бы наблюдатель на такого, который записываетъ свои простыя наблюденія съ равнодушіемъ чужого человѣка; страстный зритель, свой, рискуетъ болѣе не понять и ошибиться. Народъ, повторяемъ, не всегда оставался безотвѣтенъ. Еще въ началѣ семнадцатаго вѣка, внимательный иностранецъ, англичанинъ Ричардъ Джемсъ, пытливо вглядывавшійся въ проявленія духовной жизни русскаго народа, отыскалъ и записалъ нѣсколько московскихъ былинъ. Сто лѣтъ спустя, какой-то Кирша Даниловъ, быть можетъ казакъ, составляетъ цѣлый сборникъ былинъ для любознательнаго Прокофія Демидова. Въ слѣдующее столѣтіе трудами П. Кирѣев-

скаго. Безсонова, Рыбникова, Гильфердинга, Даля и пр. и пр. собранъ огромный матеріалъ народнаго поэтическаго творчества. Весь почти былевой эпосъ народа теперь передъ нами; сказки, отразившія на себѣ исторію, бытъ, нравственныя представленія народа, вліяніе на народное воображеніе сказокъ чужеземныхъ и книжныхъ, пѣсни, въ которыхъ лирически выразились чувства и скорби народныя — неужели все это не способно дать никакого представленія о прошлыхъ стремленіяхъ народныхъ, объ его идеальныхъ представленіяхъ, объ интересахъ, занимавшихъ его?

Каково бы ни было первоначальное происхожденіе русскихъ былинъ и сказокъ,—суть ли онѣ самобытныя созданія народнаго духа, отраженіе его исторической и мифологической старины, или же результатъ заимствованія, — откуда хотите, хотя бы отъ тюркомонгольскихъ племенъ (по Стасову),—выводъ получается приблизительно тотъ же, заимствованіе предполагаетъ непремѣнно переработку въ горнилѣ русскаго духа, русской фантазіи и русскаго ума. И слѣдовательно, во всякомъ случаѣ на былинахъ и сказкахъ лежитъ печать духа и характера народнаго, истинно народныя идеальныя представленія должны были занять въ нихъ первенствующее мѣсто, измѣнивъ и переладивъ въ заимствованіяхъ все по этой мѣркѣ народныхъ представленій и отразившись съ полной силой въ томъ, что обязано своимъ происхожденіемъ дѣйствительно и безусловно самобытной, самостоятельной духовной дѣятельности народа. Какія же данныя представляетъ въ этомъ направленіи народное творчество?

III.

Самымъ крупнымъ героемъ народной былины, но въ тоже время утратившимъ въ своемъ образѣ почти всѣ свойственныя всѣмъ былевымъ героямъ сверхъестественныя черты, и приблизившимся къ просто человѣческому облику, представляется Илья Муромецъ. Первое, что мы встрѣтимъ во всѣхъ сказаніяхъ, а въ томъ числѣ и въ сказаніяхъ объ Ильѣ Муромцѣ, будетъ поклоненіе силѣ; представленія объ

огромной, невѣроятной для самого народа, силѣ останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе, вызываютъ особенное удовольствіе. Важность народныхъ воззрѣній, ихъ центръ тяжести можетъ быть поставленъ въ томъ, главнѣйшимъ образомъ,—*на что* устремлена сила героя, куда она направлена? Сквозь примитивную грубость любимца народныхъ сказаній, —отвѣчая на этотъ вопросъ,—проглядываютъ необыкновенно человѣчныя черты, отражающія тотъ духъ гуманной терпимости, который вообще свойственъ нашему народу. По очень вѣрной и всеобще принятой характеристикѣ, русскій богатырь есть „*сила служилая*". Вся богатырская жизнь и дѣятельность любимца народной былины идетъ именно на благо родной земли „святорусской". Когда онъ, собираясь въ путь, „разстилается" передъ батюшкой и проситъ у него „прощеньице-благословеньице", тотъ чисто идеалистически запрещаетъ *произволъ силы, злоупотребленіе ею*. „Я на добрыя дѣла благословенье дамъ, а на худыя дѣла благословенья нѣтъ,— говоритъ онъ сыну,—не помысли зломъ на татарина, не убей во чистомъ полѣ христіанина". Въ первую свою поѣздку въ Кіевъ, Илья, подъ Черниговомъ, окруженъ „силой несмѣтной". И вотъ ему предстала необходимость освободить Черниговцевъ. „Богатырское сердце неуёмчиво, разгорчиво, что веселый огонечекъ разыграется", и хотя Ильѣ „не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ, не хотѣлось бы и заповѣдь переступить", но необходимость вынудила расправиться съ „силой-ратищемъ". Но онъ не сразу все таки прибѣгаетъ къ силѣ, а начинаетъ переговоры. Весьма характеристично обращеніе Ильи Муромца къ тремъ царевичамъ, предводившимъ „силу—ратище".

„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!
Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,
Али буйны головы съ васъ снять?
Какъ въ полонъ васъ взять—дѣвать васъ некуда:
У меня дороженьки заѣзжія,
У меня хлѣба завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
Разъѣзжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,
По своимъ ордамъ, да по своимъ мѣстамъ,

Да чините разносите такову славу,
Что святая Русь да не пуста стоитъ;
Есть еще на матушкѣ святой Руси
Сильные могучіе богатыри".

Нужно ли пояснять рядъ воззрѣній, сказавшихся въ этихъ словахъ? Народъ не вкладываетъ здѣсь равнодушно въ чужія уста чуждыя для него рѣчи. Въ былинахъ и во всѣхъ родахъ народной словесности есть вѣская иронія, которою отличаются несочувственныя народу воззрѣнія; здѣсь же напротивъ, въ приведенныхъ словахъ богатыря Муромца, такъ и слышится какъ бы одобреніе, какъ бы отсутствіе сомнѣній въ возможность и законность рѣчи.

Но далѣе. Черниговцы предлагаютъ ему воеводствовать у себя: „ты суди суды надъ ними правильно, будемъ всѣ тебя мы слушати". „Не дай Господи,—отвѣчаетъ имъ въ отказъ Илья:—съ холопа дѣлать барина, съ барина холопа, съ палача попа, воеводу дѣлати съ богатыря... Не хочу идти къ вамъ воеводою". Не беретъ онъ съ черниговцевъ также ни „скатна жемчугу", ни „красна золота", вѣрный своему богатырскому призванію. Таковъ Илья Муромецъ, представитель *могучей, но и разумной силы, посвященной своему родному краю.* Онъ дитя Руси, которая „не пуста стоитъ", онъ ея защитникъ. Онъ представитель силы русской, которая не нуждается въ истребленіи другихъ враговъ, и довольствуется только признаніемъ своей силы да обязательствомъ чужихъ сидѣть „по своимъ ордамъ, да по своимъ мѣстамъ". Въ варіантахъ былины, вмѣсто встрѣчи врага подъ Черниговомъ, Ильѣ Муромцу приходится имѣть дѣло со „станишниками-разбойниками"; но и ихъ Ильѣ „жаль убить". Даже, въ одномъ варіантѣ, онъ освобождаетъ Соловья-разбойника, взявъ съ него „роту великую" — „не сидѣть-то тебѣ на семи дубахъ"; въ другихъ варіантахъ онъ убиваетъ Соловья, но только потому, что онъ, Соловей-разбойникъ, „будетъ опять разбой держать". Въ Ильѣ Муромцѣ много привязанности къ родной землѣ, много уваженія къ нарушенному праву, снисходительности, при мощномъ сознаніи своей силы, стремленія всюду освободить отъ насилія, поддержать правду на-

родную, много безкорыстія и чуткаго смысла, такъ рѣзко выразившагося въ отказѣ отъ воеводства въ Черниговѣ, по другимъ варіантамъ—отъ „царенья“ и „княженья“.

Вдумываясь въ характеристичную, оригинальную личность русскаго богатыря, невольно поражаешься сходствомъ его въ крупнѣйшихъ чертахъ съ историческою, такъ сказать, личностью русскаго народа. Одною изъ характернѣйшихъ чертъ этой личности, быть можетъ, нужно признать именно то свойство, которое выражается пословицей: „ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу“, терпимостью и терпѣніемъ, нѣкоторою массивной неподвижностью силы, до поры до времени, какъ въ богатырѣ Святогорѣ, непреоборимостью порыва, рядомъ съ мягкой добродушной насмѣшливостью и снисхожденіемъ.

Идеаловъ собственно общественнаго строя, если не считать признанія необходимости *сильной и справедливой власти*,—прямо въ былинахъ нѣтъ. Но косвенныя указанія даютъ право заключать о приверженности къ установившимся порядкамъ жизни, нѣкоторой консервативности народа; а въ этихъ порядкахъ—постоянное исчезновеніе личности въ общинѣ. Богатырямъ не приходится встрѣчаться съ интересами отдѣльной личности, да и сами они, представители доброй силы, борющіеся противъ представителей силы злой, постоянно сливаютъ свое дѣло съ общимъ дѣломъ; личность, съ индивидуальными порывами и стремленіями, почти отсутствуетъ въ нихъ: добрый молодецъ выѣзжаетъ просто добру служить, „гдѣ встрѣтится, защитить кого надобно“; и общій его принципъ—въ общемъ представленіи о землѣ святорусской и о вѣрѣ православной, крѣпко привязывающемъ богатыря къ интересамъ цѣлой земли, призывающемъ защищать ее противъ нападающихъ на нее „нехристей“.

Интереснѣйшій вопросъ, какой только можетъ представиться намъ въ былинахъ и другихъ произведеніяхъ народной устной словесности, есть вопросъ о взглядѣ народа на свою жизнь, на свой трудъ и на свои отношенія къ не-народному міру. И на это былина отвѣчаетъ съ полной опредѣленностью. Тамъ, гдѣ, какъ въ былинѣ о Микулѣ Селяновичѣ, отражаются черты земледѣльческаго быта,—на пер-

вый планъ выступаетъ необычайное народное *уваженіе къ земледѣльческому труду*, являющемуся лучшимъ приложеніемъ народной силы. Въ немъ, въ этомъ трудѣ, былина видитъ нѣчто даже большее, чѣмъ богатырскій подвигъ; послѣдній—только служилое дѣло для земли родной, въ первомъ же—самое основаніе жизни. И вотъ, въ какихъ чертахъ изображаетъ народъ встрѣчу богатыря съ представителемъ земледѣльческаго труда.

Молодой Вольга Святославовичъ
... Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ поскрипываютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра до вечера,
Со своей дружинушкой хороброй,
А не можъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день
Другой день съ утра до вечера...

Ѣхалъ и третій день до „пабѣдья", пока, наконецъ, „наѣхалъ" на пахаря. Былина съ очевиднымъ удовольствіемъ останавливается на картинѣ пахаря. „Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былина отмѣчаетъ и тяжесть этого труда; пахарь замѣчаетъ Вольгѣ-богатырю, что „ему надобна Божья помощь крестьянствовати". Оставляя соху, Микула проситъ Вольгу послать дружинниковъ изъ омѣшковъ земельку повытряхнуть и бросить сошку „за ракитовъ кустъ"; но ни пять, ни десять дружинниковъ, ни вся дружина не могутъ „сошки отъ земли поднять". Тогда-то, какъ бы для показанія сравнительной силы земледѣльца

„Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ"....

Такъ, съ любовью, переводя всѣ имена въ уменьшительныя, описываетъ былина торжество *земледѣльческой силы*. Не только самъ пахарь, но и трудовая кобылка его оказывается представительницею силы, какой не достигнуть другимъ. „Оратая кобылка-то рысью идетъ, а Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ; у оратая кобылка-то грудью пошла, а Вольгинъ-то конь оставается“... говоритъ былина. Она не забыла и всей гордости результатами могучаго труда, также поэзіи, свойственной ему, и на вопросъ Вольги: „какъ-то тебя именемъ зовутъ, какъ величаютъ по отечеству?“ — Микула говоритъ:

„Ай же ты, Вольга Святославовичъ!
А я рожи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою,—
Станутъ мужички меня покликивати:
—„Молодой Микулошко Селяниновичъ!...“

IV.

Само собою разумѣется, мы не имѣли ни малѣйшей претензіи выяснить и опредѣлить всѣ идеалы народные. Но цѣлью нашею было оттѣнить въ народномъ характерѣ и въ народныхъ воззрѣніяхъ, отразившихся въ творчествѣ самого народа, ту несокрушимую вѣру въ свою силу и въ силу добра, торжествующаго въ богатыряхъ, и, наконецъ, необыкновенное уваженіе къ своему труду, къ своей земледѣльческой дѣятельности, пронесенное черезъ тысячелѣтія, по всей вѣроятности, еще отъ тѣхъ временъ, когда земледѣльческій бытъ, съ своимъ тяжкимъ трудомъ, только созидался и получилъ религіозное (народно-религіозное, языческое) освященіе. Уваженіе это вездѣ связывается съ нравственнымъ удовлетвореніемъ. Не даромъ существуютъ и понынѣ обычаи одѣваться на работу, на сѣнокосъ и жнитво, на самыя трудныя женскія работы, — по праздничному. Эта черта народнаго характера постоянна и ярко оттѣняетъ одну изъ сторонъ народныхъ идеальныхъ представленій.

(1886).

ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ и Н. ЗЛАТОВРАТСКІЙ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

1.

Между беллетристами, посвятившими свой художественный талантъ изображенію быта и характера нашего народа, выдаются и силою дарованія, и искренней неподкупной любовью къ народу два человѣка: Глѣбъ Успенскій и Н. Златовратскій. Народъ и народная жизнь, однако, получали въ произведеніяхъ этихъ писателей неодинаковое отраженіе: мужикъ Успенскаго совершенно не то, что мужикъ Златовратскаго. Успенскаго винили по этому поводу въ „измѣнѣ“ народу, Златовратскаго же—въ „идеализаціи народа“. Но и въ послѣдующихъ произведеніяхъ своихъ Успенскій и Златовратскій продолжали—одинъ „измѣнять“, а другой „идеализировать“, давая всегда неодинаковыя характеристики народной жизни. Публика читала обоихъ писателей, признавала за обоими талантъ и оставалась, повидимому, равнодушной къ тому обстоятельству, что взгляды на народъ находила у нихъ различные. Все это происходило въ то время, когда существовалъ въ обществѣ животрепещущій интересъ къ положенію нашей деревни.

„Никогда русская деревня, русская деревенская глушь не пользовалась въ такой степени благосклоннымъ внима-

ніемъ образованнаго русскаго общества, какъ въ настоящее время", говоритъ самъ г. Успенскій. „Одни, убѣдившіеся въ безплодности своего интеллигентнаго существованія „въ одиночку", ищутъ или, вѣрнѣе, полагаютъ найти подъ соломенными деревенскими крышами недостающее имъ общество, среди котораго и надѣются растворить свои умственныя и нравственныя силы; другіе, напротивъ, полагаютъ найти подъ тѣми же крышами нѣчто совершенно новое, небывалое, спасительное чуть не для всего человѣчества, погибающаго отъ эгоистически направленной цивилизаціи; третьи интересуются ею просто съ экономической точки зрѣнія, стремясь доподлинно знать степень выносливости деревенской спины и содержимое деревенскаго кармана...."

Все это справедливо. Но именно потому-то и необходимо знать, кому же должны мы вѣрить—Успенскому или Златовратскому?

Для уясненія этого вопроса важно опредѣлить художественное значеніе произведеній этихъ писателей. Какой бы критической теоріи мы ни придерживались, всегда останется несомнѣннымъ, что чѣмъ выше художникъ, тѣмъ больше мы можемъ разсчитывать на правду изображаемой имъ жизни, тѣмъ больше *типическаго* найдемъ мы у него. Типическія черты изображаемой жизни только и нужны для пониманія ея, такъ какъ черты случайныя, частныя, измѣняющіяся подъ вліяніемъ незначительныхъ обстоятельствъ даннаго времени и мѣста, могутъ нерѣдко только мѣшать правильному пониманію дѣла, закрывая собою существеннѣйшую внутреннюю суть его.

Самъ собою представляется вопросъ: какимъ образомъ два писателя, за которыми всѣ признаютъ большое художественное дарованіе, изображающіе, слѣдовательно, въ большей или меньшей степени типическія черты народной жизни, вдругъ приводятъ своихъ читателей къ совершенно различнымъ выводамъ о народѣ? Не приходится ли отказать имъ въ способности группировать мелкія разсѣянныя типическія черты въ одно цѣлое представленіе, въ одинъ цѣлый типическій образъ? Вопросъ этотъ рѣшится самъ собою ниже, при

разборѣ самыхъ произведеній Успенскаго и Златовратскаго. Здѣсь же необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній, чтобы оріентироваться среди существующихъ теоретическихъ взглядовъ на художественное творчество.

Такъ называемая художественная правда поэтическаго образа состоитъ, какъ извѣстно, въ строгой вѣрности его самому себѣ. Каждая отдѣльная черта его такъ тѣсно логически примыкаетъ къ остальнымъ, что отнять или измѣнить ее невозможно, не нарушивъ цѣлостности и законченности образа. и въ этомъ отношеніи нѣтъ послѣдовательнѣе мыслителя, какъ художникъ. Художественная правда, однако, должна только условно совпадать съ правдой дѣйствительности, на что указываетъ уже самый процессъ творчества. Художникъ не выдумываетъ тѣхъ чертъ, изъ которыхъ слагается въ его воображеніи типъ, а беретъ ихъ изъ дѣйствительности; и пока область его наблюденій будетъ такова, что ни одной черты, проходящей передъ его проницательнымъ взоромъ, онъ не пропуститъ, до тѣхъ поръ и его типы будутъ вѣрны дѣйствительности вполнѣ. Случись противное, не замѣть онъ одной мелкой черты, его художническое воображеніе соединитъ въ одинъ образъ всѣ остальныя, замѣченныя имъ, и мы будемъ имѣть типическій образъ, страдающій нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности. хотя, можетъ быть, и совершенно вѣрный самому себѣ, художественно-цѣлостный.

Въ господствовавшихъ прежде теоріяхъ на этотъ случай имѣлось такъ называемое „поэтическое прозрѣніе“: художникъ непремѣнно угадывалъ существованіе незамѣченныхъ имъ типическихъ чертъ. Но теперь едва-ли кто сомнѣвается, что художникъ можетъ иногда подставить черту, не существующую въ дѣйствительности, но логически связывающуюся съ остальными. И сама жизнь, дѣйствительность совсѣмъ не такъ послѣдовательна, какъ художникъ, для человѣческаго созерцанія: она постоянно собираетъ въ одно цѣлое самыя противорѣчивыя черты. И чѣмъ непослѣдовательнѣе, чѣмъ противорѣчивѣе извѣстная сфера жизни, тѣмъ труднѣе поддается она анализу художника, тѣмъ бо̀льшаго таланта она

требуетъ для олицетворенія себя въ типическихъ образахъ. Словомъ, художникъ, создающій типическій образъ, можетъ такъ же ошибаться какъ и обыкновенный мыслитель, и ошибка тѣмъ возможнѣе, чѣмъ меньше сила таланта. Пока художникъ дѣлаетъ свои выводы въ сферѣ общихъ представленій, если, напримѣръ, онъ хочетъ дать намъ законъ жизни психической, онъ имѣетъ передъ собою обширный кругъ наблюденій одной и той же сферы. Выводя логически послѣдовательно всѣ поступки, всѣ дѣйствія изображаемаго лица изъ общечеловѣческихъ психическихъ свойствъ и побужденій, онъ создаетъ намъ въ высшей степени вѣрный себѣ образъ. Но входя въ какой-нибудь частный бытъ извѣстной среды, художнику недостаточно знать только душу человѣка, а необходимо подробнѣйшее изученіе условій самой жизни этой среды.

Такова именно, и въ особенности, та жизненная среда, которую мы называемъ народомъ. Человѣкъ этой среды рѣдко можетъ подчиняться своимъ душевнымъ влеченіямъ; необозримый рядъ стороннихъ вліяній опредѣляетъ въ гораздо большей степени его дѣйствія, чѣмъ душа его. Производя наблюденія въ этой средѣ, художникъ можетъ отнести цѣлый рядъ явленій совершенно къ другой, чѣмъ въ дѣйствительности, причинѣ, если до полнаго совершенства не узнаетъ жизнь ея во всѣхъ деталяхъ и развѣтвленіяхъ. Этихъ замѣчаній достаточно, чтобы показать, что нѣтъ ничего мудренаго и съ художественнымъ талантомъ изобразить совершенно въ ложномъ освѣщеніи народный характеръ, пока жизнь народа будетъ недостаточно изучена во всѣхъ направленіяхъ и проявленіяхъ ея.

Во всѣхъ литературахъ мы замѣчаемъ одну общую черту: типическое изображеніе извѣстной сферы жизни является не сразу въ произведеніи сильнаго таланта, а постепенно вырабатывается. Рядъ художниковъ-писателей характеризуютъ эту сферу съ разныхъ сторонъ, собирая малу-по-малу разнообразныя типическія черты, иногда изображая жизнь не одинаково и съ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Сильный талантъ позже воспользуется всѣми отдѣльными чертами и

освѣтитъ всю эту сферу жизни однимъ или немногими общими образами. Предшественники его, между тѣмъ, сойдутъ со сцены, и уже не будутъ нужны для объясненія данной жизни; все ихъ дѣло въ томъ, что они доставили матеріалъ для общаго вывода великому писателю. Мы видимъ здѣсь тотъ же процессъ развитія, что и въ области теоретической мысли, въ области науки. Типъ великаго художника—есть теорія, объясняющая ту или другую сферу психическаго міра; все значеніе его въ томъ, что психическій міръ не поддается простому теоретическому мышленію: безъ искусства онъ былъ бы почти совершенно доступенъ сознанію человѣчества.

Успенскій и Златобратскій даютъ намъ неодинаковыя изображенія народной среды. Разсматривая народную жизнь съ разныхъ точекъ зрѣнія, каждый изъ нихъ можетъ давать намъ различныя типическія черты, не давая полнаго типа народной жизни. Дѣло критика—разсмотрѣть, насколько рисуемые ими образы, ихъ „выводы", представляются противоположными и нѣтъ ли между ними примиряющихъ точекъ при косновенія. Во всякомъ случаѣ можно сказать заранѣе, что многое въ произведеніяхъ Успенскаго и Златовратскаго должно быть отнесено на счетъ личнаго, субъективнаго отношенія авторовъ къ этой жизни, а многое представляется противоположнымъ лишь по простому недоразумѣнію.

2.

Глѣбъ Успенскій выступилъ на литературное поприще въ то время, когда серьезное изученіе народа беллетристикой еще почти не начиналось. Въ сороковыхъ годахъ стремленіе литературы поставить одной изъ главнѣйшихъ цѣлей своихъ изученіе народа скоро приняло ложное направленіе. За Тургеневымъ, Григоровичемъ и немногими другими писателями, дѣйствительно наблюдавшими народную жизнь (хотя и показывавшими ее въ весьма неполной и односторонней формѣ, съ цѣлью доказательства, что и мужикъ—тоже человѣкъ), явилось множество другихъ, не знавшихъ народа.

Внѣшнія условія, съ своей стороны, не давали „литературѣ“ возможности изображать народъ съ той общественной обстановкой, которая имѣла огромное вліяніе какъ на экономическій, такъ и нравственный бытъ его, ставя этотъ бытъ въ зависимость отъ всякаго рода случайностей, въ родѣ расположенія барскаго духа, наѣзда станового и т. п. Поэтому авторы занимались тогда больше изученіемъ души человѣческой въ мужикѣ; герои повѣстей описывались, главнымъ образомъ, со стороны чувствъ: они сгорали отъ пламенной любви, страдали сомнѣніями и ревностью и пр., какъ и герои повѣстей другихъ сферъ общества. Весь дѣйствительный складъ жизни народа оставался въ сторонѣ.

Само собою разумѣется, всѣ подобныя беллетристическія произведенія не могли имѣть серьезнаго значенія. Нѣкоторымъ изъ авторовъ иногда удавалось, правда, довольно вѣрно скопировывать подробности внѣшней крестьянской домашней обстановки, но внутренній смыслъ и строй всей крестьянской жизни, особый складъ мысли простолюдина, всѣ особенности его міросозерцанія оставались недоступными и авторамъ, и читателямъ. Едва-ли можно было и ждать другого результата. Чтобы вѣрно и типично изобразить народную жизнь, нужно глубоко и сильно самому перечувствовать эту жизнь, нужно умѣть стать въ положеніе народа, „думать его умомъ, чувствовать его чувствами“. Такого глубокаго пониманія народа отъ авторовъ тогдашняго времени ожидать было невозможно, потому что не только народъ не былъ тогда предметомъ изученія, но и интересъ къ нему былъ результатомъ чисто-теоретической мысли.

Крестьянскій вопросъ, выдвинувъ народъ, давши ему—въ будущемъ, по крайней мѣрѣ—дѣятельную роль въ общей жизни страны, измѣнилъ это положеніе литературы, сдѣлалъ прежнее ея отношеніе къ народу лишеннымъ смысла, невозможнымъ; взглядъ на народъ сдѣлался серьезнѣе и осмысленнѣе. Стали появляться одинъ за другимъ писатели проще и естественнѣе смотрѣвшіе на народъ (Марко Вовчекъ и др.); но строя свои произведенія по прежде выработанной формѣ, хотя и въ болѣе обширныхъ рамкахъ, эти писатели скоро убѣдили

всѣхъ и каждаго въ трудности для писателя примѣрить на себя положеніе простолюдина, его взгляды и чувства.

Тогда сталъ вырабатываться особый типъ народныхъ разсказовъ, въ которыхъ ясно выразилось сознаніе, что при изображеніи народной жизни „поэтическимъ прозрѣніемъ ничего не подѣлаешь", что тутъ нужны прямыя непосредственныя наблюденія, простое изученіе дѣйствительности. Вся сущность народныхъ разсказовъ этого типа состояла почти въ фотографически вѣрной передачѣ характеристичныхъ сценъ изъ народнаго быта, иногда носившихъ анекдотическій характеръ. Какъ на характернѣйшаго писателя этого направленія, можно указать на Николая Успенскаго. Эта форма беллетристическаго изображенія народа могла быть, разумѣется, только переходной формой къ болѣе серьезному изученію типическихъ формъ народной жизни, и не могла скоро не уступить мѣсто послѣднему.

Въ это именно время появились первыя произведенія Успенскаго, изъ которыхъ значительная часть посвящена уже народу, и въ нихъ Успенскій сразу показалъ большую силу наблюдательности и стремленіе не картинки рисовать изъ народной жизни, а осмыслить ее во всѣхъ ея проявленіяхъ и вліяніяхъ на нее. Остановимся на одномъ изъ характернѣйшихъ разсказовъ этого перваго періода дѣятельности Успенскаго, озаглавленномъ: „Зарокъ не пить".

Содержаніе разсказа крайне несложно и просто. Въ село Лыки, на родину, приходитъ „кавалеръ", занимательный для крестьянъ разсказчикъ. Разсказывалъ онъ, какъ ему одинъ молодецъ на войнѣ животъ пропоролъ, какъ явственно видѣлъ онъ въ эту минуту костяную смерть, точь въ точь такую, какую рисуютъ въ картинкахъ, съ косой; говорилъ, что смерть эта начала тотчасъ же удаляться отъ него, какъ только господа доктора принялись шолкомъ зашивать его рану. „Вѣковѣчная скука русскихъ и въ особенности деревенскихъ будней" доставляла Кузьмѣ (такъ звали солдата) постоянныхъ многочисленныхъ слушателей, изъ которыхъ никто не видалъ порядкомъ свѣту, едва-ли зналъ дорогу дальше сосѣдняго села; а Кузьма Вершковъ все прошелъ,

все видѣлъ, вездѣ воевалъ. Слушали разсказы Кузьмы не разъ и не два, но сила скуки была такъ велика, что всякій въ сотый разъ согласился бы слушать тѣ же самыя розсказни его, твердо вѣря, что авось онъ что-нибудь разскажетъ и поскладнѣй. И вотъ, этотъ-то Кузьма даетъ крестьянамъ мысль перестать пить и этимъ путемъ проучить цѣловальника, продававшаго дурную водку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Богу угодить. Долго толковалъ міръ, и наконецъ рѣшилъ: „не пить"... Это рѣшеніе — „цѣловальника наказать и Богу угодить" не обошлось все-таки даромъ міру. Является на сцену дьячекъ, доказавшій мужикамъ, что „безъ прописки тутъ нельзя, что отъ начальства за это угода будетъ".... и взявшій за перепись приставшихъ къ „обществу трезвости" по двѣ копѣйки съ души.

Прошла недѣля. Кузьма ушелъ изъ Лыковъ; для крестьянъ снова началась прежняя трудовая жизнь. „Могучія руки ворочали кули, говоритъ авторъ, ноги ходили и томились на безконечныхъ пашняхъ, спины гнулись подъ возможными тяжестями... и выпивка требовалась неотступно". Никто не рѣшался только первымъ нарушить клятву, такъ какъ на такого перваго набросились бы всѣ, — впрочемъ, затѣмъ только, чтобы взять съ него побольше штрафъ на всеобщую выпивку. Случай выручилъ крестьянъ. Цѣловальникъ зналъ и принялъ свои мѣры. Онъ зналъ „смутныя думы и тосковапье мужичьяго тѣла, разлученнаго съ такой подругой— какова водка"; мужики, толпами возвращаясь съ поля, шли мимо кабака особенно тихо...

„Въ одну изъ такихъ минутъ (разсказываетъ авторъ), когда передъ кабакомъ столпилось довольно много народу, цѣловальникъ вышелъ на улицу и началъ коломъ отдирать висѣвшую надъ дверями вывѣску, изображавшую черными буквами; „питейный домъ". У мужиковъ ёкнуло сердце.— Михалычъ! что это ты? спросилъ одинъ... Михалычъ работалъ, повернувшись спиной къ народу, и на вопросъ не отвѣчалъ... А? спросили его опять. Что это затѣваешь!

— Прощайте! сказалъ глухо Михалычъ...

— Что такъ?

— Въ свою сторону иду...

Мужики не на шутку испугались, тѣмъ болѣе, что цѣловальникъ, какъ показалось нашимъ мужичкамъ, началъ бить посуду.

— Надѣлали дѣловъ,—говорилъ недовольный голосъ...

Словомъ, дѣло кончилось тѣмъ, что вся деревня очутилась въ кабакѣ.

— А, любезные, сказалъ цѣловальникъ, опять пришли! Нѣтъ, вы мнѣ теперь помолитесь... Геперича у меня изъ-за изъяну—втрое винцо-то ходитъ...

— Давай втрое! стуча въ столъ кулакомъ горланилъ мужикъ.

„Въ тотъ же день въ селѣ происходило небывалое веселье“..., такъ заключаетъ свой разсказъ авторъ.

Что же говоритъ намъ авторъ этимъ разсказомъ? Онъ написанъ, очевидно, прямо подъ вліяніемъ возникновенія въ деревняхъ „обществъ трезвости“, приводившихъ тогда многихъ въ восторгъ, и распаденія этихъ обществъ, послужившаго къ различнымъ огульнымъ обвиненіямъ народа. Какъ же авторъ самъ относится къ народу? обвиняетъ или оправдываетъ онъ этотъ „міръ“, не сдержавшій своего „зарока“? Очевидно, ни то, ни другое. Онъ только объясняетъ рисуемое имъ явленіе народной жизни, и объясняетъ, какъ наблюдательный художникъ.

Вглядитесь пристальнѣе въ нарисованную имъ картинку, и вы не можете не признать, что въ ней сказывается большое знаніе народа и условій его жизни. Всѣ детали очерка проникнуты одной мыслью, связаны между собою такъ тѣсно, что кажется совершенно невозможнымъ, напримѣръ, предположить, чтобы зарокъ не пить могъ устоять надолго. Вся жизнь крестьянина, нарисованная Успенскимъ, такъ и ставитъ передъ читателемъ вопросъ: что же тогда стали бы дѣлать эти мужички, послѣ того какъ ихъ „могучія руки ворочали кули, ноги ходили и томились на пашняхъ, спины гнулись“ и проч. Успенскій проницательно обрисовываетъ эту черту людей, ищущихъ какой-нибудь пищи для ума, стремящихся чѣмъ нибудь заполнить окружающую его тем-

ноту. Чисто физическая привычка, отчасти потребность—возбужденія водкой, естественно ведетъ народъ въ кабакъ, гдѣ онъ забудетъ и тяжелый трудъ, и незанятость умственныхъ силъ—ту „скуку", о которой говоритъ Успенскій.

Малѣйшая возможность удовлетворенія умственныхъ потребностей уже лишаетъ водку притягательной силы, и крестьяне идутъ въ сотый разъ слушать одни и тѣ же розсказни бывалаго человѣка, вѣря притомъ только, что онъ „можетъ разсказать что-нибудь и поскладнѣй". Но ушелъ Кузьма, и эта малѣйшая возможность исчезла. Крестьяне, естественно, берутся за привычное занятіе. Что удивительнаго, что они испугались возможности лишиться и его, этого послѣдняго утѣшенія! Разсказъ во всякомъ случаѣ производитъ очень тяжелое впечатлѣніе: и жалко народъ, и страшно за него. При всемъ томъ, въ немъ, въ этомъ народѣ, во всемъ его поведеніи, столько человѣчнаго, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что своимъ разсказомъ Успенскій показываетъ намъ, если хотите, „душу живу" народа. И все-таки картина народной жизни выходитъ такъ печальна, народъ рисуется въ ней въ такомъ свѣтѣ, что если ужъ винить автора въ „измѣнѣ", такъ это нужно бы сдѣлать уже за этотъ самый разсказъ, написанный, какъ мы сказали, еще въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности.

Уже въ этомъ разсказѣ, какъ видитъ читатель, Успенскій взялъ народную жизнь въ явленіяхъ, совершавшихся въ данное время, что онъ съ интересомъ относится къ происходящему въ данную минуту. Своими очерками и разсказами онъ какъ бы слѣдитъ за постепеннымъ ходомъ народной жизни. За его произведеніями всегда стоитъ отношеніе къ совершающимся на его глазахъ общимъ фактамъ, вызываемымъ развитіемъ жизни, и потому ихъ нельзя разсматривать безъ связи съ этими фактами. Оттого-то большинство его разсказовъ относится не исключительно къ народной, въ тѣсномъ смыслѣ, жизни; послѣднюю онъ почти всегда разсматриваетъ, какъ это мы увидимъ ниже, въ связи съ жизнью другихъ общественныхъ классовъ и съ совершающимися перемѣнами въ юридическомъ и общественномъ положеніи народа. Рѣшеніе

крестьянскаго вопроса внесло значительныя измѣненія въ жизнь всѣхъ классовъ общества, и Гл. Успенскій въ своихъ произведеніяхъ пытается рѣшить, какія формы принимаетъ жизнь подъ вліяніемъ этихъ измѣненій. Строится желѣзная дорога, и онъ опять прослѣживаетъ вліяніе этого факта, и т. п. Такимъ именно характеромъ отличаются всѣ его разсказы. Вездѣ онъ изучаетъ не вообще душу человѣка народной среды, а, главнымъ образомъ, ея проявленія въ современныхъ дѣлахъ. И, какъ мы видѣли на примѣрѣ, уже въ первый періодъ своей литературной дѣятельности онъ рѣзко выдѣлился этимъ живымъ отношеніемъ къ современности, изъ народныхъ, въ нашемъ тѣсномъ смыслѣ, писателей, рисовавшихъ народную жизнь безъ отношенія къ совершающимся въ ней перемѣнамъ, искавшихъ коренные мотивы ея въ ней самой, въ душѣ народа.

Нужно ли говорить, что темнота, окружающая нашу народную жизнь и мѣшающая правильному изученію ея, еще сильнѣе мѣшала этимъ послѣднимъ писателямъ. Успенскій же сразу сталъ на такой путь изученія народной жизни, на которомъ всего больше можно было ожидать результатовъ. Какъ мы выше сказали, жизнь простонародной среды въ гораздо большей степени зависѣла отъ стороннихъ вліяній, чѣмъ отъ присущихъ народу душевныхъ свойствъ и особенностей. И если трудно видѣть въ большинствѣ дѣйствій мужика выраженіе его индивидуальности, то во всякомъ случаѣ еще труднѣе сразу открыть эту душу, запрятанную за внѣшними проявленіями, обыкновенно вынужденными сторонними вліяніями. Между тѣмъ жизнь, въ ея развитіи, могла дѣйствительно дать такія характерныя черты, которыми освѣтилась бы народная душа. И Гл. Успенскій, намѣренно или не намѣренно, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдитъ за возникающими, подъ вліяніемъ новыхъ условій, явленіями народной жизни.

3.

Разсказъ „Зарокъ не пить“, какъ и всѣ почти очерки Успенскаго того же времени, есть не болѣе, какъ жанровая

картинка, хотя и съ крупными достоинствами. Въ немъ нѣтъ ни типическихъ выдающихся характеровъ, ни особенно характеристичныхъ положеній отдѣльныхъ лицъ. Но условія народной жизни должны были вырабатывать типическихъ личностей, представителей массы народной. И въ послѣдующихъ произведеніяхъ Успенскій рисуетъ намъ нѣсколько такихъ типовъ. Уже заранѣе можно угадать, что тяжелая народная жизнь должна была дѣйствовать въ двухъ крайнихъ направленіяхъ: совершенно забивать слабыхъ личностей, лишать ихъ всякой энергіи и способности инициативы, и въ то же время вырабатывать изъ болѣе сильныхъ и выносливыхъ лицъ энергичные, устойчивые характеры. Смотря по индивидуальнымъ свойствамъ и для каждаго своеобразнымъ случайнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, эти послѣдніе характеры должны были принимать или рѣзко практическое направленіе, доводящее до послѣднихъ степеней эгоизма, безсердечія, а часто и безсовѣстности, или же изъ нихъ выходили проповѣдники народные, основатели сектъ, странствующіе богомольцы и пр. — вообще тотъ людъ, который всѣ свои силы фанатично отдаетъ на удовлетвореніе возбужденныхъ и неудовлетворяемыхъ душевныхъ потребностей. Какъ первые, такъ и вторые могутъ доводить свои стремленія до страшныхъ крайностей, до необыкновенно уродливыхъ формъ.

Типъ перваго рода Успенскій даетъ уже въ своихъ „Нравахъ Растеряевой улицы", въ лицѣ Прохора Порфирыча. Авторъ описываетъ въ ней собственно не деревенскій бытъ; но изъ его же разсказа совершенно ясно, что условія жизни рабочихъ уѣзднаго города почти ничѣмъ не отличаются отъ общихъ условій жизни нашего народа и производятъ совершенно аналогическія явленія.

Растеряева улица покорно несетъ свое исконное бремя — нужду. Присутствіе новинокъ, новыхъ порядковъ, ощущается тамъ пока въ слѣдующей формѣ:

— А какое ты имѣешь право, не взнося акцизу, производить ручную торговлю неузаконенн... вопіетъ баринъ.

Баба опрометью бросается въ сторону, и только пробѣжавъ пять кварталовъ, рѣшается затянуть:

— По ябу-лу-кии!.. Ахъ трудно! думаетъ она. Трудно!..

Среди общаго унынія и отчаянія, пронизавшаго насквозь всю Растеряеву улицу, только одинъ человѣкъ не унываетъ. Это—пистолетный мастеръ, молодой малый, Прохоръ Порфирычъ. Онъ собственно пришлый элементъ въ улицѣ. Побочный сынъ чиновника, онъ считаетъ себя „благороднымъ", и въ качествѣ таковаго недоволенъ своимъ положеніемъ. Работая на заводахъ, онъ чувствовалъ отвращеніе къ хозяйскому „полоумству". „Что онъ мнѣ деньги какія-нибудь пустяковыя платитъ,—разсказываетъ онъ впослѣдствіи,—то долженъ я, изволите видѣть, совсѣмъ себя забыть... Было мнѣ очень оскорбительно, что я почесть что (сами изволите знать) благородный,—и такое терплю гоненіе и зачѣмъ только живу—самъ не знаю... Началъ я маленько опоминаться, ребятъ своихъ сторониться, ну, все же справиться не могъ—потому платятъ на ассигнаціи четыре рубля въ недѣлю, извольте прокормиться! Наши ребята по этому случаю все жалованье пропивали. Потому некуда его дѣть... А мнѣ, по моему благородству, куда-жъ съ этимъ жалованьемъ дѣваться?.. Хотѣлось мнѣ жить хошь бы какъ приказный живетъ: сейчасъ у него гости, трубочку покуриваетъ, какъ ваше здоровье?—тихо, чудесно"...

Такъ протестовалъ противъ несправедливости жизни этотъ „благородный" человѣкъ. Видѣлъ онъ и средства превратить этотъ мысленный протестъ въ дѣйствительный. „Умному человѣку, по теперешнему времени, говорилъ онъ, нѣтъ лучше, превосходнѣе... Особливо съ нашимъ народомъ, съ голью,—съ эстимъ народомъ—рай!" Одно ему мѣшало, нашему герою, не съ чѣмъ было взяться, денегъ не было, чтобы „въ полоумствѣ захватить" кого слѣдуетъ. „Полоумство это мнѣ разсчетъ, соображаетъ Прохоръ Порфирычъ; умному человѣку не околѣвать, и потому пользуйся тѣмъ, что товарищъ пьянъ".

И скоро судьба помогла Прохору Порфирычу. Умеръ отецъ его, отказавши кой какія крохи ему съ матерью и братомъ. Прохоръ Порфирычъ нашелся; онъ съумѣлъ обокрасть мать и брата, присвоивъ себѣ все, что отказано было имъ всѣмъ вмѣстѣ, и принялся за осуществленіе своей мечты

о „тихомъ и чудесномъ“ житьѣ. Рабочіе Растеряевой улицы представляли собою дѣйствительно неизсякаемый источникъ для ловкаго эксплуататора. Рабочая недѣля оканчивалась поголовнымъ пьянствомъ въ воскресенье и похмельемъ въ понедѣльникъ. Прохоръ Порфирычъ ловко и остроумно пользовался жгучимъ желаніемъ мастерового выпить съ похмелья, покупалъ за безцѣнокъ готовые стволы пистолетовъ и револьверовъ, которые послѣ и продавалъ, отдѣлавши, за красненькую. „Ангелъ, — говорилъ ему мастеровой передъ стойкой кабака, — какая твоя цѣна? Я на все; только хоть чуточку мнѣ помощи-защиты, потому мнѣ — смерть“. И Порфирычъ, промучивши мастерового нѣсколько времени, покупаетъ вещь за рубль ассигнаціями и три стакана водки. Приблизительно то же дѣлалось и въ субботу.

А что же весь этотъ рабочій людъ, такъ явно эксплуатируемый? Онъ представляетъ собою инертную массу, удивляющуюся уму Прохора Порфирыча:—Экой у этого Прохора умъ, братцы мои, говоритъ одинъ мастеровой.—О-о! У него ума навалено̀... отвѣчаетъ товарищъ его. Здѣсь мы видимъ тотъ же міръ неудовлетворенія физическихъ и умственныхъ потребностей, какъ и въ разсказѣ, который мы разсмотрѣли выше. „Между постоянной нуждой и ежеминутными отдыхами отъ нея въ кабакѣ“, говоритъ авторъ, „въ нашихъ краяхъ бываютъ минуты, когда несчастнымъ растеряевцамъ удается „отчунѣть“, т.-е., когда въ отуманенныя головы гостемъ вступаетъ здравый разсудокъ; но область, надъ которою хозяйничаетъ этотъ разсудокъ, такъ мала, что о ней можно говорить только между прочимъ, хотя, повидимому, разсудку есть надъ чѣмъ поработать: въ эти минуты весь міръ Божій, отъ пониманія тайнъ и красотъ котораго растеряевецъ почти отвыкъ, является множествомъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Въ эту пору ново все, что ни попадается на глаза. Между тѣмъ крошечныя минуты отчунѣнія — плохой помощникъ въ такомъ множествѣ запутанныхъ дѣлъ... Убитый обыватель въ ужасѣ успѣваетъ только схватиться за свою разбитую голову и, не устоявъ подъ напоромъ нахлынувшей на него тоски, спѣшитъ снова успокоиться въ томъ же властительномъ кабакѣ“...

Авторъ справедливо называетъ такія минуты „отчунѣнія“ — трагическими минутами. Въ этой тяжелой картинѣ только фигуры Прохора Порфирыча и ему подобныхъ рѣзко выдѣляются своей незабитостью. Народъ, масса, въ этомъ разсказѣ является, тѣмъ не менѣе, вполнѣ человѣчнымъ. „Трагическія минуты“ этихъ людей вполнѣ человѣчны и, страшно сказать, санкціонируютъ топленіе „безмыслія“ въ винѣ и работѣ. Неудовлетвореніе потребности человѣческаго осмысленнаго существованія ведетъ толпу въ кабакъ, и это указываетъ на стремленіе, на жажду осмысленнаго существованія, и хуже тотъ человѣкъ, который согласился бы просто и тупо влачить безсмысленную жизнь при этихъ условіяхъ; пьяное состояніе является въ этомъ царствѣ какъ-бы протестомъ противъ гнетущихъ жизненныхъ условій. Прохоръ Порфирычъ представляетъ собою примѣръ сильной и дѣятельной натуры, подвергшейся вліянію этого царства приниженія человѣка и въ конецъ изуродованной имъ.

Личность Прохора Порфирыча—весьма естественное послѣдствіе того быта, въ которомъ она явилась. Бытъ этотъ, съ своей стороны, представляется въ разсказѣ Успенскаго такъ стройно сформировавшимся, что можетъ только свидѣтельствовать о наблюдательности и талантѣ автора. Впослѣдствіи, прямымъ наблюденіемъ надъ деревенской жизнью, записаннымъ въ „Деревенскомъ Дневникѣ“, авторъ подтвердилъ вѣрность тѣхъ выводовъ, которые непосредственно вытекаютъ изъ художественно-обрисованнаго быта Растеряевой улицы.

„Какъ ни грустно признаться, а признаться надо,—говоритъ онъ:—что настоятельное стремленіе къ кушу, поклоненіе пачкѣ денегъ, безъ разбора средствъ... обуреваетъ въ деревнѣ не однихъ писарей. Увы! не одна крестьянская голова, большею частію самая талантливая, самая умная, работаетъ всѣми силами ума надъ мыслью объ этомъ кушѣ, объ этой пачкѣ... Тотъ, у кого нужда не съѣла ума, кого случай или что другое заставили подумать о своемъ положеніи, кто чуть-чуть понялъ трагикомическія стороны крестьянскаго житья, тотъ „не можетъ“ не видѣть своего избавленія исклю-

чительно только въ толстой пачкѣ денегъ,—только въ пачкѣ...“ („Люди и нравы“).

И авторъ даетъ нѣсколько примѣровъ такихъ „талантливыхъ умовъ“. Все это очень понятно, хотя, можетъ быть, и дѣйствительно грустно.

Было бы еще грустнѣе, если бы въ народѣ сильныя, талантливѣйшія личности шли только путемъ Прохора Порфирыча. Но авторъ даетъ намъ рядъ типовъ того второго рода, о которыхъ мы говорили выше. Люди этого типа очень хорошо понимаютъ свое и вообще народное положеніе. Иногда въ странныя формы облекается это пониманіе, но иначе и быть, разумѣется, не можетъ, при тѣхъ потемкахъ, въ которыя погруженъ народный умъ. Вотъ, передъ нами тощій человѣкъ, „похожій на театральнаго ламповщика или наклеивателя афишъ“,—бывшій дворовый Михаилъ Иванычъ, одержимый страстью вездѣ и всегда, передъ другими и наединѣ протестовать („Разоренье“).

Въ городкѣ, гдѣ онъ живетъ, „новыя времена предъявлены только винтовой лѣстницей новаго суда и недостроенной желѣзной дорогой“, но жить всѣмъ (таковъ говоръ) стало гораздо скучнѣе прежняго... все томится и вообще чувствуютъ себя неловко“. „Новыя времена“ не нравятся обывателямъ. „Я говорю одно! Иди и ложись въ гробъ!—взволнованнымъ голосомъ говоритъ обнищавшій отъ современности купецъ.—Нонѣшнее время не по насъ... Потому, нонѣшній порядокъ требуетъ контракту, а контрактъ тянетъ къ нотаріусу, а нотаріусъ призываетъ къ штрафу! Намъ этого нельзя... Мы люди простые... Мы желаемъ по душѣ, по чести“... Купцу вторитъ чиновникъ: „Желѣзная дорога! говоритъ онъ. Ну, что такое желѣзная дорога? Дорога, дорога... А что такое? въ чемъ, почему? Въ какомъ смыслѣ?...“ Эти элементы городского населенія не желаютъ „новыхъ временъ“, стараются удержать старые порядки. И вотъ тутъ-то широкое поле для разговоровъ Михаилу Ивановичу, хватающемуся за „новыя времена“, какъ за исходъ всѣхъ дрязгъ житейскихъ и несправедливостей окружающей жизни. Онъ чахоточно-желчно злится на уѣздныхъ консерваторовъ, не понимающихъ:

въ чемъ? почему? въ какомъ смыслѣ... желѣзная дорога? Онъ вѣритъ, что „новыя времена“ принесутъ съ собою лучшее будущее „простому человѣку“.

— А-а-а! радостно оскаливаясь, говоритъ онъ купцу, вытягивая впередъ голову и складывая назади руки.—А-а-а!.. Не любишь!.. А тебѣ хочется по старинному, съ кулёчкомъ къ приказному, черезъ задній ходъ?... Заткнулъ ему въ глотку голову сахару—и грабь?... Нѣтъ! погодишь!.. Нонче вашего брата оболваниваютъ!.. Ха-а!.. Нонѣ, братъ... погодишь! Нѣтъ, повертись... Наживи ума...

Кашель прерываетъ его рѣчь, но Михаилъ Ивановичъ не жалѣетъ своей груди и, отвѣтивъ купцу, тотчасъ же поворачиваетъ свою вытянутую голову къ чиновнику.

— А-а-а!.. Прижжучили!—хрипитъ онъ.—Очень, очень великолѣпно! Очумѣли съ просонокъ? Дороги чугунной не узнаете?... Хха-а! Я вамъ покажу чугунную дорогу!.....

— Пора простому человѣку дать дыханіе!.. надсѣдается онъ передъ другимъ... Довольно надъ нимъ потѣшаться, разбойничать!... Дайте ходъ!... Что вы-съ?... Докуда вамъ разбойничать,—пора и вамъ охнуть... Нѣтъ, поздоровѣй бы... Дай въ Питеръ, я покажу!...

Михаилъ Иванычъ представляетъ собою человѣка, сознательно и правильно протестующаго, во имя справедливости, за права простого человѣка. Но законный естественный протестъ простого человѣка получаетъ, въ разсказѣ Успенскаго, очень странную форму. И это не только не противорѣчитъ дѣйствительности, а напротивъ, совершенно естественно въ народной средѣ.

Михаилъ Ивановичъ не хочетъ ограничиться пассивнымъ и разговорнымъ протестомъ, надѣется сдѣлать его дѣятельнымъ, какъ только будетъ достроена желѣзная дорога. Дѣло въ томъ, что есть на свѣтѣ человѣкъ, на которомъ основываетъ Михаилъ Ивановичъ всѣ свои надежды и мечтанія, нѣкоторый миѳическій Максимъ Петровичъ. Еще въ дѣтствѣ Михаила Иваныча этотъ семинаристъ, подъ хмелькомъ, встрѣтилъ его за добрымъ дѣломъ, за промѣномъ барченку стараго котелька на серебряную цѣпочку. „Съ какихъ лѣтъ

мошенничаешь!... И безъ тебя много мошенниковъ!“ сказалъ семинаристъ. И отодралъ Михаила Иваныча за ухо. Цѣпочку онъ тоже отнялъ и бросилъ; краденую воруешь!... прибавилъ при этомъ.

Случилось, что Максимъ Петровичъ и грамотѣ выучилъ Михаила Ивановича и наставилъ его. „Разговоры-ли ихніе, Максима Петровича, или грамота, ужъ вѣрно не могу объяснить,—разсказываетъ Михаилъ Иванычъ,—а что страсть сколько я разбойниковъ вдругъ увидѣлъ...“ И вотъ вышелъ деревенскій протестующій человѣкъ. Максимъ Петровичъ уѣхалъ въ Петербургъ; Михаилъ Ивановичъ остался съ своимъ протестантствомъ чудакомъ и посмѣшищемъ всякаго встрѣчнаго. Строптивый и непокорный человѣкъ, онъ не могъ ужиться на заводахъ—и остался безъ куска хлѣба. „Среди нищеты и одиночества,—разсказываетъ нашъ авторъ,—въ головѣ Михаила Иваныча воскресло воспоминаніе о Максимѣ Петровичѣ, и больная душа его тотчасъ же наполнилась какой-то неопредѣленной надеждой на его помощь, а больная, забитая голова довела эту фантастическую надежду до громадныхъ размѣровъ.“ Взятый какимъ-то помѣщикомъ, онъ живетъ теперь надеждой уѣхать къ Максиму Петровичу, какъ только достроятъ желѣзную дорогу. „Протестуетъ“ онъ всюду, даже разсказываетъ про всеобщее „ограбленіе человѣческое“ въ пустынномъ кабакѣ передъ „ползущимъ по стойкѣ тараканомъ или передъ пустой посудой.

Михаилъ Иванычъ—своего рода Рудинъ народа. Его фантастическимъ мечтамъ, конечно, не суждено сбыться. Въ Петербургѣ, вмѣсто своего Максима Петровича, онъ встрѣчаетъ нѣкоего Черемухина, прожившаго его же деньги и, въ концѣ концовъ, сознавшагося въ своей полной неспособности къ какому-нибудь дѣлу. Но тотъ же Михаилъ Иванычъ будитъ мысль одной дѣвушки, Нади, встрѣченной имъ въ средѣ умственнаго и матеріальнаго „разоренья“, гдѣ онъ является дѣйствующимъ лицомъ, именно средѣ уѣзднаго чиновничества, застигнутаго врасплохъ „новыми порядками“ и не съумѣвшаго справиться съ ними. Ни Михаилу Иванычу, ни

Надѣ, конечно, ничего нельзя было ожидать отъ той среды, гдѣ они жили.

„Разумѣется, какъ Михаилу Иванычу, такъ и Надѣ,—говоритъ авторъ въ заключеніе своего разсказа,—могли встрѣтиться иные люди, но всё, о чемъ мы говоримъ, случилось именно такъ, а не иначе; темный уголъ, гдѣ выросли и родились наши герои, и гдѣ они хотѣли найти помощь, не могъ имъ представить ничего другого, кромѣ широчайшаго и громаднѣйшаго разоренья, и не было отнюдь видно ни одного луча свѣта...“.

4.

Стремленіе понять коренные мотивы народной жизни приводитъ г. Успенскаго къ обобщенію ея явленій съ явленіями жизни и другихъ сословій. Уже въ „Разореніи“ онъ намекнулъ, въ лицѣ Черемухина и самой средой разоренья, о неестественности отношеній между народомъ и другими классами нашего общества, мѣшающей правильному развитію нашей общественной жизни. Въ „Лѣнтяѣ“ и въ очеркахъ „Изъ памятной книжки“ читатель уже можетъ прослѣдить умственную жизнь народа въ ея отношеніяхъ къ умственной жизни „общества“ въ тѣсномъ смыслѣ.

„Одиночество, заброшенность народа выступаетъ здѣсь въ весьма рельефныхъ очертаніяхъ. Отецъ „Лѣнтяя“ принадлежалъ къ людямъ, чувствовавшимъ „потребность касаться предметовъ, о которыхъ *отвыкъ* разсуждать простонародный умъ“. И хотя „смыслъ его рѣчей затемнялся невѣжествомъ, необразованіемъ, водкой, непрестанной его спутницей, и нѣкоторою долею того русскаго чудачества, которое является у простого человѣка, почуявшаго въ своей головѣ „необыденный умъ“, тѣмъ не менѣе умъ его дѣйствительно былъ необыденный. Въ этомъ темно, но сильно мыслящемъ умѣ зародилась идея „о душѣ, которую забыли“, и онъ съумѣлъ дойти до анализа окружающей жизни и отрицанія нѣкоторыхъ сторонъ ея, какъ не удовлетворяющихъ душу. „Не надо мнѣ денегъ“, говоритъ, напримѣръ, этотъ человѣкъ одному купцу, „потому что душа не можетъ сдѣлать мнѣ

указанія, куда ихъ дѣть...“ И затѣмъ спрашиваетъ: „на какой рожонъ ты деньги копишь? Зачѣмъ тебѣ тыщи?“ Послѣ долгой брани и разныхъ любезностей, въ родѣ: „проломанная голова!“ купецъ объясняетъ, что деньги онъ копитъ для дѣтей, хочетъ „дочь свою изъ деревенскихъ дѣвокъ вывести въ люди...“ —За благороднаго? быстро вставляетъ свое словечко отецъ лѣнтяя. — А нѣшто нѣтъ, — харя балаганная, отвѣчаетъ купецъ. Неужто нѣтъ?... Заткнулъ ли я тебѣ глотку, Іудѣ? Получилъ ли ты отвѣтъ?...

Но недолговременно торжество купца. Отецъ лѣнтяя переносилъ вопросъ о разумномъ употребленіи богатствъ на практическую почву и принимался представлять изъ окружающихъ нравовъ такія картины безсознательности жизни, считаемой счастливой, что дѣйствительно оказывалось совершенно ненужнымъ биться и наживать, чтобы завоевать это счастіе. И выходило совершенно ясно, что дочь купца, вышедши замужъ за „благороднаго“, взамѣнъ нажитыхъ отцомъ богатствъ, получитъ мужа пьяницу отъ скуки, гулянье съ зѣвотой, да способность спать или плакать. Заходила рѣчь о томъ, что съ деньгами купецъ можетъ вылѣзть въ головы, получить медаль, потомъ другую, мундиръ надѣнетъ...

— Ну, а дальше что? (спрашивалъ отецъ). Надѣлъ ты, дуракъ, мундиръ, нацѣпилъ медали, послы къ тебѣ персидскіе пріѣхали, къ ослу лавочному, — барана ты имъ зарѣзалъ, тысячъ десять въ утробу ты имъ всыпалъ,—а потомъ что? Вѣдь снимешь же ты, мочалка глупая, мундиръ-то! И медали-то ты положишь вѣдь куда-нибудь въ сундукъ; что же для твоей дурацкой души останется? Для души-то для твоей что? Самъ про себя-то ты съ чѣмъ останешься? Отвѣчай мнѣ...

Для поясненія своей мысли отецъ нашего героя приводитъ въ примѣръ своего прадѣда, раскольника, у котораго „была душа—своя, не заказная“.

— И онъ торговалъ и деньгу наживалъ, говорилъ онъ купцу; вѣдь и онъ, другъ ты мой, аршинничалъ, да только не по нашему!... Онъ, братецъ ты мой, руками въ лавкѣ, а душой въ своемъ мѣстѣ. Руками-то деньги принимаетъ, а

душа-то ужъ ему указаніе даетъ. Стало быть, онъ зналъ, что за чѣмъ. Меринъ у него въ тыщу рублей, рысаки тысячные были, и это не сдуру. Именно ему тысячный рысакъ надобенъ, потому начальство за нимъ на тройкѣ погнало, а онъ попа-разстригу везетъ, такъ ему надо угнать отъ начальства-то... Глупы ли, умны ли были старички, а какъ никакъ, *на себя* умѣли жить. А въ нонѣшнее-то время и нѣту ничего! Всѣ и разучились на себя-то жить. Да-а! Все исполняемъ, все исполняемъ, а себѣ и нѣтъ ничего. Меринъ-то вотъ у тебя будетъ тоже не дешевле, какъ тыщу, а ходу-то тебѣ съ нимъ нѣту. Да-а! Ну, куда ты съ твоимъ мериномъ сунешься? Посадилъ ты свою жену на него, пять молодцовъ его держутъ подъ уздцы, а выпустили они его, и некуда вамъ! И ходу-то всего вамъ съ мериномъ два вершка... на гулянье. Разлетѣлись вы, слѣдственно, какъ дураки набитые, и домой тоже такими же дураками воротились. Окромѣ какъ спать—нѣту вамъ никакого интересу!...

Подъ вліяніемъ такихъ уроковъ своего отца, тоже потедшаго за „шута или сумасшедшаго", нашъ лѣнтяй и вышелъ въ міръ Божій, и его „воспоминанія, наблюденія и замѣтки" полны разнообразнѣйшихъ картинъ безъидейной и безцѣльной— „заказной" жизни людей, у которыхъ „выѣли душу". Вотъ передъ нами чиновникъ, толкующій отцу лѣнтяя, что „гражданская палата... во исполненіе предписанія..., несмотря на предписаніе за № такимъ... На просьбу оставить въ покоѣ свою канцелярію и ея непонятныхъ для слушателя дѣлъ, а говорить „свои слова", онъ, отвѣчаетъ непониманіемъ, чего отъ него хотятъ, и обижается. Вотъ генералъ въ отставкѣ, не знающій куда дѣться „безъ команды", и потому пробующій командовать своими квартирными хозяевами, учащій чижа воду таскать и пр.

Вся эта „публика" ищетъ, къ чему бы привязаться душею; бѣдность нравственной жизни такова, что выдающіеся люди изобрѣтаютъ для себя нелѣпыя занятія и привязанности. Одинъ всѣмъ жертвуетъ для бойцоваго гуся: „Матушки мои родимыя!—кричитъ мѣщанка на всю улицу: — послѣднее разбойникъ мой платьишко заложилъ,—купилъ гуся бойцоваго!"—

„Нѣтъ, ты вспомни,—отвѣчалъ тоже на всю улицу разбойникъ, прижимая къ груди только что купленнаго гуся:—вспомни, шельма, какъ ты меня мучила... Да! какъ вы меня съ любовникомъ въ солдаты хотѣли упечь,—канальи!“ „Нельзя не видѣть,—говоритъ авторъ,—что въ этой покупкѣ не просто забава отъ нечего дѣлать, а протестъ... Пріобрѣтая гуся, мѣщанинъ удовлетворялъ потребности жить не по заказу, не по приказу“.

Другой, самъ герой нашъ, „лѣнтяй“, „подобно множеству другихъ вѣрныхъ представителей толпы, жилъ протестуя лѣнью противъ вторженій въ его душу произвола, жилъ „помаленьку“, „какъ нибудь“, занимаясь чѣмъ нибудь, лишь бы его не трогали, лишь бы его не заставляли“. Поступивши въ гимназію, куда его отдала мать, онъ бросилъ науку на первыхъ же порахъ; потому что она „шла на него не другомъ, а врагомъ, съ розгой и палкой, и давала то, чего душа его не принимала“, и онъ ушелъ отъ нея обиженнымъ.

Масса, толпа, только „исполняла новыя времена“, наставшія вскорѣ. „Между новымъ порядкомъ и личной жизнью участвующихъ въ нёмъ — нѣтъ связи“; новому порядку въ дѣйствительности оказались ненужными ни ваша мысль, ни ваша душа. Новыя времена принесли съ собою какое-то дѣло; но дѣло это остается чуждымъ большинству даже дѣятелей его. И вотъ, со скуки, эти дѣятели ѣдутъ „кобеля топить“. Утопили—и напились. Компанія силачей, собравшаяся вечеркомъ, не знаетъ куда дѣть свою силу въ уѣздной глуши, и цѣлую ночь занимается вытаскиваньемъ изъ земли, неизвѣстно зачѣмъ, тротуарныхъ тумбъ, валитъ на землю фонарные столбы, поворачиваетъ крыши на гнилыхъ нищенскихъ избенкахъ, мажетъ дегтемъ ворота даже тамъ, гдѣ вовсе этого не слѣдовало дѣлать. Отъ этой среды стоитъ въ вѣковой зависимости мильонная народная масса, ищущая умственной жизни, но темная, не умѣющая справиться съ этой потребностью свѣта. Идетъ, напримѣръ, въ городъ ходокъ по дѣлу своихъ однодеревенцевъ, „ото всего міра“. Въ чемъ же дѣло ихъ?—разспрашиваютъ его „лѣнтяй“ и петербургскій гость его,—не на счетъ-ли земли?

— Оно, точно, на счетъ земли.... — отвѣчаетъ ходокъ.—Земля-то оно земля,—потряхивая головой и какъ бы соображая, гнетъ онъ.—Земля эта есть; а и окромя земли въ нашемъ дѣлѣ тоже есть много всего... Вотъ я тебѣ что скажу...

— Вы говорите! Вы не бойтесь,—сказалъ гость.

— Ты говори, прибавилъ лѣнтяй:—можетъ быть, мы тебѣ чѣмъ-нибудь поможемъ...

Все время, какъ бы сонный, ходокъ вдругъ встряхнулся и произнесъ:

— Я бы тебѣ, другъ ты мой, сказалъ, вотъ какъ, эстолькаго вотъ не утаилъ бы, да языка-то нѣту у нашего брата... Вотъ что я скажу! Будто какъ по мыслямъ-то и выходитъ, а съ языка-то не слѣзаетъ. То-то и горе-то наше дурацкое!

— Объ чемъ же бьемся-то? Объ эфтомъ, другъ,—присѣвъ на стулъ,—продолжалъ онъ: голосъ его дрожалъ отъ искренняго, глубокаго сожалѣнія о невозможности овладѣть и въ полной ясности представить себѣ гнетущія голову мысли.—Другъ ты мой! Суди самъ! Міръ далъ деньги на походъ; надежду на меня имѣетъ, а что я? То-то Богъ-то насъ убилъ!

Ходокъ говоритъ все это съ глубокой грустью человѣка, пораженнаго какими-то мыслями, готоваго съ желѣзной энергіей стоять за нихъ, но голова его не умѣетъ мыслить такъ, какъ бы слѣдовало въ данномъ случаѣ. Напрасно разспрашиваютъ его, не плохъ ли у нихъ надѣлъ, что такое вообще случилось. Случилось, по его словамъ, „недовольствіе".—Гдѣ же, у кого?—„Въ нашихъ мѣстахъ... тамъ... Почему? Земля—такъ; одно дѣло. А почему?." Послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшается, наконецъ, употребить всѣ усилія и разсказать, въ чемъ дѣло.

„Что есть человѣкъ?" спрашиваетъ онъ недоумѣвающихъ собесѣдниковъ. „Прахъ! Больше ничего. Такъ что-ли?" „Ну прахъ", отвѣчаютъ ему. „Ну?" „Ну вотъ, говоритъ ходокъ. Мнѣ бы съ головой разобраться. Я тебѣ объясню, погоди. Поведемъ дѣло по порядку. Стало быть, прахъ; разъ"... Ходокъ загнулъ одинъ палецъ на рукѣ. „Разъ", повторилъ онъ. „Ладно. А земля? По-твоему земля, что будетъ?" Собесѣд-

ники въ затрудненіи. „Опять же прахъ“, радостно сказалъ ходокъ. „Видѣлъ? И земля, стало быть, тоже прахъ,—два! Теперь гляди... Ежели, къ примѣру, пойду я въ землю, потому я изъ земли вышелъ,—изъ земли. Ежели я пойду въ землю, напримѣръ, обратно, какимъ же, стало быть, родомъ можно съ меня брать выкупные за землю?....“

Тутъ ходоку понадобилось еще какое-то слово,—но сколько не „глядѣли“ собесѣдники его, ничего они не увидѣли. И пожалѣлъ ходокъ, что не могъ онъ ослушаться „мірской“ воли, пославшей его „ходить“ за міръ. Дѣло послѣ разъяснилъ лѣнтяю дьячекъ того села, откуда былъ этотъ ходокъ. Проживалъ въ деревнѣ тамъ какой-то старичокъ, придерживавшійся раскольничьяго бѣгунскаго толка. Сталъ онъ объяснять мужику, что мужикъ тоже человѣкъ. „Живи, молъ, самъ по себѣ“, толковалъ онъ крестьянамъ: „отдавай отчетъ одному Богу, у тебя душа, ты подумай о ней, самъ-то въ навозѣ весь и душа твоя въ навозѣ; душу твою платой обложили; за нее ты платишь, а не думаешь о ней!!“ Проницательный читатель и безъ объясненія дьячка могъ бы теперь догадаться, что дѣло не могло обойтись безъ вмѣшательства „дѣятелей“, занимавшихся до этого „потопленіемъ кобеля“, и должно было окончиться совершенно такъ, какъ оканчиваются всѣ подобныя дѣла, — усмиреніемъ бунта или чѣмъ-нибудь подобнымъ...

Въ очеркахъ и разсказахъ „Изъ памятной книжки“ еще яснѣе возстаетъ передъ читателемъ этотъ міръ какого-то всеобщаго недоразумѣнія, жизни „по заказу“ и отсутствія настоящаго дѣла съ одной стороны, и темныхъ, неопредѣленныхъ стремленій—съ другой. Въ „Книжкѣ чековъ“ авторъ разсказываетъ намъ исторію одной такой „питательной книжонки“, впитавшей въ себя цѣлыхъ пятнадцать тысячъ. Исторія эта происходитъ опять въ условіяхъ „новыхъ временъ“, появившихся въ результатѣ освобожденія крестьянъ, построенія желѣзной дороги и вторженія „новой хищнической промышленности“ въ захолустье къ распоясовцамъ. Авторъ изображаетъ различіе между старыми и новыми временами по отношенію къ купцу такими чертами.

Старомодный купецъ жилъ обманомъ, богатство приходило къ нему темными путями, и слова „темный богачъ“ такъ же справедливы по отношенію къ старомодному купцу, какъ поговорка: „не обманешь—не продашь“ справедлива по отношенію къ его дѣятельности. Въ немъ было все обманъ. Женился онъ не на женщинѣ, а на сундукѣ. Съ покупателями онъ былъ ласковъ съ цѣлію „отвести ему глаза“, обвѣсить, обмѣрить, сбыть линючее, и такъ далѣе. Такъ понимали его всѣ, такъ понималъ онъ и самъ себя: въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что дѣло его нечисто, что его всегда могутъ уличить и поступить съ нимъ на законномъ основаніи въ этомъ мірѣ, и плохо можетъ придтись ему на томъ свѣтѣ. И вотъ онъ ставитъ пудовыя свѣчи передъ образами и боится всякаго начальства, начиная съ городового. Онъ давалъ взятки, подносилъ хлѣбъ-соль, жертвовалъ и пр....

Новыя времена привели съ собою и новаго человѣка. Герой нашего разсказа, владѣлецъ „питательной“ книжки, Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ, совершенно не похожъ на стародавняго купца. Физіономія его смѣлая и увѣренная. Онъ увѣренъ, что его дѣло—настоящее, за которое отечество обязано ему благодарностью. Онъ только жертвуетъ своимъ капиталомъ на общую пользу, и хотя дѣйствуетъ изъ личныхъ выгодъ, но зато даетъ другимъ хлѣбъ, оживляетъ „мертвыя мѣстности“ и капиталы. Совѣсть его покойна, потому что Иванъ Кузьмичъ „даетъ просто оборотъ своимъ капиталамъ“, а это не запрещено. И книжка его впитываетъ все больше и больше. Въ той мѣстности, которую онъ избралъ для „оживленія“, еще недавно былъ непочатый уголъ естественныхъ богатствъ: безконечныя поля, непроходимые лѣса, въ которыхъ привольно жилось и звѣрю, и птицѣ. Богатство это стояло забытое, никому ненужное и недоступное. У барина пропадалъ аппетитъ охотиться въ лѣсу, гдѣ каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль—такъ было много всякой твари; у мужика не было дровъ зимою, но онъ выводился съ связанными руками изъ лѣса, если попадалъ на глаза сторожу... Баринъ страдалъ меланхоліей, мужикъ бѣдствовалъ и тоже терялъ аппетитъ жить на бѣломъ свѣтѣ...

Освобожденіе крестьянъ сразу покончило съ этою обоюдною меланхоліей барина и мужика. Что-то такое „отошло“ отъ барина къ мужикамъ и отъ мужика къ барину. Случилось при этомъ такъ, что отъ мужиковъ къ барину, благодаря дѣятельности управляющаго, отошло что-то такое, за что „мужики ощетинились“. Пошли въ дѣло ходоки; мужики распоясывались, вынимали кошельки и посылали въ городъ „вѣрныхъ“ людей. Эти встрѣчали въ городѣ какихъ-то ходатаевъ, и, „принимая кончину за свое племя“, пропускали все какіе-то „сроки“, сначала одинъ, потомъ другой, а между тѣмъ дѣло барина шло какъ нельзя лучше. Среди этихъ „сроковъ“, „просрочекъ“, „апелляцій“, „кассацій“, „скопій“ и пр. мужики и ихъ вѣрные люди такъ перепутались, что предложено имъ было переселиться съ родимыхъ гнѣздъ въ пустопорожнія неудобныя земли. Пріѣзжало начальство, читало имъ разныя бумаги, растолковывало, разъясняло, но наши распоясовцы ничего не понимали и требовали все какихъ-то своихъ „правъ“. Составлялись какіе-то протоколы, и распоясовскіе же мужики увозили ихъ въ городъ. Ходоки ихъ были и въ Петербургѣ, но посидѣли только по разнымъ тюрьмамъ и воротились по этапу. Предложеніе переселиться все продолжалось, мужики отвѣчали фразой „намъ легче помереть“. Опять пріѣхало начальство, созвало крестьянъ сосѣднихъ деревень и сломало домы распоясовцевъ. Распоясовцы не шли, однако, на новыя мѣста, держась попрежнему убѣжденія, что — „лучше помереть“. Настали осенніе дожди... — Ну, рябя, теперичи — чистая приходитъ наша смерть! Отдавай, ребята, Богу душу... Помирай! говорили распоясовцы. И дѣйствительно стали помирать... Наконецъ, всѣхъ ихъ отдали подъ судъ.

Если читатель припомнитъ наблюденія лѣнтяя и сопоставитъ ихъ съ горемъ распоясовцевъ, онъ пойметъ, что все описанное г. Успенскимъ происходило какъ разъ въ то самое время, какъ изъ разныхъ палатъ „шли отношенія и предписанія“ за номерами, и „дѣятели“, въ свободное отъ „отношеній“ время, топили кобеля. Распоясовцы между тѣмъ упали духомъ. И въ это-то время является въ ихъ жизни, въ ка-

чествѣ „благодѣтеля“ и „кормильца“, Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ. Онъ „снялъ у барина все—и лѣсъ дремучій, и рѣки, и поля; и вмѣстѣ съ тѣмъ „снялъ“ и всѣхъ распоясовцевъ: „полтина въ сутки пѣшему и рубль конному“. Мѣстность „оживилась“. Мужикъ повеселѣлъ, Иванъ Кузьмичъ заводилъ книжку за книжкой, а естественныя богатства быстро исчезали. Съ трескомъ валились деревья, взрывалась почва для добыванія каменнаго угля, шумѣла мельница, свисталъ чудовище-паровикъ, на фабрикѣ и заводѣ все кипѣло жизнью.

Вся эта жизнь (узнаетъ читатель изъ второго очерка: „Неплательщики“) стоитъ въ тѣсной связи съ появленіемъ въ распоясовскихъ палестинахъ новой питательной желѣзнодорожной вѣтви, безъ которой не было бы и Ивана Кузьмича. Съ помощью ея онъ вывозитъ изъ края „огромное количество нарубленнаго, вырытаго, распиленнаго, доставляя этимъ себѣ книжку за книжкой, а распоясовскимъ мужикамъ за нагрузку по *восьми гривенъ съ тысячи пудовъ*, конечно „чистыми деньгами“ и по взаимному соглашенію. Выходитъ въ результатѣ, что распоясовскій обыватель теряетъ богатство своего края за восемь гривенъ съ тысячи пудовъ. Но этимъ дѣло не оканчивается. Несмотря на стараніе Ивановъ Кузьмичей опустошить отечество, дорога не покрываетъ расходовъ. „Трехмилліонный бюджетъ громко ропталъ на распоясовца, что онъ ничего не производитъ, а умѣетъ торговать только своими готовыми нѣдрами, которыя слишкомъ дешевы и постоянно требуютъ пониженнаго тарифа“. Въ краѣ не оказывалось никакой муки и никакихъ вообще „производствъ“. „Какая тамъ мука!... Самимъ нечего... все дочиста обобрали... нѣту ничего!...“ говорилъ мужикъ. „Баринъ“ между тѣмъ требовалъ „честью“ своего, и пришлось распоясовцу отдавать и эти восемь гривенъ, которыми награждалъ его Иванъ Кузьмичъ...

Распоясовецъ живетъ такимъ образомъ вынужденной жизнью, вырабатываемой для него другими классами общества. Какимъ же образомъ ведутъ дѣло эти классы, что получаются такія печальные результаты? Жизнь этихъ „интеллигентныхъ неплательщиковъ“, такъ называетъ ихъ Успенскій, представляется *жизнью невзаправду*. Въ описаніи этой жизни отовсюду

выглядываютъ тѣ самыя черты, которыя мы видѣли въ „Лѣнтяѣ“. Въ пору проведенія желѣзной дороги, мѣстное самоуправленіе волей-неволей рѣшается, напримѣръ, закрывать школы и строить шоссейныя дороги къ желѣзному пути — послѣдній безъ первыхъ и существовать бы не могъ. Это больно отзывается на краѣ, но самоуправленіе притворяется, что такъ и слѣдовало дѣлать. Лучшіе даже „неплательщики“, хорошо понимая какъ этотъ, такъ и массу другихъ подобныхъ фактовъ, ведутъ однако всѣ такія дѣла, съ сомнѣніемъ въ душѣ. Лишенное искренности „невзаправдушное“ отношеніе къ дѣлу понятно къ чему ведетъ, и жизнь „интеллигентнаго неплательщика“ представляетъ собою рядъ дѣйствій, въ цѣлесообразности которыхъ онъ не увѣренъ.

„Такая жизнь мученье, такъ жить нельзя!“ скажетъ, по мнѣнію автора, читатель. Но они живутъ; большинство, конечно, живетъ по рутинѣ, не особенно стараясь осмыслить свою дѣятельность; меньшинство понимаетъ лучше дѣло, но молчитъ. Между тѣмъ Иванъ Кузьмичъ разоряетъ край, „неплательщикъ“ обвиняетъ, защищаетъ, пишетъ, читаетъ и многое другое дѣлаетъ, распоясовецъ же, настоящій обыватель края, платитъ за все это деньги. Вотъ существенный смыслъ описываемой Успенскимъ жизни.

Для поясненія сущности того, что Успенскій называетъ „жизнью невзаправду“, составляющей содержаніе многихъ его разсказовъ, остановимся на одномъ изъ нихъ: „Вокругъ да около. Безъ покаянія и причащенія“.

Существенное содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ. Была на свѣтѣ одна старуха, очень бѣдная, больная, жившая по мѣстамъ въ кухаркахъ. Кой-какъ перебивалась она въ своей горемычной жизни, и если не была счастлива, то по возможности не роптала. Человѣкъ она была не дурной, способный къ хорошимъ отношеніямъ съ людьми, умѣла больше любить, чѣмъ ненавидѣть. И можетъ быть, она мирно дожила бы свой безобидный вѣкъ и спокойно умерла бы гдѣ-нибудь на кухнѣ или въ больницѣ... но случилось одно обстоятельство...

Въ то же время жилъ одинъ очень умный молодой человѣкъ, изучавшій разныя науки дома и за границей. Хорошо

знакомый и теоретически, и практически, по собственному наблюденію, съ безурядицей нашей жизни, онъ все обдумывалъ, какъ бы помочь бѣдному люду, ненужнымъ образомъ гибнущему отъ неустройствъ нашей жизни. Сочинилъ онъ, между прочимъ, одинъ проектъ о какихъ-то санитарныхъ мѣрахъ. Два года употребилъ онъ на то, чтобы дозволено ему было представить этотъ проектъ думѣ, въ то же время постоянно разработывая его такъ, чтобы не встрѣтить затрудненія въ практическомъ примѣненіи его,—примѣняя его и ко вкусу тѣхъ, отъ кого зависѣло примѣненіе, и къ возможности дѣйствительной пользы отъ него.

Наконецъ, проектъ прочитанъ имъ въ думѣ. Слушатели холодно приняли его. Только два человѣка съ вѣсомъ обратили на него вниманіе, сказали двѣ краснорѣчивыхъ рѣчи, и проектъ прошелъ. Началось практическое примѣненіе его. Въ проектѣ значилось, между прочимъ, что необходимо слѣдить за больными и стараться разобщать ихъ отъ здоровыхъ; объ этомъ посланы были, куда слѣдуетъ, увѣдомленія. Къ несчастію для старушки нашей, какъ разъ въ это время она была больна. Хозяева ея однажды вечеромъ ушли въ гости, и она одна лежала въ своей кухнѣ. Вдругъ является городовой и требуетъ, на основаніи какого-то предписанія, чтобы она шла съ нимъ въ участокъ для освидѣтельствованія ея болѣзни. Никакіе резоны не могли утишить исполнителя предписанія. И едва живая старушка должна была слѣдовать за нимъ въ страшный холодъ, въ рубищѣ. Болѣзнь ея была не особенна серьезна, но тяжелыя усилія и холодъ сдѣлали свое дѣло: старуха умерла на дорогѣ, „безъ покаянія и причащенія“.

Узнавши объ этомъ, молодой человѣкъ былъ пораженъ. Въ практическомъ примѣненіи къ старухѣ его хорошій проектъ оказывался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ представлялъ его себѣ. Зная, что своимъ проектомъ онъ доставилъ много хлопотъ практическимъ примѣнителямъ его, молодой человѣкъ справедливо долженъ былъ ожидать такихъ же слѣдствій почти повсюду. Но что особенно поразило его, такъ это то, что два благородныхъ оратора въ думѣ знали за что говорили. Одинъ изъ нихъ предоставилъ свой какой-то загородный пу-

стынный дворъ для свалки, по проекту, мусора, продавалъ этотъ мусоръ и получалъ хорошіе барыши. Другой воспользовался проектомъ молодаго человѣка тоже въ свою выгоду. И вотъ, если бы молодой человѣкъ опять занялся сочиненіемъ другого такого же проекта, хлопоталъ бы о возможности представить куда слѣдуетъ и практически примѣнить его, онъ долженъ былъ бы чувствовать и понимать, что живетъ „невзаправду".

Передъ нами развернулась теперь обширная картина нашей жизни. Но постепенно увеличивая ея размѣры, охватывая все больше и больше элементовъ жизни, Успенскій постепенно сходилъ съ дороги художника и становился просто наблюдающимъ мыслящимъ человѣкомъ. Уже не типъ изъ народной среды, не частную картину народной жизни встрѣчаетъ въ нихъ читатель, а послѣдовательные логическіе выводы изъ подпавшихъ наблюденію автора фактовъ, прерываемые иллюстрирующими эти выводы сценами и разговорами.

Эти сцены и разговоры часто весьма характеристичны, но выводы невольно кажутся нѣсколько излишне общими. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что въ той или другой мѣрѣ выводы эти имѣютъ основаніе въ существующей дѣйствительности. Напримѣръ, трудно допустить, что *всѣ* „интеллигентные неплательщики" живутъ невзаправду, но что такихъ не мало и что такой неплательщикъ—типическое представленіе, не подлежитъ сомнѣнію.

Элементы, изъ которыхъ сложилась въ произведеніяхъ Успенскаго большая картина нашей общественной жизни, каждый самъ по себѣ представляетъ чисто художническое обобщеніе разнообразныхъ типическихъ чертъ и имѣетъ значеніе цѣннаго общаго факта. Всѣ вмѣстѣ они представляютъ не простое сцѣпленіе случайностей, а связанное неумолимой логикой жизни одно цѣлое, гдѣ каждый элементъ зависитъ отъ другихъ, подчиняясь закону взаимодѣйствія. Вѣковая оторванность образованныхъ классовъ отъ народа, естественно, породила взаимное непониманіе, отсутствіе живыхъ связей и прочной, осмысленной помощи другъ другу въ общемъ дѣлѣ развитія жизни. Отсюда жизнь „невзаправду" интеллигент-

наго неплательщика и исканіе сущей правды, отсюда же уединенность народа, его невѣжество, усиливаемое бѣдностью, а потомъ и почти вынужденная безнравственность, стремленіе къ копейкѣ во что бы то ни стало и т. д. Все это въ высшей степени просто и понятно.

Чѣмъ больше выясняется этотъ характеръ нашей жизни, тѣмъ больше становится возможнымъ отнестись къ ней критически даже людямъ народа или классовъ, близко стоящихъ къ нему. Въ очеркахъ „Изъ памятной книжки", дѣйствительно, мы находимъ примѣръ такого человѣка, тоже въ своемъ родѣ „разореннаго" субъекта, отрѣшеннаго дьякона. Подъ вліяніемъ знакомства съ одной учительницей—мыслящимъ человѣкомъ, онъ, подобно Михаилу Иванычу, вдругъ почувствовалъ всю ложь и несправедливость жизненныхъ отношеній. Подъ вліяніемъ новой мысли онъ получаетъ отвращеніе ко всей своей личной жизни, ищетъ выхода, свѣта, проситъ книгъ, объясненій. Онъ между тѣмъ настоящій человѣкъ массы, жившій старымъ, вѣками выработаннымъ кодексомъ житейской опытности.

По поводу его Успенскій дѣлаетъ обобщеніе, что „въ глуши завелась небывалая доселѣ болѣзнь. Эта болѣзнь — мысль. Тихими, тихими шагами, незамѣтными, почти непостижимыми путями пробивается она въ самые мертвые углы русской жизни, залегаетъ въ самыя неприготовленныя къ ней души... Тихо, сонно и скучно кругомъ все... А между тѣмъ, въ этой тишинѣ, въ этомъ кажущемся безмолвіи и снѣ, по песчинкѣ, по кровинкѣ, медленно, не слышно перестраивается на новый ладъ запуганная, забитая и забывшая себя русская душа, а главное — перестраивается во имя самой строгой правды". Замѣтимъ здѣсь кстати, что „небывалая болѣзнь" эта, если судить по произведеніямъ же Успенскаго, совсѣмъ не такое новое явленіе; Михаилъ Иванычъ „Разоренья", отецъ „Лѣнтяя" и самъ „Лѣнтяй" уже вполнѣ охвачены этой болѣзнью.

5.

Мы сказали, что Успенскій постепенно сходилъ съ дороги художника и становился просто наблюдающимъ, мыслящимъ человѣкомъ. Какъ художественный талантъ, онъ, разумѣется, не могъ перестать быть имъ, но только свои художническія изображенія онъ сопоставляетъ для выводовъ. Насколько вѣрны эти изображенія, настолько же, по меньшей мѣрѣ, рѣзки часто выводы. Съ этимъ стремленіемъ къ выводамъ Успенскій переноситъ свои наблюденія на современную деревню и, рисуя нерѣдко полныя жизни картины, въ то же время, рядомъ съ совершенно вѣрными заключеніями, даетъ и слишкомъ строгую оцѣнку народнаго характера. Ниже мы разсмотримъ ближе, въ чемъ состоятъ преувеличенія нашего автора; теперь же перейдемъ къ тому, что̀ нашелъ Успенскій въ деревнѣ.

Наблюденія надъ деревней Успенскій изложилъ въ очеркахъ „Изъ деревенскаго дневника". Заключающіеся въ нихъ выводы о народной жизни дѣлаются авторомъ „не на основаніи только фактовъ, наблюденныхъ въ извѣстной деревнѣ, а являются результатомъ долговременнаго изученія русской деревни вообще", сказано въ предисловіи. И дѣйствительно, въ очеркахъ „Изъ деревенскаго дневника" авторъ, въ сущности, даетъ, какъ художникъ, не новое, а то, что было изображаемо имъ и въ предыдущихъ произведеніяхъ. Лишнее развѣ то, что нѣкоторыя черты народной жизни онъ оттѣняетъ здѣсь съ особенной силой. То, что входило прежде только какъ элементъ въ общую картину, здѣсь выступаетъ въ качествѣ первенствующаго зла, на которомъ Успенскій останавливается съ недоумѣніемъ и тяжелымъ чувствомъ. Но—повторяемъ — новаго онъ ничего не даетъ, такого новаго, что̀ не было бы охарактеризовано въ его предыдущихъ произведеніяхъ, и что̀ не было бы вполнѣ согласно съ другими сторонами народной жизни. Изображаемая имъ сцена, взятый характеръ и здѣсь всегда производятъ чрезвычайно цѣлостное впечатлѣніе и дышатъ удивительной жизненностью и правдивостью. Всюду тотъ же несложившійся бытъ, тотъ же мужикъ

съ выработаннымъ жизнью эгоизмомъ, рядомъ съ какимъ-то мягкосердечнымъ добродушіемъ.

Ставъ ближе къ народной жизни, прямо наблюдая ее, Успенскій, однако, какъ бы признаетъ свои прежнія наблюденія недостаточно точными. Видя, что въ „плодородной, богатой странѣ, при общинномъ хозяйствѣ—этой единственной формѣ, могущей обезпечить всеобщее благосостояніе, въ мѣстности съ кассами, банками, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ недоимокъ, работящему, обремененному семьей человѣку—нѣтъ пищи“: вообще видя въ народѣ рознь и сильное развитіе эгоизма и рисуя картины именно этого характера, Успенскій приходитъ даже къ сомнѣнію въ своемъ пониманіи коренныхъ мотивовъ народной жизни. Не проходитъ дня, говоритъ онъ, чтобы вы (въ деревнѣ) не натолкнулись на какое-нибудь явленіе, сцену, разговоръ и т. д., и т. д., которые ежеминутно разсѣиваютъ всѣ ваши фантазіи, уничтожаютъ всѣ вычитанные вами соображенія и взгляды на народную жизнь, словомъ, ставятъ въ полную невозможность постичь, какъ при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ могло произойти то, что вы видите во-очію“.

Въ другомъ своемъ очеркѣ „Изъ деревенскаго дневника“, авторъ нашъ съ негодованіемъ почти останавливается на одномъ проявленіи народной жизни. Этотъ очеркъ: „Ѳедюшка конокрадъ“. Онъ рисуетъ передъ нами мрачную картину народной мести за страшное зло, за полное разоренье хозяйства, которое вноситъ въ жизнь крестьянина конокрадъ. Поймали двухъ конокрадовъ человѣкъ пятнадцать крестьянъ, стерегшіе табунъ... „Порѣшили было не бить, говоритъ разсказчикъ-крестьянинъ, а полностью предоставить въ волость, да вѣдь что будешь дѣлать-то, *больно ужъ мучители большіе*: караулимъ, сидимъ, ужъ, конечно, не молчимъ, да нѣтъ-нѣтъ кто-нибудь и тронетъ... То сапогомъ этакъ въ бокъ... то вожжой, то за волосы... Вѣрите ли, *теперь вспомнишь, оторопь беретъ, а въ ту пору* не то-что жалѣть, а прямо сказать, сластитъ, коли ежели вцѣпишься... Не утаю, было и моего грѣха въ этомъ дѣлѣ, *но въ мѣру*“... Крестьянинъ, очевидно стыдится нѣсколько.

Избитыхъ конокрадовъ ведутъ въ деревню. „Не ведите насъ по деревнѣ, други милые! Убьютъ насъ“... взмолился одинъ изъ конокрадовъ, молодой малый. „Охъ, отцы мои родные... Вѣдь я, говоритъ, вашъ землякъ, сычовскій... Пожалѣйте своего-то... Я, говоритъ, Ѳедоръ“!... Привели ихъ къ нѣкоему Ивану Васильевичу. „Первѣющій былъ у насъ голова“, говоритъ о немъ разсказчикъ, „староста былъ — копейки мірской не утаилъ, за мірское дѣло горой стоялъ... первый нашъ судья, хранитель мірской, Божій человѣкъ“. Поднялся народъ, окружилъ, ругали конокрадовъ, плевали на нихъ, но никто ничего не зналъ, что дѣлать... Только идетъ Иванъ Васильевъ, *и лица на немъ человѣческаго нѣту*. „Ребята, говоритъ, своимъ судомъ грабителей! Бей! крикнулъ“. Конокрады были избиты до смерти. „И *напалъ на всѣхъ страхъ*, продолжаетъ разсказчикъ. *Никто не думалъ, что убьемъ до смерти*, всякій билъ за себя, не считалъ, что и другіе бьютъ. А какъ увидѣли: два покойника — оторопь и обуяла всѣхъ... Всѣ въ разсыпную. Не я... не я... не я... „Ничего не будетъ!“ сказалъ Иванъ Васильевъ... Судъ былъ. И точно—ничего не было. Всѣхъ оправдали. Съ тѣхъ поръ потише стало“ (на счетъ конокрадства, то-есть).

Успенскій поинтересовался узнать, кто такой былъ этотъ Ѳедюшка. Крестьяне съ сожалѣніемъ разсказали ему печальную судьбу мальчика-сироты, росшаго безъ крова и безъ призора, бѣжавшаго изъ деревни. Хотя его и не обижали тамъ, однако, даже не пытались создать для него хоть какое-нибудь сносное положеніе. Успенскій справедливо видитъ въ этомъ положеніи мальчика причину его печальной будущности и упрекаетъ крестьянъ въ томъ, что они не позаботились предохранить его отъ нея. Онъ указываетъ даже, что и средства для этого были—мірскія деньги, взятыя съ аренды кабака; отдать бы слѣдовало, по его мнѣнію, мальчика въ бѣдную семью, наградивши послѣднюю коровой,—такъ и она отдохнула бы „вокругъ мальчонки-то“. Авторъ убѣжденъ, что это и было бы сдѣлано, да только не нашлось человѣка настолько съ головой, чтобы предложить это. И вотъ онъ приходитъ къ мысли, что „въ деревнѣ нѣтъ при настоящихъ

условіяхъ возможности быть такому человѣку, который бы внесъ въ общинную жизнь ея новую мысль, что „невнемлющая и не дающая отвѣта“ народная масса поминутно выдѣляетъ изъ себя только хищниковъ, кулаковъ, міроѣдовъ и пр.“, что очевидно тутъ есть какая-то „недоимка“ въ народномъ умѣ, развитіи и сознаніи“. Въ силу-то этой „недоимки“ народная среда производитъ людей, становящихся во враждебныя къ ней отношенія, и потомъ сама же убиваетъ несчастныхъ.

Первые очерки Успенскаго „Изъ деревенскаго дневника“ именно и вызвали нападки и обвиненія въ клеветѣ на народъ, въ „измѣнѣ“ ему. Успенскій, отвѣчая въ „Ѳедюшкѣ конокрадѣ“ на взводимыя на него обвиненія, приписываетъ ихъ особому направленію въ нашей литературѣ, которое онъ называетъ „слащавымъ“. Общество и литература, по его мнѣнію, сосредоточили все сочувствіе на народѣ, но не въ смыслѣ сочувствія его дѣйствительному положенію или терпѣнію, съ которымъ онъ переноситъ его, а стали просто хвалить его за какое-то непочатое, непосредственное чувство; о томъ же, въ какой школѣ воспитывается это чувство, по какой дорогѣ идетъ и пойдетъ, объ этомъ не говорилось. „На тоненькихъ, какъ пленка кипяченаго молока“, говоритъ Успенскій, „какъ папиросная бумага, фактахъ стали выстраиваться въ литературѣ добродушные, милые взгляды на народъ. Съ этакимъ же сердцемъ (и тутъ фактъ: одинъ мастеровой далъ закурить папироску и не спросилъ за это на водку), какъ у такого народа, да это что-жъ такое будетъ! на разные тоны возглашали народные любители“...

„Посмотрите же“, говоритъ нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, „что дѣлаетъ это непосредственное чувство,—вотъ, напримѣръ, среди площади, на сельской ярмаркѣ:—„Хорошенько его, хорошенько! раздаются голоса. Рыжій! Рыжій, въ бокъ его, лысаго, суй!.. Суй его по боку-то, по боку-то... Эй, лысый, не плошай! Дуй его, рыжаго то, въ сусалы, эхъ прозѣвалъ!“ и т. д. И что же, благодаря этимъ совѣтамъ людей постороннихъ, и въ самомъ дѣлѣ пробиваютъ бока, при чемъ не обходится безъ смѣху, также безъискусственнаго“. И Успенскій не считаетъ возможнымъ ставить это непосредственное чувство

характеристикой народныхъ доблестей и строить на немъ что-либо прочное и величественное для будущаго.

Разсказомъ „Малые ребята“ Успенскій превосходно освѣщаетъ народную жизнь съ точки зрѣнія вліянія ея на дѣтей. „Плоха, забита, груба жизнь, жестки ея впечатлѣнія и въ результатѣ дѣйствуетъ загрубляющимъ и ожесточающимъ образомъ на дѣтей“. Пріѣхавшіе на лѣто въ деревню позаимствоваться „деревенскою откровенностью человѣческихъ отношеній“, городскія дѣти знакомятся съ деревенскими ребятами — и начинаются игры. Играютъ ребятишки, напримѣръ, въ вора, „и блистательно, т.-е. художественно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фотографически вѣрно исполняютъ это представленіе“... Несется толпа мальчишекъ, догоняетъ вора, вяжетъ его и ведетъ къ начальству „Господскія“ дѣти разыгрываютъ тутъ, хотя, конечно, сначала неумѣло, господскія роли: одинъ оказывается исправникомъ, другой — становымъ. Крестьянскія дѣти учатъ ихъ, какъ, гдѣ и что нужно дѣлать. „Ругай вора наперво: мошенникъ! каналья! упеку!“ — и дѣти ругаютъ „Ударь его по мордѣ!“ продолжаютъ учить знатоки, „бей его сначала по щекѣ!“ Далѣе вора гонятъ „сквозь строй“. Приносятъ прутья, „силомъ“ валятъ вора на полъ, исправникъ кричитъ: „бей сильнѣе“, воръ тоже кричитъ, но все слабѣй и слабѣй — его засѣкаютъ. Словомъ, въ игры вносится, что̀ совершенно естественно, то, что ребята видятъ въ дѣйствительности. И эта дѣйствительность, и эти игры, въ концѣ-концовъ, развиваютъ въ дѣтяхъ извѣстную долю жестокосердія или, по крайней мѣрѣ, равнодушія ко многому, что требуетъ сочувствія и должно вызывать состраданіе. Скоро дѣти станутъ взрослыми людьми, игры превратятся для нихъ въ настоящую дѣйствительность и — результаты понятны.

Г. Успенскій — талантливый художникъ. Въ его рукахъ теоретическія представленія о народѣ облекаются въ плоть и кровь. Многое, что вы слышали о народѣ, что читали, что видѣли, связывается въ одно стройное представленіе, объясняется положеніемъ народа и нисколько не противорѣчитъ вашему понятію о вліяніи жизни на душу человѣка. Какъ

ни великъ талантъ Успенскаго, онъ не можетъ нѣсколькими типами исчерпать все огромное содержаніе народной жизни. Но мало-по-малу, во многихъ очеркахъ, по частямъ онъ собираетъ типичнѣйшія черты народной жизни, и, прочитавши всѣ его очерки, вы начинаете понимать обширнѣйшій кругъ явленій. При всемъ томъ, прочитавши всѣ произведенія Успенскаго, и поставивши передъ собою вопросъ: что-же такое нашъ народъ, вы съ нѣкоторымъ смущеніемъ должны будете почувствовать, что на этотъ вопросъ отвѣта вы не дадите. Между тѣмъ вы припомните геройскіе подвиги самопожертвованія, совершавшіеся на вашихъ глазахъ и засвидѣтельствованные другими, и въ настоящемъ и въ прошломъ, о которомъ вы слышали или читали; припомните кстати и это исканіе истины, проявляющееся въ сектантствѣ, если и въ уродливыхъ, то во всякомъ случаѣ сильныхъ и выразительныхъ формахъ; припомните удивительно человѣчные и осмысленные приговоры крестьянъ-присяжныхъ и многое другое, и ясно поймете, что въ широкой картинѣ народной жизни, раскинутой передъ вашими глазами Успенскимъ, нѣтъ еще объясненія многихъ явленій народной жизни...

6.

Съ Златовратскимъ читатель вступаетъ совершенно въ иной міръ. Передъ нимъ проходитъ рядъ персонажей изъ народа, сохранившихъ всю свѣжесть душевныхъ силъ, людей чрезвычайно впечатлительныхъ къ чужому горю, готовыхъ на все великое и благородное, что только они узнаютъ и поймутъ. Въ этомъ мірѣ нѣтъ эгоизма, истекающаго изъ душевныхъ свойствъ людей. Внѣшнія вліянія играютъ въ немъ лишь ту роль, что задерживаютъ проявленія лучшихъ человѣческихъ движеній душевныхъ, но они не калѣчатъ, не извращаютъ душевныхъ силъ человѣка — онъ силенъ и стоекъ, онъ только сторонится этихъ вліяній, оставаясь постоянно самимъ собой и не поддаваясь никакимъ извращеніямъ своей человѣческой природы. Персонажи разсказовъ Златовратскаго всегда таковы, что онъ относится къ нимъ самъ и заста-

вляетъ относиться другихъ съ высокимъ уваженіемъ. Къ явленіямъ окружающей жизни, становящимся къ нимъ если не во враждебныя, то во всякомъ случаѣ и не въ дружественныя отношенія, они, съ своей стороны, относятся съ полной независимостью. Если они и склоняютъ голову, то только лишь по невозможности вынести давленіе всей силы обстоятельствъ.

Не будемъ останавливаться на первыхъ опытахъ Златовратскаго, появлявшихся въ разныхъ изданіяхъ съ 1866 года, и ограничимся тѣмъ, что даетъ намъ авторъ въ своихъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ, въ сборникѣ „Среди народа". Но для характеристики, однакоже, того направленія, которое принялъ талантъ Златовратскаго въ началѣ его литературной дѣятельности, мы тѣмъ не менѣе остановимся на одномъ изъ его первыхъ очерковъ „Шапка. Изъ разсказовъ заводскаго хлопца". Онъ любопытенъ для насъ между прочимъ въ томъ отношеніи, что сюжетъ его почти тождественъ съ сюжетомъ разсказа Успенскаго „Зарокъ не пить". Сопоставленіе этихъ двухъ разсказовъ сразу даетъ возможность сравнить между собою и отношенія къ народной жизни разсматриваемыхъ нами авторовъ, и свойства ихъ талантовъ. Передъ читателемъ картина жизни одного изъ заводовъ, „гдѣ тяжко работать, не весело жить", гдѣ „грустно за человѣка"... Заводъ не великъ: тридцать-сорокъ избушекъ, едва поднимающихся отъ земли, съ двумя-тремя окнами, уцѣпившись одна за другую, вытянулись въ рядъ. Отъ избушекъ, вмѣсто улицъ и дорогъ, протоптаны тропинки къ мѣстамъ работы, „гдѣ заключены всѣ цѣли бытія" бѣднаго люда... Кабакъ — единственная утѣха въ воскресенье. Тихо-тихо плетется жизнь.

„Послѣ субботняго шабаша", разсказываетъ авторъ, „выйдетъ нашъ рабочій людъ изъ гуты, не торопясь поѣстъ и — на печь; а то другіе выйдутъ на заваленки, почешутся, посмотрятъ — и тоже спать. Въ воскресенье получатъ провіантъ, пропьютъ малость изъ него въ кабакѣ, потопчутся къ вечеру на луговинѣ, помотаются изъ угла въ уголъ, словно ищутъ чего-то ихъ тоскливыя души... Чего же это ищетъ тоскливая рабочая душа?..."

Всѣхъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ мы привыкли слышать и читать, чего-нибудь въ родѣ семейной безурядицы, буйной, пьяной удали, споровъ и разногласій, — словомъ всего, что такъ обычно во всякомъ человѣческомъ обществѣ, и въ поминѣ нѣтъ въ разсказѣ г. Златовратскаго; только чувствуется гнетъ и тяжесть одной, внѣшней этому тихому міру, силы, въ видѣ управляющаго заводскаго и конторщика... Но вотъ однообразіе этой мирной картины нарушается.

„Подъ лѣтній вечеръ воскреснаго дня сидѣли рабочіе на заваленкахъ у своихъ малыхъ избушекъ. Подходитъ къ нимъ человѣкъ — мужичекъ, старый, съ котомкой за плечами, лысый, съ длинной широкой бородою, съ такими смѣющимися и добрыми глазами, что рады были рабочіе люди, еще слова не сказавши, пришлому человѣку.

— Заводскимъ людямъ, наше вамъ! — привѣтствовалъ незнакомый гость.

— Добраго здоровья, пришлый человѣкъ, — отвѣчала кучка заводскаго люда.

— Примете ли, други, меня стараго къ себѣ?

— Поди въ контору, скажутъ тамъ...

— Не съ конторой, други, жить мнѣ, а съ вами...

— Милости просимъ. Будемъ рады, коли съ душой человѣкъ.

— Я, други, душу имѣю! Много терпѣлъ, а душу сберегъ...

Понравилось то слово рабочему люду.

— Только вѣдь вольный я, — сказалъ старикъ, и устыдился словно чего.

— Пора тебѣ, дѣдушка, пора и вольнымъ быть... Поработалъ, чай, на свой вѣкъ...

— На тебѣ, дѣдъ, не взыщется, тебѣ это въ грѣхъ не поставится... Одинокій ты?

— Одинокій, други: почему-жъ и вольный?... А зовутъ меня Фаддеемъ, а прозвищемъ Ильичъ...

Такъ „тихо и любовно“ встрѣтили заводскіе люди новаго члена въ свою среду, Дѣдъ Фаддей оказался дѣйствительно душевнымъ человѣкомъ, пѣлъ и плясалъ и на гитарѣ игралъ.

И полюбили его заводскіе люди. Водятъ они „вольнаго“ человѣка въ кабакъ, а онъ развлекаетъ и забавляетъ ихъ. Жалуется онъ однажды, что придется старику одному умирать.

— Не умрешь, дѣдъ, одинъ... Мы тебѣ, дѣдъ, что родственники твои будемъ; тебя лаской не покинемъ,—утѣшаютъ его рабочіе въ кабакѣ: пей, душа, молодъ будешь!

— Други! шире! Раздайся теперича!—крикнулъ Фаддей Ильичъ, выпивъ водки, утершись полой и сбросивъ съ плечъ армячишко.

Раздался рабочій народъ, и Фаддей Ильичъ пустился въ буйный танецъ-присягу, въ такой буйный, въ такой утѣшительный, что самъ кабатчикъ вышелъ и подошли деревенскіе мужики посмотрѣть на вольнаго старца.

— Боже ты мой, и приведетъ ли царь небесный намъ дожить до вольной старости и съ душой доброю, съ людской любовію кости положить?—вздыхало старое поколѣніе, ложась на печь и дивуясь на душу Фаддея Ильича.

— Примиритесь! говорилъ рабочій людъ, *понимая сердцемъ все глубокое значеніе этого слова.*

Такія сцены составляютъ все содержаніе этого разсказа. „Любовно“ жили заводскіе люди съ Фаддеемъ Ильичемъ, и словно по новому зажили, „слушая его повѣсти чудныя, да утѣшаясь его весельемъ...“ На какой-то праздникъ ушелъ Фаддей Ильичъ въ городъ, воротился больной и скоро умеръ. А рабочіе люди „надолго похоронили чудныя повѣсти, милыя пѣсни — нехитрыя утѣшенья ихъ, и добраго человѣка...“

Этотъ разсказъ Златовратскаго многими чертами напоминаетъ разсказъ Успенскаго. Тамъ „скука“, неудовлетворенность душевныхъ потребностей является однимъ изъ золъ народной жизни, и здѣсь — тоже. Тамъ крестьяне съ необыкновеннымъ интересомъ слушаютъ разсказы Кузьмы, здѣсь такое же утѣшеніе заводскіе люди находятъ въ „чудныхъ повѣстяхъ и милыхъ пѣсняхъ“ Фаддея Ильича. Но при первомъ же внимательномъ просмотрѣ двухъ разсказовъ обнаруживается чрезвычайно рѣзкая разница. Въ разсказѣ Успенскаго — тяжелая картина народной жизни, въ очеркѣ же Златовратскаго — сплошное *умиленіе* автора. Говоря языкомъ

теоретиковъ художественной литературы, въ разсказѣ Златовратскаго почти отсутствуетъ эпическій элементъ; весь онъ (разсказъ) представляетъ собою, до оттѣнковъ языка, лирическій порывъ, характеризующій любовь автора къ народу, а не народъ.

Златовратскій гораздо субъективнѣе относится къ народной жизни въ этомъ разсказѣ, чѣмъ Успенскій. И потому-то „нескладные“ разсказы Кузьмы превращаются у перваго въ „чудныя повѣсти и милыя пѣсни“ Фаддея Ильича, „небывалое веселье“ въ Лыкахъ—въ „пропиваніе малости“ и „исканіе чего-то“. Подъ вліяніемъ „скуки“ заводскіе люди отправляются на печь. Картина, нарисованная Успенскимъ, заставляетъ васъ по крайней мѣрѣ подозрѣвать, что жизнь села Лыкова полна всевозможныхъ дрязгъ житейскихъ, горя, страданій, своеобразныхъ радостей и удовольствій; вы чувствуете людскія страсти, готовыя перейти то въ драматическіе эпизоды, то въ комическія сцены, чередующіяся среди всевозможныхъ характеровъ и столкновеній. Словомъ, вы чувствуете присутствіе всего того, что неизбѣжно слѣдуетъ всюду за всякимъ человѣческимъ обществомъ. И если вы не находите всего этого въ разсказѣ Успенскаго, то только потому, что описывать что-нибудь подобное не входило въ его цѣли. Въ разсказѣ Златовратскаго, напротивъ, вы не находите даже элементовъ такой жизни. Весь заводскій людъ такъ полонъ нѣжными чувствами и умиляется вмѣстѣ съ авторомъ, что предположить какое-нибудь столкновеніе въ этой средѣ кажется невозможнымъ. Авторъ, разумѣется, не сочиняетъ рисуемой имъ жизни, только относится къ ней односторонне. Между тѣмъ наблюдательность, глубина и искренность чувства въ разсказѣ ручались за талантъ автора и заставляли ожидать его развитія.

Авторъ не обманулъ этихъ ожиданій: талантъ его развился и окрѣпъ. Уже „Крестьяне-присяжные“, обратившіе общее вниманіе на Златовратскаго, были явленіемъ въ высшей степени характернымъ. Выборъ содержанія былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Судебныя рѣшенія присяжныхъ изъ крестьянъ обратили на себя общественное вниманіе — по воззрѣнію однихъ,

своей человѣчностью, а по мнѣнію другихъ, неумѣстной снисходительностью и непониманіемъ. Златовратскій является въ это время съ своей повѣстью, анализирующею душевное состояніе и тѣ вообще вліянія, подъ которыми судитъ крестьянинъ-присяжный. И читатель имѣетъ въ этомъ случаѣ твердую почву подъ ногами: Златовратскій объясняетъ ему извѣстные всѣмъ факты.

Но въ этой повѣсти еще совершенно достаточно — въ цѣлыхъ сценахъ и на многихъ страницахъ—или того самаго лиризма, субъективнаго чувства, которые мы видѣли въ разсказѣ „Шапка", или же выбора такой точки зрѣнія на явленіе или характеръ, съ которой не видно ни одной темной стороны и съ рельефной выпуклостью выступаютъ свѣтлыя стороны. „Лиризмъ" ведетъ автора часто къ совершенно фальшивой обстановкѣ разсказываемаго событія. Такъ съ момента назначенія нашихъ героевъ-крестьянъ присяжными, не только они сами (что̀ еще понятно), а и всѣ деревенскіе и городскіе жители считаютъ ихъ какими-то носителями правды и справедливости, вдругъ сдѣлавшимися особенно способными судить и даже получившими право карать и миловать на улицахъ и площадяхъ, а не на судѣ только.

Дѣло доходитъ до того, что даже на мѣстѣ казни одного преступника находится какой-то „изорванный картузъ въ валеныхъ калошахъ", пожелавшій вмѣшательства присяжныхъ пеньковцевъ въ дѣло исполненія приговора. Толпа, окружавшая эшафотъ, какъ водится, жалѣла преступника, и вотъ, подъ вліяніемъ этого настроенія толпы, изорванный картузъ кричитъ: „Посторонитесь, посторонитесь! Присяжные здѣсь! Господа присяжные! впередъ!" И, не будучи въ состояніи отвѣчать этому настроенію толпы, присяжные наши „сознали, что съ нѣкоторыхъ поръ они уже потеряли связь съ „толпой". Можетъ быть, нѣчто подобное бываетъ, но вообще едва-ли есть какая-либо возможность не признать преувеличенными и этотъ, выставляемый во многихъ сценахъ, интересъ толпы къ присяжнымъ, и это придаваніе имъ какого-то особеннаго значенія внѣ суда.

Талантъ Златовратскаго выразился съ своей полной силой

въ его бытовомъ очеркѣ „Въ артели“ („Изъ записокъ петербургскаго пролетарія“), хотя этотъ разсказъ и не произвелъ того впечатлѣнія, какъ „Крестьяне-присяжные“. Въ немъ авторъ совершенно ясно и отчетливо различаетъ и обрисовываетъ цѣлую серію разнообразныхъ характеровъ, чего въ прежденаписанныхъ имъ произведеніяхъ не было. Поэтому мы должны съ бо́льшимъ вниманіемъ остановиться на этомъ разсказѣ.

7.

Среди „носителей артельныхъ преданій“, самой видной фигурой является Селифанъ Абрамычъ, мыслящая голова и чрезвычайно человѣчное сердце, мущина гигантскаго роста и воплощеніе мускульной силы. Его отношенія къ людямъ отличаются разумностью и человѣчностью, не всякому свойственными. Прикажетъ, напримѣръ, околоточный надзиратель подобрать ему безчувственно пьянаго и „представить по начальству“, онъ тащитъ его въ артель. Именно такимъ образомъ подобралъ онъ на улицѣ одного молодого человѣка, передъ которымъ „стоялъ вопросъ крова и хлѣба“, и отъ лица котораго ведется разсказъ. Селифанъ Абрамычъ чрезвычайно деликатенъ. Собралась артель обѣдать. „Милый человѣкъ, засаживайтесь“, приглашаетъ Селифанъ молодого человѣка, засаживайтесь безъ церемоніи... Чего тутъ!.. Здѣсь артель...“

Передъ читателемъ начинаетъ проходить рядъ другихъ лицъ. „Ѣсть всѣмъ нужно“, замѣтилъ кто-то. Молодого человѣка усаживаютъ въ передній уголъ, и на протестъ съ его стороны отвѣчаетъ тотъ-же Селифанъ Абрамычъ: „Вы у насъ —гость. Нельзя“. Молодой человѣкъ стѣснялся; „приниженность и робость пролетарія не оставляли его и здѣсь“, замѣчаетъ авторъ. Селифанъ то тѣмъ, то другимъ старался поддержать его: то шутилъ, то отвлекалъ вниманіе отъ наблюденія надъ другими. Изъ этихъ другихъ одни относились къ молодому человѣку совершенно равнодушно, другіе—какъ бы враждебно, особенно одинъ, угрюмый, длинный и сухой мужикъ, лѣтъ 45, Гаврило. Онъ пользуется всякимъ случаемъ показать неудовольствіе по поводу незванаго гостя. Прихо-

дитъ артельный старикъ, разбившійся гдѣ-то и побитый дворникомъ, артель собирается поочередно отработать за него до конца срока, на который тотъ нанялся у одного дворника носить воду, и Гаврило не приминулъ замѣтить обрывистымъ голосомъ...

— Мы должны знать, каково стариковской спинѣ.—Онъ не съ улицы... У тѣхъ — еще подумать надо — трещатъ-ли спины-то...

Я чувствовалъ, говоритъ разсказчикъ, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо, мнѣ казалось, что всѣ смотрѣли на меня и сравнивали мое барское дармоѣдство съ надорвавшейся стариковской спиной... Общее молчаніе становилось для меня пыткой. Но въ эту минуту Селифанъ толкнулъ меня слегка въ бокъ.

— Глянько-сь, какой у насъ котище важный!... Бурмистъ...

Вбѣгаетъ артельная любимая собака, и Гаврило опять пользуется случаемъ.

— Полкашка!... Поди сюда!—крикнулъ Гаврило: — сиди тутъ!... За него, небось—не отвѣтишь, по крайности,—прибавилъ онъ. — А человѣка подберешь съ улицы — отвѣтишь.. Да еще какъ отвѣтишь, и артель-то загубишь!...

Гаврило сердито сталъ размѣшивать кашу.

— Ну-у!—сомнѣвался, улыбаясь, Селифанъ.—Ужь ты... приравнялъ.. человѣка ко псу...

— Неправду развѣ я говорю?—продолжалъ Гаврило. — Недалеко ходить...

И Гаврило начинаетъ представлять примѣръ, оправдывающій его опасенія. Читатель видитъ, что весь этотъ разговоръ, вся эта грубость Гаврилы имѣетъ своимъ источникомъ правило: „береженаго Богъ бережетъ“, да какія-то внѣшнія вліянія, а совсѣмъ не мнѣнія и чувства, свойственныя натурѣ его—„Вы, миленькій, его не пужайтесь!...—говоритъ о немъ молодому человѣку шепотомъ Селифанъ. — Вы вотъ присмотритесь — онъ любящій...“ Другіе подъ маской равнодушія, скрывали полное согласіе съ дѣйствіями Селифана Абрамыча. Сами они, можетъ быть, и не поступили бы такъ, въ нихъ

нѣтъ той независимости и способности инициативы, но они понимали внутренній смыслъ поступковъ своего опытнаго и смѣлаго товарища и смотрѣли на нихъ равнодушно-одобрительно—такъ, по крайней мѣрѣ говоритъ все въ разсказѣ. Третье характеристичное лицо въ артели—Турна, „тронутый городской цивилизаціей“ молодой малый, съ чрезвычайно выразительнымъ и почти красивымъ лицомъ, франтъ, относившійся полупрезрительно къ обнищавшему „барину“ и нѣсколько завидовавшій его статскому сюртуку, галстуху и, хотя помятой, но все-же глаженой сорочкѣ. Это человѣкъ временной въ артели, котораго задерживаетъ здѣсь только пока нужда, который оставитъ артель немедленно, какъ найдетъ подходящее мѣсто. Онъ ясно выразился съ первыхъ же словъ и поступковъ. Три рельефныхъ фигуры артели, о которыхъ мы говоримъ, отчетливо показали себя въ слѣдующемъ еще разговорѣ.

„Одинъ изъ молодыхъ артельщиковъ, съ довольно глупой и широкой физіономіей, разсказывалъ (за тѣмъ же обѣдомъ), какъ въ одномъ изъ домовъ дворникъ съ подручнымъ били „стрикулиста“.

— Что жь, онъ укралъ, что-ли?

— Съ чердака рубаху стащилъ... Н-ну—били! посмотрѣлъ я... Ахъ, чтобъ ихъ!... Этотъ стрикулистъ въ сертучишкѣ такъ, словно ужъ, и извивается... Ну и вздули—бани не захочешь!... А при этакомъ морозѣ—и очень ему было полезно... Очень ужь сертучишко-то на немъ былъ вѣтромъ подбитый.... Нагрѣли!...

Франтъ—водовозъ при этомъ особенно нагло обвелъ меня своими красивыми и умными глазами.

— Бываютъ изъ нашихъ такіе — шибко бьютъ. Словно звѣри,—замѣтилъ Селифанъ.

— Какъ ихъ не бить, когда они балуютъ!... У тебя спина трещитъ подъ полѣнницей, а они по угламъ шныряютъ, да въ кабакахъ празднуютъ, — оборвалъ угрюмый старикъ (Гаврило).

— Такъ и бить?—спросилъ Селифанъ.

— Найди — что̀ лучше...

— Ну, въ этомъ тоже хорошаго немного... Изъ насъ не всѣ бьютъ,—обратился ко мнѣ Селифанъ Абрамычъ.—Это—только тѣ, которые у дворниковъ живутъ... А артельные не бьютъ... Тѣ потому бьютъ, что отъ дворниковъ учатся, а дворники ихъ подущаютъ, да хвалятся... А у насъ этой повадки нѣтъ.

Объ остальномъ содержаніи разсказа говорить нѣтъ надобности. Разскащикъ находитъ кой-какое дѣло, полезное артели, пишетъ артельщикамъ письма роднымъ въ деревни, хлопочетъ объ ихъ паспортахъ и т. п., дѣлается, словомъ, полезнымъ и пріобрѣтаетъ расположеніе всѣхъ, а нашедши занятія, съ сожалѣніемъ оставляетъ артель. Онъ описываетъ внутренній, несложный бытъ артели, и читатель видитъ больше всего усталыхъ людей, отдающихся отдыху.

Первыя впечатлѣнія разскащика, о которыхъ мы говорили, представляютъ поэтому наибольшій интересъ. Мы видѣли уже, какой „хорошій“ народъ живетъ въ артели. Послѣдняя представляетъ міръ замкнутыхъ интересовъ, стоящихъ нѣсколько враждебно къ окружающему міру. Она по возможности предохраняетъ себя отъ вторженія внѣшнихъ вліяній и крѣпко связывается этимъ въ прочную семью своего рода. Все это представляетъ извѣстный интересъ, отчасти указываетъ на условія, поддерживавшія сохраненіе въ народѣ артельной формы общежитія. Именно то обстоятельство, что въ артели собраны г. Златовратскимъ такіе добродушные и человѣчные люди, и послужило причиной упрековъ автору въ томъ, что онъ „идеализируетъ“ народъ.

Возникаетъ вопросъ, даетъ ли намъ авторъ общую характеристику народа, или же только хочетъ указать, какіе люди могутъ выходить изъ народа при благопріятныхъ условіяхъ? Златовратскій не могъ не видѣть, что многія явленія народной жизни, освѣщаемыя анализомъ Успенскаго, могутъ быть доказаны фактами. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ онъ показываетъ, что и ему извѣстны мрачныя стороны характера народа, но только понимаетъ ихъ онъ по-своему. Изображеніе этихъ мрачныхъ сторонъ, однако, почти совершенно не удается автору. Въ разсказахъ этого рода вездѣ

проглядываетъ мысль, что испорченность народа идетъ отъ „города“, отъ „городской цивилизаціи“, внѣ вліянія которой крестьяне такъ и остались бы съ непосредственнымъ чувствомъ, и, слѣдовательно, были бы хороши. (Припомнимъ характеристику этой „непосредственности“ у Успенскаго). Поэтому онъ дѣлитъ людей деревни на два рѣзко разграниченныхъ разряда: людей хорошихъ, и людей дурныхъ. Послѣдніе выходятъ у него совершенно безличными — авторъ не понимаетъ ихъ. Вотъ какъ, напримѣръ, въ „Устояхъ“ онъ обрисовываетъ столичнаго, „новаго человѣка“ изъ народа, человѣка „дѣлового“. Петръ (имя героя) не то съ крутымъ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ относится къ своимъ односельчанамъ, роднымъ и знакомымъ. Происходитъ, напр., такая сцена:

„Петръ давно уже замѣтилъ (дожидавшую его) мирную компанію. Ему хотѣлось обойти ее, отвести мимо и своего пріятеля москвича, но обойти ихъ было нельзя. При томъ же, его примѣтилъ и тянувшійся за палку бородатый дергачевецъ, бывшій замѣтно на-веселѣ.

— Петру Вонифатьевичу! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!—закричалъ онъ ему на встрѣчу.—А мы вотъ не утерпѣли... Сами явились... полюбопытствовать, выходитъ,— прибавилъ онъ, когда Петръ подошелъ.

— Интереснаго мало,—проворчалъ Петръ.

— Помилуйте... Какъ можно-съ? Вѣдь у насъ такіе люди на рѣдкость! Столичное поведеніе, такъ скажемъ... Совсѣмъ, значитъ, особая статья.

— На палкѣ не тянемся—это вѣрно!—опять отрывисто замѣтилъ Петръ.

— Ну, вотъ, вотъ! Какъ есть! Вѣдь это наше дурацкое поведеніе. Потому что, какъ лѣсные дураки, выходитъ!...

Дальше разговоръ принимаетъ такой оборотъ.

— Какъ знать? мы вѣдь деревенскіе дураки! Можетъ, по глупости, и счастья не признаемъ...

— Случается. Подъ носомъ не видятъ. Въ благодушіи непрестанно пребываютъ. До старости по боямъ ходятъ, на палкахъ тянутся, на птицу лѣсную охотятся. А тѣмъ временемъ на спинахъ-то горбы выростаютъ, а на этихъ горбахъ

только лѣнивый не катается. Други да пріятели послѣ сами же въ глаза нахохочутъ! А тамъ, малое время годя, фиглярить начнемъ! За рюмку водки ликъ крестьянскій подъ плевки подставлять.

Петръ говорилъ, ни на кого не смотря, и только блескъ его глядѣвшихъ сердито исподлобья глазъ, да порывистыя движенія руки по борту его кафтана выдавали его волненіе.

— Такъ, такъ! подтвердилъ дергачевецъ. — Это, братъ, что вѣрно, то вѣрно! Эту самую нашу судьбу расписалъ ты чудесно... А съ пріѣздомъ, братъ, поздравить бы надо! прибавилъ онъ, утеревъ бороду.

— Этой безхарактерностью мы не занимаемся! круто закончилъ Петръ и, замѣтивъ подходившихъ отца и москвича, зашагалъ къ своей избѣ.

Вотъ какой этотъ „новый человѣкъ". Изъ разсказа читатель однако не узнаетъ, ни что онъ собою представляетъ, ни причинъ, сдѣлавшихъ его такимъ, словомъ—авторъ не освѣтилъ нисколько его души и вы не понимаете внутреннихъ побужденій, управляющихъ дѣйствіями его. Авторъ не съумѣлъ справиться съ этимъ характеромъ и не даетъ намъ въ руки руководящей нити для пониманія его.

Въ „Деревенскомъ Авраамѣ" Златовратскій даетъ намъ другого „новаго человѣка" деревни.

Передъ читателемъ немножко идиллическая картина мирной работящей семьи, состоящей изъ старика отца и сына съ женой. Но у старика Абрама есть еще другой сынъ, Платонъ Абрамычъ,—умная и ученая голова, „пошедшій въ горожанина". Онъ „своимъ разсудкомъ и супругу снизыскалъ": верстъ за пятнадцать отъ своей деревни, въ селѣ, вдову-купчиху съ деньгами. Погорѣвши, Платонъ Абрамычъ переселяется съ своей семьей въ домъ отца и брата и ловко затягиваетъ въ свои когти какъ родственниковъ, такъ и жителей деревни. Нарушеніе мирнаго счастія Абрамовой семьи кулакомъ-сыномъ и составляетъ предметъ разсказа. Въ концѣ концовъ, Абрамъ круто и сразу отдѣлывается отъ сына, заставивъ его возвратиться въ свое село.

Читатель видитъ, что авторъ беретъ яркія противополож-

ности. Но это ничему не помогаетъ. Читатель рѣшительно не понимаетъ ни удивительной нравственной чистоты отца и младшаго сына, ни удивительной нравственной разнузданности Платона Абрамыча. Источники этихъ свойствъ остаются закрытыми и непонятными.

Златовратскій, по самому свойству отношенія своего къ народу, вообще не можетъ видѣть въ народѣ тѣхъ свойствъ и сторонъ, которыя указываетъ Успенскій, въ томъ же свѣтѣ, какъ и этотъ послѣдній. Народъ по своей натурѣ кажется ему слишкомъ чистымъ, а кулакъ изъ народа—это уже лицо, не принадлежащее къ народу. Такое воззрѣніе ясно проглядываетъ и въ его „Деревенскихъ будняхъ", писанныхъ прямо по непосредственнымъ наблюденіямъ, какъ и очерки „Изъ деревенскаго дневника" Успенскаго. Въ противоположность послѣднему, Златовратскій ищетъ знанія не тѣхъ извращенныхъ порядковъ, которыя создаются и создались подъ вліяніемъ многоразличныхъ условій, измѣняющихъ жизнь народа въ томъ или другомъ направленіи, а тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ кореннымъ основамъ быта народнаго, которыя вытекаютъ изъ духа и понятій народныхъ. И первыя наблюденія свои онъ производитъ въ такой мѣстности, которая наименѣе подчинялась стороннимъ вліяніямъ. Это, разумѣется, ведетъ и къ не совсѣмъ современнымъ выводамъ о деревнѣ. Дальнѣйшія наблюденія онъ производитъ въ мѣстности, почти сплошь занятой кулачествомъ. Изъ первой мѣстности являются выводы о „народѣ", изъ второй—выводы о вліяніи на народъ „цивилизаціи".

„Деревенскій Лиръ", несмотря на свою преувеличенную тенденцію найти „Лира" въ народѣ, однако, указываетъ, что отъ автора мы можемъ еще многаго ожидать въ дѣлѣ беллетристическаго изученія народа. Въ этомъ разсказѣ герой уже не выдѣленъ изъ всего міра и не отличается ни особенными достоинствами, ни особенными пороками, а представляетъ собою совсѣмъ средняго человѣка, живущаго общей жизнью съ окружающей средой.

Мы видимъ, что вообще смыслъ народной жизни въ произведеніяхъ Златовратскаго дѣйствительно иной, чѣмъ въ про-

изведеніяхъ Успенскаго. Если послѣдній, какъ мы сказали выше, не объясняетъ своими художественными изображеніями нѣкоторыхъ свойствъ народа, то именно эти-то стороны, напротивъ, вполнѣ объясняются съ точки зрѣнія Златовратскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если нашъ народъ въ дѣйствительности такъ проникнутъ гуманнымъ отношеніемъ къ ближнему, какъ Селифанъ Абрамычъ со всей артелью, если въ народѣ крѣпко живетъ удивительное, ничѣмъ непоколебимое исканіе правды, какъ у крестьянъ-присяжныхъ и всѣхъ, встрѣчающихся имъ, то мы можемъ желать только одного, чтобы устранились тѣ вліянія, которыя мѣшаютъ проявиться вполнѣ великимъ качествамъ его.

Съ другой стороны, если бы мы узнали народъ только изъ произведеній Златовратскаго, то, можно сказать, мы узнали бы о немъ очень мало. Всѣ тѣ факты, которые въ дѣйствительности были наблюдаемы Успенскимъ и имѣютъ, кромѣ него, многочисленныхъ свидѣтелей, всѣ разнообразныя извѣстія о сожженіи колдуновъ, самоуправныхъ расправахъ съ конокрадами и другими врагами народнаго благосостоянія, о невѣроятномъ развитіи всяческой эксплуатаціи народа первымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ,—словомъ все, что вы слышали, читали о народѣ и что сами видѣли, осталось бы совершенно непонятнымъ, ничѣмъ не объяснимымъ. Даже въ самой „артели“ Златовратскаго передъ читателемъ неизбѣжно встаетъ вопросъ: откуда же берутся всѣ эти, которые „у дворниковъ живутъ... „отъ дворниковъ“ бить „стрикулистовъ“ „учатся“, и которыхъ „дворники подущаютъ, да хвалятся“; откуда, наконецъ, берутся эти самые дворники, о которыхъ всѣхъ говоритъ Селифанъ Абрамычъ, прибавляя, что „артельные не бьютъ“. Очевидно, произведенія Златовратскаго, въ противоположность произведеніямъ Успенскаго, не даютъ никакого отвѣта на эти вопросы. Очевидно далѣе, что Златовратскій изображаетъ народъ съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, какъ и лучшіе писатели еще сороковыхъ годовъ, наблюдавшіе народъ и народную жизнь съ тѣмъ чувствомъ возмущенной справедливости, которое вызывалось положеніемъ народа.

8.

Дѣйствительно ли такъ противорѣчивы тѣ данныя о народѣ, которыя мы находимъ въ произведеніяхъ Успенскаго, съ одной стороны, и Златовратскаго — съ другой? Имѣемъ ли мы право заключить, что такіе люди изъ народа, какъ Селифанъ Абрамовичъ и другіе товарищи артели, не способны на тѣ грубыя проявленія, которыя рисуетъ намъ Успенскій? По меньшей мѣрѣ—очень сомнительно. Возьмемъ самый грубый фактъ изъ народной жизни, разсказываемый Успенскимъ, убійство конокрадовъ. Передъ нами, можетъ быть, выселенная деревня, сложившаяся изъ недавнихъ ребятъ, которые играли въ вора. Жители ея еще только что кричали: „Отдавай, ребята, Богу душу... Помирай!“—тѣ самые жители, которые такъ недавно еще покончили дѣло съ „барской и своей собственной меланхоліей“, затѣмъ пропускали „сроки“, слушали „разъясненія“ и, въ концѣ концовъ, всѣ отданы были подъ судъ. Неужели возможно винить ихъ въ чемъ-нибудь по поводу пропуска „сроковъ“?

Надо судить „по человѣчеству“, гдѣ же имъ было взять знанія, а главное осторожности съ ходатаями, которыхъ они понимали еще на основаніи своего прежняго опыта, представляли себѣ прежними „приказными“, имѣвшими такое неотразимое вліяніе на ихъ жизнь. А въ то время какъ подходили эти сроки, интеллигентный неплательщикъ, въ рукахъ котораго была судьба этихъ бѣдняковъ, ожидалъ подачи „апелляціи“, „кассаціи“, которая, однако, что-то не поступала. Неплательщикъ скучалъ, чувствовалъ, что живетъ „невзаправду“, отъ скуки „топилъ кобеля“, изнывалъ въ потребности „сущей правды“, но никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ на пользу народа не предпринималъ. Такъ проходили эти сроки, и мужикъ оставался „въ дуракахъ“, не зная этого, не вѣдая, и не понявъ, послѣ всѣхъ разъясненій. Онъ не чувствовалъ, однако, что онъ — дуракъ, потому что хотя „сроки“ были установлены для него, но извѣстны только „неплательщикамъ“. Что мужикъ не читалъ законовъ, да и не могъ бы понять тѣ отвлеченности, которыя имѣются тамъ,

извѣстно вполнѣ всякому. Не знаемъ, кто виноватъ въ грустныхъ послѣдствіяхъ этихъ „сроковъ“, но винить „вѣрнаго человѣка“ крестьянъ отказываемся. А между тѣмъ онъ собирался умирать. Въ то же время родственникъ этого мужика гдѣ-нибудь былъ на заработкахъ, подвергся выполненію какого-нибудь благодѣтельнаго проекта—и ужъ дѣйствительно померъ по пути изъ квартиры въ участокъ, оставивъ нѣсколько Ѳедюшекъ, имѣвшихъ сдѣлаться конокрадами.

Вотъ именно такая-то деревня передъ нами, не вымершая только благодаря которому нибудь изъ Ивановъ Кузьмичей. Благодаря „восьми гривнамъ съ тысячи пудовъ“, выселенные мужики построили дома, купили лошадей. Приходитъ конокрадъ и уводитъ одну лошадь. Приходитъ другой, его ловятъ и отправляютъ въ городъ. Конокрадъ, жившій, подобно Ѳедюшкѣ, какъ птица небесная — въ чистомъ полѣ, помѣщается на „готовые хлѣба“. Придетъ навѣрное вслѣдъ за нимъ и третій конокрадъ, который или тоже успѣетъ украсть, или попадетъ на готовые хлѣба къ „неплательщикамъ“ въ руки, которымъ и дастъ дѣло, если не успѣетъ ускользнуть за новыми кражами, а иногда и съ цѣлью поджога деревни, выдавшей его начальству. Много ли смысла во всемъ этомъ! Мужикъ узнаетъ, наконецъ, опытомъ, что представленіе по начальству немного принесетъ ему пользы, а ему необходимо, чтобы „сдѣлалось тише“ насчетъ конокрадства, иначе—явится еще много Ѳедюшекъ. И вотъ онъ расправляется „своимъ судомъ“, зная, что этого „своего суда“ конокрады боятся гораздо больше, чѣмъ готовыхъ хлѣбовъ. Совсѣмъ не желая убить, а только поучить, онъ въ увлеченіи ошибается, порѣшитъ даже совсѣмъ не бить — и бьетъ, потому что „больно ужъ мучители большіе“. Толпа стоитъ въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать. Приходитъ опытный человѣкъ, скажетъ: „своимъ судомъ бей!“, и толпа, зная весь тайный, непонятный для культурнаго наблюдателя, смыслъ „своего суда“, бьетъ, входитъ въ азартъ и... кто же не знаетъ, какъ жестоко мститъ *толпа*, изъ какихъ бы элементовъ она ни состояла!

Результатъ здѣсь является слѣдствіемъ горя и злобы не

отдѣльнаго человѣка, а цѣлой большой суммы отдѣльныхъ бѣдъ; оттого-то онъ всегда такъ и поразителенъ! Конечно, мы не будемъ спорить на счетъ деликатности мужицкихъ нервовъ, но вѣдь они привыкли; бьютъ же ихъ самихъ и въ волостныхъ правленіяхъ, и такъ, и бьютъ люди, на которыхъ они волей-неволей смотрятъ, какъ на представителей большого знанія и разумѣнія... Такимъ образомъ, исторія съ Ѳедюшкой-конокрадомъ является въ высшей степени логическимъ послѣдствіемъ положенія деревни. И какъ ни грустно это, а нужно согласиться, что, можетъ быть, большей „недоимкой" ума отзывалось бы отсутствіе этого факта — оно показывало бы непониманіе своего положенія, непониманіе того, что нужно дѣлать, „чтобы сдѣлалось потише насчетъ конокрадовъ, очень ужъ большихъ мучителей".

Ужасный фактъ убійствъ нисколько не противорѣчитъ полному мягкосердечію людей, бывшихъ въ толпѣ; тутъ были и били и такіе люди, „которые и мухи не обидятъ". Вспомните, какой добродушный и, очевидно, не дурной человѣкъ разсказываетъ Успенскому судьбу Ѳедюшки. Какъ онъ жалѣетъ убитыхъ, какъ старается объяснить фактъ, очевидно стыдясь грубыхъ и грустныхъ послѣдствій злобы крестьянъ на конокрадовъ! А между тѣмъ онъ принималъ непосредственное и дѣятельное участіе въ убійствѣ. Невольно напрашивается параллель между рекомендовавшимъ толпѣ „свой судъ" Иваномъ Васильевичемъ разсказа Успенскаго, этимъ „первѣющей головой въ деревнѣ, бывшимъ старостой, копѣйки мірской не утаившимъ, за мірское дѣло горой стоявшимъ, правду блюдшимъ пуще глазу, первымъ судьей, хранителемъ мірскимъ, Божіемъ человѣкомъ", съ одной стороны, и Селифаномъ Абрамовичемъ и Гаврилою артели Златовратскаго—съ другой. Въ положеніи Ивана Васильевича Селифанъ Абрамычъ — вѣроятно и Гаврило—навѣрное поступили бы, какъ онъ, и вся артель непремѣнно участвовала бы въ убійствѣ конокрадовъ. И въ этомъ не было бы ничего особенно поражающаго.

Самъ Успенскій, однако, придаетъ факту нѣсколько преувеличенное значеніе. Онъ даже винитъ народъ въ томъ, что

не приняты были мѣры, чтобы Ѳедюшка выросъ иначе, не въ забросѣ, а въ болѣе человѣческомъ положеніи. Но это легко говорить!... Въ этомъ фактѣ есть дѣйствительно „недоимка“, но до такой степени общая всему міру, что требовать отъ какихъ-то сычовцевъ неимѣнія ея—по меньшей мѣрѣ странно. Мы знаемъ, что всякій преступникъ—произведеніе своей среды, результатъ именно тѣхъ же причинъ, которыя довели Ѳедюшку до конокрадства и смерти въ нашемъ случаѣ, и довели бы до каторги во всякомъ другомъ. А между тѣмъ у всѣхъ народовъ только мало-по-малу, въ лучшіе умы, проникаетъ сознаніе необходимости другихъ мѣръ, не существующихъ теперь, для освобожденія обществъ отъ преступниковъ. Можно ли винить Сычовку въ томъ, что нѣтъ въ ней своего реформатора всѣхъ общественныхъ отношеній? Да и Богъ знаетъ, помогъ ли бы тутъ и реформаторъ.

Успенскій не говоритъ намъ, но мы сами знаемъ, что Ѳедюшекъ въ каждой деревнѣ не мало, особенно въ такой, „выселенной“. Никакихъ арендъ съ кабаковъ не хватило бы, можетъ быть, для покупки коровъ... для Ѳедюшекъ, а оказывать предпочтеніе одному Ѳедюшкѣ передъ другимъ—дѣло несправедливое. Міръ деревенскій такъ бѣденъ, что трудно ему думать о Ѳедюшкахъ, да мы и сомнѣваемся, чтобы онъ могъ имѣть такія научно-соціологическія и политико-экономическія понятія, какихъ требуетъ отъ него г. Успенскій; едва ли такъ легко, хотя бы даже и безъ „умственной недоимки“, могъ дойти мужикъ до пониманія, отчего являются преступники на бѣломъ свѣтѣ. Въ средѣ этого міра поэтому и слагаются, по отношенію ко всѣмъ Ѳедюшкамъ, извѣстные обычаи и порядки,—не для одной, конечно, деревни Сычовки, а для всего этого міра. И если бы Сычовка была богата и имѣла возможность сдѣлать все по проекту г. Успенскаго, легко можетъ быть, она все-таки ничего не сдѣлала бы. Этотъ фактъ, однако, не доказывалъ бы ничего и ничѣмъ не клеймилъ бы сычовцевъ. Надо судить „по человѣчеству...“, а не съ точки зрѣнія „чистаго разума“, съ точки зрѣнія такихъ соціальныхъ понятій и убѣжденій, какія даны пока очень немногимъ

людямъ личнымъ ихъ развитіемъ и развивающейся наукой, до Сычовки, къ сожалѣнію, еще не дошедшей.

Мы нарочно взяли рѣзкій примѣръ, наиболѣе грубое проявленіе народной жизни, чтобы показать, какъ мало онъ можетъ служить къ обвиненію народа. И уже потому намъ представляется возможнымъ ограничиться только этимъ примѣромъ: одинъ онъ уже даетъ крѣпкія основы для ниже слѣдующихъ разъясненій.

Очевидно, ни Златовратскій, ни Успенскій не „сочиняютъ" народа. Въ ихъ произведеніяхъ мы находимъ результаты живого наблюденія, которое каждый изъ нихъ направляетъ, однако, въ особую сторону. Насколько можно судить по произведеніямъ Успенскаго, онъ принадлежитъ къ тѣмъ впечатлительнымъ натурамъ, на которыя извѣстныя выдающіяся явленія производятъ впечатлѣнія поражающія. Находя въ народѣ рѣзкія черты вѣковой испорченности, проявляющейся стихійно въ поразительныхъ формахъ, онъ все вниманіе свое устремляетъ именно на нихъ; вся народная душа, если такъ можно выразиться, окрашивается въ его глазахъ въ цвѣта этихъ фактовъ. Отсюда маленькое преувеличеніе значенія послѣднихъ. Но Успенскій—художническая натура, и его картины и сцены чрезвычайно вѣрны и типичны, преувеличеніе же является, главнымъ образомъ, въ его разсужденіяхъ. Народъ Успенскаго совсѣмъ не такъ плохъ въ его сценахъ, какъ въ его же разсужденіяхъ.

Златовратскій, обладающій талантомъ меньшимъ и несравненно болѣе субъективнымъ, очевидно подчиняется въ изображеніи картинъ народной жизни личнымъ, субъективнымъ отношеніямъ своимъ къ народу. Онъ знаетъ, что все описываемое Успенскимъ въ народѣ дѣйствительно существуетъ, но не придаетъ этому особаго значенія. Онъ любитъ народъ и ищетъ въ душѣ его прекрасныхъ элементовъ, игнорируя внѣшнія проявленія народной жизни, какъ результатъ вліяній внѣшнихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Златовратскій гораздо больше ошибается, чѣмъ Успенскій. Вѣковое приниженіе личности въ народѣ, вѣковая экономическая и нравственная зависимость не могли не отозваться на народѣ иска-

женіями его нравственнаго существа, не могли не сдѣлать характеръ каждаго человѣка въ народѣ печальной и противорѣчивой смѣсью пороковъ и добродѣтелей И потому совершенно напрасно Златовратскій ищетъ въ народѣ вполнѣ цѣльныхъ, незатронутыхъ и нравственно чистыхъ людей и рѣзко противопоставляетъ ихъ нравственно испорченнымъ „городскими“ порядками. Наиболѣе способный къ человѣчнымъ движеніямъ человѣкъ изъ народа непремѣнно отличается и тѣми не лестными качествами, о которыхъ говоритъ Успенскій.

Есть, въ сущности только одинъ вѣрный путь художественнаго воспроизведенія. Изобразите повидимому забитаго и безобразнаго въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, человѣка какого-нибудь Акакія Акакіевича, но проанализируйте его душу, покажите. какъ глубоко присуще ему все человѣческое, при данныхъ условіяхъ затеряпное и изуродованное, и читатель глубоко проникнется идеей несправедливости приниженія человѣческой личности; онъ признаетъ въ Акакіи Акакіевичѣ человѣка, лишеннаго внѣшними обстоятельствами своихъ лучшихъ свойствъ. Онъ пойметъ, что одинъ и тотъ же душевный процессъ даетъ человѣку „предвѣчную идею“ всеобщаго человѣческаго счастія, и „предвѣчную идею“ новой шинели, и что не Акакій Акакіевичъ виноватъ въ томъ, что его міровоззрѣніе не пошло дальше послѣдней. Возьмите каторжника, мрачнаго злодѣя, „зарыдавшаго передъ первой своей свѣтлой и честной любовью“,—результатъ будетъ тотъ же.

Ни Успенскій, ни Златовратскій, особенно послѣдній, не идутъ этимъ путемъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности. Но если Успенскій, рисуя внѣшнія проявленія народной жизни, не всегда показываетъ намъ душу человѣка, скрывающуюся за грубостью внѣшнихъ проявленій, то Златовратскій, съ своей стороны, совершенно напротивъ, сосредоточиваетъ все вниманіе на душѣ, не заботясь о томъ, въ какихъ часто грубыхъ проявленіяхъ выражается она, — эти грубыя проявленія онъ систематически скрываетъ разумѣется не сознавая этого, только по свойству своего субъективнаго таланта. Народъ же, въ его цѣломъ, какъ можно судить уже a priori, представляетъ собою соединеніе данныхъ, которыя мы нахо-

димъ у обоихъ писателей вмѣстѣ. Если сравнить всѣ произведенія ихъ съ тѣмъ стихотвореніемъ Некрасова, о которомъ мы упомянули выше, то придется сказать, что одинъ изъ нихъ рисуетъ намъ испорченнаго нравственно человѣка, „мрачнаго, забрызганнаго кровью“, а другой—этого же человѣка, „заплакавшимъ передъ первой своей честной и свѣтлой любовью“. Само собою разумѣется, нелѣпъ былъ бы вопросъ, кто изъ нихъ изображаетъ народъ вѣрнѣе. Очевидно, оба они правы, каждый по-своему, каждый давая одну сторону жизни народа. Но, можетъ быть, настанетъ время, когда сильный талантъ воспользуется всѣми наблюденіями и данными, уловитъ общую идею народной жизни и воспроизведетъ ее въ цѣлыхъ типическихъ образахъ.

Каждый изъ разсматриваемыхъ писателей есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, представитель двухъ различныхъ направленій не художественной литературы только. Златовратскій всѣми своими произведеніями прямо становится самъ и другихъ ведетъ на путь полнаго отрицанія значенія интеллигентныхъ классовъ для народа. Говоря словами Успенскаго, онъ „полагаетъ найти подъ соломенными крышами нѣчто совершенно новое, небывалое, спасительное чуть-ли не для всего человѣчества, погибающаго отъ эгоистической цивилизаціи“. Въ своихъ „Золотыхъ сердцахъ“ Златовратскій изображаетъ „новыхъ“ людей, ищущихъ тѣсной связи съ народомъ. Перебирая цѣлый рядъ представителей этого рода людей, онъ съ сочувствіемъ останавливается не на сельскомъ хозяинѣ, показывающемъ народу собственымъ примѣромъ разумныя способы веденія своихъ дѣлъ и всѣми средствами желающемъ помочь народу, научить его, и не на другомъ какомъ-либо человѣкѣ этого же направленія, а на человѣкѣ, слившемъ всю свою жизнь съ жизнью народа, принявшемъ его обычаи и вѣрованія, его одежду, его языкъ даже. Этотъ герой разсказа, Башкировъ,—докторъ медицины, человѣкъ очень „образованный“ и „знающій“. Но онъ не хочетъ ничего давать народу, исключая примѣненія нѣкоторыхъ своихъ знаній, а напротивъ, народъ—его учитель.

Эта повѣсть Златовратскаго производитъ впечатлѣніе не-

продуманнаго, неопредѣленнаго въ своихъ задачахъ произведенія. Чему Башкировъ научается отъ народа—мы не видимъ; ясны только „ветошь маскарада“ (герой—весь въ пыли и потому, въ старой синей поддевкѣ, подпоясанной веревочкой и пр.), да дѣланный языкъ, которымъ говоритъ герой съ высшимъ образованіемъ: „ничаво“, „изусталъ“, „таперь“.

Успенскій, указывая на жизнь „невзаправду“ интеллигентныхъ классовъ, напротивъ, какъ бы призываетъ придти къ народу съ свѣтомъ знанія, съ помощью и утѣшеніемъ.

Кто же правъ, опять, и что говоритъ намъ сама народная жизнь? Очевидно, что если понимать народную жизнь такъ, какъ она отражается въ произведеніяхъ Успенскаго и Златовратскаго вмѣстѣ, то по тѣмъ объясненіямъ, которыми мы освѣтили эти произведенія, необходимо будетъ признать, что народная среда не представляетъ какихъ-либо преимуществъ передъ другими сословіями страны, и нуждается, какъ и послѣднія, въ обновленіи. А для этого всѣмъ вмѣстѣ нужны и свѣтъ знанія, и лучшіе идеалы нравственнаго существованія обществъ.

Отношеніе литературы къ народу имѣетъ у насъ свою очень рельефно выраженную исторію, въ которой Гл. Успенскій и Златовратскій имѣютъ каждый свое особенное значеніе. Какъ почти и вездѣ на зарѣ критической мысли въ обществѣ, литература смотрѣла на народъ, какъ на благодушныхъ и невинныхъ поселянъ, живущихъ въ идиллической незлобивости, мирномъ покоѣ и послушаніи подъ отеческимъ покровительствомъ начальства. Его идеалы представлялись совершенно тождественными съ наклонностями и симпатіями писателя. Таковы были взгляды Карамзина, Жуковскаго и другихъ выразителей современности конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Грозныя бури народнаго гнѣва прошли мимо ихъ, оставшись для нихъ не загадкой даже, а просто фактами, ихъ совершенно не занимающими.

Въ то же время, рядомъ съ этими мирными культиваторами словеснаго искусства, явились люди отрицанія, какъ

Новиковъ и Радищевъ, смотрѣвшіе на народъ и его положеніе совершенно иначе. Это были представители дѣйствительно народной идеи, захваченные европейскимъ просвѣщеніемъ, продолжатели въ идеѣ народнаго протеста, выразившагося въ въ расколѣ и многочисленныхъ „недоразумѣніяхъ", испестрившихъ нашу исторію. Таково было начало народнаго дѣла въ литературѣ нашей.

Часть печати, прогресивная, шла со временъ Радищева все впередъ и впередъ. Въ то время, какъ представители оффиціальной народности прикрывали за собою презрѣніе къ народу, отрицаніе его человѣческихъ правъ, жившее въ господствовавшихъ классахъ общества, идея народа постепенно укрѣплялась. Литература, въ лицѣ Тургенева, Григоровича, Писемскаго и другихъ, реабилитировала народную личность. То была литература не изученія народа, а защиты его. Она говорила, что мужикъ—человѣкъ, человѣкъ оригинальный и самобытный, но не хотѣла и не могла говорить, какой онъ человѣкъ въ смыслѣ нравственномъ. Литература бралась тогда быть не изобразителемъ, а адвокатомъ народа, по выраженію одного критика пятидесятыхъ годовъ. Шестидесятые годы потребовали болѣе близкаго знакомства съ народомъ, потребовалась „голая истина", и съ тѣхъ поръ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ литература наша шла именно этимъ путемъ, искала этой истины. Начало этого направленія было неудачно. Типическій представитель его, Николай Успенскій, выводилъ „нелѣпыхъ единицъ", изъ совокупности которыхъ, хотя бы и въ милліонномъ числѣ, по выраженію вышеупомянутаго критика пятидесятыхъ годовъ, никогда не вышло бы народа.

Глѣбъ Успенскій первый отнесся къ народу съ сознательной критикой; но среди противорѣчій народной жизни и народнаго характера, онъ колебался между страстной привязанностью къ народу и признаніемъ въ немъ такихъ качествъ и свойствъ, которыя не могутъ быть симпатичными. Онъ видѣлъ въ народѣ выработанныя вѣковой исторіей рабскія черты: жестокость, неумѣнье пользоваться своими правами и несознаніе обязанностей по отношенію къ своимъ

ближнимъ. Онъ искалъ путь сближенія съ народомъ, и это послѣднее направленіе овладѣло имъ всецѣло. Златовратскій, представляющій почти полную противоположность Гл. Успенскому, служитъ какъ бы звеномъ, связующимъ литературу сороковыхъ годовъ съ современною. Онъ ищетъ въ народѣ хорошихъ, примиряющихъ съ нимъ свойствъ—и останавливается преимущественно на нихъ.

(1880).

ПРОИЗВЕДЕНІЯ Гл. УСПЕНСКАГО.

ПО ПОВОДУ „СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ“.

1.

Есть извѣстная относительность во взглядѣ на писателя и въ оцѣнкѣ его дѣятельности, и этой относительности почти невозможно избѣжать. Въ прекрасныхъ и справедливыхъ статьяхъ Бѣлинскаго и Добролюбова или, напр., въ сочиненіяхъ Сентъ-Бёва встрѣчается на первый взглядъ странное обстоятельство: рядомъ съ крупными похвалами посредственности вы встрѣчаете вдругъ холодные отзывы о крупнѣйшихъ талантахъ и произведеніяхъ, ставшихъ впослѣдствіи классическими. Не странны-ли въ самомъ дѣлѣ совершенно холодные отзывы о „Повѣстяхъ Бѣлкина“ Пушкина, рядомъ со страстнымъ увлеченіемъ Вельтманомъ; не удивительно-ли восхваленіе одного изъ совершенно забытыхъ теперь писателей, Славутинскаго, при болѣе чѣмъ сдержанномъ отношеніи къ Достоевскому?

Если въ подобныхъ явленіяхъ нѣкоторая доля вліянія должна быть отдана настроеніямъ и понятіямъ времени, то съ еще большей силой тутъ сказывается разница отношеній критики къ писателямъ: къ большому таланту предъявляются совершенно иныя требованія, къ нему прилагается совершенно иная мѣрка, чѣмъ къ таланту, не отличающемуся

выдающимися силами. И если говорятъ о недостаткахъ Шекспира, Пушкина и Тургенева, и восхищаются достоинствами какого-нибудь едва „подающаго надежды“ молодого таланта, то и въ читателѣ предполагаютъ полное пониманіе относительности, условности принятой точки зрѣнія. Дѣло просто и понятно. Писатели, выдержавшіе пробу времени, пользующіеся извѣстностью и *вліяніемъ*, естественно возбуждаютъ въ критикѣ желаніе, чтобъ они вліяли на читателей своими лучшими, а не худшими сторонами, и она невольно становится предостерегающею, останавливающеюся преимущественно на недостаткахъ писателя, и не трактуетъ много о его достоинствахъ, уже давно признанныхъ и оцѣненныхъ самою читающею публикой. Совершенно иное дѣло относительно молодого, еще неизвѣстнаго публикѣ, но талантливаго писателя: критикѣ приходится обращать на него вниманіе читателей, доказывать, что онъ заслуживаетъ этого вниманія, т.-е. говорить именно о его достоинствахъ, ихъ выдвигать на первый планъ, не умалчивая конечно и о недостаткахъ.

На Глѣба Успенскаго обыкновенно и смотрятъ съ этой условной, относительной точки зрѣнія. Вліяніе этого симпатичнаго и большого таланта было такъ велико, что создавало въ самой критикѣ поклоненіе даже его манерѣ писать — сливая художественные образы съ гадательными авторскими размышленіями.

Но есть иной способъ отнестись къ писателю, болѣе безотносительный и спокойный, скорѣе историческій, чѣмъ критическій, когда отъ писателя ничего не требуютъ, когда съ нимъ не полемизируютъ, не выражаютъ ему даже сочувствія или несочувствія, а просто опредѣляютъ силу и значеніе даннаго таланта въ развитіи мысли общественной, характеризуютъ всѣ, и темныя, и свѣтлыя его стороны совершенно объективно, — вѣрнѣе: хладнокровно, безъ чрезмѣрной и требовательной заботы о томъ, какими сторонами онъ наиболѣе вліяетъ въ данную минуту на общество.

Бываютъ моменты, когда лучшія стороны писателя остаются безъ вниманія и безъ вліянія, въ то время какъ случайныя и второстепенныя его свойства пріобрѣтаютъ временно

преобладающее значеніе. Такъ Пушкинъ въ первое время своей дѣятельности вліялъ на современниковъ и становился извѣстенъ гораздо болѣе „шалостями“ своей музы, чѣмъ серьезнымъ содержаніемъ ея. Такъ Гоголь нравился какъ неподражаемый юмористъ гораздо болѣе, чѣмъ какъ анализаторъ жизни, своими дивными созданіями помогшій общественному самосознанію, показавшій обществу его самого, какъ въ зеркалѣ, въ типическихъ образахъ. Своего истиннаго значенія для общественной мысли, разъясненнаго Бѣлинскимъ, не понималъ даже и самъ творецъ „Шинели“ и „Мертвыхъ душъ“. Такъ Тургеневъ, очаровывая своимъ симпатическимъ талантомъ, вліялъ на общество и возбуждалъ любовь и ненависть къ себѣ не внутреннимъ содержаніемъ своихъ гуманныхъ идеаловъ, а чисто внѣшнимъ отношеніемъ его созданій, его персонажей, къ симпатіямъ и антипатіямъ времени. Современникамъ писателя обыкновенно трудно отнестись къ нему съ подобающимъ безпристрастіемъ, и въ этомъ смыслѣ судъ потомства имѣетъ неизмѣримое превосходство передъ судомъ современниковъ.

Но и для современниковъ писателя обязательно по крайней мѣрѣ стремленіе понять его въ его цѣломъ, въ его лучшихъ сторонахъ, воспользоваться всѣмъ, что онъ способенъ дать мысли и чувству. Писатель, понятый во всемъ объемѣ своей мысли, своего содержанія, можетъ внести—и обыкновенно медленно, но вѣрно вноситъ — поправку въ существующне общественное міровоззрѣніе. И потому тотъ иной, „скорѣе историческій, чѣмъ критическій“, способъ отнестись къ писателю, о которомъ мы сказали выше, обыкновенно и составляетъ предметъ стремленій критики, рѣдко достижимый, но всегда желательный для небанальныхъ умовъ идеалъ.

Собраніе сочиненій Успенскаго, представляющее цѣлую и очень сложную картину душевной жизни автора, его мечты и стремленій, невольно возбуждаетъ желаніе ближе взглянуть и возможно объективнѣе отнестись къ тому, какъ внѣшній міръ съ его тревогами и страстями отразился въ чуткой душѣ писателя, страстно преданнаго интересамъ истины и любви между людьми. Выводы сами собою и опредѣлятъ всѣ

слабыя и сильныя стороны писателя. При этомъ, чтобы выводы о писателѣ не были мелки и безпочвенны, необходимо опредѣлить его роль въ ряду писателей, показать, былъ ли онъ только повторяющимъ или разъясняющимъ уже выраженныя литературою идеи, или внесъ въ сознаніе общества нѣчто свое, оригинальное, новое, составляющее дальнѣйшій шагъ въ развитіи идей, обращающихся въ обществѣ.

Каждому писателю свойственна та „свобода творчества", надъ которой такъ много смѣялись въ свое время и которая составляетъ необходимѣйшее условіе дѣятельности жизненнаго таланта, всегда идущаго „дорогою свободной, куда влечетъ его свободный умъ". Свобода дѣятельности есть для писателя необходимое условіе самостоятельности. Она состоитъ въ томъ, что писатель останавливается надъ тѣми или другими явленіями жизни, самостоятельно и свободно выбирая ихъ, равно какъ и точку зрѣнія на нихъ — тотъ пунктъ, съ котораго онъ бросаетъ на нихъ лучи поэтическаго свѣта, придающаго имъ свой колоритъ и особенный смыслъ и значеніе. И нужно поэтому рѣшить, внесъ ли писатель анализъ новыхъ, еще не затронутыхъ другими писателями явленій, или новую точку зрѣнія на нихъ, или же не возвысился надъ общимъ уровнемъ современной ему литературы, обыкновенно въ массѣ живущей идеями и формами, созданными писателями предыдущаго момента.

Но тутъ мы приходимъ къ естественному вопросу о положеніи писателя среди современныхъ идей, т.-е. не въ ряду писателей, уже совершившихъ свое дѣло, а въ отношеніяхъ къ тѣмъ идеямъ, которыя вращаются въ обществѣ, производя измѣненіе дѣйствительности. Но среди идей, живущихъ въ данный моментъ въ обществѣ, есть такія, которыя составляютъ *desideria* человѣчества, въ которыхъ все обращено къ будущему, если и имѣющему, то очень относительное сродство съ настоящимъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тремъ точкамъ зрѣнія на писателя, именно къ его отношеніямъ къ прошлому, настоящему и будущему.

Можно многочисленными примѣрами доказать, что эти отношенія довольно рѣзко разграничиваются между собою.

Такъ, Гоголь по отношенію къ предшествовавшей ему литературѣ представляетъ явленіе необыкновенно большое: онъ открываетъ собою совершенно новый циклъ произведеній, устанавливающихъ небывалыя дотолѣ точки зрѣнія на дѣйствительность. Въ то же время онъ, цѣлой головой превышающій современное ему общество, самъ же отрицалъ неизбѣжные изъ его же произведеній выводы, и будущее, долженствовавшее олицетворять его идеальныя стремленія, представлялось ему торжествомъ въ жизни болтливыхъ чиновниковъ, безличныхъ Улинекъ, добродѣтельныхъ откупщиковъ и самодовольныхъ кулаковъ Костанжогло, вся жизнь которыхъ клиномъ сходится на выварке клея изъ всякой дряни. Напротивъ, есть писатели, не далеко уходящіе въ анализѣ дѣйствительности, но придающіе *ей* именно идеальный характеръ и уже потому не вносящіе въ литературу новыхъ идей, а идеалы будущаго сливающіе съ настоящимъ. Нѣтъ впрочемъ никакой надобности въ дальнѣйшемъ разъясненіи нашей мысли, и мы обращаемся къ г. Глѣбу Успенскому, примѣръ котораго весьма характеристиченъ во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ мы сказали выше.

2.

Глѣбъ Успенскій выступилъ на литературное поприще въ тѣ еще времена, когда беллетристическая литература о народѣ въ строгомъ смыслѣ настолько мало существовала, что Добролюбовъ, когда ему пришлось обратиться къ ней, не нашелъ ничего лучшаго, какъ повѣсти Славутинскаго. „Записки охотника“ Тургенева, повѣсти и разсказы Григоровича и немногое другое не входятъ собственно въ беллетристическую литературу, посвященную народу, о которой мы говоримъ: и тогда уже одинъ изъ критиковъ-эстетиковъ въ повѣстяхъ Григоровича видѣлъ „литературную выдумку“, а „Записки охотника“ называлъ только легкою прогулкою около береговъ народнаго моря. Съ одной стороны этотъ критикъ былъ правъ, съ другой — онъ не бралъ во вниманіе, что вся тогдашняя литература о народѣ имѣла особыя

цѣли — „возбуждать важныя и грустныя мысли“ по поводу царившаго тогда крѣпостничества. Выводимые ею персонажи изъ народа показывали народъ въ смыслѣ „людей“, но не имѣли даже и претензіи выразить оригинальныя стороны народнаго характера и народнаго быта. То было время литературно-народническаго романтизма. Создавшаяся послѣ того школа народныхъ писателей отличалась такимъ отсутствіемъ оригинальности и изученія народнаго быта, что осмѣявшій ее Добролюбовъ въ мужикахъ ея видѣлъ „господъ“, одѣтыхъ въ мужицкое платье и говорящихъ господскія же фразы на народный манеръ: „я цея люблю“, вмѣсто „я тебя люблю“. Наступившая затѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ надобность въ безъискусственномъ, искреннемъ и не сентиментальномъ отношеніи къ народу создала особый родъ народныхъ разсказовъ, гдѣ мужикъ является большею частію героемъ забавнаго анекдота. Николай Успенскій — характеристичнѣйшій писатель этого направленія.

Въ это-то время является Глѣбъ Успенскій съ мужикомъ, вообще мелкимъ людомъ, годнымъ скорѣе въ трагедію и драму, чѣмъ въ анекдотъ, но поставленными въ настоящую, дѣйствительную обстановку своей жизни, не съ цѣлью поразить читателя и вызвать въ немъ чувство состраданія и т. п., а съ цѣлію почти исключительною — сдѣлать понятными реальныя явленія народной жизни. Наступило „натуралистическое“ направленіе народной литературы; она примкнула къ гоголевскому направленію, примѣненному прежде къ жизни другихъ сословій. Глѣбъ Успенскій есть творецъ и истинный представитель его, чѣмъ и объясняется его замѣчательный успѣхъ съ первыхъ дней дѣятельности.

Необходимо прибавить, что такое положеніе въ литературѣ невозможно занять безъ большого таланта, а послѣдній, въ свою очередь, уже самъ собою служитъ ручательствомъ за такъ-называемую „форму“ литературныхъ произведеній. Былыя, но уже невозвратимыя литературныя понятія о формѣ, впрочемъ, не совсѣмъ примѣнимы къ нашему времени, когда заботы о ней далеко не такъ велики, какъ когда-то прежде,

и уступили свое мѣсто заботамъ о внутреннемъ содержаніи. Между нашими большими писателями гр. Левъ Толстой отличается въ сущности небрежнымъ языкомъ, и если его образы такъ могущественно вліятельны, то только въ силу громадности его таланта. Достоевскій также отличался не только однообразіемъ языка, а и удивительнымъ произволомъ сильной фантазіи, увлекавшей автора постоянно въ сторону, въ эпизоды и частности, и заставлявшей его портить „архитектуру“ произведенія, лишать это послѣднее художественной цѣлесообразности и размѣренности. Таковъ же и Глѣбъ Успенскій, который, подобно указаннымъ писателямъ и въ противоположность Тургеневу, всѣмъ художественнымъ въ своихъ произведеніяхъ обязанъ только таланту, лично мало интересуясь вопросами формы, художественности. И потому, естественно, въ его произведеніяхъ вы постоянно встрѣчаетесь съ анти-художественными пріемами и небрежнымъ до чрезмѣрности языкомъ. Но этотъ небрежный, тяжелый, „беззаботный“ языкъ дышетъ такою силою внутренняго содержанія, полонъ такой выразительности, что спотыкающійся во фразѣ, вязнущій въ ней читатель все прощаетъ автору; анти-художественные пріемы компоновки произведенія также проходятъ мало замѣчаемыми, подъ вліяніемъ силы ума, яркости образовъ и, кстати замѣтить, короткости разсказовъ Успенскаго. Нельзя сказать, чтобы эти недостатки формы не вредили впечатлѣнію; сказать это было бы слишкомъ смѣло: при болѣе художественномъ исполненіи впечатлѣніе было бы, понятно, сильнѣе. Но дѣло въ томъ, что оно очень сильно, несмотря на „недостатки“, и читатель не замѣчаетъ этихъ послѣднихъ.

Прежде Успенскаго мужикъ изображался вообще „человѣкомъ“, онъ являлся въ различныхъ „типахъ“, создавшихся по общимъ законамъ душевной жизни, какъ это мы уже и сказали выше. У Успенскаго мужикъ является уже повсюду собирательнымъ лицомъ, безъ индивидуальныхъ свойствъ, но въ тѣсной зависимости отъ обстоятельствъ его жизни. Въ результатѣ получается яркая картина общенародной психики, поставленной въ ея дѣйствительныя условія.

Итакъ, Глѣбъ Успенскій принадлежитъ къ писателямъ, берущимъ все внутреннимъ содержаніемъ своихъ произведеній. Шагъ впередъ, сдѣланный имъ, состоитъ именно во внутреннемъ содержаніи; въ отношеніи художественности формы онъ, напротивъ, участвовалъ въ общемъ регрессѣ, упадкѣ нашей литературы. Для новаго содержанія нужны новыя формы, и Гл. Успенскій создалъ для себя, для своего большого таланта, удобный пріемъ, который былъ бы невозможенъ для писателя съ талантомъ меньшимъ. Въ самомъ этомъ пріемѣ было нѣчто анти-художественное, оставляющее слишкомъ много толкованій на незначительное количество фактовъ. Въ то же время этотъ пріемъ представлялъ и значительныя удобства, соблазнительныя для автора. Народный бытъ стоялъ передъ глазами наблюдателя удивительно самопротиворѣчивымъ. Многообразныя историческія, противорѣчащія другъ другу, вліянія не могли не отозваться на немъ нарушеніемъ всякой послѣдовательности и строгаго единства, замѣчаемаго хотя бы въ бытѣ дикарей. Уловить одну общую идею въ разрозненныхъ по внѣшности фактахъ не легко. И вотъ авторъ прибѣгаетъ къ разъясненіямъ, разсужденіямъ, увлекающимъ его далеко въ сторону отъ живого и сильнаго анализа факта самого по себѣ, посредствомъ воспроизведенія его типическихъ свойствъ. Только въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ нашъ авторъ удаляется отъ этого пріема, не всегда, какъ увидимъ, приводящаго къ истинѣ.

3.

Одинъ изъ критиковъ высказалъ нѣкогда мнѣніе, что литературный родъ, созданный Гл. Успенскимъ и состоящій въ смѣшеніи картинъ жизни съ разсужденіями (т.-е. собственно, прибавимъ отъ себя, — смѣшеніе беллетристики съ критикою, созданій художественной фантазіи съ объясненіями ихъ самимъ же авторомъ) составляетъ не болѣе какъ литературную уродливость. Другой критикъ находитъ этотъ литературный родъ — „оригинальнымъ, по законнымъ расширеніемъ искусства“, говоритъ объ огромномъ шагѣ впередъ сдѣланномъ авторомъ

и выступающемъ на видъ особенно наглядно при сравненіи крайнихъ пунктовъ его дѣятельности"... „Новому литературному роду", выработанному Гл. Успенскимъ уже въ семидесятыхъ годахъ, второй критикъ и приписываетъ тотъ фактъ, что „авторъ завоевываетъ все больше и больше вниманіе и сочувствіе публики".

Намъ кажутся всѣ подобные разсужденія и споры результатомъ весьма крупнаго недоразумѣнія. Самые факты, выставляемые въ этихъ разсужденіяхъ, совершенно невѣрны. Въ шестидесятые годы, когда Гл. Успенскій выступилъ на литературное поприще, онъ привлекъ къ себѣ необычайное вниманіе. Съ какимъ захватывающимъ интересомъ слѣдили всѣ тогда за появлявшимися „Нравами Растеряевой улицы" и „Разореньемъ", написанными еще будто бы въ старомъ литературномъ родѣ!..." Говорить, что авторъ завоевываетъ вниманіе публики, благодаря „новому литературному роду",—значитъ говорить противъ фактовъ. Еще вопросъ, когда болѣе интересовались нашимъ авторомъ, теперь ли, или же въ тѣ шестидесятые годы, когда на сценѣ литературной были еще первоклассные писатели... Говоря „объ огромномъ шагѣ впередъ" и унижая этимъ путемъ первыя, свѣжія, молодыя и сильныя произведенія нашего автора, критикъ обнаруживаетъ недостаточное вниманіе къ исторіи литературной дѣятельности Гл. Успенскаго, съ ея задачами, свободно и сознательно принимаемыми на себя авторомъ.

Тотъ „литературный родъ", который первому критику кажется уродливостью, а второму — новымъ, совсѣмъ не такъ новъ, и Гл. Успенскій создалъ его совсѣмъ не въ семидесятые годы, а въ тотъ самый моментъ, какъ началъ писать свой первый очеркъ. Къ разсужденіямъ г. Успенскій всегда прибѣгалъ и прежде, когда жизнь не давала связующаго звена для двухъ наблюдаемыхъ авторомъ явленій; Успенскій всегда былъ немножко болѣе „рефлектирующимъ", чѣмъ это подобаетъ художнику, обыкновенно имѣющему дѣло съ явленіями необычайной сложности, несовсѣмъ удобно объясняемыми первыми или даже вторыми и третьими, пришедшими въ голову, соображеніями. Попробуйте разбавить раз-

сужденіями душевную жизнь Фауста и Гамлета или даже хоть Дэвида Копперфильда, и вы надѣлаете массу ошибокъ противъ психологіи, логики, соціологіи и исторіи.

Жизнь человѣческая слишкомъ сложна, и если такъ необычайно трудно возсозданіе ея въ некоментированныхъ образахъ, то тѣмъ труднѣе ея объясненіе въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, которыя должны быть въ этомъ случаѣ научны и для которыхъ однако современная наука еще не обладаетъ достаточнымъ запасомъ наблюденій и выводовъ какъ въ области историко-психологической, такъ и экономической. Очевидно, что тотъ, кто усматриваетъ въ критикахъ, не всегда признающихъ за Гл. Успенскимъ право перемѣшивать образы съ разсужденіями, представителей старыхъ эстетическихъ взглядовъ—ошибается; ими, еще не успѣвшими „уткнуться въ свою литературу", руководятъ не „эстетическіе взгляды", а требованія хотя-бы психологіи: кажется, пора разстаться съ той „теоріей словесности", для которой важнѣе всего—„литературный родъ",—одно изъ тѣхъ утѣшительныхъ словъ, которыя, ничего не означая, успокаиваютъ...

Сама исторія литературной дѣятельности Гл. Успенскаго весьма поучительна какъ для отрицателей, такъ и для поклонниковъ „литературныхъ родовъ". Она доказываетъ, что всѣ роды недурны, исключая тѣхъ, которые не ведутъ къ истинѣ, и что въ послѣднемъ случаѣ литературные роды не будутъ хороши, хотя бы они и были новы. Уже то обстоятельство, что Гл. Успенскій „мѣшаетъ образы съ разсужденіями", намекаетъ на нѣчто характерное въ его талантѣ, указываетъ, что на него нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія „литературнаго рода". Г. Успенскій прежде всего—живой человѣкъ, неспособный предаться „поэтическому созерцанію" общественныхъ неустройствъ: художественно изображая ихъ, онъ, въ то же время ищетъ ихъ причинъ—и средствъ къ созданію лучшаго будущаго. Художественный талантъ, очень свѣжій, сильный и оригинальный, не предоминируетъ въ натурѣ Гл. Успенскаго, не подчиняетъ себѣ ни чувства, ни ума; онъ всегда хочетъ знать смыслъ и зна-

ченіе тѣхъ картинъ жизни, которыя представляютъ ему его воображеніе.

Но хотѣть знать и дѣйствительно знать—вещи довольно различныя, и потому не будетъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые взгляды и соображенія нашего автора, выведенные изъ вѣрнѣйшимъ образомъ изображенныхъ явленій, тѣмъ не менѣе окажутся не состоятельными. Существуетъ достаточно примѣровъ такихъ взглядовъ и соображеній автора какъ изъ перваго, такъ и изъ послѣдняго періодовъ его дѣятельности; ясно, что „новый литературный родъ" появлялся уже и въ первыхъ произведеніяхъ г. Успенскаго и что его происхожденіе—въ самомъ складѣ явленій жизни, подпадавшихъ его наблюденію, и въ дѣлѣ, за которое онъ брался.

Гл. Успенскій началъ свою дѣятельность характеристикой быта, довольно неустойчиваго въ тотъ переходный періодъ, когда совершалось освобожденіе народа отъ рабства. Онъ, естественно, не могъ не замѣтить, долженъ былъ художественнымъ чутьемъ отгадать разложеніе стараго быта и возникновеніе на его развалинахъ новаго. Вся его дѣятельность и представляетъ отраженіе совершавшагося движенія, отраженіе этой послѣдовательной смѣны явленій въ развивавшейся жизни. Прежде всего онъ приступилъ къ описанію *statu quo* „Растеряевой улицы", еще только готовившейся начать свое преображеніе; вслѣдъ затѣмъ въ „Наблюденіяхъ Михаила Ивановича", въ наблюденіяхъ „Лѣнтяя" и во многихъ другихъ очеркахъ автора развиваются передъ читателемъ талантливо нарисованныя картины „разоренья", т.-е. разложенія старыхъ формъ быта подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ и разныхъ „благъ цивилизаціи", — желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, „промышленнаго оживленія" и... наглой и хищнической эксплоатаціи народа во имя всѣхъ этихъ благъ.

Жизнь шла впередъ, нарождались новые люди, новые типы, новыя мысли пробивались въ головы людей народа,— словомъ, совершался переходъ; г. Успенскій справедливо видѣлъ тутъ уже не „разоренье" только стараго, а и образованіе новаго. Но это новое, уже по самому характеру своему,

не могло явиться сразу въ формахъ вполнѣ опредѣленныхъ; смыслъ многихъ явленій и ихъ связь съ другими въ общей жизни народа еще ускользали отъ самаго внимательнаго наблюденія и анализа, они могли представляться еще даже разрозненными. И до сихъ поръ, такъ сказать, психологія многихъ явленій народной жизни еще остается неясною: кто знаетъ напримѣръ, истинную суть антисемитическихъ и иныхъ народныхъ движеній на нашемъ югѣ?

Гл. Успенскій берется за рѣшеніе подобныхъ вопросовъ постоянно. Естественное дѣло, что разобраться въ сферѣ разнообразныхъ новообразующихся явленій и создать изъ нихъ полную, художественно законченную и, слѣдовательно, опредѣленную картину не только трудно, но можетъ превышать силы величайшаго художника. И вотъ, пока г. Успенскій имѣлъ дѣло съ бытомъ опредѣлившимся, законченнымъ въ его „Растеряевой улицѣ", и потомъ съ явленіями его разложенія въ „Разореньѣ", онъ могъ оставаться на почвѣ художественнаго воспроизведенія безъ всякихъ комментаріевъ: образы говорили сами за себя; но въ сферѣ новыхъ явленій, не поддававшихся художественно-цѣлому воспроизведенію, г. Успенскому пришлось образы пояснять, истолковывать его личными мнѣніями. Образы при этомъ, естественно, блѣднѣли, уходили назадъ, разсужденія выступали впередъ, и передъ читателемъ былъ не художникъ, а публицистъ и критикъ, иллюстрирующій свои мысли имъ же нарисованными художественными картинками. Что это „прогрессъ" въ смыслѣ „литературнаго рода", согласиться должно, но что въ этомъ „огромный шагъ впередъ" вообще—во всякомъ случаѣ вопросъ, если посмотрѣть на дѣло съ той точки зрѣнія, что предвзятыя понятія и мнѣнія могли повліять на вѣрность изображенія жизни, дѣйствительности.

Мы выше сказали, что авторъ всегда былъ расположенъ къ поясненіямъ своихъ картинокъ не самими образами, а разсужденіями. Въ очеркѣ „Зарокъ не пить" Успенскій, желая показать, что́ такое деревенское „общество трезвости", и рисуя „тосковане мужичьяго тѣла" по водкѣ, онъ поясняетъ ее не сложнымъ душевнымъ складомъ, не тысячью причинъ, какъ

это есть въ дѣйствительности, а исключительно тяжестью труда. „Могучія руки ворочали кули, ноги ходили и томились на безконечныхъ пашняхъ, спины гнулись подъ всевозможными тяжестями... и выпивка требовалась неотступно“, говоритъ авторъ. Что онъ указалъ тутъ только одну изъ причинъ тосковання по водкѣ,—не подлежитъ сомнѣнію, но что причина не одна, еще несомнѣннѣе, и все отнести къ одной причинѣ—значило отказаться отъ анализа мужицкой души, болѣе сложнаго.

Обращаясь къ произведенію позднѣйшему, мы находимъ эту черту, это стремленіе, такъ-сказать, обойти анализъ и выраженіе мысли образами и замѣнить ихъ разсужденіями,—развитою до „огромнаго шага“. Рисуя прекрасныя картины, авторъ изъ нихъ хочетъ вывести, что наши антиеврейскіе, противотатарскіе и иные безпорядки произошли изъ сознанія нашимъ народомъ своего превосходства... Быть можетъ, это и такъ, а можетъ быть и нѣтъ, и ни одинъ безпристрастный читатель не согласится признать, что иллюстраціи автора свидѣтельствуютъ именно за эту мысль. Такимъ образомъ мы въ „путевыхъ замѣткахъ“ Успенскаго имѣемъ два элемента: картину бакинскихъ безпорядковъ, но картину не настолько полную, чтобы ясенъ былъ внутренній смыслъ ея, и во-вторыхъ, разсужденія, тоже превосходныя, очень умныя, но не настолько доказательныя, чтобъ оставляли васъ внѣ сомнѣній. Мы думаемъ, что если бы авторъ захотѣлъ избѣжать разсужденій, не надѣялся на разсужденія, то сдѣлалъ бы свои образы болѣе полными, и они отъ того много выиграли бы; если же бы онъ пожелалъ дѣйствительно разсуждать, то вмѣсто подкупающихъ воображеніе картинокъ, пріискалъ бы иныя, болѣе вѣскія и доказательныя основанія, и разсужденія отъ того тоже много выиграли бы. Господа „критики“ надѣемся, признаютъ, что сліяніе образовъ съ разсужденіями ослабило и тѣ, и другія. И это всегда нужно понимать и помнить.

Талантъ г. Успенскаго великъ и симпатиченъ, и мы ничего не имѣемъ даже противъ „новаго литературнаго рода“, не столько имъ „созданнаго“, сколько вышедшаго по необходимости изъ обстоятельствъ его дѣятельности, неблагопріят-

ствовавшихъ художественно-цѣлому и опредѣленному изображенію дѣйствительности. Но ни въ какомъ случаѣ не должно приходить въ умиленіе передъ „новымъ родомъ“ этимъ и выдумывать достоинства, которыхъ онъ такъ же не имѣетъ, какъ ничего не имѣетъ особеннаго и великаго такое художественное изображеніе льва, которое требуетъ подписи: „се левъ, а не собака“, представляя тоже „новый родъ“ соединенія образа съ поясненіемъ... И нѣтъ надобности унижать прежнихъ прекрасныхъ произведеній нашего автора, безъ которыхъ даже и понять-то вполнѣ невозможно послѣднихъ его произведеній, потому что, какъ мы выше сказали, въ первыхъ очерчены *statu quo* и факты разложенія быта, бросающіе яркій свѣтъ на позднѣйшія наблюденія.

„Новый литературный родъ“ Гл. Успенскаго есть результатъ новыхъ задачъ искусства. Пока оно имѣло дѣло просто съ „душой“ человѣка, свободно вращающейся въ свободномъ пространствѣ и подчиненной только законамъ своего собственнаго развитія, произведенія художественныя могли быть совершенно цѣлостны и закончены; гдѣ у автора не хватало знакомства съ дѣйствительностью, тамъ помогало „поэтическое прозрѣніе“. Искусство было по преимуществу психологическое. Но когда оно сошло съ заоблачныхъ высотъ и стало на путь изысканій не только психологическихъ, а и этнографическихъ и экономическихъ, дѣло измѣнилось. Жизнь дѣйствительная противорѣчива, душа человѣка развивается въ ней не по законамъ собственнаго развитія только, а подчинена многообразнымъ перекрестнымъ вліяніямъ, и искусство часто наталкивается на факты, гдѣ съ „поэтическимъ прозрѣніемъ ничего не подѣлаешь“. Гл. Успенскій имѣетъ дѣло именно съ такими фактами, съ фактами народной жизни, и желая понять смыслъ и значеніе многихъ частныхъ явленій ея, вышелъ на путь разсужденій, поясненій и комментаріевъ къ каждому факту, изображаемому имъ. Его произведенія постепенно теряли оттого характеръ художественныхъ и стали публицистико-этнографическими. И это—не „оригинальное, но законное расширеніе области искусства“, а отказъ г. Успенскаго отъ „искусства“, признаніе его безсильнымъ и недостаточнымъ

не только для объясненія, а даже и для изображенія народнаго быта. Намъ кажется „новый литературный родъ“ Гл. Успенскаго переходнымъ явленіемъ момента, когда романтическо-мечтательное художество ищетъ путей къ истинно-жизненному искусству.

4.

Для поясненія нашихъ мыслей, возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ очеркѣ „Книжка чековъ (эпизодъ изъ жизни недоимщиковъ“), передъ нами измѣняющіяся условія жизни, а вмѣстѣ съ ними измѣняющаяся и сама жизнь. Характеръ народа рѣзко выступаетъ на яркомъ фонѣ видоизмѣняющихся обстоятельствъ. Гл. Успенскій ставитъ передъ читателемъ Ивана Кузьмича Мясникова, „современнаго купца и фабриканта“, исполняющаго функцію „оживителя глухихъ мѣстъ“. Не заботясь объ индивидуальныхъ свойствахъ Ивана Кузьмича, онъ со всевозможной строгостью старается выяснить общественный смыслъ новаго народившагося типа. Онъ рѣзко оттѣняетъ различіе новаго „купца и фабриканта“ отъ прежняго купца, старомоднаго. Послѣдній жилъ обманомъ, признавая пословицу: „не обманешь—не продашь“; и потому, поминутно въ глубинѣ души чувствуя, что живетъ не по закону, онъ радѣлъ храму Божію и былъ дойною коровою всѣхъ, кто представлялъ собою какую-нибудь власть. Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ—совершенно иное дѣло. Физіономія его смѣлая, увѣренная и онъ „оживляетъ мертвыя мѣстности“ въ полной увѣренности, что онъ поступаетъ по закону „даетъ оборотъ своимъ капиталамъ“. „Оживленіе“ это состоитъ просто въ опустошеніи мѣстности отъ естественныхъ богатствъ, до Ивана Кузьмича лежавшихъ мертвымъ капиталомъ. „Прикоснется онъ со своими капиталами къ дремучему темному бору,—глядишь, въ двѣ-три недѣли лѣсъ исчезъ, и скоро останется голое изрытое мѣсто, да деньги въ карманѣ Ивана Кузьмича“. Такъ характеризуетъ авторъ хищническую роль современнаго „купца-фабриканта“ изъ кулаковъ.

Иванъ Кузьмичъ приходитъ въ соприкосновеніе съ деревней вотъ въ какомъ положеніи. Лѣтъ 16—17 назадъ, Распоясовская округа отличалась тишиной и нетронутыми естественными богатствами. „Никто не прикасался къ этимъ сокровищамъ, и никто, казалось, не вспоминалъ и не думалъ о нихъ. Былъ, конечно, баринъ, предававшійся меланхоліи, въ то время какъ его крестьяне бѣдствовали и въ силу этого тоже предавались меланхоліи, а богатство стояло забытое, никому не нужное и никому не доступное. Освобожденіе крестьянъ сразу покончило съ обоюдной меланхоліей барина и мужика. Случилось, что баринъ, уѣзжая за границу, предоставилъ управляющему дѣйствовать „какъ лучше", и управляющій составилъ проектъ переселить распоясовцевъ туда, гдѣ имъ „все подстать и еще лучше прежняго". Распоясовцы не хотѣли подчиниться, но, пропустивъ разные сроки въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ, потеряли даже самое право жаловаться; ихъ избы были сломаны „мѣрами полиціи"—на ихъ же впрочемъ счетъ. „Ну, робя, теперичe чистая приходитъ наша смерть! Отдавай, ребята, Богу душу... помирай!" сказали себѣ распоясовцы, все-таки отказываясь идти со старыхъ мѣстъ... и дѣйствительно стали помирать. Наконецъ всѣхъ ихъ отдали подъ судъ. Въ это-то время является въ мѣстности благодѣтельный Иванъ Кузьмичъ, снявшій у барина „все", и принесъ съ собою теорію „человѣкъ—полтина". И распоясовцы, подъ вліяніемъ этихъ полтинъ, ожили и помогли Ивану Кузьмичу опустошить мѣстность отъ всѣхъ естественныхъ богатствъ, превращенныхъ въ деньги для кармана купца-фабриканта.

Какъ видите, авторъ ставитъ насъ въ самый центръ новослагавшихся экономическихъ отношеній. Читатель сразу замѣчаетъ, что взглядъ автора, проникающій глубоко въ народную жизнь, искалъ во что бы то ни стало пониманія яснаго и отчетливаго экономическихъ измѣненій, происходящихъ въ народной жизни. Но тотъ же читатель видитъ и то, что авторъ беретъ рядъ выдающихся исключительныхъ условій, и самый народъ представляетъ преувеличенно коснымъ и неумѣлымъ; отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что своимъ очеркомъ авторъ не исчерпываетъ всего вопроса объ эконо-

мическихъ отношеніяхъ, но очень ярко и рѣзко оттѣняетъ одну изъ существующихъ чертъ народившихся условій жизни.

„Книжка чековъ“—очень характерный очеркъ въ смыслѣ характеристики литературнаго пріема г. Успенскаго и въ смыслѣ того новаго метода литературнаго отношенія къ народу, который сталъ закономъ для всѣхъ послѣдующихъ народниковъ-беллетристовъ. Глѣбъ Успенскій создалъ школу, исключившую слишкомъ общее, такъ сказать, внѣбытовое отношеніе къ мужику и убившую анекдотическій, юмористическій способъ характеристики народа. Въ этомъ—значеніе нашего писателя, въ этомъ его дѣло, его великая литературная заслуга.

По отношенію къ современнымъ идеямъ, вращающимся въ нашемъ обществѣ, Гл. Успенскій — истинный сынъ своего времени, раздѣляющій его увлеченія. Въ „Книжкѣ чековъ“ народъ представляется болѣе, чѣмъ нужно, жертвою пропуска сроковъ и хладнокровной жестокости „интеллигенціи“. Есть и нѣсколько другихъ очерковъ его, съ особенною силой оттѣняющихъ эту, теперь столь торжествующую точку зрѣнія на „интеллигенцію“. Прочтите, напр., „Прогулку“. Авторъ съ такимъ стараніемъ разрисовалъ хладнокровную жестокость акцизника, составляющаго протоколъ о „недозволенной продажѣ питій“, и такою несчастною жертвою представляетъ кабатчика, занимающагося недозволеннымъ промысломъ, что преувеличеніе бросается въ глаза. Бываютъ всякіе акцизные чиновники—и безсердечные и хорошіе, какъ бываютъ и кабатчики негодяи; мысль автора, слѣдовательно, пропадаетъ въ преувеличеніи.

Тамъ, гдѣ авторъ, особенно въ началѣ своей дѣятельности, бралъ отдѣльныхъ лицъ изъ народа, онъ являлся продолжателемъ того же гуманическаго направленія, которое всюду искало „душу живу“ даже въ искалѣченныхъ и съуженныхъ жизнью натурахъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ разсказъ г. Успенскаго „Будка“, обыватель которой, „неспособный“ солдатъ, будочникъ Мымрецовъ,—добрѣйшій человѣкъ, обстоятельствами жизни поставленный въ необходимость исполнять свои двѣ обязанности: „тащить и не пущать“.

Къ нему авторъ уже не прилагаетъ той мѣрки, по которой судится акцизный чиновникъ, хотя и этотъ послѣдній можетъ быть поставленъ именно въ положеніе Мымрецова.

Очевидно, не теоретическія разсужденія Гл. Успенскаго, иногда противорѣчивые, наиболѣе интересны, а живыя сцены,— прямо взятыя изъ жизни. Въ нихъ такъ много чувствуется правды, что остается только нерѣшеннымъ, въ какой мѣрѣ смыслъ изображаемаго относится ко всему нашему народу. Иногда же и этого вопроса совершенно не возникаетъ. Въ очеркѣ „Безъ опредѣленныхъ занятій“ есть именно такія сцены, на которыхъ можно остановиться съ полнымъ убѣжденіемъ, что онѣ дѣйствительно рисуютъ и характеризуютъ нашъ народъ въ полномъ его составѣ. Отношеніе народа къ интеллигенціи выступаетъ въ нихъ чрезвычайно рельефно.

Ѣдетъ интеллигентный человѣкъ на пароходѣ между „людьми народа“. И едва онъ раскрылъ ротъ, чтобы сказать слово сосѣду, какъ немедленно же наткнулся на шпильку, пущенную изъ какого-то невѣдомаго ему, но несомнѣнно враждебнаго источника или побужденія. Проѣзжали мимо какого-то монастыря, расположеннаго въ весьма живописной мѣстности, и онъ захотѣлъ узнать, что̀ это за монастырь. Но едва онъ только выговорилъ: „Что это...“, какъ сосѣдъ, благообразный торговецъ, не давъ окончить вопроса, впился въ его слова „что это...“, и видимо не желая слушать вопроса до конца, съ ядовитою ласковостью въ выраженіи губъ поспѣшно заговорилъ:

— Это-съ? А это, милостивый государь, по-нашему, по-мужицкому, называется Божій храмъ! Да-съ, храмъ Господній! Какъ это самое по-вашему, по-благородному, называется, намъ ужъ, извините—неизвѣстно, потому что мы мужики, а мужики, милостивый государь, само собой, не болѣе есть, какъ набитые дураки...

Нимало не смущаясь недоумѣвающимъ и пристальнымъ взглядомъ собесѣдника, благообразный сосѣдъ глядѣлъ на него въ упоръ, прямо въ глаза, глядѣлъ пристально, и продолжалъ, уже не безъ нѣкоторой доли жесткости въ голосѣ:

— Но хоть мы и мужики, и дураки, а мы, по нашему

мнѣнію, такъ считаемъ, что коль скоро увидимъ храмъ Господній, то вотъ этакимъ вотъ манеромъ шапочку-то снимемъ (онъ снялъ шапку), да крестное знаменіе-то сотворимъ (онъ перекрестился) и разъ, и два, и три... Вотъ этакимъ вотъ манеромъ, почитаемъ мы, что слѣдуетъ намъ поступать по нашему, по мужицкому, по дурацкому мнѣнію... Ну, а какъ по вашему, по благородному, по ученому мнѣнію,—ужъ этого намъ неизвѣстно, извините. Потому мы—не учены, а только-что помнимъ мы Бога, чтимъ Его, боимся, со страхомъ благодаримъ... А ужъ какъ господа понимаютъ—ну, это намъ неизвѣстно...

Другой не менѣе презрительнымъ тономъ увѣдомляетъ интеллигентнаго человѣка, что, по мужицкому мнѣнію, монастырь этотъ—„монастырь святителя отче Антоніе папы Рымскаго, который изъ города Рыма на каменіе проплылъ вплоть черезъ Санктпетербургъ... Такъ мы, по глупости своей, считаемъ...“ И на смѣлое замѣчаніе, что Антоній не былъ папой, интеллигентный человѣкъ получаетъ все тотъ же презрительный отвѣтъ, что „вотъ, вотъ, человѣкъ ученый, образованный, такъ ужъ и знаетъ ужъ, что не такъ, то-есть, по дурацкому, по мужицкому, мужики-дураки думаютъ“...—По-вашему, говоритъ далѣе „сосѣдъ“, мы есть дураки, а по-нашему, по глупому, мы такъ полагаемъ, что надобно почитать святыхъ угодниковъ... Н-ну, а вы, такъ какъ вы имѣете благородное образованіе, такъ для васъ, я такъ думаю, что это ничего не составляетъ“.—Разговоръ, приводимый Успенскимъ, чрезвычайно типиченъ, и едва-ли найдется кто-либо, передъ кѣмъ мужикъ не считаетъ необходимымъ стоять руки по швамъ, кому не приходилось бы вынести на себѣ этотъ терзающій и испытующій взглядъ „мужика-дурака“, ничѣмъ не подавши къ тому повода.

Интеллигентный человѣкъ Гл. Успенскаго присужденъ всюду встрѣчать терзающій взглядъ мужика. Сошедши съ парохода и вступая въ среду чистой деревни, онъ надѣется освободиться отъ него, и жестоко ошибается. Деревенскій пролетарій изумляется, что „баринъ“ пріѣхалъ въ деревню „для воздуху“ и недовѣрчиво повторяетъ: „Для воздуху?...

Ловко! Изъ Петербурга... Та-а-къ!“ Приходитъ старшина, тузъ, богачъ,—и на привѣтствіе и протянутую руку, съ тою же всеобщею улыбкою, отвѣчаетъ: „Перво-на-перво позвольте ужъ намъ нашъ мужицкій законъ соблюсти, Богу помолиться, а потомъ ужъ и вашу ручку примемъ. Ужъ извините! Такое у насъ, у мужиковъ, у дураковъ, глупое обыкновеніе“. И среди многихъ размышленій мужиковъ на счетъ того, „чему только въ нонѣшнія времена учатъ ученыхъ людей, что по окончаніи этого самаго курса появляется столь безсовѣстный человѣкъ, что онъ даже лба не умѣетъ перекрестить“,—среди всего этого презрительнаго недовѣрія, интеллигентому человѣку приходится выслушать (не въ глаза) отъ вышеприведеннаго мужика-пролетарія, плотника—фразу, поддержанную и другими, о томъ, что „они въ прежнія времена людей на собакъ мѣняли, намъ это хорошо извѣстно...“

Авторъ говоритъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ и совершенно не можетъ выяснить себѣ направленіе мыслей плотника. Не думаемъ, чтобы осторожность автора была въ данномъ случаѣ очень умѣстна: понять направленіе мыслей плотника едва-ли такъ трудно. Нѣтъ въ мірѣ и не можетъ быть ни одного историческаго народа, который легко отказывался бы отъ своего міровоззрѣнія, а нашъ еще не совсѣмъ отрѣшился отъ язычества, несмотря на прожитое почти тысячелѣтіе христіанства. Міровоззрѣніе народовъ не измѣняется насильно. Христіанство, насколько оно успѣло овладѣть народною душою, составляетъ ея коренную принадлежность; это не подлежитъ сомнѣнію, и удивляться его требовательности въ этомъ отношеніи — нечего. Народу знакомы и основныя правила христіанства объ уваженіи къ человѣку; онъ знаетъ, что въ христіанствѣ „нѣсть ни рабъ, ни свободъ“. Что же встрѣчалъ онъ въ своей исторической судьбѣ? Полное пренебреженіе этими правилами по отношенію къ нему: людей народа „на собакъ мѣняли“...

Когда у насъ завелись доморощенные „вольтерьянцы“, въ огромномъ большинствѣ совершенно невѣжественные, народъ, естественно, могъ сливать въ своемъ представленіи мѣнялу

людей на собакъ съ невѣрующимъ, потому что онъ не могъ постичь, какимъ образомъ христіанинъ могъ настолько не уважать въ немъ „человѣка“. Зло было, конечно, не въ образованіи, ибо его-то именно и не было. Прежній грубый баринъ, подъ вліяніемъ знакомства съ Западомъ, оставаясь обыкновенно вѣрующимъ, утрачивалъ только привязанность къ обрядности религіозной. Разошедшись съ народомъ въ обычаяхъ, онъ становился еще болѣе чуждъ ему, а чуждъ ему онъ былъ и прежде. Но прежде народъ все-таки выносилъ легче его гнетъ. Страдая отъ него экономически, онъ видѣлъ въ немъ прежде—своего, не нѣмца, христіанина; теперь экономическая рознь удвоилась нравственной. Быть можетъ, въ настоящее время народъ съ такою легкостью мѣняетъ гнетъ барина на болѣе тяжкій гнетъ кулака Разуваева именно потому, что видитъ въ послѣднемъ человѣка близкой къ нему, по міровоззрѣнію, среды. Между тѣмъ, народъ, не зная, что такое истинное образованіе, слилъ въ своемъ умѣ образованность съ способностью „мѣнять людей на собакъ“, и въ этомъ смыслѣ, въ такомъ пониманіи европейскаго просвѣщенія, онъ является предшественникомъ многихъ современныхъ намъ мудрецовъ... Само собою разумѣется, что Фамусовы, Молчалины и Салтычихи не составляли интеллигенціи, а Чацкіе, Новиковы и Радищевы были гонимы; но народъ не могъ знать этого, и его наивное воззрѣніе отражается на нашемъ времени, какъ тяжкое наслѣдство прошлаго и дурное предвѣстіе будущаго.

Послѣ сказаннаго нами едва ли удивительно, непонятно и неожиданно въ устахъ плотника это сопоставленіе „ученья“ съ невѣріемъ и мѣною людей на собакъ. Это болѣе чѣмъ недружелюбное отношеніе народа къ интеллигенціи страны усиливается тѣмъ, что имъ ловко пользуются эксплоататоры народа. Попробуйте побороться съ Разуваевымъ, и всѣ ваши честныя попытки защитить отъ него народъ разлетятся въ прахъ, потому что народъ не вѣритъ вамъ, а Разуваевъ съумѣетъ его настроить противъ васъ, сказавши, что вы не отказались и не можете отказаться отъ права вышеупоминаемой „мѣны“... Вотъ, кажется, источники страшнаго не-

довѣрія и нетерпимости народа къ интеллигенціи, интеллигенціи истинной, готовой на искреннее и безкорыстное служеніе ему.

Но если народъ относится къ интеллигенціи съ недовѣріемъ, вызваннымъ исторіей, и не признаетъ за ней правъ на самостоятельное нравственное и умственное существованіе; если онъ съ пренебреженіемъ и злобой относится ко всякому уклоненію отъ его міровоззрѣнія, то, съ другой стороны, и интеллигенція, т.-е. собственно то, что̀ народъ считаетъ интеллигенціею, относится къ нему не лучше, обостряя нравственное разъединеніе съ народомъ.

Въ очеркѣ „Безъ опредѣленныхъ занятій“ рисуется невыносимое, горько сознаваемое положеніе человѣка, пришедшаго къ народу съ искреннѣйшимъ и неуснащеннымъ никакими утопіями намѣреніемъ быть ему полезнымъ. Лиссабонскій, герой этихъ очерковъ, встрѣчаетъ такое недовѣріе въ народной средѣ, что всѣ его лучшія мечтанія разлетаются въ прахъ. Онъ шелъ къ народу, повинуясь обязательному для всего русскаго общества новому направленію мыслей и задачъ, не выдуманныхъ имъ, а прямо, логически и неизбѣжно вытекавшихъ изъ новыхъ условій, въ которыя стала многомилліонная масса народа послѣ освобожденія. Ему предстояло просто защищать проведеніе въ жизнь новыхъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе народной жизни, преслѣдовать въ деревнѣ, въ мелкихъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ, ту же самую тенденцію, которая въ огромныхъ размѣрахъ выразилась въ освободительномъ актѣ. Словомъ, онъ дѣлалъ точь-въ-точь то самое, что̀ крупные дѣятели дѣлали въ высшихъ сферахъ; крупную монету онъ размѣнялъ на гривенники, какъ и потребно въ деревенскомъ обиходѣ.

И что̀ же вышло изъ всѣхъ стремленій его? „Меня выгнали изъ деревни, какъ врага!“ разсказываетъ онъ. „Не буду распространяться объ этомъ печальномъ, горькомъ недоразумѣніи,—обращу вниманіе читателя на результаты этого недоразумѣнія, обнаружившіеся теперь. Недалеко ходить за примѣрами—сенаторская ревизія на каждомъ шагу доказываетъ,

что новое дѣло едва-ли не погублено старыми руками. Чего ни коснитесь: вотъ вамъ новый деревенскій судъ,—подкупъ, водка, пиво, своекорыстіе...; вотъ вамъ общественная касса,—все расхищено, растащено, истрачено на частныя потребности: одинъ открылъ на эти деньги кабакъ, другой—лавку... Личная месть—за водку и подкупъ сажаетъ праваго въ темную, сѣчетъ, а виноватый живъ, здровъ и процвѣтаетъ... И вездѣ, на каждомъ шагу, нѣтъ признака присутствія человѣка, который бы отстаивалъ новую идею... Эти люди могли быть только такіе, какъ я, люди, рожденные на рубежѣ новой русской жизни, окрещенные и осѣненные въ лучшую юношескую пору русской жизни новыми благотворными идеями, принявшіе эти идеи всѣмъ сердцемъ, со всею искренностью, со всѣмъ жаромъ самоотверженія и безкорыстія. Но насъ выгнали оттуда, съ позоромъ выгнали...“

Какъ не излишне мрачна дѣйствительнось народной жизни, изображаемая авторомъ, несомнѣнно, однако, что здѣсь много искреннѣйшей правды, выстраданной всѣмъ существомъ. Итакъ, „основы“ еще крѣпки въ народной средѣ, еще долго будутъ раздаваться мучительныя пѣсни о томъ, какъ ревнивый мужъ билъ жену свою, какъ свекровь-змѣя лютая изводила сноху, какъ свекоръ-батюшка оказывался немилостивъ къ сыну и женѣ его,—словомъ, намъ суждено присутствовать при отвратительномъ торжествѣ вѣковыхъ „преданій“.

Гл. Успенскому удалось слышать и прочувствовать одинъ, въ высшей степени интересный и любопытный разговоръ, который онъ и передаетъ въ „отрывкѣ“, озаглавленномъ: „Богъ грѣхамъ терпитъ“. Это—очень философскій разговоръ! „Я такъ думаю“, говоритъ народный философъ, буфетчикъ на пароходикѣ „Окунь“: „который человѣкъ ни въ чемъ не виновенъ, и того человѣка наказывать не за что. А который, ежели есть преступникъ или, такъ-сказать, злодѣй какой нибудь—такъ того наказывай. Больше чичего...“. Въ доказательство онъ приводитъ слѣдующій случай: Былъ на свѣтѣ одинъ купецъ, содержатель дровяного двора. Нанялъ онъ несовершеннолѣтняго силача сторожить дрова, съ крѣпкимъ

наказомъ,—бить вора, если онъ явится на дворъ. Случилось, что туда зашелъ нищій, и шестнадцатилѣтній мальчуганъ-силачъ бьетъ его „дубиной". Случилось также, что нищій тутъ же и умеръ отъ этого. Мальчика судили и оправдали. И вотъ буфетчикъ настаиваетъ, что „надобно разобрать, а не зря... бываетъ такъ, что ежели ты дѣлаешь свой судъ съ разборомъ, то и самый который видимый злодѣй, и тотъ оказываетъ свою невинность..." И дѣйствительно, кого винить? Купцу, конечно, нужно стеречь дрова, мальчикъ исполнялъ только его приказаніе, и ужъ если случился „грѣхъ", то нечаянно. Всѣ правы. Но есть одинъ вопросъ, смутившій философа-буфетчика: „Ну, а мужикъ-то, почтеннѣйшій господинъ", говоритъ ему одинъ изъ пассажировъ: „Онъ-то какъ будетъ: виновенъ, или не виновенъ?..—Который?—„ А вотъ, который кончину-то принялъ, старичокъ-то!.. Куда мы его съ вами опредѣлимъ? Вѣдь, какъ-никакъ, а ужъ положительно можно сказать—нѣту человѣка!.." И на недоумѣніе буфетчика, пассажиръ замѣчаетъ: „Вотъ то-то и есть! У насъ все такъ-то. Всѣ невиновны, а глядишь, кто-нибудь и протянулъ ноги... между прочимъ..."

Этотъ разсказъ или анекдотъ—какъ хотите—чрезвычайно характеренъ. Во всѣхъ слояхъ нашего общества, черезъ которые мы прошли съ читателемъ, вездѣ дѣйствуетъ какой-то суровый законъ, противорѣчащій всякой логикѣ, исключая „логики жизни". Въ силу этого закона, „кто-нибудь", „между прочимъ", гибнетъ, при всеобщей и неоспоримѣйшей невиновности... Этотъ то законъ нашей жизни, въ которомъ „такъ много безчеловѣчія", рѣзко и выраженъ Гл. Успенскимъ въ его очеркѣ.

Очеркъ Успенскаго,—„Старики", полонъ стремленія отрѣшиться отъ фальшивой идеализаціи народа. Въ немъ старики вздыхаютъ по прошлому, когда былъ „порядокъ". Теперь, по ихъ мнѣнію, порядка въ деревнѣ совершенно нѣтъ, и взять его не откуда. Одинъ изъ стариковъ вспоминаетъ объ аракчеевскихъ временахъ.—Нѣтъ, говоритъ онъ, ежели-бы нонѣшніе порядки... да при покойникѣ графѣ, такъ чтобы только было.. И-и-и, владыко праведный!. И-и, сказать нельзя!.." То же говоритъ старуха-баба про бабъ: „Нониче нешто

такой народъ-то сталъ?.. И-и, родимая, кабы нонѣшнюю которую, псовку, да въ нашу шкуру, такъ вѣдь она что́ бы сраму-то натворила! Поглядѣть-то на нонѣшнюю срамоту, такъ и то сердце разрывается... Ну, а какъ же,—спросила-бы я ее, псовку,—какъ же, молъ, мы-то терпѣли?"... Словомъ, деревенскіе старики чѣмъ-то недовольны. И это, разумѣется, фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію.

И вотъ, авторъ добивается узнать, чѣмъ же ужъ такъ хорошо было прежде, при графѣ Аракчеевѣ. „Ужъ былъ нача-альникъ... Чисто антоновъ огонь".—Да въ чемъ же дѣло,—спрашиваютъ аракчеевца, и вотъ что́ онъ объясняетъ:

— Страху имѣлъ въ себѣ. Столь много было въ немъ, значитъ, испугу этого самаго... Носъ у него, у покойника, былъ этакій мясистый, толстый, сизый, значитъ съ сизиной... И гнусавый былъ, гнусилъ... Идетъ-ли, ѣдетъ-ли, все будто мертвый, потому глаза у него были тусклые и такъ оказывали, какъ, примѣромъ сказать, гнилыя мѣста вотъ на яблокахъ бываетъ: будто глядитъ, а будто нѣтъ,—будто есть глаза, а будто только гнилыя ямы... Во въ этакомъ-то видѣ—ѣдетъ-ли, идетъ-ли—точно мертвецъ холодный, и носъ, этотъ самый сизый, мясистый, виситъ... А чуть раскрылъ ротъ—и загудитъ, точно изъ подъ земли или изъ могилы: „Па-а-л-локъ!" Да въ носъ,—гнусавый былъ... „Па-а-а-л-локъ!..." Это ужъ, стало-быть, что-нибудь запримѣтилъ.. И только его и словъ было, а то все какъ мертвый... И ужъ точно, пуще огня боялись... Ужъ ежели-бы ему на глаза попалъ поселенецъ, у котораго въ обоихъ карманахъ водка, такъ ужъ онъ-бы далъ-бы ему понятіе.., Во вѣкъ бы помнилъ, что́ такое значитъ винцо, и дѣтямъ-бы заказалъ... Такъ вотъ какой былъ человѣкъ!.. Бывало, только крикнетъ кто-нибудь: „графъ идетъ", такъ иной такъ и грохнется объ земь безъ дыханія... Ну, а былъ порядокъ, ужъ этого отнять нельзя. У-ухъ какой былъ порядокъ во всемъ! За что ни возьмись: что́ скотина, что пашня—все первый сортъ... То-есть, бывало, до такой степени, напримѣръ, вникалъ, что ужъ на что кажется бабы или бабьи дѣла какія, а и то чувствовали графскій глазъ... Бывало иная хлѣбы не домѣсила, или худо просѣяла,—ужъ это не прой-

детъ ей даромъ... Ужъ онъ ее, покойникъ, выучитъ, какъ хлѣбы печь... А нониче иная, шкура, печетъ хлѣбъ точно не людямъ, а свиньямъ: кажется, взять ковригу, да хлопнуть ее объ стѣну, такъ она и прилипнетъ, какъ замазка. Что же это за хлѣбъ? Нешто это можно назвать печеньемъ?

Очевидно, порядокъ состоялъ въ томъ, что былъ страхъ и были палки. Такъ именно и объясняютъ старики. Странное, повидимому, дѣло. Вздыхать по палкѣ! Это какой-то сумбуръ, въ которомъ ничего разобрать невозможно. Успенскій старается разузнать, въ чемъ же дѣло; неужели теперь мало начальства! Или начальство менѣе строго? И послѣ долгихъ, очень характерныхъ разъясненій, ему удается добится кой-какихъ результатовъ. Дѣло сводится на то, что теперешнее начальство мало „присмотра" за народомъ имѣетъ, мало вмѣшивается въ его личныя и семейныя дѣла, а самъ мужикъ, видите-ли, не въ состояніи управиться съ своими дѣлами. Прежде начальство „хозяйственнѣе" относилось къ народу: не давало богачу обижать бѣдняка, слѣдило, чтобы мужикъ берегъ свое добро, и пр., и пр. А теперь—некому этимъ заняться. И народъ бѣднѣетъ. „А все—воля!.."

Вотъ въ чемъ суть недовольства деревенскихъ стариковъ. Насколько правы эти послѣдніе—судить не будемъ. Очевидно одно, что Гл. Успенскій этимъ очеркомъ прямо заглянулъ въ одинъ изъ уголковъ сердца стараго деревенскаго человѣка!

5.

Въ высокой степени поучителенъ и знаменателенъ рядъ очерковъ Успенскаго „Власть земли", въ которыхъ авторъ задался цѣлью показать читателямъ вліяніе земледѣльческаго труда на народъ; онъ объясняетъ этимъ трудомъ многія существеннѣйшія стороны жизни и міровоззрѣнія народа.

Само собою разумѣется, земледѣльческій бытъ не могъ не отразиться на народной душѣ русской, какъ и на всякой другой. Ненужно ѣздить въ русскія деревни, чтобъ узнать могущественное вліяніе природы на человѣка съ ея вѣковѣчными, постоянными законами; вся исторія человѣчества но-

ситъ на себѣ неизгладимые слѣды вліяній природы. Подъ ними возникали религіи; природа же указывала образъ жизни человѣку; она отражалась на общественномъ устройствѣ, она же вела человѣчество по пути развитія, возбуждая къ борьбѣ со своими силами. Природа же привела людей къ рабству, которое представлялось необходимымъ условіемъ существованія обществъ. Вліянія природы фатально благотворны и фатально гибельны. Ручаться за то, что природа и трудъ въ ней человѣка необходимо ведутъ къ добру въ общественныхъ отношеніяхъ, во всякомъ случаѣ, рискованно: все зависитъ оттого, какая природа и каковъ человѣкъ, завладѣвшій ею въ данное время. И мы приходимъ къ поставленному авторомъ безъ предвзятой мысли вопросу: должна ли жизнь среди русской природы, на русской землѣ, дѣйствовать всенепремѣнно лучше, дѣлать людей нравственнѣе, чѣмъ жизнь во всякой другой странѣ или въ городахъ?

Авторъ ставитъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе. Илюстрируя свои мысли примѣрами, онъ доказываетъ, что земледѣльческій трудъ крестьянина даетъ ему, такъ сказать, цѣлый кодексъ нравственности, „правды“; что какъ скоро человѣкъ оставляетъ этотъ трудъ, оставляетъ любимую „землю“, онъ теряетъ почву подъ ногами и портится, и что этотъ результатъ получается немедленно и неизбѣжно съ того самаго момента, какъ человѣкъ покидаетъ землю, крестьянскую работу, и получаетъ „волю“, возможность не работать. Для автора этотъ постоянный фактъ служитъ основаніемъ для вывода, что „земля“, земледѣльческій трудъ, воспитываетъ народъ, даетъ для него непарушимый кодексъ „правды“, совершенно иной, чѣмъ тотъ, которымъ руководствуются жители городовъ. Народу, по мнѣнію автора, необходима постоянно земля, создающая въ его отношеніяхъ правду. Выводы автора были замѣчены, какъ доказательство существованія преимущественной, самобытной, вполнѣ народной правды, которая должна побѣдить правду не народную.

Для насъ факты, приводимые талантливѣйшимъ изъ нашихъ наблюдателей народной жизни, говорятъ нѣчто другое. Мы понимаемъ, что счеты человѣка съ землею не таковы,

чтобы поселять стремленіе къ даровой наживѣ отъ нея. „Чего не посѣешь, того не пожнешь“; отъ земли нельзя потребовать взятки—все нужно заработать. Нельзя одному запахать всю окрестность, какъ, напротивъ, можно скопить въ своихъ рукахъ сколько угодно денегъ. Вотъ почему такъ естественно въ земледѣльческомъ быту привыкнуть къ мысли о возможности и справедливости владѣть только тѣмъ, что̀ можетъ человѣкъ осилить своими трудами; отсюда—болѣе человѣчныя въ этомъ смыслѣ отношенія, болѣе справедливое распредѣленіе даровъ природы. Но все это создаетъ скорѣе бытъ, чѣмъ міровоззрѣніе, скорѣе порядокъ жизни, чѣмъ сознательную „нравственность“. Что̀ же будетъ иначе свидѣтельствовать тотъ фактъ, что человѣкъ, выросшій, „воспитавшійся“ на земледѣльческомъ трудѣ, можетъ стать немедленно „не нравственнымъ“, тотчасъ же потерять всю ту „правду“, на которой онъ воспитался, какъ только отдѣлится отъ земли? Не значитъ ли это, что земля совсѣмъ не „воспитываетъ“, „не образовываетъ“, что дѣйствіе ея пассивно, что она именно — „власть“, въ грубомъ смыслѣ, а не смягчающее, гуманизирующее душу человѣка вліяніе? Сходство вліянія земли съ властью, съ принужденіемъ, огромно: власти повинуются, когда она требуетъ, и, уходя изъ подъ ея вліянія—забываютъ ея законы.

Не очевидно ли, что одной „власти земли“ недостаточно, чтобъ народъ былъ „нравственъ“ сознательно и дѣятельно; ея недостаточно, чтобъ въ человѣкѣ залегло сознаніе правды, которую нельзя преступить—такое сознаніе, которое отражалось бы во всей жизни человѣка, въ какой бы средѣ онъ ни былъ. Намъ не разъ думалось, что многихъ изслѣдователей народной жизни обманывалъ бытъ, складъ жизни, обусловленный обстоятельствами; они принимали его за складъ народной русской души. Велѣнія природы, выражавшіяся во взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ, казались имъ велѣніями народнаго духа, развитіемъ альтруистическихъ чувствъ. Сознательную нравственность человѣку даютъ идеи и развитіе.

Мы не отрицаемъ прекрасныхъ задатковъ развитія въ народѣ; ихъ, можетъ быть, гораздо больше, чѣмъ среди людей, взявшихъ отъ цивилизаціи только внѣшнія формы, не-

проникнувшихся духомъ человѣчности, воспитанныхъ въ сферѣ праздности и искусственныхъ способовъ пріобрѣтенія богатствъ. Мы говоримъ только, что одного вліянія природы, одной „власти земли“ —недостаточно.

Авторъ, впрочемъ, признаетъ этотъ второй элементъ народнаго развитія: онъ говоритъ объ „интеллигенціи“ народной, о людяхъ сердца и правды, которые указывали бы народу „божескую“ правду—ту, о которой говорили ему христіанскіе проповѣдники, учившіе народъ отдавать жизнь за ближнихъ. Высокое христіанское правило могущественно; но для того, чтобъ оно входило въ народную жизнь, для народа, кажется, необходимо и знаніе, и пониманіе окружающихъ его многочисленныхъ жизненныхъ отношеній, и умственное развитіе. Между тѣмъ, авторъ совершенно игнорируетъ эту сторону дѣла, и игнорируетъ, конечно, совершенно напрасно, потому что и христіанское правило можетъ остаться въ жизни мертвою буквою при темнотѣ народной.

Наконецъ, не одинъ земледѣльческій трудъ создаетъ ту „правду“, о которой говоритъ авторъ. Исторія представляетъ намъ многочисленныхъ представителей мысли человѣческой, искателей истины, на которыхъ именно умственный трудъ обнаруживалъ неизгладимо-могущественное вліяніе, дѣлая ихъ еще болѣе нравственными, чѣмъ любой человѣкъ народа — болѣе нравственными и болѣе безкорыстными, неразсчитывавшими даже на тѣ выгоды, которыхъ ждетъ отъ земли пахарь. Дѣло въ томъ, что всякій производительный трудъ, честный и правильный, ведетъ къ той же цѣли.

Спасеніе общества нашего, конечно, не во „власти земли“. Успенскій, притомъ же, думаетъ, что народъ прежде былъ несравненно совершеннѣе и что, вмѣстѣ съ новыми „способами пріобрѣтенія“, въ него входитъ и растлѣніе. Но, во-первыхъ, былъ ли народъ лучше и человѣчнѣе прежде—вопросъ; извѣстно только, что онъ лишенъ былъ вообще свободы труда, слѣдовательно, и способовъ „пріобрѣтенія“. А во-вторыхъ, сколько бы ни было земли, ея, наконецъ, будетъ мало: разовьется культура, возникнутъ новые, болѣе производительные способы добыванія хлѣба, требующіе меньше

силъ, и, въ концѣ концовъ, народъ непремѣнно и неизбѣжно, при ростѣ населенія, будетъ выходить изъ подъ „власти земли“, и непремѣнно потребуются иные импульсы для „нравственности“, для торжества „правды“. Да и теперь огромная часть народа стоитъ внѣ вліянія земледѣльческой жизни. Не очевидно ли, что будущность нашего отечества не сошлась клиномъ на „власти земли“?

Вѣра въ народъ, помимо злоупотребленій его именемъ— одно изъ отраднѣйшихъ явленій въ нашей литературѣ. Сознаніе лежащаго на народѣ гнёта, какъ историческаго наслѣдія тёмныхъ вѣковъ прошлаго—еще отраднѣе. Но русскій человѣкъ—человѣкъ крайностей...

Заслуживаетъ серьезнаго вниманія то противорѣчіе, въ которое становится авторъ самъ съ собою, изображая повинующихся „власти земли“ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ въ своемъ очеркѣ: „Богъ грѣхамъ терпитъ, Подозрѣваемые“, и въ другихъ, приведенныхъ выше. Въ деревнѣ, „на лонѣ природы“, поселяется „хлѣбъ добывающій литературнымъ трудомъ“, и возбуждаетъ въ мирныхъ поселянахъ существенный вопросъ: „Зачѣмъ пріѣхалъ?“ „Пріѣхалъ *такъ*... жить... отдыхать“—отвѣтъ, самый подходящій для литератора. Но онъ вызываетъ новый вопросъ: „Стало быть, капиталъ имѣете?“ Но капитала литераторъ не имѣлъ, и вотъ онъ для крестьянъ— неразрѣшенная загадка. Авторъ очень остроумно и очень справедливо опредѣляетъ „отвѣты“, приходящіеся по уму и сердцу мужиковъ. „Пріѣхалъ насчотъ телятъ“, „по сѣнной части“, „грибы“, „на станціи служу“, наконецъ, просто: „пріѣхалъ по своей части“—вотъ отвѣты, совершенно удовлетворяющіе мужика. Но „пріѣхалъ жить“ „безъ капитала“—это нѣчто совершенно невѣроятное. Наконецъ крестьяне, все таки, добиваются приблизительнаго представленія о пріѣзжемъ. Нѣкоторые читывали въ трактирахъ „листки“, знаютъ, что̀ такое „газета“, понимаютъ, что можно „писать“, и не служить. Для пріѣзжаго начинается новое горе. Къ нему начинаетъ являться кляузникъ съ покорнѣйшею просьбою „пропечатать“. Авторъ говоритъ, что „кляузничество“ занимаетъ огромную область въ нравахъ современной, „ополитуренной“ деревни.

и область эта до такой степени непривлекательна и смрадна, что говорить объ этомъ подробно невозможно — отвратительно. Понятно, что пріѣзжій помогать кляузѣ отказывается, отказывается написать „доносъ", который, какъ говоритъ авторъ, „есть единственный проторенный путь для выраженія всѣхъ государственныхъ и общественныхъ стремленій, модный, общедоступный популярный способъ, единственный даже для предъявленія хорошихъ побужденій!"

И вотъ, отношенія пріѣзжаго къ деревнѣ, очевидно, очень не хороши. Авторъ предупредилъ пріятеля-литератора: „Если хочешь отдыхать", сказалъ онъ ему, „пожалуйста, не разспрашивай ни о чемъ и никого; не спрашивай также, почему молоко продается такъ дешево, почему телятина упала въ цѣнѣ... Ѣшь и молчи". Пріѣзжій свято исполнялъ завѣтъ пріятеля, — но отъ „нонишнихъ временъ" и послѣдствій ихъ не уберегся. Крестьянамъ онъ остался подозрителенъ. Однако, все рѣшилось для нихъ въ такой формѣ: „какой-то баринъ", „худого не видимъ". „а въ случаѣ ежели — на то у насъ есть начальство". Начальство, конечно, не заставляетъ себя ждать. Оно, въ лицѣ урядника, распоряжается о надзорѣ. Урядникъ говоритъ старостѣ:

— А ты того... между прочимъ... поглядывай тамъ... въ случаѣ ежели что... или что-нибудь тамъ... такъ ужъ ты, тово... соваться не суйся, а посматривай...

Само собою разумѣется, что староста, также по своему понимающій „нонишнія времена", сталъ поглядывать, а когда ему на цѣлую недѣлю пришлось отлучиться въ Петербургъ съ сѣномъ, то онъ, помня приказаніе „поглядывать", пошелъ къ лавочнику, своему сосѣду, и сказалъ ему:

— Подикось сюда, Михѣй Кузьмичъ, на парочку словъ...

— Чего надыть?

— Теперича требуется мнѣ въ городъ по дѣламъ отлучиться, такъ ты ужъ того... Насчотъ барина урядникъ сказывалъ мнѣ... не то что-либо какъ, а такъ, въ случаѣ ежели. Времена нонѣ самъ знаешь какія! Ну, такъ вотъ урядникъ и сказывалъ, чтобъ поглядывать.

— Чего поглядывать?

— Да что ты? Оглохъ, что ли? Я говорю насчотъ барина... Урядникъ сказывалъ, въ случаѣ, говоритъ, ежели — не какъ-нибудь соваться или что-либо прочее, а больше ничего, что касаемое по нонѣшнему времени... поглядывать.

— За бариномъ?

— Ну, да... Объ чемъ же я говорю?

— Ну, ладно.

— Ужъ ты, тово, поакуратнѣй.

— Ну, ладно.

Лавочникъ, тоже уѣзжая въ городъ, передалъ барина „курляндцу“ и т. д. И все это еще ничего бы, еслибъ дѣло оставалось все въ томъ же положеніи. Ну, „поглядывали“ бы и присматривали бы—и только; но вѣдь извѣстно, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и вся эта подглядывательная возня оканчивается для притерпѣвшагося „къ нонѣшнимъ временамъ“ пріѣзжаго совсѣмъ нехорошо и могла бы окончиться и еще хуже. Дѣло въ томъ, что въ деревню является какой-то негодяй, пожелавшій разыграть роль начальства и потому заявившій, что онъ — „агентъ“. Авторъ выясняетъ, что нынѣ слово это — всепобѣждающее слово, и приводитъ очень характерные примѣры. Назвавшій себя агентомъ поступилъ такъ, главнымъ образомъ, для того, чтобъ имѣть кредитъ въ трактирѣ; онъ заявилъ, что ищетъ двоихъ подозрительныхъ. Ему указали на знакомаго автора. Негодяй составилъ протоколъ, разбудилъ сельскаго старосту и потребовалъ печать, которую и *получилъ немедленно*. Онъ могъ бы этотъ протоколъ съ печатью-то представить куда слѣдуетъ, дѣйствительно попасть въ агенты, и что̀ было бы съ отдыхающимъ въ деревнѣ? Къ счастью, дѣло разоблачилось, и „агентъ“ попалъ въ холодную.

Староста, оставшійся въ дуракахъ, приходитъ къ автору и винится. Нужно сказать, что „отдыхающій“ и жилъ у этого самаго старосты, которому авторъ же рекомендовалъ жильца. „Какъ же не стыдно вамъ, Миронъ Иванычъ, дѣлать такія гадости!“ говоритъ ему авторъ. Но староста не понимаетъ, что̀ тутъ гадкаго.

— Вить... (онъ высоко поднялъ плечи, растопырилъ руки и говоритъ шепотомъ) вить... агентъ!

— Какой же агентъ? Вы видите, что просто прохвостъ какой-то... И вамъ не стыдно было не разспросить его, кто онъ такой, зачѣмъ, откуда взялся.

— Вить тайный онъ... вить онъ говоритъ: я, говоритъ, агентъ... Я такъ весь и задрожалъ... Печать! Я и далъ... Вѣдь, вы тоже подумайте: намъ отвѣчать, въ случаѣ, ежели что касаемое...

— Что̀ такое? Что̀ такое касаемое? Отчего вы документъ у него не спросили? Вѣдь, эдакъ, придетъ къ вамъ, кто хочетъ, назовется агентомъ, потребуетъ, что захочетъ, вы такъ ему и отвалите?

Миронъ Иванычъ молчалъ, пожимая плечами, разставлялъ руки и бормоталъ:

— Нѐшто мы что? Мы—что̀ намъ скажутъ... Обязаны не ослушаться.—Говоритъ, тайный я... мы...

— Ну, а если бы,—перебилъ я его:—агентъ этотъ сказалъ вамъ такъ: я агентъ; приказано взять у тебя каурую кобылу... Вы тоже бы не ослушались?

Слово „кобыла“ мгновенно, какъ нашатырный спиртъ, освѣжило его... Ему стало совершенно ясно, до какой степени онъ глупъ и даже подлъ.

— Мало мнѣ пятисотъ палокъ за это! — вдругъ совершенно бодро и вполнѣ сознательно воскликнулъ онъ...

Возможность утратить кобылу—вотъ что̀ отрезвляетъ мужика. Онъ знаетъ, что по „нонѣшнимъ временамъ“ жилецъ его и въ Сибирь могъ попасть, но это его не касается; вотъ кобыла — другое дѣло. Такъ отражается на немъ „власть земли“...

Эта грустная картина деревенской жизни, представляющая арену глубокаго трагизма, прикрытаго комическими формами, въ продолженіе очерка вырастаетъ въ картину настоящаго трагизма, а именно, передъ нами „свои средствія“, къ которымъ мужикъ прибѣгаетъ въ отношеніи тѣхъ, къ кому онъ чувствуетъ недовѣріе. Авторъ разсказываетъ, напримѣръ, слѣдующее:

Шолъ онъ съ пріятелемъ по полю и наткнулся на такое зрѣлище: на большой гладко выкошенной полянѣ огромный, сажень въ пятьдесятъ, стогъ сѣна, а саженяхъ въ трехъ отъ этого стога горитъ костеръ; отъ костра же проведена ясно видная дорожка кое-какъ набросаннаго сѣна по направленію къ стогу. Вблизи никого. Очевидное намѣреніе поджечь сѣно. Пріятель, опытный въ дѣлахъ этого рода, поясняетъ автору, что вся эта штука относится къ „своимъ средствіямъ". Дѣло оказывается вотъ въ чемъ:

„Сѣно, которое мы видѣли передъ собою и около котораго былъ неизвѣстно кѣмъ разведенъ огонь, принадлежало мѣстному старостѣ. Староста этотъ, полтора года назадъ, былъ обыкновенный, заурядный мужикъ-хлѣбопашецъ; но какъ только его выбрали въ старосты и какъ только въ рукахъ у него стали оказываться общественныя деньги (подати, страховые сборы, взысканія по роспискамъ и т. д.), онъ немедленно же сталъ выходить въ люди обыкновеннымъ деревенскимъ порядкомъ: скупитъ сѣно по нуждѣ у сосѣдей-односельчанъ, перепродастъ вдвое—и подати внесетъ, и въ карманъ положитъ; оставшись безъ сѣна, крестьяне начинаютъ ему же продавать скотину, которую нечѣмъ кормить (дешевая говядина, дешевая солонина); онъ покупаетъ и перепродаетъ, и опять кладетъ деньги. Оставшись безъ скотины, продаютъ ему же и землю, на года, за безцѣнокъ—и землю онъ беретъ; а такъ какъ безъ земли, безъ сѣна и безъ скотины дѣлать крестьянину нечего, то онъ идетъ къ разживающемуся старостѣ въ работники. Пашетъ свою же пашню на своей скотинѣ и т. д. Все это весьма обыкновенно, все это *ужасно* въ смыслѣ разстройства массъ (главнымъ образомъ, нравственнаго) и все это идетъ буквально въ каждой деревушкѣ".

Въ этой обыкновенной исторіи характерно то, что народъ совершенно ничѣмъ не охраненъ отъ покушеній на его благосостояніе. „Свои средствія", опасныя сами по себѣ, еще болѣе опасны для будущаго въ томъ смыслѣ, что разлагаютъ нравственныя основы жизни, несмотря на „власть земли", и возводятъ въ постоянный факторъ жизни произволъ

и самоуправство — „свой судъ". Имѣете ли вы понятіе о принципѣ: „по крайности никому"?

Этотъ удивительный „принципъ" общественной жизни, возникшій на почвѣ деревенской неурядицы, необычайно характеренъ. Есть, напримѣръ, во владѣніи барина „спорный" кусокъ лѣса, дожидающійся „исправленія границъ". Крестьяне, конечно, не ждутъ этого, теряющагося въ далекомъ будущемъ, исправленія границъ, и считаютъ, во-первыхъ, лѣсъ своимъ, а во-вторыхъ, хозяйничаютъ въ немъ цѣлую зиму. Возникаетъ тяжба, въ которой „барину" оказывается не подъ силу борьба съ кулаками и мужиками; ему приходится даже приплатить нѣчто крестьянамъ. Съ досады баринъ продалъ лѣсъ за безцѣнокъ на срубъ — „пусть-де никому не достается, не мнѣ, такъ и не вамъ". — „Никому" — лучше всего: никто не обиженъ, всѣ остаются въ дуракахъ, въ убыткѣ и въ нуждѣ — вотъ рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, „чисто русское изобрѣтеніе"! Такъ рѣшилъ баринъ. А теперь вотъ дымъ и гарь несутся съ той стороны. „Ужь не порѣшили ли и мужики на томъ же?" думается автору. И почему же, дѣйствительно, и мужикамъ не сказать: „пусть ужь лучше никому — не намъ, такъ и не вамъ". И вотъ, горятъ лѣса, горятъ стога сѣна. „Смотришь на это и боишься", замѣчаетъ авторъ.

Очеркъ изъ деревенскаго дневника Успенскаго „Не случись" останавливаетъ вниманіе читателя на одномъ изъ тѣхъ явленій и свойствъ народной жизни, которыя по настоящему должны бы лечь въ основаніе разумныхъ отношеній къ деревнѣ. Авторъ напоминаетъ и характеризуетъ одинъ довольно извѣстный уголовный процессъ по обвиненію трактирнаго служителя въ убійствѣ „гостя", съ корыстною цѣлью. Вотъ характеристика убійцы:

„Всего замѣчательнѣе въ этомъ процесѣ — это, разумѣется, личность самого убійцы — несчастнѣйшаго Ивана Горюнова. Воистину, не даромъ судьба надѣлила его такимъ именемъ и фамиліей. „Господинъ" „приказалъ" прибить въ нумерѣ задвижку, Иванъ Горюновъ взялъ молотокъ и исполнилъ приказаніе, а утромъ, черезъ нѣсколько часовъ, исполнилъ этимъ же молоткомъ другое.... почти приказаніе хозяина — убилъ этого

самаго господина. За часъ, за нѣсколько мгновеній до убійства, у него и мысли не было объ убійствѣ; сторублевая бумажка ставитъ его въ недоумѣніе: „какъ же теперь быть?" Ему говорятъ—какъ, и онъ дѣлается убійцей, онъ бьетъ молоткомъ господина по головѣ съ такимъ же точно покорнымъ настроеніемъ „слуги", какъ бы подавалъ на столъ порцію солянки или прибивалъ задвижку. „Какъ же тутъ быть?"—говоритъ онъ, и вы видите, что еслибъ ему было сказано, какъ быть: „возьми, да отдай сдачу", такъ онъ бы и не былъ убійцей и отдалъ бы сдачу. Зачѣмъ онъ убиваетъ—неизвѣстно. Деньги онъ отдалъ хозяину, а самъ получилъ немного мелочи. Ему когда-то сказали: „Дуракъ будешь"—и онъ думалъ, что не дуракъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Самъ онъ не знаетъ доподлинно, глупо или умно грабить и убивать, и потому спрашиваетъ у „хозяина": „Какъ же теперь быть?" Онъ, *самъ лично*, дѣйствительно, не имѣетъ понятія о томъ, что̀ умно, что̀ глупо, кто дуракъ, кто **уменъ, что̀ хорошо, что̀ дурно**".

Всѣ дальнѣйшія иллюстраціи автора сводятся къ разъясненію этой *случайности* большинства преступленій, за отсутствіемъ настоящихъ, сознательныхъ и дѣятельныхъ представленій о правахъ и обязанностяхъ человѣка, о нравственныхъ основаніяхъ общественночеловѣческой жизни, дать которыя безсильна оказалась власть земли. „Не случись" разныхъ обстоятельствъ, и Горюновъ не былъ бы убійцей, потому что ни въ его натурѣ, ни въ его мысляхъ не было ничего, побуждавшаго къ такому насилію надъ личностью человѣческою; но зато въ нихъ не было и ничего достаточно сильнаго, что̀ могло бы сознательно помѣшать несчастному результату. Глубоко вѣрное наблюденіе надъ жизнью народной! И это свойство нашего народа не составляетъ его исключительной принадлежности, а сопутствуетъ всѣмъ людямъ на извѣстной ступени ихъ нравственнаго и умственнаго развитія.

То, что̀ мы назвали отношеніемъ писателя къ будущему, къ идеаламъ будущаго, у Глѣба Успенскаго нѣсколько неопредѣленно. Любовь къ народу, нерасположеніе къ чиновнической интеллигенціи, указаніе на несправедливости эконо-

мическаго строя—вотъ общіе признаки времени, съ которыми мы имѣемъ дѣло. И если Успенскій дошелъ до преувеличенныхъ представленій о „власти земли", то онъ лишь послѣдовательно провелъ общія ошибки нашего времени. Очевидно, Успенскій принадлежитъ къ „непосредственнымъ орудіямъ" общественнаго самосознанія, какими были,—въ большей степени только,—и Гоголь, и Пушкинъ, и другіе. Но самосознаніе ведетъ только къ выработкѣ идеаловъ, а не даетъ ихъ. И если бы Успенскій точно такъ же ушелъ въ мистицизмъ, какъ и Гоголь, его заслуги въ литературѣ оттого не уменьшились бы, какъ не стали „Мертвыя души" и „Ревизоръ" хуже оттого, что Гоголь высказалъ далеко не всегда гуманныя воззрѣнія въ „Перепискѣ съ друзьями".

У насъ принято думать, что литература наша идетъ въ смыслѣ идеаловъ, выражавшихся въ ней, далеко впереди общественной жизни. Это разстояніе, это „далеко", гораздо меньше, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Въ нашемъ умственномъ обиходѣ гораздо больше гуманныхъ идеаловъ, *замятыхъ* и безпочвенныхъ немножко, чѣмъ ихъ въ состояніи провести *развивающаяся изъ жизни* литература. Мы знаемъ, какъ идеалы Гоголя были ниже тѣхъ, которые въ его же произведеніяхъ находило общество, черпавшее ихъ изъ другихъ источниковъ. Глѣбъ Успенскій, какъ и многіе наши большіе писатели, не составляетъ исключенія: онъ, повторяемъ, „непосредственное орудіе" общественнаго самосознанія.

(1883).

ВОЛЕЙ-НЕВОЛЕЙ.

1.

Очеркъ Гл. Успенскаго „Волей-неволей" выдвигаетъ на сцену старый вопросъ о русскомъ „народничествѣ", защищаетъ народничество *вообще* отъ нападеній на него. Чтобы правильно понять и автора, и мысли, проводимыя имъ, необходимо разобраться въ многоразличныхъ отношеніяхъ, въ которыя стало „народничество", и которые оно само, отчасти

намѣренно и сознательно, смѣшиваетъ. И только многосторонне разобравшись, можно до извѣстной степени оріентироваться и понять, чей сторонникъ или противникъ Успенскій,—такъ перепутаны и затемнены различныя современныя понятія въ вопросѣ о народѣ и о его роли въ ближайшихъ задачахъ русской исторической жизни.

Между тѣмъ, — странно сказать это по отношенію къ г. Успенскому,—дѣло вертится на нѣкоторомъ недоразумѣніи и, по нашему мнѣнію, Успенскому нѣтъ никакой надобности быть противникомъ, наприм., „либераловъ", и все это будетъ ясно, какъ только сѣтованія Успенскаго мы сопоставимъ съ фактами дѣйствительности.

Читатель припомнитъ, что, въ очеркѣ Успенскаго, Тяпушкинъ ѣздитъ изъ города въ деревню и изъ деревни въ городъ, повинуясь непреоборимой потребности бѣжать отъ какой-то странной, всю жизнь заполонившей безтолковщины и чувствуя необходимость „разобраться въ своихъ душевныхъ непорядкахъ" и узнать, что̀ надо дѣлать. Потомъ онъ разсказываетъ о забытыхъ имъ стремленіяхъ отыскать „руководящую нить" и о средствахъ, употребленныхъ съ этой цѣлью. Тутъ мы узнаемъ, что безплодны были поиски нашего героя „въ самыхъ прославленныхъ органахъ руководящей прессы"; въ концѣ-концовъ ему пришлось взяться за старое и испытанное, чисто русское, „чисто народное" средство: „поискать *человѣчка*" и „поразспросить". Такъ нашъ герой и поступаетъ.

Припомнился ему одинъ старый, давнишній знакомый, отличающійся умѣньемъ „отзываться на все" и дѣлать только то, что̀ слѣдуетъ. Авторъ прекрасно обрисовываетъ, художественно воспроизводитъ передъ читателемъ типъ всѣмъ намъ тоже давнишняго знакомаго, умѣющаго „*на все* отзываться" т.-е., попросту говоря, практическаго и лукаваго проходимца, ловко подмѣчающаго „вѣянія времени" и вѣчно, подобно флюгеру, поворачивающаго носъ по вѣтру глядя. Герой нашъ отправляется къ этому „человѣчку", чтобы узнать, „чѣмъ пахнетъ", потому что по газетамъ рѣшительно ничего понять невозможно"... Пошелъ, и дѣйствительно узналъ, что „теперь не то". Тутъ авторъ прелестно очерчиваетъ, какъ

по вѣяніямъ времени у человѣчка квартира была въ надлежащемъ „нигилистическомъ“ безпорядкѣ и какъ „просты“ были отношенія семьи. На этотъ разъ, теперь—все было уже новое: самоваръ вычищенъ, „народъ“ не въ модѣ, книга уже другая, именно: „Пѣснь торжествующей любви“. А спустя нѣсколько времени и „человѣчекъ“, и его жена, и все кругомъ толковало: „Мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ—нѣтъ! Бога ради! Довольно! довольно! довольно!... Позвольте и намъ, и намъ, и намъ!...“ И куда бы ни совался нашъ Тяпушкинъ, всюду онъ встрѣчалъ протестъ противъ того, что „отъ мужика не стало проходу“... все говорило: „довольно, пора и намъ!“

И вотъ господину Тяпушкину стало думаться: ужъ и вправду не мѣшалъ ли въ послѣднія двадцать пять лѣтъ намъ что нибудь дѣлать мужикъ и ложный взглядъ на него? Герой нашъ взялся за факты, и пришелъ, разумѣется, къ полному отрицанію этого взгляда. Ему совершенно ясна стала невиновность „мужика“ и „ложнаго взгляда на него“—и въ томъ, что „новая эра началась увеличеніемъ въ двадцать разъ ввоза шампанскаго и опереточныхъ актрисъ“, и въ томъ, что „на нихъ были просажены выкупныя свидѣтельства, потомъ лѣса и земли“, и въ томъ, что настала эра хищеній и пр. и пр. Перебирая факты нашей общественной и литературной жизни, авторъ нашъ (или герой—если хотите) приходитъ къ совершеннѣйшему отрицанію какой-либо помѣхи въ ложномъ взглядѣ на мужика какъ „собираться черезъ каждые три года и по уѣзднымъ и по губернскимъ городамъ для вотированія прибавки къ жалованью господина становаго пристава и для выраженія по всѣмъ прочимъ вопросамъ какихъ-то необыкновенныхъ „безпредѣльныхъ“ „чувствъ“, такъ и „каѳедральнымъ протопопамъ увѣщавать насъ шествовать безбоязненно по предначертанному пути, напоминая намъ, что мы потомки предковъ, что предки были древле краеугольными камнями“ и т. д.

Въ литературѣ же, по мнѣнію автора (или героя), о мужикѣ сравнительно очень мало говорилось, и въ то время какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Гончаровъ описывали совсѣмъ не мужика, очеркъ изъ мужицкой жизни—„ничто-

жное, неуклюжее созданіе, которое никто не читаетъ"—ужъ конечно не могъ „не давать проходу". „Мужикъ со всею своею литературою—капля въ морѣ литературы, ежедневно доставляющей читателю... удовольствіе", говоритъ авторъ. А между тѣмъ *рѣшительно вездѣ*, и даже въ литературѣ увеселяющей, ему слышится все тотъ же вопль: „мужикъ задушилъ! довольно!" Тотъ же крикъ и „въ одной изъ газетъ, физіономія которой была до послѣдней степени прилично вымыта и выбрита"...

Авторъ понимаетъ всю ложь воплей и убѣждаетъ и себя, и читателя, что „нѣтъ, не мужикъ измучилъ, истомилъ и задушилъ насъ полушубкомъ"... „Ни одинъ писатель (иронизируетъ авторъ) еще не кричалъ, что мужикъ задушилъ его своей услужливостью по части черной работы", — „такому мужику всѣ рады"... И авторъ приходитъ въ концѣ-концовъ къ заключенію, что „кричимъ мы вовсе не отъ мужика, а отъ той „язвы правды", которую мужикъ возбуждаетъ въ нашемъ сознаніи"... „А намъ хотѣлось бы *жить* „ошибаясь", заблуждаясь, какъ жили „прочіе"... Словомъ, въ этихъ крикахъ о мужикѣ, задушившемъ насъ" и котораго довольно, авторъ видитъ простое желаніе увильнуть отъ свѣта правды, отъ совѣсти...

Мы привели достаточно извлеченій изъ очерка Успенскаго, чтобы уже совершенно ясно и опредѣленно формулировать его главнѣйшую мысль слѣдующими словами: всякое отрицаніе народничества въ литературѣ исходитъ изъ побужденій избѣжать „язвы правды". Авторъ недаромъ говоритъ постоянно не о „народѣ" только, а о „ложномъ взглядѣ на народъ", въ чемъ и состоитъ суть нападеній на народничество изъ такъ называемаго „либеральнаго" лагеря. Очевидно авторъ хочетъ сказать: пусть мы ошибаемся въ народѣ, пусть нашъ взглядъ невѣренъ,—оставьте насъ заблуждаться; это никому не мѣшаетъ; а если вы нападаете, такъ только для того, чтобы скрыться отъ „язвы правды". И вотъ мы теперь стоимъ въ нѣкоторомъ неудомѣніи, примѣнять ли этотъ общій взглядъ автора и на искреннѣйшихъ противниковъ современнаго народничества. Неужели же и они, ратуя противъ „лож-

наго взгляда на народъ", искали только скрыться отъ язвы правды? Мы приходимъ къ необходимости сдѣлать нѣсколько разъясненій.

Прежде всего намъ слѣдуетъ сказать, что очеркъ Успенскаго удивительно образно, рельефно, выразительно, словомъ— художественно передаетъ, воспроизводитъ цѣлый циклъ явленій нашей жизни. Дѣйствительно, среди поднявшихъ теперь голову элементовъ общества есть тѣ самые противники народничества, которыхъ съ такою безпощадною правдою разоблачаетъ авторъ. И если бы авторъ стоялъ въ своемъ очеркѣ на почвѣ чисто беллетристической, онъ вѣроятно съ еще большей силою оттѣнилъ бы свойства и значеніе этихъ отрицателей народничества. Недаромъ, съ чутьемъ художника, авторъ началъ свое разъясненіе типомъ всероссійскаго прохвоста, „умѣющаго на все отзываться": въ прохвостничествѣ, въ своекорыстіи (а не въ боязни „язвы правды") причина криковъ „довольно мужика!"— въ устахъ „человѣчковъ", изображаемыхъ авторомъ. Но авторъ не остался на благодарной почвѣ беллетриста, воспроизводящаго явленіе жизни: это явленіе онъ торопливо обобщилъ и распространилъ на благороднѣйшія мысли и побужденія, имѣющія корень не въ боязни какой-то „язвы правды", а въ глубокой вдумчивости въ сложныя жизненные явленія, допускающей быть можетъ ошибки, но исключающей сознательное и безсознательное своекорыстіе. Обобщая, подводя подъ одинъ низменный уровень совершенно различныя, хотя внѣшнимъ образомъ и имѣющія сходство, теченія общественной мысли, авторъ естественно не могъ не исказить и фактовъ, потому что безнаказанно нельзя навязывать жизни предвзятый взглядъ.

Дѣйствительно, посмотрите, сколько невѣроятнаго въ фактахъ, передаваемыхъ авторомъ, и въ ихъ освѣщеніи. Авторъ увѣряетъ, что народническая литература — капля въ морѣ литературы какой-то иной; но это неправда: за послѣднія 20—25 лѣтъ народная литература получила совершенное преобладаніе. Кто выдался изъ писателей этого времени? Помяловскій, Левитовъ, Успенскій, Златовратскій, Рѣшетниковъ... А Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій и пр.—молчали

или оставались незамѣчаемыми. Мы только констатируемъ фактъ, несомнѣнный фактъ. Отраденъ онъ или нѣтъ и заслуживаетъ ли восклицанія: „довольно мужика!“—вопросъ совершенно иной; но только, очевидно, авторъ не правъ. Еще менѣе правъ онъ, утверждая, что „ложный взглядъ на народъ“ не мѣшалъ и не могъ будто бы мѣшать ничему. Нѣтъ, „ложный взглядъ“ очень мѣшалъ и мѣшаетъ,—онъ вводитъ застой въ нашу жизнь, и авторъ показалъ бы гораздо больше справедливости, если бы призналъ за нѣкоторой частью противниковъ народничества не боязнь „язвы правды“, а честное и искреннее стремленіе служить интересамъ народа, будущему родины—конечно по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Прочитайте, напр., заключительныя строки одной статьи:

„Собственно народническая публицистика“, говоритъ она, „затеряла ясныя общественно-политическія понятія и впала въ такія неловкости, что *иногда говорила въ одинъ голосъ съ злѣйшими врагами не только общественной автономіи, но и самого народа* (вотъ примѣръ, какъ не безобиденъ „ложный взглядъ“ на народъ!). Укажемъ только двѣ существенныя ошибки, повторяющіяся у большинства народническихъ писателей: во-первыхъ, недостаточное вниманіе къ исторіи русскаго общества и народа...; во-вторыхъ, странное представленіе объ „европейской цивилизаціи“... подъ которой они понимали иной разъ „новѣйшія выдумки экономической эксплуатаціи...“ (еще разъ доказательство небезобидности „ложнаго взгляда“ на народъ). Кто не согласится, что въ этихъ словахъ не мало правды, такъ ярко сказавшейся фактами еще въ недавнемъ прошломъ нашей общественной жизни?

Въ концѣ-концовъ относительно очерка Успенскаго мы должны придти къ такому заключенію: онъ чрезвычайно характеристиченъ и рѣзкими чертами передаетъ отношеніе къ народничеству начавшейся разнузданности личныхъ инстинктовъ, но къ сожалѣнію онъ совершенно не выдѣляетъ, а напротивъ смѣшиваетъ съ этими инстинктами честныя и глубоко сознательныя направленія мысли, противныя *современному узкому* народничеству. И если въ первомъ отношеніи очеркъ восхищаетъ насъ, то послѣднимъ онъ возбуждаетъ невольное опа-

сеніе, что многіе читатели, недостаточно знакомые съ вопросомъ, да неимѣющіе и времени на ближайшее знакомство съ нимъ, ложно поймутъ г. Успенскаго и, подъ вліяніемъ его авторитета, заклеймятъ недовѣріемъ то, что̀ заслуживаетъ искренняго и глубокаго уваженія.

Односторонніе заключенія, къ которымъ пришелъ въ своихъ размышленіяхъ Тяпушкинъ, вышли такими отъ странности самой исходной точки. Чтобы имѣть право дѣлать всѣ его выводы, слѣдовало обратиться не къ плутоватому „человѣчку", а, положимъ, къ хорошему и живому историку русской общественной жизни, къ г. Dixi.

Какъ извѣстно, „понятія о народѣ", которыя столь безразличны кажутся Тяпушкину, вывели на сцену вопросъ о бренности „интеллигенціи", о мечтательности ея идеальничанья и о идеальности ея мечтаній, а вообще о ея негодности и потому о необходимости народной политики и „настоящаго дѣла". Этому послѣднему, т.-е. „настоящему дѣлу", и посвящены грустныя и саркастическія размышленія русскаго знаменитаго сатирика, конечно не могшаго скрыться за четырьмя латинскими буквами. Въ жолчной усмѣшкѣ сатирика, съ которой онъ, подобно г. Успенскому, ищетъ „настоящаго дѣла„, есть нѣчто и безнадежное, и въ то же время ободряющее: не безсильны еще идеи въ странѣ, гдѣ такъ умѣютъ еще клеймить пошлость и ложь. И если теперь многіе, восклицавшіе: *sursum corda* („горѣ имѣемъ сердца!"), озабочены тѣмъ, чтобы ихъ возгласы были преданы забвенію, то г. Dixi и всѣ, честно служащіе слову, еще не забыли *sursum corda*! и ежеминутно будятъ этимъ восклицаніемъ усталыя сердца.

2.

Всегда искренній и глубокій, Гл. Успенскій передаетъ съ удивительной правдой вліянія, которыя пришлось испытать каждому живущему теперь и дѣйствующему россіянину, съ момента своего появленія на свѣтъ Божій. Въ одной газетѣ недавно при случаѣ было ввернуто *кстати* нѣсколько словъ о „болѣзненномъ развитіи нашей худосочной интелли-

генціи"; къ сожалѣнію, о причинахъ „болѣзненнаго развитія" тамъ ничего сказано не было. Вліянія, о которыхъ говоритъ Гл. Успенскій, могли бы пояснить нѣчто. Но обратимся къ герою „отрывковъ" Успенскаго, Тяпушкину, и его жизни. Тяпушкину пришлось вынести на своемъ еще дѣтскомъ сердцѣ самыя „подлинныя" условія русской жизни. Онъ думаетъ, однако, что во всѣхъ вынесенныхъ имъ на себѣ вліяніяхъ не было ничего такого, чего бы не испыталъ и не пережилъ всякій россіянинъ. „Воспитавъ себя, положимъ, на произведеніяхъ европейскихъ мыслителей и проникнувшись уваженіемъ къ собственному человѣческому достоинству, привыкнувъ уважать въ себѣ „человѣка", цѣнить свое „я", говоритъ Тяпушкинъ, „человѣкъ этотъ (русскій), однакожъ, никоимъ образомъ не можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ подлиннѣйшаго знакомства съ постановкой вопроса о человѣческомъ достоинствѣ у насъ, на Руси, на улицѣ, такъ какъ"... Авторъ представляетъ и нѣсколько примѣровъ, когда человѣческое достоинство русскаго человѣка состоитъ въ прямѣйшей зависимости отъ двугривеннаго и болѣе, при чемъ если онъ не дастъ, такъ его человѣческое достоинство будетъ попрано, а дастъ,—такъ тотчасъ же и во всѣхъ отношеніяхъ окажутся изобильнѣйшія права. Но самому Тяпушкину пришлось перенести эти вліянія, принять ихъ на свою шкуру и душу, безъ послабленія, безъ снисхожденія, безъ какихъ бы то ни было мягкихъ подстилокъ. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ даетъ картину жизни и воспитанія не особенно рѣдкую, но поражающую гибельною силою вліяній, отравляющихъ молодую душу. Трудно передать весь ужасъ, который принималъ въ свою душу ребенокъ Тяпушкинъ въ самую пору душевнаго расцвѣта. Его отецъ, рано овдовѣвшій сельскій священникъ, переходитъ въ священники при острожной церкви. Ребенокъ очутился въ непосредственной близости къ жизни острога, кладбища, расположеннаго невдалекѣ, и „сумасшедшаго дома", тутъ же рядомъ. Какія впечатлѣнія! А по временамъ они усложняются, доходятъ до невѣроятной жестокости. Прочитайте, напр., слѣдующему сцену. Ночь. Кто-то стучитъ въ окно.—„Кто тамъ?" спрашиваетъ отецъ —„Ваше благосло-

веніе, къ „скрозь строю“ пора“. Отецъ встаетъ, начинаетъ метаться по комнатѣ, охая, восклицая: „Боже мой, Боже мой!“ читая молитвы, трясясь и трепещущими руками завертывая въ епитрахиль св. дары, крестъ... Боже мой, Боже мой!“ Наконецъ отецъ уходитъ.

„Я слышу, разсказываетъ Тяпушкинъ, какъ онъ шлепаетъ подъ окнами, по грязи, какъ онъ вздыхаетъ, слышу его „Боже мой, Боже мой!...“ и лежу въ ледяномъ ужасѣ... Тьма и тишина... Кухарка спитъ, но я не могу сомкнуть глазъ—они широко раскрыты, а чуткость слуха достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ мертвой тишины, по удаленіи отца, я слышу какой-то окрикъ—это опять невѣроятнымъ голосомъ что-то командуетъ офицеръ, и голосъ этотъ теперь съ просонка и холода звучитъ особенно ужасно. Еще звукъ: это звякнули ружья... еще—заскрипѣли ржавыя ворота... „Выводятъ“ съ ужасомъ думаю я... Если потребовали отца, стало быть будетъ что-то ужасное... Наконецъ настаетъ дѣйствительно мертвая, невозмутимая тишина, но слухъ мой не мирится съ нею, онъ наполняетъ ее ужасными звуками: они доносятся издалека, изъ-за кладбища... я слышу глухой, точно въ глубинѣ земли зарытый звукъ барабана, звукъ не прерывающійся... а рядомъ съ нимъ тянется протяжный непрерывный, жалобный крикъ крошечнаго ребенка... Нѣтъ! это не ребенокъ кричитъ, это тотъ... Это огромный какой-то кричитъ дѣтскимъ голосомъ... Боже мой, гдѣ мой отецъ? А барабанъ стучитъ подъ землей долго-долго“.

Въ такихъ впечатлѣніяхъ, „исторгающихъ самую мысль о какихъ-то достоинствахъ и „правахъ“ личности“, Тяпушкину пришлось провести самые рѣшающіе годы. Мы привели здѣсь страшную сцену, наиболѣе выдѣляющую свойства среды, въ которой жилъ юноша, и вліянія, какія она могла дать. Но авторъ приводитъ ихъ не мало. Вотъ помѣщикъ, распоряжающійся волею тысячъ людей, наконецъ сжегшихъ всю свою деревню съ тѣмъ разсчетомъ, что „сожги барина—насъ же заставятъ строить, а какъ мы себя изведемъ, такъ съ чего онъ возьметъ!“. Вотъ инспекторъ, вводящій „номерки“ къ

платьямъ учениковъ изъ любви къ порядку и тиранящій за всякій поступокъ по отношенію къ этимъ номеркамъ.

Читатель, впрочемъ, видитъ, что дѣло не въ номеркахъ, а въ свойствахъ между-человѣческихъ безчеловѣчныхъ отношеній, какія всюду открывалъ глазъ еще неопытнаго, подраставшаго юноши. Все въ этой жизни говорило о безсердечіи, о ничтожествѣ человѣческомъ, о преступности и безсиліи личности. Тяпушкинъ вспоминаетъ о семейной жизни отца въ деревнѣ... но и въ ней все то же безчеловѣчіе, все та же безправность на обѣихъ сторонахъ. И авторъ, естественно, характеризуетъ всѣ эти жизненныя условія, какъ „подготовительныя къ атрофіи сердца". И какъ бы ни были эти „подлинныя условія" русской жизни смягчены богатствомъ, положеніемъ, связями, образованіемъ, сущность ихъ знакома каждому, по мнѣнію автора, и производитъ тотъ складъ душевный, въ силу котораго не слышишь человѣческаго голоса говорящаго: „мнѣ нужно", „мнѣ неудобно", а напротивъ постоянно только раздается: „возьмите насъ", „прикажите намъ!" И „вообще въ массѣ, говоритъ авторъ, въ необразованной и полуобразованной русской толпѣ слово „право" иногда означаетъ просто чортъ знаетъ что". Можно, конечно, сомнѣваться въ томъ, что перечисляемыя авторомъ общественно-психологическія явленія стоятъ въ той самой причинной связи, на которую указываетъ авторъ. Быть можетъ, именно потому, что слово „право" у насъ иной разъ означаетъ чортъ знаетъ что, т.-е. что понятія наши нелѣпы и безчеловѣчны, и возможны грубыя явленія жизни, развращающія дѣтскую душу, а не наоборотъ. Несомнѣнно одно: сумма фактовъ и ужасающихъ впечатлѣній въ жизни нашей отличается изумительно гнетущими свойствами.

Читатель согласится съ нами, что Гл. Успенскій обнаруживаетъ замѣчательную силу поэтическаго созерцанія нашей жизни и воспроизводитъ ея впечатлѣнія съ огромной силой. Но тотъ же читатель, вмѣстѣ съ нами, вѣроятно, не откажется признать весь очеркъ насколько цѣлостнымъ и полнымъ, настолько же и лишеннымъ крѣпкихъ непосредственныхъ связей съ очерками предыдущими, носящими то же самое

заглавіе. Конечно, все въ мірѣ во взаимной связи и зависимости, но только такая общая связь общественныхъ явленій и существуетъ между тѣми фактами, которые характеризуются въ очеркахъ прежнихъ, и между составляющими содержаніе очерка настоящаго. Авторъ же имѣлъ цѣлью показать, что „отзывающіеся *на все* люди, т.-е. эгоистическіе „оппортюнисты“, въ личной жизни являются неизбѣжнымъ результатомъ гнетущихъ условій, испытанныхъ Тяпушкинымъ. Да, несомнѣнно, что эти условія стоятъ среди причинъ, но они не единственная причина. Впрочемъ, авторъ, быть можетъ, и не хотѣлъ сказать этого.

(1884).

СКУЧАЮЩАЯ ПУБЛИКА.

Русская литература имѣетъ въ Гл. Успенскомъ оригинальнаго и симпатичнаго представителя чисто русскаго ума, здороваго и сильнаго, котораго не заманишь никакимъ журавлемъ въ небѣ, который не удовлетворяется словами и ищетъ въ жизни истиннаго, настоящаго дѣла. Было время, когда все общество наше, увлеченное реформами, съ преувеличенными надеждами смотрѣло впередъ, въ роковое будущее, когда лишь немногіе умѣли разгадать истинный смыслъ и значеніе знаменитаго „нашего времени желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ“; когда думалось, что были бы хорошіе законы и установленія, а частными исполнителями ихъ хоть прудъ пруди на всемъ пространствѣ обширнаго отечества нашего; когда, наконецъ, только люди базаровскаго типа смѣло и умѣло смотрѣли въ глаза суровой дѣйствительности и понимали, что „грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ“, что „ни одно предпріятіе не устраивается за недостаткомъ честныхъ людей“. Глѣбъ Успенскій, тогда еще молодой писатель, занялъ разумнѣйшее положеніе. Онъ не сталъ въ рядъ наивныхъ мечтателей, предпочитавшихъ отдаться надеждамъ вмѣсто того, чтобъ внимательнѣе вглядѣться въ совершающіяся явленія общественной жизни; но онъ не сталъ въ ряды и

скептиковъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія и съ разными цѣлями отрицавшихъ реформы. Какъ беллетристъ, онъ просто призналъ факты, и съ страстной преданностью народной идеѣ принялся за изученіе ново-образующейся, возникавшей въ новыхъ условіяхъ, дѣйствительности. Онъ мѣрилъ будущее и дѣятелей не реформами и лежащими въ ихъ основаніи гуманными идеями, а людьми, находящимися на лицо. Множество грустныхъ явленій нашей жизни онъ, естественно, долженъ былъ предвидѣть и предугадать. Чѣмъ дальше развивалась передъ нимъ новая русская жизнь, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе являлась она въ очеркахъ Успенскаго, черту за чертой воспроизводившихъ въ широкой картинѣ, изображавшей безчеловѣчіе, съумѣвшее быстро оріентироваться въ новыхъ условіяхъ жизни, созданныхъ реформами, и подъ прикрытіемъ и подъ знаменіемъ гуманныхъ идей широко развернувшее свое разрушительное дѣло.

Въ разсказахъ и очеркахъ Глѣба Успенскаго читатель находитъ всю послѣдовательную исторію русскихъ разочарованій послѣдняго времени, всю исторію борьбы, завязавшейся между внесенными въ жизнь болѣе гуманными представленіями о междучеловѣческихъ отношеніяхъ съ одной стороны и эгоистическими инстинктами съ другой. Постоянная тема Гл. Успенскаго—удивительное и неожиданное превращеніе великодушнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ основъ жизни во что-то жалкое и нелѣпое, какъ скоро онѣ попадаютъ въ руки людей, въ руки дѣйствительности. Помните ли старуху, „умершую за направленіе безъ покаянія и причастія“? Помните ли, во что превратились хорошія, честныя стремленія молодого и сильнаго ума, еще считавшаго себя, да и въ самомъ дѣлѣ бывшаго практичнымъ, какъ скоро выводы его, направленные ко благу людей, стали предметомъ эксплоатаціи настоящихъ практическихъ русскихъ людей? Этотъ разсказъ, о которомъ мы говоримъ (*Умерла за „направленіе“*), характеристиченъ для всего Гл. Успенскаго. Его „Разоренье“, рисующее, какимъ разгромомъ отозвались идеи времени на русской дѣйствительности въ моментъ ихъ вступленія въ жизнь; его „Книжка чековъ“, показавшая, что

внесли въ русскую деревню „промышленное оживленіе“ и желѣзная дорога, имѣвшія въ виду выгоды мѣстности, а создавшія только истощеніе естественныхъ богатствъ ея,— все это лишь частныя картины большого общаго теченія нашей жизни послѣднихъ десятилѣтій.

Относясь, повидимому, критически къ „реформамъ“, къ практическому значенію ихъ въ жизни народа, Гл. Успенскій однакоже не консерваторъ, не обскурантъ, а горячій сторонникъ народнаго прогресса. Не въ реформахъ дѣло, а въ томъ, что̀ вносится въ жизнь народа подъ этимъ названіемъ. Весь смыслъ жизни, изображаемой Успенскимъ, между тѣмъ въ томъ именно и состоитъ, что подъ флагомъ народнаго блага, подъ флагомъ реформъ почти постоянно возникаютъ бѣдственныя явленія, истощающія народный умъ и народныя силы, вносящія умственный и нравственный развратъ въ народъ. Гл. Успенскій въ то же время не либералъ, не радикалъ,—всѣ эти шаблонировавшіяся названія не примѣнимы къ нему. Трудно представить себѣ умъ болѣе независимый и проницательный. Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ партій,— какъ художникъ, по крайней мѣрѣ; его внимательный анализъ одинаково поучителенъ для всѣхъ партій, и всякая изъ нихъ, если захочетъ, найдетъ въ немъ вѣскія возраженія противъ своей узкой прямолинейности, найдетъ поправки въ своемъ міровоззрѣніи. Обязательно не Успенскому вѣрить, а той жизни, тѣмъ фактамъ, которые изображаетъ онъ; не разсужденія его важны, а прошедшіе чрезъ его художественное воображеніе образы дѣйствительности. Успенскій, повторяемъ, независимъ и оригиналенъ. Въ немъ развито до высокой степени то свойство, которое зовется честностью мысли: ея не подкупишь ни интересами партіи, ни личными чувствами, всегда она представитъ истинный результатъ логическаго мышленія, будетъ ли онъ пріятенъ и удобенъ для самого автора, наоборотъ ли.

Успенскій—народникъ. Но вопреки такому опредѣленію, онъ настолько же не узкій поклонникъ народа, насколько истинный другъ его. А истинный другъ никогда не льститъ. Въ очеркахъ нашего автора народъ всегда является предме-

томъ только анализа и никогда не предметомъ сантиментальныхъ изліяній и романтическихъ характеристикъ. Правда, народъ Гл. Успенскаго не есть народъ самъ по себѣ, онъ не изображается, какъ у Левитова, чисто поэтически, безъ похвалы и осужденія, просто какъ огромный и многознаменательный фактъ; Успенскій всегда и непремѣнно подвергаетъ его особенному анализу, выдѣляетъ особыя черты его характера и ставитъ ихъ въ различныя жизненныя отношенія. Но этотъ пріемъ автора, какъ это всегда очевидно, не есть умышленный пріемъ и никогда не представляетъ подбора фактовъ для проведенія извѣстной тенденціи; онъ только органическое свойство таланта нашего автора, которому такъ уже свойственно смотрѣть на явленія жизни и такъ комбинировать ихъ въ своемъ умѣ и воображеніи. Глѣбъ Успенскій необычайно искренеъ и ни одной іоты въ его писаніяхъ нельзя отнести ни къ чему иному, какъ только къ честному стремленію постигнуть связь и взаимозависимость жизненныхъ явленій, понять истину и передать ее другимъ.

Очерки Успенскаго, озаглавленные „Скучающая публика", представляютъ новое звено въ длинной цѣпи представленій о современной русской дѣйствительности, созданныхъ авторомъ на основаніи внимательныхъ и проницательныхъ наблюденій. Здѣсь передъ вами все тотъ же общій мотивъ: печальная картина жизни, въ которой себялюбивые инстинкты человѣка, прикрываясь новѣйшими идеями, являются препятствіемъ для возникновенія общественнаго блага. Форма, въ которую облеклись мысли автора, какъ это обыкновенно и бываетъ у него, та, что передъ читателемъ становится простой русскій человѣкъ, на своихъ плечахъ выносящій вліяніе дѣйствительности, и вотъ онъ-то и сообщаетъ своимъ оригинальнымъ словомъ, какъ отразилось въ его сознаніи то или другое явленіе жизни.

Необходимо замѣтить, что такое лицо, передающее свои, путемъ чистой практики выработанныя, воззрѣнія, всегда есть у Успенскаго художественно созданный типъ, по которому читатель можетъ судить не только о томъ, какому извращенію подвергаются честныя по своей цѣли нововведенія въ

народной жизни, а также и о томъ, какъ отражаются они въ сознаніи людей той среды, для которой создаются эти нововведенія. И тутъ-то вотъ вы встрѣчаетесь съ русскимъ умомъ и русскимъ сердцемъ близко, можете изучать ихъ. Глѣбъ Успенскій — истинный художникъ. Типы, изображаемые имъ, о которыхъ говоримъ мы, такъ строго выдержаны и съ такой часто полнотой и рельефностью представлены, что читатель какъ бы видитъ ихъ и говоритъ съ ними. Обыкновенно всѣ черты нравственной и умственной физіономіи изображаемаго лица передаются его манерой говорить и мыслить, и потому легко представить, какъ оригиналенъ и типиченъ, какъ труденъ для передачи долженъ быть языкъ этого лица, какого большого таланта онъ требуетъ для своего воспроизведенія въ беллетристическомъ произведеніи. Въ этомъ отношеніи Глѣбъ Успенскій является неподражаемымъ мастеромъ. Для каждаго лица онъ дѣйствительно создаетъ свой собственный языкъ, выдающій душу и умъ говорящаго.

Языкъ нашего автора — удивительно оригинальный, характерный языкъ, неподражаемый и непереводимый, непередаваемый ни на какой другой языкъ; изъ него смотритъ чисто русская душа, русскій складъ мысли, какъ онъ существуетъ безъ „логической“ муштровки, стирающей всякую оригинальность. Читатель, слѣдя за мыслью изображаемаго лица, невольно поражается какими-то почти скачками, которыми она, повидимому, идетъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становится внутренняя логичность, часто удивительная проницательность и жизненность оригинальнаго ума, не приносимыя никакою логикою. Глѣбъ Успенскій принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые могутъ быть постигаемы только въ оригиналѣ и не поддаются передачѣ на другомъ языкѣ.

Въ „Скучающей публикѣ“ передъ нами именно два такихъ разговаривающихъ на пароходѣ типическихъ представителя простого русскаго ума, почему и самое произведеніе распадается на очерки: „Матеріалы, сообщенные фельдшеромъ Кузьмичовымъ“, и „Матеріалы, сообщенные купцомъ Таракановымъ“. Понятно, что содержаніе разсказовъ Успен-

скаго передать почти невозможно; но мы остановимся на нѣкоторыхъ, совершенно ясно вытекающихъ изъ нихъ, выводахъ и на нѣкоторыхъ посылкахъ, приводящихъ къ этимъ выводамъ, бросающимъ печальный свѣтъ на русскую жизнь.

Какъ фельдшеръ Кузмичовъ, такъ и купецъ Таракановъ представляются людьми, пораженными каждый своею мыслью, отъ которой каждый же изъ нихъ, подобно мономану, не въ силахъ отрѣшиться. Кузьмичовъ это—субъектъ, подвергшійся вліянію честныхъ взглядовъ на общественное дѣло, занесенныхъ въ глушь „молодымъ бариномъ", представившимъ для Кузьмичова поразительный контрастъ со „старыми господами", у которыхъ ему пришлось нѣкогда, еще во времена крѣпостного права, испытать далеко не гуманныя отношенія. И Кузьмичовъ поражается удивительнымъ отсутствіемъ общественныхъ, уже не говоримъ — стремленій, а хотя бы инстинктовъ среди женщинъ той среды, въ которой живетъ онъ. Онъ называетъ это „женскимъ вопросомъ", и женскій вопросъ для него только и существуетъ въ этомъ смыслѣ и въ этой формѣ. А между тѣмъ этотъ женскій вопросъ отражается на жизни фатальнымъ образомъ, всѣхъ онъ тащитъ на дорогу безмѣрнаго эгоизма.

Дальше тотъ же вопросъ растетъ и развивается. „Дамскаго полу много. Даже такъ много,—говоритъ Кузьмичовъ,—что, ей Богу, беретъ жалость: куда, думаешь, дѣнется весь этотъ народъ? У всѣхъ жены, и всѣ родятъ. И стрѣлочники, и телеграфисты, оффиціанты, повара, кондуктора, начальники станцій, депо,—у всѣхъ, у всѣхъ дѣти, и все больше дѣвочки... Мальчики и такъ, и сякъ, ну, а дѣвочки? Куда, позвольте узнать?"—„А мы-то?—отвѣчаетъ купецъ Таракановъ.—Слопаемъ! Это мы все счавкаемъ, сдѣлай милость... В—ссе!.."

Здѣсь мы сталкиваемся съ идеей-фиксъ купца Тараканова. Она принадлежитъ уже другой сферѣ, и состоитъ въ томъ, что и онъ, Таракановъ, и всѣ другіе идутъ стройнымъ шагомъ въ тюрьму, что всюду царствуютъ поражающая подлость, безсмысліе и безсердечіе, и только честному человѣку нѣтъ мѣста въ нашемъ обществѣ. Кузьмичовъ представляетъ

факты неурядицы своего „женскаго вопроса“, невѣжество женщинъ, ихъ исключительное влеченіе къ замужеству и стремленіе оторвать къ себѣ мужа отъ всякаго дѣла для общества; но Таракановъ все сводитъ разговоръ на общественную безурядицу, ложащуюся и на женщинъ тяжелымъ гнетомъ, и нѣкоторыми изъ нихъ вполнѣ понимаемую.

Передъ купцомъ Тарака новымъ стоитъ живой фактъ — банкъ и дѣятельность его заправителей. Общій выводъ его выражается слѣдующими словами: „Мы жили при родителяхъ, ни о чемъ понятія не имѣли. И родители тоже никакихъ смысловъ не могли разъяснить; мнѣ вотъ теперь сорокъ шестой годъ, а я, передъ Богомъ, не знаю и что такое Россія, гдѣ она начинается, гдѣ кончается, ничего не знаю! Знаю, что живу въ Россіи, а что она такое, неизвѣстно... Только получили отъ родителей одинъ испугъ, больше ничего. Что же мы можемъ понимать? Ничего! Ну, вотъ въ этакомъ-то видѣ и всунулись мы рыломъ въ леформы... Вотъ съ тѣхъ поръ только и дѣлаешь, что врешь, да пойло жрешь, да съ арфистками“.—Про какія же собствеяно реформы вы изволите говорить? — „Да про всякія... Какія только ни бывали, во всѣхъ мы натоптали, насрамотили... А такъ, чтобъ сказать, гдѣ больше, а гдѣ меньше—не могу! Вездѣ все спутавши, комомъ, и окромя острога намъ не будетъ другого результата“...

И купецъ Таракановъ воздвигаетъ передъ слушателями грандіозную картинку зла и всяческихъ расхищеній подъ знаменемъ „расширенія производства“, съ подлогами, фальшивыми векселями, поджогами, интригами и просто раскрадываніемъ банка, въ странѣ, гдѣ „оченно даже ихъ (благородныхъ людей) много“, но гдѣ „по всей линіи требуется человѣкъ съ гнилью, чтобы совѣсть у него была подмоченная, а человѣкъ правильный, справедливый—часто одинъ вредъ намъ“... Фельдшеру мало этой картины, и онъ интересуется, „какъ тутъ поступалъ дамскій полъ“.—Ну, ихъ еще тутъ! Чего они знаютъ?—отвѣчаетъ купецъ, и оканчиваетъ длинную рѣчь словами: „Ей даже удовольствіе можетъ доставлять, ежели мужъ грабитъ для ея удовольствія: стало

быть, любитъ. Который любитъ, тотъ себя готовъ прозакладать. Вотъ ихъ мнѣніе!..“

Картина, изображенная Таракановымъ, такъ тяжка, что автору было трудно слушать ея дальнѣйшее объясненіе и дополненіе, и онъ ушелъ изъ каюты, гдѣ происходилъ разговоръ, на палубу.

(1884).

ЧЕРЕЗЪ ПЕНЬ-КОЛОДУ.

1.

„Блаженъ, кто вѣруетъ“... Но, видно, не всегда „тепло тому на свѣтѣ“, потому что трудно представить себѣ болѣе томительное состояніе, чѣмъ то, которое испытываетъ одинъ изъ наиболѣе отзывчивыхъ современныхъ писателей русскихъ, Гл. Успенскій. Что онъ „вѣруетъ“, сомнѣнію не подлежитъ; онъ и другихъ приглашаетъ къ тому же. „Да не смущается читатель!... — говоритъ онъ: — хотя русская жизнь и идетъ черезъ пень-колоду, но она идетъ и идетъ впередъ, идетъ къ правдѣ, къ торжеству ея, т.-е. къ тому самому, что̀ нужно душѣ человѣческой, что̀ составляетъ глубокій, не всегда при настоящихъ условіяхъ жизни примѣтный, но вѣчно живой, несокрушимый центръ“. И въ то же время, при этой самой увѣренности въ движеніи русской жизни къ лучшимъ временамъ, къ лучшему будущему, воспринимая впечатлѣнія отъ идущей „черезъ пень-колоду“ жизни русской, тотъ же писатель испытываетъ тяжкія чувства. „Неожиданность, безрезонность, наконецъ непостижимость, которыми испещренъ сегодняшній день, невольно разшатываютъ, повергаютъ въ отчаяніе, иной разъ отупляютъ, а иной разъ вдругъ подъемлютъ для того, чтобы тотчасъ же „повергнуть“ несчастную мысль наблюдателя... Веселое смѣняется такимъ ужаснымъ, что веселая рѣчь надолго замираетъ на устахъ“. Такъ характеризуетъ Гл. Успенскій русскую современность, и въ его словахъ, несмотря на его вѣру въ будущее, слышится тревога.

И тревога эта понятна. Есть нѣкоторое противорѣчіе между тѣмъ, во что вѣритъ нашъ авторъ, и тѣмъ, что̀ онъ самъ же описываетъ. Приглашая читателя вѣрить, что жизнь русская идетъ впередъ, къ правдѣ, къ торжеству ея, Успенскій весь свой очеркъ, на которомъ мы остановились, посвящаетъ доказательству, выясненію той мысли, что былъ одинъ русскій хорошій типъ, былъ—и больше нѣтъ его, и авторъ самымъ подзаглавіемъ очерка уже выражаетъ горестное недозумѣніе, „куда дѣвался этотъ одинъ хорошій русскій типъ?“ По смыслу очерка выходитъ такъ, что онъ исчезаетъ совершенно, незамѣнимый. Сущность его самая простая и обыкновенная; это просто хорошій человѣкъ, съ душою, съ сердцемъ, безъ стремленія все поглотить на пользу и удовольствіе своей собственной особы; это почти просто—не грубый эгоистъ. И вотъ этотъ-то „типъ“ куда-то дѣвался теперь, очистивъ мѣсто торжествующему эгоизму. Но если это такъ, если это правда, можно ли не смущаться и пребывать въ непоколебимой вѣрѣ, что все идетъ къ лучшему въ нашемъ лучшемъ изъ міровъ, не понятно ли то отчаяніе, въ которое повергается авторъ, какъ самъ онъ объ этомъ говоритъ.....

Когда дѣло идетъ о такомъ писателѣ, какъ Гл. Успенскій, почти невозможно ставить вопросъ о художественности произведеній. Искренность, при большомъ талантѣ и умѣ, дѣлаетъ именно то, что такъ-называемыя эстетическія стороны произведеній литературы сами создаются, невольно и безъ желанія. Когда человѣкъ ничего не хочетъ „сочинить“, а просто цѣликомъ передаетъ свою мысль и свои впечатлѣнія и имѣетъ даръ образно и сжато передать все это,—естественно, въ произведеніи не будетъ ничего лишняго, все будетъ на своемъ мѣстѣ, все выльется, за немногими развѣ ошибками, въ стройную и строгую форму—и „*художественность*“ есть. Очерки Успенскаго несомнѣнно эскизны, но эти эскизы полны именно той искренности и внутренней правды, которыя исключаютъ все противоэстетичное, антихудожественное. Но, какъ всегда, пріемы Успенскаго отличаются удивительной оригинальностію, можно сказать—странностью.

Ища истины, правды, и впечатлѣніями жизни доведенный до „трудно формулируемаго внезапнаго страха“, онъ находитъ свои отвѣты въ случайномъ разговорѣ на желѣзной дорогѣ, при чемъ правда оказывается въ рукахъ нѣкоторой встрѣчной собесѣдницы, пожилой дамы, „обладающей массою наблюденій почти всевозможныхъ нравственныхъ настроеній, пережитыхъ русскимъ обществомъ за довольно значительный періодъ времени“. И вотъ эта дама, обладающая массой наблюденій, констатируетъ фактъ „паденія души“ и, какъ частность, исчезновеніе, по губернскому жаргону, „интереснаго мужчины, передъ которымъ можно было бы преклониться“.

Напрасно Гл. Успенскій въ защиту „нашей сестры“— мужчины желалъ сказать что-нибудь; фактъ отсутствія интереснаго мужчины остался фактомъ. Прежде были и кутилы (и негодяи, прибавимъ мы отъ себя), и всякіе безпутные люди; но внутри, въ самой сути, на самомъ днѣ души, какъ кто-то выразился, подъ условіемъ, если такое дно души есть,—эти прежніе люди хранили „что-то хорошее“. „Всякой женщинѣ, чтобы любить человѣка, мужчину, мужа, надобно навѣрное знать, что въ самой глубинѣ души есть такое хорошее, передъ чѣмъ благоговѣть“—говоритъ дама. А всякая женщина теперь и прежде была одарена такимъ чутьемъ, которымъ безошибочно опредѣлялось „дно души“. И старушка наша, вспоминая сороковые года, увѣряетъ, „что даже военный, герой, тогдашній господствующій типъ, и тотъ имѣлъ въ себѣ много „настоящаго“, и тотъ *навѣрное зналъ*, что неправда и какая должна быть правда. А теперь? Теперь „все какъ-то спуталось, размякло, скомкалось, осрамилось, озлилось, — словомъ, все это какъ-то пропало“... Теперь даже ни военные, ни штатскіе не имѣютъ въ себѣ ничего „настоящаго“...

Въ поясненіе, вѣроятно, мыслей старушки, Успенскій очерчиваетъ читателю типъ „русскаго святого человѣка“. Авторъ находитъ этотъ „типъ весьма замѣчательнымъ“, отличнымъ отъ „нерусскихъ угодниковъ“ и отъ того, какимъ представляютъ его себѣ „житія святыхъ“. И именно Гл. Успен-

скій видитъ, такъ сказать, силу практическихъ стремленій въ русскомъ святомъ, искавшемъ всегда труда и пользы ближнему, а не постной пищи, ночныхъ бдѣній и искушеній бѣса. Авторъ приводитъ два-три примѣра. Намъ кажется впрочемъ, что почти всѣ и „не русскіе“ святые люди далеко не игнорировали дѣлъ міра и пользы ближнему, а что, съ другой стороны, и изъ русскихъ выходило не мало такихъ, которыхъ дѣятельность шла внутрь, въ землю, въ пещеры, въ страстное отклоненіе всякихъ помысловъ мірскихъ. Но важность конечно не въ томъ, и мысль Успенскаго о современномъ паденіи любви къ ближнему, о паденіи общественныхъ стремленій и интересовъ — имѣетъ свои основанія.

Какіе же общіе выводы и обобщенія мы построимъ, какое поученіе извлечемъ изъ „очерка“ Успенскаго? Былъ типъ „русскаго святого“ — и теперь нѣтъ его; былъ типъ „интереснаго мужчины“ — и нѣтъ его; и всѣ мы въ настоящій моментъ живемъ безъ „настоящаго“, безъ „чего-то хорошаго“, что̀ лежало въ душѣ еще въ недавнихъ русскихъ людяхъ, въ сороковые года.

Но пусть не смущается читатель: русская жизнь идетъ хотя и черезъ пень-колоду, но впередъ, къ правдѣ, къ торжеству... И опять приходится сказать: „блаженъ, кто вѣруетъ“, — хотя ему и не всегда тепло на свѣтѣ.

Въ то время какъ Гл. Успенскій такъ мучительно спрашиваетъ у жизни: что есть истина? — и не получаетъ отвѣта на этотъ вѣковѣчный вопросъ, можно съ нею обращаться гораздо проще. Литература могла и нерѣдко дѣйствительно оставляла совершенно въ сторонѣ жизнь съ ея мучительными запросами и задачами. Такимъ образомъ возникли чисто литературные типы, для которыхъ жизнь существовала только въ ея самыхъ общѣйшихъ условіяхъ. Поэтъ могъ приковать къ скалѣ Прометея и заставить коршуна вѣчно клевать его сердце; народъ могъ создать образъ Ильи Муромца и Соловья-Разбойника. Въ дѣйствительности этого не бываетъ и не будетъ, и эти образы отражаютъ только общѣйшіе законы жизни. Но чтобы жить на почвѣ, во вре-

мени и пространствѣ, недостаточно знать общіе законы; нужно примѣнить ихъ къ даннымъ условіямъ существованія, нужно вспахать и подвергнуть анализу ту почву, на которой вы собираетесь сдѣлать посѣвъ, нужно знать, не на вулканѣ ли вы поселяетесь и не грозитъ ли вамъ ежеминутно разрушеніе. Вотъ этой то работой анализа и исканія почвы и занятъ Гл. Успенскій, который уже поэтому совсѣмъ не такъ далекъ отъ задачъ первенствующаго теперь въ литературахъ натурализма.

2.

Въ пестрой сумятицѣ мнѣній, характеризующей современную жизнь, всякое честное, искреннее и продуманное слово, дышащее убѣжденіемъ и оригинальностью, необыкновенно дорого. Пусть въ немъ—не истина, но пусть будетъ въ немъ только искреннее исканіе ея, горячее стремленіе къ ней; среди холодныхъ, эгоистическихъ побужденій, господствующихъ въ настоящее время даже и въ той сферѣ, которая донынѣ не льстила инстинктамъ наживы и карьеры, въ сферѣ мысли и слова, даже простое и искреннее исканіе истины составляетъ далеко незаурядное явленіе. Съ этой точки зрѣнія Глѣбъ Успенскій не есть только писатель большого дарованія, но одинъ изъ тѣхъ, чьи произведенія представляютъ собою результаты искреннѣйшей мысли, ищущей и страдающей передъ загадочнымъ смысломъ нелѣпыхъ и логически несостоятельныхъ и, несмотря на то, устойчивѣйшихъ жизненныхъ явленій. Успенскій не принадлежитъ къ тѣмъ маленькимъ натуркамъ, для которыхъ существуютъ простыя и прямолинейныя рѣшенія спутанныхъ вопросовъ жизни. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ, всегда глубоко захватываютъ какую-нибудь существенную сторону дѣла; если вы не найдете въ нихъ истины, то всегда найдете въ самой постановкѣ вопроса нѣчто сильное и оригинальное, яркій лучъ свѣта, брошенный хотя бы на одну часть предмета. И эта вдумчивость, эта сила мысли невольно привлекаютъ къ себѣ живого и впечатлительнаго читателя. Въ окончаніи очерковъ

„Черезъ пень колоду“ читатель находитъ и нѣсколько неожиданныхъ сопоставленій, и оригинальныя смѣшенія въ одно разнообразныхъ предметовъ, и обычную эскизность, и нѣкоторую неопредѣленность самой постановки мысли, проходящей въ очеркѣ, и преимущественно „живую кровь“, кипящую въ каждой мысли и чувствѣ, обнаруживаемыхъ авторомъ. Но когда вы пройдете черезъ весь тотъ путь мыслей и чувствъ, черезъ которыя васъ неожиданно проведетъ авторъ, передъ вами съ полной ясностью встанетъ нѣсколько вопросовъ, не напрасно волнующихъ современныхъ людей.

Кто не чувствовалъ въ себѣ разлада, гнетущаго разногласія по поводу чисто современнаго вопроса объ отношеніи искусства къ жизни, о роли его въ ней? Кому не становилось жутко, когда онъ, испытывая минуты интенсивныхъ наслажденій, доставляемыхъ искусствомъ, вдругъ вспоминалъ о жизни, которую оно бралось отражать? И передъ всякимъ долженъ встать нѣсколько даже странный вопросъ: какимъ образомъ созерцаніе дѣйствительности можетъ повергать только въ отчаяніе, а отраженіе ея искусствомъ доставлять минуты счастья? Какой-то неразгаданной загадкой звучалъ диссонансъ, поселяемый въ душѣ человѣка этимъ очевиднымъ противорѣчіемъ. И отрицаніе искусства, въ виду наличныхъ бѣдствій въ человѣчествѣ, казалось понятнымъ; и нельзя было отказаться отъ искусства въ его лучшихъ проявленіяхъ, какъ нельзя добровольно отречься отъ свой лучшей части, отъ своей собственной души. Современный человѣкъ, жившій умомъ, не могъ и не можетъ избѣжать этихъ минутъ борьбы и сомнѣній, и не одинъ, быть можетъ, сознательно зарывалъ свой талантъ въ холодную и безпривѣтную землю, отказывался отъ побужденій къ творчеству, къ искусству, памятуя все зло, какимъ кишитъ и волнуется жизнь современнаго человѣчества, думая, что не пѣсней можно вызвать къ жизни увядающую справедливость.

Всѣ эти чувства, томленія, волненія, вызываемыя зрѣлищемъ жизни и искусства и отражаются въ очеркѣ Гл. Успенскаго. И все это по поводу впечатлѣній, навѣваемыхъ на автора деревенской жизнью. Жизнь эта, по автору,—и въ

дѣйствительности, конечно, — поражаетъ рядомъ страннѣйшихъ и непонятнѣйшихъ, хотя и привычныхъ, несообразностей. Авторъ возвышается до оригинальнѣйшихъ сопоставленій, отвѣчая на вопросъ о различіи города и деревни, и мы невольно останавливаемся на одномъ изъ нихъ, глубоко захватывающемъ жизнь. „Да вотъ, напримѣръ, какая разница между деревней и городомъ, — говоритъ авторъ съ злорадствомъ, — возьмемте такую, напр., вещь.., ну, хоть розги!“ И розги оказываются дѣйствительно необыкновенно пригодными для характеристики различія между городомъ и деревней. Приходилось ли въ самомъ дѣлѣ думать вамъ о странной роли, какую играетъ эта „вещь“ въ деревнѣ, въ противоположность городу? Въ городѣ даже маленькихъ ребятъ не подвергаютъ истязанію розгами, допуская это орудіе казни развѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. А въ деревнѣ? Странное дѣло. Въ деревенскихъ школахъ къ маленькимъ ребятамъ розги также по возможности не примѣняются; но чѣмъ больше выростаетъ въ деревнѣ человѣкъ, тѣмъ ближе и ближе онъ становится къ позорному униженію. „Съ дѣтьми (въ деревнѣ) обращаются внимательно, нѣжно; человѣческое достоинство, развитіе его въ ребенкѣ — первое условіе и первѣйшее достоинство школы... Но по мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ, онъ, вопреки порядку развитія городского человѣка, начинаетъ раззнакомливаться съ человѣческимъ достоинствомъ. Вотъ онъ женился, сталъ семьяниномъ, на него легли душевые платежи — и уже розга мелькаетъ въ перспективѣ... Вотъ у него родился ребенокъ... и“... Читатель понимаетъ теперь, что розга еще ближе, и о „достоинствѣ человѣческомъ“ нѣтъ уже тутъ ни мысли, ни разговору. „Да, разница, какъ видите, большая!“ — говоритъ авторъ съ горькой ироніей, и не жутко ли вамъ, читатель, отъ этого яркаго сопостановленія „разницы“! Рядъ такихъ „картинокъ“ жизни проходитъ въ очеркахъ, вызывая все то же чувство.

Томительное зрѣлище русской деревни переходитъ, въ очеркѣ, въ зрѣлище нѣкотораго торжества человѣческой личности и человѣческаго достоинства въ жизни заграничной. Отрывками изъ записокъ Тяпушкина авторъ переноситъ насъ

въ Парижъ, и притомъ въ такое время, когда эта столица міра не была уже тѣмъ разнохарактернымъ „тру-ля-ля“, какимъ привыкъ его представлять себѣ русскій досужій человѣкъ, когда только-что кончилась война съ нѣмцами и коммуна. Иныя впечатлѣнія! „Подалъ, напр., слуга завтракъ въ загородномъ ресторанѣ, а самъ тутъ же неподалеку сѣлъ читать газету“. И русскіе досужіе люди восхищены. „Да, личность-то человѣческая здѣсь цѣла и сохранна! Вотъ онъ лакей, слуга, тарелки подаетъ, служитъ изъ-за куска хлѣба,— но онъ человѣкъ! Это не то, что нашъ лакей, который...“

Но вы не долго остаетесь въ чарующемъ васъ заблужденіи. Авторъ скоро знакомитъ васъ съ тѣмъ же все униженіемъ личности, но только въ другихъ формахъ, и тамъ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ другихъ заграничныхъ мѣстахъ. Хотя, по правдѣ сказать, и формы вѣдь не мало значатъ, хотя авторъ нѣсколько игнорируетъ разницу между униженіемъ человѣческой личности въ русской деревнѣ и униженіемъ ея въ Парижѣ, но читатель невольно сопоставляетъ роль розги въ первой и свободное отношеніе парижскаго лакея къ посѣтителямъ—и не можетъ согласиться съ авторомъ. Но такъ или иначе, читатель съ общей мыслью автора согласенъ, и идеала человѣческой свободы въ положеніи парижскихъ слуги и кокотки не усмотритъ. Невольно согласишься и съ тѣмъ, что если этотъ слуга и эта кокотка—„человѣки“ сознательные, то тѣмъ больнѣе и жгучѣе въ нихъ униженіе сознательной личности. Въ концѣ-концовъ общее зрѣлище жизни въ центрахъ европейской цивилизаціи должно было привести наблюдательнаго и чуткаго человѣка все къ тому же представленію о „всеобщемъ бѣдствіи человѣческомъ“, о страшномъ повсюду униженіи человѣческаго существа.

3.

Тутъ мы приходимъ къ затронутому выше вопросу объ искусствѣ. Передъ самимъ авторомъ ставится вопросъ, возможно ли и не вредно ли *такое* отраженіе жизни въ искусствѣ, въ которомъ одна за другою чередуются тяжкія и

страшныя картины. И хотя онъ теоретически и оправдывалъ такое искусство, но почувствовалъ полную невозможность продолжать свою работу все въ томъ же направленіи, и мѣсто этого продолженія заняли воспоминанія Тяпушкина. Подъ вліяніемъ все тѣхъ же тяжкихъ сторонъ деревенскаго существованія Тяпушкинъ вдругъ неожиданно вспомнилъ Венеру Милосскую въ Луврѣ, и это воспоминаніе внесло какой-то миръ въ его измученную, истомленную тяжелыми впечатлѣніями, душу и желаніе вспомнить ощутительно и подробно всѣ чувства, испытаныя при созерцанія „каменнаго существа". Въ Лувръ онъ попалъ именно послѣ тѣхъ впечатлѣній отъ парижской жизни, уже утомленный и мучимый ими. И вотъ онъ стоитъ передъ Венерой Милосской „въ полномъ недоумѣніи, самъ не зная почему, пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, непостижимымъ". „Я стоялъ передъ ней, — разсказываетъ онъ, — смотрѣлъ на нее, и непрестанно спрашивалъ самого себя, что такое со мной случилось?" Всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что съ нимъ случилась большая радость, что „что-то, чего онъ понять не могъ, дунуло въ глубину его скомканнаго, искалѣченнаго, измученнаго существа и выпрямило его". Онъ ни минуты не сомнѣвается въ правдѣ того, что разсказываетъ сторожъ, утверждающій, что на узенькомъ диванчикѣ, обитомъ краснымъ бархатомъ, приходилъ сидѣть противъ Венеры Милосской Гейне, что онъ сидѣлъ здѣсь по цѣлымъ часамъ и плакалъ: „это непремѣнно должно было быть". И только одного не могъ постигнуть Тяпушкинъ, отчего это такъ вышло, въ чемъ заключается тайна этого художественнаго произведенія. А между тѣмъ одинъ взглядъ на это каменное существо заставлялъ его говорить и глубоко чувствовать: „ну, слава Богу, еще можно жить на бѣломъ свѣтѣ"!... Чѣмъ вліяла на Тяпушкина „каменная загадка", онъ не зналъ, но, именно благодаря ей, онъ совершенно иначе понялъ слова, слышанныя не далѣе, какъ вчера; онъ не могъ постигнуть, „какимъ образомъ можно было допустить, чтобы человѣческое достоинство, чтобы человѣкъ былъ оскробляемъ"...

Тяпушкинъ старается опредѣлить, чѣмъ, какимъ образомъ

образъ Венеры Милосской вызвалъ въ немъ такія представленія. Вспоминая какое-то стихотвореніе, посвященное описанію Венеры Милосской и говорящее о „сіяніи наготой“, „о смѣющемся тѣлѣ“; о „млѣніи пѣною морской“ и пр., онъ почти съ негодованіемъ отрицаетъ это описаніе, не можетъ допустить, чтобы въ богинѣ было передъ зрителемъ что-то „по части тѣла“; не въ млѣніи, не въ наготѣ и не въ смѣющемся тѣлѣ онъ видитъ значеніе великаго созданія искусства. Напротивъ, „ему (творцу великаго созданія),— говоритъ онъ, — нужно было и людямъ своего времени, и всѣмъ вѣкамъ, и всѣмъ народамъ вѣковѣчно и нерушимо запечатлѣть въ сердцахъ и умахъ *человѣческое* существо, ознакомить человѣка съ ощущеніемъ счастія быть *человѣкомъ*, показать намъ всѣмъ и обрадовать насъ видимой для всѣхъ насъ возможностью быть прекрасными,—вотъ какая огромная цѣль владѣла его душой и руководила рукой“...

Выводя отсюда психическое утѣшительное вліяніе великаго художественнаго созданія на человѣка, Тяпушкинъ продолжаетъ: „И мысль о томъ, когда, какъ, какимъ образомъ человѣческое существо будетъ распрямлено до тѣхъ предѣловъ, которые сулитъ каменная загадка, не разрѣшая вопроса, тѣмъ не менѣе рисуетъ въ вашемъ воображеніи безконечныя перспективы человѣческаго совершенствованія, человѣческой будущности, и зарождаетъ въ сердцѣ живую скорбь о несовершенствѣ теперешняго человѣка“. Такъ понялъ герой нашъ значеніе искусства.

Авторъ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія своего героя, но задумывается надъ вопросомъ: „какимъ же образомъ случилось такъ, что на свѣтѣ появилась не изящная словесность, а только какая-то тягота? Отвѣтъ—одинъ: тягота жизненная создала и тяготу литературную. Но авторъ, вспоминая лучшія времена, когда тяжесть жизни была не меньше, но идеалы были выше и опредѣленнѣе и повели къ жизненному прогрессу, приглашаетъ нынѣ скучающаго интеллигента вспомнить свое человѣческое достоинство, ощутить въ себѣ „человѣка“ въ такихъ же размѣрахъ, какъ это ощущали его дѣды и отцы. И тогда, по мнѣнію автора, этотъ

же самый скучающій интеллигентъ не посмѣетъ оставлять народъ безъ удовлетворенія въ человѣческихъ стремленіяхъ.

Все сказанное въ очеркахъ Гл. Успенскаго въ оригинальной и сильной формѣ, особенно въ наше время, когда еще не прошелъ угаръ, нѣкогда вызвавшій отрицаніе всей той дѣятельности человѣческаго духа, которая воплощалась въ искусствѣ, и высказанное притомъ писателемъ-народникомъ, котораго не подкупишь пышными словами о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи, — все это получаетъ тройную цѣну. Очеркъ Гл. Успенскаго — истинное знаменіе нашего времени, времени паденія вѣры въ недавно еще царившіе идеалы и исканія новыхъ идеаловъ, которые оказались бы болѣе состоятельными передъ жизнью и ея задачами. Поворотъ къ искусству, къ наслажденіямъ, которыя даетъ оно, къ признанію его, замѣчается уже очень давно; но едва ли было много людей, которые могли бы сознательно и опредѣлительно отвести ему роль въ жизни людской. Гл. Успенскій несомнѣнно даетъ въ своемъ очеркѣ превосходную характеристику роли искусства, правда, касающуюся только одной стороны дѣла, правда, не рѣшающую многихъ коренныхъ вопросовъ, но тѣмъ не менѣе дающую искусству великое мѣсто и великій смыслъ.

Авторъ не говоритъ о томъ, какъ немногіе подвергаются вліянію искусства, какъ немногіе изъ этихъ немногихъ возвышаются до сознательнаго воспріятія впечатлѣній отъ него,— но это уже другое дѣло. Во всякомъ случаѣ для искусства онъ отводитъ все, что ему должно отдать, какъ дѣятельной силѣ въ обществѣ.

(1885 г.).

ДОХНУТЬ НЕКОГДА. НЕДОСУГЪ. КОЙ ПРО ЧТО.

1.

Очеркъ „Дохнуть некогда“ отличается необыкновенной жизненностью, необыкновенной искренностью, вдумчивостью, отсутствіемъ преднамѣренности и тенденціи. Оттого-то очеркъ

этотъ, при всей опредѣленности и истинности, ни къ какимъ шаблоннымъ заключеніямъ не приводитъ, а скорѣе ставитъ передъ читателемъ нѣчто тяжкое и загадочное, какъ сама жизнь. Можно бы сказать даже, что очеркъ Успенскаго является отвѣтомъ на нѣкоторыя излюбленныя, ходячія мнѣнія. Г. Успенскій беретъ жизнь съ ея глубочайшихъ сторонъ, и поучительно и тяжко это зрѣлище жизни, въ которой „дохнуть некогда". Онъ разсказываетъ, въ чемъ состоитъ дѣятельность трехъ представителей власти административной и судебной: исправника, мирового судьи и судебнаго пристава въ деревнѣ. Исправникъ кричитъ, подвергаетъ чрезъ посредство волостного суда тѣлесному наказанію, сажаетъ въ темную и т. д. за невзносъ податей, самъ вполнѣ понимая всю несостоятельность своихъ дѣйствій, потому что неурожай и, слѣдовательно, крестьянину взять податей неоткуда. Мировой судья безконечно судитъ нескончаемыя дѣла объ „оскорбленіяхъ", вышедшія изъ того простого обстоятельства, что кулаки пользуются неурожаемъ, чинятъ притѣсненія и вызываютъ противъ себя ругань, тѣ самыя „оскорбленія", которыя предстоятъ разбирательству судьи и повторяются на самомъ судѣ. И мировой судья чувствуетъ все неудобство и безполезность своихъ служебныхъ дѣйствій, безцѣльность ихъ. Само собою разумѣется, что не можетъ дѣлать чего-нибудь лучшаго исполнитель чужихъ рѣшеній, судебный приставъ. И между тѣмъ, эта безцѣльная, безрезультатная „дѣятельность", состоящая въ воздѣйствіи на людей, провинившихся неурожаемъ, сопряжена съ такой массой хлопотъ и усталости, и съ физической и нравственной мукой, съ безконечной ѣздой и постояннымъ становленіемъ въ тупикъ передъ жизненными фактами, въ которыхъ приходится играть почти безсмысленную роль, что нужны особенно неизбѣжныя, побудительныя для такой дѣятельности, обстоятельства.

Изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, бьются эти люди, ѣздятъ, кричатъ, наказываютъ, если они сами же понимаютъ, что настоящая дѣятельность ихъ должна была бы заключаться въ помощи несчастнымъ, потерпѣвшимъ отъ неурожая, а не

въ безполезныхъ формальныхъ понужденіяхъ уплатить подати и не ругаться съ хищнымъ кулакомъ-грабителемъ, когда податей, очевиднѣйше, взять неоткуда, а не обругаться невозможно, душа не стерпитъ. Этотъ-то вопросъ со всей своей язвительностью представляется всѣмъ нашимъ тремъ „дѣятелямъ". Но извѣстны оправданія: „семья", „жить нужно" и проч. А далѣе оказывается, что и съ этой стороны всѣ цѣли разбиваются современною жизнью. Семья! Но воспитанныя на тѣ самыя средства, которыя добыты „дѣятельностію" собиранія съ голодныхъ податей и суда надъ нетерпѣливыми обидчиками кулаковъ, дѣти являются разрушителями родительскихъ надеждъ, причемъ причиной этого печальнаго явленія опять выдвигается та самая дѣятельность, не внушающая дѣтямъ уваженія и, даже совершенно напротивъ, вызывающая въ нихъ чувство отталкивающее. Какая всеобщая и страшная драма чуется въ этомъ представленіи смысла жизни русской! „У меня,—разсказываетъ исправникъ,—вонъ дочь родная, двадцати лѣтъ, ушла изъ дому въ учительницы, да меня же и выбранила. „Вы, говоритъ, работаете противъ народа, а я, говоритъ, буду ему служить: мы съ вами не товарищи"... Тѣ же рѣчи на устахъ и другихъ. И такимъ образомъ вся эта дѣятельность, отъ которой и дохнуть некогда, оказывается — увы! — не достигающею даже той единственной естестественной цѣли, которая могла бы скрасить ее—она оказывается ведущею къ результатамъ, противоположнымъ желаемому. Смыслъ страшной и нелѣпой драмы во всемъ этомъ, — повторяемъ, — настолько гнетущъ, что четвертый дѣятель, судебный слѣдователь, живая и чистая душа, еще не запятнанная грязью жизни, окунувшись въ этотъ омутъ неисходныхъ противорѣчій, не выдерживаетъ, и, встрѣчая своихъ трехъ соратниковъ по дѣятельности, пьяный и растерзанный, кричитъ: „Я, университетски образованный, я долженъ стоять за кулака! у него собственность плотина, а они самовольно ее разломали... У нихъ дѣти, старики, жены, это ничего! Это ниже собственности! Мнѣ этого довольно, довольно! Позоръ, стыдъ, срамъ... Эй, эй! человѣкъ! на тебѣ фуражку! Водки давай! Давай лапти!

Лапти мнѣ! Это... это... что это? Что такое? Это одна ѣзда, ѣзда и кровь человѣческая... Лапти давай мнѣ, каналья!... Лапти"!...

Но читатель, не охотникъ до драмъ, можетъ утѣшиться. Все, что разсказано выше, только снилось Успенскому въ вагонѣ Владикавказской дороги. Въ дѣйствительности происходятъ болѣе веселыя вещи. Тутъ же, проснувшись, на платформѣ же станціи, Успенскій могъ успокоиться и утѣшиться. Противъ окна вагона, въ которое онъ смотрѣлъ на станціонную публику, стояла группа тѣхъ самыхъ дѣятелей, которые ему приснились; тутъ былъ и исправникъ, и мировой, и слѣдователь, и еще много разныхъ людей, съ портфелями, набитыми бумагами; но всѣ они были такъ свѣтлы, такъ спокойны, здоровы и веселы, что рѣшительно не напоминали своихъ сотоварищей, приснившихся автору; ни сомнѣній, ни терзаній, ни вздоховъ, — ничего этого нельзя было ожидать отъ совершенно спокойныхъ, изящныхъ людей, замѣнившихъ видѣнныхъ во снѣ. „Ясныя, свѣтлыя лица ихъ и спокойные пріемы,—говоритъ авторъ,—не давали, правда, возможности рѣшить вопроса о томъ, почему лица эти такъ ясны и самодовлѣющи? Потому ли, что дѣла ихъ ясны и свѣтлы, или потому, что въ темныя или неясныя дѣла они сами только и дѣлаютъ, что вносятъ свѣтъ?" Такъ или иначе, но разъ нѣтъ въ нихъ ни сомнѣній, ни терзаній, ни вздоховъ, то нѣтъ, значитъ, и драмы, и читатель — повторяемъ—можетъ совершенно утѣшиться...

Какъ бы продолженіемъ очерка „Дохнуть некогда", рисующимъ съ другой стороны отношеніе интеллигентнаго человѣка къ народу, является очеркъ „Недосугъ (разсказъ деревенскаго обывателя)". По своему характеру очеркъ этотъ распадается на двѣ совершенно самостоятельныя части, прихотливо перевившіяся между собою. Одна изъ нихъ, имѣющая значеніе художественнаго произведенія, состоитъ въ художественной передачѣ нѣсколькихъ простыхъ впечатлѣній, въ концѣ-концовъ связывающихся въ цѣлую трагическую исторію, полную скорбнаго смысла. Сначала авторъ на станціи желѣзной дороги встрѣчаетъ необыкновеннаго субъекта, мужичка,

оказавшагося помѣшаннымъ. Тягостное впечатлѣніе, вызванное имъ, было, конечно, мимолетно — и забыто. Проходятъ годы, и автору встрѣчается, уже въ его домѣ, молодая женщина въ качествѣ поломойки, бойкая и работящая баба, которая оказывается вдовою нѣкогда встрѣченнаго авторомъ сумасшедшаго мужика. Случай этотъ вновь вызываетъ въ немъ то же тягостное впечатлѣніе, нѣкогда имъ испытанное, которое опять, конечно, забывается. И вновь проходятъ годы. Но вотъ, въ деревенскомъ судѣ случайно авторъ получаетъ полное объясненіе частныхъ фактовъ, случайно же видѣнныхъ имъ и забытыхъ.

Оказывается, что въ исторіи помѣшательства крестьянина, видѣннаго имъ на станціи желѣзной дороги, замѣшана тяжелая рука одного „забулдыги, разбойника", какъ его характеризуютъ крестьяне, нѣкоего извозщика, Буфетова. Этотъ послѣдній, „злая татарская порода", съигралъ страшную роль въ жизни помѣшаннаго и его жены. Онъ, случайно или нѣтъ, но раздавилъ лошадьми ребенка ихъ, любимца отца, вѣроятно, развратилъ молодую бабу и, по его собственному увѣренію, жилъ съ нею еще при мужѣ, наконецъ, не оставилъ безъ гнета и преслѣдованія вдову. Помѣшанный является, такимъ образомъ, жертвою этого негодяя, жена его — также. Словомъ, за внѣшними явленіями, прошедшими въ различные, отдаленные другъ отъ друга промежутки времени, передъ глазами автора скрывалась тяжелая драма, которой онъ не замѣтилъ и существованія которой не подозрѣвалъ.

И вотъ это обстоятельство наводитъ автора на печальныя размышленія, составляющія вторую часть его очерка, такъ сказать, публицистическую. То, что̀ авторъ, иронически немного, называетъ „недосугомъ", является поддержкою и поощреніемъ ужасовъ, подобныхъ скрывавшимся въ разсказанной исторіи. Авторъ видѣлъ помѣшаннаго, но онъ не узналъ о причинахъ этой гибели человѣческой жизни, — „недосугъ" было; ему встрѣтилась и вдова, при обстоятельствахъ, могшихъ вызвать вниманіе къ ея жизни, — и опять „недосугъ" было узнать что-нибудь; и только черезъ годы случайно онъ узнаетъ то, что̀ можно и слѣдовало узнать раньше, чтобы,

быть можетъ, помѣшать развитію злого факта, — да и тутъ недосугъ что-нибудь сдѣлать. „Такъ вотъ и идетъ наша деревенская недосужная жизнь...—говоритъ авторъ.—А то, что таится въ глубинѣ душевной жизни этихъ одинаковыхъ по недосугу людей, то доходитъ до насъ кой-когда и кое-какъ. Прилетитъ вѣсть или слухъ, намекающій на драму, толкнется въ сердце—и улетитъ какъ муха, на мгновеніе присѣвшая вамъ на руку или на лобъ. Да и столичный житель,—продолжаетъ авторъ,—также не въ лучшемъ положеніи относительно вниманія къ душевной драмѣ своихъ сосѣдей; хорошо дойдетъ драма до суда, ну, тогда и онъ можетъ закончить ее также совершенно опредѣленнымъ замѣчаніемъ: „такъ вотъ оно отчего"... Но, увы! эта ясная картина всегда складывается поздно, всегда въ то время, когда уже все кончилось и когда можно только устыдиться своего невниманія къ ближнему и чрезмѣрному вниманію къ курамъ, тыну и клубникѣ (въ деревнѣ, а въ городѣ къ чему-нибудь подобному другому)". Такой порядокъ человѣческой жизни, полный эгоизма и невниманія, безучастія къ совершающимся рядомъ жизнямъ ближнихъ, вызываетъ въ авторѣ горькія чувства, отраженіемъ которыхъ и является его очеркъ.

2.

Мы видѣли „сонъ" Гл. Успенскаго. Но одинъ изъ очерковъ „Кой про что", озаглавленный „Добрые люди", посвященъ и дѣйствительности, именно обрисовкѣ хорошихъ людей изъ народа, умѣющихъ свое личное дѣло слить съ дѣломъ ближняго, думающихъ и о себѣ, но не только о себѣ. Всякая передача значенія этихъ добрыхъ людей для окружающихъ ихъ была бы слишкомъ слабою, по сравненію съ обрисовкой, какую даетъ имъ самъ авторъ, а потому мы приведемъ здѣсь его собственныя слова.

Вотъ, напр., передъ нами фигура плотника по ремеслу и крестьянина по душѣ, Ивана Николаевича. „Иванъ Николаевичъ тѣмъ именно и дорогъ, — говоритъ авторъ, — что въ его плотницкой работѣ главную роль играетъ не одинъ

только заработокъ, не одно только исполненіе заказа; есть въ его *работѣ* еще особенная, только ему свойственная черта, это — умѣніе дать почувствовать удовольствіе *жить* на бѣломъ свѣтѣ, которое онъ вноситъ въ свой разговоръ о заказѣ, въ свою работу и въ способъ ея исполненія". Эта общая характеристика въ примѣненіи къ самому дѣлу развивается такъ: „Появляясь въ нашихъ мѣстахъ въ первыхъ числахъ апрѣля и уходя на Кузьму-Демьяна, 1-го ноября, Иванъ Николаевичъ съумѣетъ обыкновенно передѣлать въ теченіе этого времени множество дѣлъ. Но при общемъ оборотѣ работъ на сумму не менѣе шести-семи тысячъ рублей, онъ рѣдко уноситъ съ собою заработокъ болѣе чѣмъ въ полтораста рублей. И если разсчитать, что заработокъ этотъ образуется только потому, что въ артели его есть родной сынъ, которому онъ не платитъ ничего, то окажется, что самъ-то Иванъ Николаевичъ почти ничего не зарабатывалъ въ теченіе семи мѣсяцевъ, а только былъ сытъ"... Очевидно, Иванъ Николаевичъ представляетъ собою типъ человѣка, у котораго, по выраженію автора, „огромный запасъ врожденнаго благородства и самой подлинной доброты". Этотъ необычный результатъ, что подрядчикъ-плотникъ въ теченіе полгода почти ничего для себя не зарабатываетъ, кромѣ куска хлѣба, получается отъ того, что „объютить человѣка—вотъ основная потребность его души и вотъ та точка зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на всѣ свои заказы".

— Погляди-ко, Иванъ Николаевичъ, мою хибарку то... Того и гляди, братецъ мой, завалится, народъ передавитъ!

Говоритъ это Ивану Николаевичу самый бѣднѣйшій мужикъ деревни. Онъ захудалъ, ослабѣлъ, народилъ дѣтей кучу и не видитъ никакого выхода изъ своего убійственнаго положенія... Поглядитъ Иванъ Николаевичъ на все его нищенство, но поглядитъ не какъ „благодѣтель",—и не какъ человѣкъ, презирающій бѣдняка, а все съ тою же ласковостью въ глазахъ и въ обращеніи, которая никогда и ни въ чемъ его не покидаетъ.

— А матеріалу никакого не будетъ на поправку?—спроситъ Иванъ Николаевичъ ласково.

— Не будетъ, Иванъ Николаевичъ! Никакого матеріалу нѣтъ.

— Такъ мы, въ такомъ случаѣ, и безъ матеріалу объорудуемъ, объютимъ!

— Яви божескую милость, Иванъ Николаевичъ, я тебѣ заслужу!

— Объютимъ! Ничего! Вотъ дай сообразиться, подсчитать, я тогда тебѣ все помаленьку выправлю... Не тужи, все обладится по-хорошему! А деньжонокъ тожъ поди недохватка?

— Ничего, даже ни Боже мой, нѣту денегъ! Передъ истиннымъ Богомъ, вотъ нисколько нѣту!

— И это не препятствуетъ! А мы и такъ, обоюднымъ, тихимъ манеромъ обдѣлаемъ. Только вотъ соображусь... Все будетъ хорошо! Все по-хорошему обладимъ!

А вечеромъ, сидя въ кабакѣ, гдѣ онъ обыкновенно нанимаетъ квартиру съ ѣдой (самъ онъ не пьетъ ни капли), Иванъ Николаевичъ составляетъ, положимъ, смѣту на постройку большихъ амбаровъ, для купца Семипалова. Онъ считаетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, но думая о купцѣ, не забываетъ и бѣднягу, у котораго домъ повалился и котораго онъ обѣщалъ объютить. И вотъ онъ къ счету въ пятьсотъ рублей приписываетъ „десятку“ на бѣднягу.

— Что десятка купцу!—говоритъ онъ и смѣло пишетъ пятьсотъ десять рублей, разсчитывая дальше, какія бы работы предоставить мужику, котораго требуется объютить.— И „онъ не благодѣтель, не благотворитель, не филантропъ,— говоритъ авторъ,—онъ просто добрый человѣкъ, думающій о чужой нуждѣ, радующійся, что можетъ вызволить человѣка, и въ самомъ дѣлѣ вызволитъ его всегда“.

Мы старались просто передать то, что говоритъ авторъ, не берясь судить, представляютъ ли его выводы изъ наблюденій безпристрастную оцѣнку явленій народной жизни. Необходимо прибавить, что въ той послѣдовательности, въ какой расположены тѣсно связанные между собою три очерка авторъ какъ бы сопоставляетъ безсодержательность жизни и стремленій интеллигентныхъ людей, въ данномъ случаѣ — земца и „хроникера“ какой-то газеты, да еще готовящагося

выйдти въ жизнь юноши, съ жизнью тѣхъ „добрыхъ людей“, изъ двухъ примѣровъ которыхъ, приведенныхъ авторомъ, мы выше остановились на одномъ.

3.

„Не быль, да и не сказка“, дальнѣйшая глава изъ „Кой-про-что“, опять останавливаетъ вниманіе читателя на все-обще-тревожной мысли о томъ, что семья, это святѣйшее учрежденіе, безъ котораго трудно и представить себѣ нравственное общество, имѣетъ и обратную сторону,—способность убить въ человѣкѣ все возвышающее его, свести его къ мелочному эгоистическому существованію, къ забвенію лучшихъ человѣческихъ сремленій. Это, конечно, старинная сказка и старинная быль, по вопросу, однако, рѣшаемому самыми разнородными способами, смотря по условіямъ личной жизни человѣка. Но авторъ умѣлъ придать такую оригинальность этой старой мысли, открыть въ ней такія новыя стороны и свойства, такъ поставить вопросъ круто и безбоязненно, съ тою смѣлостью и простотой, какія подобаютъ серьезной мысли,—что читатель не отвернется равнодушно отъ остраго вопроса, выдвигаемаго авторомъ, не скажетъ, что „все де это старо и извѣстно“, а задумается надъ горькой и страшной правдой, которая бьетъ въ глаза и тревожитъ сердце.

Авторъ влагаетъ свои мысли въ разсказъ о судьбѣ цвѣточной пылинки, которая, судьба, оказалась слишкомъ напоминающею автору „безчисленное множество всевозможнаго рода семейныхъ терзаній, до глубины души мучительныхъ и до глубины души оскорбительныхъ .. „Прогналъ, взялъ другую, живетъ съ двумя... Дѣтей бросилъ... Бросила дѣтей, ушла... Шарахнулъ ее съ балкона...“ Но вотъ самый разсказъ пылинки: „Не могу выразить, до чего это ужасно! Едва только изъ „нея“ и „меня“ вышло одно *мы*, и едва мы на нѣкоторое мгновеніе ощутили дѣйствительную цѣльность и полноту жизни, — смотрю, что-то мнѣ становится страшно, холодно и одиноко... Она со мной неразрывно, но я опять одинокъ... Въ то время какъ ея зеленый ростокъ, съ вострымъ живымъ глазкомъ, потянуло въ

стебель, къ солнцу, къ теплу, къ плодородію, я превратился въ корень и полѣзъ куда-то въ землю, на какую-то темную хлопотливую работу... Надо жить"...

„Право, мнѣ кажется,—говоритъ далѣе авторъ въ лицѣ пылинки,—„въ нашемъ обществѣ" онъ и она сходятся только до брака, т.-е. до брака они употребляютъ всевозможныя усилія найти между другъ другомъ что-нибудь *общее*,—въ книгѣ, въ мнѣніи, во взглядахъ... Но тотчасъ же начинается жизнь, практика жизни,—и роли того и другого опять расходятся совершенно въ разныя стороны!" И эта фатальная рознь въ разсказѣ автора становится все печальнѣе. „Первое время послѣ того, какъ мы сдѣлались *мы*,—продолжаетъ свой разсказъ пылинка:—было еще довольно сносно. Еще я не глубоко ушелъ въ землю; до меня еще доходили людскіе разговоры, я еще могъ сочувствовать чему-то, думать о чемъ-то общемъ, о чужомъ, общественномъ, и въ то же время не скучалъ, работа была не совсѣмъ непріятная (достали переводъ съ французскаго)...

Но моей женѣ сталъ застить пень, оставшійся отъ того самаго дерева, на которомъ я когда-то плакалъ, — она не видѣла солнца, боялась малокровія, а въ книгѣ „Уходъ за дѣтьми" сказано, что малокровіе передается по наслѣдству; это ее до чрезвычайности волновало, да и я тоже трепеталъ, и вотъ нужно было квартиру на солнцѣ... Энергія моя возросла до чрезвычайности: въ одну ночь я проникъ въ землю, подъ остатки какого-то кирпича на цѣлыхъ два вершка; здѣсь уже не было слышно людского говора,—не до того мнѣ было, чтобы слушать, что „они тамъ" говорятъ. Мнѣ самому тошно, мнѣ нужна была квартира на солнцѣ; ей, моей женѣ, нужно было вытянуться поскорѣе выше проклятаго пня, и я, подъ единственнымъ впечатлѣніемъ достать средства, не задумался оплести одного очень почтеннаго червяка... много поработавшаго, какъ я читалъ у Дарвина, для чернозема"...

Вотъ какія грустныя картины жизни по рецепту: „жить надо"—рисуетъ нашъ авторъ. Семейныя неурядицы глубоко трогаютъ и оскорбляютъ его. И кто же, знающій хоть сколько-

нибудь жизнь, не станетъ съ авторомъ подъ знамя протеста противъ разлагающаго дѣйствія, которое проявляетъ въ культурныхъ слояхъ общества семья, гдѣ мужъ долженъ всѣ свои силы класть на „квартиру на солнцѣ“, въ то время, какъ жена, „единственною своею заботою, посреди всемірной свалки, полагаетъ въ томъ, чтобы одѣваться то въ видѣ зонтиковъ, то въ видѣ колокольчиковъ“.

Нужно къ тому же знать, что въ этой мрачной аллегоріи цвѣточной пылинки, превращающейся въ корень и погружающейся все глубже и глубже, вдаль отъ свѣта и людского говора, есть неполнота, что стремленіе къ теплу и свѣту, которое, повидимому, должно бы дать счастье хоть одной сторонѣ, той, которая идетъ въ стебель,—приводитъ, въ сущности, совершенно не къ тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣются въ виду, что мало счастья, настоящаго и разумнаго счастья въ томъ, чтобы одѣться то въ видѣ зонтика, то въ видѣ колокольчика. Нужно сказать, что вопросъ о русской семьѣ далеко не часто трактуется теперь въ русской литературѣ; между тѣмъ въ дѣйствительности страшное зло, господствующее въ культурной семьѣ, существуетъ постоянно, терпимое только по привычкѣ и по неразумію...

(1887).

ОСЕНЬЮ.

1.

Передъ нами очерки Гл. Успенскаго: „Осенью. — Страницы изъ деревенскаго дневника“. Осень — время сравнительнаго довольства въ деревнѣ, когда въ той или другой мѣрѣ удовлетворены насущныя потребности ея жителей, и нужда, всегда появляющаяся къ веснѣ, не накладываетъ на нихъ, на проявленія ихъ характеровъ во взаимныхъ отношеніяхъ, своего тяжелаго отпечатка. Это обстоятельство, равно какъ и то, что осенью, въ сравнительно свободное время, совершаются въ деревнѣ торжественнѣйшія минуты

въ жизни крестьянина,—сватовство и свадьбы съ окружающей ихъ радостью и гульливымъ весельемъ,—придаетъ картинамъ жизни народной, изображаемымъ авторомъ, особенную прелесть и свѣжесть.

Въ этихъ очеркахъ Гл. Успенскій невольно оставляетъ свой обычный для него въ послѣднее время пріемъ—сопровождать изображенія жизни комментаріями, потому что въ томъ, что онъ рисуетъ теперь съ такою любовью и съ такимъ художественнымъ чувствомъ, и безъ того все понятно, все просто и жизненно, не усложнено посторонними или случайными тяжелыми вліяніями. Очевидно, что народная сущность, душа народа, выражается въ этихъ изображеніяхъ съ большею полнотою и ясностью, потому что не въ моменты экстаза и невмѣняемости, не при обстоятельствахъ горя, голода и всяческихъ страданій сказывается человѣкъ такимъ, какъ онъ есть въ своей обычной жизни, въ своихъ ежедневныхъ отношеніяхъ, а именно въ то время, когда спокойно течетъ его жизнь, налагая на него не чрезмѣрное бремя заботъ и трудовъ, а раздѣляя ихъ поровну съ тѣми наслажденіями, которыя оно способно дать. И если, что̀ также необходимо, мы изучаемъ не страданія народныя, не вопросы его жизни, требующіе вниманія и разрѣшенія, а хотимъ присмотрѣться къ самому народу, понять его, понять ту среду, въ которую рѣшеніемъ этихъ вопросовъ вносятся жизненныя измѣненія, а слѣдовательно и понять, насколько примѣнимы къ народной жизни эти измѣненія,—то, очевидно, простое изученіе народа въ его простомъ бытѣ, не въ моменты его геройства или паденія, будетъ дѣломъ первѣйшей важности. Авторъ удовлетворяетъ этому послѣднему интересу, изображая здѣсь народную жизнь въ ея относительно радостныхъ сторонахъ, гдѣ народъ проявляетъ, разумѣется, не худшія свои свойства.

Авторъ начинаетъ свои очерки съ нѣкоторымъ предисловіемъ, носящимъ характеръ разъясненій. Но на этотъ разъ они ограничиваются почти исключительно указаніемъ на важность и жизненность деревенскихъ интересовъ въ сравненіи съ интересами „городскими“, тѣми, которыми *дѣй-*

ствительно живетъ огромное большинство городскихъ обывателей, воображая, быть можетъ, что живетъ иначе,—мысль, какъ извѣстно, постоянно сказывающаяся во всемъ, что пишетъ въ послѣднее время нашъ авторъ. Съ недвусмысленной ироніей говоритъ онъ о томъ, чѣмъ живетъ городской человѣкъ, и характеристика его мѣтка и оригинальна. „Побыть въ деревнѣ дня два безъ дѣла и безъ скуки“ онъ считаетъ однозначущимъ съ „немного поочувствоваться послѣ томительныхъ дней петербургской осенней жизни“. И вотъ какъ иронически описываетъ онъ это осеннее столичное существованіе. „Иногда, дѣйствительно, петербургская жизнь способна удручить своихъ невольныхъ обитателей минутами убійственнѣйшей тоски. Полсутокъ весь Петербургъ рѣшаетъ участь всѣхъ русскихъ дебрей и всего въ нихъ живущаго; другія полсутокъ онъ отдыхаетъ отъ своей работы. Будучи каплей въ бумажномъ океанѣ, петербуржецъ дѣлаетъ то дѣло, какое ему дадутъ; точно также, т.-е. какъ дадутъ“,—онъ и отдыхаетъ. Хорошо, если вечеръ дастъ ему Рубинштейна; ну, тогда онъ волей-неволей полетаетъ нѣсколько часовъ и подъ небесами, и въ земныхъ ощущеніяхъ помучается до поту; а не дадутъ Рубинштейна, надо принять и Фельдмана, волей-неволей надо украсть у сосѣда по театру бумажникъ, отнести его во второй ярусъ, словомъ, надо отдыхать такъ, какъ прикажутъ афиши и дирекція театровъ, Не будучи самимъ собой ни въ дѣлѣ, ни въ отдыхѣ, петербуржецъ только къ концу дня получаетъ возможность поступать вполнѣ самостоятельно“. Но вся сфера этой самостоятельности ограничивается, по автору, ужиномъ въ ресторанѣ, послѣ спектакля; тутъ „онъ можетъ „самъ“, не слушая ничьихъ приказаній, безъ всякаго принужденія выбрать себѣ котлетку или бифштексъ, или рыбу, курицу,—словомъ, что только его *душѣ* угодно“... „Безъ помѣхи-то баринъ и думаетъ только надъ прейсъ-курантомъ“...

Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется автору хотя бы та же самая осенняя жизнь, но въ деревнѣ, гдѣ „можно лучше всего ощутить себя самого“. „Здѣсь,—говоритъ авторъ,—я *самъ* вижу, что въ ворота вошла чужая собака;

я *самъ* знаю, что она чужая, потому что она бѣлоухая, не наша, и вотъ я *самъ*, не слушаясь никакой передовой статьи и не ожидая рѣшенія какой бы то ни было коммиссіи, иду на дворъ, выгоняю собаку, запираю ворота... Здѣсь, въ деревнѣ, я имѣю о томъ, что вижу, собственное свое имѣніе, тогда какъ въ Петербургѣ я долженъ постоянно проникаться чужими мнѣніями и интересами. Почему это въ 8 час. утра я долженъ узнать, что въ Цетинью привезли ящикъ съ магазинными ружьями и т. д.?"

2.

Это сравненіе жизни деревенской съ городскою, какъ мы выше и сказали, составляетъ только нѣчто въ родѣ предисловія. А далѣе слѣдуютъ двѣ глубоко жизненныя сцены, отражающія тѣ интересы, которые присущи народу, и народный характеръ. Въ первой изъ этихъ сценъ, въ длинномъ разговорѣ нѣсколькихъ крестьянъ при авторѣ, раскрываются передъ читателемъ проявленія народнаго ума и нравственнаго чувства при яркой индивидуальности каждаго дѣйствующаго лица и типичности нѣкоторыхъ. Особенно характеристична и типична молодая женщина, хозяйка дома, — „типъ женщины, поглощенной исключительно обороной собственнаго угла, семьи и своей личности отъ малѣйшей возможности подчиненія кому-нибудь и чему-нибудь". Въ разговорѣ обнаруживается, что ей, ея стремленіямъ только-что нанесенъ мужемъ тяжкій ущербъ,—обнаруживается не сразу, понемногу, такъ какъ чувство, вызывающее разсказъ объ этомъ ущербѣ, долго сдерживается и лишь мало-по-малу выдаетъ то, что не хотѣлось бы показывать постороннимъ.

Дѣло въ томъ, что мужъ ея, какъ почти и всѣ мужья деревни, продавъ холсты жены на ярмаркѣ, тутъ же попался на удочку ловкихъ людей изъ города и проигралъ „вертушешнику" всѣ деньги, увлекшись возможностью сразу выиграть кушъ. Вотъ это-то обстоятельство и внесло цѣлое горе въ бытъ небогатой семьи.—„И-и! Что убиваться? — велики тамъ деньги (три рубля!)",—утѣшаютъ молодую жен-

щину и мужъ, и посторонніе, обѣщаясь возмѣстить ея убытокъ. А она отвѣчаетъ:—„Да вѣдь я изъ-за трехъ-то цѣлковыхъ цѣлый годъ билась! Подумай-ка ты, кабы три-то цѣлковыхъ мнѣ не надобны были, стала бы я ночи-то сидѣть за станомъ? Аршинъ-то онъ гривенникъ стоитъ, а подумалъ ли ты, сколько за нимъ труда-то? Вѣдь я каждую ниточку обдумала, на что мнѣ ее промѣнять, что себѣ въ домъ принесть... Кабы я о своемъ домѣ за каждой ниткой не думала...“ И она дѣйствительно думаетъ о своемъ домѣ умѣло и разумно, какъ немногіе. Въ разговорѣ одинъ изъ присутствовавшихъ, иронически относясь къ ея заботамъ даже и объ одномъ грошѣ, замѣчаетъ: „диви бы что, а то грошъ! Великъ изъ него прокъ...“ Но вотъ что̀ говоритъ она ему въ отвѣтъ: „Вотъ какой ты умный! Что ни скажешь, только бы тебя слушать и радоваться... Да грошъ-то иной разъ меня изъ какой бѣды вызволитъ?.. Надобно цѣну ему знать! На грошъ-то я вамъ иголку куплю... видишь ты? А иголка-то знаешь ли что̀ для нашей сестры значитъ? Мнѣ надо и себя, и мужика обшить, ребятишекъ, этого вѣдь вы ничего во вниманіе не берете... А какъ гроша-то у меня нѣтъ, да остаюсь я безъ иголки, ну-ко, посмотри, сколько лохмотья-то въ домѣ накопится? Хуже нищаго будешь! А гдѣ я возьму иголку-то, если у меня гроша-то своего нѣту. Вѣдь мнѣ надо въ люди идти? должна я поклониться, попросить?.. Иная дастъ тебѣ иголку, да душу потомъ вымотаетъ... Вотъ что мнѣ значитъ иголка! А съ своимъ-то грошомъ я сама хозяйка, никому не кланяюсь, никого не прошу, не шляюсь по людямъ, никого надо-мной нѣтъ, вотъ тебѣ и грошъ!“

Такъ говоритъ эта энергичная женщина. На автора она производитъ сильное впечатлѣніе. „Никогда ни грошъ., ни иголка не имѣли въ моихъ глазахъ того необычайнаго значенія, которое придала имъ рѣчь хозяйки.—говоритъ онъ.— Какая масса затрудненій наваливается на крестьянскую женщину изъ-за одного только гроша, на который можно купить иголку, необходимую въ семьѣ постоянно! И оказывается, что бываютъ моменты, когда *невозможно* купить иголку, нѣтъ гроша, нужно идти въ люди кланяться“...

Въ другой сценѣ, на слѣдующій день, впечатлѣнія были много привлекательнѣе невеселыхъ воспоминаній о ярмаркѣ и о крестьянской недостачѣ, какъ говоритъ самъ авторъ. Здѣсь описываются деревенскія смотрины, составляющія одинъ изъ торжественныхъ обычаевъ. Непривычнаго человѣка поразитъ въ нихъ откровенная, не прикрашенная грубость осмотра невѣсты, которая показывается, какъ лошадь, выведенная на ярмарку, и ревизія ея имущества, приданаго, которое ведется съ пріемами торговли; наконецъ, торгъ о „выводѣ", т.-е. платѣ за невѣсту ея родителямъ произведетъ на такого непривычнаго человѣка ужъ совершенно отталкивающее впечатлѣніе. И между тѣмъ, авторъ не только называетъ впечатлѣнія отъ всего этого „привлекательными", но и рисуетъ самую картину этихъ смотринъ съ большою любовью и съ чисто художническою созерцательностью, всматриваясь и читателя заставляя всматриваться во всѣ детали торжества.

Нужно ближе вникнуть въ мотивы деревенской жизни, чтобы понять это отношеніе автора къ обычаямъ, повидимому такъ противорѣчащимъ всѣмъ нашимъ нравственнымъ представленіямъ, почти оскорбляющимъ наше нравственное чувство. Но разъ понявъ и ставъ на точку зрѣнія автора, читатель уже не откажется раздѣлить съ нимъ и его чувства, и его воззрѣнія. Дѣло въ томъ, что смотрины давно уже превратились въ простую проформу, освященную стариною, но утерявшую реальный смыслъ по крайней мѣрѣ на три четверти. При современныхъ условіяхъ деревенской жизни, женихъ, конечно, вдоль и поперекъ знаетъ свою невѣсту и ея богатство, тѣмъ болѣе, что осмотръ приданаго въ сущности можетъ и не повести ни къ чему, такъ какъ на него, случается, невѣста набираетъ отъ подруги холста и другихъ вещей, чтобы казалось больше. И все-таки женихъ, не разъ видавшій невѣсту на работѣ или на посѣдкахъ, теперь, на смотринахъ обязательно долженъ видѣть ея искусство за прялкой, заставляетъ ее пройтись передъ собою для доказательства, что она не хрома и здорова вообще, осматриваетъ ея холсты и затѣмъ показываетъ родителямъ невѣсты свой домъ и хозяйство, тоже всѣмъ извѣстные.

Вся процедура этого осмотра, повидимому, не нужна, безцѣльна; а крестьянскій міръ, между тѣмъ, держится стародавняго обычая, потому что въ немъ просто-на-просто выражается забота родителей создать для своихъ дѣтей прочный семейный бытъ, возможно обезпеченный. Но въ той средѣ, гдѣ „грошъ“ и „иголка“ играютъ столь по истинѣ удивительную роль, возможно ли рѣшиться на важнѣйшій шагъ въ жизни, на бракъ, безъ всякой заботы о здоровьѣ будущихъ хозяевъ, представителей семьи, и о грошахъ, столь важныхъ? И вотъ, крестьянскій міръ, давно уже потерявшій причины производить это спеціальное ознакомленіе съ невѣстою и приданымъ ея, все-таки удерживаетъ обычай, выражающій его реальные интересы. И нужно сказать, что обычай этотъ нисколько не мѣшаетъ ни любви, ни всяческимъ нѣжнымъ чувствамъ молодой четы, потому что задолго передъ тѣмъ, какъ этотъ обычай будетъ примѣненъ, они уже обыкновенно порѣшили стать мужемъ и женой и это рѣшеніе въ большинствѣ случаевъ теперь ложится въ основаніе сватовства.

Авторъ нашъ въ „смотринахъ“ видѣлъ, очевидно, именно ихъ идеальную сторону, съумѣлъ не придать никакого значенія отжившимъ частностямъ, дошедшимъ въ этомъ обычаѣ до насъ изъ глубокой старины, когда бракъ имѣлъ въ себѣ дѣйствительный элементъ продажи женщины. Возможно, конечно, предположеніе, что подобные элементы обычая поддерживаютъ и ложныя, отжившія представленія объ отношеніяхъ между мужемъ и женою; но стоитъ только прочитать заключеніе всей сцены смотринъ, увидѣть, какъ женихъ „держалъ себя передъ невѣстой робко и почтительно“, убѣдившись, что́ онъ пріобрѣтаетъ въ ней, въ то время какъ „она была спокойна и словно выросла въ эти полчаса времени, какъ продолжались смотрины“,—чтобы не бояться особенно этого результата. Такъ мы понимаемъ мысль, которую вкладываетъ Гл. Успенскій въ высоко художественное изображеніе смотринъ.

(1887).

ЖИВЫЯ ЦИФРЫ.

1.

Въ очеркѣ Гл. Успенскаго „Живыя цифры. Изъ записокъ деревенскаго обывателя“, неутомимый изслѣдователь явленій народной жизни останавливается на этотъ разъ на томъ внутреннемъ значеніи, которое лежитъ въ сухихъ цифрахъ статистики, на тѣхъ драматическихъ положеніяхъ людей, которыя получаютъ такое своеобразное выраженіе въ простыхъ числовыхъ знакахъ „Только вѣдь въ этихъ-то толстыхъ скучныхъ книгахъ (статистическихъ),—говоритъ авторъ, —и сказана цифрами та „сущая“ правда нашей жизни, о которой мы совершенно отвыкли говорить человѣческимъ языкомъ, и нужно только разъ получить интересъ къ этимъ дробямъ, нулямъ, нуликамъ, къ этой вообще цифровой крупѣ, которою усѣяны статистическія книги и таблицы, какъ всѣ они, вся эта крупа цифръ, начнетъ принимать человѣческіе образы и облекаться въ картины ежедневной жизни, то-есть начнетъ получать значеніе не мертвыхъ и скучныхъ знаковъ, а, напротивъ, значеніе самаго разнообразнѣйшаго изображенія жизни. И все-таки, не случись со мной одного самаго ничтожнаго обстоятельства, я бы никогда не вошелъ во вкусъ этихъ покрытыхъ какою-то черною мушкарой страницъ и никогда бы не понялъ многозначительности выводовъ изъ этой цифирной мушкары“. И авторъ даетъ читателю постигнуть нервами, чувствомъ, а не одною головой, все значеніе цифирной мушкары, заставляетъ войти также во вкусъ покрытыхъ ею страницъ, какъ это сдѣлало съ нимъ самимъ „одно ничтожное обстоятельство“.

Первый очеркъ авторъ называетъ „Четверть лошади“. Конечно, нетрудно понять, что̀ такое значитъ четверть лошади, стоящая въ ряду статистическихъ данныхъ; просто невозможно не сообразить, что, значитъ, изъ четырехъ крестьянъ по крайней мѣрѣ у троихъ вовсе нѣтъ лошади. Но подъ талантливымъ перомъ автора эта простая мысль облекается

въ живые образы, въ плоть и кровь, получаетъ дальнѣйшее развитіе, освѣщается яркимъ свѣтомъ жизненной картины, заставляющей болѣзненно сжиматься сердце. Вотъ какъ авторъ изображаетъ видѣнное имъ. „Шелъ я, скучалъ, и ни о чемъ не думалъ и вдругъ совершенно случайно услыхалъ: „То то, кабы лошадь была!“ Слова эти жалобно проговорилъ женскій голосъ. „Какъ безъ лошади!—сказалъ мужской голосъ,—безъ лошади пропадешь!“ Что-то сказало мнѣ, что передо мной—не что иное, какъ живая статистическая дробь, а черезъ мгновеніе я уже съ полною ясностью зналъ, что я вижу именно дробь въ живомъ человѣческомъ образѣ, вижу, что́ такое эти нулики съ запятыми, съ большими и маленькими. И мнѣ ужасно захотѣлось подойти къ этой живой дроби. Дробь была баба лѣтъ тридцати, и рядомъ съ ней стояла на землѣ маленькая, полуторагодовая дѣвочка. Обѣ онѣ вышли изъ лачужки, у которой не было даже сѣней. Противъ бабы и дѣвочки стоялъ мужикъ, тоже, должно быть, какая-нибудь единица, дѣленная по крайней мѣрѣ на десятокъ мѣстныхъ бюджетиковъ, потому что у него на спинѣ на каждый квадратный футъ было по четыре двухдюймовыхъ дыры, и который, повидимому, также зналъ, что „четверть“ лошади не представляетъ ничего хорошаго. — Кабы у меня лошадь была, такъ ужъ отвезъ бы!—сказалъ онъ тоскливо.—То-то безъ лошади-то неспособно!...—сказала дробь-баба.—Далеко-ль до покосу-то?—Да версты двѣ будетъ.—Такъ ты вотъ какъ!—задумчиво сказалъ мужикъ, дѣленный на десять:—Ты обѣдъ держи въ одной рукѣ, и косу въ тое-жъ руку пріуладь, а подстилку и полушубокъ для дѣвочки на шею намотай... Вотъ и будетъ великолѣпно! Чуешь?“

И передъ читателемъ развивается тяжелая сцена усилій совмѣстить несовмѣстимое, хоть какъ-нибудь устроить на бабѣ непосильное количество тяжестей. Наконецъ, мужикъ изловчился. „—Ну, теперь гляди!—сказалъ онъ, оживляясь сразу по малой мѣрѣ на тысячу процентовъ.—Гляди теперь, какой мы произведемъ оборотъ. Стой прямо!“ Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и, взявъ ее подъ мышки, поднялъ.—Ну, любезная барышня, пожалуйте въ вагонъ садиться! Не болѣе какъ

къ маменькѣ на шею!... Разъ! Дѣвочка обхватила шею матери и ногами и руками.—Охъ, ты меня удушишь, Пашутка!—тихо прошептала мать... Что-жъ будетъ?—Погоди, не торопись!—суетился мужикъ.—Баринъ!—крикнулъ онъ мнѣ. Поди-ка, сдѣлайте милость, потрудитесь! Подними платокъ, мнѣ дѣвочки нельзя пустить. Я поднялъ платокъ и подалъ мужику.—Благодаримъ покорно! Теперь мы уладимъ Пашутку никакъ не меньше, какъ въ первомъ классѣ! Онъ развернулъ платокъ, сложилъ его съ угла на уголъ вдвое и, наложивъ средину на голову Пашутки, обвязалъ концами ея мать такимъ образомъ, что платокъ прямо проходилъ у ней подъ шеей и подъ мышками и завязывался узломъ на самой шеѣ такъ удачно, что Пашутка сидѣла въ этомъ узлѣ, какъ на подушкѣ.—Прямо въ некурящій вагонъ обладили! Поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ, буфетъ!—въ восторгѣ воскликнулъ мужикъ. Не держись, Пашутка, пусти руки! Сиди слободно!—Пашутка выпустила руки, заболтала ногами, захлопала руками и что-то залепетала.—Ну, ты не дергай меня! мнѣ подъ шеей тянетъ,—сказала мать,—сиди смирно!—Бери обѣдъ! Бери косу! оживленно говорилъ мужикъ, подавая бабѣ въ руки все, что она должна была нести,—и все баба взяла, и въ руки, и въ подмышки. Все умѣстилось, но баба не шла. Лицо ея было даже весело, такъ смѣшно и искусно выдумалъ этотъ вагонъ добрый сосѣдъ, дѣленный на десять бюджетовъ, но все-таки ей нужно было изловчиться и приладиться, и она нѣкоторое время неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ, прилаживая половчѣе то косу, то полушубокъ, то половикъ...—Кабы лошадь была!...—вдругъ, переставъ радоваться, со вздохомъ проговорилъ мужикъ-благодѣтель, когда баба, „точно не человѣкъ, а колокольня—тронулась съ мѣста.“

Мы привели эту сцену въ подробныхъ извлеченіяхъ, чтобы съ полною очевидностью показать въ сущности непосильную работу, которую необходимо было принять на себя этой бабѣ, страшно навьюченной на цѣлыя двѣ версты пути. „Баба шла съ такою осторожностью, вытяжкой, и съ такою тщательностью балансировала среди обременяющихъ ее тя-

жестей, что мнѣ невольно вспоминалась акробатка, которую я видѣлъ когда-то". Авторъ послѣдовалъ за ней. На пути, по словечку, перерывая рѣчь тяжелымъ дыханіемъ, она разсказала ему подробности своего быта, изъ которыхъ явствуетъ, что у нея съ мужемъ есть уже полный комплектъ сбруи, отданный имъ съ большою уступкою, что за сбрую эту еще не заплачено, а заплатится тогда, когда продадутъ сѣно, а что тогда вотъ можно будетъ „обдумать" и на счетъ лошади.

Но вотъ они на покосѣ. Здѣсь передъ читателемъ развертывается сцена еще болѣе тяжелая. Послѣ скуднаго обѣда, оставивъ дѣвочку сидѣть одну, отецъ и мать принялись за работу, все повторяя: „вотъ безъ лошади-то!" „Такъ какъ на одной четверти лошади нельзя возить сѣно, — разсказываетъ нашъ авторъ,—то нашимъ дробямъ пришлось подсовывать подъ каждую сѣнную „кучу" па двѣ жерди рядомъ, браться за концы этихъ жердей, точно за носилки, и, поднявъ тяжесть не менѣе четырехъ пудовъ, тащить ее къ той кучѣ, гдѣ предполагалось сложить стогъ. Жерди были подведены; четырехпудовая куча сѣна плотно притискивала ихъ къ землѣ, низменной и болотистой. — Ну-ка, Господи благослови! — сказалъ Авдѣй (мужъ), становясь впередъ. Согнувшись, онъ занесъ руки назадъ, захватилъ концы жердей и проговорилъ, не поднимая ихъ и не разгибаясь: — Н-не вдругъ, Авдотья, налегай! Помаленьку! не сразу подхватывай... Приладься!...—Авдотья знала всю трудность дѣла и изловчилась. Лиха бѣда была поднять, а тамъ ужъ нужно было держаться цѣпко за концы, а четыре пуда не оторвутъ рукъ отъ плечей. Раза три они оба поприналегали на кучу, то сзади Авдотья, то спереди Авдѣй, и понемногу она сдвинулась съ мѣста, отсосалась отъ сырой земли и наконецъ, съ значительнымъ усиліемъ, они оба стали приподнимать ее. Для Авдотьи это было особенно трудно и требовало весьма значительнаго калѣченья ея тѣла. Подхватить концы жердей сразу ей было очевидно не по силамъ, и она, положивъ одинъ конецъ жерди на колѣно, обѣими руками вцѣпилась въ конецъ другой жерди, подняла ее, высвободила одну

руку и схватилась ею за конецъ жерди, который лежалъ у нея на колѣнѣ. Наконецъ они оба выпрямились и пошли. Пошли, держась прямо, какъ струна...“ И одна куча за другой, все съ тѣми же усиліями, переносились ими на назначенное мѣсто.

Такъ вотъ что такое значитъ „четверть“ лошади: она— источникъ тяжелыхъ страданій, нѣсколько смягчаемыхъ добродушнымъ сознаніемъ неизбѣжности ихъ да эфемерными до значительной степени надеждами на будущее. Чтобы измѣрить всю сумму этихъ страданій, нужно помножить ихъ на огромное количество дней и потомъ вновь помножить на огромное количество этихъ бѣдняковъ, на которыхъ приходятся эти несчастныя лошадиныя четверти. Въ очеркахъ Успенскаго чувствуется вся тяжесть гнета бѣдности на народъ тѣмъ съ большею силою, что въ нихъ ни капли преувеличенія или какой либо подтасовки фактовъ,—все совершается въ нихъ въ предѣлахъ самой очевидной простой обыденности, и только въ фактахъ, видѣнныхъ всѣми изъ насъ, авторъ художественнымъ чувствомъ оттѣняетъ иной разъ ускользавшія отъ насъ мелкія, но многозначительныя подробности.

Во второмъ очеркѣ, „Квитанція“, авторъ переноситъ насъ въ совершенно другую среду, въ Петербургъ. Передъ нами бѣдная швея, мечущаяся съ тоской въ отыскиваніи своего умершаго въ воспитательномъ домѣ ребенка. Тотъ же трагическій смыслъ выступаетъ изъ-подъ мертвой цифры квитанціи, выданной въ пріемѣ ребенка въ домъ. И оба свои очерка авторъ заключаетъ слѣдующими, полными печали, словами: „Такъ вотъ какія иногда многосложныя вещи таятся въ статистическихъ дробяхъ! Думаешь, думаешь надъ этими поликами, дѣлаешь разныя вычисленія, а нежданная слеза возьметъ да все запачкаетъ. Но вотъ это-то именно и означаетъ, что всѣ статистическія цифры живы, живехоньки, и что въ это дѣло надо вникнуть посерьезнѣе!“

2.

„Ноль-цѣлыхъ“! „Неужели, подумаетъ читатель, эта мнимая величина можетъ быть выражена въ человѣческомъ образѣ? Вѣдь если *ноль*, такъ, стало быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, ровно ничего не можетъ находиться; ноль — это пустопорожнее мѣсто... Однако, вотъ этотъ-то пустопорожній знакъ осмѣливается утверждать, что онъ, это „ничто“, стоитъ на мѣстѣ цѣлаго“. И вотъ, именно вслѣдствіе „затруднительнаго, даже прискорбнаго положенія“ изслѣдователя жизни передъ этой „ни съ чѣмъ не сообразной комбинаціей „ноля“ и „цѣлаго“, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на отысканіи „живого ноля“. И онъ отыскалъ такой „живой ноль“, въ характеристикѣ котораго собственно и лежитъ основная мысль автора. Сначала авторъ принялся искать живыхъ нолей въ народной средѣ. „Гдѣ, какъ не въ той средѣ, думалось мнѣ,—говоритъ онъ,— могутъ быть человѣческія существованія, опредѣляемыя пустопорожнимъ знакомъ ноля, какъ не въ этой средѣ наимельчайшихъ десятичныхъ дробей...“ Но ноль оставался тайнымъ, и автору пришлось убѣдиться въ „коренной ошибкѣ“, въ которую онъ впалъ, ища ничтожнаго существованія въ средѣ народной.

Однажды ему казалось, что онъ напалъ на нѣчто отвѣчающее его исканіямъ. Авторъ описываетъ яркими красками жалкую фигуру этого человѣка, „тощее, маленькое, какъ воробей, существо, невольно наводившее на мысль, ужъ не это ли ноль-то цѣлыхъ? Человѣкъ живой, а производитъ впечатлѣніе чего-то почти неосязаемаго“. Но чѣмъ ближе знакомился авторъ съ заинтересовавшимъ его субъектомъ, чѣмъ явственнѣе обнаруживалось птичье существованіе послѣдняго, его скитанія, его уплата податей *спуста*, его надежды на карьеру „по театральной, по балетной части“— „машины двигать... напримѣръ, ежели море, такъ подъ холстиной сидѣть и руками бить, чтобы волнами оказывало передъ публикой“...—чѣмъ больше выдвигалось на видъ подобныхъ обстоятельствъ, тѣмъ для автора очевиднѣе стано-

вилось, что передъ нимъ не „ноль-цѣлыхъ“. „Воздушность, отличавшая это существо вообще отъ всякой связи съ человѣчествомъ,—говоритъ онъ,—конечно весьма близко напоминала о нолѣ, о чемъ-то во всѣхъ отношеніяхъ неосязаемомъ и неуловимомъ; но разъ это неуловимое можетъ, хотя и въ мечтаніяхъ, приткнуться куда-нибудь и какъ-нибудь въ ряды человѣческаго общества, оно уже не цѣлое, а непремѣнно дробь...“ И долго авторъ такъ бился съ мучившей его задачей безъ всякаго успѣха; какія бы... „почти мнимыя“ существованія ни встрѣчались ему въ деревенской жизни, во всякомъ случаѣ они оказывались дробями. Неожиданный случай выручилъ автора.

Случай этотъ состоялъ въ томъ, что авторъ прочиталъ въ одномъ журналѣ „надѣлавшій шума „Романъ графини“; по цитатамъ, совершенно точнымъ, оказывается, что подъ этимъ именемъ авторъ разумѣетъ дѣйствительно надѣлавшую шума переписку покойнаго Надсона съ особой, назвавшей ему себя графиней Лидой. Автору еще прежде все совѣтовали прочитать этотъ „романъ“. „Говорили, что вообще—„необыкновенно“; пьяный аптекарь въ уѣздномъ клубѣ весь вечеръ неумолчно вопіялъ: „превосходно! дьявольски великолѣпно!“ И вообще вся полупьяная уѣздная братія размякла, разнѣжилась и пожалуй даже раскисла отъ какихъ-то невѣдомыхъ ей ощущеній, познакомившись съ содержаніемъ этого любопытнаго произведенія“. Такъ характеризуетъ авторъ тотъ „успѣхъ“, который достался на долю пустопорожнему явленію не въ одной только, какъ извѣстно, „полупьяной уѣздной братіи“.

Уже изъ этого ясно, съ какой ироніей, внутренней ироніей, относится авторъ къ „роману графини“ и къ его скоротечному, быстро минувшему успѣху. И онъ съумѣлъ съ силой анализа и честной мысли разоблачить отъ мишурнаго одѣянія его настоящую сущность. Выписавши многія мѣста, изъясняющія разныя будто бы доблести графини Лиды и разныя будто бы страданія высокаго качества, ухаживанія за ней кавалеровъ и вышиванія ею необыкновенныхъ полотенецъ и т. п., авторъ заключаетъ: „Читая эти легкіе на-

броски, поражаешься непомѣрной массой живыхъ силъ человѣка, которыя этому человѣку необходимо проявить въ жизни и дѣйствіи, чтобы жизнь эта не была исполнена прорѣхъ и пустыхъ мѣстъ". Но... „думалъ, думалъ авторъ объ этомъ „цѣломъ" человѣкѣ, припоминая подробности романа... и скоро почувствовалъ, что его мысли, нисколько не прерываясь въ своемъ теченіи и не сбиваясь съ пути, сосредоточиваются на чемъ-то уже совсѣмъ не подходящемъ къ облику героини романа, облику, который какъ бы даже затуманился"...

То, на чемъ сосредоточились мысли нашего автора, это — судьба и дѣятельность обыкновенной крестьянской бабы. Въ картинѣ деревенской жизни, нарисованной талантливымъ перомъ, читатель видитъ, какъ начало падать хозяйство по случаю болѣзни хозяйки дома, благодаря не блестящему уму и нерасторопности ея мужа, какъ оно падало все больше и больше и какъ, наконецъ, оно снова стало воскресать и подниматься, лишь только вошла въ домъ новая, молодая женская сила. Не нужно, ризумѣется, никакихъ особенныхъ описаній дѣлъ молодухи, — всѣ знаютъ, въ чемъ они состоятъ. И кто не согласится съ авторомъ, что ея маленькая дѣятельность, вся направленная въ пользу не своей только особы, неизмѣримо выше разныхъ сидѣній въ „фонарикахъ" и мечтаній о невѣдомомъ юношѣ, пишущемъ прекрасные стихи, которые, однакоже, остаются безсильными въ дѣлѣ извлеченія „нѣжной женской души" изъ нѣдръ галочьяго счастія въ куриномъ гнѣздѣ. И вотъ, достоинства жизни деревенской бабы Марфы окончательно получили преобладаніе въ мысляхъ автора надъ достоинствами жизни графини Лиды. „И Марфа, — говоритъ авторъ съ ироніей, носящей печать грусти, — и Марфа умѣетъ пѣть, и она до седьмаго часу отлично отплясывала на вечеринкахъ, а рыбу и раковъ она теперь съ мужемъ ловитъ каждо лѣто и притомъ совершенно безъ сапожекъ, умѣетъ и она приготовить во-1-хъ, „маленькій ленчъ"..., потомъ „настоящій ленчъ..." и пр. и пр. „Словомъ, — заключаетъ авторъ, — все, что можетъ проявить въ жизни богато одаренная натура героини романа, все

проявляетъ и Марфа, съ тою только разницею, что ея полнота жизни неразрывно и во всѣхъ подробностяхъ слита, во-первыхъ, съ жизнью мужа, а во-вторыхъ, далеко не отдѣлена (въ какой-нибудь „фонарикъ“) отъ жизни общественной, мірской, въ которой она *участвуетъ своею мыслью и своей заботой*“. Эти мысли сдѣлали то, что авторъ уже не могъ возстановить первоначальнаго впечатлѣнія отъ „романа графини“. „Теперь,—говоритъ онъ,—мнѣ стали попадаться такія страницы и такія строчки, которыя я проглядѣлъ подъ первымъ впечатлѣніемъ и не обратилъ на нихъ никакого вниманія. А теперь именно онѣ-то и выступили съ особенною ясностью и окончательно истребили во мнѣ все, что я за полчаса еще считалъ такимъ „прекраснымъ и поэтическимъ“...

Особенно автора нашего поразили слѣдующія слова графини Лиды: „Жалѣю очень, что мы не милліонеры; мужъ бы тогда не служилъ и не оставлялъ бы меня“... „Прочиталъ я эти строчки, — говоритъ авторъ,—и сразу все великолѣпное видѣніе разсыпалось прахомъ! Какъ старикъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ, когда золотая рыбка ушла въ море, ничего старику не сказавши, „лишь хвостомъ по водѣ плеснула“,—такъ и я очутился теперь въ недоумѣніи предъ какой-то безотрадной пустотой. Передо мной, какъ и передъ старикомъ, исчезли всѣ сказочныя чудеса, очутилась старая землянка, на порогѣ землянки не царица, а старуха, „а передъ ней разбитое корыто“!... Тайна сказочнаго великолѣпія стала совершенно ясна. Была золотая рыбка,—и великолѣпіе было, а ушла рыбка въ „глубокое море“,—и осталось отъ всего только землянка, да старуха, да корыто! Будетъ милліонъ или, проще, купонъ, будетъ и ленчъ, сначала малый, потомъ настоящій, потомъ „всевозможныя“ занятія, потомъ „всевозможныя скитанія“, потомъ увеселенія... воспитаніе дѣтей, и благотворительность, и танцы до семи часовъ, и тройки, будетъ любящій мужъ и поклонники, и пѣвцы, и поэты, и вышивки, и фонари, и все, все будетъ. А между тѣмъ Марфа“... Авторъ хочетъ сказать собственно о направленіи народной жизни, объ идеалѣ, лежащемъ въ ней. Смыслъ существованія здѣсь получается только тогда,

когда члены семьи „вмѣстѣ“, и „вмѣстѣ во всемъ, а жизнь *семьи*, *дома*,—неразрывны съ мірскою общественною жизнью; а въ этихъ двухъ чертахъ народнаго строя жизни заключаются всѣ данныя для многостороннѣйшаго проявленія человѣкомъ всего, что въ немъ есть божескаго и человѣческаго. Но облечь этотъ образчикъ полноты существованія въ такія формы, которыя бы плѣнили мысль и взоръ читателя,—не позволяетъ горькая дѣйствительность“... Такъ говоритъ авторъ, разумѣя, очевидно, что причины этой горькой дѣйствительности внѣ идеала народной жизни, который, однако же, самъ по себѣ, конечно, не можетъ быть и сравниваемъ съ идеаломъ жизни графини Лиды,—идеаломъ „купонной полноты жизни“, какъ выражается нашъ авторъ. Да онъ и не вѣритъ въ этотъ идалъ и въ эту жизнь. „Обликъ героини романа, —говоритъ онъ, — образчикъ купонной полноты жизни—есть рѣдкое исключеніе. Въ дѣйствительности же, стонъ и плачъ и стенанія идутъ отъ купона во всѣхъ направленіяхъ... все изуродовано, все искажено купономъ... Теперь онъ уже проѣлъ всѣ слои общества отъ верхняго края до нижняго, и именно тамъ, гдѣ долженъ бы быть виденъ результатъ, своей прелестью оправдывающій всѣ понесенныя во имя купона жертвы,—тамъ-то его и нѣтъ“.

Такимъ образомъ Г. И. Успенскій нашелъ свой „ноль цѣлыхъ“ въ лицѣ графини Лиды, очаровавшей, и притомъ, нужно сказать прямо, дурными свойствами свой натуры, столь многихъ и многихъ, какъ это отразилось въ печати. Автору нашему, въ сущности, первому пришлось заговорить своимъ авторитетнымъ голосомъ по поводу страннаго этого факта, характеризующаго наше невеселое время,—факта, котораго многіе изъ насъ были вынужденно молчаливыми свидѣтелями.

(1888 г.).

ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ. ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ.

На галерейкѣ третьяго класса, на пароходѣ, шедшемъ по Волгѣ къ Царицыну, авторъ встрѣтилъ весьма любопытнаго человѣка, истинный типъ русскаго разудалаго ухаря—дѣльца, не очень стѣсненнаго какими бы то ни было нравственными убѣжденіями и влеченіями. Въ веселой компаніи разсказываетъ онъ, какъ уже неоднократно ему приходилось спускаться до „этакаго вида", въ какомъ онъ теперь,—а теперь онъ въ видѣ весьма не казистомъ, — и вновь желаетъ „выходить", „выплывать" въ „люди". Онъ и теперь ѣдетъ съ цѣлью поискать, какъ бы опять „попасть на струю". Разсказы его о поперемѣнныхъ восхожденіяхъ въ люди и нисхожденіяхъ изъ нихъ всѣ носятъ одинъ характеръ. Человѣкъ именно „попадалъ на струю" и пользовался пока было возможно, пока не гнали, напр., въ шею или не стряслась бѣда. Былъ онъ и любовникомъ замужней купчихи, и строилъ разваливавшіеся дома, и „по случаю освобожденія Болгаріи отъ мусульманскаго ига" былъ маркитантомъ, и женился на такой ухарской купеческой дочери, которая и его самого, пожалуй, превосходила въ ловкости, настойчивости и нахальствѣ. И всѣ эти подвиги не блестятъ нравственнымъ чувствомъ, нравственными принципами, но несомнѣнно полны беззавѣтной удали.

И вотъ, по поводу этой встрѣчи, на автора находитъ нѣкоторое раздумье насчетъ нашего настоящаго. Очерки изъ автобіографіи человѣка въ „этакомъ видѣ", которыми тотъ во всеуслышаніе дѣлился съ пароходной публикой, были для него „достаточнымъ основаніемъ, чтобы отвести ему почетное мѣсто среди галереи портретовъ современнаго намъ „вольнаго казачества". Въ русской жизни даннаго момента авторъ видитъ многочисленныя явленія этого „вольнаго казачества". „Появленіе на бѣлый свѣтъ какого-то атамана а, главное, легенда о вольности, пущенная въ публику при помощи газетъ, и эти неясные слухи и мечтанія о какихъ-то самовольно

образовавшихся общинахъ вольныхъ русскихъ людей, самовольно вступающихъ въ политическія связи съ Абиссиніей, самовольно воюющихъ съ итальянцами,—говоритъ авторъ,—все это полуфантастическое, недостовѣрное на дѣлѣ, почти неосязамое и неуловимое, тѣмъ не менѣе несомнѣнно показываетъ, что въ русскомъ обществѣ еще живъ духъ „удалыхъ добрыхъ молодцевъ", еще не замерла мечта о лодочкахъ съ вольными людьми — разбойничками, и что жажда пожить и погулять на свѣтѣ внѣ стѣсненія какими бы то ни было формами общежитія еще довольно сильна въ обществѣ, весьма уже похожемъ по внѣшнему виду на европейское. И передъ умственными взорами автора проходитъ длинный рядъ фактовъ, доказывающихъ, какъ онъ думаетъ, что „въ обществѣ нашемъ жива еще вольная казацкая фантазія,—желаніе достигать своихъ жизненныхъ цѣлей помощью удалой казацкой уловки: притаиться притвориться, выждать, подкараулить, броситься, „сцапать" и утащить, а потомъ уже пересмѣять все это, всѣхъ и вся... „На нашихъ глазахъ, — говоритъ авторъ,— „вольный казакъ" (иногда числящійся по весьма солидному рангу) не проморгалъ, наприм., той минуты, когда все черноморское побережье опустѣло послѣ бѣгства горцевъ въ Турцію, и захватилъ себѣ на льготныхъ условіяхъ не одну тысчёнку земли за самую ничтожную цѣну и съ десятигодовою разсрочкою... Не проглядѣлъ своего „удалый добрый молодецъ" и въ Польшѣ (слѣдуютъ разъясненія, взятыя частію изъ мемуаровъ Н. И. Пирогова)... И выждалъ онъ банки, желѣзныя дороги, войны и побѣды,—и вездѣ ни разу, ни на одно мгновеніе, не проглядѣлъ своего куска"... И такъ далѣе. Авторъ относитъ къ этому разряду явленій всякіе банковые крахи, думая, что въ банковыхъ отчетахъ „вмѣсто цифръ, итоговъ, кредитовъ, дебетовъ, слѣдовало бы написать одно слово: „сарынь на кичку!", вмѣсто слова: „директора" — „укшуйники", а вмѣсто подписи коммерціи совѣтника Ивана Доримедонтовича Огурцова—славное имя Степана Тимоѳеевича, по прозванью Стеньки Разина..." Вотъ на какія мысли и заключенія навела нашего автора случайная встрѣча типическаго представителя ничѣмъ не стѣсняющагося ухарства.

Какъ видитъ читатель, авторъ ставитъ дѣло черезчуръ широко, дѣлаетъ такое обобщеніе, рамки котораго, безъ сомнѣнія, раздвигаются далеко за предѣлы русскаго и древняго, и новаго вольнаго казачества. Но кто не согласится, что есть значительная доля истины въ этой ширинѣ захвата,— той истины, которой не хочетъ понять общественное мнѣніе, карая презрѣніемъ жалкаго воришку и не желая разсмотрѣть „укшуйниковъ“ въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнныхъ общественныхъ грабителяхъ, которые имѣютъ ловкость не появиться „на славной Красной площади“, т.-е., по современному, на скамьѣ подсудимыхъ. Съ точки зрѣнія чисто литературной, авторъ съ неподражаемымъ искусствомъ обрисовалъ интересный типъ,—типъ широко распространенный, не крупнаго, но характернаго общественнаго грабителя, показавъ всю его внутреннюю суть, его душевную характеристику.

А рядомъ съ этимъ, авторъ выдвигаетъ передъ читателемъ не менѣе характерную фигуру одного изъ подобныхъ „вольныхъ казаковъ“, въ душѣ котораго заговорила совѣсть. Въ литературѣ нашей, напр., въ некрасовскомъ „Власѣ“, не разъ уже давалась характеристика этихъ русскихъ людей, которые съ одинаковой страстью и настойчивостью отдаются какъ преступнымъ подвигамъ, такъ и раскаянью. Въ самой исторіи нашей мы встрѣчаемъ примѣры подобныхъ же людей, переходившихъ прямо отъ жизни убійцъ и разбойниковъ къ жизни подвижнической; припомнимъ хотя бы знаменитаго основателя одного изъ извѣстнѣйшихъ сѣверныхъ русскихъ монастырей. Такимъ образомъ, въ мысли нашего автора, въ типѣ кающагося грѣшника, изображаемаго имъ, мы встрѣчаемъ явленіе понятное и родное. Тѣмъ съ бо̀льшимъ интересомъ долженъ вглядѣться читатель въ характеристическую фигуру, съ большимъ мастерствомъ нарисованную авторомъ.

Въ „Письмахъ съ дороги“ Гл. И. Успенскаго, передъ нами мѣстность, еще десять-двадцать лѣтъ назадъ бывшая пустыней, — на берегахъ Кубани, а теперь, благодаря особенно сложившимся обстоятельствамъ, превратившаяся въ густо-заселенную. И вотъ, въ этой-то мѣстности, едва-едва пріобрѣтающей характеръ густо-населенной, дѣятельной, автору до-

велось столкнуться уже съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ людей, въ которыхъ отражаются стремленія эгоистическія и грубыя, грозящія тяжелой эксплоатаціей коренному работающему люду.

„Обиліе людей всякаго званія, и въ особенности „оригиналовъ“ также всякаго образца, — разсказываетъ авторъ, — стало поражать меня съ той самой минуты, когда я, оставивъ станцію Тихорѣцкую и доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до другой станціи, откуда шла старая почтовая дорога на Екатеринодаръ, очутился, наконецъ, въ фургонѣ, въ обществѣ цѣлыхъ трехъ попутчиковъ, которые весьма скоро всѣ до одного оказались каждый на свой образецъ“. Одинъ изъ нихъ, бывшій камердинеръ, съ ногъ до головы глядитъ хищникомъ, бросающимся на всякія „дѣла“, гдѣ можно было бы зацѣпить рубль. Теперь онъ уже и подъ слѣдствіемъ по.... „такъ, ерунда“, по его словамъ — по дѣлу о „народномъ одеколонѣ“; но онъ не очень унываетъ. „Ну, вотъ!... Такъ, ерунда! — говоритъ онъ. — А какое дѣло подняли!... До того измучили, даже, кажется, посѣдѣлъ отъ этого...“ Онъ уже, нужно замѣтить, нѣсколько разъ „сѣдѣлъ“ отъ разнаго рода дѣлъ. Но слѣдствіе ему не помѣха, и онъ все еще занятъ „дѣломъ“, пріемомъ подписки на какую-то амстердамскую лотерею съ огромными выгодами для подписчиковъ. Получая понемногу взносы, онъ пользуется ими для своихъ оборотовъ, играетъ „въ темную“, рискуетъ „на счастье“.

Но есть у него еще и другіе планы, гораздо болѣе капитальные, чѣмъ амстердамскія операціи съ выигрышными билетами. Въ Ростовѣ живетъ агентъ другой иностранной банкирской фирмы, и раздаетъ деньги *крестьянамъ* подъ общественные приговоры за 18 процентовъ въ годъ; такъ вотъ и къ этому дѣлу желалъ бы примазаться этотъ человѣкъ „цыганскаго типа“, какъ его описываетъ авторъ. Словомъ, передъ вами человѣкъ самой наглой эксплоатаціи, пользующійся и бѣдностью населенія, и страстями людскими, и всѣмъ, чѣмъ возможно, съ единственной цѣлью — сорвать гдѣ можно и что можно. Но „все это, — говоритъ авторъ, — разсказанное цыганскаго типа человѣкомъ, положительно капля въ морѣ

всевозможныхъ стремленій со стороны рубля, идущаго за наживой въ расшатанныя народныя массы,—стремленій, о которыхъ слышишь постоянные разговоры и на которыхъ сосредоточены мечтанія массы темныхъ личностей, повсюду кишащихъ на *новыхъ мѣстахъ*".

Другой попутчикъ—еще интереснѣе. Это—молодой мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, армянскаго типа и, повидимому, очень хорошо воспитанный, выдрессированный. Онъ поражаетъ автора своимъ практическимъ смысломъ и „самымъ лучшимъ литературнымъ языкомъ", на которомъ объясняется. Оказывается, онъ изъ четвертаго класса гимназіи, которую бросилъ самовольно, при чрезвычайно оригинальныхъ обстоятельствахъ и поводахъ. „У моего дяди,—разсказываетъ онъ,—есть ресторанъ и лѣтній садъ въ... (онъ назвалъ одинъ изъ большихъ кавказскихъ городовъ). Ну, какъ-то лѣтомъ, во время каникулъ, онъ и пригласилъ меня вести счеты за буфетомъ. Я самъ изъ... (онъ назвалъ другой кавказскій городъ), тамъ и моя мать. Думою, отчего мнѣ не поѣхать въ Т.? Туда учителя изъ нашей гимназіи не пріѣзжаютъ, за буфетомъ меня не увидятъ и, *стало быть*, мнѣ стыдно не будетъ. Кончатся каникулы—и я опять буду въ классѣ... И пятьдесятъ рублей, которые дядя обѣщалъ, тоже деньги... Но дядя меня обидѣлъ, — около перваго августа разсчиталъ и далъ только тридцать; это меня разсердило. А я уже привыкъ къ буфету и мнѣ понравилось... На минеральныхъ водахъ сезонъ еще не кончился... Подумалъ я—куда: въ гимназію или въ Кисловодскъ? — да и сбѣжалъ въ Кисловодскъ... Здѣсь заработалъ въ одинъ мѣсяцъ до восьмидесяти рублей. Потянуло въ Ялту... Тутъ случился эпизодъ съ одною барыней: втроемъ (насъ гуляло трое: я, нѣмецъ и грекъ) мы съ нея взяли двѣсти рублей. Съ этими деньгами я поступилъ въ самую лучшую ялтинскую гостиницу: купилъ отличнѣйшій фракъ, все платье, бѣлье лучшаго сорта. Ну, конечно, доходы—говорить нечего! Собралось у меня денегъ восемьсотъ рублей; сошелся я съ поваромъ, сняли въ *N* лѣтній садъ. Привезъ я изъ Харькова четырнадцать арфистокъ..."

Но довольно. И всѣ эти ужасы разсказываетъ совершенно

юный птенецъ „самымъ лучшимъ литературнымъ языкомъ“, почти не сознавая всей мерзостности своего образа дѣйствій. „Въ началѣ рѣчи, когда онъ говорилъ о гимназіи и о томъ, что учителя и товарищи не увидятъ его за буфетомъ, въ его голосѣ слышалось что-то тоскливое и стыдливое; но по мѣрѣ того, какъ разсказъ продолжался, и по мѣрѣ того, какъ „деньги“ начинали въ немъ играть первенствующую роль, никакой застѣнчивости и ни малѣйшихъ признаковъ скромности не звучало уже въ его рѣчи. О скандальныхъ эпизодахъ, объ успѣшной „торговлѣ арфистками“, о томъ, что въ городѣ Е., къ счастію, кажется, уже начался развратъ,—обо всемъ этомъ восемнадцатилѣтній мальчикъ, ученикъ четвертаго класса гимназіи, говорилъ совершенно спокойно, какъ о дѣлахъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію и критикѣ...“

Какъ ни тяжело видѣть такое глубокое нравственное паденіе отдѣльной личности человѣческой, но бѣда не въ этихъ отдѣльныхъ личностяхъ. Въ нихъ отражается общее направленіе жизни, и нѣсть числа въ этихъ новыхъ мѣстахъ толпамъ всякаго темнаго народа, идущаго „на рубль“, какъ „на огонекъ“. „Что-то глубоко оскорбляющее,—говоритъ авторъ,—чувствуется на сердцѣ всякій разъ, когда придется хотя нѣкоторое время побыть въ одномъ изъ такихъ „новыхъ“, на рублѣ и для рубля возникающихъ человѣческихъ общежитій“. По мысли автора, городъ, выроставшій постепенно изъ маленькаго трудоваго зерна—деревни, живетъ одинаково всѣми достоинствами и недостатками собиравшихся сюда людей: рядомъ съ богачомъ появляется и святой, хорошее и дурное выростало *невольно* для собравшихся здѣсь людей. Совсѣмъ иное происходитъ, когда города выростаютъ сразу, во имя рубля. Приходятъ милліоны и притягиваютъ къ себѣ массы людей, думающихъ: тамъ деньги. И вотъ, на почти дѣвственномъ мѣстѣ надобно сразу „заводить проституцію“, строить острогъ, открывать кафешантаны и пр. „Словомъ, здѣсь, въ этихъ новыхъ городахъ, люди *сознательно* тащатъ на чистую, невинную землю всевозможный мусоръ, сами, своею волею *должны* заводить грязь и всякую гадость и, такимъ образомъ, будучи, во-первыхъ, чужды другъ другу совершенно, чужды по націо-

нальностямъ, по личной жизни, по личнымъ планамъ относительно своего будущаго, они сходятся въ какое-то яко-бы общество во имя только рубля... По совѣсти имъ нельзя критиковать ничего: всѣ знаютъ, что безъ этихъ язвъ, безъ этой гадости, нанесенной на дѣвственную почву, *нельзя жить*, что такъ-то именно, съ грязью-то, *нарочно* организованною, и неизбѣжно жить...“ Понятно, какое развращающее вліяніе должны имѣть на людей подобныя условія жизни, и гимназистъ-торговецъ арфистками является объясненнымъ.

Свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ является третій спутникъ автора. Бывшій портной, человѣкъ впечатлительный, онъ, ушедшій въ крестьянство, весь въ восхищеніи отъ новыхъ условій своей естественной жизни среди природы, послѣ томительнаго сидѣнья на портняжьемъ стулѣ съ поджатыми ногами. И онъ, подлѣ этихъ страшныхъ фигуръ афериста цыганскаго типа и гимназиста, производитъ впечатлѣніе просто отрадное. Ясно становится, что на этой почвѣ, которая „черна, куда ни погляди“, сердцевина, до которой не проѣлъ ее порокъ, лежитъ въ томъ основномъ слоѣ населенія, который служитъ предметомъ эксплоатаціи. Не менѣе любопытенъ и послѣдній спутникъ автора, кучеръ. Бѣднякъ, онъ преисполненъ зависти, въ сущности, къ крестьянству, но — онъ „дворянинъ“, польскій дворянинъ. А дворянину пахать землю — зазорно; дворянское ли это дѣло? И вотъ онъ ѣздитъ съ своею колымагой взадъ и впередъ, возя разныхъ „дѣятелей“, а дѣти его, на основаніи тѣхъ же дворянскихъ соображеній, ищутъ подходящаго дѣла. Влекомые общими условіями, они стремятся въ ряды идущихъ „на рубль“ и, быть можетъ, станутъ тѣмъ же, чѣмъ сталъ цыганскаго типа человѣкъ и предпріимчивый гимназистъ.

Рядомъ съ этими „казаками“ и хищниками, передъ читателемъ являются иного рода „оригиналы“, въ весьма значительномъ количествѣ „мечтатели“, „утописти“, „фантазеры“. На частномъ маленькомъ пароходѣ, въ молодомъ семнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, который управлялъ пароходомъ, авторъ находитъ послѣдователя Л. Толстого; онъ нарочно пріѣхалъ сюда на побережье, чтобы здѣсь начать жить трудами сво-

ихъ рукъ, въ чемъ онъ и нашелъ поддержку со стороны одного лица, преданнаго тому же ученію. Это была первая встрѣча. На другой день обезьяноподобный турокъ-лодочникъ, сидя у руля, ломаннымъ русскимъ языкомъ, коверкая имена и фамиліи, разсказалъ автору длинную исторію про какихъ-то „Миколаичей", которыхъ онъ очень хвалилъ и, вспоминая о которыхъ, закрывая глаза причмокивалъ, покачивая головой. Эти „Миколаичи" были „господа", но жили здѣсь лѣтъ пятнадцать тому назадъ какъ простые крестьяне. „Барина рубахъ сама стиралъ, на море сама таскалъ!" говорилъ онъ. И жили эти „Миколаичи" такимъ образомъ именно потому, что были люди хорошіе. По словамъ турка, одинъ изъ нихъ задумывалъ творить на этомъ побережьѣ чистыя чудеса. „Мельница будетъ вѣтеръ хватать, изъ мельницы будетъ огонь въ проволоку бѣжать и масло бить". Оказалось, что „Миколаичъ" хотѣлъ основать трудовую общину, и во всѣ работы, требующія физической силы, ввести силу электрическую, добывая ее силою вѣтра. По уходѣ этихъ „Миколаичей", по словамъ автора, побережье не оскудѣваетъ другими всякаго рода Миколаичами. Въ одномъ днѣ пути по побережью отъ того мѣстечка, гдѣ былъ авторъ, живетъ отставной военный человѣкъ, изобрѣтающій статистическую машину. А въ двухъ-трехъ верстахъ семья образованныхъ людей уже устроилась по-крестьянски и живетъ трудами рукъ своихъ. Затѣмъ говорятъ о какихъ-то „богочеловѣкахъ", которыхъ пріютилъ фабрикантъ, уступившій имъ лоскутъ земли.

„Какъ видите,—говоритъ авторъ,—всѣ эти черноморскіе оригиналы далеко уже не того сорта, какъ оригиналы кавказскихъ долинъ и тѣхъ „новыхъ мѣстъ", куда капиталу есть разсчетъ появиться... Черноморское побережье неудобно для такого (послѣдняго) сорта людей. Крестьянину нѣтъ даже и земли; капиталисту неохота тратить огромные капиталы въ ожиданіи отдаленнаго барыша, аферисту нечего дѣлать съ шакалами. И вотъ сама судьба указала путь на это побережье фантазеру-мечтателю, одинокому человѣку. Сначала сюда пришли административные мечтатели; они и заселяли, и разселяли, и учреждали города, станицы, рыбоводство...

За ними пришли практическіе люди, расхватали все побережье—и сконфузились. Стали витать надъ побережьемъ какія-то легенды о вольномъ казачествѣ". А теперь вотъ появились толстовцы, статистическія пьянино, вѣтеръ, „пущающій огонь и бьющій масло по проволокѣ", потомъ „богочеловѣки" на купеческой землѣ появились, словомъ всякая фантазія, всякое мечтаніе продолжаетъ властвовать и царить надъ пустыннымъ и прекраснымъ берегомъ". И вотъ, подъ обаяніемъ мечтающаго берега, сталъ мечтать и авторъ.

Почему бы—думаетъ онъ,—на этомъ пустынномъ, пока никѣмъ не занятомъ берегу не попробовать, въ самомъ дѣлѣ, осуществить мечтаніе о трудовой жизни въ видѣ *школы всесословной,* изъ которой человѣкъ могъ бы выйти не въ работники куда-нибудь и на кого-нибудь, а прямо могъ бы сѣсть на этой же землѣ *хозяиномъ.* Хозяинъ-мужикъ страдаетъ отъ невѣжества, отъ незнанія, отъ тяжести, неуклюжести труда,—почему же не попробовать образовать человѣка, живущаго по тому же мужицкому хозяйскому плану и типу, но снабженнаго всѣми облегчающими каторжную сторону труда знаніями? Вѣдь теперь машина служитъ только грѣховоднику-капиталу и убиваетъ человѣка въ рабочемъ...

(1888).

ГРѢХИ ТЯЖКІЕ.

1.

Въ очеркахъ Г. И. Успенскаго „Грѣхи тяжкіе" разсказаны печальные примѣры того, какъ духовная дѣятельность современнаго человѣка ставится дѣйствительностью въ тѣсную клѣтку мертвыхъ обязанностей по „должности". „Мнѣ пришло на умъ подумать,—говоритъ по этому поводу авторъ,—о размѣрахъ „личной" самобытности и самостоятельности, до которыхъ дожило *наше поколѣніе* русскаго народа... Каковы эти размѣры? Много ли эта самая „личность" нажила своего „добра", и даже могла ли она его нажить? Хотѣлось

мнѣ думать объ этомъ, потому что и на насъ, россійскихъ людей, идутъ „изъ-за моря“, какъ и на всѣхъ людей всего свѣта, новые сокрушительные—именно для „личности“—порядки... Человѣкъ, живущій на экваторѣ или на полюсѣ, русскій ли мужикъ, или индіецъ, китаецъ, папуасъ, арабъ, туркменъ,—всѣ эти человѣческія разновидности и особенности ихъ самобытной духовной жизни ничего не значатъ для грознаго порядка, который идетъ на всѣхъ съ одинаковымъ желаніемъ переломать весь строй этой разнообразнѣйшей самобытности на свой однообразный и бездушный образецъ... Это идетъ капитализмъ, меркантилизмъ, или просто-на-просто „господинъ Купонъ“, а по мужицкому разумѣнію—прямо самъ Антихристъ“...

Такимъ образомъ Г. И. Успенскій не согласенъ съ тѣми, кто толкуетъ, будто въ Россіи нѣтъ благопріятныхъ условій для развитія капитализма, прозрѣніемъ художника видя въ русской жизни повсюду признаки и знаменія пришествія этого „антихриста“. Съ грустью рисуетъ авторъ прямые результаты этого пришествія. „Рабство свободнаго, болѣе или менѣе полно мыслившаго человѣка—вотъ что̀ приноситъ „купонный порядокъ“. Человѣкъ, имѣвшій право думать о себѣ, создавшій себѣ правила жизни, мучившійся надъ рѣшеніемъ вопросовъ о правдѣ и неправдѣ, знавшій мученія и радости совѣсти, и только изъ всего этого слагавшій въ своемъ сознаніи понятія о „жизни“, — этотъ человѣкъ, попавши въ лапы „купона“, немедленно лишается счастія жить многосложною душевною, нравственною заботой и превращается въ инструментъ, приставляемый на службу къ другому инструменту“... „И не только не нуженъ купону „человѣкъ“, какъ человѣкъ, но даже и рѣчь-то человѣческая ему не нужна“. Авторъ приводитъ примѣръ этому.

Далѣе онъ хочетъ разсказать, какъ послѣдовательно, послѣ ряда нашихъ „нетвердыхъ въ различіи добра и зла“ временъ, настали времена пришествія господина „Купона“. Ему стали вспоминаться „простые русскіе люди, истинные, добрые, искренніе радѣтели о чистотѣ народной совѣсти, борцы съ народнымъ невѣжествомъ и дикостью, т.-е. люди,

вносившіе въ темную народную среду хотя крошечный, но несомнѣнный и необходимый ей истинный свѣтъ". Въ неоффиціальномъ отдѣлѣ стараго нумера какихъ-то *Губернскихъ Вѣдомостей*, „не то на Камѣ, не то на Волгѣ, не то на Оби", авторъ читалъ сказаніе объ одной древней чудотворной иконѣ, и въ его воображеніи рисуется образъ одного изъ радѣтелей о народной совѣсти. И авторъ разсказываетъ содержаніе этого сказанія, въ которомъ ярко отражаются народныя воззрѣнія на то, чѣмъ должна быть человѣческая жизнь и какимъ долженъ быть человѣкъ. „За непотребную брань ежеминутную, за жадность, за братонелюбіе, за пьянство, за прелестное питіе табачное", словомъ за „богомерзкое распутное житіе", грозитъ въ этомъ сказаніи радѣтель о народной совѣсти ужасами „черной немощи" на людей и т. п. Автора поражаетъ въ этомъ сказаніи ясность, опредѣленность въ пониманіи своего дѣла по отношенію къ ближнему со стороны „радѣтеля"; въ немъ нѣтъ ничего лишняго, ненужнаго, ничего такого, о чемъ бы не болѣла душа радѣтеля; съ тщательностью перечислены всѣ пороки мірянъ, которые могъ понимать онъ и которыми могъ возмущаться, страдать отъ нихъ; тщательно обозначены пути къ исправленію, къ освѣтленію темныхъ душъ и порочныхъ сердецъ.

Авторъ приводитъ и изъ современной жизни примѣръ подобнаго же заботника о народной совѣсти. Но времена господства господина Купона не представляютъ для нихъ хорошаго времени. Современный „радѣтель" въ концѣ-концовъ долженъ „принять грѣхъ на душу—пойти на компромиссъ", либо „уйти въ странствіе". „А на мѣстѣ общины, устроенной имъ на скудныя земскія средства, возникнетъ училище для агрономическихъ смотрителей, и вообще начнется „культура": огромнѣйшій картофель, бразильская рожь, бранденбургскій баранъ .." „Хорошо, да скучно, скучно!—замѣчаетъ авторъ. О братолюбіи-то не слыхать, нѣтъ разговору объ обидимыхъ и обидящихъ,—картофель да картофель, картофель да картофель!... легче помереть!"

Вспомнилъ авторъ и еще одного радѣтеля о народной совѣсти, но скоро всѣ его „матеріалы" по этой части из-

сякли. Но за-то на него „цѣлою несмѣтною тьмой-тьмущей“ стали надвигаться оживотворенные „результаты“ уже нашего нерадѣнія. „Результаты неслись на меня въ опоркахъ, въ рвани, съ растрепанными волосами и бородами, въ скорбяхъ, болѣзняхъ, и съ такими ужасными словами, съ такими ужасными жестами, что я не могъ не затрепетать...“ Такъ изображаетъ авторъ результататы нерадѣнія нашего, о которыхъ онъ рѣшился пересказать читателямъ кое-что, только „обуздавъ себя благоразуміемъ и успокоившись“...

2.

Авторъ снова и снова возвращается все къ одной и той же темѣ,—о страшномъ вліяніи на народную жизнь того, что онъ называетъ „купономъ“, той капиталистической „цивилизаціи“, которая приходитъ въ тихія русскія села и города съ желѣзными дорогами. „Едва только грѣховодникъ-купонъ,—говоритъ авторъ,—прикоснется своею антихристовой печатью къ тихой степной станицѣ или къ тихому черноземному селу на тихой рѣкѣ и запечатлѣетъ это прикосновеніе, бросивъ на тихомъ берегу пароходную пристань, а въ привольной степи станцію или вокзалъ желѣзной дороги, такъ съ той же минуты и въ станицѣ и въ селѣ начинаетъ твориться что-то никогда небывалое, никому неизвѣстное и, главное, нѣчто такое, чему никакъ нельзя не повиноваться“.

Изображая внѣшнія вліянія купона, замѣну тихихъ домовъ зданіями столичнаго фасона, кафтановъ—„пинжаками“ и визитками, авторъ съ еще большею грустью останавливается на вліяніяхъ купона нравственныхъ, на развратѣ, который онъ приноситъ съ собою. „Невѣдомая сила,—говоритъ онъ,—не говоря ни слова, не приказывая черезъ полицію, начинаетъ выгонять мирныхъ жителей, проводившихъ тихіе лѣтніе вечера за игрою въ дурачки, въ кафешантаны, въ загородные сады, заставляетъ слушать шансонетки на непонятномъ языкѣ, учитъ не стыдиться короткихъ, выше колѣнъ, юбокъ, выразительныхъ движеній акробатовъ и наѣздниковъ цирка, и сразу, по щучьему велѣнію, гипно-

тизируетъ массы скромныхъ и совершенно невинныхъ дѣвушекъ, дочерей мѣстныхъ небогатыхъ обывателей, выгоняя ихъ на новый промыселъ на новомъ тротуарѣ. Вчера одна изъ этихъ невинныхъ дѣвушекъ думала выйдти замужъ за дьячкова сына или за прикащика въ овощной лавкѣ, получающаго три рубля, другая собиралась торговать калачами, а третья и ея подруга совсѣмъ было рѣшили идти въ монастырь. Но пришелъ „антихристъ...“—и вытащилъ ихъ въ сады, въ „шантаны“, въ номера, закабалилъ одежой, шляпкой, зонтикомъ, ботинками съ каблучками... „Такого рода послѣдствія прикосновенія антихристовой печати,—замѣчаетъ авторъ,—привѣтствуются людьми *безразличнаго образа мыслей о себѣ и ближнемъ*, какъ радостныя событія... но въ комъ есть капля чувства, чтобы ощущать въ дѣлахъ человѣческихъ разницу между „медомъ и дегтемъ“, между добромъ и зломъ, тому нельзя безъ ощущенія кровнаго огорченія равнодушно смотрѣть на эти внезапныя, мгновенныя процвѣтанія нашихъ тихихъ селъ, тихихъ станицъ“.

Въ одномъ изъ такихъ новоявленныхъ, внезапно процвѣтшихъ городовъ автору пришлось увидѣть явленіе, которое его нѣсколько утѣшило, показавъ, что въ душевной сути народа хранятся еще источники добра и что есть „невидимые“ дѣятели, поддерживающіе эти источники. Въ то время, какъ въ одномъ концѣ базара, среди неистоваго гама, были почти неслышны звуки неистовавшаго органа, въ другомъ углу базара, среди непривычной тишины, авторъ неожиданно услышалъ какіе-то иные звуки, унылые, глубокіе, трогательные. „Они были такъ неожиданны послѣ пьянаго кабацкаго рева и грохота трактирныхъ машинъ“, что авторъ невольно остановился и прислушался. Звуки ясно доносились и ясно напоминали звуки церковнаго органа, что-то глубоко одолѣвающее душу горькой печалью слышалось въ нихъ. Авторъ отыскалъ откуда доносились звуки, и пошелъ на нихъ. Огромная толпа окружала то мѣсто; она хранила мертвое, благоговѣйное молчаніе, и авторъ увидѣлъ слѣдующее. Прямо на землѣ, на толстомъ слоѣ сухого навоза стоялъ старый, полуизломанный гармоніумъ; за этимъ жалкимъ инструментомъ

сидѣлъ слѣпой человѣкъ, полный, какъ бы отекшій, слегка рябой. Куча густыхъ черныхъ волосъ, топорщась на затылкѣ, закрывала весь его лобъ; песокъ густо напитался въ эти густые волосы и покрывалъ инструментъ и рваный, нищенскій костюмъ слѣпца. Лицо послѣдняго не носило отпечатка горя или несчастія,—оно было самое добродушное, веселое. Онъ-то и привлекалъ въ себѣ всю толпу, изъ которой довольно часто подходили къ нему разные люди съ просьбами.—Отпойте, будьте милостивы, нашей, корсунской!—робко, почти шепотомъ, проситъ, напр., старенькій крестьянинъ, подходя къ гармоніуму безъ шапки и кладя въ деревянную чашку пятакъ.—„Заступница усердная?“ — спрашиваетъ слѣпецъ.—Ужъ будьте добрые, нашей, корсунской!... Не прочимъ какимъ...—„Прочихъ, душа моя, никакихъ нѣтъ... а есть одна Владычица-Богородица! Одна!...“ и т. д.—Ну, пущай ужъ! Отпойте хоть!—„Отпою! Очереди надо погодить... Раньше псаломъ просили...“

И вотъ этотъ слѣпой старикъ собираетъ вокругъ себя массы народа, будя въ нихъ своимъ, съ немудрымъ аккомпаниментомъ, пѣніемъ божественныхъ пѣсенъ хорошія чувства и отвлекая отъ „шантановъ“ и другихъ благъ купона. Его всѣ знаютъ, всѣ хвалятъ. Слѣпой пѣвецъ возбуждаетъ въ авторѣ такія мысли и такія впечатлѣнія, которыя, по его собственнымъ словамъ, не изгладятся изъ его памяти. Въ немъ онъ видитъ одну изъ тѣхъ „невидимокъ“, которыя, какъ онъ выражается, „среди темныхъ массъ, изъ-за совѣсти или просто изъ-за куска хлѣба, удовлетворяютъ, какъ умѣютъ, тѣ требованія духовной жизни народа, которымъ въ расходныхъ статьяхъ всевозможныхъ бюджетовъ не оказано рѣшительно никакого вниманія“. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что не подвижники какіе-нибудь эти „невидимки“, могущія стать упрекомъ передъ глазами „образованныхъ“ людей; это—просто добрые люди или даже люди простого разсчета, куска хлѣба. Но въ томъ и другомъ случаѣ—честь имъ и хвала, что они умѣютъ понять, что̀ нужно народу хорошаго, а не дурного. Вѣдь слѣпой старикъ, несомнѣнно получающій довольно денегъ за свое пѣніе, могъ бы получать, быть мо-

жетъ, еще больше за „гречаника“ или за шансонетки; но почему-то онъ чувствуетъ себя лучше и пріятнѣе, когда вокругъ него толпится душевно-растревоженный, умиленный, простой человѣкъ. „И если, — замѣчаетъ авторъ, — онъ предпочитаетъ трогать народъ „за душу“ не для веселья, а для пробужденія въ ней скорби о самой себѣ, то стало быть, кромѣ хлѣба, у него есть и добрая мысль о меньшемъ братѣ, — онъ до нѣкоторой степени сознательно заботится о пробужденіи народной совѣсти“...

Отъ слѣпого авторъ переходитъ къ мысли о другихъ „невидимыхъ“, дѣйствующихъ благодѣтельно среди темнаго народа.

Онъ вспоминаетъ нѣкую Анну Петровну, земскую акушерку, принесшую огромную пользу цѣлой округѣ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло покупки крестьянами, при помощи банка, помѣщичьей земли. Огромное большинство людей прошло бы мимо этой исторіи, жалѣя крестьянъ, но втайнѣ и безсознательно руководствуясь принципомъ: „моя хата съ краю“. Но эта Анна Петровна не могла остаться равнодушною и бездѣятельною, слыша, что кулаки захватили дѣло покупки земли въ свои руки, оттѣснивъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, и обманывали помѣщика-продавца и чиновниковъ банка; она проникла всюду и всюду успѣла разъяснить недоразумѣніе.

Разсказавши эту исторію съ обычнымъ талантомъ и теплымъ чувствомъ, авторъ ставитъ ее на видъ всѣмъ теряющимъ вѣру въ возможность не безъ пользы и не безъ смысла прожить на землѣ. Самый разсказъ вложенъ въ уста нѣкоего податного инспектора, которому не вмоготу стало слушать унылыя рѣчи. Рѣчи эти довольно извѣстныя. Съ годами возможность ожить на какомъ-нибудь сочувственномъ дѣлѣ стала все болѣе и болѣе уменьшаться, — говоритъ авторъ про послѣдніе годы русской жизни и про годы участниковъ разговора, — и то, что̀ въ нихъ (разговарающихъ) осталось истинно хорошаго, „непроданнаго за хлѣбъ и не измѣннаго“, все это практиковалось бо̀льшею частію только въ узкихъ предѣлахъ собственной семьи. И вотъ, встрѣтившись случайно, они невольно

и неотразимо пришли къ печальнымъ, унылымъ рѣчамъ по поводу драмы Чехова — „Ивановъ“. Податному инспектору казалось изъ рѣчей собесѣдниковъ, „будто ужъ и свѣту ни откуда не видно, но онъ чувствовалъ, что это какъ будто не такъ, и тутъ-то вдругъ вспомнилъ Анну Петровну. — Да что вы, господа, воете? Чего вы мраку-то напускаете? — говорилъ онъ. Да развѣ ваши страданія пропали даромъ? Развѣ на Руси изсякъ живой человѣкъ? Да я вамъ тысячи примѣровъ... Да вонъ у насъ есть акушерка Анна Петровна, тоже *Иванова*. И онъ началъ разсказъ“.....

(1889).

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЗЛАТОВРАТСКАГО.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

1.

Несмотря на обычныя увѣренія, будто бы вся наша „изящная словесность“ заражена необыкновеннымъ реализмомъ, отличающимъ русскую литературу отъ другихъ, въ ней живутъ еще чисто романтическіе мотивы. Съ другой стороны, такъ-называемый реализмъ доходитъ въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ до той черты, гдѣ искусство становится излишнимъ, и „повѣсть“, „разсказъ“ и проч. являются простою корреспонденціей, разбавленной ни къ чему не ведущими разговорами.

Г. Златовратскій — чистый романтикъ нашей народнической литературы. Нельзя не согласиться, что даже въ тѣхъ своихъ произведеніяхъ, которыя совершенно не претендуютъ на художественность, на образное, типическое воспроизведеніе жизни, напримѣръ, въ своихъ „Деревенскихъ будняхъ“, онъ не перестаетъ сохранять романтическій оттѣнокъ. Жизнь для него существуетъ не та, которую мы всѣ видимъ и знаемъ: ему нужны не тѣ естественныя условія деревенскаго быта, которыя создаютъ ту тревожную и полную дрязгъ дѣйствительность, которая отравляетъ современнаго человѣка и создаетъ „проклятые вопросы“; онъ всюду ищетъ души чело-

вѣка, а не жизни. И это исканіе „искры Божіей“, оказавшее когда-то неоцѣнимыя услуги русской мысли и литературѣ, у г. Златовратскаго принимаетъ особый характеръ, производящій разладъ его произведеній съ дѣйствительностью.

Во всякомъ человѣкѣ есть живая душа, надѣленная одинаковыми свойствами. Но одни и тѣ же свойства при разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ принимаютъ совершенно особый характеръ развитія, ведутъ къ совершенно различнымъ послѣдствіямъ и совершенно различно проявляются. Такъ, всякой душѣ свойственно стремленіе къ идеаламъ жизни, къ разрѣшенію вопросовъ о цѣли и смыслѣ человѣческаго существованія. Но тамъ, гдѣ плодотворное развитіе чувства и мысли даетъ человѣку широкое пониманіе человѣческой жизни, тамъ это стремленіе ведетъ къ идеаламъ, охватывающимъ задачи всего человѣческаго міра, создаетъ идеи общаго человѣческаго счастія. Сдавленное жизнью въ узкую и глухую сферу, это же стремленіе человѣческаго духа вырождается въ грубѣйшіе матеріалистическіе идеалы, приводитъ къ китайской идеѣ: „сидѣть лучше, чѣмъ стоять“, къ представленію о жизни, какъ о необходимости жить „какъ люди“, т.-е. имѣть хорошую квартиру и мебель и получать „хорошее“ жалованье; къ исключительной эгоистической заботѣ о своей персонѣ; а въ страстной и живой, но исковерканной душѣ какого-нибудь Акакія Акакіевича—къ комически-страстной преданности „предвѣчной идеѣ новой суконной шинели“. Словомъ, одно дѣло—душа человѣка, и совершенно другое—ея проявленіе, направленіе ея дѣятельности.

Г. Златовратскому, между тѣмъ, мало заботы о томъ, что̀ дѣлается съ свойствами человѣческаго духа въ бѣдной крестьянской средѣ, но онъ очень заботится открыть душу и показать намъ ее. Мы охотно и искренно допускаемъ, что оригинальныя свойства мужицкой души именно таковы, какими онъ представляетъ ихъ. Но жизнь мужицкая, тѣмъ неменѣе, ускользаетъ и отъ автора, и отъ читателя. Авторъ видитъ, напримѣръ, что мужикъ по своему душевному складу добръ и благороденъ, и вотъ онъ развиваетъ передъ вами картину жизни его, совершенно согласную съ этими свой-

ствами и съ своимъ собственнымъ пониманіемъ тѣхъ формъ, въ которыхъ проявляется эта доброта и благородство. А дѣйствительная жизнь, между тѣмъ, подставляетъ иныя формы проявленій доброты мужицкой. Помните ли ту трогательную и щемящую душу картину народной *доброты*, переданную въ стихотвореній Некрасова, не меньше любившаго народъ, чѣмъ г. Златовратскій — замѣтимъ кстати? Мы говоримъ объ избіеніи цѣлой французской семьи, попавшей въ плѣнъ мужикамъ въ 1812 году. Какое сочувствіе мужиковъ къ положенію бѣдныхъ малютокъ сказывается въ избіеніи ихъ, плакавшихъ и кричавшихъ при видѣ смерти отца и матери! И этотъ естественный и дѣйствительный фактъ крестьянскаго быта долженъ казаться г. Златовратскому совершеннымъ абсурдомъ. Можетъ ли быть, чтобъ добрые и благородные мужички совершили столь звѣрское дѣяніе? Да, можетъ, отвѣчаетъ жизнь; и г. Златовратскому, и намъ приходится помириться съ фактомъ.

Нашъ авторъ, можно сказать, знать не хочетъ дѣйствительности; онъ изображаетъ душу мужика не въ обстановкѣ дѣйствительной жизни, а, напротивъ, жизнь мужицкую пригоняетъ по свойствамъ мужицкой души. Г. Златовратскій — романтикъ. Онъ изучаетъ человѣка въ мужикѣ, а не самого мужика: онъ ставитъ мужика внѣ времени и пространства, предлагая намъ изучать на немъ просто свойства человѣческаго духа. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ подражаетъ Шекспиру, у котораго Гамлетъ и Отелло — представители человѣчества, совокупляющіе въ себѣ проявленія извѣстныхъ свойствъ душевныхъ. Но Шекспиръ и изображалъ только человѣка въ логическомъ и послѣдовательномъ развитіи его духа. А г. Златовратскій хочетъ насъ увѣрить, что не человѣка вообще изображаетъ онъ, а именно русскаго мужика, и не въ послѣдовательномъ и логическомъ развитіи его духа, а въ *жизненномъ*, т.-е. часто непослѣдовательномъ развитіи. А жизнь, какъ извѣстно, съ своею особою логикой и обстоятельствами, не поклонница послѣдовательности и здравой логики. Возьмите, напримѣръ, здороваго и умнаго ребенка, въ которомъ все обѣщаетъ блестящую мысль и плодотворное чув-

ство, съ точки зрѣнія логики и послѣдовательности; жизнь можетъ все въ немъ повернуть по-своему: грубая нянька или чадолюбивый папаша подведутъ его подъ какой-нибудь ударъ по головѣ, и, вмѣсто умнаго человѣка, получится глупецъ; мамаша закормитъ его конфектами и избалуетъ, и, вмѣсто честнаго дѣятеля, можетъ получиться обыкновенный эгоистъ, и т. д.

Но „удары" по головѣ и „конфекты" можно принимать не въ смыслѣ частныхъ явленій: бываютъ сферы жизни, гдѣ „баловство" по всему ея складу — явленіе постоянное и нормальное, гдѣ, напримѣръ, человѣкъ родится и умираетъ съ комичнымъ убѣжденіемъ, что, во первыхъ, онъ осчастливилъ міръ своимъ появленіемъ на свѣтъ и, во вторыхъ, рожденъ для обладанія всѣми правами. Есть, напротивъ, сферы жизни, гдѣ убѣжденіе въ своемъ безправіи какъ бы прирождено, всасывается съ молокомъ матери. И это убѣжденіе, какъ всеобщій и постоянный ударъ по головѣ, отравляетъ всѣ мысли и чувства человѣка, извращаетъ всѣ лучшія душевныя свойства и создаетъ невыносимую для мыслящихъ людей дѣйствительность, въ которой все вянетъ и задыхается. И потому, повторяемъ, человѣкъ — одно, а русскій мужикъ, русскій чиновникъ, русскій баринъ — другое. Всѣ они, разумѣется, люди, но въ каждомъ изъ нихъ общія свойства человѣческія проявляются по своему.

Реалистическое направленіе искусства въ томъ именно, главнѣйшимъ образомъ, и состоитъ, что оно хочетъ изображать не вообще душу человѣка, а въ ея дѣятельности среди дѣйствительности, замученную и извращенную настоящимъ, дѣйствительнымъ жизненнымъ складомъ. Никто не станетъ утверждать, что въ этомъ только и состоитъ задача современнаго искусства: „человѣкъ" вообще всегда останется его высшимъ предметомъ. Но тогда авторъ такъ ужъ и долженъ знать и говорить, а читатель и безъ него пойметъ, что въ произведеніи нужно искать не мужика такой-то деревни, а именно человѣка, какимъ онъ является вездѣ, при извѣстныхъ общихъ условіяхъ жизни. Психологія, изученіе души

человѣка — одна задача, этнографическое изученіе человѣка данной среды въ данное время — другая.

Бѣда г. Златовратскаго въ томъ именно и состоитъ, что онъ не отличаетъ этихъ двухъ задачъ и хочетъ на основаніи душевныхъ общихъ свойствъ русскаго мужика создать для него жизнь, которая гораздо больше создается внѣшними условіями, чѣмъ душевными свойствами народа. Приведемъ еще примѣръ. Русскій человѣкъ предпріимчивъ; на основаніи этого свойства, мы могли бы ожидать громадной дѣятельности его и создали бы поэтическую картину его борьбы съ природой. Къ несчастью, историческія невзгоды гнали народъ въ лѣса, и вмѣсто борьбы съ природой въ русскихъ деревняхъ получались формы жизни, совсѣмъ несвидѣтельствующія о предпріимчивости и энергіи. А г. Златовратскій прямо такъ и нарисуетъ вамъ картину дѣятельной жизни мужика, нисколько не обинуясь и ничто же сумняся. Таковъ онъ всегда.

Г. Златовратскій очень талантливъ. Рисуя въ своемъ мужикѣ „человѣка", онъ даетъ вамъ живой и цѣльный образъ. Но этотъ самобытный человѣкъ, герой разсказа, говоритъ вамъ очень немногое. Что онъ дѣйствительный представитель народной среды — въ этомъ вы не убѣждаетесь, потому что не видите, что́ въ крестьянской средѣ создало его и какъ онъ проявляетъ въ ней свою душу. Авторъ какъ бы хочетъ сказать, что народъ нашъ сквозь вѣковыя испытанія пронесъ вотъ такую-то живую душу незапятнанною и цѣльною. Причина ея свойствъ — въ „образѣ и подобіи божіемъ", а жизнь шла мимо нея и связи между ними искать нéзачѣмъ. Но передъ глазами наблюдателя картины народной жизни не одного г. Златовратскаго; у другихъ наблюдателей и изслѣдователей народа вы найдете доказательства, что жизнь сильно задѣла и помяла русскій народъ. И вотъ, вы въ недоумѣніи, вѣрить ли г. Златовратскому? Единственное примиреніе возникшаго противорѣчія вы найдете въ томъ, что авторъ рисуетъ вамъ или исключительныхъ личностей въ исключительные моменты ихъ душевной жизни, или же создаетъ картину жизни, основываясь не на дѣйствительности, а на душевныхъ свойствахъ

народа, такъ сказать „поэтическимъ прозрѣніемъ“ провидя формы ихъ проявленій въ жизни.

Въ отрывкѣ „Устоевъ“ передъ нами Минъ Аѳанасьевичъ, носящій въ своей душѣ неуклонное убѣжденіе, что правда должна восторжествовать, что „неправотѣ не жить“. Больше, собственно говоря, мы ничего и не знаемъ о немъ. Предположивъ реальное существованіе Мина Аѳанасьевича, мы хотѣли бы знать, какъ возникло это убѣжденіе въ народѣ и чѣмъ сказывается оно въ его жизни. Но авторъ молчитъ объ этомъ. Онъ только даетъ пока разговоры, въ которыхъ психически выясняются смутныя представленія Мина о прошлыхъ временахъ, оправдывающихъ его убѣжденіе, и о надеждахъ его, что съ правдой ничего не подѣлаешь, что она сама свое возьметъ. Картина выходитъ живая, въ которой мужики живо и внимательно прислушиваются къ рѣчамъ Мина; но это свидѣтельствуетъ о талантѣ автора, а не о чемъ другомъ. Читатель и дѣйствующія лица — всѣ подъ вліяніемъ этого вѣрованія Мина, и видятъ, какъ оно проявляется въ рѣчахъ его. Но жизнь народная тутъ остается въ сторонѣ. Передъ вами душа мужика сама по себѣ, а не въ ея общественной дѣятельности, и вы не догадаетесь, какъ поступитъ Минъ въ тѣхъ или другихъ житейскихъ обстоятельствахъ — убьетъ ли онъ, напримѣръ, французовъ-дѣтей некрасовскаго стихотворенія или нѣтъ. Его правда тутъ, передъ вами, но въ чемъ она состоитъ — вы не знаете. Выходитъ общая характеристика, съ которою вообще всегда дѣлать нечего.

Прекрасно, Минъ любитъ правду и вѣритъ въ ея торжество. Ну, а что вы скажете, если его правда состоитъ въ томъ, что нужно, напримѣръ, убивать конокрадовъ, избивать прохожихъ на улицахъ, ненавидѣть науку? Важно совсѣмъ не отвлеченное умозаключеніе, не простое чувство, а жизненное содержаніе понятій; важно не одно уваженіе къ правдѣ, а и настоящее пониманіе ея. Такимъ образомъ, картина душевной жизни мужика выходитъ не полная, почти безсодержательная. А если г. Златовратскій начинаетъ рисовать эту „правду“ въ ея жизненныхъ проявленіяхъ, то ужъ,

конечно, подставляетъ свои понятія о правдѣ и по нимъ создаетъ жизнь. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ является, можно сказать, „идеализація“ народа, а не изученіе его: привлекателенъ человѣкъ, ищущій правды, но еще привлекательнѣе исполняющій ея требованія. Минъ является такимъ общимъ существомъ, что на его мѣсто можно поставить и мужика, и интеллигента, и либерала, и консерватора, и чиновника, и русскаго нѣмца, и еврея — всякаго человѣка не безъ чести. Но въ жизни правда — понятіе относительное, и кулацкая правда можетъ лечь тяжелымъ гнётомъ на массы людей. Г. Златовратскій, можно сказать, „говоритъ, но не договариваетъ“. Конечно, интересно знать, что въ народѣ живетъ „правда“, но еще интереснѣе знать, какъ народъ ее понимаетъ. А для нашего автора цѣль, „правда“, оправдываетъ все. Что̀ ни сдѣлай — все хорошо, лишь бы во имя правды.

Мужики у г. Златовратскаго, говорятъ не иначе, какъ въ такомъ родѣ:

„— Да что̀ намъ, други, съ чего горевать-то? Никто нашей *правоты* отъ насъ не возьметъ... Какъ нашу *правоту* отъ насъ взять? Да ты меня куда хошь засади, въ Сибирь сошли—и все я при своей правотѣ останусь“.

Но въ чемъ же состоитъ эта „правота“? спросите вы— и отвѣтъ вамъ данъ не будетъ...

2.

И не только народныя нравственныя представленія, но и вообще основы его жизни и быта вамъ не будутъ вполнѣ понятны по очеркамъ г. Златовратскаго.

Возьмите напр., начало его „Устоевъ, исторію одного поселка“. Вы съ интересомъ прочитаете разсказъ. Но спросите себя по прочтеніи, узнали ли вы что-нибудь о народѣ изъ его разсказа, ближе ли къ вамъ сталъ народъ, поняли ли вы, какими мыслями и чувствами живетъ народъ, что есть въ этихъ чувствахъ и мысляхъ оригинальнаго, отличнаго отъ вашихъ—и вамъ придется сознаться, что отвѣтовъ

на всѣ эти вопросы въ разсказѣ г. Златовратскаго вы не нашли. Читая разсказъ г. Златовратскаго, вы видите передъ собою живыхъ людей, чувствуете, что эти люди, подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій жизни, получили извѣстную своеобразность мыслей и чувства, но въ чемъ состоитъ эта своеобразность опредѣлить не можете. Прочитайте, напримѣръ, ту главу, которая озаглавлена „Новые люди". Изображается сцена ожиданія отцомъ и родными пріѣзда „новаго человѣка" изъ Москвы.

— Ну, что, пріѣдетъ? Нынче ждете?

— Ждемъ, ждемъ... Надо бы нынче быть...

— Здравствуйте!... быстро говорилъ, встрѣтившись, при входѣ въ поселокъ, съ Вонифантіемъ Моисеичемъ жиденькій человѣкъ съ худымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, черты котораго были какъ-то особенно обострены. Онъ былъ въ фуражкѣ и длинномъ демикатоновомъ разлетайчикѣ, который постоянно запахивалъ.

— Онъ какъ отписывалъ? За недѣлю до Покрова?

— За недѣлю...

— Ну, вѣрно! Нынѣшнее число!... Я ужъ высчитывалъ... книжка такая есть—„Путеводитель" прозывается... У адвоката я ею одолжился... Вотъ, я сейчасъ...

Худенькій человѣкъ достаетъ изъ кармана „Путеводитель".

— Вотъ я вамъ сейчасъ разъясню, говорилъ Вонифантію человѣчекъ, быстро обмусоливая средній палецъ и перевертывая слипшіяся страницы „Путеводителя". Онъ весь былъ нетерпѣніе, а быстрые и живые глазки его напряженно пробѣгали заголовки страницъ.

— Вотъ!—наконецъ сказалъ онъ.

— Ну! ну, высчитывай... Посмотримъ, каковъ ты окладчикъ. Вы вѣдь дошли до всего—грамотѣи!—говорилъ снисходительно улыбаясь Вонифантій Моисеичъ.

Нетерпѣливый человѣчекъ тотчасъ же началъ высчитывать часы и минуты прихода поѣздовъ ближайшей къ Волчьему поселку чугунки.

— Вотъ ужъ это вѣрно, еще утромъ должны быть,—за-

ключилъ наконецъ онъ:—задержка вышла... Это ужъ на счетъ подводы въ городѣ... Тутъ всегда остановки бываютъ... А теперя ждите—это вѣрно.

— Подождемъ... Некуда бѣжать-то намъ!... говорилъ Вонифантій Мосеичъ. Онъ, впрочемъ, хотя и плохо вѣрилъ вычисленіямъ худенькаго человѣчка, тѣмъ не менѣе частенько посматривалъ вдоль дороги, извивавшейся по высокому склону на горизонтѣ. А когда послышался вдали грохотъ колесъ, не только обернулись на него оба собесѣдника, но и хлопнуло окно въ кельѣ Ульяны Мосевны, и ея голова высунулась смотрѣть въ томъ же направленіи.

— Да никакъ Филаретушка здѣсь?—спросила она, замѣтивъ худенькаго человѣчка.

И такъ далѣе.

Если изъ этой сцены исключить довольно натянутый эффектъ отыскиванія времени пріѣзда „новаго человѣка“ по „Путеводителю“, то останется совсѣмъ не характеристичный разговоръ на счетъ того, пріѣдетъ, или не пріѣдетъ ожидаемый гость. Сравните эту сцену съ сценой ожиданія отцомъ Кирсановымъ пріѣзда сына въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ Тургенева. Тамъ передъ вами выясняются сразу нѣсколькими штрихами характеры мягкаго Николая Петровича и лакея Петра; вы можете предугадать въ Кирсановѣ довольно мелкія черты его характера. Здѣсь же, у г. Златовратскаго, вы находите только посматриванье вдоль дороги, какъ выраженіе ожиданія. Ожидающія лица совсѣмъ не характеризуются. Причина этого—не въ недостаткѣ таланта, а просто въ незнакомствѣ съ своеобразнымъ складомъ души крестьянина.

Еще характеристичнѣе въ этомъ отношеніи сцена, на которую мы указываемъ ниже. Пріѣзжій гость становится совсѣмъ не въ тѣ отношенія къ односельчанамъ, какихъ эти послѣдніе ожидаютъ. „Новый человѣкъ“ если и не сторонится окончательно, то, во всякомъ случаѣ, очень не охотно видится съ своей родней и знакомыми. При встрѣчахъ ведетъ себя съ съ ними высокомѣрно, почти презрительно.

— Этой безхарактерностію мы не занимаемся!—говоритъ

онъ односельчанамъ, когда они намекаютъ, что не дурно бы поздравить его съ пріѣздомъ.

Весь предшествующій этому разговоръ—единственный, дающій до нѣкоторой степени понятіе о, такъ сказать, внутреннемъ характерѣ отношеній Петра къ крестьянамъ его родной деревни. Но ни изъ него, ни изъ другихъ мѣстъ разсказа нельзя понять, какія чувства лежали въ основаніи этихъ отношеній: презиралъ-ли Петръ своихъ односельчанъ, жалѣлъ-ли ихъ и т. п., ничего этого изъ разсказа вы не видите. Непонятны вообще отношенія Петра къ крестьянамъ, и мы думаемъ, что они представлютъ далеко не общее, а скорѣе исключительное явленіе въ народной жизни. Люди изъ народа, по крайней мѣрѣ не получившіе такъ называемаго „образованія", чаще всего отличаются удивительной привязанностью къ родинѣ и ни въ какомъ случаѣ не доходятъ до презрѣнія родныхъ и знакомыхъ крестьянъ или до другихъ подобныхъ чувствъ къ нимъ. Мы сознаемся, что вообще плохо понимаемъ этого выведеннаго г. Златовратскимъ „новаго человѣка". А слово „дѣловой", примѣненное къ „новому человѣку" крестьянами для объясненія его личности, намъ ничего не объясняетъ. Все сказанное не имѣетъ цѣлью умалить талантъ г. Златовратскаго, мы хотѣли только показать, что въ его разсказахъ нѣтъ тѣхъ качествъ, которыя давали бы читателямъ вовможность знакомиться по нимъ съ народомъ.

Эта характеристика вполнѣ примѣнима къ разсказу „Деревенскій Авраамъ". Въ немъ вы не найдете и тѣни намека на тѣ свойства народной жизни, на которыя указываетъ напр., Гл. Успенскій. Напротивъ, г. Златовратскій скорѣе склоненъ идеализировать народъ, хотя и не доходитъ до вполнѣ „миловиднаго" направленія. Въ „Деревенскомъ Авраамѣ" онъ рисуетъ идиллическую картину мирной работящей семьи, состоящей изъ старика-отца и сына съ женой. У старика Авраама есть еще другой сынъ, Платонъ Абрамычъ,—„умная„ и „ученая" голова, „пошедшій" въ горожанина, т.-е. по просту кулакъ. Онъ „своимъ разсудкомъ" и супругу снизыскалъ: верстъ за пятнадцать отъ своей деревни, въ селѣ, вдову съ деньгами. Погорѣвши, Платонъ Абрамычъ пересе-

ляется съ семьей въ домъ отца и брата и ловко затягиваетъ въ свои когти какъ родственниковъ, такъ и жителей деревни. Дѣло оканчивается тѣмъ, что Абрамъ круто сразу отдѣлывается отъ сына, который и возвращается въ свое село. Описаніе этого нарушенія идиллическаго спокойствія абрамовой семьи и составляетъ суть разсказа. Но авторъ не умѣетъ глубоко заглянуть въ душу выводимыхъ имъ персонажей, и разсказъ выходитъ поверхностенъ.

Въ своемъ „романѣ новаго человѣка деревни", авторъ разсказываетъ намъ чрезвычайно любопытную исторію сближенія „новаго деревенскаго человѣка" съ „интеллигенціей" и что изъ этого произошло. Г. Златовратскій съ необычайной для него опредѣленностью улавливаетъ это взаимодѣйствіе двухъ „сословныхъ кружковъ" въ ихъ частномъ столкновеніи, но, къ сожалѣнію, вмѣшиваетъ исключительное обстоятельство въ свою правдивую, богатую сословной психикой, исторію.

Дѣло въ томъ, что авторъ заставляетъ „интеллигентную" семью взять въ долгъ у деревенскаго человѣка крупную для послѣдняго сумму, а при требованіи платы выгнать его съ большимъ скандаломъ изъ дому. Этимъ вводнымъ обстоятельствомъ, случающимся не часто и только мѣшающимъ правильному, естественному развитію взаимныхъ отношеній, авторъ самъ себѣ поставилъ помѣху для правильнаго разъясненія дѣла.

А въ „Старомъ грѣшникѣ" передъ нами старый мечтатель, который, несмотря на охлаждающіе годы и притупляющую идеальныя стремленія обстановку, успѣлъ сохранить въ себѣ искры молодого огня. Чужой въ своей домашней обстановкѣ, среди чиновныхъ родныхъ и барыни-жены, среди роскоши и беззаботнаго пользованія жизнью, онъ отдается влеченію къ молодежи, къ студентамъ и гонимымъ, къ которымъ онъ и уходитъ тайкомъ отъ своихъ. Какъ видятъ читатели, сюжетъ разсказа опять нѣсколько исключительный и едва ли свойственный таланту Златовратскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что читатель находитъ здѣсь скорѣе думы автора, чѣмъ дѣйствительное отраженіе жизни. Разсказъ разсчитанъ

нѣсколько на нѣкоторый эффектъ. Онъ оканчивается тѣмъ, что сношенія съ студентами навлекаютъ на старика неудовольствіе надлежащихъ властей; а такъ какъ у него былъ запасъ запретныхъ книгъ, то ему и пришлось выѣхать изъ города С.-Петербурга въ иныя страны обширнаго отечества нашего. Можетъ быть, это такъ и было, но мысль автора, въ которой нѣтъ ничего новаго, иллюстрируется исключительнымъ случаемъ и въ исключительномъ смыслѣ.

„Деревенскій Лиръ“ наводитъ на невеселыя мысли, не о „Лирѣ“, а объ авторѣ, хотя талантъ его, носящій на себѣ печать яркой субъективности, симпатиченъ. Съ тѣхъ поръ, какъ своими очерками „Въ артели“ и „Крестьяне-присяжные“ авторъ завоевалъ себѣ общественное вниманіе, направленіе его измѣнилось, и развитіе его таланта пошло подъ вліяніемъ этого направленія. Г. Златовратскій пожелалъ быть объективнымъ наблюдателемъ, но къ тому, что намъ даютъ его разсказы „Устои“ и „Деревенскій Авраамъ“, его „Деревенскій Лиръ“ ничего не прибавляетъ въ характеристикѣ народа. Напрасно авторъ заставляетъ своего героя (очерченнаго, вообще говоря, недурно, хотя и односторонне) повторять тысячу разъ, что онъ „король“, показывать ему „свое королевство“, т.-е. запущенное хозяйство. Изъ всего этого глядитъ только странная претензія автора перенести шекспировскій типъ въ глухую среду русской деревни. Читатель не видитъ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ ссоръ со снохами могло произойти разоренье зажиточнаго крестьянина, онъ видитъ только стремленіе автора указать на возникающій въ крестьянствѣ процессъ „индивидуализаціи“, если такъ можно выразиться, но яснаго, цѣльнаго и отчетливаго впечатлѣнія не выноситъ; разсказъ ставитъ, если хотите, передъ читателемъ вопросъ, но не рѣшаетъ его. Между тѣмъ печать таланта, ясная въ разсказѣ, заставляетъ читателя пожалѣть, что авторъ самъ портитъ свое собственное дѣло.

3.

Извѣстно и вѣдомо каждому, что народъ часто не видитъ и не понимаетъ честныхъ намѣреній барина, и лучше дастъ себя обмануть своему, чѣмъ поддастся самоотверженной готовности человѣка не его среды служить ему всѣми своими силами и разумѣніемъ.

Это свойство народа г. Златовратскій склоненъ, повидимому, приписать чистотѣ крестьянской нравственности. Но онъ — натура по преимуществу художественная, а извѣстно, что мнѣнія художника нерѣдко расходятся съ имъ же самимъ созданными образами, облекшимися въ воображеніи его, помимо воли и сознанія, въ формы, навѣянныя дѣйствительностью. Намъ приходилось говорить, что г. Златовратскій дѣйствительно и несомнѣнно принадлежитъ къ натурамъ, въ которыхъ художникъ расходится съ мыслителемъ. Всматриваясь ближе въ его художественныя показанія, вы невольно замѣтите, что авторъ, рисуя извѣстную картину народной жизни, старается выставить ее симпатичною извѣстными чертами, но часто безуспѣшно. Доказательство это мы встрѣтимъ и въ очеркахъ и на родинѣ. Искать этихъ доказательствъ не нужно, они сами бьютъ въ глаза.

Въ очеркѣ „На мужицкомъ праздникѣ" почти въ первыхъ же строкахъ вы встрѣтите слѣдующую характеристику зажиточныхъ крестьянъ села Счастливаго, сдѣланную тоже мужикомъ, ямщикомъ разсказчика. „Трезвое село! Строгое село!" — говоритъ ямщикъ *съ видимымъ удовольствіемъ*. И на вопросъ, отчего такъ? — отвѣчаетъ: „Мужикъ тутъ такой... Уродился такой мужикъ — онъ ужъ и сѣмя отъ себя такое пущаетъ... Тутъ мужикъ *въ умъ пошелъ!*.. Вотъ у насъ, али, вонъ, въ хворой деревнѣ — мужикъ оробѣлый: ты его припирай, а онъ того пуще робѣетъ... А здѣсь мужикъ самъ *себя припираетъ*... Ты его тукнуть, анъ, глядишь, онъ тебя тукнетъ... Ты его припереть бы, анъ онъ на тебя претъ... претъ всячески: низкомъ, и ползкомъ, и нахрапомъ... Ну и себя сдерживаетъ въ этомъ случаѣ: живетъ трезвенно, *а къ слабому человѣку строгъ*... Потому и живетъ сытно... Ну, и

жаденъ... Ко всему жаденъ: къ работѣ жаденъ, къ промыслу жаденъ, къ землѣ... Онъ на всё напираетъ... *Изо-рту вырветъ*, а ужъ возьметъ... Такой у него оборотъ ко всему!.. все слопаетъ!..“—Этакъ онъ и васъ слопаетъ, не глядя, что свой братъ. — „*Слопаетъ и насъ*... Онъ за этимъ не постоитъ... Тутъ смотри въ оба!.. На то будь уменъ“...

Едва ли нужны комментаріи къ этому разговору, въ которомъ ямщикъ, какъ оказывается дальше, съ завистью относится не къ одному только уму и хорошему житью села Счастливаго, а и къ способности „слопать“. Далѣе описываемая картина праздника въ сущности ничего не прибавляетъ и ничего не убавляетъ въ мѣткой рѣчи ямщика. Разсматривая эту рѣчь, вы знакомитесь съ практической философіей мужика, философіей человѣческаго счастья.

Въ чемъ же состоитъ это послѣднее? „Въ умъ пошелъ“ и „сытно живетъ“—два понятія, для ямщика нераздѣльныя. Кто сытъ—тотъ уменъ, кто голоденъ—глупъ, и противъ этой логики ничего не подѣлаешь. Ямщику нѣтъ дѣла до того, какими средствами достигается эта „сытость!“ „Жаденъ“, „изо-рту вырветъ“, „къ слабому человѣку строгъ“, „тебя припираетъ“,—говоритъ ямщикъ съ видимымъ удовольствіемъ, завершая характеристику эту всеобъемлющимъ „въ умъ пошелъ“. Онъ и самъ бы не прочь „припереть“, да жалко „ума“ нѣтъ, сноровки. Онъ не возмущается, что и его слопаютъ: смотри въ оба, на то будь уменъ. Какъ это напоминаетъ Щедринскія „благонамѣренныя рѣчи„: „дуракъ—дуракъ и есть, а дураковъ учить надо“... Эта гибельная мораль взаимнаго хищничества составляетъ, очевидно, принадлежность не одного только „господскаго“ сословія, а какой-то коренной, устойчивый законъ, одинъ изъ устоевъ, изъ основъ, на которыхъ зиждется шаткое зданіе нашей общественности. Это все тотъ же крѣпостническій складъ жизни, все тоже развращающее рабовладѣльческое право.

Нужно ли удивляться этому? Мыслимо ли, чтобы одинъ классъ общества рѣзко отличался своими идеалами отъ другого? И ничего не будетъ ни страннаго, ни удивительнаго, если народъ окажется уважающимъ изъ „господъ“ тоже

только „умныхъ“, только тѣхъ, кто съумѣетъ забрать его въ свои руки, — „слопать“, по грубому, вульгарному выраженію. Можетъ быть, именно этому уваженію къ силѣ народъ и обязанъ тѣмъ, что по выбору и свободно сажаетъ себѣ на шею и въ старшины, и въ земскіе заправители людей, оправдывающихъ его „довѣріе“, т.-е. высасывающихъ изъ него же соки. Винить въ этомъ народъ — невозможно; вѣка рабства не проходятъ даромъ. А такъ называемая деревенская „интеллигенція“, страдающая отсутствіемъ человѣчныхъ идеаловъ, сама можетъ и должна быть результатомъ именно воззрѣній народа, потому что если бы въ народѣ стояли высокіе и сильные идеалы, верхніе слои не могли бы не поддаться ихъ вліянію. Развѣ можно было бы выносить презрѣніе и ненависть тысячныхъ и милліонныхъ массъ народа?

Въ другомъ очеркѣ: „Разночинецъ Серапіонъ Скорый“, мы находимъ косвенное подтвержденіе той же солидарности общественныхъ идеаловъ въ словахъ разночинца.

„Вы полагаете, что мы (разночинцы) ближе къ народу, — говоритъ онъ, — что между нами пропасти никакой нѣтъ, что, молъ, за нами вѣковыя традиціи не виснутъ... Не скажите! Ой, не скажите, батенька! Знаете ли вы, что вѣдь мужикъ-то барина *крѣпче* понимаетъ, яснѣе, да-съ! Ежели *баринъ лютуетъ*, то *мужикъ* очень хорошо *понимаетъ*, что *какъ же человѣку за свое кровное не лютовать*. Это онъ понимаетъ и *уважаетъ*. Уважаетъ-съ, потому — по себѣ знаетъ: онъ и самъ *свое* изъ зубовъ не выпуститъ. Ежели баринъ начинаетъ у мужика на глазахъ самоотвергаться, то мужикъ опять понимаетъ, что это — или обманъ, подвохъ, или подвижничество, ради хоть, скажемъ, искупленія грѣховъ: все одно, какъ нѣкогда въ монастыри, въ пустыни уходили, раздравъ одежды и раздавъ имущество... Народъ можетъ конкретно понять и представить себѣ самоотреченіе только въ формѣ опять-таки борьбы за нѣчто *свое* или вообще *своихъ*, за нѣчто вполнѣ реальное и даже эгоистическое. Вы, можетъ, скажете: жизнь... Но вѣдь вы тоже знаете, что нашъ мужикъ на жизнь наученъ смотрѣть довольно легкомысленно: онъ пятьдесятъ разъ можетъ выпутаться въ зажорѣ, пото-

нуть, погибнуть отъ волковъ, и — ничего; а потеряй онъ сто рублей, такъ уже навѣрно повѣсится или сопьется. Такъ вотъ-съ оно, какъ это дѣло-то: *свое*, у *всѣхъ свое* — вотъ суть"...

Въ этой остроумной рѣчи разночинца характерно выраженіе: *лютуетъ за свое*. По всему смыслу его словъ ясно, что такой идеалъ общественный, съ „лютованіемъ" — обязателенъ лишь для самаго добродѣтельнаго человѣка, умѣющаго строго разграничивать свое отъ чужого. Если же мы прибавимъ всѣмъ извѣстное свойство народа — не совсѣмъ точно опредѣлять границы „своего", то получится картина борьбы за житейскія блага нѣсколько иного, менѣе строгаго характера, и передъ читателемъ выяснятся съ большей отчетливостью и обитатели „сытнаго" села Счастливаго, и ямщикъ, завидующій, что не можетъ, подобно первымъ, быть „строгимъ" къ слабому, приперетъ и низкомъ, и ползкомъ, и нахрапомъ, слопать своихъ, и за этимъ не постоять, потому — смотри въ оба, на то будь уменъ.

Выясняя удачно совсѣмъ понятную психику народную, г. Златовратскій склоненъ не только оправдывать, но даже идеализировать чрезмѣрное стремленіе народа къ своему. Мы тоже не бросимъ легкомысленнаго осужденія: такова ужъ историческая судьба народа, слишкомъ суровая. Но чтобы понимать, что̀ ожидаетъ насъ въ будущемъ и на чемъ могутъ обосновываться надежды наши, необходимо безпристрастіе полное и истинное. Заведшійся „своимъ", разночинецъ отнимаетъ надежды даже на то, что въ будущемъ народъ способенъ будетъ понять истинныхъ друзей своихъ, относившихся къ нему искренно и идеально. „Полноте, полноте-съ! — говоритъ онъ. — Чтобы народъ понялъ, изъ-за чего сынъ приказнаго, попа, дьячка, того же исправника и всякой халуйской и служилой мелюзги, которая, по словамъ того же народа, давно уже чорту душу продала — чтобы народъ понялъ, изъ-за чего этотъ сынъ распинается? Полноте шутки шутить. Вотъ-съ кому — Старовѣровымъ памятники-то будутъ ставить, это точно-съ! Потому что тогда народъ-то о своихъ заслугахъ заговоритъ, заговоритъ о своемъ умѣ, о своей

энергіи, сметливости. Вотъ о чемъ онъ заговоритъ! Вотъ кого онъ превознесетъ! Да что тутъ говорить! И ужъ никакого бальзама утѣшенія не дожидайтесь! Никто этого бальзама даже въ будущемъ не прольетъ! Вотъ онъ гдѣ истинный ужасъ! А вотъ тѣхъ, которые именно душу положили— ихъ-то и пожрутъ безъ остатка, и спасибо не скажутъ. Да, впрочемъ, что жъ тутъ! Мы ужъ давно съѣдены и сглоданы: то баринъ насъ ѣлъ и черезъ насъ руки грѣлъ, а потомъ, можетъ, съ Божіей помощью, мужичокъ будетъ кушать. Проклятое наше хамово отродье! Ему ужъ издавна такая провиденція прописана".

Въ сопоставленіи съ „земцами" Щедрина, герои мужицкихъ идеаловъ составляютъ поразительное зрѣлище, отъ котораго нѣтъ силъ отвернуться и на которое смотрѣть не легко. Невольно мысль обращается къ лучшимъ идеаламъ человѣчества, которые могли бы быть внесены въ народную среду, издавна имѣвшую своими идеалами трудъ и честь, и потому способную принять эти лучшіе идеалы.

Очень характеренъ съ нашей точки зрѣнія разсказъ Златовратскаго „Деревенская пророчица", погружающій насъ въ тонкости деревенской психологіи. Онъ изображаетъ собственно два типа: безпокойнаго „шоссейнаго поэта", странника нынѣ и кутилу въ прошломъ, и „деревенскую пророчицу". Авторъ знакомится съ шоссейнымъ поэтомъ, желающимъ передать ему свои сочиненія, и описываетъ подробно его рѣчь, внѣшность и пр. Одно изъ „сочиненій" онъ и передаетъ далѣе. Въ немъ описывается, какъ въ „нѣкоторомъ округѣ жилъ дровосѣкъ съ женою", какъ у нихъ сдѣлалась больна дочь и въ бреду, волей-неволей, стала деревенскою пророчицей. Когда она выздоровѣла и, полная силъ, красивая и молодая, заявила свои права на жизнь, ей почти невозможнымъ оказалось побороть волю матери, желавшей получать выгоды отъ „пророчества" дочери. Она только по ночамъ вставала съ постели и ходила. Кончилось дѣло тѣмъ, что пріѣхавшему за вѣщими словами молодому купцу пророчица назначила свиданіе и съ этого момента превратилась въ „грѣшницу". Молодой купецъ и былъ именно „шоссейный поэтъ", который послѣ, „ощутивши

смуту въ душѣ своей", бросилъ бывшую пророчицу и ушелъ странствовать на цѣлыя десять лѣтъ. Но онъ воротился къ своей Анастасіи, и авторъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ, недолго спустя послѣ того, какъ получилъ „сочиненіе".

Вотъ и весь разсказъ. Мысль автора иллюстрируется эпиграфомъ, поставленнымъ въ началѣ разсказа:

Иль думалъ ты,
Что я возненавижу жизнь,
Уйду въ пустыню?..

Разсказъ Златовратскаго, какъ видитъ читатель, скорѣе всего принадлежитъ къ произведеніямъ „чистаго" искусства, по крайней мѣрѣ, одною своею стороной. Весь смыслъ разсказа почти исключительно въ томъ, что странникъ и „пророчица" оказываются наиболѣе страстными людьми, отдающимися физическимъ влеченіямъ. Это, конечно, бываетъ. А далѣе весь интересъ сосредоточивается на изображеніи, на психическомъ анализѣ „шоссейнаго поэта". Но глубины психическаго анализа не оказываются особенно глубокими, такъ какъ читатель имѣетъ передъ собою, главнымъ образомъ, разговоры автора съ „поэтомъ", развѣ лишь намекающіе на оригинальный складъ психіи шоссейнаго поэта, недающіе о немъ яснаго представленія. Авторъ объективенъ: онъ своего мнѣнія не обнаруживаетъ, а рисуетъ только типъ, предоставляя читателю самому разсудить и понять. Но читатель, съ своей стороны, оказывается еще менѣе могущимъ имѣть какое-нибудь мнѣніе, и уходитъ отъ разсказа Златовратскаго, какъ отъ картины, привлекающей къ себѣ вниманіе, но не уловивши ея смысла. Развѣ самый догадливый читатель сообразитъ, что авторъ хотѣлъ показать странныя формы, въ какіе облекаются иной разъ стремленія больной русской души, ищущей удовлетворенія возникающимъ нравственнымъ требованіямъ. Но и эта догадка можетъ оказаться въ высшей степени проблематичной.

„Очеркъ народной жизни" Златовратскаго „Лѣсъ" принадлежитъ, по крайней мѣрѣ одною своею стороною, къ такимъ же произведеніямъ, въ которыхъ стремленіе къ идеа-

лизаціи народа вредитъ художественной правдѣ и художественному впечатлѣнію. Разсказъ состоитъ въ слѣдующемъ. Авторъ, сопутствуемый нѣкіимъ Семіономъ Потапычемъ и Илюшей, идетъ лѣсомъ. Впечатлѣніе отъ колоссальнаго дремучаго бора, Богъ знаетъ какими судьбами уцѣлѣвшаго истиннымъ оазисомъ среди всеобщаго истребленія лѣсовъ, было таково, что авторъ впадаетъ во власть воспоминаній. Передъ нимъ рисуется давняя картина отъѣзда его отца со всею семьею изъ деревни, гдѣ онъ былъ управляющимъ, въ городъ, черезъ этотъ дремучій лѣсъ, тогда бывшій еще дремучѣе и страшнѣе; помнитъ онъ, какъ поѣздъ ихъ неловко свернулъ съ настоящаго пути и заѣхалъ въ глушь и дичь, къ избушкѣ, въ которой жили чуть ли не разбойники, совершенно въ томъ родѣ, какъ въ русскихъ сказкахъ; помнитъ дикую сцену, грозныя лица мужиковъ, ихъ угрозы, возгласы кого-то: ахъ, такое, значитъ, счастье твое... Помни Сеньку...; наконецъ тревожный отъѣздъ, освобожденіе отъ опасности... Но за этими воспоминаніями начинается простѣйшая дѣйствительность, лишенная всякаго элемента, который бы могъ тревожно возмутить нервы. Тутъ простые разговоры, обыкновенные и идеальные представители народной среды.

И вотъ, если мы остановимся на воспоминаніяхъ разсказчика, мы будемъ имѣть дѣло съ истинно талантливымъ писателемъ. Сцены рисуются передъ читателемъ въ той именно формѣ, какъ онѣ должны были рисоваться ребенку и теперь вставать въ воображеніи взрослаго; въ нихъ нѣтъ опредѣленности, вы только чуете, что что̀ такое происходитъ,— но таковы именно и бываютъ впечатлѣнія ребенка. Вотъ напр., какъ разсказываетъ авторъ то, что происходило въ лѣсной страшной избушкѣ:

„Смутно помню, какъ мы ощупью вошли въ большую, черную, задымленную, нахолодавшую избу; въ ней было пусто; стоялъ только столъ да двѣ лавки по стѣнамъ. Тѣ же мужики, которые приходили насъ осматривать, толпились въ дверяхъ, въ своихъ высокихъ, набитыхъ льномъ, бараньихъ шапкахъ, — высокіе, кряжистые, бородатые. Но ихъ теперь было больше; у нѣкоторыхъ торчали за кушаками топоры.

Они то входили, то выходили изъ избы, безъ всякаго уваженія къ намъ, къ которому мы такъ привыкли“.. Спустя нѣсколько минутъ, произошла дикая выходка. „Дверь съ размаха отворилась, и въ избу съ полштофомъ въ рукѣ, пошатываясь, ввалился молодой мужикъ, красивый и, повидимому, веселый. „Эге! Вона кто?“—крикнулъ онъ, и вдругъ сталъ обмѣривать отца глазами. Отецъ обернулся и чуть не упалъ. Но онъ овладѣлъ собой и, невольно схвативъ съ лавки шашку, сурово взглянулъ на парня. Парень раскатомъ засмѣялся и вышелъ опять изъ избы“.... Еще нѣсколько минутъ, и вновь сцена перемѣняется. „Ступайте съ Богомъ...—говорятъ путникамъ: — Пора... не въ гости заѣхали... Пока милуетъ Богъ, то и уѣзжай... мы васъ не видали, вы—насъ... Что намъ вмѣстѣ дѣлать? добра у насъ вмѣстѣ не будетъ, а зла въ міру и безъ того много ..“ Потомъ, уже на большой дорогѣ, когда всѣ опасности миновали, разсказчикъ „увидалъ взволнованное лицо матери, съ глазами полными слезъ, поднятыми кверху, со сложенными на груди руками. „Благодарю тебя Отецъ нашъ покровитель... Благодарю Тебя, Создатель нашъ!—говорила она.—Ты намъ послалъ ангела хранителя!... Ангельскія непорочныя дѣтскія души умолили невидимо за насъ! Молись!...—вдругъ строго прибавила она мнѣ.—„Подлецы! разбойники! душегубы! говорилъ отецъ!..“

Въ этой сценѣ все естественно, и слышится въ ней глухая драма въ оношеніяхъ отца разсказчика, теперь лишившагося власти, къ недавно бывшимъ въ этой власти представителямъ народной среды, встрѣченнымъ въ лѣсу. Здѣсь нѣтъ сочиненія, сочинительства, а непосредственная передача живыхъ впечатлѣній. Но дѣло круто измѣняется, какъ скоро вы вступаете съ авторомъ въ идеальный кругъ его идеальныхъ спутниковъ. Намѣренія автора тутъ начинаютъ нѣсколько грубо выставляться впередъ; языкъ становится вычуренъ и натянутъ; въ немъ сказывается если не придуманность, то стремленіе поддѣлаться подъ витіевато-фабричную рѣчь хорошаго человѣка. И, по правдѣ сказать, мы не совсѣмъ понимаемъ ни то, о чемъ рѣчь идетъ въ этихъ длинныхъ разговорахъ, ни зачѣмъ понадобилось автору слишкомъ

уснащать витіеватостью и растягивать на многія страницы рѣчи, которыя могли бы быть много короче. А то персонажи нашего автора говорятъ такимъ мало естественнымъ жаргономъ:

„Какъ сказать?... Кто-е знаетъ!... Конечно, все это по рожденію,—протяжно говорилъ Илюша,—а можетъ отъ того, что одиночка онъ... одинокая душа на свѣтѣ,—ну, всего и не досматриваетъ... Потому, ежели примѣрно ты при семейственномъ положеніи или на міру, въ деревнѣ, что ли,—тутъ всякое малое дѣло надо удумать, всякому малому волосу, чтобы свое мѣсто и свое разсужденіе было... Такъ, я думаю,—они этого самаго... Да... Тутъ нужно все, чтобы свое мѣсто въ разсужденіи имѣло... Вотъ оно и нелегко... и утруждаешься... Сильно утруждаешься... Потому—и младенца тебѣ нужно въ разсужденіе взять, что касается его нарожденія и родителей, чтобы въ обхожденіе съ нимъ поставить въ разумъ“...

Если бы эта тирада была исключеніемъ,—куда бы ни шло; но нѣсколько страницъ подобныхъ разговоровъ—утомительны, и, главное, не нужны. Не нужны, по крайней мѣрѣ, для цѣли автора—сопоставить отношенія прежняго быта, прежней жизни съ жизнью настоящей, въ которой яснѣе выражаются симпатичныя свойства „народа“...

Продолженіемъ „Лѣса“, не въ смыслѣ только содержанія, а и во всѣхъ остальныхъ смыслахъ, является очеркъ „Труженики“. Какъ тамъ воспоминанія автора необыкновенно жизненны и дышатъ всею прелестью непосредственныхъ безхитростныхъ впечатлѣній, въ то время какъ описаніе современныхъ людей и встрѣчъ съ ними сравнительно слабы и безцвѣтны, такъ и здѣсь эти же самыя свойства проявляются во всей своей силѣ. Въ „Тружениках“ объясняется, что люди, у которыхъ въ лѣсу отецъ разсказчика очутился въ такомъ неловкомъ положеніи, были просто раскольники.

Воспоминанія разсказывающаго и здѣсь начинаются съ представленій о томъ священномъ ужасѣ, съ которымъ, да еще съ страхомъ голодной будущности, говорятъ всѣ окружающіе о распространяющемся расколѣ въ приходѣ дѣдушки-

священника. Циклъ понятій этой всей среды вырѣзывается передъ читателемъ съ ясностью. Поражаемый толками объ ужасныхъ какихъ-то людяхъ, изъ которыхъ одинъ выбрилъ маковицу и щеткой подрѣзалъ волосы на лбу, другой умеръ „безъ покаянія, какъ звѣрь“, третій окрестилъ ребенка „худымъ обрядомъ“, четвертый заперъ ворота, когда отецъ дьяконъ съ причетникомъ обходили за сборомъ яицъ... — ребенокъ создавалъ себѣ фантастическіе ужасы на счетъ этихъ людей, пытливо стараясь разгадать, что̀ такое дѣйствительное скрывается за его туманными представленіями, и вотъ онъ обращается къ бабынькѣ съ вопросомъ, что это за люди такіе?...

— Такъ, касатикъ, — отвѣчаетъ та,—живутъ, что скоты безсловесные, непотребную жизнь ведутъ... Какіе это люди!.. Оставь, не думай о нихъ, касатикъ, грѣхъ думать-то... Сплюнь: тьфу, тьфу! тьфу!... Скажи: святъ, святъ, святъ! Перекрестись, да и усни... съ Господомъ!...

Но ребенокъ не оставался удовлетвореннымъ и прибѣгалъ къ другимъ, особенно къ церковному сторожу, несчастному безногому калѣкѣ Вакулѣ. И Вакула этотъ умѣлъ говорить ребенку понятнымъ языкомъ. Объ „ужасныхъ“ людяхъ онъ такъ говорилъ:

— Вотъ видишь ты, братецъ мой,—отрѣшились, значитъ, они отъ благолѣпія храма Божія, церковнаго значитъ благолѣпія... Понялъ?..

Я смотрѣлъ на Вакулу, — говоритъ авторъ, — какъ онъ махалъ восторженно руками, какъ горѣли его маленькіе сѣрые глазки, — и я понималъ, если не все, то во сто разъ больше, чѣмъ изъ того, какъ объяснили мнѣ и дѣдушка, и мать...

— Ну... вотъ они этого, отрѣшились... А по мнѣ отрѣшиться отъ этого все одно, что сдохнуть... Вотъ, примѣрно, я — человѣкъ Божій, калѣка... Откажи мнѣ дядинька отъ храма, я долженъ, что скотина, сдохнуть... Куда я пойду? Гдѣ что увижу? Въ городъ я не ѣзжу... А тутъ у меня— и благолѣпіе, и теперича голубчики это воркуютъ, и пташки

разныя увеселяютъ Господа... Вотъ!.. А они этого, глупый народъ, въ разумъ не берутъ...

Послѣ объясненій Вакулы ребенокъ сразу понялъ, „въ доступной для него и для Вакулы формѣ“, какъ велика пропасть между ними и тѣми, „недостойными“: на сторонѣ его съ Вакулой все было благолѣпно, свѣтозарно, высоко, чисто, безгрѣшно; тамъ—все мрачное, грѣховное, низменное, неосвященное, „звѣроподобное“. Тутъ—истинная психологія; преданности привычкамъ мысли и чувствъ дается здѣсь ея настоящая роль; борьба между людьми становится понятной, имѣющей не мелкія основы; все на своемъ мѣстѣ, и вы, по правдѣ, не знаете, стоитъ ли хвалить или порицать этихъ людей, да и чувствуете, что они, эти рутинеры, выше хвалы или порицаній, что ихъ жизнь — фактъ, съ которымъ ничего не подѣлаешь, сколько его ни хвали и ни порицай... И воспоминанія автора глубоко полны мыслію и производятъ такое же глубокое впечатлѣніе, не разбавляемое, не разслабляемое ничѣмъ постороннимъ, тенденціознымъ, т.-е. обыкновенно фальшивымъ и мелкимъ, узко-личнымъ.

Но характеръ разсказа совершенно измѣняется, когда вы переходите къ описанію не воспоминаній, а этихъ самыхъ нѣкогда „ужасныхъ“ для ребенка людей. Авторъ усиленно старается идеализировать ихъ, какъ бы въ противоположность тому представленію, которое создалось о нихъ въ средѣ, окружавшей его въ дѣтствѣ. Но основанія для идеализированія неясны, не видны, непонятны. Авторъ намѣренно останавливаетъ ваше вниманіе на томъ, какъ они, эти новые люди, говорятъ умилительно; но вы не слышите ихъ рѣчей, а только авторскія восхваленія и восхищенія.

Но откиньте автора, и передъ вами возникаетъ совершенно такое же, хотя блѣднѣе обрисованное, явленіе, къ которому относятся воспоминанія автора. Тѣ же люди, съ такою же нетерпимостью относящіеся ко всему, что̀ не совпадаетъ съ ихъ предвзятыми мыслями, вѣрнѣе — привычными, крѣпко засѣвшими въ душѣ, мыслями и чувствами. Для нихъ „ужасные“ люди уже другіе, и тѣ самые, между прочимъ, для которыхъ они сами ужасны; среди нихъ возникаютъ опять но-

выя явленія, возникаютъ еще слабо, только нарождаются, но вы уже предчувствуете, съ какою враждою они будутъ встрѣчены. Въ этомъ именно сопоставленіи старыхъ, новыхъ и новѣйшихъ людей и есть то, что наиболѣе поражаетъ въ разсказѣ Златовратскаго; но авторъ этому обстоятельству вниманія не даетъ и оно само выдѣляется жизненно и смѣло....

Любопытно, что въ „Очеркахъ народнаго настроенія" съ Златовратскимъ случилось совершенно то же, что съ Гл. Успенскимъ. Начавши художественными воспроизведеніями народной души и народнаго быта, нашъ авторъ постепенно приходитъ къ „новому литературному роду", „къ законному расширенію сферы" и т. п.—словомъ, къ смѣшенію образовъ съ разсужденіями. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что этотъ новый литературный родъ поселяетъ между Успенскимъ и Златовратскимъ еще большее разногласіе, чѣмъ какое существовало въ ихъ художественныхъ картинкахъ народной жизни. И вотъ это-то обстоятельство должно свидѣтельствовать всѣмъ поклонникамъ новаго литературнаго рода, что если искусство безсильно освѣтить народную душу (чего совсѣмъ утверждать невозможно), то крайнее смѣшеніе образовъ съ разсужденіями еще безсильнѣе. Въ „Очеркахъ народнаго настроенія" авторъ, въ сущности, полемизируетъ съ Гл. Успенскимъ, доказывая, что удивительная „прелестность" народной души зависитъ не отъ „власти земли", а составляетъ самостоятельное свойство настоящаго русскаго человѣка. Для доказательства этой мысли авторъ очень хорошо сочиняетъ два-три разговора съ однимъ старымъ мужичкомъ и нѣсколькими молодыми мужичками... Для насъ же являются одинаково бездоказанными разсужденія, подтверждаемыя „образами", сотворенными на иждивеніе тѣхъ же разсуждающихъ, и потому „вопросъ" о власти земли" и о свойствахъ „народной души" остается открытымъ. Не можемъ не сказать объ удивительной симпатичности таланта г. Златовратскаго,—симпатичности, впрочемъ, извѣстной,—и объ удивительномъ же безсиліи таланта его, какъ и другихъ писателей, доказывающемъ, что одного таланта далеко не достаточно для освѣщенія народной души.

(1884).

„ЛЮДИ СТАРАГО ПОВЕДЕНІЯ“.

1.

Дѣло общественнаго самосознанія — такое трудное дѣло, требующее столькихъ усилій ума и чувства, проницательности и долгаго анализа многочисленныхъ фактовъ и явленій общественныхъ, что человѣкъ, освѣщающій хотя бы крошечный уголокъ жизни свѣтомъ сознанія, не можетъ и не долженъ пройти незамѣченнымъ. Для каждаго живого и талантливаго писателя существуетъ такой моментъ, когда его умственныя творческія силы достигаютъ своей высшей силы, своего высшаго выраженія, и въ этотъ моментъ онъ наиболѣе свободенъ отъ предубѣжденій и всякой предвзятости, наиболѣе истиненъ, наиболѣе приноситъ пользы общественному самосознанію. По нашему мнѣнію, и отчасти въ противоположность мнѣнію широко-распространенному, такой именно періодъ высшей силы и наибольшей серьезнѣйшей вдумчивости и наблюдательности Н. Златовратскаго выражается въ его произведеніи „Люди стараго поведенія“.

Вся его предыдущая литературная дѣятельность прошла подъ преимущественнымъ вліяніемъ, можно сказать: давленіемъ—чувства любви къ народу, вѣрнѣе: преданности идеѣ народной. Нѣтъ, конечно, человѣка, который не отнесся бы съ должнымъ уваженіемъ къ этимъ чувствамъ нашего автора. Но нѣтъ также никакой необходимости, изъ-за уваженія къ чувствамъ автора, не признавать несомнѣнной односторонности тогдашнихъ воззрѣній его, уже этими самыми чувствами обусловленной. Дѣйствительно, и въ „Крестьянахъ-присяжныхъ“ и въ „Артели“, и во всѣхъ вообще картинахъ народной жизни, созданныхъ авторомъ въ первый періодъ его литературной дѣятельности, народъ является не идеализированнымъ только, какъ безконечное число разъ было высказано, но и такимъ народомъ, какого не сыщешь ни у насъ на Руси и нигдѣ въ мірѣ. Весь народъ этотъ

былъ одностороннимъ, нелогичнымъ созданіемъ авторской фантазіи, согрѣтой страстнымъ чувствомъ, что конечно очень хорошо, но не охлажденной глубокимъ изученіемъ народа, анализомъ условій его жизни, его души, его помысловъ и идеальныхъ стремленій во всемъ ихъ сложномъ взаимодѣйствіи, въ чемъ хорошаго ничего нѣтъ. И потому-то народные типы ускользали отъ автора, несмотря на то, что передъ нимъ прошелъ уже рядъ писателей, сильныхъ дарованіями и знаніемъ народа, — нѣтъ надобности называть извѣстнѣйшія имена.

Въ послѣдніе годы, между тѣмъ, Златовратскимъ сдѣланы попытки представить настоящіе типы изъ среды народной. „Деревенскій король Лиръ“ и „Авраамъ“ и нѣсколько другихъ вещей, въ которыхъ выразилось это стремленіе, были неудачны. Но большая повѣсть послѣдняго времени „Устои. Исторія одной деревни“ представляетъ собою литературное явленіе, далеко оставляющее за собою всякое народолюбивое сочинительство. Въ этой повѣсти передъ читателемъ уже не шекспировскіе типы, передѣланные на „нравы“ русской деревенской среды“, а картина „хаотическаго броженія цѣлой русской волости“, настоящіе неподдѣльные деревенскіе русскіе люди, и среди нихъ крупная типическая фигура деревенскаго парня, прошедшаго черезъ цѣлую процедуру вліяній и особенно черезъ вліяніе интеллигентныхъ идеалистовъ, непрактичныхъ и въ жизни непослѣдовательныхъ, — прошедшаго черезъ нихъ и выработавшагося, при своихъ природныхъ задаткахъ и тяжкихъ трудовыхъ условіяхъ дѣйствительной, а не мечтательной жизни,— въ „умственнаго“, но жестокосердаго и практическаго дѣлового землевладѣльца и земледѣльца, равно презрительно относящагося и къ непрактическому интеллигенту, и къ слабому мужику,—въ сильнаго борца въ борьбѣ за существованіе, побѣда котораго обезпечена. Это не просто кулакъ, не безсмысленный эксплоататоръ, не грабитель, а просто сильный и умный, кое-чему поучившійся, до чего-то „дошедшій своимъ умомъ“, не лишенный условной честности, но своего не умѣющій упускать, „твердый въ своихъ принципахъ“,

совершенно не склонный снисходительно и гуманно отнестись къ слабому и грѣшному человѣку. Естественно, что въ деревнѣ, въ глазахъ своихъ родичей и соотчичей — это герой и защитникъ, сила, передъ которой все гнется и преклоняется. Но въ какое же отношеніе станетъ къ нему гуманный идеалистъ-народникъ? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отношеніе это будетъ отрицательное, что гуманно-развитый народникъ вступитъ въ борьбу съ „умственнымъ" мужикомъ, вступитъ въ борьбу и—проиграетъ ее, безспорно, безнадежно, потому что народъ, какъ мы уже сказали, стоитъ хотя бы и за худого, да за своего, не за „барина", отъ котораго онъ разучился ждать чего-либо хорошаго для себя, которому онъ не вѣритъ, котораго не понимаетъ. И вотъ, въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемъ другой первенствующій мотивъ произведеній Златовратскаго, волнующій его, вызывающій въ немъ горькія чувства.

Какая поражающая судьба людей, все достояніе, кровь и нервы отдающихъ на дѣло народнаго блага, и въ концѣ концовъ приходящихъ къ очевидному заключенію, что народъ не хочетъ ихъ жертвы, не принимаетъ ея, что народъ имѣетъ свои идеалы и стремленія, не согласныя съ ихъ стремленіями! Этотъ типъ людей, испытывающихъ на себѣ всю тяжесть народнаго недовѣрія, понявшихъ свою неумѣлость и въ сущности свою практическую безполезность, ненужность для народа, непонимающаго ихъ, непримѣнимыя въ настоящемъ и потому возбуждающія въ немъ только полное недовѣріе, идеи; людей, убѣждающихся ежечасно, что жизнь ихъ, сверхъ ожиданія, прошла безполезно, создавъ только горькое и невыносимое противорѣчіе между дѣятельными стремленіями и результатами дѣятельности,—этотъ типъ людей и сталъ въ послѣднее время любимымъ содержаніемъ беллетристическихъ работъ Златовратскаго. Еще въ „Устояхъ" отведено этому типу огромное мѣсто, и читатель, рядомъ съ „разрушеніемъ мирной идилліи" и „хаотическимъ броженіемъ" въ деревнѣ, видитъ и этихъ мучениковъ собственныхъ идейныхъ увлеченій, присутствующихъ при зрѣлищѣ крушенія своихъ надеждъ и честныхъ мечтаній. И

какъ же печальны „письма Лизы“, которыми оканчиваются „Устои“, какое страстное отчаяніе звучитъ въ нихъ, сознаніе своихъ ошибокъ, сознаніе своего безсилія! Этотъ же типъ и разработанъ въ „Людяхъ стараго поведенія“, въ „Концѣ Русанова“.

Многозначителенъ самый фактъ появленія въ литературѣ этого не совсѣмъ новаго типа русскихъ разочарованныхъ людей. Многозначителенъ и печаленъ! Помните ли, читатель, несчастнаго „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, этого удивительнаго субъекта, возможнаго только на Руси? Нѣсколько лѣтъ, отданныхъ тому, что называется европейскимъ образованіемъ; затѣмъ возвращеніе изъ-за границы на родину, гдѣ оказываются совершенно ненужными ни „Фаусты“, ни „Гамлеты“; къ тому же бѣдность, и оттого приниженное общественное положеніе, — таковы условія, сложившія этотъ печальный типъ русскаго Гамлета. Тургеневъ слишкомъ строго обошелся съ этимъ печальнымъ знаменіемъ невѣжества и дикой жестокости тогдашняго времени, какъ строго отнесся онъ и къ Рудину, и къ Базарову. „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“ — жертва не одной только національной слабохарактерности русской, а и тяжкаго своего положенія. Что ему было дѣлать на тогдашней родинѣ нашей съ науками и искусствами, которыя безпочвенно сидѣли у него въ головѣ, въ которыхъ въ то время никто не нуждался, не нуждался даже и самъ онъ, какъ скоро судьба забрасывала его къ Фамусовымъ и Чичиковымъ. И какъ понятны его фальшивая роль, его первоначальная прыткость, потомъ сознаніе чувства своей неумѣстности, наконецъ какое-то горькозлобное чувство собственнаго униженія, въ которомъ ему приходилось на одинаковую доску ставить „господъ“, третировавшихъ его, и ихъ лакеевъ, обходившихъ его съ подносами... Жалкая и печальная, но все же бѣдная жертва переходнаго времени, когда страннымъ образомъ столкнулось безпочвенная полуобразованность съ круглымъ невѣжествомъ!

Когда всматриваешься въ характеристичнѣйшія черты лицъ, изображаемыхъ Златовратскимъ и Гл. Успенскимъ въ качествѣ страстныхъ, но неумѣлыхъ поборниковъ на-

роднаго блага, не умѣющихъ принести въ деревню то, въ чемъ она нуждается, что̀ она охотно приметъ, и приносящихъ, напротивъ, то, что̀ никакъ не хочетъ привиться къ деревнѣ, преимущественно цѣлую область чувствъ и идей, которыя постигаются только опытомъ жизненнымъ, усвоиваются нервами и не могутъ быть переложены изъ одной головы въ другую, какъ правило ариѳметическаго сложенія,— то невольно поражаешься сродствомъ этого типа со старымъ излюбленнымъ русскимъ типомъ Рудиныхъ и всякихъ иныхъ „лишнихъ людей“ и людей „заѣденныхъ рефлексіей“. И это не потому, конечно, что г. Златовратскій испытываетъ вліяніе прежней литературы, отъ образовъ которой ни одинъ писатель не можетъ быть вполнѣ свободенъ, это—не отъ вліянія великихъ мастеровъ русскаго слова, а просто отъ того, что новый типъ русскихъ Гамлетовъ-народниковъ дѣйствительно таковъ, дѣйствительно близко сродни прежнему типу.

Если въ изображеніи народа Златовратскій не свободенъ отъ извѣстныхъ предвзятыхъ представленій, если онъ судитъ народъ съ *своей* точки зрѣнія, съ точки зрѣнія своихъ, народническихъ, а не народныхъ идеаловъ (въ противоположность Левитову), если, слѣдовательно, его картины народной психики могутъ оказаться не всегда объективными въ лучшемъ смыслѣ этого термина; если мужикъ, не раздѣляющій, напр., авторскихъ воззрѣній на общину, пропалъ въ его мнѣніи, каковъ бы онъ ни былъ самъ-по-себѣ,—то анализъ людей, разочаровавшихся въ своихъ народническихъ стремленіяхъ, по нашему мнѣнію, у него объективнѣе и безпристрастнѣе. Авторъ описываетъ чувства и мысли слишкомъ знакомой ему среды, онъ самъ испытываетъ эти чувства, самъ передумалъ эти думы; и потому-то, выражая ихъ, онъ волей-неволей, хочетъ-ли, не хочетъ, а передаетъ живой фактъ, какъ бы пристрастно или не пристрастно онъ ни относился къ нему. Читатель видитъ не сужденіе автора, а его самого и лицъ, ему подобныхъ, чувствующихъ и мыслящихъ то же, и можетъ самъ „судить“, если это нужно, а главное—понимать.

2.

Въ исторіи русской общественной мысли всегда понынѣ занималъ видное мѣсто вопросъ объ отношеніи образованнаго человѣка къ народу. Литература естественно отражала это направленіе мысли, и въ то время, когда, по выраженію одного русскаго критика, „русская литература еще не переставала быть россійской словесностью, въ которую съ одинаковымъ правомъ и назначеніемъ входили и „Часы благоговѣнія“, и чувствительныя повѣсти Карамзина“, — въ то время уже были Радищевъ и Новиковъ, для которыхъ онъ, этотъ вопросъ, былъ вопросомъ жизни. Такъ или иначе, но вся наша литература, въ нынѣшнемъ вѣкѣ преимущественно беллетристическая, постоянно возбуждала мысль и вопросъ о народѣ и о томъ, что же дѣлать русскому образованному человѣку. Пока стояло крѣпостное право, дѣло интеллигенціи опредѣлялось само собою, и всѣ силы лучшихъ людей устремлялись на уничтоженіе рабства. Но вотъ крестьянская реформа состоялась. Дѣло русскаго образованнаго человѣка въ его отношеніяхъ къ народу значительно усложнилось и запуталось. Тогда-то поднялись въ нашей журналистикѣ экономическія изученія, а русская беллетристика начала обличать, вмѣсто прежнихъ помѣщиковъ,—нынѣшнихъ старшинъ и кулаковъ. И если въ настоящій моментъ это направленіе журналистики и беллетристики дошло до банальности и надоѣдливой повторительности, то въ началѣ оно было направленіемъ живымъ и свѣтлымъ, согрѣтымъ вѣрой въ свое дѣло.

Среди этого „обличительнаго“ теченія въ русской художественной литературѣ рано заняла прочное мѣсто струя, ясная и въ наше время и служащая отраженіемъ, литературнымъ выраженіемъ думъ и тревогъ значительной части русскаго образованнаго общества. Ея дѣломъ было не обличеніе, а только почти исключительно постановка вопроса объ истинно-полезномъ дѣлѣ русскаго человѣка въ народной средѣ. Извѣстно также, что двоякимъ образомъ рѣшались отношенія образованнаго человѣка къ народу: одни прини-

мали безусловное „сліяніе“ съ народомъ при полномъ отреченіи отъ всѣхъ пріобрѣтеній образованности, принятіе мнѣній и убѣжденій народныхъ (какъ будто возможно произвольное принятіе тѣхъ или другихъ убѣжденій) и отказъ отъ всего, что не народно; другіе, напротивъ, требовали отъ образованнаго человѣка, чтобы онъ являлся руководителемъ и защитникомъ народа, его учителемъ, долженствующимъ передать ему знанія и понятія, выработанныя образованіемъ.

Очеркъ Златовратскаго есть новая страничка въ лѣтописи русскаго литературнаго народничества и безъ него не можетъ ни быть понята, ни имѣть какое-либо значеніе. Говоря, что новый очеркъ Златовратскаго есть новая страничка въ этой лѣтописи, мы этимъ самымъ уже придаемъ ему большую важность. Много ли беллетристическихъ произведеній могутъ похвастать тѣмъ, что имъ принадлежитъ опредѣленное и замѣтное, хотя бы и маленькое мѣстечко въ ряду тѣхъ, которыя выражаютъ собою послѣдовательный ходъ развитія общественнаго сознанія? А очеркъ г. Златовратскаго глубоко захватываетъ одно изъ еще неуказанныхъ больныхъ мѣстъ русской жизни и замѣчаетъ новый типъ современнаго общественнаго человѣка. Въ ряду цѣлой массы беллитристическихъ произведеній послѣдняго времени его очеркъ очень выдѣляется; онъ составляетъ исключеніе даже и изъ другихъ произведеній самого автора если не по формѣ, то по живой мысли. Очеркъ написанъ притомъ съ глубокимъ чувствомъ, котораго не минуетъ и читатель. Правда, онъ только намѣчаетъ и обрисовываегъ одно изъ явленій современнаго русскаго міра, не разрабатывая и не развивая его во всѣхъ подробностяхъ; правда также, что по формѣ своей онъ не удовлетворяетъ читателя, двоя въ немъ впечатлѣніе излишне и неумѣстно подробнымъ изложеніемъ сценъ изъ жизни героя, создающихъ въ немъ извѣстное настроеніе, и излишне короткимъ, неполнымъ изложеніемъ этого самаго настроенія. Все это правда, и тѣмъ не менѣе очеркъ г. Златовратскаго представляетъ захватывающій интересъ, какъ только вы начинаете вдумываться въ него.

Названіе очерка: „Люди стараго поведенія. Изъ запи-

сокъ Русанова“—не удачно и ничего не говоритъ. Зато герой его Русановъ съ его мыслями—типическій представитель цѣлой массы теперешнихъ русскихъ людей, самой жизнью приведенныхъ къ извѣстнымъ мыслямъ и представленіямъ. Русановъ, герой очерка, представляется въ очеркѣ вынесшимъ на себѣ, прошедшимъ самостоятельно всѣ фазы развитія народничества, т.-е. вопроса о томъ, какое дѣло предстоитъ русскому человѣку, рѣшившемуся отдать всѣ силы и всю жизнь народному дѣлу въ тѣсномъ смыслѣ. Онъ „ходилъ въ народъ“; онъ искалъ безотвѣтнаго и беззавѣтнаго „сліянія съ народомъ“,—не на словахъ только была его преданность народной идеѣ, онъ много лѣтъ провелъ въ самой настоящей народной средѣ; наконецъ онъ пробовалъ вводить въ народъ результаты вѣковой работы мысли, пробовалъ „учить“ народъ... Такимъ образомъ всѣ теоріи, построенныя народниками, имъ провѣрены на практикѣ, и не личной только. Не любопытны ли результаты его опыта, и еще болѣе не любопытенъ ли типъ мыслящаго человѣка, созданнаго этимъ опытомъ? Отвѣты на возникающіе изъ этого положенія вопросы г. Златовратскій облекаетъ въ удобную форму писемъ Русанова къ товарищу, прошедшему тотъ-же искусъ и приходящему приблизительно къ тѣмъ же результатамъ. И вотъ что̀ пишетъ Русановъ:

„Въ тридцать пять лѣтъ мы уже сбиты на всѣхъ пунктахъ! Въ тридцать пять лѣтъ мы не находимъ ничего лучше, какъ писать мемуары и пріятельски „бередить раны другъ другу“... И это въ такое-то время, каково наше?... Ну, еще, конечно, не было бы обидно, еслибъ такая бѣда стряслась только съ нами двоими... Нѣтъ, посмотри, такими байбаками кишмя кишатъ и столицы, и провинція... И все хорошіе люди! все хорошіе, даже прекрасные люди! Что же, однако, мы за люди, хотя бы и хорошіе? Вотъ ты пишешь, что знать не хочешь—ты ли негоденъ для жизни, или жизнь негодна для тебя! Очевидно, въ тебѣ еще не шевелится червячокъ, еще ты *недостаточно* сбитъ, не со всѣхъ пунктовъ... Ну, а я“...

И вотъ этотъ человѣкъ, только сейчасъ иронизировавшій надъ „хорошествомъ“ людей, превратившихся въ байбаковъ,

знать не хотящихъ, жизнь ли виновата... — этотъ человѣкъ тутъ же находитъ для себя и грустное извиненіе, и даже не объясненіе, а полное, но очень грустное опять оправданіе своему собственному „байбачеству“,—оправданіе человѣка, которому по глубокому и мучительно выношенному убѣжденію невозможно не дѣлать того, что̀ онъ дѣлаетъ. „Ну, а я, пріятель, — пишетъ онъ,—*убѣдился*, и очень достаточно... Не утѣшатъ меня банальныя фразы и о томъ, что, молъ, намъ, хорошимъ людямъ, все „мѣшаютъ“, или, что мы, молъ, люди извѣстные—„Гамлеты“, „Лишніе люди“, „Рудины“... Говорю искренно: сбитый на всѣхъ пунктахъ, я чувствую въ глубинѣ души только одно: *смиреніе* передъ чѣмъ-то необъятнымъ, великимъ, передъ тѣмъ, что̀ называютъ „процессомъ жизни“, и передъ чѣмъ мы, хорошіе люди, только ничтожные пигмеи... Тяжело это сознаніе, но я принимаю его—и отступаю въ сторону... Отступаю, потому что видѣлъ и узналъ кое-что изъ этого „процесса жизни“ очень близко... Совѣтую и тебѣ сдѣлать то же, чѣмъ ломать изъ себя угнетенную невинность... Это будетъ, право, благороднѣе, чѣмъ ехидничать въ глубинѣ собственныхъ кабинетовъ и разражаться заклятіями... Вѣдь, все одно, ихъ не услышатъ, а если и услышатъ, то пройдутъ мимо“...

До грустнаго „смиренія“ передъ „процессомъ жизни“, до пониманія „призрачности *всего прежняго*“, какъ выражается онъ въ другомъ мѣстѣ, герой нашъ дошелъ неизбѣжно путемъ слѣдующихъ испытаній и треволненій. Отдавши всю свою наслѣдственную землю бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, онъ „отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и ушелъ *въ народъ*“. Онъ былъ молодъ, силы кипѣли, а главное—все еще старые призраки и идеалы жгли и говорили: „нѣтъ, еще не все, твое еще впереди, еще ты нуженъ, еще безъ тебя нельзя!“ И вотъ онъ сапожникомъ... Оказалось, что если онъ и нуженъ тамъ, такъ совсѣмъ не на то, какъ онъ думалъ. Его признали „хорошимъ парнемъ“, его любилъ хозяинъ, но потому-то именно, умирая, ему поручилъ своихъ ребятишекъ. „Коли ты хорошій человѣкъ, и доброта у тебя въ душѣ рѣдкая, будь имъ, моимъ ребятишкамъ, замѣсто

меня кормилецъ и отецъ!“ говорилъ онъ; сползъ съ лавки да въ ноги. А ребятишекъ послѣ него осталось пятеро— малъ-мала меньше. У нашего героя закружилась голова. И было отъ чего. Нужно знать, во-что обходится жизнь бѣднякамъ, чтобы представить себѣ положеніе бывшаго „богатаго наслѣдника“. Могъ-ли онъ, напр., мириться съ ежеминутными оскорбительными положеніями, съ тѣмъ постояннымъ третированіемъ, которыя по русскимъ общественнымъ нравамъ выпадаютъ на долю „сапожника“, или хладнокровно мириться съ голоданіемъ ребятъ, порученныхъ ему?...

Охваченный вліяніемъ „реальнаго, многозначительнаго факта жизни милліонной массы“, нашъ герой шепталъ: „Нѣтъ, не могу... Я ничтоженъ передъ этимъ фактомъ... Нѣтъ, нѣтъ! я—баринъ. Я все сдѣлаю, только не это, или не въ этой формѣ“... Встрѣтя товарища по опыту, столь же безсильнаго сладить съ жизнью, въ лицѣ одной сельской учительницы, нашъ герой бѣжитъ изъ деревни къ интеллигентному труду, чтобы съ помощью его выполнить принятыя на себя обязанности. Вдвоемъ они задумали еще разъ попробовать „обойти жизнь“, по выраженію самого героя. Какая сладкая мечта—изъ порученныхъ герою ребятъ и изъ другихъ сдѣлать настоящихъ людей, съ которыми такъ легко не управится „деревня“, съ которыми нужно будетъ ей считаться. И вотъ они проводятъ свою мысль въ жизнь. „Интеллигентнымъ“ трудомъ онъ добываетъ средства, а на нихъ содержится цѣлый питомникъ „людей“.

Но жизнь не обошли они, оказались безсильными передъ ея вліяніями. Изъ двухъ братьевъ, одинаково воспитанныхъ и обученныхъ ими, одинъ вышелъ кулакъ и баринъ, а въ результатѣ — разгромъ всей ихъ семьи, сдѣлавшейся не силой въ „деревнѣ“, а если хотите посмѣшищемъ для нея и развѣ ужъ предметомъ сожалѣній. Въ очеркѣ Златовратскаго подробно описанъ этотъ естественный актъ разложенія семьи, но мы не имѣемъ возможности воспроизводить его здѣсь. И такъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, герой нашъ сбитъ со всѣхъ пунктовъ и пришелъ къ необходимому, по его мнѣнію, „смиренію“ передъ „процессомъ жизни“, т.-е.

къ признанію своего безсилія передъ жизнью и ея вліяніями, къ отказу передѣлывать жизнь по излюбленной теоріи.

Необходимо небольшое отступленіе. Я знаю, знаетъ и авторъ очерка, найдутся представители великолѣпной практичности и мудрости житейской, которымъ всѣ эти тревоги и мученья и героя очерка, и автора, и критика покажутся нѣкотораго рода ребячествомъ. То-ли дѣло они, практики и мудрецы житейскіе, не способные увлечься ребяческими бреднями; они ужъ не будутъ сидѣть на стулѣ сапожника, а гордо и побѣдоносно... сочиняютъ отношенія и предписанія, или пишутъ счеты и накладныя, сообщающіе авторамъ солидные оклады и суммы... Боже мой, каждому свое! Но если бы жизнь замерла на уличной мудрости житейскихъ практиковъ, какая печальная умственная и нравственная пустыня царила бы кругомъ насъ! Да при томъ, по-правдѣ сказать, вѣдь стремленія практическихъ мудрецовъ тоже сводятся къ мечтаніямъ — правда не дѣтскимъ — обойти жизнь съ другого конца. Жизнь создаетъ и тѣ стремленія, которыя смѣшны мудрецамъ; все создается жизнью и все исправляется и.... уничтожается ею.

3.

Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды. Въ лицѣ Русанова передъ нами реакція окончившемуся возбужденному стремленію покончить съ такъ называемой „оторванностью“ интеллигенціи отъ народныхъ массъ. Насколько въ дѣйствительности существуетъ и въ чемъ состоитъ эта „оторванность“ — вопросъ иной; несомнѣнно однако тяготѣніе нашей лучшей интеллигентной среды стать ближе къ народу и опереться на него въ дальнѣйшемъ историческомъ теченіи жизни. Реакція ему, этому тяготѣнію, которая совершается на нашихъ глазахъ, даже въ средѣ самихъ народниковъ, естественно подраздѣляется на нѣсколько теченій. И самое грустное изъ нихъ, это именно — русановское; въ немъ измученность, въ немъ усталость отъ траты силъ, приведшихъ къ одному результату, къ „смиренію“ отчаянія... Нѣтъ сомнѣнія, что пережитое народничествомъ, такъ сказать „вер-

ховодническое“ направленіе, — верховодническое, а потому естественно и верхоглядническое,—должно было въ концѣ концовъ придти къ стѣнѣ. Нельзя игнорировать жизнь и думать, что хорошая теорія можетъ побѣдить міръ. И жизнь, хороша-ли она, или дурна — все-таки есть жизнь, нѣчто громадное и могучее, дающее фактическую возможность существованія многомиліоннымъ массамъ. А иной прежній народникъ смѣло шелъ въ народъ съ безвѣріемъ въ сердцѣ и на устахъ, не соображая, что вѣра находитъ корень въ сердцахъ народныхъ массъ уже потому, что она — единственная опора въ скорбяхъ моря житейскаго, не догадываясь, что даже и безчеловѣчно во имя теоріи разрушать жизненное начало, котораго и нечѣмъ замѣнить... И какой отпоръ получали эти люди въ народѣ!

Но съ другой стороны, представьте себѣ Русанова съ его чувствами и мыслями въ тотъ моментъ, когда назрѣвало дѣло народнаго освобожденія!... Онъ назывался Рудинымъ; но въ Рудинѣ было „что-то стремительное и молодое“, „его взоры всегда были устремлены въ будущее, гдѣ разверзались какія-то лучезарныя завѣсы“,—такъ характеризуетъ Рудина авторъ его. Таковъ ли Русановъ? О, нѣтъ! Въ немъ страстное отчаяніе, въ немъ отсутствіе вѣры въ личныя силы человѣка, и надежды только на фатально прогрессирующую жизнь массъ народныхъ, подобную надеждѣ врача исключительно на организмъ больного, для котораго, на основаніи этой надежды, онъ не хочетъ позаботится о лучшемъ положеніи и условіяхъ. Рудинъ былъ бы краснорѣчивымъ, хотя быть можетъ и не совсѣмъ практичнымъ дѣятелемъ освобожденія народа, а Русановъ былъ бы носителемъ „смиренія“ передъ крѣпостническимъ процессомъ жизни. Мы можемъ признать въ Русановѣ одну сторону большимъ шагомъ впередъ: это — отказъ отъ претензій верховодить жизнью, признаніе самыхъ правъ жизни. Но его смиреніе должно быть ограничено до той черты, за которою оно ведетъ къ отреченію отъ дѣятельности на жизненной нивѣ и къ „байбачеству“. Жизнь—дѣло людей, и каждый человѣкъ можетъ въ большей или меньшей степени стать двигателемъ ея.

Положеніе новыхъ русскихъ Гамлетовъ еще, быть можетъ, печальнѣе, чѣмъ ихъ предшественниковъ. Подобно Рудинымъ и Гамлетамъ Щигровскаго уѣзда, они признаютъ убѣжденія свои правыми; но въ противоположность тѣмъ, видѣвшимъ кругомъ себя только невѣжество и насиліе, они не могутъ отнестись уже слишкомъ отрицательно къ народной средѣ, не принимающей ихъ правды, должны допустить и въ ней особую „правду". Лиза, въ „Устояхъ", дѣйствительно и признаетъ „двѣ правды", но говоритъ она:—„двѣ правды не могутъ быть: онѣ должны слиться въ одну, или иначе погибнутъ обѣ!.." и какъ-то глухо сознаетъ, что именно ея правдѣ нѣтъ мѣста на свѣтѣ. Въ „Людяхъ стараго поведенія" Русановъ и Клеопатра и цѣлый рядъ другихъ личностей, всю жизнь въ сущности дѣятельно стремившихся принести пользу народу, имѣютъ въ концѣ концовъ лишь сознаніе, что никакихъ (будто бы) результатовъ не достигнуто и всюду вызваны ими же къ жизни невольно только вредъ и зло, тамъ, гдѣ они мечтали посѣять истинное и великое благо. И ихъ удѣлъ—приниженное безсильное признаніе факта, какъ призналъ свое безсиліе и ненужность со всѣми своими гуманистическими и цивилизаціонными идеями Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. Я знаю, что это сравненіе и сопоставленіе многимъ покажется обиднымъ и ненужнымъ; но пройдетъ одно поколѣніе, и едва ли кто усомнится въ близкой родственности нашихъ временъ и нашихъ интеллигентныхъ типовъ съ временами и типами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Но такъ ли дѣйствительно безполезны и способны вызывать только отчаяніе эти усилія, которыя выпали на долю Русановымъ и всѣмъ, искавшимъ жизни для народа и жизни для себя въ народѣ? Не очевидно ли, что эти люди, опять подобно стариннымъ Гамлетамъ и Гамлетикамъ, заѣдаются рефлексіей, и въ томъ именно смыслѣ, что каждое свое дѣяніе, каждую мысль подвергаютъ строжайшей ревизіи, какой не выдержать ничему на свѣтѣ, кромѣ развѣ абсолютной, но зато никому недоступной истины. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда не понялъ, что ему нечего сразу надѣяться на при-

знаніе, что дѣло его въ томъ, чтобы богатства образованія, полученнаго имъ, медленно и осторожно высѣвать на дикія поля, возрастившія лопухъ и плевелы, разсчитывая, что не одинъ онъ, что и другіе дѣлаютъ то же и что въ концѣ концовъ общія усилія не останутся безплодными; а онъ вмѣсто того сразу потребовалъ, чтобы всѣ поняли, всѣ приняли его идеи (которыхъ и доказать-то и провести въ общество онъ еще не выучился), и когда этого не случилось, опустился, бросилъ всѣ идеи и борьбу за нихъ и предался отчасти сладкому сознанію незаслуженныхъ униженій.

Но таковы же именно и Русановы и Лизы. Лиза учительствуетъ въ школѣ, въ деревнѣ, и когда оказывается, что она не достигаетъ *полныхъ*, предположенныхъ ею, почти идеальныхъ результатовъ, она опускаетъ крылья и предается терзаніямъ, вмѣсто того, чтобы понять, что не ей одной бороться противъ многочисленныхъ враждебныхъ ея идеямъ факторовъ жизни и что великая заслуга будетъ уже въ томъ, что у нихъ будетъ ею отбита хотя маленькая доля почвы; а при самомъ поверхностномъ взглядѣ очевидно ея вліяніе на ребятъ и на будущій бытъ деревни. Русановъ точно такъ же, доставивши образованіе, не шаблонную какую-нибудь способность краснорѣчить о всякихъ важныхъ матеріяхъ, а настоящую способность быть полезнымъ обществу, падаетъ духомъ оттого, что удалась ему только часть программы. Но когда же *все* удается? Не очевидно ли, что и эти „герои“ все еще „дѣла себѣ исполинскаго ищутъ“, что они все еще не удовлетворяются возможнымъ и на все смотрятъ съ личной точки зрѣнія, не хотятъ признать, что не они одни, а и другіе дѣлаютъ то же дѣло, и что каждому достаточно исполнить свой долгъ, а все прочее само собою приложится, такъ, какъ чему быть надлежитъ. Но у Русановыхъ—все они, на ихъ только сторонѣ правда, надѣяться какъ на нихъ больше не на кого, и если на пути ихъ постигаетъ неудача или даже не полная удача, то міру остается — отчаяніе.

Таковъ этотъ типъ новыхъ, народническихъ Гамлетовъ Русской земли. Окончаніе „Людей стараго поведенія“ —

„Конецъ Русанова“, не былъ бы понятенъ безъ разъясненія всего предыдущаго и всего типа. Сущность этого печальнаго конца въ томъ, что Русановъ, окончательно, на голову разбитый, по его мнѣнію, жизнью, пріѣзжаетъ домой, въ родную деревню, въ тѣ поля, которыя онъ нѣкогда даромъ отдалъ крестьянамъ, встрѣчаетъ тамъ все новое: фабрику и фабричные нравы, и уже никакъ не думаетъ встрѣтить тутъ знакомое лицо и сочувственное слово. И вдругъ, среди всѣхъ этихъ губительныхъ новыхъ условій жизни деревни, ему приходится встрѣтить возросшіе плоды нѣкогда тутъ посѣянныхъ имъ идеальныхъ стремленій. На самой фабрикѣ онъ встрѣчаетъ сохраняющаго о немъ дорогую память идеалиста въ лицѣ хозяйскаго сына, а на селѣ уже цѣлый кружокъ лицъ, умѣвшихъ понимать его. Русановъ, тронутый, потрясенный, умираетъ на могилѣ матери отъ разрыва больного сердца, не вынесшаго цѣлаго ряда мучительныхъ и сладкихъ впечатлѣній. Авторъ, такимъ образомъ, далъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе своему герою и своему читателю, показывая по меньшей мѣрѣ преувеличенность русановскаго отчаянія за себя. Мы говоримъ отчаянія *за себя*, потому что никто не смѣлъ бы отчаяться за народъ на томъ основаніи, что одному лицу не удалось провести въ него своихъ воззрѣній. Но если авторъ дѣйствительно далъ нравственное удовлетвореніе своему герою, успокоивши его тревожную душу, то читатель можетъ, въ виду всего вышеизложеннаго, уйти далеко не удовлетвореннымъ, испуганнымъ фатальною силою жизни, въ ничто обращающею усилія людскія, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ горькимъ сознаніемъ слабости авторскихъ героевъ, какъ-то непонятно скоро уступающихъ не жизни только, а и первому встрѣчному человѣку съ безцеремонно хищническими инстинктами.

Читатель можетъ найти и утѣшеніе. Оно въ томъ, что Русановы выходятъ на практическую дѣятельность прямо изъ кабинетовъ, или, если хотите—изъ комнатъ подъ чердаками, во всякомъ случаѣ не испытавши своихъ силъ въ общественныхъ дѣлахъ по той простой причинѣ, что настоящей общественной жизни у насъ въ дѣйствительности и не суще-

ствуетъ. Что же удивительнаго, если такой теоретикъ и кабинетный „думатель“, и далеко не всегда „мыслитель“, почтетъ, что на немъ одномъ только и виситъ весь опытъ обновленія народнаго; что удивительнаго, что онъ не приметъ въ разсчетъ фактическихъ условій дѣйствительности, предъявитъ къ жизни слишкомъ ужъ рѣзкія требованія и потому сразу уступитъ всякому опытному плуту. Потому что если настоящей общественной жизни у насъ нѣтъ, то это еще не значитъ, чтобы не было общественныхъ и частныхъ плутней и людей, отличающихся на этомъ поприщѣ великими способностями и опытностью...

Очеркъ Златовратскаго характеристиченъ и приводитъ насъ къ темѣ о различіи трехъ послѣднихъ десятилѣтій литературы,—къ темѣ, возбуждаемой полными собраніями сочиненій Григоровича, Левитова и Златовратскаго. Какъ велико различіе этихъ трехъ небольшихъ періодовъ русской литературы, можно наглядно судить, сравнивая хотя бы послѣднее произведеніе г. Златовратскаго, нами разсмотрѣнное, съ произведеніями Григоровича и Левитова. У Григоровича нѣтъ и вопроса объ отношеніяхъ между интеллигенціей и народомъ, вѣрнѣе сказать: все вниманіе автора устремлено на одно, на неестественность рабскихъ отношеній. Просмотрите всѣ типы „образованныхъ“ людей, выведенные въ произведеніяхъ Григоровича, и вы вездѣ встрѣтите нѣчто въ родѣ обличенія барства. Левитовъ, какъ истинный поэтъ, принимаетъ народное горе и всю стихійную русскую грусть не какъ предметъ для наблюденія и анализа, а какъ содержаніе его собственной души. Онъ не описываетъ горе и грусть, „печаль-тоску“, а самъ горюетъ и груститъ. Въ его произведеніяхъ поэтому вы не встрѣтите ни обличеній барства, ни восхищеній передъ нравственною красотою народа, и вообще ничего подобнаго. Смотрите на жизнь сами и судите ее какъ знаете, а поэтъ только отражаетъ жизнь. Гл. Успенскій и Златовратскій уже не тѣ: они ищутъ опредѣленій и характеристики какъ народа, такъ и интеллигенціи, и ихъ взаимныхъ отношеній.

Направленіе трехъ десятилѣтій естественно имѣетъ резоны, хотя грѣшитъ тѣмъ, что судитъ народную жизнь слишкомъ съ точки зрѣнія собственныхъ идеаловъ и потому не найдетъ и не укажетъ истинно-психическаго основанія, напримѣръ, такихъ явленій народнаго вкуса, какъ любовь къ колоколамъ, басамъ и т. п. Обыкновенно такіе вкусы находятъ просто глупыми. Но резоны направленія Успенскаго и Златовратскаго все-таки есть и — громадны. Народный бытъ долженъ былъ стать и сталъ предметомъ анализа. Златовратскій, разсматриваемый какъ народоописатель и анализаторъ, представляется идеалистомъ и идеалистомъ субъективнымъ; но на нашъ взглядъ онъ цѣненъ, какъ отразитель души русскаго народника. Въ „Устояхъ" онъ далъ обдуманнныя характеристики народника и его вліянія на народъ. Въ послѣднемъ очеркѣ онъ глубоко захватываетъ жизнь и психику русскаго человѣка, ищущаго примиренія съ народомъ, съ его бытомъ и внутреннимъ міромъ, конечно съ тѣмъ, чтобы послѣ и этотъ бытъ, и этотъ внутренній міръ двинуть впередъ по пути логическаго развитія и совершенствованія.

(1884).

МОИ ВИДѢНІЯ.

1.

Невозвратно прошли тѣ времена, когда отъ произведенія литературы требовалась преимущественно и почти единственно — красота формы. Да полно, и были ли такія времена на самомъ дѣлѣ? Конечно, несомнѣнно, что теоретическія „слова" такія были и гнетомъ отзывались иной разъ на писателѣ; но въ сущности, на самомъ дѣлѣ, едва ли когда какое-нибудь литературное произведеніе могло имѣть успѣхъ въ публикѣ, могло нравиться, если оно своимъ содержаніемъ не отзывалось на то, что томило и волновало читателя, если оно не являлось откликомъ на душевные запросы, созданные временемъ и обстоятельствами, или же вложенные въ человѣка вѣчными законами его мятежнаго духа. Это не значитъ, ко-

нечно, что форма безразлична для читателя; она важна для содержанія, для яркаго выраженія его, для передачи движеній души писателя душѣ читателя, и ея значеніе должно, по самой сущности дѣла, остаться навѣки нерушимымъ. Но все же, главное — содержаніе. Правда, сила таланта подкупающа, и пустая содержаніемъ форма можетъ прельщать глазъ и тревожить умъ и чувство,—но только до тѣхъ поръ, пока не разсмотрѣно будетъ, что за формой нѣтъ ничего. И если современники способны увлечься явленіемъ пустымъ и безсодержательнымъ, но отвѣчающимъ на запросы дня,—потому что могутъ быть иногда запросы на пустоту и безсодержательность,—то потомки всегда отдѣлятъ фальшь и выбросятъ за бортъ все, что не пригодится въ будущемъ.

Въ наше время всякій читатель ищетъ прежде всего содержанія, но обыкновенно не такого, какого онъ могъ бы желать въ силу мучающихъ его нерѣшенныхъ вопросовъ бытія, а лишь льстящаго его собственной мысли, увѣряющаго его, что всѣ мнѣнія его вполнѣ великолѣпны и превосходны. И чуть даже громадный талантъ, какъ Тургеневъ, Левъ Толстой или Достоевскій, возъимѣетъ дерзость смотрѣть на міръ Божій вопреки желаніямъ партійнымъ, по всей линіи литературной критики и публицистики начинается тревога, а за ней, какъ водится, упорная борьба. Но за этими увлеченіями и излишествами скрывается истина, настоящіе жизненные запросы общества, начинающаго сознательно относиться къ жизни, къ ея цѣлямъ и задачамъ,—настоящій критерій, съ которымъ нужно только обращаться сознательно, осторожно и безъ насилія надъ совѣстью читателей и писателей во имя партійныхъ воззрѣній, которымъ нѣтъ никакой надобности присвоивать себѣ исключительное обладаніе истиной и разумностью.

Но если примѣнить этотъ критерій къ современнымъ литературнымъ явленіямъ, на душѣ каждаго, кто только внимательно слѣдитъ за послѣдовательнымъ ходомъ литературы, не можетъ не стать тяжело и смутно. Мы часто относимся съ легкой ироніей къ сороковымъ годамъ, въ которые и въ литературѣ было такъ много рудинства, какъ и въ жизни.

Но если мы сравнимъ тѣ времена съ нашими, мы будемъ поражены огромной разницей ихъ. Сороковые года шли непосредственно за тѣми, которые, по мнѣнію Лермонтова, „не бросили вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“; но въ дѣйствительности въ нихъ если и не было что̀ дѣлать, то во всякомъ случаѣ было что̀ сказать, и литература тѣхъ временъ блещетъ яркою содержательностью,— потому-то она и была такъ богата и бросила впередъ, грядущимъ поколѣніямъ, столько „мысли плодовитой“. Но наше время далеко не отличается этою идейною содержательностью, глубиной воззрѣнія на жизнь и опредѣленностью—литературныхъ, по крайней мѣрѣ—задачъ и запросовъ.

Есть какъ будто бы въ такой постановкѣ вопроса какое то недоразумѣніе. Невольно становится передъ каждымъ вопросъ: да неужели же въ сорокъ слишкомъ лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, русская мысль только и съумѣла затемнить предстоящія обществу задачи, неужели же она съ тѣхъ поръ не окрѣпла, не рѣшила старыхъ вопросовъ, не вызвала, не поставила новыхъ, и неужели же задачи сороковыхъ годовъ могутъ представляться современной критикѣ значительнѣе и ярче тяжелыхъ вопросовъ нашихъ дней? Нѣтъ, — но не въ томъ дѣло. Каждое поколѣніе разрабатываетъ свои спеціальныя задачи, представляющія только различныя стороны человѣческаго существованія, и то главное, существенное, что̀ интересовало людей вчера, несомнѣнно будетъ интересовать и сегодня, потому что найдетъ свои отголоски въ нашей душѣ. Мысли и идеи сороковыхъ годовъ не чужды намъ и вѣкъ останутся родными для каждой живой души человѣческой, и если бы насъ поставить среди тогдашней жизни, мы не могли бы уйти отъ вопросовъ тогдашняго времени. Мы хотимъ сказать, что прошлое не синонимъ чуждаго или отсталаго, и можетъ ближе стоять къ истиннымъ запросамъ души человѣческой, чѣмъ самое настоящее. И такъ, не будемъ съ гордостью смотрѣть на „сороковые года“, какъ на нѣчто уже пройденное и теперь ненужное; тѣ освободительныя идеи, которыя лежали въ основаніи тогдашней литературы, не умерли и не умрутъ, пока будутъ Акакіи Акакіевичи, Фаму-

совы и Чацкіе, Рудины и иные,—а они будутъ еще безконечно долго, въ нѣсколько умѣренныхъ формахъ, разумѣется,—и тогдашняя литература еще долго будетъ трогать сердца и будить мысль и чувство истиннаго русскаго человѣка.

Что̀ же представляетъ собою литература послѣднихъ русскихъ дней по своимъ идеямъ и задачамъ, по своему существенному содержанію? Мы, конечно, не говоримъ о тѣхъ явленіяхъ литературныхъ, которыя такъ мѣтко заклеймлены извѣстнымъ афоризмомъ приснопамятнаго Кузьмы Пруткова: „Перо, пишущее для денегъ, смѣло уподоблю шарманкѣ въ рукахъ скитающагося иностранца". Что-жъ говорить о шарманкахъ и о скитающихся иностранцахъ? Мы говоримъ о явленіяхъ „искренней" литературы, создаваемой неотвратимыми душевными побужденіями высказаться, излить на бумагу горечь тяжкихъ накопившихся впечатлѣній и выстраданныхъ мыслей.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ той точки зрѣнія, на которой мы теперь поставили весь вопросъ, и произведенія совсѣмъ второстепенныя могутъ дать весьма важныя свидѣтельства. Обыкновенно второстепенные писатели, не идя по самостоятельному пути, а слѣдуя за другими, быть можетъ, съ большей яркостью указываютъ этотъ путь,—его недостатки по крайней мѣрѣ, скрывающіеся у писателей великихъ за общими и широко поставленными общечеловѣческими вопросами. Если существуютъ въ данное время литературныя идеи, то онѣ настолько же существуютъ у писателей второстепенныхъ, только въ сущности популяризирующихъ, упрощающихъ и принижающихъ то самое, что̀ самостоятельно и въ сильныхъ формахъ проявляется у великаго таланта. Второстепенные, и даже очень второстепенные, писатели нисколько не чужды идей, вращающихся въ лучшихъ умахъ времени: они ихъ всегда подхватываютъ и разрабатываютъ посильно. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія и писатель второстепенный—тоже не съ неба свалившійся человѣкъ, а представляетъ одно изъ звеньевъ цѣлой длинной цѣпи явленій,—и можетъ дать ясныя и вѣрныя представленія о всемъ теченіи литературы; въ немъ

общее и большое современныхъ дѣлъ и мыслей отражается „какъ солнце въ малой каплѣ водъ“.

2.

Но съ той точки зрѣнія, которую мы намѣтили выше,— съ точки зрѣнія содержанія, опредѣленности идей, мыслей и чувствъ, волнующихъ авторовъ, впечатлѣнія наши будутъ не блестящи.

Передъ нами разсказъ Н. Златовратскаго — „Мои видѣнія“. Содержаніе его поражаетъ не одною несомнѣнною странностью, но и одушевленіемъ, силою чувства и силою выраженія. Но еще Бѣлинскій, въ пору наибольшей зрѣлости своего критическаго таланта и своихъ воззрѣній, сказалъ, что „одушевленіе, полетъ, даже сила выраженія — все это мало имѣетъ цѣны при отсутствіи содержанія, при недостаткѣ идей“. Итакъ, не будемъ останавливаться съ комплиментами насчетъ чуткости, душевной отзывчивости автора, глубины его чувства, очевиднаго страданія надъ судьбами человѣчества, — и обратимся къ содержанію, къ тому, что̀ сказалъ авторъ, что̀ хотѣлъ сказать. Видѣнія автора не совсѣмъ незнакомы многимъ читателямъ. Главнѣйшая половина въ нихъ принадлежитъ „большому человѣку, умѣвшему читать въ сердцахъ людей и говорившему: „не противьтесь злу насиліемъ“. Какъ видитъ читатель, этотъ большой человѣкъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей нашихъ, съ его довольно извѣстнымъ письмомъ о „непротивленіи злу“. Не зачѣмъ читать разсказъ Златовратскаго, чтобы знать „ученіе“ этого большого человѣка? во первыхъ, оно слишкомъ коротко и неясно изложено въ разсказѣ, и, во-вторыхъ, слишкомъ извѣстно изъ многихъ его произведеній, хотя тамъ оно и выражено въ другихъ формахъ.

Но вѣдь не въ формахъ дѣло! Развѣ Каратаевъ въ „Войнѣ и мирѣ“ не есть именно эта же самая проповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ, выраженная въ необычайно рельефныхъ краскахъ? Суть содержанія разсказа г. Златовратскаго—въ картинкахъ жизни и людского страданія, страст-

нымъ образомъ протестующихъ противъ предоставленія злу простора царствовать и ликовать безпрепятственно, не встрѣчая никакого отпора, никакого противорѣчія. „Безконечная вереница образовъ неустанно посилась“ передъ тѣмъ „маленькимъ человѣкомъ“, въ уста котораго авторъ влагаетъ разсказъ. „Тутъ собрались всѣ, живые и умершіе, всѣ, которыхъ онъ когда либо встрѣчалъ въ жизни, и тѣ, которыхъ онъ никогда не видывалъ; тутъ были его братья и сестры по духу и крови, были его дѣти и дѣти его дѣтей, были его дѣды и отцы, и дѣды и отцы его друзей“... И всѣ, въ этомъ пестромъ кошмарѣ видѣній, обращали въ нему „полные тоски, муки, умоляющіе взгляды, всѣ томимые неудовлетворенной жаждой“. И опять, и опять явились эти образы, пока заповѣдь большого человѣка: „не противься злу“, повергала маленькаго человѣка въ совершенно иной міръ, безъ видѣній, безъ грезъ, ставила передъ непереходимой бездной чего-то невѣдомаго и непонятнаго.

Потомъ авторъ узнаетъ личную судьбу героя. Онъ, почти единичными усиліями, вывелъ всю семью своего отца изъ жизни чисто деревенской до такъ называемаго образованія, и теперь, не видя смысла и цѣли жизни, и понимая, какъ много въ новомъ образѣ жизни его непримиримаго противорѣчія со всѣмъ, что̀ можно назвать лучшимъ во всемъ человѣческомъ существованія, съ отчаяніемъ сознаетъ необходимость вернуться къ землѣ, на просторъ рабочей деревни, и приглашаетъ туда сестру Липу, актрису. Дѣвочка эта тоже страстно томится неудовлетворенностью жизни, и въ одно изъ свиданій съ братомъ со слезами, со сдавленными воплями почти, говоритъ брату: „Ваня, зачѣмъ мы родились? Зачѣмъ мы живемъ?“—Но вѣдь, Липочка, ты сама выбрала сцену... Ты была такъ довольна, помнишь?—„Да, да. конечно, голубчикъ мой, помню... Святое искусство! Проклятое искусство! Кровожадное искусство! Сколько человѣческихъ жертвъ еще ему надо?“... Но и томленія дѣвы, и порыванія художника и литератора-героя остаются безотвѣтны. Герой обращается все въ той же заповѣди „большого человѣка“, томится несказанно, говоритъ Липочкѣ, на другой же день

послѣ томленій ея по цѣли жизни уже предающейся веселымъ мечтамъ о тѣхъ мѣстахъ, „гдѣ искусство всего міра“ и пр.: „Липочка жива!... Тебѣ простится... а я...“, и потомъ исчезаетъ на вѣки, такъ что „ни авторъ, ни знакомые его уже нигдѣ его не встрѣчали“...

Быть-можетъ авторъ хотѣлъ сказать своимъ разсказомъ нѣчто и совершенно опредѣленное и ясное. Но читатель можетъ остановиться въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Герой, насколько можно судить, весьма былъ увлеченъ и утѣшенъ ученіемъ о непротивленіи злу; но тогда при чемъ это исчезновеніе? Есть ли какая-нибудь возможность согласить это ходячее нынѣ полумиѳическое, полумистическое возвращеніе „къ землѣ“, если оно по крайней мѣрѣ не обозначаетъ смерти, съ непротивленіемъ злу, и т. п.? Не думаемъ, чтобы можно было въ разсказѣ Златовратскаго найти утѣшеніе отъ скорбей нашего времени или разрѣшеніе ихъ сфинксообразнаго, загадочнаго смысла. Если онъ хочетъ сказать, что непротивленіе злу есть альфа и омега человѣческаго существованія, которой суждено спасти міръ человѣческій, то намѣреніе осталось невыполненнымъ. Да и невѣроятенъ самый выводъ этотъ. Всѣмъ извѣстна литературная быль, что человѣкъ, публично и литературно заявившій, что онъ нашелъ смыслъ жизни въ текстѣ: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“,—не вынесъ этого тяжкаго смысла жизни и покончилъ съ собою...

А затѣмъ остается одно: признать, что въ разсказѣ Златовратскаго ярко отразились только мученическія муки чуткаго и живого человѣка, поставленнаго въ водоворотѣ и столкновеніи мыслей и бѣдствій нашего вѣка, мечты и дѣйствительности, великихъ идей и фактовъ расхищеній и яростнаго грабежа,—человѣка, видящаго все это, ищущаго пути и указанія, и встрѣчающаго передъ собою только спускающійся мракъ и смерть. Если разсказъ Златовратскаго и характеристиченъ, то именно въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ муки исканія истиннаго пути. Златовратскій, представляющій собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полную противоположность Гл. Успенскому, въ этомъ смыслѣ представ-

ляетъ съ нимъ явленіе однородное. Г. Успенскій, такъ же зорко и чутко приглядываясь къ жизни, ищетъ и смысла ея и въ частности смысла „народничества“ въ самомъ народѣ, въ его жизни, душевномъ складѣ, міровоззрѣніи и обычаяхъ. Но Глѣбъ Успенскій дѣлаетъ выводы, хотя иной разъ и поспѣшные, онъ идетъ къ нимъ, ищетъ ихъ; а Златовратскій только страдаетъ передъ неразрѣшимостью загадокъ жизни...

Златовратскій неоспоримо обладаетъ замѣчательною силою таланта, и его болѣзненные образы болѣзненно дѣйствуютъ на душу читателя. За нимъ поэтому остается преимущество всякаго поэта—принести пользу читателю уже тѣмъ, что сонная душа читателя всколыхнется и проснется, въ ней вновь потекутъ плодотворныя распри мыслей и чувствъ и не дадутъ навѣки заснуть человѣку. Но что̀ сказать про писателя съ меньшимъ талантомъ? что̀ онъ могъ бы сказать читателю при направленіи Златовратскато, при томленіи разнообразными мыслями и чувствами времени и при сознаніи одной только невозможности, недоступности анализа ихъ?...

(1885).

ГОРОДЪ РАБОЧИХЪ.

1.

„Городъ рабочихъ“ Златовратскаго несомнѣнно обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ истинныхъ друзей русской литературы. Но... представляетъ-ли собою г. Златовратскій одного изъ тѣхъ немногихъ, кто могъ бы служить опроверженіемъ столь постоянныхъ нынѣ и по временамъ обостряющихся жалобъ на современное литературное „оскудѣніе“, и есть-ли его очеркъ одно изъ такихъ литературныхъ явленій, на которомъ литературный критикъ могъ бы безбоязненно остановиться, утѣшеннымъ и неопасающимся, что онъ заслуживаетъ упрекъ въ излишнемъ утомленіи драгоцѣннаго вниманія публики?.... Писателю, если онъ не льститъ своими

тенденціями вкусамъ читателей, предъявляются трудно удовлетворимые запросы. Да и кто же не согласится предъявить къ литературѣ такое требованіе, чтобы въ ней появлялись все шедёвры! Какой великій народъ былъ бы тотъ, какая великая страна была бы та, гдѣ еженедѣльное литературное обозрѣніе непремѣнно приносило бы извѣщеніе о двухъ-трехъ великихъ произведеніяхъ литературы, предложенныхъ на усмотрѣніе и на наслажденіе читателей! И если бы въ этомъ фактѣ было какое неудобство, такъ развѣ единственно въ томъ, что не нашлось бы людей и времени у нихъ, что-бы ежегодно перечитать сотни шедевровъ, и что въ немногіе годы накопилось бы такое множество великихъ литературныхъ произведеній, что они потеряли бы свою цѣну и стали бы явленіями обыденными, а не великими и рѣдкими.

Въ самомъ дѣлѣ, серьезно говоря, литература существуетъ совсѣмъ не для того, чтобы создавать шедевры, какъ человѣческій міръ существуетъ не для того, чтобы были на свѣтѣ великіе люди. И если человѣкъ можетъ возвыситься до великаго, и если литературное произведеніе можетъ оказаться великимъ (и то и другое во всякомъ случаѣ не обязательно), то факты эти будутъ счастливыми случайностями, передъ которыми удивленіе — законная дань человѣчества. Но съ другой стороны, пусть лучше не существовалъ бы человѣческій міръ, если бы ему суждено было никогда не возвыситься до великаго, и литературное произведеніе только тогда имѣетъ смыслъ и значеніе, когда оно отражаетъ вѣчный человѣческій духъ, съ его идеальными стремленіями, когда оно удовлетворяетъ лучшимъ свойствамъ человѣческой природы, а не ея низменнымъ сторонамъ. Пусть литературное произведеніе не будетъ возвышаться до вѣчной красоты созданія генія, но пусть въ немъ будутъ благородныя мысли и чувства и то стремленіе къ будущему, къ совершенствованію, къ истинѣ и къ вѣчному добру, безъ котораго оно превращается въ нѣчто худшее, чѣмъ „легкое чтеніе“, забава, утѣха празднаго любопытства.

Есть — можетъ быть, вѣрнѣе было бы сказать: было —

мнѣніе, что истинный талантъ неотвратимо выводитъ писателя на благородные пути, что великій даръ „глаголомъ жечь сердца людей“ не можетъ принадлежать никому иному, какъ пророку, устами котораго „Богъ гласитъ“. Такъ, нужно думать, и было всегда, пока поэтъ еще не обращалъ своего таланта на служеніе золотому тельцу; тогда онъ провозглашалъ „любви и правды чистыя ученья“, тогда ему приходилось и „пепломъ посыпать главу“, и „изъ городовъ бѣжать нищимъ“... Но въ нашъ вѣкъ „промышленной цивилизаціи“, когда поэтъ сталъ мастеромъ литературнаго цеха, а поэзія— источникомъ доходовъ, далеко не всегда талантъ можетъ служить ручательствомъ за честь, за смыслъ, за истину, за „благородство“ литературнаго произведенія...

Но, разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, Златовратскій по-истинѣ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ праведникамъ, ради которыхъ можетъ быть помилованъ современный литературный Содомъ. Г. Златовратскій впадаетъ въ заблужденія, въ ошибки, потому что „ошибаться—свойственно человѣку“; но его произведенія носятъ на себѣ печать такой трогательной искренности, такой неподкупности вольной и невольной, не уступающей ни матеріальнымъ интересамъ, ни партійнымъ пристрастіямъ, что читатель невольно влечется къ автору, живетъ его чувствами и мыслями и, несомнѣнно, „возвышается духомъ“. Притомъ симпатичный и живой талантъ автора дѣлаетъ свое дѣло: образы, рисуемые г. Златовратскимъ, не проходятъ для читателя блѣдными тѣнями; они овладѣваютъ воображеніемъ.

Читатель нерѣдко совершенно понимаетъ, что въ произведеніи г. Златовратскаго онъ имѣетъ дѣло не съ настоящей живой дѣйствительностью, какъ думаетъ самъ авторъ, а только съ авторскими о ней представленіями; но эти авторскія представленія — не результатъ сочинительства, желанія подогнать факты такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ ясно вытекала взлелѣянная авторомъ мысль, а простые результаты его чувствъ передъ дѣйствительностью видѣнной, впечатлѣній дѣйствительно полученныхъ и продуманныхъ, — быть можетъ преувеличенныхъ впечатлѣній, но вѣдь авторъ не

имѣетъ привилегіи на истину и непогрѣшимость. Оттого-то читатель и выноситъ обыкновенно изъ произведеній г. Златовратскаго цѣлостное и живое впечатлѣніе, оттого и жизнь, изображаемая имъ, кажется „натурой“. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ — идеалистъ въ дѣлѣ литературнаго творчества; онъ создаетъ идеалы жизни, по крайней мѣрѣ обобщенія лучшихъ ея сторонъ; но онъ и самъ думаетъ, и читателя склоняетъ вѣрить, что представляетъ вамъ неприкрашенную суету мірскую, со всѣми ея злыми сторонами, горемъ, неправдою и всяческими печалями.

Все вышесказанное примѣнимо, впрочемъ, главнѣйшимъ образомъ, къ прошлому литературной дѣятельности г-на Златовратскаго; въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ онъ далеко ушелъ отъ тѣхъ идеальныхъ представленій о наличной русской дѣйствительности, которыя такъ ярко выразились въ „Крестьянахъ присяжныхъ“ и въ „Золотыхъ сердцахъ“. Всеразлагающее время давно уже разрушило самую возможность вѣры въ идеальную непорочность крестьянской и всякой жизни, и г. Златовратскій цѣлымъ рядомъ послѣднихъ очерковъ засвидѣтельствовалъ о пессимистическихъ сторонахъ своихъ воззрѣній на дѣйствительность. Теперь, при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи, вы уже не найдете особенной разницы между Гл. Успенскимъ и нашимъ авторомъ, а еще недавно было время, когда они могли быть противопоставлены другъ другу.

Содержаніе очерка г. Златовратскаго, „Городъ рабочихъ“, состоитъ почти въ простой передачѣ вынесенныхъ авторомъ впечатлѣній. Въ немъ отвѣтовъ, рѣшеній, которые говорили бы вамъ о будущихъ путяхъ народа, вы не найдете; но вопросовъ сколько угодно. Вѣрнѣе: передъ читателемъ одинъ сплошной вопросъ, въ которомъ разобраться не подъ силу цѣлымъ десятилѣтіямъ. И автору, по самому уже его темпераменту склонному ко всякой вѣрѣ и надеждамъ, въ виду охватившей его путанницы дѣлъ и отношеній, осталось только обратиться къ неопредѣленному афоризму: „гдѣ есть живые люди, тамъ будетъ и жизнь“, и на него возложить всѣ упованія. Да въ

сущности автору пожалуй и нечего было больше сказать на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя были передъ его глазами.

2.

Авторъ приближается къ большому, бойкому, богатому селу кустарей, сопровождаемый двумя спутниками, вѣчно пререкающимися. Первое впечатлѣніе его — прекрасное. „А вѣдь здѣсь, дѣйствительно, хорошо у васъ, какъ хотите, и я начинаю не довѣрять вамъ,—говоритъ онъ своему спутнику-пессимисту.—Судя по тому, какъ вы расписывали свою „милую родину“, я не ожидалъ вступить въ нее въ такомъ хорошемъ настроеніи“. — „Да, природа — ничего, жить можно. А вотъ посмотримъ, что-то вы скажете послѣ, когда увидите нашего „царя природы“, — сурово отвѣтилъ тотъ.

И вотъ нашъ авторъ наблюдаетъ „царя природы“. Пессимистъ помогаетъ ему. Характеризуя этотъ „городъ“, гдѣ существуетъ „вѣче“, гдѣ идутъ хлопоты о переименованіи и перестройкѣ селенія въ настоящій городъ съ городскимъ управленіемъ, гдѣ есть масса богатыхъ рядомъ съ рабочею бѣднотою, пессимистъ говоритъ автору: „Это возмутительно! Вы только представьте себѣ: міроѣдъ, который никому вздоху не даетъ, который расходуетъ всѣ общественныя деньги безъ всякаго контроля, самый этотъ контроль дѣлается немыслимымъ, потому что ихъ пресловутое *вѣче*, — это не больше, какъ двухтысячное стадо барановъ, изъ которыхъ половина этимъ *самимъ* закуплена, запоена, задобрена, а другая — запугана, задавлена... Вѣдь это... это одинъ ужасъ!“ И онъ прибавляетъ къ этому, что въ селѣ на десятитысячное рабочее населеніе одно училище, больница только на три койки — и больше никакихъ общественныхъ заведеній безусловно. „Вы книги, самой пустѣйшей книжонки ни у кого не встрѣтите! Вотъ вамъ и „городъ рабочихъ!... Вѣче!“ Необыкновенно характеристично то, что такъ говоритъ не одинъ этотъ завтрашній кандидатъ, вышедшій изъ среды, непосредственно соприкасающейся съ народомъ, — онъ сынъ священника, — но что подобныя воззрѣнія не чужды самой народной средѣ.

Иначе смотритъ и иначе видитъ другой спутникъ нашего автора, настроенный оптимистически и весело смотрящій на будущее своего родного села, — онъ настоящій сынъ народа, сынъ этого самаго города рабочихъ, „когда-то сбѣжавшій съ послѣднихъ курсовъ бурсы въ народные учителя“. Онъ вѣритъ въ одно, — въ „человѣческое сознаніе“; онъ говоритъ: „Смотрите не назадъ, а впередъ — и вотъ вамъ и вѣра!.. Впрочемъ ее не передать. Она вотъ здѣсь, въ этихъ мускулахъ, въ жилахъ... Если одрябли, отжили они у тебя (онъ обращается къ пессимисту-кандидату), такъ за то у меня только еще наливаются!...“ Съ нимъ именно и соглашается авторъ, сознавая свой вышеприведенный афоризмъ.

Но личныя его наблюденія въ читателѣ производятъ опять иное впечатлѣніе, возбуждаютъ иныя чувства. Когда вы воочію видите, что масса населенія зависитъ исключительно и неизбѣжно „отъ замка“, работая съ дѣтства до старости и съ утра до вечера, что они „рабы... рабы вотъ этой самой вещи, вотъ этого замка!.. замокъ — тутъ намъ и жизнь и смерть“; когда вы ясно понимаете, что напрасно „грызутся всѣ изъ-за замка“, что уже приходитъ фабрикантъ, и населенію предстоитъ еще большее и тягчайшее рабство, неизбѣжное, дѣлающее и теперь уже всѣ артѣи, артели и всякія взаимопомощи весьма шаткими и неустойчивыми; когда вы наконецъ понимаете всю тщету борьбы бѣдноты съ „богатѣями“, добьются ли, или не добьются тѣ для своего села Городоваго Положенія съ его „цензами“ и упраздненіемъ деревенскаго міра; — когда вы все это переберете по очерку же Златовратскаго, вамъ становится жутко, вы не можете не предвидѣть близкой суровой борьбы города кустарей за самое свое существованіе. И если вы признаете всеутѣшающій авторскій афоризмъ, то развѣ лишь въ одномъ смыслѣ, въ томъ именно, что „въ будущемъ Богъ воленъ“ и что „все перемелется — и мука будетъ“.

Само-собою разумѣется, что должно же все въ этомъ городѣ переработаться и преобразиться, сообразно съ новыми обстоятельствами; что не выдержитъ борьбы — вымретъ, что успѣетъ спастись, уцѣлѣть, — будетъ не безъ веселья и радости

продолжать жизненный путь; и въ этомъ только смыслѣ и будетъ дѣйствительно жизнь тамъ, гдѣ останутся живые люди. Но вѣдь этого не стоило выражать ни образами, ни просто словами. И если кто-нибудь и понялъ бы весь очеркъ въ смыслѣ проведенія этой самой незатѣйливой въ сущности мысли, то ошибка его была бы чрезвычайна. Быть можетъ, и самъ авторъ не чуждъ стремленія поставить эту мысль въ центрѣ очерка, но и это ничего не доказывало бы. И смыслъ всего очерка можетъ быть только одинъ.

Излагать въ беллетристической формѣ тѣ общеизвѣстныя и общепонятныя вещи, что грядущая фабрика всюду грозитъ кустарямъ и тому подобное,—совершенно не стоило труда; доказывать, что борьба кустарей должна окончиться „жизнью живыхъ людей", т.-е. тѣхъ, кому удастся спастись въ борьбѣ, — еще неблагодарнѣйшая задача. Гораздо мрачнѣе, конечно, но справедливѣе видѣть въ очеркѣ простую картину того безпокойнаго состоянія и неопредѣленности самыхъ стремленій, непреоборимости жизненнаго теченія въ складывающихся передъ борьбою обстоятельствъ. Авторъ въ туманной перспективѣ, волею и неволею, показываетъ читателю грядущія бѣдствія въ тревожномъ инстинктивномъ предчувствіи ихъ; въ этомъ-то и заключается жесткій смыслъ жизненной картины, проходящей передъ глазами читателя, нѣсколько „отводимыми", по-правдѣ сказать, самимъ авторомъ съ его афоризмомъ, вѣрой и надеждами.

Предчувствіе грядущихъ страданій въ огромномъ селеніи, обреченномъ на непосильную, но неизбѣжную борьбу—вотъ смыслъ очерка Златовратскаго. Борьбу, повторяемъ, неизбѣжную и уже начавшуюся яркими симптомами. Авторъ представляетъ разрѣшеніе фатальной проблемы менѣе труднымъ. Онъ, теоретически разсуждая, думаетъ: будь побольше человѣчности въ населеніи рабочаго города — и все разрѣшилось бы благополучно. Онъ съ огромнымъ сочувствіемъ останавливается на незнакомцѣ, мелькнувшемъ на мгновеніе, но оставившемъ ясное впечатлѣніе. „Что же всѣмъ имъ мѣшаетъ... соединиться, сжиться"—спрашиваетъ его авторъ про жителей города. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него долго,

внимательно, потомъ задумчиво сказалъ: — „Отъ страха“. — Предъ чѣмъ же? — „Отъ жизни запужены... А напрасно... Только бы... одно слово... отъ сердца глубины... всѣмъ бы... И окрылѣютъ!... И... хорошо! Славно“.

И авторъ, видавшій передъ тѣмъ, какъ быстро сгоняютъ съ заботливыхъ уже ребячьихъ лицъ всю тоску суровой жизни дѣйствительно одно-два ласковыхъ слова, согласенъ возложить надежды на „одно слово отъ сердца глубины“, видѣть въ немъ средство избавленія отъ грядущихъ золъ и бѣдствій. Въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего новаго и исключительнаго для нашего времени, это—все та же расчлененная на частный случай теорія будущаго человѣческаго счастія при помощи личнаго совершенствованія всѣхъ безъ исключенія членовъ общества. И авторъ, и принимаемая имъ теорія, быть можетъ, и оказались бы правы, если бы „слово отъ глубины сердца“ способно было бы уничтожить конкуррирующую фабрику, смягчить страданія голодной семьи, которой уже пересталъ помогать „замокъ“, заставить отказаться отъ работы и заработка, т.-е. насущнаго хлѣба, въ пользу добраго сосѣда, и самому при томъ дать средства не голодать и не страдать... Но „слово“ этого не сдѣлаетъ, и страданія рабочаго города имъ неустранимы. Самое отсутствіе и безсиліе этого „слова отъ глубины сердца“—не есть-ли симптомъ борьбы, ожесточающей, озвѣряющей человѣка, уже начавшейся, дѣйствующей?

Наше толкованіе очерка Златовратскаго не принижаетъ его, не разрушаетъ его значенія, напротивъ, поднимаетъ, раскрываетъ въ немъ ту сущность, которая закрыта для читателя ложнымъ отношеніемъ самого автора къ изображаемымъ фактамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ „проводить“ въ беллетристическомъ произведеніи неновую общественную, да къ тому же не оправданную, мысль? Зачѣмъ въ беллетристической формѣ сообщать читателю, что есть на свѣтѣ кустари и фабрики, и что фабрики побѣждаютъ и уничтожаютъ кустарей? Развѣ это недостаточно извѣстно!

Но какъ скоро вы становитесь на психологическую точку зрѣнія, хотите видѣть въ очеркѣ г. Златовратскаго намѣ-

реніе передать вамъ образно, доступно, душевное настроеніе цѣлаго огромнаго селенія, переживаемое въ переходный моментъ, въ моментъ перестройки всѣхъ его дѣлъ и отношеній, обѣщающей массу страданій, уже виднѣющихся въ перспективѣ, — тогда все приходитъ въ порядокъ, и передъ читателемъ выступаетъ не голая, извѣстная ему, прописная или совершенно истертая мораль, а новый міръ своеобразныхъ типовъ, міръ своеобразныхъ отношеній, надеждъ, разочарованій, страха передъ грядущими испытаніями, словомъ, высоко интересный міръ радостей и скорбей человѣческихъ.

Позволительно думать, что Златовратскій еще ярче, еще значительнѣе представилъ бы картину передъ читателемъ, если бы онъ яснѣе понималъ и сознавалъ совершаемое имъ дѣло, если бы на немъ и на его произведеніи не отражалось „время тенденцій", когда авторъ долженъ заботиться не о томъ, чтобы съ возможной полнотой и объективностью, т.-е. безпристрастіемъ, передать существующія явленія житейскаго моря, а чтобы непремѣнно доказать извѣстную нехитрую „идею", обставивши ее хотя бы и присочиненными фактами. Мы, кстати сказать, гораздо бо́льшаго мнѣнія о талантѣ Златовратскаго, чѣмъ имѣли бы право на основаніи совокупности его произведеній. И если и теперь они служатъ ручательствомъ за глубокое и оригинальное дарованіе, то, при бо́льшей свободѣ мысли, при большей ширинѣ захвата и безтенденціозности, Златовратскій могъ бы подарить русскую литературу яркой картиной русской душевной жизни.

(1885).

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3011
V8
1910

Vvedenskii, Arsenii
Ivanovich
Literaturnyia kharakte-
ristiki

Переплетная

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 10 08 01 025 3